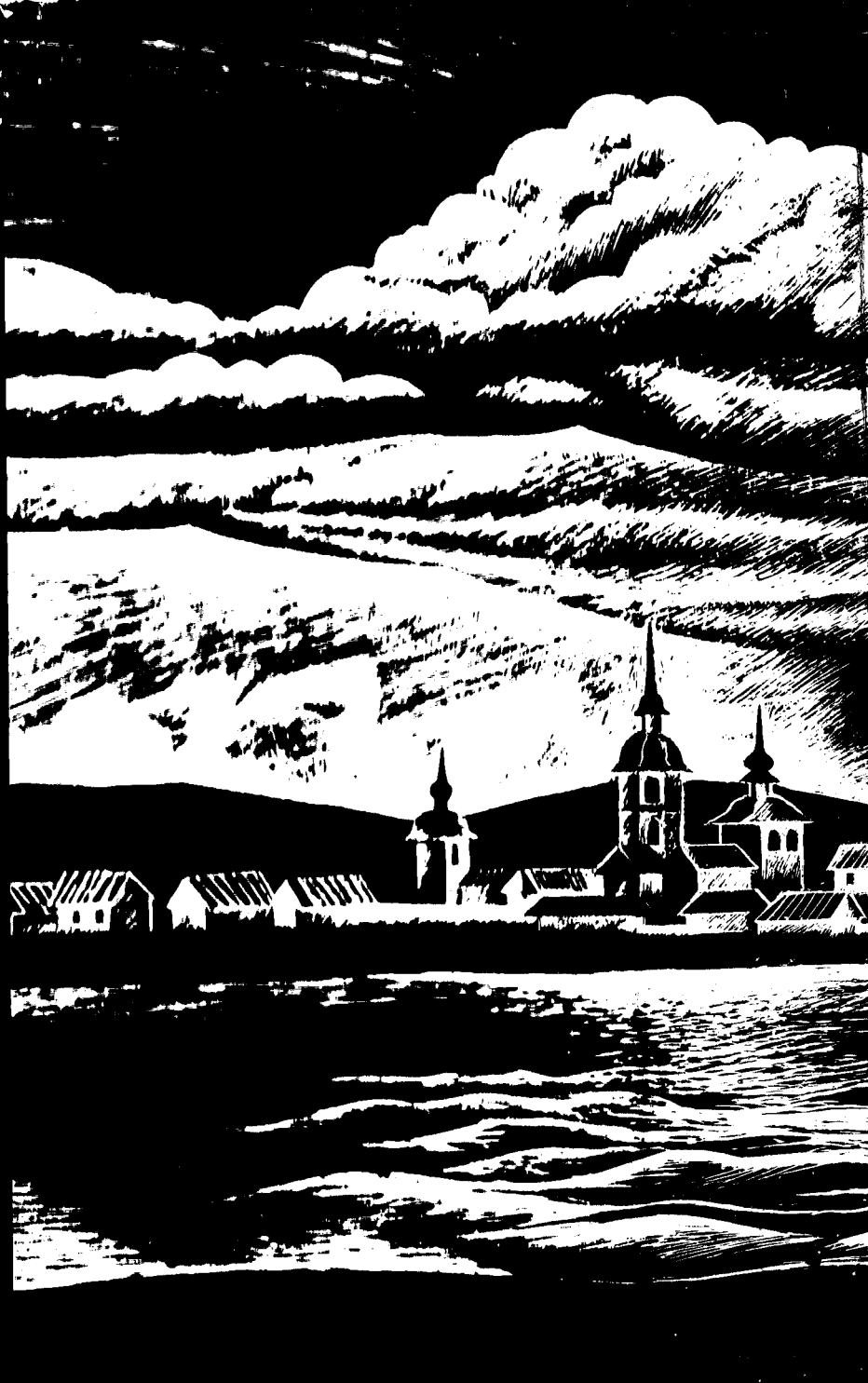

С П П

**СЕРИЯ
«ПОЛЯРНАЯ
ЗВЕЗДА»**

**Документы
и материалы**

С. П. ТРУБЕЦКОЙ

МАТЕРИАЛЫ О ЖИЗНИ И РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ТОМ 2

ПИСЬМА,
ДНЕВНИК 1857—1858 гг.

Иркутск Восточно-Сибирское книжное издательство
1987

Издание подготовлено
В. П. ПАВЛОВОЙ

Ответственный редактор
И. В. ПОРОХ

Рецензент Э. А. ПАВЛЮЧЕНКО

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА»

Главный редактор
чл.-кор. АН СССР И. Д. КОВАЛЬЧЕНКО

Ю. И. Бурькин, С. В. Житомирская (зам. главного редактора), Б. И. Каптелов, С. Ф. Коваль (зам. главного редактора), М. Д. Сергеев (отв. секретарь), Р. В. Филиппов, В. П. Шахеров, Н. Я. Эйдельман

Хоть кровь уже стынет в жилах,
а сердце все еще горит тою же лю-
бовию к народу, к которому по воле
провидения принадлежу и которому
служил, как умел.

С. П. Трубецкой

ДЕКАБРИСТ СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ ТРУБЕЦКОЙ

В ночь с 23 на 24 июля 1826 г. из ворот Петропавловской крепости выехали четыре крытых возка с партией декабристов, осужденных Верховным уголовным судом по I разряду на каторжные работы в Сибирь. Это были С. П. Трубецкой, С. Г. Волконский, братья А. И. и П. И. Борисовы. Партию сопровождал фельдъегерь Куэт (Куста) с четырьмя жандармами¹.

Путь осужденных лежал из Петербурга в Иркутск по северной дороге в обход Москвы через Тихвин — Рыбинск — Ярославль — Нижний Новгород — Казань — Пермь — Екатеринбург — Тюмень — Тобольск — Нижнеудинск — Иркутск (5725 верст). В Пелле — первой станции от Петербурга — Трубецкому удалось повидаться с женой и братом Александром, приехавшими проститься с ним. Екатерина Ивановна получила устное согласие царя следовать за мужем в Сибирь и намеревалась 24 июля отправиться в Москву за письменным разрешением на выезд.

Для Трубецкого дорога была очень тяжелой и в физическом и в нравственном отношении: сказывались долгое содержание в крепости без воздуха и нормальной пищи, нервное напряжение, связанное с гибелью пятерых товарищей, с жестоким приговором; мучили горькие раздумья о правильности избранной им линии поведения в период восстания и в ходе следствия², воспоминания о прощании «навечно» с друзьями, родными, близкими,

¹ ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826, д. 61, ч. 1 (прилож.), л. 32.

² Об этом см. вступ. ст. к кн.: Трубецкой С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1983, т. 1 (далее: Трубецкой, т. 1).

мысли о неопределенности положения жены, ехавшей вслед за ним. Давали знать нездоровье и непрерывная тряска в пути. Ехали быстро. В Костроме фельдшер разрешил Трубецкому написать письмо жене, за что получил впоследствии «соответствующее внушение»³.

В ночь на 29 августа прибыли в Иркутск, где встретились с остальными товарищами, отправленными с первой партией двумя днями раньше: Е. П. Оболенским, А. И. Якубовичем, В. Л. Давыдовым и А. З. Муравьевым.

В Иркутске декабристы «свезены были к правящему должности гражданского губернатора председателю губернского правления Горлову»⁴. По его распоряжению с них сняли кандалы и освободили от конвоя.

Трубецкой, Волконский и братья Борисовы были направлены на Николаевский винокуренный завод в 70 верстах от Иркутска. Остальных распределили по другим заводам.

Согласно специальной инструкции узникам воспрещалось «постороннее сношение», тайная с кем-либо переписка (все поступающие письма направлялись запечатанными к иркутскому гражданскому губернатору И. Б. Цейдлеру), общение с другими ссыльными, разговор на иностранных языках. Местные власти должны были обращать особое внимание на образ жизни декабристов, на их беседы между собой и с посторонними, а также на «расположение духа». Об исполнении предписанных мер уполномоченное лицо обязано было доносить начальству. Декабристам разрешалось обзавестись домами и хозяйством, что позволяло предполагать, что осужденных оставят при заводах Иркутской губернии надолго.

Несмотря на строгий полицейский надзор, заводская администрация проявляла некоторое участие к сосланным, не обременяла их особо тяжелой работой и жестким контролем. Во всяком случае, они могли, хотя украдкой, навещать друг друга, да и их навещали иркутяне: напри-

³ Чернов С. Н. Декабристы на пути в Благодатск.— Каторга и ссылка. М., 1925, № 5 (18), с. 246.

⁴ Н. П. Горлов был знаком с некоторыми декабристами еще с 1816 г. по масонской ложе «Избранного Михаила», связанной с ложей «Трех добродетелей», членами которой состояли С. П. Трубецкой и С. Г. Волконский.

мер, учитель Жульяни и винокур Смирнов выдались с Трубецким и Давыдовым⁵.

16 сентября 1826 г. в Иркутск приехала Е. И. Трубецкая. Первая встреча ее с мужем описана в воспоминаниях ее сестры З. И. Лебцельтерн, которая пользовалась дневниковыми записями спутника Екатерины Ивановны К. А. Воше — библиотекаря и секретаря ее отца гр. Лавалы⁶. Он вызвался сопровождать Трубецкую в Сибирь и стал первым тайным курьером, положившим начало нелегальной связи между сосланными на каторгу декабристами и их близкими в России⁷.

Опасаясь передачи заключенными писем родным через возвращавшегося Воше, начальник Главного штаба И. И. Дибич 3 ноября 1826 г. тайно отправил поручика Белоусова, чтобы он, «опечатав все находящиеся при нем бумаги и имущество, доставил как оные, так и его самого, куда повелено»⁸. Всем местным властям было предписано всячески содействовать Белоусову в задержании Воше, но предпринятые правительством попытки арестовать его в пути оказались безуспешными. Ему удалось благополучно добраться до Москвы и — как доносил Бенкендорфу нижегородский генерал-губернатор А. Н. Бахметьев, а тот царю — передать сестре Трубецкого Е. П. Потемкиной и двоюродной сестре Трубецкой З. А. Волконской «много писем от преступников»⁹.

Нельзя говорить о Трубецком вне его окружения и особенно вне общения с Екатериной Ивановной. Нередко только через действия и поступки Трубецкой можно судить о положении и намерениях ее мужа, лишенного в условиях заключения средств к активным действиям. Эти два человека были связаны не только узами брака, но и узами дружбы и единомыслия. В Сибири их соединила общая судьба. Суть ее Екатерина Ивановна выразила в

⁵ Кубалов В. Декабристы в Восточной Сибири. Иркутск, 1925, с. 14—15.

⁶ См. о нем: Вайнштейн А. Л., Павлова В. П. Декабристы и салон Лаваль. — В кн.: Литературное наследие декабристов. Л., 1975, с. 177—180.

⁷ Лебцельтерн З. И. Екатерина Трубецкая. — Звезда, 1975, № 12, с. 186.

⁸ ЦГВИА, ф. 36, оп. 4/847, д. 501, л. 1.

⁹ ЦГАОР, ф. 109, I экзп., 1826, д. 61, ч. 26, л. 1 — об.; Вайнштейн А. Л., Павлова В. П. Декабристы и салон Лаваль, с. 179.

письме к И. Б. Цейдлеру еще в 1826 г.: «Чувство любви к другу заставляло меня с величайшим нетерпением желать соединиться с ним»¹⁰.

Приехав в Иркутск, Трубецкая сумела связаться с находившимся в Усолье Е. П. Оболенским, передала ему 500 рублей и обещала отправить письма декабристов к родным в Россию с К. Воше. Родственники Трубецких не раз пытались установить с ними непосредственную связь. Лавали посылали в Сибирь своих людей с посылками, деньгами, письмами, минуя официальные каналы. Связь шла из Петербурга в Москву к Потемкиной, оттуда в Нижний Новгород к Г. А. и А. Г. Грузинским (дяде и двоюродному брату С. П. Трубецкого) и таким же путем из Сибири в Петербург¹¹.

И. Б. Цейдлер писал генерал-губернатору Восточной Сибири А. С. Лавинскому: «При теперешнем распределении (декабристов) по заводам они (жены) могут иметь сообщение посторонними путями и даже получать и посылать своих доверенных людей и находить способы к доставлению писем и делать тому подобные самовольные поступки, которых и за строжайшим надзором предупредить не предстоит возможности»¹².

В фонде Главного управления Восточной Сибири было заведено любопытное дело «О коллежском регистраторе Петрове, сделавшем навет на некоторых государственных преступников»¹³. Суть «навета» состояла в том, что Петров путем шантажа принудил Г. А. Цветаева, бывшего дворового, сосланного в Сибирь за побег, признаться в том, что он видел, как Е. И. Трубецкая в 20-х числах сентября 1826 г. принесла к Горлову и вместе с ним изучала какие-то карты, что наводило на мысль о готовящемся побеге. Делу не был дан ход, хотя Горлова обвиняли в попустительстве «государственным преступникам».

Первые распоряжения центральной власти относительно судьбы декабристов содержались в инструкции, разработанной Лавинским и одобренной Николаем I. В ней

¹⁰ Ист. вестник, 1896, № 6, с. 676—677 (курсив мой.— В. П.).

¹¹ Вайнштейн А. Л., Павлова В. П. Декабристы и салон Лаваль, с. 182. Гордин Я. После восстания.— В кн.: Три повести. Л., 1983.

¹² Цит. по: Кубалов Б. Декабристы в Восточной Сибири, с. 23—24.

¹³ ГАИО ф. 24, оп. 3, картон, д. 40.

указывалось, что царь распорядился «содержать сих преступников в Нерчинском крае». 4 октября 1826 г. Цейдлер предписал начальнику Нерчинских заводов поместить «государственных преступников» в Благодатский рудник и каждые две недели доставлять о них известия для донесения царю.

В ночь с 5 на 6 октября Трубецкого и остальных его товарищей перевели с заводов в Иркутск, где разместили в казармах казачьего полка в четырех верстах от города. От Е. И. Трубецкой, поселившейся с мужем на Николаевском заводе, хотели скрыть отправку мужа за Байкал. «Хотя были взяты все предосторожности, чтобы Трубецкая о том не узнала,— писал Цейдлер Лавинскому,— однако она была извещена о сем каким-то человеком (о котором не премину узнать) <...>»¹⁴. Выполняя инструкцию Лавинского, Цейдлер с особой настойчивостью стал убеждать Трубецкую отказаться от намерения следовать за мужем в нерчинскую каторгу. Вслед за Екатериной Ивановной в Сибирь ехали другие жены декабристов, но царь, хотя и давал некоторым из них разрешение, «косо смотрел на отъезд молодых жен за своими мужьями: этим возбуждалось чересчур много участия к бедным ссыльным. Так как им было запрещено писать родственникам, то поэтому надеялись, что этих несчастных скоро забудут в России, между тем как нам, женам, невозможно было запретить писать и тем самым поддерживать родственные отношения»¹⁵. После неудачной попытки уговорить Трубецкую отказаться от намерения следовать за мужем Цейдлер потребовал от нее подписки, по которой она лишалась всех привилегий, и предупредил, что дети, прижитые ею в Сибири, поступят в казенные заводские крестьяне, а она лично подвергнется многим другим ограничениям¹⁶.

Партию, в которой был Трубецкой, перевезли через Байкал 8 октября 1826 г. на двухмачтовом судне «Ермак». Далее они следовали на тройках по большому Нерчинскому тракту. 25 октября 1826 г. прибыли на Благодатский рудник¹⁷. В Благодатске Трубецкого вначале поместили вместе с Волконским в обывательском доме, от-

¹⁴ Цит. по: Кубалов Б. Декабристы в Восточной Сибири, с. 26.

¹⁵ Записки княгини М. Н. Волконской. Пг., 1914, с. 68.

¹⁶ Там же, с. 183.

¹⁷ ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826, д. 61, ч. 1 (прилож.), л. 87.

дельно от остальных товарищей, под надзором стражников, а 27 ноября перевели в общий каземат¹⁸. Оболенский вспоминал, что его кровать была устроена так, что половина его туловища находилась над кроватью Трубецкого. Напротив Трубецкого такую же дощатую кровать занимал Волконский. Караул из горного унтер-офицера и трех рядовых находился при них бессменно¹⁹.

Горькая участь восьми благодатских узников описана с их слов М. А. Бестужевым²⁰. Начальник Нерчинских заводов Бурнашев назначил их в ближайший завод и распорядился содержать строго. Всех заперли в темную, грязную, вонючую конуру, где они не только не могли двигаться, но и должны были спать в три яруса от недостатка помещения. Насекомые мучили их днем и ночью, лишали сна и сил, необходимых для тяжелой работы в глубоких рудниках. Пища была отвратительной, обращение самое грубое и унижительное.

За день нужно было выработать три пуда руды на каждого и вынести ее на поверхность на носилках. Тяжесть труда для Трубецкого усугублялась его нездоровьем: болезнью в груди, частым кровохарканьем и болью в бедре от раны, полученной в сражении под Лейпцигом и обострившейся от ношения кандалов.

В еженедельных донесениях горного офицера М. Рика Бурнашеву о состоянии здоровья, поведении и занятиях заключенных указывалось, что Трубецкой с февраля по май 1827 г. «хотя и старается быть веселым и спокойным и работает охотно, но подвержен тоске». В сентябрьской ведомости указывалось, что он из 19 дней болел 12, что легче переносит свое нездоровье на работе, чем вне ее. Одновременно отмечалось, что все заключенные, «не исключая ни одного, временно замечены в тоске и унылости», но что они «между собой очень дружны: харчевые припасы и табак курительный употребляют общий, которые доставляются им наиболее княгиней Трубецкой и Волконской, и нередко одежные вещи, без всякого в действиях учета»²¹. 10 февраля заключенные объявили голо-

¹⁸ Чернов С. Н. Декабристы в Благодатском.— В кн.: Декабристы на каторге и в ссылке. М., 1925, с. 88.

¹⁹ Воспоминания Е. П. Оболенского.— В кн.: Мемуары декабристов. Северное общество. М., 1981, с. 105.

²⁰ Воспоминания Бестужевых. М.; Л., 1951, с. 146—147.

²¹ Чернов С. Н. Декабристы в Благодатском, с. 118—120.

довку в знак возмущения против бесчеловечного отношения к ним со стороны Рика. Голодовка явилась первой политической акцией в истории нерчинской каторги. Зачинщиками ее были Трубецкой и Волконский²². Срочно прибыв в Благодатский рудник, Бурнашев объявил поведение декабристов бунтом, грозил всякими карами. К Трубецкому у него были свои счеты в связи с письмами к жене, в которых тот описывал условия жизни в Благодатском²³. Дело окончилось победой заключенных. Рик был смещен.

Приезд в Благодатский рудник в феврале 1827 г. Трубецкой и Волконской заставил местные власти ограничить произвол в отношении узников. А для двух «декабристок» началась новая жизнь: длинная цепь трудных, подчас опасных лет. Однако рядом с бедами, лишениями, унижениями было и горькое счастье.

В феврале 1827 г. должность коменданта Нерчинских заводов занял С. Р. Лепарский, и надзор за декабристами перешел в его ведение. Лепарский был известен некоторым декабристам по прежней армейской службе как снисходительный начальник, и они надеялись на улучшение своего положения. Но их надежды не сбылись. В марте декабристов снова заковали в кандалы, а вскоре перевели на наружные работы, и надзор за ними усилился. Теперь они не могли беспрепятственно общаться между собой, стала невозможной и помощь им со стороны каторжников, как это бывало под землей²⁴.

По новому распорядку были увеличены не только норма выработки, но и время работы: 11 часов в день вместо 6. Прогулки разрешались только в кандалах и в сопровождении часового. Во время прогулок Трубецкой, как вспоминала П. Анненкова, «срывал цветы на пути своем, делал букет и оставлял его на земле, а несчастная жена подходила поднять букет только тогда, когда солдаты не могли этого видеть»²⁵.

Время шло, был на исходе год нерчинской каторги. Подводя итог самому тяжелому этапу жизни декабристов на каторге, следует прежде всего отметить, что лишения, болезни, нужда, душевные и физические страдания, не-

²² Там же, с. 111—114.

²³ Письмо 11 и примеч. к нему.

²⁴ ГАИО, ф. 24, д. 297, л. 63—64.

²⁵ Записки жены декабриста П. Е. Анненковой.— В кн.: Своей судьбой гордимся мы. Иркутск, 1977, с. 302.

выносимые условия жизни объединили их, сделали возможной организованную борьбу с произволом и самодурством местного начальства.

Протест против ужасающих условий существования, отстаивание своих прав через совместную голодовку, достоинство и выдержка — вот общая для декабристов форма отношения с начальством; сердечность, дружеское участие, взаимная поддержка, уважение и взаимопонимание — суть отношений их друг с другом. Все это вызывало уважение и сочувствие к ним не только со стороны уголовных преступников, но и со стороны большинства тех, кто их караулил, — солдат, офицеров, а также простого народа, с которым так или иначе декабристам приходилось сталкиваться²⁶.

Время пребывания декабристов в Благодатском руднике считалось самым тяжелым. Состояние Трубецкого усугублялось еще беспокойством о жене, условия жизни которой мало чем отличались от казарменных.

В сентябре 1827 г. декабристов из Благодатского рудника перевели в Читинский острог.

Для Трубецкого встреча с товарищами по тайному обществу, участниками восстания 14 декабря и свидетелями его поражения, явилась, конечно, испытанием. Н. В. Басаргин, единственный из всех декабристов, упоминает о том, что в Чите Трубецкой около года подвергался немому осуждению товарищей за свое поведение в день 14 декабря: «Товарищи его не могли иметь к нему того сочувствия, которое было общим между ними» из-за «незавидной роли в происшествии 14 декабря». Тут же Басаргин отмечал: «Конечно, эти осуждения были отчасти справедливы, но много ли вы найдете людей, которые, признавая даже себя виновными в чем бы то ни было, безропотно, с кротостью и достоинством покорялись всем следствиям своей ошибки или слабости <...>. Наконец доброта, кротость победили это неприязненное чувство, и мы все от души полюбили его. Да и могло ли быть иначе, когда мы узнали эту прекрасную душу, этот невозможно кроткий, добрый характер»²⁷.

²⁶ Чумаков С. Г. В Благодатском руднике. — В кн.: К России любовью горя. Иркутск, 1976, с. 18.

²⁷ Якушкин Е. Е. Неизданная рукопись декабриста Н. В. Басаргина. — Каторга и ссылка. М., 1925, № 5 (18), с. 172 (выделено мною. — В. П.).

Из восьми прибывших из Благодатска в Читинский острог декабристов Трубецкой, безусловно, вызывал повышенный интерес. Это объяснялось его особым положением руководителя, посвященного в самые сокровенные планы деятельности тайных обществ. От него ждали исчерпывающих объяснений причин поражения восстания 14 декабря и его невыхода к восставшим войскам. Участники бытий на Сенатской площади могли излагать лишь подробности, которые были известны лично каждому. Этих отдельно взятых и соединенных вместе «фрагментов» узники стремились восстановить общую картину бытий тех дней и дать им оценку. Трубецкой же в целом, в его руках были все нити заговора, он мог обнить причины неудачи восстания.

Какую же позицию занял Трубецкой в этом нелегком для него положении? Думается, оно было трудным только для Трубецкого. Он тоже мог упрекнуть и осудить многих. Как справедливо заметил позднее Е. И. Якуш (безусловно, под влиянием разговоров с отцом и другими друзьями), «не от ошибочности действий Трубецкого в этот день зависела неудача восстания»²⁸. Это мне подтверждает и П. Н. Свистунов: «Тут не безначало, следует приписать неуспех восстания, а незрело обдуманному предприятию. Будь тут сам Наполеон, что бы сделал с горстью людей без пушек против окружавших его со всех сторон многочисленного войска, состоявшего из пехоты, кавалерии и артиллерии? В его [Трубецкого В. П.] храбрости не сомневались те, которые вместе с ним сражались под Бородином, Люценом и под Кульмом. Можно было бы к этому добавить, что ответственные за неудачу восстания должны были бы разделить с Трубецким многие из его участников, да и не только из посредственных участников»³⁰.

Скорее всего, Трубецкой уклонился от каких-либо объяснений и тем самым не оправдал надежд тех, особенно их ожидал. Доказательством могут служить позднейшие признания А. Е. Розена и замечания Е. И. Якушкина о том, что для декабристов поведение Трубецкого 14 декабря 1825 г. оставалось «не сов-

²⁸ Рус. ведомости, 1906, 24 дек., № 312, с. 4—5.

²⁹ Рус. архив, 1870, с. 1667.

³⁰ См. об этом подробнее в кн.: Трубецкой, т. 1, с. 36—41; также в кн.: Горди́н Я. События и люди 14 декабря. М., 1987.

ясным»³¹. От Трубецкого ждали оправданий, а он не знал, в чем он должен оправдываться. Не случайно позднее он напишет свояченице: «Знаю, что много клеветы было вылито на меня, но не хочу оправдываться. Я слишком много пережил, чтобы желать чьего-либо оправдания, кроме оправдания господина нашего Иисуса Христа»³².

Сам Трубецкой в трудной для него психологической ситуации «особенно благородно и по-дружески вел себя по отношению тех, которые наиболее осуждали его»³³. Если обструкция, о которой пишет Басаргин, действительно имела место, то с полной определенностью можно сказать, что она исходила далеко не от всех декабристов. Свидетельством тому служат отношения к Трубецкому товарищей в Благодатске, где и помину не было о неприязни. Скорее всего, осуждать его могли люди, мало его знавшие, из тех, кто не был непосредственным участником восстания, «южане», «славяне», кто судил о событиях тех дней по многочисленным рассказам, часто противоречивым и искажавшим действительность. В таких условиях была возможна ситуация, в которой стороны могли не понять друг друга. Кроме того, в Читинский острог к декабристам доходили русские и иностранные журналы, в которых много писалось о характере заговора и о заговорщиках и более всего о Трубецком. Известно, что источником этих сообщений явились Донесение Следственной комиссии и слухи, которые шли из дворца и усиленно распространялись за границей. Не исключено, что поступавшая печатная информация «подогревала» неприязненное отношение некоторых ссыльных, особенно молодежи, поверившей в какой-то степени официальной версии в отношении Трубецкого, о чем и писал Басаргин. Впрочем, его воспоминания содержат некоторые противоречия: утверждая, что осуждение Трубецкого длилось около года (I), Басаргин тут же замечает: «Но всего превосходнее было то, что между нами не произносилось никаких упреков, никаких даже друг другу намеков относительно нашего дела. Никто не позволял себе даже замечаний другому, как вел он себя при следствии, хотя многие из

³¹ Розен А. Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984, с. 133; Рус. ведомости, 1906, 24 дек, № 312, с. 5.

³² Письмо 65.

³³ Якушкин Е. Е. Неизданная рукопись декабриста Н. В. Басаргина, с. 172.

нас обязаны были своею участью неосторожным показаниям или недостатку твердости кого-либо из товарищей³⁴. Как бы подтверждая именно это высказывание Басаргина, Оболенский писал, что в Читинском остроге «в этой большой семье, где юноши 18- и 20-летние ежедневно находились в столкновении с людьми пожилыми, которые могли бы быть их отцами, ни одного разу не случилось видеть или слышать не только личное оскорбление, но даже нарушение того приличия, которое в кругу людей образованных составляет одно из необходимых условий жизни общественной»³⁵.

Как справедливо считает С. Ф. Коваль, в Читинском остроге в спорах, в пылу полемики, если и звучали слова осуждения в адрес друг друга, то в конечном счете декабристы «пришли к общему и согласному мнению не только по принципиальным вопросам движения, но и по частным, затрагивавшим личности. <...> И самое главное состояло в том, что в ходе этих строгих, но откровенных бесед охота жить и действовать, сохранить свое политическое существование укреплялась желанием донести до русской и мировой общественности истинные цели движения, так извращенные в официальных документах и прежде всего в Донесении Следственной комиссии»³⁶.

Вслед за узниками Благодатского рудника в Читу прибыли Трубецкая и Волконская. Здесь они уже застали жен других декабристов: А. Г. Муравьеву, Е. П. Нарышкину, А. В. Ентальцеву. Вскоре к ним присоединились А. И. Давыдова, Н. Д. Фонвизина и невеста И. А. Анненкова П. Гебль.

«Декабристки» поселились вблизи тюрьмы в простых деревенских избах. Женщины старались как можно дольше находиться у тюремного забора, чтобы иметь возможность хотя бы в щелку увидеть мужей, перекинуться с ними словом. Однажды солдат, отгонявший Трубецкую, ударил ее, женщины отправили жалобу в Петербург, а Трубецкая с тех пор устраивала демонстративно перед тюрьмой настоящие приемы: усаживалась на стул и по-

³⁴ Воспоминания Н. В. Басаргина.— В кн.: Мемуары декабристов. Южное общество. М., 1982, с. 74.

³⁵ Воспоминания Е. П. Оболенского, с. 113.

³⁶ Коваль С. Ф. Предисловие к кн.: К России любовью горя, с. 10.

очередно беседовала с арестантами, собиравшимися внутри тюремного двора³⁷.

Жены декабристов взяли на себя добровольную обязанность писать за узников, которым переписка была запрещена, и таким образом установилась регулярная связь с их родными и близкими. Трубецкая писала от имени более десяти декабристов³⁸.

В свободное от работы время декабристы занимались разными ремеслами: одни обшивали своих товарищей, другие образовали сапожную, столярную, слесарную артели. Были свои парикмахеры, лекари. Трубецкой и оба брата Бестужевых славились как штопальщики носков³⁹. Как все женатые, Трубецкой вел хозяйство обособленно, но свой пай, который достигал двух — трех тысяч рублей в год, он вносил в общую артель⁴⁰.

В августе 1828 г. с Трубецкого, как и с других декабристов, были сняты кандалы. Спустя год последовало разрешение иметь свидание с женой у нее на квартире, куда он ходил в сопровождении конвойного. Позднее разрешено было оставаться в доме жены в случае ее болезни.

Длительные хлопоты родственников декабристов об облегчении условий жизни женам ссыльных дали свои результаты: было разрешено отправлять в Сибирь к ним необходимые вещи, книги, наладилась переписка, посылались деньги на строительство или покупку домов.

В июле 1830 г. декабристов перевели в специально выстроенную тюрьму в Петровском заводе. Петровский каземат произвел на них гнетущее впечатление. Он был построен на болоте, без окон. Каждому заключенному была отведена отдельная комната, в которой он мог жить вместе с женой, но без детей.

Екатерина Ивановна писала 21 июня 1830 г. отцу, что приехала в Сибирь ради мужа, но, чтобы заботиться о нем; ей приходится заключить себя вместе с ним в тюрьму — «настоящую могилу, узкую, сырую и нездоровую» и подвергать опасности жизнь ребенка (у Трубецких еще в Чите родилась дочь Александра). Незадолго до этого Трубецкая послала письмо Бенкендорфу с описанием не-

³⁷ Павлюченко Э. А. В добровольном изгнании. М., 1984, с. 60.

³⁸ Якушкин И. Д. Записки, статьи, письма. М., 1951, с. 115.

³⁹ Воспоминания Бестужевых, с. 734.

⁴⁰ Воспоминания Н. В. Басаргина, с. 88.

выносимых условий жизни в тюрьме. «<...> Я все оставила, только чтобы не расставаться с мужем. Я живу им одним». Однако в тюрьме Екатерина Ивановна не могла быть с ребенком и потому просила разрешить ей видиться с мужем у себя дома ежедневно, как это было позволено в Чите⁴¹.

Однако только смерть Александры Григорьевны Муравьевой в 1832 г. заставила правительство уступить: через два месяца Трубецкому и остальным узникам были разрешены свидания с женами в их домах, а не в камерах, стали разрешаться и прогулки.

Каторжные условия существования связали всех заключенных тесной дружбой. М. А. Бестужев писал: «Каземат нас соединил вместе, дал нам опору друг в друге и, наконец, через наших ангелов-спасителей, дам, соединил нас с тем миром, от которого навсегда мы были оторваны политической смертью <...>. Каземат дал нам политическое существование за пределами политической смерти»⁴².

Трубецкая построила возле каземата собственный дом; рядом и напротив, образуя улицу, расположились дома ее подруг. Улица получила название Дамской. Екатерина Ивановна так описывала свой дом в письме к сестре от 29 мая 1836 г.: «У нас двухэтажный дом. В нижнем — комната для служанки и кладовые. В верхнем этаже 3 комнаты. Я сплю в 1-й из них с Никитой и его кормилицей. Другую занимают две малышки и их няня, а средняя служит гостиной, столовой и кабинетом для учебных занятий Сашеньки. Окна наши выходят на тюрьму и горы, которые нас окружают. Ты, конечно, знаешь, что Петровск представляет собой заболоченную впадину среди высоких гор, покрытых редким лесом. Вид их не имеет ничего веселого»⁴³.

В ноябре 1832 г. по случаю рождения у Николая I сына Михаила осужденным был сокращен срок каторги на пять лет; в декабре 1835 г. в связи с десятилетием царствования Николая I — еще на два года. Надежды на полное освобождение окончательно рухнули. Трубецкому

⁴¹ Марголис А. Д. Письма жен декабристов А. Х. Бенкендорфу. — В кн.: Сибирь и декабристы. Иркутск, 1983, вып. 3, с. 244.

⁴² Воспоминания Бестужевых, с. 146.

⁴³ Цит. по: Heilbronn M. La princesse Troubetskoi. Paris, 1977, с. 111 (далее: Эльброн).

оставалось четыре года заключения, а затем пожизненное поселение в Сибири. Жизнь в изгнании нужно было устраивать основательно. С этого времени в письмах родных все больше места стали занимать практические советы по устройству быта, воспитанию детей. Однако Трубецких по-прежнему интересовала жизнь в Петербурге, Москве. По-видимому, в ответ на их вопросы все чаще стали появляться в письмах подробные сообщения о различных событиях петербургской жизни: двоюродный брат Трубецкой Э. А. Белосельский-Белозерский писал о выходе в свет новой поэмы А. С. Пушкина «Полтава» «в жанре, к которому он до сих пор не обращался, это нечто вроде серьезной эпопеи, это прекрасно»⁴⁴. Сестра Екатерины Ивановны Софья Борх сообщала о выходе книги М. Н. Загоскина «Юрий Милославский», первого тома «Истории русского народа» Н. А. Полевого, наделавшей много шума, об издании А. Дельвигом «Литературной газеты» и другие новости⁴⁵. К Трубецким стали посылать все больше отечественных и зарубежных книг, журналов, учебников, энциклопедических словарей, каталогов. Среди них: испанская и греческая грамматика, итальянский словарь, научные труды по химии, медицине, сочинения Д. И. Фонвизина, В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, И. И. Козлова, О. Бальзака, В. Гюго, Д. Байрона, Т. Мора, В. Скотта, А. Дюма, Э. Сю; «История Христофора Колумба» неизвестного автора, «История царя Алексея Михайловича» В. Н. Берха, 12 томов сказок Э. Т. А. Гофмана; мемуары Б. Констана, г-жи Монтескье, А. Помпадур, Д'Абрантес и другие книги⁴⁶.

В ответ на просьбу Трубецкой присылать французский журнал «Revue de Paris» («Парижское обозрение») С. Борх писала: «Я бы с удовольствием удовлетворила твоё желание, но ты, конечно, не знаешь, что этот современный журнал относится к числу тех, из которых изымают четыре номера из шести. Малому количеству подписчиков, которые его получают, приходится считать стертые слова и изъятые страницы, так что до тебя дойдет не очень много. Я предлагаю тебе взамен «Revue Etran-

⁴⁴ ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 117, л. 46 об.

⁴⁵ Там же, д. 118, л. 18—20.

⁴⁶ Там же, д. 119, л. 15, 50—50 об., д. 120, л. 132; д. 121, л. 123 об.

gère»⁴⁷, издаваемый здесь и содержащий хороший выбор из всех периодических изданий более или менее замечательных, которые выходят во Франции, в Германии и в Англии»⁴⁸. Таким образом у Трубецких собралась отличная библиотека, которой могли пользоваться все их товарищи.

Посылки и письма шли регулярно. Присылались целые отчеты о состоянии русской и зарубежной литературы, музыки, живописи, истории, науки, о чем позволяет судить дошедшая до нас переписка за 1832—1835 гг. Сообщались подробности о картине «Последний день Помпеи» К. П. Брюллова, «которая ставит его в ряд первых существующих художников <...>». Эта картина,— писала Э. И. Лебцельтерн из Неаполя,—имела самый большой успех на выставке в Милане, и автор осыпан похвалами и аплодисментами»⁴⁹. Похвалы расточались и брату К. П. Брюллова А. П. Брюллову и архитектору К. А. Тону — автору гранитного спуска к Неве перед зданием Академии художеств. С. Борх рассказывала о частых встречах с А. С. Пушкиным и В. А. Жуковским⁵⁰, о доставке из Египта сфинксов, которых предполагалось установить перед причалом у Академии художеств.

Со своей стороны и Е. И. Трубецкая, не без участия Сергея Петровича, делилась с сестрой своим мнением о новинках литературы; не находя художественных достоинств в сочинениях Ф. Булгарина, Ж. Жанена, Э. Сю, она пеняла сестре за ее небезупречный вкус или ошибочность оценок произведений отечественной и зарубежной литературы. Трубецких интересовали литературные и музыкальные вечера в салоне матери, в частности вечера с участием В. Ф. Одоевского, Д. М. Фикельмон, А. О. Смирновой-Россет, хорошо знакомых им по Петербургу⁵¹.

Таким образом, связь с Центральной Россией не прерывалась, но до нас дошла лишь малая часть корреспонденции к Екатерине Ивановне и почти совсем нет ее писем. Но и по сохранившемуся эпистолярному наследию можно судить, что письма приходили и отправлялись поч-

⁴⁷ Revue Etrangère de la Littérature des sciences et des arts — «Обозрение иностранной литературы, наук и искусств» (Франц.).

⁴⁸ ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 121, л. 159—159 об.

⁴⁹ Там же, д. 120, л. 123 об.

⁵⁰ Там же, л. 1—1 об.

⁵¹ Там же, д. 121, л. 98—98 об., 141; д. 123, л. 71.

ти каждую почту в Петербург, Москву, Нижний Новгород, Варшаву, за границу.

В Петровском заводе декабристы продолжали заниматься самообразованием, изучали иностранные языки, отечественную историю, активизировали деятельность «каторжной академии». Сергей Петрович, с юности увлекавшийся естественными науками, и здесь занялся исследованиями в области физики, химии, ботаники, медицины. Он просил присылать книги по медицине на русском и немецком языках, получал «Горный журнал», из которого делал выписки, в частности о месторождении платины и химических свойствах этого редкого элемента, изучал способы получения кислот, жирных веществ, законы химических соединений⁵². В Петровском заводе Трубецкой стал изучать греческий язык. С 1832 г. он вел систематические метеорологические наблюдения и продолжал их более 20 лет. В его записях анализируются особенности природных явлений Восточной Сибири и дается сравнение их с аналогичными наблюдениями, проводимыми на поселении декабристами Борисовыми и Митьковым⁵³. Его интересовали преимущественно новые открытия в области электричества, способы применения электромагнетизма как движущей силы, дагерротипия, гальванопластика, сообщения иностранных журналов о первом электровозе для железной дороги, о лодке с электродвигателем, на которой плавал по Неве Б. С. Якоби. Эти изобретения будили мечты о том времени, когда электрические двигатели заменят пар, когда «волны океана будут рассекаются электрическою силою». Научная любознательность декабриста удовлетворялась плохо: «<...> многие новые изобретения нам неизвестны,— писал он Якушкину,— если где пайдешь слово о них, то так недостаточно, что ничего не поймешь. Видно, они еще мало наших русских занимают или то, что мы не имеем источников, откуда могли бы почерпать сведения о них»⁵⁴. Из писем к Якушкину извест-

⁵² Там же, д. 18, 19, 29, 45.

⁵³ По заключению специалистов-метеорологов, работа Трубецкого не потеряла значения и в наши дни. Она дает весьма ценный материал не только для изучения вклада декабристов в науку о Земле, но и для современных исследований по истории климата Сибири. За научную консультацию приношу глубокую благодарность ст. науч. сотруднику Главной геофизической обсерватории им. А. И. Воейкова канд. ист. наук В. М. Пассуту.

⁵⁴ Письмо 40.

но, что Трубецкой обращал «особенное внимание» на минералогию, «как на предмет в высокой степени занимательный»⁵⁵.

Большое внимание Трубецкой уделял своим детям. Он был счастлив рождением первой дочери Александры, а за ней и других детей. Чуткость, уважение к личности ребенка, характерные для Трубецкого, особенно наглядно прослеживаются в отрывке его дневника за 1837—1839 гг., когда у него было уже пятеро детей⁵⁶. Занимаясь обучением детей, он разработал собственную методику преподавания не только общеобразовательных предметов, но и теории музыки, иностранных языков. Анализ заметок С. Трубецкого о физике показывает, что учитель-декабрист предлагал задачи с использованием местного материала, выводил наглядные формулы, готовил чертежи, давал четкие определения силы, массы, скорости, веса и т. д., подкреплял их примерами⁵⁷. Своими педагогическими изысканиями он делился с Якушкиным, создавшим в Ялуторовске ланкастерскую школу. С методами обучения по ланкастерской системе Трубецкой хорошо был знаком еще на заре своей деятельности в Вольном обществе учреждения училищ взаимного обучения, кроме того, он применял их в имении Гостилицы, принадлежавшем его двоюродной сестре Т. Б. Потемкиной⁵⁸. Сохранились его записки по грамматике, отечественной географии, теории проекции⁵⁹. Заметив, что дети испытывают затруднения в решении арифметических задач, Трубецкой старался исправить недостаток обучения, применяя основы геометрии и логического мышления, так как считал, что эти знания приучат детей рассуждать в нужном порядке и последовательности. Преподавание исключало зубрежку, предполагало использование знаний на практике. Такая методика обучения способствовала сознательному и активному усвоению предмета. Сибирский дневник Трубецкого 1837—1839 гг. свидетельствует о том, какое важное значение он придавал детскому чтению.

⁵⁵ Письмо 62.

⁵⁶ ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 1.

⁵⁷ Хаптагаева Э. Г. Педагогические идеи и практика декабристов в Сибири.— В кн.: Сибирь и декабристы. Иркутск, 1978, вып. 1, с. 78.

⁵⁸ Примеч. 9 к письму 241.

⁵⁹ ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 16, 20—22.

К подрастающим детям Трубецких родные присылали из Петербурга в Петровский завод гувернанток. За 1830—1839 гг. их сменилось три, так как им разрешалось находиться в услужении не более трех лет. За этими женщинами велось постоянное наблюдение, их тщательно проверяли при отъезде из Сибири. Однако все меры правительства не могли помешать проникновению в центр России и за ее пределы правдивой информации о настоящем положении декабристов. Это будоражило общественное мнение, вызывало определенный резонанс в передовых кругах. Так, в связи с переводом на французский язык поэмы в прозе польского писателя Ю. Словацкого «Ангелли», посвященной подвигу Е. И. Трубецкой и опубликованной в 1833 г. в Париже, автор писал переводчику К. Гашинскому: «Что касается молодой женщины, которая с мужем своим страдает из-за сердца человека, то это княгиня Трубецкая. У нее есть сестра в Петербурге <...>. Она пишет ей из рудника письма, которые весь большой петербургский свет читает со слезами»⁶⁰.

В течение 1830—1834 гг. каземат Петровского завода значительно опустел. Истекли сроки каторжных работ М. А. Фонвизину, А. Е. Розену, М. М. Нарышкину и другим. В 1835 г. покинули каземат давние друзья Трубецкого Н. М. Муравьев, Волконские, И. Д. Якушкин. Расставание с товарищами по двенадцатилетней каторге было трудным. Тяжело было прощаться друзьям, столько лет делившим друг с другом все тяготы и лишения. Накануне отъезда Екатерина Ивановна послала в Неаполь сестре альбом вместе с письмом: «Дорогая Зинаида, вот альбом, который, я думаю, будет тебе интересен. Он содержит различные воспоминания о первых годах нашей жизни в изгнании. Если ты найдешь, что он плохо сделан, я прошу тебя быть снисходительной: виды, цветы и даже переплет — все сделано нашими товарищами по изгнанию. Изображения на переплете представляют: одно — внешний вид большой Читинской тюрьмы, а другое — дом Александрины здесь в Петровском. Что касается рисунков, я везде дала объяснения. Пусть эти различные виды не печалят тебя, дорогой друг. Глядя на них, скажи себе, что если все эти места были свидетелями наших

⁶⁰ Словацкий Ю. Избранное. М., 1952, с. 780. «Из-за сердца человека» — имеется в виду жестокое сердце Николая I.

трудных времен, они видели также много хороших моментов»⁶¹.

Перед выходом на поселение Е. И. Трубецкая через одного из своих родственников обратилась к Николаю I с просьбой разрешить ее мужу по окончании каторжных работ поселиться в каком-нибудь из городов Западной Сибири. Это письмо попало в руки французского путешественника и литератора А. Кюстина. Он опубликовал его в своей книге. «Боже мой, что за письмо! Оно написано княгиней Трубецкой <...>. Я хотел тут же переписать его, чтобы напечатать, не изменив ни одного слова, но мне этого не позволили <...>. Письмо заканчивалось словами: «Я очень несчастна, но если бы мне было суждено пережить все снова, я поступила бы точно так же <...>». В своем комментарии Кюстин добавляет: «Не читал ничего трогательнее и проще <...>. В нескольких строках она описывает свое положение без декламаций и жалоб. Она не унижалась до красноречия — факты сами говорят за себя»⁶². Николай I выразил удивление по поводу того, что ему осмелились снова («второй раз за 15 лет», — замечает Кюстин) говорить о семье, глава которой участвовал в заговоре. На первую свою просьбу отправиться за мужем в Сибирь она получила «милостивое» разрешение заживо похоронить себя вместе с ним. «Не знаю, — пишет Кюстин, — какой остаток стыда заставил русское правительство оказать ей эту милость»⁶³.

24 июля 1839 г. после 13 лет каторги Трубецкой был отправлен на поселение в с. Оёк, в 30 верстах от Иркутска. Туда же получили разрешение поселиться декабристы Ф. Ф. Вадковский и А. Н. Сутгоф, а вблизи Иркутска в с. Урике уже жили Никита и Александр Муравьевы, М. С. Лунин, С. Г. Волконский. Свой дом в Петровском заводе Трубецкая продала горному ведомству.

Тронулись в путь 1 августа 1839 г., а 1 сентября уже были в Иркутске. Здесь Трубецких постигло горе — умер их годовалый сын Владимир. Это была первая потеря, и потому особенно тяжелая. Пока Сергей Петрович устраивался в Оёке, семья некоторое время жила в Урике у Н. М. Муравьева. Из Оёка Трубецкая сообщала сест-

⁶¹ Цит. по: Вайнштейн А. Л., Павлова В. П. Декабристы и салон Лаваль, с. 193—194.

⁶² Кюстин А. Николаевская Россия. М., 1930, с. 187—188.

⁶³ Там же, с. 188.

ре в Неаполь: «В настоящее время мы живем в крестьянской хате весьма неудобно и очень тесно. У детей нет места ни побегать, ни пошевелиться, и мы до такой степени сжаты, что я не могу найти никакого серьезного занятия или приняться за какую-нибудь длительную работу, а это для меня большое лишение. Сергей очень старается подвинуть вперед дело предпринятой нами постройки. Это будет довольно маленький, зато удобно расположенный дом, который, я надеюсь, будет теплым. Я жду с нетерпением результата больше для детей, чем для себя, того времени, когда можно будет в нем поселиться»⁶⁴. Как писал Сергей Петрович, они получили от родных на переезд 26 тыс. р. асс. и на строительство дома в Оёке 25 тыс., так что обосновывались прочно и надолго. Бюджет для большой семьи был невелик, и у Трубецких при очень скромном образе жизни всегда ощущался недостаток в средствах. В 1842 г. Трубецкой писал Якушкину, что они должны жить более нежели скромно⁶⁵. Однако на поддержание нуждающихся товарищей, расселенных по самым отдаленным уголкам Сибири, средства находили и традицию, впервые возникшую в забайкальских казематах, не нарушали. Помогали они и нуждающимся жителям вблизи Оёка. В качестве поселенца Трубецкой получил земельный надел в 15 десятин и тут же возвратил его местным крестьянам, чтобы оказать помощь сельскому обществу⁶⁶.

На поселении Трубецкой занялся сельским хозяйством: разведением скота, лошадей, выращиванием в условиях сибирского климата фруктовых деревьев, огородных культур, даже кукурузы⁶⁷. Екатерина Ивановна писала: «Огород дает нам в смысле овощей все, в чем мы можем иметь нужду в течение года. Мы имеем несколько коров, которые также помогают нам сводить концы с концами»⁶⁸. Свой опыт в огородничестве и садоводстве, выведении новых сортов и культивировании уже существовавших Трубецкой старался распространить среди оёкских крестьян. Общение с населением, изучение правового по-

⁶⁴ Цит. по: Эльброн, с. 127.

⁶⁵ Письмо 61.

⁶⁶ Кубалов Б. Г. Крестьяне Восточной Сибири и декабристы. — В кн.: В сердцах Отечества сынов. Иркутск, 1975, с. 62, 75.

⁶⁷ Эльброн, с. 134.

⁶⁸ Там же, с. 129.

ложения крестьян нашло отражение в заметках Трубецкого о населении Восточной Сибири⁶⁹. Трубецкие всегда готовы были поддержать крестьян в их хозяйственных нуждах, оказывали им медицинскую помощь, а также давали советы в лечении животных. Сохранились заметки Трубецкого о лекарственных травах, различных рецептах их применения, о лечении домашней птицы, вообще о видах птиц, их гнездовьях, о болотной дичи, о муравьях. В тетради под названием «Сельское хозяйство» он делал записи по садоводству, черновые заметки о развитии сельского хозяйства в США и о возможности использования их опыта применительно к сибирским условиям⁷⁰.

Не следует, однако, думать, что интересы Трубецкого носили отвлеченно-теоретический характер и его заметки — законченные научные трактаты. Большинство его заметок или записок — черновые наброски или выписки из работ специалистов. Судить о широте его интересов можно лишь на основании немногих сохранившихся письменных источников (архив Трубецкого сильно пострадал в начале нашего века)⁷¹, но и они позволяют сделать достаточно определенный вывод о кругозоре декабриста. Трубецкой был образованным человеком. Это отмечали все декабристы. Склонность его к абстрактному мышлению проявлялась более всего в отношении к религии как к философскому учению о «божественном» и человеческом. По-видимому, этим объяснялся и его интерес к греческому языку, который он начал изучать в Чите и Петровском заводе, желая познакомиться в подлинниках с греческим религиозно-философским учением. Занятия естественными науками, медициной, метеорологией, изучение физических явлений в природе невольно подводили его к признанию объективности развития мира не по раз определенному замкнутому кругу, а по спирали, где каждый век и каждое великое событие ведут к качественно новому этапу развития, оставляют свой след в истории общества⁷². Он считал, что «жизнь — борьба и борьба во всех отношениях»⁷³, что мир, как и общество, находится в постоянном изменении, что государственное переустройство

⁶⁹ ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 23, 25.

⁷⁰ Там же, д. 23, 25, 11.

⁷¹ Трубецкой, т. 1, с. 356—358.

⁷² Письмо 106.

⁷³ Письмо 195.

ройство возможно только, если будет учитываться опыт предшествующих поколений.

На поселении Трубецкой изучал систему волостного управления в Восточной Сибири. Сохранились его черновые заметки с критикой мнимого «права выборов», которое на практике подменялось простым назначением, для чего использовались различные уловки⁷⁴. «Избранные» таким образом являлись исполнителями всяческих беззаконий, и потому, делал вывод Трубецкой, в волостном правлении нет никакой справедливости. Его интересовали также вопросы, связанные с заселением и освоением Сибири, о чем свидетельствует черновик его рецензии (на английском языке) на статью неизвестного автора по этому вопросу⁷⁵.

К началу 40-х гг. относится попытка Трубецкого завести фабрику белил⁷⁶. В 1854 г. он и А. В. Поджио основали на паях золотопромышленную компанию. Начали разработку приисков в Манзурской волости Иркутской губернии, но в связи с убыточностью предприятия компания распалась, и дело было ликвидировано⁷⁷.

Занятия в Оёке, помимо их утилитарного назначения, помогли Трубецкому уйти от тяжелых переживаний в связи со смертью в сентябре 1840 г. второго сына — Никиты.

Екатерина Ивановна, опасаясь за свое здоровье, 28 января 1842 г. послала сестрам письмо-завещание: «Когда меня не станет, я вам доверю моих мужа и детей. Позаботьтесь о них, сделайте так, чтобы они ни в чем не нуждались. Пока Сергей жив, место его дочерей подле него. Они должны помогать ему, облегчить последние дни его, закрыть ему глаза»⁷⁸.

Душевные волнения лишь на время прерывали переписку Трубецких с друзьями. Зачастую они писали одновременно, а бывало, что Сергей Петрович только приписывал от себя несколько строк в письмах жены. Небольшая часть сохранившейся переписки за первые годы жизни на поселении — свидетельство неизменной дружбы,

⁷⁴ ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 10, л. 1—10.

⁷⁵ Там же, д. 12, л. 1—2.

⁷⁶ Фонвизин М. А. Сочинения и письма. Иркутск, 1979, т. 1, с. 239.

⁷⁷ ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 35, л. 1—63.

⁷⁸ Цит. по: Эльброн, с. 129—130.

сердечной привязанности, общности интересов и взглядов, готовности прийти на помощь всем в ней нуждающимся, свидетельство прежних чувств к Трубецким со стороны друзей.

Еще в Петровском заводе Сергей Петрович стал писать воспоминания, движимый, как и многие его товарищи, стремлением восстановить истинную историю тайных обществ, раскрыть цель борьбы и оставить в памяти будущих поколений и своих детей дело, борьбу и судьбу декабристов. В Оёке он продолжил работу над записками по истории тайных обществ. Возможно, толчком к этому послужил пример Н. Муравьева и М. Лунина, писавших свои сочинения, о чем Трубецкой, несомненно, знал. Он оставил ценное свидетельство о Луние, подметив «в авторе политических памфлетов такие внутренние мотивы, которые остались неясными для прочих мемуаристов»⁷⁹. После ареста Лунина в 1841 г., опасаясь возможных обысков, Трубецкой уничтожил большую часть своих записей и восстановил их уже после амнистии⁸⁰.

Трубецкие прожили в Оёке шесть лет. Все это время не прекращалась слежка за поселенцами. Согласно инструкции они обязаны были вести жизнь замкнутую, не собираться вместе, не отлучаться из своих домов. При нарушении предписания их ожидали взыскания и даже суд⁸¹. Оёкский староста доносил: «Когда собирались преступники у Трубецкого, то хотя и говорили они по-русски между собой, но понять было то, о чем говорили, невозможно, хотя в образе мыслей они скромны, особенно Трубецкой, занимающийся хозяйством и чтением душеспасительных книг»⁸².

Весной 1842 г. декабристам была объявлена царская «милость»: они могли поместить детей, родившихся в Сибири, в военно-учебные заведения или девичьи институты. В случае их успешного окончания было обещано вернуть детям дворянство. Но при этом их лишали фамилий отцов и давали им фамилии по отчеству (Сергеевы, Василь-

⁷⁹ Дружинин Н. М. Записи кн. С. П. Трубецкого (Из архива Якушкиных) — В кн.: Революционное движение в России в XIX в. М., 1985, с. 383.

⁸⁰ Трубецкой, т. 1, с. 301, 303.

⁸¹ Кубалов Б. Г. Крестьяне Восточной Сибири и декабристы, с. 61.

⁸² Там же.

евы, Никитины и пр.). Трубецкой, Волконский, Н. Муравьев отказались от этого предложения. Фонвизин в письме к Пущину от 22 мая 1842 г. сообщал, что получил об этом известие от Трубецких. Екатерина Ивановна писала: «Признаюсь вам откровенно, временами меня охватывает страх перед тем, что пытаются с нами сделать»⁸³. Родные Трубецкой, от которых вся семья материально зависела, настаивали на принятии Трубецкими этого предложения. Приходилось вести борьбу не только с «благоденствиями» правительства, но и с родными. В официальном ответе генерал-губернатору Руперту Трубецкой выступил в защиту чести всех семейных декабристов и их жен⁸⁴.

В письме к брату и свояченице он выразился еще более откровенно. Опасаясь, что его официальный ответ местному начальству передадут в Петербурге в искаженном виде, он воспроизвел полностью свое письмо Руперту, а далее писал: «<...> в настоящее время я нахожусь в положении, когда я хотел бы, чтоб вы знали чистую и полную истину, как она есть»⁸⁵. Трубецкой опасался снова стать жертвой наговора, так как знал силу разящих его ударов еще с 1825—1826 гг., в данном же случае речь шла не о нем, а о судьбе его детей и жены. Письмо к брату (оба письма были отправлены тайно, с верным человеком) он начинал словами: «Средства преследовать нас самих (имеются в виду все декабристы.—В. П.), видно, истощились, начинается преследование нас в детях наших». Он тонко критиковал официальный акт, уязвимый с юридической стороны своей неопределенностью по форме и содержанию, резко разоблачал лицемерное «участие» Николая I в судьбе детей и с гневом заявлял, что своим согласием «бесчестил бы детей, жену и ее семейство. <...> Ни за какие блага в свете я не соглашусь, чтобы жена моя была разлучена с детьми, это будет и ей, и им стоить жизни»⁸⁶.

Двух свидетелей Трубецкому показалось недостаточным; и он отправил еще письмо к иркутскому архиепископу

⁸³ Фонвизин М. А. Сочинения и письма, т. 1, с. 256. Подлинное письмо Трубецкой не сохранилось.

⁸⁴ Письмо 64.

⁸⁵ Письмо 65.

⁸⁶ Письмо 66.

Нилу. К счастью, дело не имело принудительных последствий, и дети остались в семье.

Только успокоились после этих переживаний, как неожиданно постигла их новая утрата — скоропостижно скончался Н. М. Муравьев, давний и верный друг. Это грустное событие почти совпало с родами Екатерины Ивановны — 13 мая 1843 г. у нее родился сын Иван. Спустя год родилась дочь Софья, умершая через 13 месяцев. Здоровье Екатерины Ивановны и детей требовало постоянного наблюдения врача, и она через своих родственников получила разрешение осенью 1845 г. поселиться в Иркутске. Сергею Петровичу было «высочайше» разрешено по временам навещать семью с позволения генерал-губернатора Восточной Сибири, которое давалось ему «с должной осмотрительностью»⁸⁷.

Еще до того, в марте 1845 г., Трубецкие обратились с просьбой разрешить им переехать из Оёка в Урик и купить там дом, принадлежавший ранее уехавшему в Тобольск А. М. Муравьеву. Однако перевод не состоялся, поскольку было получено разрешение на переезд Трубецкой в Иркутск. Два года декабрист мог только навещать семью, а к 1847 г. фактически поселился в Иркутске. Оёкский дом он подарил пастуху Верхоzinу по прозвищу Зрила. Потомки его вспоминали, что их дед никогда не называл Трубецкого хозяином, а всегда говорил: «У нас с Трубецким» или «мы с Трубецким»⁸⁸. А. Г. Лаваль купила для Трубецких дом в Иркутске — бывшую дачу губернатора Цейдлера близ Знаменского монастыря, за рекой Ушаковкой, с обширным при доме садом. М. Н. Волконская писала своей сестре Е. Н. Орловой 10 мая 1848 г. о том, что Трубецкие купили дачу Цейдлера, «которую мне так хотелось приобрести из-за прекрасного сада»⁸⁹.

Летом 1845 г. А. Г. Лаваль начала хлопотать об определении своих внучек — Елизаветы и Зинаиды — в открывшийся в Иркутске Девичий институт. Шеф жан-дармов Орлов уведомил генерал-губернатора Руперта 19 июня, что царь удовлетворил ее просьбу⁹⁰. Снова воз-

⁸⁷ ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826, д. 61, ч. 26, л. 24, 27.

⁸⁸ Кубалов Б. Г. Крестьяне Восточной Сибири и декабристы, с. 75.

⁸⁹ Неизданные письма М. Н. Волконской. — Тр. ГИМ, вып. 11. М., 1926, с. 102. См. также примеч. 4 к письму 154.

⁹⁰ ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826, д. 61, ч. 26, л. 28—32.

никогда опасение, что потребуют отказаться от фамилии родителей, не говоря уже о том, что, по твердому убеждению Трубецкого, «бытие их в Институте не принесет им никакой пользы ни в настоящем, ни в будущем»⁹¹. Вскоре выяснилось, что девочек примут под своей фамилией. Подчинившись настоянию родственников, Трубецкие согласились отдать дочерей в институт.

Отношения декабристов с властями в Иркутске оставляли желать лучшего. Их женам не разрешалось появляться в общественных местах. Так, Трубецкие не могли присутствовать на общественных вечерах в институте, где учились их дочери; местные чиновники, беря пример с Руперта, открыто проявляли неприязнь к ссыльным⁹². По-видимому, это имел в виду Трубецкой, сообщая в письме Якушкину о мелких неприятностях, о «которых умалчиваю, потому что говорить не хочется о подлостях и мерзостях, на которые бывают люди способны»⁹³.

В январе 1846 г. А. Г. Лаваль обратилась с просьбой разрешить дочери приехать в Петербург, чтобы проститься с умирающим отцом. Она заверяла, что никто не будет знать о ее приезде и что Екатерина Ивановна, свидевшись с отцом, тотчас же возвратится в Сибирь. Николай I отказал и велел напомнить условие 1826 г.: ехать за мужем без права на возвращение⁹⁴.

В 1847 г. генерал-губернатором Восточной Сибири был назначен Н. Н. Муравьев. С этого времени положение декабристов изменилось к лучшему. Муравьев вместе с супругой нанес визиты Трубецким и Волконским, открыл двери своего дома для них, что вызвало раздражение реакционных кругов в городе. Иркутский губернатор А. В. Пятницкий послал на Муравьева донос, но результат оказался неожиданным: доноситель был отстранен от должности.

Просветительская деятельность декабристов, усовершенствования в сельском хозяйстве, высокий культурный уровень их жизни — все это вызывало уважение прогрессивно мыслящей местной интеллигенции и особенно молодежи. Этого не мог не оценить молодой энергичный начальник Восточной Сибири. В свою очередь, деятель-

⁹¹ Письмо 83.

⁹² Эльброн, с. 134.

⁹³ Письмо 84.

⁹⁴ Эльброн, с. 134.

ность Н. Н. Муравьева и его окружения не могла не привлечь к нему симпатий декабристов. В. Ф. Раевский в письме к Г. С. Батенькову от июня—августа 1848 г. так сформулировал общее впечатление о Н. Н. Муравьеве и его окружении: «Мы имеем отличного генерал-губернатора. Сибирь давно, давно была под одной спекулятивной промыш[ленной] и обидной для человечества администрацией. <...> Ген[ерал]-губ[ернатор], и губернатор, и приехавшие с ними чиновники, кажется, воодушевлены той высокой идеей, которую так резко, так зычно высказывает девятнадцатый век или начало этого века»⁹⁵.

Среди чиновников, составивших административный аппарат Главного управления Восточной Сибири, были М. С. Корсаков, Б. В. Струве, Н. Д. Свербеев, В. И. Якушкин, А. Н. Сеславин, А. И. Заборинский, иркутский губернатор В. Н. Зарин, кяхтинский градоначальник Н. Р. Ребиндер и др.

Дома Трубецких и Волконских стали центрами, вокруг которых группировались иркутские декабристы и прогрессивно настроенная местная интеллигенция. «Обе хозяйки — Трубецкая и Волконская — своим умом и образованием, а Трубецкая — и своею необыкновенною сердечностью, были как бы созданы, чтобы сплотить всех товарищей в одну дружескую колонию»⁹⁶.

Ко второй половине 40-х гг. иркутская колония заметно поредела. Из 23 декабристов, поселенных вокруг Иркутска в 1835—1839 гг., осталась половина, а в Иркутске — только Трубецкие, Волконские, Муханов и А. Поджио. В. Ф. Раевский имел дом в городе, но жил в основном в Олонках. Остальные декабристы приезжали в Иркутск редко, главным образом для свидания с друзьями. Трубецкой бывал у Быстрицкого в с. Хомутове, у Раевского в Олонках, у Панова в Урике, у Юшневских в Малой Разводной. В основном же друзья поддерживали связь перепиской.

В апреле 1848 г. до Сибири стали доходить известия о революции на Западе. «...Читаем, толкуем, размышляем, спорим, мечтаем — вот единственное участие, которое мы можем принять в общем движении», — писал И. И. Пу-

⁹⁵ Раевский В. Ф. Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1983, т. 2, с. 413.

⁹⁶ Белоголовый Н. А. Из воспоминаний сибиряка о декабристах. — В кн.: В потомках ваше племя оживет. Иркутск, 1986, с. 30.

щин, выражая характер отношений декабристов к событиям в Европе⁹⁷. Трудно себе представить, чтобы Трубецкой никак не откликнулся на события, которые так волновали его друзей, однако не сохранилось ни одного его письма за этот период. Единственное свидетельство того, что события такой важности не прошли мимо семьи Трубецких,— коротенькая фраза в письме Екатерины Ивановны к сестре в Неаполь в конце 1848 г.: «Мы живем в печальные времена. Кажется, невозможно предвидеть и объяснить что бы то ни было»⁹⁸. В Европе все было еще очень неопределенно, хотя весы склонялись уже в пользу контрреволюции. Французская революция находилась под угрозой поражения. В остальных странах Европы еще шла борьба за упрочение республиканского строя, но уверенности в победе не было. Вероятно, Екатерина Ивановна выразила не только свое мнение. Из ее фразы трудно сделать какой-либо вывод об оценке обстановки Трубецким. Общий тон высказывания пессимистичен. Потому, что революция на Западе воспринималась как еще одна бессмысленная и безуспешная попытка изменить мир, или потому, что благой попытке не суждено было осуществиться? Ответ на это дают некоторые косвенные данные.

Революционные потрясения 1848—1849 гг. в Европе и политические события в России (аресты участников кружка М. В. Петрашевского, суд и высылка их в Сибирь) не оставили Трубецкого равнодушным. Прибывший в августе 1849 г. в Иркутск И. И. Пущин рассказывал, что в Тобольске они с М. А. Фонвизиным пытались что-нибудь узнать о Петрашевском и его сподвижниках. «Не знаю, верить ли слухам о тайных обществах в России. Кажется, только новые жертвы, если и справедливы слухи»⁹⁹, — писал он М. И. Муравьеву-Апостолу.

Встреча с Пущиным послужила для иркутской колонии декабристов новым толчком к обсуждению положения в Европе и России в связи с революцией 1848 г., распространением социалистических идей. Всех тревожило, не совершается ли с петрашевцами «повторение того, что было с ними» (декабристами.— В. П.)¹⁰⁰. Обмен мнениями был таким откровенным и носил настолько острый характер,

⁹⁷ Пущин И. И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1956. с. 224.

⁹⁸ Цит. по: Эльброн, с. 136.

⁹⁹ Пущин И. И. Записки о Пушкине. Письма, с. 230.

¹⁰⁰ Там же, с. 238.

что Пущин не рискнул пересказать их суть в письме к М. И. Муравьеву-Апостолу: «О политике ничего вам не говорю — это останется до свидания»¹⁰¹.

Декабристов волновали вопросы развития и распространения революционной идеологии в России, размежевания общественных течений, вызванных революционными потрясениями 1848—1849 гг., сопоставление судеб России и Запада, поиск выхода из политического кризиса и решение главной русской социальной проблемы — крестьянского вопроса.

Не располагая сочинениями и письмами, где бы раскрывался взгляд Трубецкого на эти вопросы, мы можем судить о нем только по косвенным данным. К ним относится письмо Н. А. Бестужева от 16 октября 1850 г., явившееся ответом на не дошедшее до нас письмо Трубецкого, посланное с верным человеком. Бестужев продолжал начатый, по-видимому, ранее с Трубецким разговор о возможности осуществления в России идеи «коммунистов и социалистов» об отмене собственности и о праве на труд. Он писал, что прочел почти все, написанное западно-европейскими социалистами-утопистами, и «даже Прудоновы софизмы»¹⁰², и находит «нечто справедливое в нападках социалистов на собственность. <...> Состояние европейского общества таково, что действительно 999 тысячных остаются без всякого имущества, тогда как всем пользуется только $\frac{1}{1000}$ -ная во всей пропорции народонаселения». (В данном случае слово «действительно» может выражать согласие как с мнением социалистов-утопистов, так и с мнением Трубецкого.) Социальное неравенство порождает поляризацию слоев общества: баснословное богатство и бесправная нищета. Россия с ее общинным строем представляется Бестужеву в более выгодном, чем Европа, положении¹⁰³.

Поскольку тон письма Бестужева не носит полемического характера, а как бы развивает высказанные ранее мысли, понятия и одобренные собеседником, можно думать, что взгляд Бестужева на роль общины разделял и Трубецкой. Однако известно, что в начале 1820-х гг. Трубецкой высказывался против общинного земледользования, так как считал его источником хозяйственного застоя

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 49, л. 3—6.

¹⁰³ Там же, л. 6.

и рутины. Общине он противопоставлял буржуазную частную собственность на землю, видя в ней путь к экономическому прогрессу¹⁰⁴. Такой взгляд свидетельствовал тогда о более радикальной, демократической позиции декабриста в решении аграрного вопроса. В новых условиях конца 1840-х гг. — торжества реакции на Западе, бедственного положения европейского пролетариата — декабрист (как это можно предположить, основываясь на письме Бестужева) осознавал справедливость критики коммунистами и социалистами буржуазного общества, в котором царили социальное неравенство и классовый антагонизм.

Выход из политического кризиса Трубецкой видел в осуществлении крестьянской реформы и освобождении крестьян непременно с землей, ибо предоставление им только личной свободы привело бы к тому, что массы семейств «могли быть обращены в голых нищих; а нищета может возбудить к величайшим злодеяниям, пролетариат равно опасен во всех сословиях»¹⁰⁵. На новом историческом этапе Трубецкой пришел к выводу, что заслоном против пролетаризации крестьянства может явиться общинная форма землепользования. В общине заключалась, по мнению декабристов, основа будущего справедливого переустройства общества, «главный элемент социалистских и коммунистических теорий», как писал М. А. Фонвизин¹⁰⁶. «Будем, однако, всем сердцем желать и надеяться, что Россия не слепо станет подражать Европе <...>, что не удовольствуется одним личным освобождением крепостных, но сумеет сохранить древнюю своеобразную особенность нашего народного быта: я разумею обычай общественного пользования землями всего сельского народонаселения, обычай драгоценный, который, сделавшись правом, предохранит Россию от бедственного пролетариата — этой язвы, снедающей все государства западные»¹⁰⁷.

Как бы развивая мысль Фонвизина, Н. А. Бестужев писал Трубецкому: «Земля не должна принадлежать никому. Она собственность государства, народа»¹⁰⁸; существ-

¹⁰⁴ Трубецкой, т. 1, с. 326—327.

¹⁰⁵ Письмо 198.

¹⁰⁶ Фонвизин М. А. Сочинения и письма. Иркутск, 1981, т. 2, с. 291.

¹⁰⁷ Там же, с. 301.

¹⁰⁸ ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 49, л. 6.

ование закона, не позволяющего в общинах продавать или закладывать землю, система земского и городского управлений, основанных на «мирском согласии», позволят России подойти к социализму ближе какой-нибудь из европейских стран¹⁰⁹.

К сожалению, нет данных, позволяющих утверждать, что Трубецкой безоговорочно разделял точку зрения Н. А. Бестужева, но безусловно, что спустя четверть века он не отступил от идеи необходимости социального переустройства общества, начало которому должно было положить уничтожение крепостного права. Он верил в неизбежность государственного преобразования. 23 февраля 1852 г. Трубецкой писал Г. С. Батенькову: «Я часто подобно вам мыслю, что мы живем в переходной эпохе и что она должна кончиться новым образованием общественного мира»¹¹⁰. Представление о грядущем изменении не могло возникнуть вне раздумий над судьбами России и Запада, над причинами европейской революции и ее поражения, над новыми социалистическими учениями. В условиях реакции и создавшегося в начале 1850-х гг. политического кризиса декабрист уверенно говорил, что на смену эпохе, в которой они живут, должна прийти другая, новая эпоха. Трубецкой писал, что «человеческий род не способен к тому совершенствованию, о котором мечтают некоторые умы»¹¹¹, имея в виду учение социалист-утопистов об идеальном обществе. Речь, скорее всего, идет о выдвинутых теоретиками утопического социализма положениях о переустройстве общества, об идеях петрашенинцев.

В том же письме к Батенькову Трубецкой добавлял, что, хотя эти мечты и несбыточны, «каждый век, каждое великое событие оставляет за собою следы к лучшему». Движение истории представлялось ему поступательным, процесс ее развития объективным, совершающимся не по кругу, а по спирали, «улитковой линией», таким образом, хотя в основе философских взглядов Трубецкого лежит идеалистическое мировоззрение, в них можно видеть элементы материализма, чему в значительной степени способствовали серьезные занятия естественными науками. Исследование природных явлений невольно приводило де-

¹⁰⁹ Там же, л. 6 об.

¹¹⁰ Письмо 106.

¹¹¹ Там же.

кабриста к осознанию объективности процесса развития мира, диалектики его формирования, к пониманию того, что мир и общество не могут остановиться в своем развитии.

Жизнь иркутских поселенцев шла своим чередом. У Трубецких подрастали дети. Вместе с дочерьми и сыном в их семье воспитывалась дочь М. К. Кюхельбекера Анна. Вторая его дочь Юстина, хотя и была определена в сиротский дом, большую часть времени проводила у Трубецких. У них же воспитывался сын ссыльнопоселенца А. Л. Кучевского Федор, жила старшая дочь бедного чиновника Неустроева Мария, ровесница Саши Трубецкой, и еще одна подруга старших девочек Трубецких Анна¹¹². В 1851 г. к Трубецким приехали из Петербурга губернатор и гувернантка — Петр Александрович Горбунов, выпускник Московского университета, и Констанция Юлиановна Олендская, высокообразованная, владевшая несколькими иностранными языками, уже немолодая женщина. Помимо воспитателей, в доме было немало прислуги. Не получали отказа в приюте и многочисленные странники, бездомные, нищие; двор был полон посторонних людей, что дало повод Ф. Ф. Вадковскому написать: «Большой двор, в котором толчется несметное число баб, девок, мужиков и мальчиков и обедают и опивают хозяев — это будет двор Трубецких и их дворян»¹¹³.

В 1851 г. в Иркутск приехал сын декабриста В. А. Давыдова Петр Васильевич, чтобы познакомиться с друзьями своих родителей, а 19 января 1852 г. состоялась его свадьба с Елизаветой Сергеевной Трубецкой. Молодые по дороге в Россию посетили своих родных в Красноярске, Батенькова в Томске, Фонвизинных в Тобольске, колонию декабристов в Ялуторовске.

И. Д. Якушкин писал Н. Д. Свербееву 12 мая 1852 г.: «Давыдовы пробыли у нас несколько дней, и мы их здесь все полюбили; Лиза — прекроткое и премилое существо»¹¹⁴. Вслед за Елизаветой вышла замуж и Александра Трубецкая — за кяхтинского градоначальника Н. Р. Ре-

¹¹² Анна Александровна (Anetta), фамилия не установлена, впоследствии жена И. С. Персина. Согласно его письму, не подтвержденному другими источниками, — сестра декабриста Бечасного (ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 132, л. 9).

¹¹³ ЦГАОР, ф. 279, оп. 1, д. 1281, л. 173.

¹¹⁴ Якушкин И. Д. Записки, статьи, письма, с. 365.

биндера¹¹⁵. При первом сватовстве Ребиндеру было отказано. Он был вдвое старше своей избранницы, имел двенадцатилетнюю дочь. Однако Трубецкие видели в нем достойного, честного и благородного человека, сочувствовавшего идеям декабристов, что само по себе являлось в их глазах достаточной рекомендацией для того, чтобы принять его в свою семью. Супруги уехали в Кяхту. 9 июля 1852 г. И. Д. Якушкин писал Н. Р. Ребиндеру в связи с его женитьбой: «Присоединившись так радушно к нашему семейству, вы во всех отношениях стали нам очень близким человеком, но позвольте вам сказать откровенно: при первом знакомстве и по кратковременной беседе с вами я искренно полюбил вас и тогда же мысленно помолвил вас на многолюбимой мною Саше»¹¹⁶. При выборе спутников жизни для своих дочерей Трубецкие обращали внимание прежде всего на их нравственные качества, политические убеждения, отношение к общественному долгу. Главным критерием оценки человека в семье Трубецких были честь, совесть, порядочность, а не титулы и богатство. Духовная связь с детьми и зятями сохранилась у Трубецкого до конца жизни. Он гордился ими, как и своими друзьями, разделял их заботы и тревоги, и они платили ему тем же.

События начавшейся Крымской войны, положение России беспокоили Трубецкого: «<...> Ум слишком занят тем, что происходит в России», — писал Трубецкой дочери Александре. «Каких бы успехов мы ни добились, эта война большое бедствие; она дорого обойдется миру из-за крови, которая будет пролита, а также из-за денег, которые она будет стоить»¹¹⁷. Беспокойство усугублялось еще и тем, что в Крыму находилась чета молодых Давыдовых. Тревожили и события на востоке страны. «В нашем краю свой Восточный вопрос также завязывается, а разрешится, подобно Европейскому, не скоро», — писал Трубецкой Батенькову¹¹⁸. Действия русской эскадры на Дальнем Востоке против англо-французов обсуждались в кругу декабристов особенно горячо. Они внимательно

¹¹⁵ Н. Р. Ребиндера не следует путать (как это имеет место в некоторых работах) с Г. М. Ребиндером — жандармским полковником, комендантом Нерчинских рудников с 1838 г.

¹¹⁶ ЦГИА, ф. 1657, оп. 1, д. 75, л. 1.

¹¹⁷ Письмо 116.

¹¹⁸ Письмо 114.

свели за ходом боевых действий, за героическими подвигами русских солдат и офицеров, среди которых были давние знакомые Трубецких, часто посещавшие их дом: известный мореплаватель, руководитель Амурской экспедиции, исследователь Дальнего Востока, проездом бывавший в Иркутске, Г. И. Невельской и его сподвижники — морские офицеры П. В. Казакевич и Н. М. Чихачев, с которыми Трубецкой вел переписку. В беседах и спорах самое живое участие принимала и молодежь, посещавшая дом Трубецких. Внешние события, общение с друзьями помогали переносить бытовые неудобства и более серьезные неурядицы, к которым относились испортившиеся взаимоотношения М. Н. Волконской и Е. И. Трубецкой¹¹⁹. Они не приобретали широкой огласки, но и не могли быть скрыты от близких и родственников. Так, Н. Д. Свербеев, приехавший в Иркутск в 1851 г., писал матери 15 января 1852 г., что семьи Трубецких и Волконских «издавна ведут маленькую вражду, <...> я остался преданным и той и другой, ибо, в сущности, обе заслуживают полной любви и уважения»¹²⁰. Одновременно он упоминал, что почти ежедневно бывал у С. Г. Волконского, «хоть на минутку», и что вместе с Сергеем Григорьевичем они часто посещали дом Трубецких¹²¹.

В 1852 г. С. П. Трубецкого навещал брат Александр Петрович. О его приезде сообщала А. С. Ребиндер сестре Е. С. Давыдовой в письме от 20 июня 1852 г.¹²²

14 октября 1854 г. скончалась Екатерина Ивановна. Ее хоронил весь город. «Одно только лицо удивило меня своею холодностью», — писал Трубецкой И. И. Пущину, имея в виду отсутствие на похоронах М. Н. Волконской. После похорон Трубецкие уехали к Ребиндерам в Кяхту.

Вернувшись в Иркутск, Сергей Петрович писал Батенькову: «Собственная душа не мешает мысли заниматься общим делом. Война и ожидание ее последствий всегда предметом разговоров, когда сходимся»¹²³. Он с горечью сообщал, что события в России редко доставляют утешение, «чаще сердце обливается кровью, и тогда негодование берет верх над другими чувствами. Странная бедность

¹¹⁹ Примеч. 9 к письму 109.

¹²⁰ ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 275, л. 6.

¹²¹ Там же, д. 283, л. 7 об.

¹²² ЦГИА, ф. 1657, оп. 1, д. 149, л. 22.

¹²³ Письмо 127.

в людях! <...> Глас народа, говорят, есть глас божий; но и народ не произносит никакого имени. Знаем только то, что те, которые есть, не годятся, а кого поставить вместо их?— Нет ответа»¹²⁴.

Амур, Севастополь, Камчатка, Кронштадт — вот горячие точки, к которым было обращено внимание декабриста. Вызывала негодование бездарность правительства, начавшего неправую войну, и командования, которое в этой войне проливало напрасно кровь, губило народное добро и утешало себя мыслью, что урон неприятеля более значителен¹²⁵. «Всего не узнаете, что здесь известно по письмам из тех краев,— сообщал Трубецкой.— Какая бездна хлеба погублена, а сколько истребилось капиталов! А он [Горчаков.— В. П.] радуется, что частная только собственность пострадала большею частию. <...> а матросов и офицеров <...> большая часть уже перебита на стенах севастопольских»¹²⁶. Давыдовы сообщали из Крыма о возможном разорении имения и о своем беспокойстве, «как спасти крестьян на случай наступления к ним неприятеля»¹²⁷.

Грустные известия приходили от друзей: смерть унесла Фопвизина, Муханова, братьев Борисовых, В. Давыдова, Н. Бестужева; здоровье И. Д. Якушкина, приехавшего в Иркутск в 1854 г., настолько ухудшилось, что опасались за его жизнь. В конце 1854 г. уехали в Петербург Ребиндеры, а вскоре в доме началась эпидемия скарлатины, тяжело болели Иван, Федор, Мария Горбунова, которая так и не поправилась.

Весной 1856 г. состоялась свадьба младшей дочери Трубецкого Зинаиды с Н. Д. Свербеевым, выпускником Московского университета, родственником Е. П. Оболенского. Молодые поселились у Трубецкого во флигеле, пристроенном в 1852 г. к заушаковскому дому. С замужеством Зины дом Трубецких помолодел и оживился. Вокруг «истеранов» стала собираться молодежь: братья Белоголовые, В. И. Вольф, Е. В. Пфаффиус, А. И. Заборинский, приехавшие по делам службы С. П. Колошин и А. П. Полторацкий, ссыльные поляки. Часто бывала Е. П. Ротчева, женщина образованная, почитательница

¹²⁴ Письмо 137.

¹²⁵ Письмо 135.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Письмо 141.

Руссо¹²⁸. Ее салон в Иркутске посещали петрашевцы, один из которых, Ф. Н. Львов, женился на ее дочери¹²⁹.

«Зеленое поле», как называл эти собрания у Трубецкого Н. Д. Свербеев, собирало ежедневно бойцов, между которыми разгорались «сильные прения»¹³⁰. От молодежи не отставали и «старики»: А. Поджио, Волконский, И. Якушкин, Бечаснов, Трубецкой¹³¹.

Возможно, тогда же, на этих собраниях читалась и обсуждалась статья Н. А. Мельгунова «Мысли вслух об истекшем тридцатилетии России», опубликованная в Лондоне в 1856 г. в I части «Голосов России», и Б. Н. Чичерина «Восточный вопрос с русской точки зрения». Обе статьи так заинтересовали Трубецкого, что он собственноручно переписал их¹³². Статьи содержали резкую критику политики царского правительства во всех областях государственного устройства, особенно в годы Крымской войны, которая вскрыла язвы русской жизни.

В. Е. Якушкин, внук декабриста, упомянул об этих статьях в связи с поражением России в русско-японской войне 1904—1905 гг., видя аналогию в характере ведения обеих войн. По замечанию Якушкина, статьи с анализом русской действительности, подобные упомянутому, ходили в 1850-е гг. по рукам в списках, поскольку не печатались в связи с цензурным запретом. «Сильно сочувствовал им Трубецкой,— писал Якушкин,— если на 7-м десятке пожелал их списать собственноручно»¹³³.

В августе 1856 г. должна была состояться коронация Александра II. Многие декабристы и особенно их близкие связывали с ней надежды на амнистию. Трубецкой не разделял их¹³⁴. Н. Д. Свербеев в полном согласии с мне-

¹²⁸ Якушкин И. Д. Записки, статьи, письма, с. 429.

¹²⁹ Раевский В. Ф. Материалы о жизни и революционной деятельности, т. 2, с. 498.

¹³⁰ ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 152, л. 13.

¹³¹ В середине 1850-х гг. в Иркутске образовался кружок передовой молодежи, получивший название «Общество Зеленых полей». Организаторами его стали братья Николай и Андрей Белоголовые, воспитанники декабристов Юшневского и А. Поджио (Матханова Н. П. Декабристы и кружок Белоголовых в Иркутске.— В кн.: Декабристы и Сибирь, с. 175—185). Возможно, прообразом общества послужили собрания Зеленых полей в доме Трубецкого.

¹³² Записки князя С. П. Трубецкого. СПб., 1906, прилож. 1, с. 127—153; прилож. 2, с. 157—210.

¹³³ Рус. ведомости, 1907, 21 янв., № 16.

¹³⁴ Письмо 147 и примеч. 2 к нему.

нием тестя писал Е. П. Оболенскому 8 августа 1856 г.: «Если и будет амнистия, то ее даруют как-нибудь мерзко, ибо у нас не подло правительство не сумеет поступить»¹³⁵. Действительно, амнистия имела ограниченный характер, а манифест содержал всякого рода оговорки и «частные изъятия», которые проводились негласно. Таким «изъятием» являлось умолчание о тайном надзоре за возвратившимися из ссылки декабристами. Им разрешалось жить где захотят, исключая Москву и Петербург. Трубецкой, как и некоторые его товарищи, не хотел воспользоваться амнистией, и «детям стоило больших трудов оторвать его от могилы жены; только ради воспитания своего сына Ивана он сдался на увещевания»¹³⁶. В июне 1856 г. Сергей Петрович побывал в Петровском заводе у Горбачевского и заказал через него решетку на могилу Екатерины Ивановны¹³⁷.

1 декабря 1856 г. Трубецкой покинул Иркутск. Свой дом он оставил на попечение П. А. Горбунова, а книжное собрание пожертвовал библиотеке Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. (Во время пожара в Иркутске в 1879 г. библиотека сгорела.) Часть книг по истории Франции и Всемирной истории он подарил Иркутскому девичьему институту. Сохранилось только 35 книг из этого собрания¹³⁸. При отъезде из Иркутска не обошлось без инцидента: от Трубецкого потребовали точных сведений о пути его дальнейшего следования и месте предполагаемого поселения в России. Гнев старого декабриста против полицейского надзора нашел отражение в официальном протесте и резких письмах иркутскому исправнику, а также в письмах к дочери Александре и сестре Е. П. Потемкиной¹³⁹.

Местом жительства Трубецкой избрал Киев, где обосновались Ребиндеры. По дороге в Россию первая длитель-

¹³⁵ ГАИО, ф. 774, оп. 1, л. 52, л. 14.

¹³⁶ Волконский С. [М.] О декабристах (по семейным воспоминаниям). Пг., Изд-во «Начало», 1922, с. 73.

¹³⁷ Павлова В. П. Из архива С. П. Трубецкого. Письма И. И. Горбачевского. — В кн.: Сибирь и декабристы. Иркутск, 1965, вып. 4, с. 195—203.

¹³⁸ Куликаускаене Н. В. Книги декабристов в редком фонде библиотеки Иркутского университета. — В кн.: Сибирь и декабристы, вып. 1, с. 206; Боннер А. Г. Бесценные сокровища. Иркутск, 1979, с. 82—84.

¹³⁹ Письма 152, 153.

ная остановка была в Нижнем Новгороде. Здесь Сергей Петрович родился, с этим городом декабристы связывали свои планы преобразования государства, ему они отводили роль столицы России. Ко времени приезда Трубецкого в Нижний жили многие его друзья и родные. Губернатором только что, в сентябре 1856 г., был назначен старый друг по тайному обществу А. Н. Муравьев. Здесь же с 1855 г. обосновалась М. А. Дорохова, дом которой служил местом встреч передовой интеллигенции города, у нее останавливались все декабристы, возвращавшиеся из Сибири¹⁴⁰. По-видимому, у нее состоялась встреча Трубецкого с П. Н. Свистуновым. В Нижнем жили давний приятель по обществу «Зеленая лампа» и по Союзу благоденствия А. Д. Улыбышев и брат казенного декабриста М. П. Бестужева-Рюмина Николай Павлович. Его отца и всю семью Бестужевых-Рюминых Трубецкой знал еще с детства. Сергей Петрович остановился в семье племянника — В. А. Трубецкого, близкого семье Н. А. Добролюбова. В. А. Трубецкой был опекуном Н. А. Добролюбова после смерти его отца¹⁴¹. Сергей Петрович имел возможность познакомиться у племянника с его приятелем и сослуживцем В. И. Далем¹⁴². В Нижнем Трубецкого ждала Е. П. Потемкина, выехавшая из Москвы на встречу брату.

29 января 1857 г. Трубецкой прибыл в Москву. По ходатайству А. М. Борха ему было разрешено пробыть в столице две недели для решения дел по опекунству сына. Начальник 2-го округа корпуса жандармов генерал Перфильев доносил В. А. Долгорукову, что Трубецкому, не успевшему в течение положенных двух недель закончить дела, разрешено остаться в Москве «впредь до особого распоряжения» и что при наблюдении за ним «ничего заслуживающего внимания до сего времени не замечено». Однако агенты доносили другое: Трубецкой и Волконский «позволяли себе входить в самые неприличные разговоры о существующем порядке вещей». Получив эти сведения, Долгоруков потребовал разъяснения у Перфильева и московского генерал-губернатора Закревского. Первый 23 февраля 1857 г. доносил Долгорукову: «Несмотря

¹⁴⁰ Коновалова А. Н. Мария Александровна Дорохова. — В кн.: Записки краеведов. Горький, 1975, с. 63—66.

¹⁴¹ ИРЛИ, 244, 2072. IX, с. 15.

¹⁴² Никитенко А. В. Дневник. М., 1955, т. 3, с. 270.

на столь продолжительное отчуждение от общества, при вступлении в него вновь они не выказывают никаких странностей, ни унижения, ни застенчивости; свободно вступают в разговор, рассуждают об общих интересах, которые, как видно, никогда не были им чужды, невзирая на их положение; словом сказать, 30-летнее их отсутствие ничем не выказывается, не наложило на них никакого особенного отпечатка, так что многие этому удивляются и, предполагая их встретить совсем другими людьми: частью сбитыми, утратившими энергию, частью одичалыми, могут находить, что они лишнее себе дозволяют». Далее Перфильев добавил, что ничего другого сказать не может, кроме «изложенного выше удивления, что они сохранили способность обо всем говорить не сдерживаясь и не выказывая отсталости». Закревский сообщал Долгорукову 12 марта 1857 г.: «Трубецкой и Волконский, о проживании которых в Москве имеется особая переписка, <...> ни в чем предосудительном не замечены. Одежда их заключается в пальто или сюртуках, и действительно они носят бороды. Оба находились постоянно в домашнем кругу и появлялись в обществе только случайно: Трубецкой один раз у дочери своей Свербеевой, а Волконский, сверх того, у зятя своего отставного полковника Раевско-го»¹⁴³.

Следовательно, Трубецкой и Волконский принимали участие в разговорах на темы, занимавшие в то время умы передовых людей. Известно, о чем велись разговоры и гостинных, посещаемых Трубецким и Волконским постоянно или «случайно», но, скорее всего, это были вопросы, связанные с освобождением крестьян. Еще весной 1856 г. в Сибирь дошли слухи о выступлении Александра II 30 марта перед предводителями московского дворянства, где была высказана мысль о необходимости освободить крестьян сверху, чем ждать, когда они сами освободят себя снизу. В Москве Трубецкому и Волконскому, по-видимому, стало известно о начале заседаний Секретного комитета по крестьянскому делу. Но не только высказывания декабристов вызывали настороженность полицейских агентов, немедленно доносивших о каждом их шаге и слове, но и внешний вид — пальто и длинные бороды —

¹⁴³ Сиверс А. А. К истории декабристов после амнистии 1856 г. — В кн.: Дела и дни, 1920, № 1, с. 410—412.

воспринимался как вызов правительству. Не случайно Сергей Петрович в письме к И. И. Пущину писал: «За что вы так нападаете на мою бороду? Когда уже Закревский в Москве и кн. Долгоруков здесь ее пощадили <...>¹⁴⁴.

Пробыв в Москве более трех недель (он остановился в доме Дохтуровой на Волхонке, д. 13), Трубецкой выехал в Киев и прибыл туда 5 марта 1857 г. А. С. Ребиндер указывает точный адрес, по которому поселился Трубецкой в Киеве: «На Липках, в доме Марковича против дома губернатора и почти возле дома, который когда-то принадлежал Василию Львовичу [Давыдову.— В. П.] и где жили наши папенька и маменька в [18]24 г.»¹⁴⁵. Однако квартира оказалась не по средствам, и он в мае 1857 г. переселился в «дом Палехина в Липках наверху Кривой горы, или Университетского спуска», в соседстве с А. И. Давыдовой¹⁴⁶.

В ответ на сообщение Трубецкого о приезде в Киев А. В. Поджио писал: «Итак, вы у Днепра, у детей, у Университета, у места всех ваших и наших бывших и желаний, и мечтаний!»¹⁴⁷ Поджио вспоминал о далеких днях 1825 г., когда в Киеве собирались заговорщики, разрабатывались планы будущего восстания и преобразования государства. Трубецкой просил Свербеевых, оставшихся в Москве, сообщить ему обо всех друзьях-декабристах и помочь наладить связь со всеми, с кем она была прервана после отъезда из Сибири. В Киеве он нашел А. И. Давыдову и М. К. Юшневскую, пригласил к себе на жительство А. А. Быстрицкого. В мае 1857 г. Трубецкого навестил Н. В. Басаргин с семьей. Они не виделись 20 лет. Басаргины пробыли в Киеве четыре дня, на обратном пути из Тульчина они провели в Киеве еще нес-

¹⁴⁴ Письмо 190.

¹⁴⁵ ЦГИА, ф. 1657, оп. 1, д. 149, л. 72. В I томе наст. изд. адрес дома, в котором Трубецкие жили в Киеве в 1824 г., указан ошибочно: Владимирская ул., д. 5. В этом доме жил брат декабриста П. П. Трубецкой. А. С. Ребиндер уточняет, что родители жили в доме В. А. Давыдова (ныне Печерский район, ул. Панаса Мирного, д. 8/20). Дом не сохранился, но на его месте установлена мемориальная доска с надписью: «На этом месте находился дом, в котором в 1822—1825 гг. собирались члены Южного общества декабристов. Здесь была принята «Русская правда».

¹⁴⁶ ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 246, л. 41 об.

¹⁴⁷ ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 132, л. 37.

колько дней¹⁴⁸. Сергея Петровича часто навещал Н. И. Лорер. Ждали Пушиных, И. Д. Якушкина, но приезд их не состоялся из-за болезней. Из Киева Трубецкой ездил к Давыдовым в Каменку. Здесь он внимательно присматривался к быту крестьян, справедливо замечая, что по одной Каменке нельзя судить обо всех, так же как по одной хате нельзя судить о благосостоянии всех крестьян вообще. Его сведения о Каменке того времени представляют несомненный интерес, так же, как и описание окружающей природы, ведения хозяйства местными помещиками, положения крестьян в соответствии с инвентариями, при составлении которых допускался произвол. Трубецкой писал: «В наших преобразованиях то дурно, что хоть об ином и долго говорят, видя его необходимость, но когда приступают к делу, то делают его с поспешностью, и от этого бывают почти всегда промахи»¹⁴⁹. С большим интересом отнесся он к плану строительства железной дороги от Киева до Одессы, а также шоссейных дорог для соединения с ней.

Не прерывал Трубецкой связи и с Иркутском. Его интересовали события, происходившие на Востоке: миссия Е. В. Путятина в Китай, деятельность Н. Н. Муравьева на Амуре, предложение американцев построить железную дорогу «от Читы на Верхнеудинск и кругом Байкала»¹⁵⁰, проекты развития паромства по рекам и Байкалу, устройства электрического телеграфа.

Из писем и других источников видно, что Трубецкой и Киселев в свои 67 лет вел очень деятельный образ жизни. Он активно переписывался с друзьями, родными, возобновил работу над записками по истории тайных обществ, по настоянию Е. И. Якушкина составил замечания на записки Штейнгейля и Оболенского, вел дневник, готовил сына Ивана и воспитанника Федора Кучевского в гимназию. На вечерах у Ребиндеров, где собирались главным образом профессор и преподаватели университета, Трубецкой участвовал в беседах о научных открытиях,

¹⁴⁸ Там же, ф. 279, оп. 1, д. 168, л. 7—7 об.

¹⁴⁹ Письмо 170.

¹⁵⁰ ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 72, л. 44, 154, 202. Упоминание В. Б. Бахаева (Общественно-просветительская и краеведческая деятельность декабристов в Бурятии. Новосибирск, 1980, с. 152) о том, что С. П. Трубецкой «разработал обширный проект соединения всех рек России в единую водно-транспортную систему», не соответствует действительности. См. также примеч. 5 к письму 165.

системе образования, его интересовали взгляды ученых на состояние экономики, финансов, сельского хозяйства, на местные условия земледелия.

Одним из тревожных событий того времени были студенческие волнения, начавшиеся в Киевском, Московском и Харьковском университетах. О них с беспокойством говорили в семье Ребиндеров и среди их друзей. Трубецкой разделял мнение зятя о неудовлетворительной системе образования, при которой в учебных заведениях бытовала муштра, военная дисциплина. Пользуясь большим уважением и доверием Ребиндера, Трубецкой старался поддержать его в той обстановке, которая сложилась в городе в связи со студенческими волнениями и приездом специального чиновника для разбирательства дела.

В Киеве жили также старый товарищ Трубецкого П. И. Пушкин, братья Арнольди, один из которых — Александр Иванович (однополчанин и приятель М. Ю. Лермонтова) — вероятно, рассказывал о своих встречах с поэтом. Возможно, в это же время Н. И. Лорер познакомил Сергея Петровича с рукописью своих Записок. В Киеве он давал читать их М. В. Юзефовичу. Наезжая в Москву, Лорер знакомил с рукописью Д. Н. Свербеева, своего родственника, с которым и Трубецкой был в свойстве. В это же время и Сергей Петрович работал над своими Записками. Два декабриста, связанные дружескими, почти родственными отношениями, имели основания для взаимного обмена мыслями и воспоминаниями о прошлой деятельности.

Трубецкой по мере возможности посещал театр, оперу, концерты. Вечерами, оставаясь с больной дочерью Сашей, он часто читал ей вслух произведения И. С. Тургенева и И. А. Гончарова, с которым был лично знаком еще по Иркутску, куда писатель приезжал после плавания на фрегате «Паллада».

Главным предметом раздумий Трубецкого оставалась подготовка крестьянской реформы. В письме Н. Д. Свербееву от 19 апреля 1857 г. он спрашивал: «Что делает вопрос, который повсеместно занимает? Здесь очень беспокоятся и желали бы скорого его разрешения; боятся, что медленность усилит существующее волнение»¹⁵¹. Нерешительность действий Главного комитета по крестьян-

¹⁵¹ Письмо 165.

скому делу объяснялась опасением правительства вызвать недовольство дворянского сословия. В то же время феодальная система была серьезным тормозом для развития и сельского хозяйства, и промышленности. По словам В. И. Ленина, «при таких условиях самый осторожный и трезвый политик должен был бы признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание—опасностью весьма серьезной»¹⁵². Трубецкой имел возможность познакомиться с состоянием сельского хозяйства и промышленных предприятий на Украине и в Крыму, в частности с положением дел в сахарной промышленности и торговле; знал со слов помещиков и особенно помещиков-предпринимателей, о трудностях ведения хозяйства при недостатке свободных рабочих рук, об их заинтересованности в скорейшем решении крестьянского вопроса, что позволило бы широко использовать труд аграрных и промышленных рабочих. «Не знаю, как поступит здешнее дворянство,—писал Трубецкой Свербеевым,—но знаю многих благомыслящих людей, которые давно желают положить конец тому шаткому положению, в котором они находятся, и определить отношения свои к крестьянам на твердом основании, которое могло бы обещать им спокойствие в будущем. Ожидание так велико в здешнем народе, что медленность может возбудить такие беспорядки, которые трудно будет прекратить. <...> Если ж будут помещики медлить, то нельзя отвечать, чтоб не было нечистот»¹⁵³.

К концу 1850-х гг. относится заметка Трубецкого о положении крестьян в Восточной Сибири¹⁵⁴, написанная в связи с распространением правительственной теории «официальной народности», утверждавшей, что русский народ по природе своей нереволюционен, стоит за царя, не протестует против крепостного права, видит в помещике отца родного и искони глубоко религиозен¹⁵⁵. Вопреки этому мнению Трубецкой утверждал, что «о русском крестьянине правительство имеет самые ложные понятия», поддерживаемые рядом писателей славянофильского толка, «выдающих себя за патриотов и потому восхваляющих

¹⁵² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 30.

¹⁵³ Письмо 186.

¹⁵⁴ ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 10, л. 1—8 об.

¹⁵⁵ Нечкина М. В. Движение декабристов. М., 1955, т. 2, с. 444.

все русское». На самом деле крестьяне страдали от невежества, нищеты и пьянства. При упадке нравственного и умственного положения крестьян их права часто обращались им во вред, например, судное право превращалось в «чисто шемякин суд». Земские власти допускали произвол. Процветало взяточничество. Отсутствие хозяйского наблюдения со стороны начальства усугубляло все эти несправедливости.

В другой черновой заметке — о заготовлении провианта и фуража для армии и флота¹⁵⁶ — декабрист говорит о необходимости создания для пользы крестьян объединенных компаний по организации поставок. Эта заметка явилась откликом на статью Вл. Трубникова «Заготовление провианта и фуража для армии и флота»¹⁵⁷.

С нетерпением ожидая крестьянскую реформу, Трубецкой все больше убеждался, что разумное решение дворянским сословием этой проблемы несбыточно. В дневниковых записях за 1857—1858 гг. декабрист отмечал, что дворянство не оказало ни малейшей готовности содействовать проведению крестьянской реформы, что оно сроднилось с мыслью, что право владения крепостными людьми нисколько не противоречит законам природы и что на нем, по их мнению, держатся благоденствие государства, его сила, могущество, а «власть господская благодетельна для крепостного сословия». «Нет надобности,— заключал Трубецкой,— оспаривать всех этих и подобных положений. То, что видится беспрестанно на деле, нисколько не оправдывает вышереченных притязаний дворянства»¹⁵⁸.

Видимо, с этого времени надежды на осуществление крестьянской реформы Трубецкой связывает с царем, которому дворянство, не желающее решить дело, вынуждено будет подчиниться. Эта либеральная позиция была в тот период присуща многим прогрессивным деятелям (в том числе и Герцену), связывавшим надежды на крестьянскую реформу с Александром II.

В 1857 г. Трубецкой поддержал желание Н. Д. Свербеева переехать на службу в Нижний Новгород, где губернатором был А. Н. Муравьев, занимавший откровенно антикрепостническую позицию и активно боровшийся за скорейшее освобождение крестьян. Сам Трубецкой тоже

¹⁵⁶ ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 10, л. 9—10.

¹⁵⁷ Рус. вестник. М., 1858, кн. 13, с. 186—206.

¹⁵⁸ Наст. изд., с. 461.

хотел поселиться в Нижнем, где надеялся встречаться с сибиряками, часто приезжавшими на Макарьевскую ярмарку. План этот не был осуществлен, так как Свербеев вышел в отставку и отправился с женой за границу.

Свербеевы собирались посетить в числе европейских столиц и Лондон, где А. И. Герцен и Н. П. Огарев издавали «Колокол» и «Полярную звезду». «Решение ваше, — писал Трубецкой 29 марта 1858 г., — о знакомствах и действиях ваших нас [т. е. Трубецкого и Ребиндера. — В. П.] удовлетворило; Ник[олай] Ром[анович] ожидает, что Николай Дмитриевич передаст кое-что и в других отношениях общезанимательных»¹⁵⁹. 3 мая 1858 г. Свербеев уведомил Трубецкого о том, что не писал ему «обо всех своих похождениях в Англии, не доверяя русской почте»¹⁶⁰. К числу «общезанимательных» сведений могла быть отнесена информация о посещении Свербеевым Герцена и Огарева. Об этой встрече А. И. Герцен упомянул в письме к М. Мейзенбуг: «Приехала дочь князя Трубецкого, которая родилась на каторге и провела всю свою жизнь в Иркутске. Это живое предание 14 декабря было полно для нас самого жгучего интереса»¹⁶¹. Недавно были обнаружены неизвестные ранее письма Герцена к Н. Д. Свербееву, свидетельствующие об их встречах и дальнейшей переписке¹⁶². О своих встречах в Лондоне с Герценом в апреле 1858 г. Свербеевы, конечно, не могли открыто писать Трубецкому. Чаще удавалось передавать письма с надежными людьми к родным в Москву. Вполне вероятно, что, вернувшись из-за границы летом 1859 г. в Россию, в Крым, Свербеевы говорили с Сергеем Петровичем об интересе Герцена к запискам декабристов, в том числе и Трубецкого. Ведь не случайно наиболее интенсивно он работал над Записками в конце 1850-х гг., то есть после возвращения Свербеевых из-за границы. В первом томе настоящего издания уже отмечалось, что та часть Записок, которая касалась собственно истории тайных обществ в России, писалась Трубецким значительно позднее, чем основная их часть. Еще в конце 1854 г. Трубец-

¹⁵⁹ Письмо 197.

¹⁶⁰ ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 72, л. 57 об.

¹⁶¹ Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти т. М., 1962, т. 26, с. 173.

¹⁶² Об этом см.: Коваль С. Ф. Из архива Н. Д. Свербеева. Письма А. И. Герцена. — В кн.: Сибирь и декабристы, вып. 4, с. 203—216.

кой узнал от Свербеева, что Герцен открыл в Лондоне Вольную русскую типографию, где печатались статьи, запрещенные в России, и что Д. Н. Свербеев прислал сыну очерк Герцена «Тюрьма и ссылка», напечатанный в Париже в 1854 г. в газете «Revue des deux Mondes» как одно из «недошедших в Россию сведений о его книгах»¹⁶³.

Таким образом, Трубецкой, возможно, ранее других своих товарищей узнал о деятельности Герцена и Огарева и еще до выхода в августе 1855 г. первой книжки «Полярной звезды» знал о существовании Вольной русской типографии в Лондоне. Из небольшого числа сохранившихся писем, которые публикуются в настоящем издании, можно судить о том, что «Колокол» находился в сфере внимания декабриста. И. И. Пущин в письме от 19 ноября 1858 г. (в ответ на не дошедшее до нас письмо Трубецкого от 4 октября 1858 г.) сообщал: «Петербургские новости, вероятно, к вам доходят прямым путем, и, следовательно, вы от меня их не ждите. «Колокол» и у вас сложен без сомнения — я остановился на 25-м ударе»¹⁶⁴. (В № 25 «Колокола» от 1 октября 1858 г. было помещено «Письмо к редактору», в котором говорилось, что надежды на прогрессивные реформы лопнули, что напрасно сохраняют еще веру в Александра II и что царская семья занимается спекуляциями.)

Летом 1858 г. по ходатайству своячениц Трубецкой получил разрешение съездить в Варшаву для свидания с родственниками. В секретном отношении Долгорукова наместнику Царства Польского М. Д. Горчакову от 22 мая 1858 г. указывалось, что Трубецкому разрешено поехать «на самое короткое время». Тут же следовало предупредить о необходимости учредить за ним негласный полицейский надзор и немедленно сообщить о возвращении его из Варшавы в Киев; если же он захочет поехать за границу, «ни под каким видом не выдавать ему заграничный паспорт»¹⁶⁵. Пробыв в Варшаве две недели, Трубецкой 8 июля 1858 г. возвратился в Киев.

¹⁶³ ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 72, л. 16—16 об.; Герцен А. И. Собр. соч. М., 1956, т. 8, с. 406. Возможно, что этот очерк — газетный вариант одной из глав книги Герцена «Былое и думы» под тем же названием «Тюрьма и ссылка».

¹⁶⁴ ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 66, л. 12 об.—13. Письмо И. И. Пущина в извлечениях см.: Пущин И. И. Записки о Пушкине. Письма, с. 354.

¹⁶⁵ ЦГАОР ф. 109, I эксп., 1826, д. 61, ч. 26, л. 40—40 об.

Вскоре Н. Р. Ребиндера перевели в Одессу попечителем учебного округа. Вместе с Ребиндерами перебрался в Одессу и Трубецкой. Незадолго до отъезда Сергей Петрович получил известие о кончине одного из самых близких друзей — И. Д. Якушкина. В Одессе Сергей Петрович прожил почти год, часто бывал проездом в Саблах, Симферополе, Ялте и Севастополе. Он надеялся перевести сына из Ришельевского лицея в Московский университет. В связи со студенческими волнениями в университете А. С. Ребиндер писала сестре: «Неволью думаю о Ване, что через год и он куда-нибудь поступит и непременно будет замешан во всевозможные истории, если не сделается до тех пор рассудительнее»¹⁶⁶.

Свербеевы намеревались возвратиться в Сибирь. Сергей Петрович одобрительно отнесся к этому решению, сам же не видел возможности ехать с ними: «Если б меня не связывал Ваня, — писал он Свербеевым, — то я бы от вас не отстал, мне приличнее умереть в Иркутске, нежели где-либо в другом месте, матушка была неразлучна со мною в жизни своей, и мне следовало бы лечь вблизи ее могилы»¹⁶⁷.

В феврале 1859 г. Ребиндер выехал в Петербург в связи с назначением на должность директора департамента народного просвещения. 28 июля А. С. Ребиндер в сопровождении отца, которому было разрешено поселиться в Москве, отправилась к мужу. В Москву прибыли 7 августа, Сергей Петрович поселился с детьми вначале у своей сестры Е. П. Потемкиной на Пречистенке (ныне ул. Кропоткина, 21), затем в сентябре снял квартиру вместе со Свербеевыми в доме Стромиловой на углу Трубниковского и Дурновского переулков¹⁶⁸ (дом не сохранился), где прожил до 1 сентября 1860 г.

1859 г. принес Трубецкому новые переживания. 3 апреля скончался И. И. Пущин; из Иркутска пришло известие от Горбунова: «Не успел я уведомить вас о смерти одного из ваших товарищей (М. К. Кюхельбекера. — В. П.), а приходится уведомлять о смерти другого — В. А. Бечаснов скончался вчера 16 октября утром. Вымирают или выезжают все, что было лучшего, самостоятель-

¹⁶⁶ ЦГИА, ф. 1657, оп. 1, д. 149, л. 103.

¹⁶⁷ Письмо 206.

¹⁶⁸ ЦГИА, ф. 1657, оп. 1, д. 149, л. 109; ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 49, л. 11.

ного в Сибири. Остаются чиновники да купцы, люди зависимые, тоже без голоса. И теперь всех вас поминают беспрестанно, а придет время, то вспомнят и не так. Послезавтра мы хороним его в монастыре подле Панова и Муханова. Веретенников даст деньги на похороны, и мы с Петрашевским взялись хлопотать о могиле»¹⁶⁹. В том же году в Петербурге скончались А. Ф. Бриген и В. М. Голицын. С грустью Сергей Петрович замечает: «Ряды ваши редуют. Смерть косит и здесь и в Сибири»¹⁷⁰. У самого Трубецкого возобновились приступы, сопровождавшиеся легочным кровотечением. Здоровье дочери Александры ухудшалось. Беспокоило материальное положение детей. Несколько лет решался Сенатом вопрос о разделе имущества, оставшегося после смерти Екатерины Ивановны. В связи с возвращением сыну дворянства и княжеского титула нужно было ехать в Пензенскую губернию для введения его в наследство, что было особенно тягостно из-за все еще не решенного вопроса о крестьянской реформе.

С. П. Трубецкой был нужен всем своим детям. П. А. Горбунов писал бывшему своему воспитаннику Ване Трубецкому: «Из письма Н. А. Белоголового к брату я узнал, что Сергей Петрович был опасно болен. Он пишет, что болезнь серьезная и что подобные припадки могут возвращаться при малейшем расстройстве, как физическом, так и нравственном. На тебе лежит теперь обязанность беречь отца, сколько можно. Окружи его своею любовью, всем вниманием, на какое только способен. Береги от всякого душевного беспокойства, пуще всего сам не подавай к нему никакого повода. Ты один при нем, а он тебе еще нужен, да и как; я знаю, ты добр, ты честен, но в твоей молодой голове дуют еще все 24 ветра. Тебе долго еще будет нужен такой кроткий любящий советник, как твой почтенный отец. Кто в состоянии заменить тебе его, да и кого ты послушаешь, как его?»¹⁷¹

30 ноября А. С. Ребиндер сообщила сестре «важную новость»: «Папе разрешено приезжать по временам в Петербург»¹⁷². В начале 1860 г. врачи настоятельно советовали ей ехать для лечения за границу. Хлопоты о разре-

¹⁶⁹ ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 54, л. 3.

¹⁷⁰ Письмо 223.

¹⁷¹ ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 169, л. 7 об.

¹⁷² ЦГИА, ф. 1657, оп. 1, д. 149, л. 118.

шении отцу сопровождать ее оказались безуспешными. Видимо, старый, больной, но сильный духом декабрист все еще был опасен правительству, упорно не желавшему выпускать его из России, из-под контроля III Отделения.

Проводив дочь, Сергей Петрович выехал с сыном в их пензенское имение. Там они застали безрадостную картину: «Наш хутор,— иронизировал Трубецкой,— нашли в отличном состоянии: ни коровы, ни овцы, ни свиньи, только три лошади для разъездов управляющего. <...>, бывшие на пашне [барщинные. — В. П.] в самом худом положении, а оброчные крестьяне найдены в гораздо лучшем, нежели я полагал»¹⁷³. Первые распоряжения нанятому новому управляющему Р. Н. Лету составили целую программу действий, направленных на улучшение состояния крестьян: «Не отягощать крестьян никакими барщинными работами, а все таковые работы проводить вольными людьми», вникнуть, в чем состоят их занятия сверх хлебопашества, насколько и какие из этих занятий приносят им более выгоды; выяснить причины бедности крестьян; узнать от самих крестьян, охотно ли они пойдут на вольную работу по земледелию и за какую плату; защищать крестьян во всех случаях, когда это будет необходимо; открыть больницу, в которой принимать всех больных из имения, и выписывать из больницы не иначе «как по убеждению доктора, что они совершенно выздоровели»; для ухода за больными иметь достаточное число фельдшеров и слугителей; непременно прививать оспу всем детям, для чего обучить оспопрививанию смысленных и девиц, которые смогут заняться этим не хуже мужчин, и положить им определенное жалованье. Постараться уговорить крестьян сажать деревья около своих изб и принять меры к сохранению и приумножению лесных посадок. Крестьян, бывших ранее на барщине, перевести по их желанию на оброк. Были приняты меры против несправедливого захвата управляющим имения Борхов лесных и пашенных наделов, которыми пользовались ранее крестьяне. Трубецкой приступил к подготовке «соображений, каким образом можно будет устроить <...> имение при ожидаемом освобождении крестьян», предписав управляющему «крестьян и дворовых людей содержать в должном повиновении и стараться о водворении между

¹⁷³ Письмо 236.

ними доброй нравственности»¹⁷⁴. В этом наставлении обращает на себя внимание требование Трубецкого содержать крестьян в повиновении. Почему же человек, ненавидевший рабство, не освободил своих крестьян собственной властью тотчас же, как стал их владельцем? (В данном случае не имеет значения, что крестьяне принадлежали не ему, а сыну, тот во всем следовал советам отца.) Ответ прост: накануне проведения общей реформы «сверху» частная инициатива в этом деле расценивалась бы как вызов правительству.

Веру в благополучное, законное решение крестьянского вопроса разделяли в то время все декабристы. Трубецкой не одобрял участвовавших выступлений крестьян в Пензенской губернии и в имении Борхов из-за тяжелых, с его точки зрения, последствий и для государства и для самих крестьян. Он считал, что помещики должны удержать крестьян от опасных выступлений и содействовать скорейшему переходу их к жизни в «новых условиях».

Несмотря на солидное наследство, оставленное Е. И. Трубецкой, материальное положение семьи было шатким. Наличных капиталов почти не было. Не находилось покупателей на дом в Иркутске. Прииск, акционером которого был Трубецкой, не только не приносил дохода, но и стал убыточным. Чтобы отправить Александру Сергеевну на лечение за границу, Ребиндеры вынуждены были заложить столовое серебро и прибегнуть к займу¹⁷⁵. Сам Сергей Петрович вел более чем скромный образ жизни и, чтобы сводить концы с концами, зачастую вынужден был сокращать расходы на квартиру, экипаж и пр. Из небольших личных средств он по-прежнему посылал взносы в «малую артель» для оказания помощи нуждающимся товарищам или их семьям.

Поездка в Пензенскую губернию, а оттуда в Нижний Новгород, где состоялась встреча со старыми друзьями, в том числе с Г. И. Невельским и его семейством, позволила Трубецкому на какое-то время отвлечься от мрачных мыслей о здоровье старшей дочери, об ухудшившемся состоянии Н. Д. Сербеева.

9 июля 1860 г. из Дрездена пришло известие о кончине 30 июня Александры Сергеевны. Нужно было найти

¹⁷⁴ ЦГАОР, ф. 1143, оп. 2, д. 10, л. 6—8, 14—18 об.

¹⁷⁵ ЦГИА, ф. 1657, оп. 1, д. 36, л. 33—33 об.

физические и душевные силы, чтобы пережить горе, поддержать детей, внуков, мужа дочери. Он отправился в Сетуху проведать Н. Д. Свербеева, оттуда вернулся в Москву, чтобы затем вместе с сыном и младшей дочерью ехать в Петербург на похороны Александры Сергеевны, тело которой было доставлено пароходом 9 августа¹⁷⁶.

Вернувшись в Москву в середине августа 1860 г., Трубецкой с 1 сентября поселился «на Никитской во флигеле, что в Шереметевском переулке»¹⁷⁷.

Сергей Петрович старался не замыкаться в своем горе, встречался со старыми друзьями: сердечно рад был встрече с Г. С. Батеньковым и Е. П. Оболенским¹⁷⁸, сам отправился в подмосковное имение Никольское к А. В. Поджио, побывал в Твери у М. И. Муравьева-Апостола, навестил в Москве Анненковых, вернувшихся из-за границы, часто бывал у Нонушки Бибиковой, ездил к сестре в Аниково. Его навестили старые сибирские знакомые: М. С. Корсаков, Федоровский, Савичевский, часто бывал Н. А. Белоголовый. М. С. Корсаков рассказывал о состоянии дел Амурской экспедиции, об отношениях с Китаем, о разногласиях в иркутском обществе со времени дуэли между чиновниками Беклемишевым и Неклюдовым.

Трубецкой продолжал внимательно следить за подготовкой крестьянской реформы, делился с Ребиндером мыслями о результатах Варшавской встречи трех императоров. Одним словом, он старался вести самый деятельный образ жизни и быть полезным своим друзьям и близким. Неожиданно у него случился сердечный приступ, началось кровотечение. Сын вызвал телеграммой А. В. Поджио. Тот пробыл три дня и, когда опасность, казалось, миновала, уехал. В ночь с 21 на 22 ноября приступ повторился, и Сергей Петрович скончался на руках сына и Г. С. Батенькова.

В тот же день жандармский подполковник Воейков донес Долгорукову о смерти Трубецкого. В донесении он указал, что на похоронах, состоявшихся 25 ноября, кроме близких друзей покойного, в том числе Н. П. (?) Бестужева-Рюмина, М. И. Муравьева-Апостола, Н. Д. Пущиной и А. В. Поджио, были студенты университета и что они «по сочувствию к сыну Трубецкого, их товари-

¹⁷⁶ ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 288, л. 48.

¹⁷⁷ Письмо 252.

¹⁷⁸ ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 175, л. 13.

ща, гроб покойного из дома княгини Мещерской¹⁷⁹ <...> несли на руках до церкви св. Николая, что в Хлынове, где было отпевание тела, и по окончании оного не допустили поставить гроба на колесницу, а несли опять на руках <...>. При этой процессии находились более ста человек одних студентов разных факультетов, сопровождавшие до самой могилы в Новодевичий монастырь. <...> Сочувствие студентов к покойному Трубецкому породило в обществе толки о сделанной со стороны их демонстрации и что будто между студентами рассылались приглашения желающим быть на похоронах Трубецкого, как человека, страдавшего много лет во время ссылки в Сибири»¹⁸⁰.

Как ни старался Воейков представить похороны Трубецкого как самые заурядные, на самом деле, по свидетельству современников, они вылились в политическую демонстрацию. Была вызвана рота солдат, сопровождавшая процессию на кладбище. Даже мертвый декабрист вызывал опасения у властей, даже в могилу его сопровождали под конвоем!

За гробом умершего друга М. И. Муравьев-Апостол нес большую икону Спасителя в терновом венце как символ страданий за народ. По этому поводу был сделан запрос родным, но они отговорились тем, что это семейная реликвия и что икона принадлежала Е. И. Трубецкой¹⁸¹. Н. А. Белоголовый в письме брату от 25 ноября отмечал: «Публики было очень много, но главную массу составляли студенты; они хотели, верно, заявить свое сочувствие этому ратнику свободы, гроб его несли все на своих руках до <...> кладбища, что составит около 7 верст»¹⁸². Н. В. Басаргин писал в своих воспоминаниях о сочувствии, которое оказали Трубецкому «не только те, кто знали, но и все мыслящие люди нашей древней столицы»¹⁸³. В числе провожавших Трубецкого были М. М. Нарышкин и Г. С. Батеньков. Похоронен Трубецкой на старом кладбище Новодевичьего монастыря близ Смоленского собора.

¹⁷⁹ Дом кн. Мещерской — он же дом Панина (М. А. Мещерская — дочь А. Н. Панина). Ныне — ул. Герцена, 5 (а не 14, как указано М. Ю. Барановской и В. В. Сорокиным в статье «Декабристы в Москве» (Наука и жизнь, 1975, № 12, с. 71).

¹⁸⁰ ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826, д. 61, ч. 26, л. 95—96.

¹⁸¹ Там же, л. 97.

¹⁸² ГБА, ф. 22, п. 3, д. 486, л. 42.

¹⁸³ ЦГАОР, ф. 279, оп. 1, д. 171, л. 9.

Е. П. Оболенский в письме к детям Трубецких выражал общую мысль своих товарищей: «Отрадно то чувство, которое сохранилось в чистом, честном чувстве к Сергею Петровичу и Екатерине Ивановне <...>. Пусть дружба отцов перейдет в ваши сердца и даст отрадное чувство взаимного единодушия немногих искренних друзей их, которые еще живы»¹⁸⁴.

Сын декабриста Е. И. Якушкин, познакомившись с Трубецким в Иркутске, написал о нем: «Самый замечательный человек из всех иркутских жителей — Трубецкой. Всегда спокойный, всегда одинаковый, он не производит впечатление с первого раза, но, узнавши его хоть несколько, нельзя не почувствовать к нему привязанности и глубокого уважения. Привычками своими и обращением, равным ко всем, он напоминает Пушкина, но по уму, образованию он стоит несравненно выше, не говоря уже об убеждениях»¹⁸⁵.

Внук декабриста В. Е. Якушкин в статье, посвященной выходу в свет в 1906 г. Записок Трубецкого, писал, что Трубецкой «был, несомненно, одним из самых видных представителей общественного движения того времени. По уму, характеру, по своим взглядам и преданности делу, за которое взялся по глубокому убеждению, имел большое влияние среди товарищей, и влияние это отражалось на всем ходе дел тайных обществ. <...> Он пожертвовал личным счастьем и счастьем горячо любимой жены ради своей любви к Отечеству, ради своих стремлений сделать русский народ свободным и счастливым»¹⁸⁶.

Говоря об убеждениях Трубецкого, оба автора как бы свидетельствуют о твердости идейных позиций декабриста. Это важно, так как мнение Е. И. Якушкина сложилось при непосредственном общении его с Трубецким и под влиянием взглядов отца и его товарищей. Как видно, это впечатление прочно утвердилось в семье Якушкиных, если спустя много лет оно было подтверждено внуком декабриста.

С. П. Трубецкой умер семидесяти лет. Жизнь его была неразрывно связана с историей первых революционных тайных организаций на всех этапах их существования. Он

¹⁸⁴ ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 142, л. 11.

¹⁸⁵ Декабристы на поселении. Из архива Якушкиных. М., 1926, с. 54.

¹⁸⁶ Рус. ведомости, 1906, 24 дек., № 312, с. 5.

принимал активное участие в разработке планов свержения самодержавия и проектов нового государственного устройства России. Тринадцатилетние тюремно-каторжные испытания и последующая ссылка не сломили духа старого декабриста, он остался верен своим убеждениям. Наказание не привело Трубецкого в то состояние униженной покорности, нравственной сломленности, «одичалости», на которые так рассчитывал Николай I, преследуя декабристов. Высказывание А. И. Герцена о том, что надо было обладать безграничной гордостью, чтобы с кандалами на руках и ногах высоко держать голову, вполне применимо и к Трубецкому. В Сибири он вновь обрел силу духа, убежденность в правоте дела тайных революционных обществ, гордость за свою причастность к их деятельности. «Я убежден,— писал он,— что если б я не испытал жестокой превратности судьбы и шел бы беспрепятственно блестящим путем, мне предстоящим, то со временем <...> утратил бы истинное достоинство человека. Ныне же я благословляю десницу божью, проводшую меня по тернистому пути и тем очистившую сердце мое от страстей, им обладавших, показавшую мне, в чем истинно заключается достоинство человека и цель человеческой жизни <...>»¹⁸⁷.

Мы не располагаем материалами, которые достаточно полно раскрывали бы процесс формирования убеждений Трубецкого от первых тайных обществ до конца жизни. Поэтому эпистолярное наследие декабриста и фрагменты его дневника очень важны для понимания идейных позиций декабриста, они позволяют заметить во взглядах Трубецкого в сибирский период жизни и позднее эволюцию в сторону большей их демократизации. Он никогда не пытался хлопотать перед царем об облегчении собственной участи, считая это унижительным. Не раз в его поведении проявлялась революционная энергия, например, в письмах к жене, где он разоблачал положение заключенных в Благодатском руднике, во время «бунта», который он возглавил, встав на защиту достоинства узников, в его участии в подготовке вооруженного побега из Читы в 1827—1828 гг. Политически зрелый взгляд проявил Трубецкой в оценке писем М. С. Лунина как документа общественного значения. Он сочувственно относил-

¹⁸⁷ Трубецкой, т. 1, с. 287—288.

ся к петрашевцам, с гневом отверг «милость» царя, когда решалась участь детей, родившихся в Сибири. Его дом в Иркутске был одним из центров, где собирались ветераны и молодежь и обсуждали самые острые общественно-политические вопросы. Трубецкой интересовался деятельностью Вольной Русской типографии Герцена и Огарева, внимательно знакомился с «Колоколом». Покидая Иркутск в 1856 г., Сергей Петрович выступил с резким протестом против установления полицейского надзора за выезжавшими из Сибири декабристами. То же он прямо высказал шефу жандармов Долгорукову в Киеве. В Москве он обратил на себя внимание агентов полиции тем, что позволял себе «входить в самые неприличные разговоры о существующем порядке вещей».

Об идейных взглядах Трубецкого можно судить по его отношению к крестьянству, Крымской войне и самодержавию. Несомненно, что он был непримиримым противником крепостного права. Убежденный в необходимости освобождения крестьян с землей, Трубецкой в конце 1840-х гг. поддерживал точку зрения тех декабристов (в частности, Н. Бестужева), которые видели решение аграрного вопроса в полном уничтожении частного владения землей, превращении ее в государственную собственность и передаче ее народу в общинное пользование. Позднее разделял он и общий взгляд декабристов на пролетариат как социальное зло, порождаемое капитализмом. В этом сказывалась ограниченность мышления, свойственная в тот период не только дворянским революционерам. Трубецкому было чуждо мнение о приверженности крестьянства царю, помещикам, религии, он отрицал славянофильскую теорию официальной народности, и в этом сказывался радикализм его взглядов. С гневом осуждал он дворянское сословие, сроднившееся с мыслью о своем праве на владение себе подобными, считавшее, что благоденствие государства держится на этом праве. Разуверившись в способности и желании дворянства решить положительно крестьянский вопрос, Трубецкой в конце концов связал свои надежды с царем, видя в нем единственную силу, способную заставить феодальное сословие подчиниться власти монарха. Крымскую войну декабрист воспринял как народное бедствие. Недовольство политикой правительства во всех областях государственного устройства, особенно в период Крымской войны, сквозит во многих

письмах Трубецкого. Он осуждал милитаристскую политику царского правительства. Вот его приговор: за что бы правительство ни бралось, оно всегда допускало промахи. Таково же его суждение и о местном управлении, как порочной системе, основанной на беззаконии и полной безнаказанности в притеснении крестьян и мирского общества.

Таким образом, в сибирский период своей жизни и после амнистии 1856 г. С. П. Трубецкой значительно демократизировал свои идейные позиции, особенно в крестьянском вопросе. Его радикальные антикрепостнические взгляды в период назревания отмены крепостного права в России во многом сближались с революционно-демократической платформой А. И. Герцена. До того момента, когда наступил окончательный поворот к революционному пути решения судьбы крепостнического строя в России, — после реформы 1861 г., — С. П. Трубецкой не дожил, но трудно предположить, чтобы он был готов безоговорочно принять эту идейную эволюцию.

Настоящий том состоит из писем С. П. Трубецкого за 1819—1860 гг. (исключая его письма к жене за декабрь 1825 — июль 1826 гг., вошедшие в первый том как дополнение к его показаниям на допросах) и дневника за 1857—1858 гг. За ранний период жизни декабриста (биографические сведения о нем до 1826 г. даны в первом томе) обнаружено восемь писем. Основная масса публикуемых писем относится к сибирскому и послесибирскому периодам жизни Трубецкого, не нашедшим отражения в его воспоминаниях. Записки декабриста оканчиваются его приездом в Иркутск¹⁸⁸. Поэтому сведения о дальнейшей его судьбе можно почерпнуть главным образом из мемуаров и писем его товарищей, разделивших с ним нерчинскую каторгу, тюремное заключение и жизнь на поселении, а также из рассказов, записанных со слов очевидцев. К первым следует отнести воспоминания Е. П. Оболенского¹⁸⁹, ко вторым — записки всех тех декабристов, которые в своих повествованиях коснулись и судьбы Трубецкого. Помимо того, сведения о читинско-петровском и последу-

¹⁸⁸ Трубецкой, т. 1.

¹⁸⁹ Воспоминания Е. П. Оболенского, с. 109—111, 340.

ющих периодах жизни его содержатся в специальном «деле» Трубецкого, заведенном, как и на всех декабристов, в III Отделении¹⁹⁰, в переписке друзей и родных и в значительной степени в его письмах, предлагаемых читателю в настоящем томе.

Для писем Трубецкого характерны сдержанность и осторожность в высказываниях, особенно касающихся его взглядов. Безусловно, такой «стиль» явился следствием постоянного и пристального внимания местной и центральной власти к его поведению и переписке.

Подавляющая часть писем публикуется впервые. Всего выявлено в архивах, рукописных отделах библиотек, музеев и использовано из отдельных редких изданий (в тех случаях, когда подлинные письма не сохранились) 354 письма, из которых вниманию читателей предлагается 261. Не вошедшие в том письма хранятся в следующих архивах: ЦГАОР, ф. 1019—В. Д. Олсуфьеву (1); ф. 1143—Е. С. и П. В. Давыдовым (2), И. С. Персину (1), «тетушке Варваре Александровне» (1), Е. И. Трубецкой (5), И. С. Трубецкому (1); ф. 1463—А. Л. Кучевскому (3); ЦГИА, ф. 1657—А. С. Ребиндер (3); ГАИО, ф. 744—Е. А. Свербеевой (2), Е. Д. Свербеевой (1), Э. С. и Н. Д. Свербеевым (70); ОПИ ГИМ, ф. 353—В. А. Римскому-Корсакову (1). Публикуемые и взятые на учет письма исчерпывают все дошедшее до нас эпистолярное наследие Трубецкого. Таким образом, настоящее издание впервые воспроизводит в комплексе письма декабриста. Но это далеко не все письма, которые написал Трубецкой. В незначительном количестве дошли до нас письма к Якушкину, Оболенскому, Пушкину, Фонвизину, Батенькову и многим другим его товарищам, о чем частично можно судить по сохранившимся от них ответам. Дошло до нас всего два письма к М. И. Муравьеву-Апостолу, хотя, несомненно, переписка между ними существовала и до 1825 г. и после 1839 г. Почти полностью отсутствуют письма за 1848—1849 гг. (сохранилось всего два письма: к Якушкину и к Кучевскому)—время важных событий в Европе и России, обойти молчанием которые декабрист не мог. За период 1827—1839 гг. должны были быть письма Е. И. Трубецкой, писавшей за мужа. Они адресовались главным образом родным: Лавалюм, Е. П. Потем-

¹⁹⁰ ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826, д. 61, ч. 26.

киной, братьям Трубецкого, архивы которых не сохранились. За 1836—1839 гг. — всего шесть писем: к Фонвизину — одно и к С. Н. Муравьевой — пять, пересланные с оказией. Полностью отсутствуют письма к дочери и зятю Давыдовым за 1852—1860 гг., архив которых был уничтожен¹⁹¹.

Из воспоминаний М. И. Муравьева-Апостола известно о погибших письмах Трубецкого к С. И. Муравьеву-Апостолу, в которых содержались сведения о событиях 1820 г. в Семеновском полку, где они оба служили. «Эти письма, — вспоминал Матвей Иванович, — в настоящее время послужили бы редким историческим материалом»¹⁹². Погибли письма Трубецкого, хранившиеся в семье иркутского старожила Первунинского¹⁹³. Утрата многих писем является существенным пробелом в ряду источников, освещающих биографию декабриста.

В ЦГАОР хранится копия письма Г. С. Батенькову (подлинник утрачен) от 9 декабря 1860 г., ошибочно приписанного С. П. Трубецкому. На самом деле это письмо И. С. Трубецкого, сына декабриста (ф. 1463, оп. 2, д. 644, л. 1). В ГАИО хранится копия письма Н. Д. Свербееву от 1 января 1854 г., ошибочно приписанного С. П. Трубецкому. На самом деле это письмо И. И. Пущина (ф. 774, оп. 1, д. 86, л. 1).

Большая часть писем публикуется по автографам, исключения оговариваются в комментариях. Письма расположены в хронологической последовательности и соответственно пронумерованы. Тексты публикуются по правилам издания исторических источников. Написание фамилий и наименований дано в транскрипции, принятой в настоящее время.

Даты воспроизводятся с подлинника, но помещены во всех случаях перед текстом каждого письма. В недатированных письмах предполагаемая дата заключается в прямые скобки.

Письма и части писем, написанные на французском языке, печатаются только в переводе, отдельные иностранные фразы и слова в тексте русских писем сохранены, перевод их дан в подстрочном примечании. Там же вос-

¹⁹¹ См. об этом: *Трубецкой*, т. 1, с. 356—357.

¹⁹² Цит. по: Азадовский М. К. Затерянные и утраченные произведения декабристов. — *ЛН*, т. 59, с. 605.

¹⁹³ Там же, с. 606.

произведены пометы автора и оговорены ошибки, допущенные при первой публикации. Переводы текстов с французского языка выполнены Э. К. Тарасевич.

В примечаниях к письмам и дневниковым записям указаны место хранения, данные о прежних публикациях при их наличии, дан реальный комментарий к тексту. Биографические сведения о каждом лице даются, как правило, при первом упоминании его в тексте. В именном указателе страница, на которой они содержатся, выделена курсивом. (Авт.)

В фонде Трубецкого сохранился еще один отрывок из его дневника, относящегося к 1837—1839 гг., с записями наблюдений за развитием детей, их ростом, состоянием здоровья и пр. Кроме того, сохранился ряд черновых заметок, о которых упомянуто во вступительной статье. Все эти документы, хотя и отражают разнообразие интересов декабриста, все же не выходят за рамки черновых, отрывочных набросков и потому в настоящий том не включены.

Выражаю глубокую признательность сотрудникам архивов, библиотек и других учреждений за ценные советы и содействие в розыске и выявлении писем С. П. Трубецкого, особенно В. Э. Вацура (ИРЛИ), Э. Д. Гусевой (ГАИО), Э. И. Перегудовой и Л. И. Тютюнник (ЦГАОР), Н. В. Зейфман, С. Ф. Ковалю, Н. П. Матхаповой, С. В. Мирошенко и Е. А. Ячменеву. Благодарю К. Ю. Давыдову, любезно предоставившую из семейного собрания ранее неизвестные фотографии Е. И. Трубецкой (с портрета работы Н. А. Бестужева) и Е. С. Давыдовой, а также Т. Ю. Никитину за помощь в подготовке иллюстративного материала.

В. П. Павлова

* * *

В то время, когда том находился в производстве, в распоряжении составителя оказались сведения об одном из колец, изготовленных Н. А. Бестужевым для С. П. Трубецкого из его кандалов. Поскольку судьба этих колец до сих пор оставалась неизвестной и привлекала к себе определенный интерес, считаем не лишним вкратце познакомить читателей с его историей.

Предыстория колец такова: в 1828 г., когда с узников были сняты кандалы, многие из декабристов стали делать из них различные сувениры: кольца, крестики и пр. Наиболее искусным мастером таких поделок был Н. А. Бестужев. Для С. П. Трубецкого он сделал три кольца. Об одном из них стало известно от москвича В. В. Трубецкого (его предок и прадед С. П. Трубецкого были родными братьями). Владимир Владимирович рассказал, что это кольцо Сергей Петрович подарил своей сестре Е. П. Потемкиной. От нее оно перешло к внуку декабриста С. Н. Свербееву и осталось в роду Свербеевых.

В декабре 1986 г. С. Г. Трубецкой, автор книги «Leg princes Troubetzkoi» (Labelle, Qubek, 1976), проживающий в США, сообщил, что кольцо С. П. Трубецкого работы декабриста Н. А. Бестужева хранится как семейная реликвия в Нью-Йорке у праправнучки С. П. Трубецкого Елизаветы Владимировны Де-Бирон (урожд. Свербеевой). К письму была приложена фотография кольца. Поскольку поместить ее в настоящем томе уже не представилось возможным, предлагаем его описание. Это кольцо-печатка. Позолоченное. Внешняя часть утолщенная и вдвое шире внутренней. На внешней стороне кольцо украшено накладкой (возможно, из белой эмали) в форме овала, окаймленной золотым невысоким бортиком. В центре накладки буква Т. Она выполнена в форме римской цифры III, обрамленной сверху и снизу мягкой изогнутой линией так, что при зеркальном отображении форма буквы не изменяется. Оттиск этой печати сохранился на некоторых письмах декабриста.

Судьба двух других колец остается пока неизвестной.

Приношу сердечную благодарность В. В. и С. Г. Трубецким за оказанную помощь.

ПИСЬМА

1. А. Н. ОЛЕНИНУ¹

26 июня 1819 г.

Милостивый государь Алексей Николаевич

весьма сожалею, что не успел иметь еще раз случай быть у вас сегодня. Я сам весьма захлопотался, ибо в обед получил повестку приготовиться к отъезду; почему сомневаюсь, чтобы вы имели время прислать ваши письма. В одиннадцать часов мы будем на пароходе и как скоро взойдем на фрегат, то эскадра примет якорь. Если ваши письма не застанут уже меня, то, ваше превосходительство, вы можете послать их по почте на мое имя, чрез миссию или просто *poste restante**, я буду часто о них наведываться и исполню по желанию вашему.

Сундук получил и из Гавра пошлю Максиму Ивановичу². Позвольте принести чувствительную благодарность за ваше ко мне благорасположение, которого достойным всегда будет первым попечением

вам преданнейшего князя Сергея Трубецкого.

Елизавете Марковне прошу засвидетельствовать искреннее мое почтение, также и всему семейству вашему³.

Посланному вашего превосходительства я дам наставление, как меня найти, если уже мы уйдем отсюда. При попутном ветре он на лодке с парусом может догнать пароход, а если ветра не будет, то найдет нас на якоре. К тому же могут многие обстоятельства замедлить наш отъезд отсюда на несколько, может быть, часов.

* До востребования (франц.).

Париж, августа 2/14 1820 г.*

Как давно, почтенный друг Николай Иванович, не имел я от вас известий; и хотя крайне желаю их иметь, но пенять не смею; конечно, есть достаточные причины, препятствующие вам порадовать истинно преданного и любящего вас всюю душою. Дай бог вам счастья и здоровья, сие желание не преминую ежедневно повторять мысленно — дай бог вам успеха в предприятиях ваших².

Я и сам давно не писал к вам; но что могу писать, только лично о себе; предмет не такой, чтобы мог приятно занять кого, и только по дружбе вашей ко мне может быть сносным. Скажу только, что я решился остаться в Париже до возвращения к вам, которое, если меня не вызовет **, последует не ранее весны³. Кривцов⁴ вам верно сказывал обо мне; я не успел писать с ним из Лондона⁵. Теперь живу тихо, разделяю время с книгами и с огорчениями. Последними и вас на несколько минут занять намерен и просить вашего содействия к утешению их.

Малышев⁶ в потере своей безутешен, единственное в грусти своей облегчение видит в том, чтобы тело жены его было с ним; ему хочется перевезти его в свою деревню. Сначала сказал ему Шредер⁷, что никакого нет на то препятствия и что с данным от посольства пропуском может отправить; но потом объявил, что надобно позволение нашего правительства, без чего не пропустят в наши границы. В таких обстоятельствах Малышев просил меня обратиться к вам и надеется, что с помощью брата вашего Александра Ивановича⁸ вы исходатайствуете ему сие позволение. Утешьте его сим, любезнейший Николай Иванович, и меня крайне обяжете; братец ваш, конечно, не откажет в помощи своей. Во всем, что по сему нужно будет сделать, Малышев полагается на ваше распоряжение; ему бы хотелось иметь известие от вас до отъезда его, и потому я прошу вас покорнейше сделать одолжение уведомить меня как можно будет скорее о успехах по сему делу. Малышев уже было отправился отсюда, но дочь его очень занемогла, и он принужден был воротиться из Мо; на дороге их вывалили и ушибли, Елизавета Павловна

* Помета С. П. Трубецкого: «Отв. 31 авг[уста]».

** Так в подлиннике.

долго была нездорова от ушибу и теперь не совсем оправилась; они писали к Каверину, чтобы он приехал; не знаете ли, отпустили ли его? Нам пишут из Москвы, что и меньшая сестра Анна Пав[ловна] очень больна, но они сего не знают, мы не смеем им сказать, они и без того очень грустны⁹. Сделайте милость, Николай Иванович, исполните мою просьбу и не замедлите уведомлением; я пишу по почте, потому что курьер, может, еще не скоро поедет. Адрес мой найдете на обороте.

Если будет вам время, напишите что-нибудь о себе, вы знаете, как мне приятно знать все до вас касающееся, и участие, которое я в том принимаю. Сюда будет скоро Петр Мейендорф¹⁰, не привезет ли он мне чего-нибудь от вас? Здесь у меня никого нет, с кем бы мог поговорить по сердцу, прежде было надеялся найти между соотечественниками, но льстилс я напрасно — поверхность изрядная, а основания нет. Всем друзьям вашим мой усердный поклон; меня забыли, уж бог знает как давно никто не пишет. Скажите, где Корсаков¹¹ и что его здоровье; вы писали об худом его состоянии и с тех пор не мог ничего узнать о нем.

Прощайте, любезнейший друг, не забывайте на всю жизнь приверженного вам, который самым лестным названием почитает имя друга вашего.

К[п.] Сергей Трубецкой.

Мой адрес: У мадам Потемкиной¹² в доме Ружемона де Лепенберга на ул. Бержер в Париже.*

З. В. Д. ОЛСУФЬЕВУ¹

Ноября 13-го 1820, Париж

Милостивый государь Василий Дмитриевич, простите, что поручения вашего до сих пор не привел к окончанию; выполнение его зависит от Брегета² и прежде месяца последовать не может. Часы ваши будут готовы через две недели, и столько же времени нужно будет для проверки их. Если до тех пор не уедет отсюда граф Толстой, адъютант князя Меншикова³, то я отправлю их с ним к вам в Дрезден, если же он уедет, то перешлю чрез какого другого курьера, о чем вас тогда уведомлю. Деньги 1300 франков Малышев переслал Брегету, кото-

* Адрес в подлиннике на франц. яз.

рый о получении их писал ему чрез меня. Вам же о том я не дал знать по незнанию, где вы находились. Теперь же я благодарен сему случаю, что он доставил мне приятность иметь о вас известие, и, буде еще что вам угодно будет, я с удовольствием готов исполнить желание ваше.

Прошу вас принять уверение истинного уважения, с которым пребыть честь имею,

милостивый государь, ваш покорный слуга
князь Сергей Трубецкой.

Княжна Туркестанова поручила мне сказать вам ее поклон⁴.

[На конверте адрес:] Господину Б<...>* в Дрездене для передачи господину Василию Олсуфьеву**.

4. В. А. ЖУКОВСКОМУ¹

31 декабря 1821²

Милостивый государь Василий Андреевич, жена моя задержала альбом ваш оттого, что думала иметь от вас запрещение посылать его к вам и обещание посетить ее в непродолжительном времени. Если вы согласны сделать ей сие удовольствие, то она надеется, что не откажете пожаловать откусать с нами в будущий четверг 4-го генваря, чем заставите нас приятно начать новый год.

С истинным почтением пребывать честь имею, милостивый государь, ваш покорный слуга

князь Сергей Трубецкой.

5. И. Д. ЯКУШКИНУ¹

29-го генваря 1824-го

И. Д. Якушкин в письме к Муравьеву² спрашивает о Трубецком и говорит, что не пишет к нему, потому что не знает, куда надписывать,—таковая же причина удерживала и Трубецкого; но сообщенные означенным письмом известия разрешили неведения его и дали ему случай начертить теперешние строчки.

Письмо И[вана] Д[митриевича], хотя не к Тр[убецкому] писанное, принесло ему много удовольствия; давно уже

* Фамилия и далее одно слово неразб.

** В подлиннике адрес на франц. яз.

желал он знать о нем и наконец просил отъезжающего в Москву приятеля³ дать ему, какие может, сведения.

Он радуется что у И[вана] Д[митриевича] есть сын⁴, и желал бы того же для себя, но до сих пор бог ему детей не дает, а стало быть, и не нужно ему иметь их. Он желает, чтобы И[вану] Д[митриевичу] дитя было во утешение на грядущие лета. Да, некогда юноша и наконец-то муж вознаградит труды, родителем [на] воспитание его понесенные. Воспитание есть подвиг, который весьма мало отцов понимают. В младенчестве упускают лета, в которые его умственные способности полнее разворачиваются, и в юношестве отклоняют все естественные наклонности на неестественные. Не занимаясь никаким образом просвещением ума рассуждением и назначения достоинства с званием человека сопряженным*. Ты будешь отец, какого желательно всем детям; если мне бог даст таковое же утешение, то и я буду стараться оправдать новое звание. Доколе сего не имею, любовь, время и занятия мои принадлежат жене, родителям и друзьям, из коих в первом ряду стоит И. Д. Якушкин.

Ко мне писать на имя мое в Галерной в доме графа Лавала⁵.

6. А. О. КОРНИЛОВИЧУ¹

Суббота, 31 ген[варя 1825 г.]²

Жена моя взяла с [вас слово]** на завтра, то есть воскрес[ные], но сегодня вечером она та[кже] дома и будут к нам <...>ковы***; если хотите и имеете время доставить нам удовольствие видеть вас сего вечера, то мы весьма будем рады, *ибо сегодня***** *вернее, чем завтра.*

Жена до 10-го часа не будет, но меня и ранее найдете.

Трубецкой.

[На обороте листа:] Его высокоблагородию Александру Осиповичу Корниловичу.

*Так в подлиннике.

** Край листа оборван; здесь и далее утраченные части текста восстановлены по смыслу.

*** Начальные буквы фамилии (не более пяти) утрачены. Установить фамилию не удалось.

**** Здесь и далее выделено автором.

7. С. И. МУРАВЬЕВУ-АПОСТОЛУ *¹

9-го августа 1825 г. из Киева

1-е

Он² успешно завершил свое путешествие и привез мне хорошие новости. Он сообщит вам также мои идеи, так что мне ничего не надо вам писать.

Если случайно вы получите какое-нибудь известие, пока мы будем вдали друг от друга, то мне хотелось бы, чтобы вы смогли мне их сообщить, обещаю вам то же, если узнаю что-нибудь, что могло бы вас заинтересовать.

От 1 октября 1825 г. из Киева

2-е

Ваше письмо не застало Бестужева³. Он уехал по своим делам, пересылаю ваше письмо Павлу⁴, у которого он будет до 6.

8. Е. И. ТРУБЕЦКОЙ¹

5-го октября 1826 [Иркутск]

Ангел мой, я прошу И[вана] Б[огдановича]² не отказать мне в милости видеть тебя и обнять тебя пред отпущением моим; надеюсь, что сердце его, столь уже нам известное, не лишит меня сего счастья. Храни себя, обо мне не беспокойся, с помощью божиею я все перенесу. Во время пути я надеюсь, что мне не откажут в утешении писать к тебе и оставлять письма на станциях, так, как оно и было дозволено от государя императора. Все твои вещи я уложил, и они высланы с заводу³ под надзором казака Клепикова, а реестр оным отправлен от управляющего заводом к г-ну гражданскому губернатору. Я уложил, как мог; выбирай все осторожно, чтобы чего не изломать. Образа и портреты, в том числе и мой, положены в baule**, что с твоим платьем и который не заперт, но все увязано и припечатано. Другие портреты есть в кожаном черном чемодане. Двое часов и Васильевы часы на мне, также красный твой портфель. Я тебе отдам их при свиданье или вручу, кому поручено будет от И[вана] Б[огдановича] принять их. Если можно, то я бы одни часы оставил. Ящичек с зеркалом я оставил при себе, так-

* Оригинал на франц. яз.

** Баул — чемодан (итал.).

же взял жестяные* тарелки. Ключи все у меня в кармане, я их отдам тебе при свиданье. Я так говорю потому, что очень надеюсь, что мне в сей милости не откажут. Неужели и сего утешения меня лишат. Это не может быть. Ангел храни тебя, а меня бог сохранит. Берегись моря⁴ и пути, не пускайся в бурное время. Я буду бога молить о тебе, и он тебя сохранит и не оставит, не за мои молитвы, но по бесконечному своему милосердию. Ангел мой, жизнь моя! Ах, как крепко я прижимаю тебя к бьющемуся тобою одной сердцу. И надеюсь, что не откажут мне прижать тебя к нему на самом деле. И это будет не в последний раз, ангел мой; милосердие и человеколюбие спасителя нашего святого мне в том порукою. Он пребудет с тобой и со мной, и ему будем во всем покорны. Прости, до счастливого свидания.

Сергий Трубецкой**.

[На этом же листе адрес:] Княгине Катерине Ивановне Трубецкой.

9. Е. И. ТРУБЕЦКОЙ

Нерчинск, 22-го октября 1826

Ангел милый, бесценный друг мой, уже две недели прошло, что я снова с тобой, жизнью моей, в разлуке. Бог милостив, ангел мой, он не даст ей продолжиться; он услышит наши теплые молитвы и соединит нас, чтоб более не разлучаться; твердо в том на благость его уповаю и чрез нее надеюсь быть с тобою и в жизни вечной и век наш окончить вместе. Молю его, чтоб он тебя сохранял здраву и невредиму, отвратил бы от тебя все бедствия, которые тебе в сей жизни угрожают. Господь милостив, его можно молить, к нему можно прибегать со всею доверенностью, он милует совершенно, и на благость его во всем должно уповать; он не оставит тебя в горести, только всегда прибегай к нему с полным упованием. Господь нас поддержит до тех пор, пока соединит вместе, и не примешает горести к исполнению наших желаний. Как нетерпеливо буду ждать от тебя известия; до сих пор еще не мог его иметь; ангел мой, береги себя, не грусти, помни, что есть бог милосердый, покровитель

* Далее зачеркнуто: «посуду».

** Далее в подлиннике приписка рукой С. Г. Волконского⁵.

беззащитных и помощник всем, призывающим его. Святое имя господа нашего не вотще призывается; никто, воззавший к нему, без помощи не остался. Воля его исполняется, как бы исполнение оной ни казалось трудным, ему нет ничего невозможного, и всякой, кто бы ни был, власти его должен покориться. Сколько бы мы ни были стеснены, нет преград силе его. С полной уверенностью будем всегда прибегать к нему, и он нас, по милости своей, наставит. Одним совершенным терпением и полнотой можем мы пребыть в его милости.

До сих пор еще мы не доехали до места нашего назначения; горы, стужа, темнота ночей и болезнь одного товарища Алек[сандра] Ив[ановича]¹ тому препятствовали; последняя миновалась с помощью божией чрез искусство Арт[амона]²; послезавтра, думаю, что мы доедем до места. Бог весть, что нас там ожидает; не забывай только одного, что с помощью господней я надеюсь всегда быть истинным христианином; это тебя должно во всем успокоить. Когда буду на месте, буду писать к тебе столь часто, сколько возможно будет; кажется, почта оттуда ходит каждую неделю, и потому каждую неделю буду к тебе писать; надеюсь, что человеколюбивые люди не будут останавливать писем, которые есть единственным нашим упованием.

Теперь прости, ангел мой, до свидания, целую* тебя, жизнь мою, единственный предмет желаний и молитв моих, тебя, все благо дней моих, поручаю в полном уповании всемогущему и всемилосердому всевышнему промыслу. Господь попечется о тебе и не престанет быть нашим отцом, защитником и покровителем. Целую тебя и обнимаю от всех сил одной тобой занятой души и для тебя одной быющего сердца.

С. Трубецкой.

[На обороте адрес:] Княгине Катерине Ивановне Трубецкой **.

* Часть листка оборвана, два слова восстановлены по смыслу.

** Сохранился след печати.

10. Е. И. ТРУБЕЦКОЙ

Нижне-Зарентуевская станция, в 30 верст[ах]
от Нерчин[ских] заводов. 26 октября 1826

Сегодня только, милый ангел, будем мы в Нерчинских заводах. Признаюсь, дорога достаточно уже нам наскучила; должны были почти каждую ночь ночевать, а дома станционные холодны, насквозь продувает ветер, морозы жестокие, каждый день более десяти градусов, а в последние дни около двадцати по утрам; так и сегодня, реки в иных местах покрыты тонким льдом, по которому должно поодиночке перебираться, чтобы не проломился, другие еще не стали, но густой лед несется по ним, и сквозь него на маленьких лодках с большою опасностью должно пробираться. Все эти обстоятельства заставляют меня благодарить бога, что ты теперь не поехала; как ни трудно мне быть с тобой, ангелом моим хранителем, в разлуке, но страх, что после такого продолжительного пути, который ты уже совершила, предаться еще такому беспокойству, которое бы ты имела здесь на дороге в теперешнее время при невозможности следовать скоро по дорогам, заваленным камнями и тряскам, не имея места отогреться и при совершенной невозможности в иных местах найти пищу, заставляет меня благословлять провидение за остановление тебя в месте теперешнего твоего пребывания. Прибавь к тому лошадей степных бешеных, которых несколько человек держат, пока не пустились в путь; такие лошади доставались бы тебе за недостатком почтовых. Теперь все дорожные беспокойства для нас миновались; посмотрим, что будет на Заводе, покойствия ожидать не можем, по крайней мере, были бы избавлены от частных притеснений и от капризов тех лиц, с которыми должны будем иметь сношения, чего на первый случай не надеемся; кажется, достаточно уже того, что определено теми, кто судьбу нашу решил: на все всем воля господня, он поможет все перенести, и одно старание мое будет не лишиться его святого благословения и молить его о сохранении тебя и о соединении с тобою. Бог нас не оставит, милый ангел, только бы мы были всегда покорны его воле, претерпели бы все из любви к Христу спасителю нашему с тем христианским терпением, которого пример сам он нам подать благоволил. Таким образом, претерпим и новую нашу разлуку; ты знаешь, милый ангел, что

ни в чем другом я трудностей не вижу; как бы состояние наше трудно ни было, все ничто для меня в сравнении с разлукой с тобою, милым, истинным другом моим, но разлука наша минется, и совершенное упование в беспредельное милосердие божие исполняет* сердце и душу мою совершенным же спокойствием. Отец небесный наш всемогущий покровитель и неизменный, в нем не только можем, но и должны полагать всю нашу надежду, и надежду несомненную.

Зимой, ангел мой, как скоро реки и особенно море станет, то тебе не более нужно проехать как одну неделю, только надобно взять все возможные средства для сбережения себя от голода и стужи; последняя в зимнее время превышает почти обыкновенно 30 градусов. Так же повозку себе устрой санную попокойнее. Прости, ангел мой, друг ни с чем несравненный, целую тебя и обещаю от всех сил истинно любящей души и сердца. Прости, до свиданья.

С. Трубецкой.

[На обороте листа приписка:] Благодарю Ив[ана] Богдановича за попечения, которые прилагали о нас в пути наши проводники¹. Сергей Григорьевич² просит тебя те из вещей, которые не можно будет к нему доставить, то просить его прев[осходительство], чтоб он их тебе вручил, а ты их положи в верные частные руки и отпиши к его сестре³, где они будут лежать и чтоб она ими могла распорядиться, как ей тогда вздумается.

Адрес: Княгине Катерине Ивановне Трубецкой**.

11. Е. И. ТРУБЕЦКОЙ

Благодатский рудник, 29-го октября 1826

Милый ангел! Четвертая неделя пошла, что я с тобою разлучился, и вчера только обрадован был известием от тебя, получив письма твои от 10-го и 14-го¹. Ангел мой! Если б стал я тебя благодарить за все то, что ты в них пишешь, за всю ту беспредельную любовь твою ко мне, которая в них так сильно*** изображается и которой уже ты столько подала несомненных доказательств не только

* Так в подлиннике.

** Сохранился след печати.

*** «так сильно» вписано поверх строки.

мне, но и всем слышавшим о тебе; если б, друг милый, начал я излагать все чувства мои к тебе и благодарность мою к всемилосердному богу моему, пославшему мне столько утешений, то я бы никогда кончить не смог и никаких бы ни слов, ни выражений, могущих изъяснить хотя малейшую часть чувств, исполняющих сердце мое. Одно мне возможно, преклонить колена пред создателем моим, излить пред ним в молчании всю душу и сердце мое и молить его о сохранении тебя, о скорейшем соединении с тобою, о избавлении тебя от грусти, скорбей и напастей, о благословении тебя, ангела хранителя моего, и об обоюдном нашем спасении. Благость его слышит молитвы грешные рабов его. Бог наш, бог сильный, всемогущий и всеблагий, он печется о нас, недостойных тварях его, как нежнейший отец о возлюбленных детях; и во всем не престанем к нему прибегать с полною доверенностью, изгнав из сердца и ума все, что может походить на сомнение. «Возверзи на господа всю печаль твою, и он попечется о тебе» — говорит св. пророк и повторяет св. апостол. Послушаем их гласа, послушаем Христа, взывающего к нам: «приидите ко мне вси труждающиеся и обремененные, и аз успокою вы». Послушаем его, приглашающего нас взять иго и бремя его на себя и уверяющего нас, что оно благо и легко. Пойдем, друг милый, за ним, святым господом нашим, возлюбившим нас божественною своею любовью, понесем крест, который он сам из любви к нам, грешным, не постыдился и облагодетельствовал нести на себе; и милосердие и человеколюбие его введет нас в царство его, где царствию его не будет конца.

Ты права, милый, безутешный друг мой, когда уверена в твердости моей; и не имей никакого никогда на сей счет сомнения; я буду тверд во всех обстоятельствах, ибо твердость моя от господа бога моего; где мне взять ее в себе самом, слабом создании, ничтожном черве, не заслуживающем малейшего внимания, но «тогда похваляюсь, когда чувствую себя слабым, ибо тогда укрепляет меня господь»; слова сии св. Павла не раз исполнились на мне и по благости божией не престанут исполняться. Сверх того, любовь твоя придает мне неимоверные силы; я тебе говорил и говорю, что тебя господь дал мне видимым ангелом хранителем моим. Мы разлучены телами, но души наши неразлучны; твоя ду-

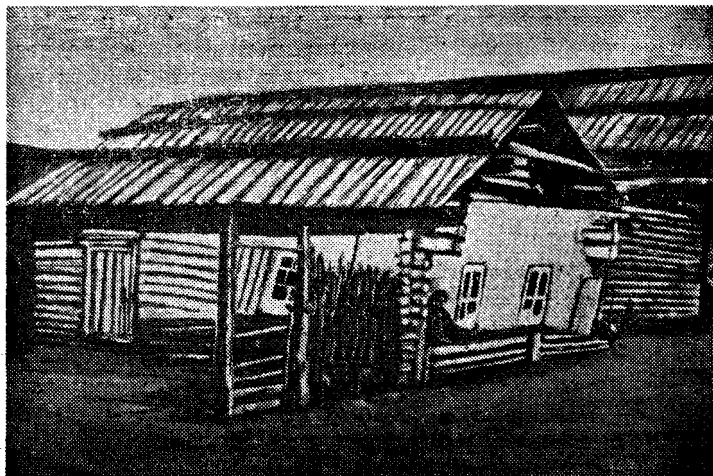
ша охраняет мою, и теплые молитвы мои не престанут сопровождать тебя до тех пор, пока милосердый творец соблаговолит нам возсылать их вместе. Господь милостив, он сократит время испытания нашего и не замедлит послать тебя в мои объятия.

Я тебе, милому другу моему, обещал ничего не скрывать, что до меня касается, и всегда буду исполнять то, буде препятствий на сие не положат². Тебе известно, как я совершил путь, ибо я писал к тебе из Верхнеудинска и Нерчинска и наконец с провожавшим нас³. Здесь находят нужным содержать нас еще строже, нежели мы содержались в крепости; не только отняли у нас все острое до иголки, также бумагу, перья, чернилы, карандаши, но даже и все книги и самое священное писание и евангелие. Должен ли я причислить сие к новому наказанию, наложенному на меня, или только к мерам осторожности или испытания, мне не известно. Забыл сказать тебе, что в комнате, в которой я живу, я не могу во весь мой рост установиться, и потому я в ней должен или сидеть на стуле, или лежать на полу, где моя постель. Три человека солдат не спускают глаз с меня, и когда я должен выходить из нее, то часовой с примкнутым штыком за мною следует. Сверх того, мне наделано множество угроз, если я с кем-либо вступаю в сношение личное или письменное, или получу, или доставляю письмо тихонько⁴. Прежнее начальство, в ведомстве которого я находился, кажется, могло убедиться, что таковые меры на мой счет совершенно излишни, но здешний порядок, видно, сего требует. Я пишу тебе обо всем потому, что знаю, с какою покорностью к воле божией ты все примешь; а в моей покорности ты сомневаться не можешь. Дух и здоровье мое господь сохранит; и тебя с полным упованием вверяю его благодати. Ангел мой, целую тебя тысячу раз от глубины души и прижимаю тебя к сердцу, исполненному живейшей к тебе любви и ею одной горящему и бьющемуся. Прости, ангел, до свиданья, которого меня благодать господня не лишит, ибо я во всем на него уповаю.

С. Трубецкой*.

Радость, которую доставили мне письма твои, милый

* После подписи адрес: «Княгине Катерине Ивановне Трубецкой в Иркутск», после чего продолжается письмо.

ЖИЛИЩЕ Е. И. ТРУБЕЦКОЙ И М. Н. ВОЛКОНСКОЙ
В С. БЛАГОДАТСКОМ

Публ. по фотографии А. К. Кузнецова. 1889 г.

ангел, была уменьшена жестокою* грустию товарища моего несчастья, тезки моего⁵; он также имеет от своих известие; здоровье сестры его ужасно как его беспокоит, и одним разделом грусти его могу я принести ему облегчение в горестных его ожиданиях. Помолись и ты, милый ангел, чтоб бог не лишил его последнего утешения и сохранил сестру его. Благодарю тебя за белье и одеяло, они мне не лишние, я пока не получил, но, вероятно, не замедлю получить.

12. Е. И. ТРУБЕЦКОЙ

Благодатский рудник, 5-го ноября 1826

Нынешнюю неделю я не получал от тебя писем, милый друг мой, и не знаю, пришла ли почта, но уверен, что ты ни одной не пропускаешь, равно как и я доселе ни одной не пропускал и пропускать не буду, если сие от меня зависеть будет¹. Надеюсь, милый ангел, что бог тебя хранит и сохранит во всех отношениях. Касательно меня также уповай во всем на господя, он, по милости

* «жестокою» вписано поверх строки.

своей, хранит здоровье мое как телесное, так и душевное, и на предбудущее время жизни моей также во всем на него уповаю. Я тебе, милый друг, описал первые дни моего здесь пребывания; с тех пор имел бы еще многое прибавить, но, не имея еще решительных и положительных о себе сведений, отложу до будущей почты, полагая, что тогда буду сведущее. Скажу тебе только, что я привыкаю действовать молотом и работа не вредит моему здоровью; я уверен, что господь укрепит мое тело, видно, что мне такого рода труд нужен, когда он послал мне его. Если бы я был без действия, то, конечно, здоровье мое пострадало бы как от воздуха, так и от нечистоты, в которой я живу. Тебе, друг милый, должно ко многому приготовиться, вообрази, что та бедная хата, в которой мы жили в Николаевском заводе, была бы дворцом в здешнем месте; ты еще не видывала таких тесных, низких и бедных изб, каковы здесь. Кроме того, истинно должна будешь быть в нищете, ибо * многих из самых простых даже потребностей в жизни не достанешь здесь ни за какие деньги, а если что можно достать, то за такую цену, что скорее можно согласиться без них обойтись. К тому же по нашему состоянию все будет роскошь. Я тебя предваряю о том для того, чтоб ты могла заранее расположиться и не брать с собою ничего, что может быть лишнее, и единственно то, что здесь необходимо. Здесь, говорят, фаянсовая тарелка стоит 5 рублей, медная, железная и всякая другая посуда в соразмерной с сим цене. Утюг тебе непременно надобно взять, а то нечем будет выгладить платье. Одеждой теплой всякого рода, особенно на ноги, запасись, если при тебе есть что дорогой цены, то лучше выменяй на дешевое, тогда будешь иметь более, ибо здесь что нужно будет, то весьма будет трудно достать. Ты знаешь, что я весьма был скуден в одежде, дорогой кое-как перебился, а теперь рад, что у меня из нее нет ничего ценного, потому что у меня бы оное взяли. Ты очень хорошо сделала, что не прислала мне шкатулки, она мне не нужна и к тому ж не дозволено бы было употреблять ее; белье и одежду я еще не получил. Во всем советую тебе послушать людей, знающих здешнее место; я уверен, что никто ни из каких для себя видов не захочет дать тебе

* Далее «многих из самых» написано поверх строки.

ложного совета. Господь же нам помощник и защитник, милый друг мой, к нему наши всегдашние теплые молитвы и в нем наше упование. Сколь мне ни тягостна разлука с тобою, но я не могу не благодарить его за то, что он оставил тебя на первую минуту в Иркутске. Поверь, милый ангел, что все от него исходящее есть к нашему благу и спокойствию, и будем во всем покорны и впредь его святой воле, как были до сих пор. Он нас не оставит, он соединит нас и даст нам нужные силы вытерпеть с покорностью все то, что он пошлет нам скорбного на земле; потерпим во славу имени господа нашего, и благодать его вознаградит повиновение наше в вечной жизни. Прости, ангел мой, драгоценный мой друг, моли бога о том, чтоб я был достоин такого ангела, какого он мне дал в тебе. Целую, обнимаю тебя всеми силами и способностями горящей души и сердца.

С. Трубецкой.

[На обороте адрес:] Княгине Катерине Ивановне Трубецкой в Иркутске.

13. Е. И. ТРУБЕЦКОЙ

Благодатский рудник, 12 ноября 1826

Две уже почты не получал я, милый ангел мой, твоих писем; не знаю, чему это приписать; неужели имеют жестокость лишить меня и сего утешения? Признаюсь тебе, что я охотнее останавливаюсь на сей мысли, ибо в противном случае я должен предполагать для себя только горестное¹. Я знаю, ангел милый, что даже и самая жестокая болезнь не может удержать тебя от того, чтобы ты ко мне написала. Друг милый, жизнь и вся судьба наша в руках всемогущего бога; нам, конечно, неизвестны пути его святого промысла, но я не могу не уповать совершенно, что по великому своему милосердию он не захочет обременить меня такою тяжестью, которой я бы не имел сил перенести. Ангел мой, я надеюсь, что всеблагий отец наш небесный не оставит любящих его всеми своими способностями детей своих. Он нас прежде возлюбил, нежели мы его возлюбили, и он от нас свою любовь не отымет, ибо и мы любить его не престанем. Не может быть, ангел милый, чтоб господь не сохранил тебя; и признаюсь тебе, что если б я не имел сего твердого упования, то я бы был очень грустен, но оно укреп-

ляет меня и хранит в сердце моем несомненную надежду заключить тебя, бесценного и беспримерного друга моего, в мои объятия, как скоро возможно тебе будет предпринять путь к соединению со мною. Тебе трудно, очень трудно здесь будет, но я знаю, что если б и еще несравненно труднее могло быть, то ты все будешь рада перенести из-за любви ко мне, и это убеждение делает то, что я никакой трудности для тебя не боюсь. Знаю еще, что господь наш ни в каком случае нас не оставит без всемогущего своего покровительства. При сих чувствах, которые обладают сердцем моим, ты можешь ясно видеть, друг мой милый, что уныние далеко отстоит от души моей. Надежда скорого с тобой свидания, несомненное упование, что господь вознаградит терпение наше и что милостию своею он спасет нас, благодарность отцу нашему небесному за все то, что он нам ниспосылает, вот мысли и чувства, которые исполняют все существо мое, и я более ни о чем не думаю. Все прочее есть для меня тщета. Ты понимаешь, ангел-хранитель мой, что любовь и благодарность моя к тебе, орудие всех благ, посылаемых мне на свете сем благим творцом моим, горит в сердце моем чистейшим огнем, который и с жизнью моею не угаснет. Сей чистый пламень не есть чувство телесное и потому не может исчезать с телом нашим. Когда ты получишь это письмо, я буду благодарить создателя моего, что дал мне видеть день твоего рождения² и молить святую заступницу твою быть твоею предстательницею пред престолом* господя нашего. Не грусти, ангел милый, ни в сии дни, ни в прочие; возверзи на господя всю печаль свою, и он попечется о тебе. Благословение господне на тебе во все дни жизни твоей. Целую тебя всюю душою и сердцем.

С. Трубецкой.

[На обороте листа адрес:] Княгине Катерине Ивановне Трубецкой в Иркутске.

14. Е. И. ТРУБЕЦКОЙ

Благодатский рудник, 18-го ноября 1826

Милый ангел мой, я в прошедшую субботу получил два твоих письма, одно от 8-го, другое от 28 октября,

* Далее до подписи текст написан на полях.

также получил и белье, которое ты мне прислала и за которое очень благодарю тебя, оно мне было нужно, так же как и теплые вещи, ибо ты знаешь, что я весьма легко был одет, когда отправился. Касательно твоего здоровья, я не очень доволен письмом твоим, я боюсь, что не более ли ты нездорова, нежели пишешь, но молю господу моего, чтобы сохранил твое здоровье, и уповаю, что, по благодати своей, он услышит молитвы мои. Не знаю, нынешняя почта принесла ли письмо от тебя, ты можешь посудить, как я его нетерпеливо ожидаю. Надеюсь, милый друг, что ты также спокойна на мой счет и что ты получила все мои письма; это будет четвертое, которое я пишу тебе со времени прибытия моего сюда. Но если, милый ангел, ты на будущей почте не получишь от меня письма, то я заблаговременно тебя уведомляю, чтобы ты не беспокоилась, будь уверена, что это не от здоровья моего произойдет, ибо я уверен, что господь сохранит его в таком же хорошем положении, в каком оно до сих пор было. Милый друг, ты достаточно видела из прежних моих писем, в каком я нахожусь состоянии. Я более о сем предмете писать не буду. Ты видела также, что господь укрепляет дух мой и посылает мне нужную покорность и терпение, уповай твердо, что он сими благими чувствами и впредь меня не оставит, ибо я от бога и Христа спасителя моего не отступлю. «Кто ны разлучит от любви божия,—говорит св. апостол Павел,—скорбь ли или теснота, или гонение, или глад, или нагота, или беда, или мечь?» Так и мы, милый друг, подобно ему должны последовать за Христом искупителем нашим, не совращаясь от пути его святого, как бы по мирским привычкам нашим ни казалось нам трудным нести крест его; но в полном уповании, что сила и благодать его облегчит для нас все трудности.

Милый ангел, как мне ни желательно скорее обнять тебя, но я не желаю, чтоб ты слишком торопилась приехать; выбери тот путь, который будет легче, я боюсь слишком сильных морозов для тебя, и, сверх того, нужно, чтоб ты, сколь возможно, предвидела все обстоятельства и во всех отношениях оградила себя официальной бумагой, в которой бы подробно объяснено было все, что тебе дозволяется, и все, что запрещается, иначе недоумение может наделать тебе много беспокойства¹.

Прости, милый ангел, мысленно обнимаю тебя и це-

лую от всех способностей горячей души и сердца. Непрестанно молю бога о сохранении тебя, избавлении от всяких скорбей, о соединении и спасении нашем как в сем, так и в вечном его мире; и он не отринет молитв душ, любящих его паче всего в мире. Еще раз целую тебя.

Сергий Трубецкой.

[Адрес:] Княгине Катерине Ивановне Трубецкой в Иркутске.

15. Е. И. ТРУБЕЦКОЙ

Благодатский рудник, 5-го генв[аря] 1827

Милый ангел, вчерашний день я был обрадован получением двух писем от тебя, одного от 6-го и другого от 9-го декабря; хотя оне не совсем меня удовлетворили, ибо я ожидал получить от 16-го, но не менее того радость моя была очень велика. Чай, о котором ты пишешь в письме от 6-го, я получил еще 23-го, а сахар также получил дня три тому назад. Ты просишь меня, милый друг, не унывать и помнить, что господь всегда посылает сильную помощь свою призывающим его; я надеюсь, милый друг, что ты бы довольна была мною по сему предмету, если б получила письма мои; ничто кроме господа бога моего не могло бы здесь укрепить дух мой, и за великую помощь его не могу я не иметь беспредельной благодарности к создателю моему; он истинно меня не оставил; не могу сказать, чтоб помощь его была выше моего ожидания, ибо нет такой великой милости, которой бы я не ожидал от его совершенной благодати, и чем более я убеждаюсь моею ничтожностью, чем более уверяюсь в слабостях и бессилии моем, тем более я уверен в его неоставлении. Если до сего времени ты получила хотя некоторые из моих писем, то ты, конечно, спокойна на мой счет; я надеюсь, что господь тебя сим утешил и что если ты и не все мои письма получила, то, по крайней мере, получила те, которые нужнее были для твоего успокоения¹. Ты из них могла видеть, мой друг, что бог все устраивает к лучшему для нас, и потому не жалуйся на себя, что согласилась не следовать тотчас за мною; может быть, ты сим избавила себя от больших еще беспокойств; а каково бы мое положение было, если б я знал все твои беспокойства и видел бы совер-

шенную с моей стороны невозможность тебя хотя сколько-нибудь утешить? Когда господь благоволит соединить нас, милый друг мой, то ты еще более убедишься в том, что премудрость его устраивает все по провидению его, и не будешь дивиться тому, что в некоторых письмах моих могло тебя удивить. Надеюсь также, что господь тебя утешил получением писем от всех твоих родных; я знаю, что ты меня не забываешь в твоих письмах к ним, так как ты не забываешь и страдальцев моих; они все благодарят тебя за добрые твои советы и почитают тебя вместе со мною ангелом-утешителем, посланным нам всем от милосердия божия.

Благодарю тебя за данные тобой известия о наших родных; ты не знаешь, какое ты добро мне сделала данным известием о Лизе Куракиной². Отчего моя Лиза не пишет, я понять не могу³; если она была в П[е]т[е]рбурге, то тебе бы о том написали; это меня много беспокоит касательно ее здоровья, ибо в теперешних обстоятельствах она не стала бы молчать, если бы была здорова. Если успею, то при сем же pošлю тебе письмо к ней⁴. Прости, мой милый, неоцененный друг, целую и обнимаю тебя от всех сил души моей и уповаю благостию господней скоро прижать тебя к груди, единственно тобою дышащей.

Сергий Трубецкой.

[На обороте адрес:] Княгини Катерине Ивановне Трубецкой в Иркутске.

16. Е. И. ТРУБЕЦКОЙ

Благодатский рудник, 30 генв[аря] 1827 г.]

Милый ангел мой, ты можешь судить, что произвело во мне сегодняшнее письмо твое; друг мой сердечный, как опишу тебе радость мою? Как долги мне будут казаться эти дни, в которые я тебя не увижу! Может быть, господь, по милости своей, сократит их.

Друг мой, ты все беспокоишься о моем здоровье, поверь мне, друг милый, что, истинно, тебе не о чем беспокоиться. Я, право, совершенно здоров; ты знаешь, что я никогда не лгал, и стал ли бы я тебя обманывать? Я тебе обещал не скрывать от тебя, если бы я занемог. А мое нездоровье так было незначаше, что я и не думал, что об нем будут доносить¹. Я больше брал предо-

сторожности, чтоб не занемочь; крови же у меня несколько не вышло. Поверь тому, что я говорю, милый друг, и будь покойна, чрез несколько дней, если милость господня будет, то ты своими глазами уверишься в истине слов моих. Слава богу, что ты здорова. Благодарю моего бога, что благостью своей он тебя сохранил и донес сюда благополучно; и уповаю, что и впредь сохранит. Благодарю тебя за все присланное, сделай милость, друг мой, не хлопочи столько о нас; мы в необходимом не нуждаемся. Теперь у меня одна мысль, одно желание — скорее обнять тебя.

Вчера я получил письмо твое от 5-го и не ожидал, что сегодня могла ты быть так близко от меня. Не пугайся, милый мой ангел, моим почерком. Благодарность к богу моему, к тебе, милому ангелу, другу и хранителю моему, радость <...>* все так меня объемлет, что перо не может чертить свободно. Прости, ангел, до свиданья. Слава и благодарение богу милосердному, отцу нашему, столько нас милующему. Я всегда верил, что благость его соединит нас, чтобы более не разлучать ни в сем мире, ни в другом.

Целую и обнимаю тебя тысячу раз, милого друга и ангела моего.

Сергий Трубецкой.

Ты спрашиваешь, какое я лекарство принимал. У меня было в запасе еще от Петербурга и из Иркутска, и я уже весь нынешний месяц не имел нужды ничего принимать.

[На обороте адрес:] Катерине Ивановне Трубецкой. В Нерчинском большом заводе**.

17. Е. И. ТРУБЕЦКОЙ

1 февр[аля 1827 г.] Благодатский рудник

Ангел мой, сию минуту я получил твое письмо от вчерашнего дня и благодарю бога, что вижу из него, что ты совсем успокоилась касательно моего здоровья; вчера я также получил письмо от тебя, в котором, прочтя, что ты чрез час едешь ко мне, я вне себя был от радости, но после только заметил, что письмо было из Иркутска, пи-

* Одно слово неразб.

** Сохранился след печати.

Е. И. ТРУБЕЦКАЯ

Акварель Н. А. Бестужева. Не позднее 1828 г.

Публ. впервые по фотографии
из частного собрания Давыдовых.
Местонахождение оригинала неизвестно

санное в день твоего отъезда¹. Слава богу, что он тебя сохранил; признаюсь, я не очень верил твоему обещанию ночевать каждую ночь, и нисколько не удивляюсь твоей неосторожности при переезде чрез Байкал; не сердись на меня, милый друг, что я в сем случае надеялся не на твое благоразумие, но на милость господню. Его благодарю всеми способностями души и сердца моего и во всем на него же и впредь уповаю. Отец наш небесный столько уже излил благодати своей на нас, что я не могу во всем себя и тебя не вверить совершенно его святому промыслу. Только бы ты была покойной, мой ангел, то я не могу не быть покоен, все мои мысли стремятся к те-

бе, милому другу моему, ты знаешь, что ты все для меня, и когда благословение божие пребудет над тобою, то я буду счастлив. Господь мой, которому тебя поручаю, тебя во всем наставит. Прости, друг милый, сокращаю письмо, чтоб скорее его послать к тебе. Целую тебя и обнимаю тысячи тысяч раз, надеюсь, друг милый, что по милости божией, может быть, в последний раз делаю сие заочно.

Сергий Трубецкой.

Благодарим тебя за все присланные вещи; право, друг мой, больше не посылай, если что будет очень нужно, то я напишу.

[На обороте адрес:] Катерине Ивановне Трубецкой в Нерчинском большом заводе.

18. Е. И. ТРУБЕЦКОЙ

3-е февр[аля 1827 г.], Благодатск[ий] рудник

Сию минуту получил сегодняшнее письмо твое, милый ангел мой, и поспешаю уведомить тебя, что я, слава богу, здоров. Ты бранишь меня за то, что я о своем здоровье не писал тебе в третьегоднешнем письме моем, а сама в сегодняшнем умалчиваешь о своем здоровье; хотя я и надеюсь, что оно хорошо, но я бы очень желал знать, как ты отдыхаешь от дороги. Даст бог, может быть, я в сем уверюсь лично, прежде нежели будешь ты иметь время писать о том. Я уверен, что господь нас не оставит счастьем обнять друг друга на сей неделе¹. До тех пор, друг милый, потерпим, с совершенною благодарностью к создателю нашему, коего благодать перенесла тебя из такой дали столь близко ко мне. Много мы обязаны отцу нашему небесному, милый друг, и беспредельное упование в него укрепит нас во всем, что еще нам предстоит испытать на земле; а покорность нашу к его святой воле он так милостиво наградит, что для сей награды не можно довольно потерпеть, ибо, несмотря на все недостойнство наше, благодать его готовит нам блаженство, непостижимое уму человеческому и которое никогда во веки веков не прекратится. Здесь у меня одно желание, быть с тобою, а когда я сего могу надеяться, какого мне для себя счастья желать еще? Только бы ты, ангел мой, была спокойна и чтоб от тебя всякое страдание было отстранено; мое дело благодарить бога моего

за все страдания, какие он мне посылает и какие еще премудрость его намерена мне послать. Когда ты добровольно согласилась терпеть все то, что мне суждено, то я только могу благодарить господа моего за то, что даровал мне такого истинного друга, какова ты, и за то, что подал тебе средство к исполнению твоих желаний. Он тебя, ангела моего, и впредь не оставит. Прости, милый, бесценный друг, радость и утешение мое, бог тебя благословит и даст мне расцеловать и обнять тебя въяве, как я теперь сие делаю заочно.

Сергий Трубецкой.

19. С. Г. ВОЛКОНСКОМУ

[10 марта 1832 г.]¹

Моя жена и я, мы поздравляем вас от всего сердца со счастливым разрешением княгини, и мы желаем, чтобы ее здоровье и здоровье вашего новорожденного² никогда не давало вам повода для беспокойства и забот. Моя жена собирается писать генералу³ и спрашивает вас, приняли ли вы меры, чтобы известить вашу матушку и м-м Орлову⁴. Она вас также спрашивает, можно ли ей приехать днем, чтобы самой принести поздравления и узнать новости о княгине от нее самой.

[Трубецкой]*.

20. С. Н. МУРАВЬЕВОЙ (НОНУШКЕ)¹

[Петровский завод, январь 1837 г.]²

Здравствуй, Ноно!

Как поживаешь, что поделываешь, Катерина Ивановна тебя целует. Дети мои тебе кланяются³. Лиза всякой вечер ездит к тебе в гости, и тогда тебя представляет пепечица**, которую ты Сашеньке подарила. На святках она все наряжалась и плясала; она большая мастерица плясать и песни петь; а рисовать еще ничего не выучилась; хотя беспрестанно чертит или карандашом по бумаге или грифелем на доске. Никита у нас славно ползает, а ходить и говорить еще плох. Толкует много, да ничего не поймешь, и пляшет трепака, а больше ничего.

* Письмо без подписи, но написано рукой С. П. Трубецкого; подпись сделана рукой М. Н. Волконской.

** Так в подлиннике.

Сашенька плясать не охотница, а очень любит петь русские песни, я ей играю их на фортепиано, а она поет и начинает сама учиться играть, ей прислали нот.

Еще она читает и пишет по-русски и по-французски. Я думаю, что ты все это умеешь делать лучше, нежели она.

Напиши нам что-нибудь о себе, что ты делаешь? И чем занимаешься? И весело ли тебе? Мы очень будем рады получить от тебя письмо. Поклонись от меня папиньке, дядиньке, Каролине Карловне и Фердинанду Богдановичу⁴. А я заочно целую твою ручку.

Сергий Трубецкой.

21. М. А. ФОНВИЗИНУ¹

[Петровское, 22 апреля 1837 г.]

Благодарю вас, почтенный друг мой Михайло Александрович, за письмо ваше, хотя оно и старое, но мы свежие известия об вас иметь не можем, и давнишние для вас происшествия — для нас еще новость. Я уверен, что мы часто бываем предметом ваших разговоров как с Н[атальей] Д[митриевной]², так и с товарищами вашего изгнания³, и надеюсь, что по чувствам нашим к вам мы этого заслуживаем; и нам взаимно случается часто переноситься мыслями к вам со многими из товарищей, которые вас уважают, любят и помнят. Вы представляете себе крестниц ваших⁴ благовоспитанными девочками: в старшей вы не ошибаетесь, а меньшая большая егоза. Н...кайнец* ваш крепкий, здоровый и веселый мальчик, но других достоинств еще никаких не имеет. Весь день бегают и падает и страстно любит Александра Николаевича⁵. Вы третьи дали нам известие о Мих[аиле] Фот[евиче]⁶. От него еще здесь никто не получал со времени его водворения у вас. Я надеюсь, что ваш климат при врачебных пособиях, которые можно найти в Красноярске, поправят его здоровье, которое в последние два года его здесь пребывания совершенно было расстроилось. Касательно С[емена] Г[ригорьевича] я давно уже потерял надежду⁷. Он оправиться не может. Одно желательно, чтоб менее страдал. О П[авле]** С[ергеевиче]

* Часть слова неразборчива, возможно, детское прозвище Никиты.

** В подлиннике ошибочно: «Б».

иногда имеем сведения чрез собственные его письма⁸. Встретив их, прошу вас поблагодарить от меня за память, сказать им мой усердный поклон, в особенности С[емену] Г[ригорьевичу], которого дружбою я еще с молодых лет пользовался. Его я никогда забыть не могу. От Ив[ана] Дм[итриевича] получили мы уже два письма из Ялуторовска⁹. Под личиной строгой справедливости он пишет множество комплиментов жене моей. Я очень рад, что судьба свела его с М[атвеем] И[вановичем]¹⁰, от которого мы также получили письма. Кажется, он живет тихо и спокойно.

Поручение ваше ко всем лицам, названным в вашем письме, я исполнил¹¹. Все очень благодарят вас за память. Я в свою очередь прошу вас засвидетельствовать мое почтение Н[аталье] Д[митриевне] и поцеловать у ней ручку за меня. Дай бог вам здоровья и спокойствия и исполнения всех ваших желаний касательно детей ваших.

22. С. Н. МУРАВЬЕВОЙ (НОНУШКЕ)

[Петровский завод, конец 1837 г.]¹

Милая моя Нонушка! Я думал, что не успею писать к тебе, но у меня остается еще несколько минут времени, и я хочу тебе порассказать кое-что о моих детях, полагая, что тебе будет приятно знать, что оне поделывают. Сашенька моя стала почти так же, как и ты, большая девочка, каждый день учится читать и писать по-русски и по-французски, мама толкует ей евангелие, а я иногда показываю ей, как играть на фортепьяно, и она уже выучилась играть «Во саду ли в огороде» и много песен поет, немножко разбирает и ноты. Она может рисовать большие картины, *tableaux de genre**, ты спроси дядю, что это значит, он тебе объяснит. Когда Сашенька чем-нибудь занимается, то и Лиза хочет то же делать и уверена, что умеет читать и писать, потому что кое-как может** сделать что-то похожее на Ю, О, А, дальше этого она азбуки не знает, а читает, выговаривая за мной, что я скажу, только надобно, чтоб книжка лежала перед нею, хотя обыкновенно она в нее не смотрит. Лиза тоже поет и играет на фортепьяно по нотам,

* Жанровые картины (франц.).

** В подлиннике: «можно».

только надобно, чтоб тогда и под нею на стуле лежали ноты, а если она на нотах не сидит, то не может играть по нотам. Она нынче уже не ездит в колясочке и на руки никогда не просится, а все ходит пешком и очень далеко. Она и Сашенька очень любят гулять и кормить кур; а Никита любит их гонять, он говорит не много; любимые его слова — нет и пити, то есть пусти. Титев, так он зовет Сутгофа*, его большой друг, он никого так не любит, как его, всегда гуляет с ним.

Никита очень жалуется собакам, зовет их вавака, а всякий мальчик у него вака. Маленькую сестру свою Зинаиду он зовет Кува и кормилицу ее так же Сашеньку зовет Ась, а Лизу Ляка. Маленькая Зинаида еще ничего не умеет делать, только спит и качается в своей люльке.

Вот тебе милая Нонушка, пишу, кажется, четвертое уже письмо; когда же ты ко мне напишешь, что ты делаешь и как поживаешь? Если папа позволит, заготовлю письмецо, а он когда-нибудь его ко мне перешлет.

Трубецкой.

23. С. Н. МУРАВЬЕВОЙ

[Петровский завод, апрель 1838 г.]¹

Милая Нонушка, прошу тебя принять поклон от моей Сашеньки и от Лизаньки, которая всегда уверяет, что она тебя помнит. Она сегодня ездила с Никитушкой и с Зиночкой в церковь приобщаться святых тайн, и они ездили в карете, что они очень любят: а Саша с нами говела на страстной неделе, и Вася также. Сашенька Давыдова очень любит читать, а Ваничка рисует лошадей и гусар². Сашенька получила от своей бабиньки³ бумаги и карандашей черных и красных и краски, и тетрадь с носами, глазами, ушами, головами и прочая, которую она намерена перерисовать, чтоб не выходили вперед у ней на рисунках кривые лица. А твоя бабинька⁴ прислала Сашеньке и Лизаньке голубые *crispins*** и чайную посуду, оловянную, то есть самовар, чайник, кофейник, молочник, чашки и все, что нужно для чайного сервиза; еще оне получили три маленьких куколки и сельский праздник из картонных фигур. Одна из этих куколок

* В подлиннике здесь и далее: «Сутгова».

** Длинные перчатки (франц.).

досталась Китушке: он ее скоро изломал, а Зина — остатки изгрызла, а голову откусила. А теперь Кита все бьет яйца. Он очень любит ездить верхом на большой собаке Барбосе, которая у нас есть, и сам часто бывает Барбосом, а Лизу жалует в какую-нибудь другую собаку, иногда Барбосом у него бывает Сутгоф.

Прощай. Желаю тебе быть здоровою и веселою.

С. Т[рубецкой].

24. С. Н. МУРАВЬЕВОЙ

[Петровский завод, лето 1838 г.]¹

Милая Нонушка, хочу также сказать тебе несколько слов. Во-первых, скажу тебе, что я очень рад, что ты опять совсем здорова; потом скажу тебе, что Лизанька хотела бы тоже писать к тебе, да она, кроме палочек и крючков, еще ничего писать не умеет и это пишет с грехом пополам. Зато большая мастерица плясать. Если бы ты увидела, как она с Китушкой пойдет мазурку, у тебя бы глазки разбежались. Сашенька плясать не охотница, а любит петь и начинает понемногу учиться на фортепьяно, только еще очень мало. Лизе на именины Фед[ор] Фед[орович]² подарил палатку с золотыми шарами наверху; она в ней заседает с Китой. Зиночка человек еще маленький, только что начинает становиться на ножки и любит очень бывшего твоего приятеля Сутгофа. Целую твою ручку и прошу тебя поклониться твоему папа и дяде, и Каролине Карловне.

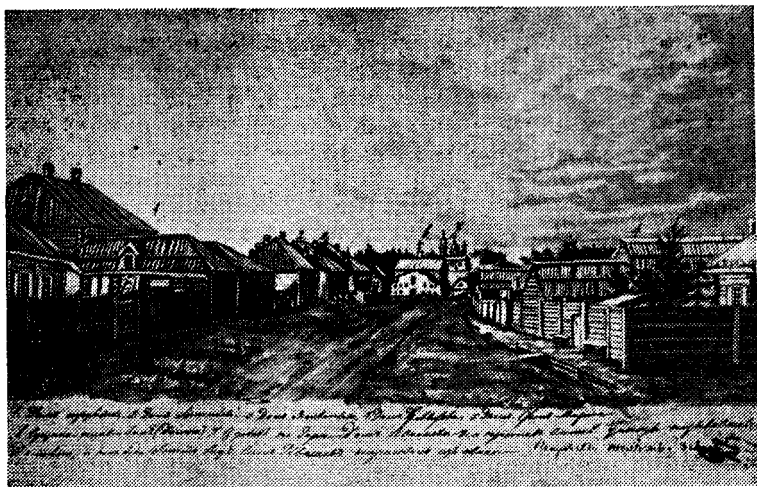
Сергий Трубецкой.

25. И. Д. ЯКУШКИНУ

1 марта 1839 г.

Самолюбие мое заставляет меня надеяться, Иван Дмитриевич, что ты будешь очень доволен, получив собственноручное от меня письмо; хотя я пишу его не для удовлетворения этой сродной всем людям страсти, но единственно потому, что мне очень приятно несколько побеседовать с тобою письменно после внезапного и продолжительного прерывания изустных бесед наших¹.

Может быть, буду я довольно счастлив, чтоб возобновить когда-нибудь наши беседы? Этот вопрос решит время. Если нас пустят в Западную Сибирь, но откажут

ДАМСКАЯ УЛИЦА В ПЕТРОВСКОМ ЗАВОДЕ

В. П. Ивашев. 1831—1835 гг. Сепия.

ИРЛИ (Пушкинский дом)

Тобольск, то некуда более поместить, как в Ялutorовск или Курган, потому что жена моя решительно исключила Ишим и Туринск, Kourgau promet d'être remplide*. Туда ничто нас не тянет. В самом Тобольске несколько пугает нас климат. В других отношениях он представляет, кажет[ся], более выгод для нас, нежели другое место.

Мы еще не имеем никакого ответа, но, вероятно, недолго будем его ждать. Время приближается к отъезду, и мы уже понемногу начинаем готовиться. Благодаря бога здоровье жены моей укрепляется, и я надеюсь, что она путь, хотя бы он и долгий, перенесет хорошо. Забот будет довольно; только бы бог дал всем здоровья. До сих пор у нас все хорошо. Одна Лизанька нас беспокоит. У ней после простуды горла сделалась опухоль, которая затвердела, и до сих пор никакими средствами прогнать ее не можем. Сильного ничего, впрочем, не употребляем. Она несколько похудела, потому что во всю зиму не выходила из комнаты, и если до теплого времени опухоль

* Курган обещает быть заполненным (франц.).

не пройдет, то надобно будет долго еще держать в комнате.

Для тебя у нас двое незнакомых²; Зиночка большая егюза, вся на пантомимах, говорит слов с десятка, и то имена, которые по-своему переделала. Володенька мальчик пучеглазый с двумя зубами, до сих пор обещает правом быть похож на Никитушку, который очень благонаправный мальчик. Сложением, кажется, также сходны, оба крепенькие и здоровенькие. Сашенька много выросла, теперь мы с нею уже постепенно занимаемся, наши занятия прерываются только болезнями, которые случаются. Сашенька сама была нездорова недели две, и ее положение нас побеспокоило в это время, потому что оно не имело видимой для нас причины и не являло никакой особенной болезни, *mais une certaine langueur qui nous faisait craindre une dégénération dans une maladie chronique**. Теперь она по-прежнему здорова. Мы все еще занимаемся понемногу, уроки не долго продолжают-ся, в сутки не более 2¹/₂ часов. Прежде были они разнообразнее, но малоуспешны, и потому я решился ограничить их французским и русским языками и арифметикой и вижу более успеха. Но если мы с тобою увидимся нынешним летом, то, вероятно, еще Саша не в состоянии будет говорить по-французски. Лиза тоже начинает понемногу приучаться брать урок, но ветреность ее не допускает более нескольких минут внимания. Я даю тебе этот отчет, зная, как тебя все занимает, что до детей касается. Я не скажу тебе, чтобы я находил в себе большое искусство в педагогике, напротив, большой в нем недостаток. Стараюсь только облегчить объяснение для понятия, а всего более, чтоб урок был нескучен, и, кажется, в последнем довольно успеваю, хотя и несовершенно. Не успел еще довести до того, чтоб С[аша] могла заняться уроком одна; мое присутствие всегда необходимо, от этого не могу давать уроков в промежутках. Как скоро она что-нибудь делает одна, то не с довольным вниманием, оттого идет медленно, худо и нагоняет на нее скуку. Одна она только читает и любит читать, также рукоделия ее занимают, и она может сидеть за ними по несколько часов сразу.—Круг наш очень ограничен, да

* Некоторая вялость, которая заставляла нас опасаться перерождения в хроническую болезнь (франц.).

и не имеем мы досуга для препровождения времени в разговорах; всякому, кто не имеет к нам большой дружбы и не любит довольно для того детей, было бы у нас в доме скучно.

Мы же, как можешь себе представить, живем теперь очень тесно. Еще бы побеседовал с тобою, но должен сократить письмо, и так скажу: прощай, до свидания, не хочу думать, чтоб мы не свиделись когда.

С. Трубевской].

Матвея³ обними от всего сердца. Он много доставил мне удовольствия своими письмами к жене моей. Дай бог ему здоровья и спокойствия. Дети во все время мешали и кончили тем, что лист мой измарали*.

Я забыл вам сказать, что «старый слепой»⁴ чувствует себя хорошо, он все тот же, только стал печальнее; уже больше года никто из родных ему не пишет. Я вам ни о ком не пишу, так как тот, кто доставит это письмо, расскажет вам обо всех⁵.

26. Е. П. ОБОЛЕНСКОМУ¹

[Шилаево, 1—3 августа 1839 г.]²

Не стану описывать тебе, Евгений Петрович, чувств моих при расставании с тобою: я следовал глазами, когда ты поднимался на песчаную гору, наконец ты скрылся, может быть, где-нибудь еще останавливался посмотреть на нашу переправу, но я уже тебя не видел и не имел о тебе известия до приезда Баранова³, который догнал нас в Кабанске. Здесь мы встречены были Глебовым⁴, который, разумеется, бросился нам на шею. При виде его и потом его жилища впечатление было грустное. Сколько я мог узнать, кажется, от достоверных людей, все не так дурно, как прежде нам сказывали, но все-таки очень плохо. Он нас проводил до моря и пробыл с нами 4 дня. Это нужно было для того, чтобы несколько рассеять первое впечатление, которое вид его на нас произвел и которое было самое невыгодное. Ему, кажется, совестно и неловко между нами. Он просил хлопотать ему позволение видаться беспрепятственно с тобою и тебе с ним. Для него, может быть, это не будет

* Далее до слов «расскажет вам обо всех» в подлиннике на франц. яз.

бесполезно. Мы бы хотели, однако же, чтобы эти свидания продолжались недолго, другими словами, чтоб он переехал к Муханову⁵, а ты к нам или куда тебе угодно, но не оставался в несчастных этих местах, где ты, по благодетельности твоей и состраданию к другим, умрешь сам с голоду. Воля твоя, любезный друг, а я, сколько моих сил есть, буду хлопотать, чтоб ты здесь не оставался, не сердись на меня. Жена моя и Пущин⁶ хотят все с тобой о том переписаться, а я делаю заговор, чтоб совсем не ожидать твоего согласия и вырвать тебя насильно из этих мест; может, тебе и в другом месте не лучше будет, но, по крайней мере, не так одиноко, как будет здесь. Прости, друг, обнимаю тебя и буду писать к тебе по возможности. Давыдовы и Якубович просили, и я первому передаю перо. Прости, до свиданья, я надеюсь.

Т[рубейкой].

27. Е. П. ОБОЛЕНСКОМУ

[Итанны, 16 августа 1839 г.]

После всех подробностей, которые описывает тебе жена моя, добрый мой Евгений, мне остается только прибавить, что старшие девочки наши и твоя крестница¹, все здоровы и большею частью веселы. Дорогой их все забавляло, только наскучила карета, и я их вез большею частию в тарантасе. Володенька² очень нас заботит, так устал, что поправиться не может. Здесь все дожди, детям выйти нельзя было, а сегодня ясно, и я вынужден занять дрожки, чтоб их немного прокатить и прогулять; во всех улицах грязь, в нашей довольно сухо, но край света. Сутгоф уехал в свою деревню, Спиридов тоже, но его воротили³. Ив[ан] Ив[анович] останется здесь недели, кажется, на три; он в Каменке. Ант. Пет.⁴ переезжал тоже с нами, и все были им очень довольны, даже Мар[ия] Каз[имировна]⁵ отдала справедливость. Не разоряйся, друг, на обзаведение. Мы на зиму больших расходов делать не будем, только укрыться от стужи, а там уже весною станем заводиться, как бог поможет. Прости, друг, обнимаю тебя.

Е. И. ТРУБЕЦКАЯ
Акварель Н. А. Бестужева. 1830 г. Миниатюра на слоновой кости

28. И. Д. ЯКУШКИНУ

[Оск, не ранее начала сентября 1839 г.]¹

Хотел писать к тебе, Иван Дмитриевич, взял перо, жена моя подала мне два исписанных ею листа, дети вертятся около меня, шумят, и я на письме жены моей к тебе написал к Матвею, а на его листочке пишу теперь к тебе, этот я могу оторвать, а тот уже нельзя, пожалуй, передай ему то, что к нему². Прости мне, любезный друг, этот промах. Это не первый и, может быть, не последний, который ты должен будешь прощать. Тебе прощать легко, потому что ты строг только к одному себе.

С. П. ТРУБЕЦКОЙ
Акварель Н. А. Бестужева.
Петровский завод, 1834—1835 гг.

Но о качествах твоих не буду распространяться; ты замечаешь, что я припомнил твои письма к жене моей, за которые я, впрочем, сетовать не могу, потому что мне может быть только приятно, когда такой справедливый человек, как ты, отдает ей должную справедливость. Если б ты этого не делал, то я был бы вынужден тебе хвалить ее. И в самом деле, друг мой, ты хотя видел ее в различных обстоятельствах жизни, но еще не во всех и потому всей цены знать ей не можешь. Недавно еще надобно было видеть ее при потере, постигшей нас. При всей ее горячей любви к детям какая покорность к воле божией. А если б ты видел Володеньку, какой прекрасный и премилый был мальчик, свежий, здоровый, крепкий. В последние три недели так исхудал, что узнать

нельзя было. Пока он был здоров, мы не находили у него особенного сходства с прочими детьми, а теперь часто то тот, то другой, особенно Лиза и Зиночка, напоминают нам его. Оне же и говорят больше о нем. Никитушка его не напоминает, Саша также не говорит о нем, но для того, чтоб не навлечь слезу на глаза матери. Ты ею был бы очень доволен, если б видел ее теперь. Много бы я заговорился с тобою, если б было место, но бумага пришла к концу, а с нею и мое письмецо. Прости, любезнейший друг мой, крепко обнимаю тебя и с нетерпением жду вести.

С. Трубецкой.

29. Е. П. ОБОЛЕНСКОМУ

Оёк, 6 октября 1839

Вчера мы видели отца Поликарпа, он приезжал в Урик, куда приехал и я с женой и детьми. Оне до сих пор там жили, потому что негде было поместить их в Оёке¹, наконец, очистили нам дом, и мы в нем переночевали; теперь я опять в своем семействе. Начал строиться; хочу зиму провести в собственном жилище; заложил флигель, который недель в шесть надеюсь привести к окончанию, если не будет какой особенной задержки. Жена моя и дети все здоровы; Зиночка теперь все говорит, что хочет, только выговаривает по-своему; сверх тех букв, которые обыкновенно дети не произносят, она еще не выговаривает буквы «к», у нее вместо кукла выходит тутла, вместо кучер — тутель и тому подобное. Все оне очень покойно провели время в Урике, и детям там было очень весело, но и сюда они переехали с удовольствием. Теперь, отдав тебе, любезный друг Евгений Петрович, отчет о себе и семействе моем, обращаюсь к тебе и, во-первых, поблагодарю тебя за все письма, которые ты писал ко мне со времени нашей разлуки и которые я, кажется, все получил. Во-вторых, стану с тобой говорить о твоём житье в Итанцинской* волости. Ты говоришь, что можно жить везде, потому что не без добрых людей; я в этом совершенно согласен с тобою. В каждом месте и во всяком сословии можно найти добрых людей, но со всеми ли добрыми людьми найдешь ты пищу для ума и

* В подлиннике «Етанчинской».

сердца? Нужны условия, без которых человек, как бы ни был хорош и достоин, но не может быть собеседником для другого. При различии образования есть различие в образе мыслей, различие в понятиях, различие взора на все вещественное и нравственное. Не должно снисходить со степени высшего образования на низшую: полученное образование есть также дар божий и требует возделывания, которое невозможно при сообществе с людьми низшего образования, как бы, впрочем, душа их ни была ясна и сердце чисто. Кажется мне, что сказанное мною не есть софизм, но есть умствование, и полагаю, что ты в том со мною согласен, и полагаю также, что ты поэтому не можешь не согласиться на перемену места твоего пребывания и переселения твоего к нам в Оёк, где ты, вероятно, найдешь столько же добрых людей, сколько и в теперешнем твоём селении, но где, сверх того, ты найдешь людей, истинно тебя любящих и уважающих, и крестницу, которая все время мешает мне к тебе писать. Отца Поликарпа, который разделяет наше мнение, избрали мы ходатаем пред тобою и адвокатом нашим. Уповаем на успешное действие от него. До зимы ты не можешь ничего предпринять, только там не заводишься. Если решишь по сердечному желанию нашему, то спишишь с нами; а мы тебе сообщим, какое средство будем полагать лучшим для приведения этого дела к желаемому нам концу. Прости, друг, обнимаю тебя сердечно.

Трубецкой.

30. Н. Д. ФОНВИЗИНОЙ

Оёк, 12 окт[ября] 1839 г.

Жена моя рассказала уже вам, почтеннейшая Наталья Дмитриевна, все, что до нас касается, мне остается только засвидетельствовать вам мое почтение и просить вас поклониться Михайле Александровичу, к которому я не замедлю написать и от которого, разумеется, буду с нетерпением ожидать ответа: надеюсь, что он будет поаккуратнее некоторых известных мне людей, о которых, впрочем, не в упрек им теперь помянул.

Вы знаете нашу привязанность к вам и, наверное, захотите наделять нас почаще вашими письмами. Долго мы надеялись иметь удовольствие изустно с вами бесе-

довать¹, но теперь должны остаться довольными и тем, что хотя письменно можем иногда повторить вам, что разлука нисколько не изменила чувств наших к вам и что мы всегда будем почитать вас лучшими нашими друзьями.

Сергий Трубецкой.

31. Е. П. ОБОЛЕНСКОМУ

Оёк, 9 декабря 1839 г. *

Давно и я собирался к тебе писать, любезный мой Евгений, но не мог исполнить моего желания. Не много надобно времени, чтоб написать несколько строк, но по отчету, который жена моя дала тебе о провозждении дней наших, ты сам мог усмотреть, что некогда было. Когда я дома, дети все обступят; надобно одному из нас занимать их, чтоб другой мог что-либо поделывать; и при всем том редко можно удержать их в границах приличия. Они привыкли у нас резвиться, шуметь и болтать, как им вздумается, и беспрестанно обращаться то к тому, то к другому из нас с своими вопросами и рассказами. Особенно беспокойный человек твоя крестница, как жена моя уже сказала тебе, она никого в покое ни на минуту не оставляет. Хорошо, что мы всегда одни, гостям бы дети очень надоедали. Уединение же наше, кажется, имеет хорошую для них сторону, некому баловать, разве сами будем; но до сих пор, кажется, этого нет, хотя и даем им много свободы. Я радовался, прочтя в твоём последнем письме, что ты имеешь от всех твоих; желаю, чтоб частые от них известия развлекали тебя в одиночестве. Ожидаю от тебя весточки и сожалею, что должен ограничиваться в беседах** с тобой одними только письмами. Очень бы рад был побеседовать с тобой устами к устам, но что делать, бог милостив, может быть, когда-нибудь достигну этого моего желания. Прости; друг мой, будь здоров и по возможности спокоен, хотел сказать, счастлив. Жена моя каждый день тобой занимается, ибо вяжет тебе шарф, невзирая на то, что большую часть дня занята уроками с детьми, я же по этой части

* Помета Е. П. Оболенского: «Получ[ено] генваря 9-го».

** Далее в подлиннике со слов «с тобой» и до конца текст написан поперек листа прямо по тексту.

теперь почти ничего не делаю. Изредка только изустные рассказы священной истории, которую иногда и маленькие слушают, потому что при том показываются картинки. Обнимаю тебя твоей Трубецкой.

32. И. Д. ЯКУШКИНУ

Оёк, 3 февраля 1840

С нетерпением ожиданное письмо твое (от 9-го ноября), любезный друг мой Иван Дмитриевич, я наконец получил. Оно дошло ко мне 20-го нынешнего месяца. Причина твоего молчания давно была мне известна, и, следовательно, возбуждала не ропот, но приятное ощущение, как новое доказательство деятельной дружбы твоей. Из писем матушки твоей¹ мы знали, с какою заботливостью ты занимался нами. Хотя мы сами были далеки от убеждения, что будем жить вместе, однако сначала поверили было этой мечте, и случалось иногда в разговорах распределять образ жизни; и даже позволяли себе по временам мысленно располагать тобою и твоим временем, льстя себя надеждой, что ты не будешь слишком скуп с нами. Теперь все грезы прошли, не миновалась одна уверенность, что невидимая рука устраивает все к лучшему. Уединение, в котором мы живем, кажется, полезно для наших детей; некоторые упражнения много терпят от слишком большой тесноты нашего помещения, но так продлится еще некоторое время, потому что мне не удалось сделать чудо из чудес. Я не имел никакого готового строения, которым бы мог воспользоваться. В самом селении не нашел удобного места. Деревня большая, но одна половина ее расположена между двух болот, а другая между болотом и песчаной степью, на которой взрыты бугры и ямы от ветров. Две речки, из них одна довольно значительная, протекает в тундростных берегах, и оттого построиться поблизости их нет возможности. В стороне от селения я выбрал возвышенность, заслоненную с запада довольно крутою горою; это положение закрывает от одного из господствующих ветров, но открыто для северных, которые дуют также довольно часто. Гора покрыта сосновым лесом очень мелким. Вообще здесь природа некрасива, я еще не находил ни одного вида, на котором глаз желал бы остановиться. В окрестности много деревень по течению главной речки

Куды или впадающих в нее, все они разбросаны по гривкам, окруженным болотами. Нигде ни деревца, исключая на низменных хребтах, которые тянутся по обеим сторонам речки и один вплоть до ее устья. Куда впадает в Ангару в 30 верстах от нас. Не доходя устья, в 7 или 8 верстах, лежит Урик в подобном же неживописном положении. Берега Ангары, говорят, красивы. Я должен был тебе этим землеописанием как географу, а ты обязан начертить на своей карте нашу речку, которая, вероятно, не удостоилась еще этой чести. Расстояние, отделяющее нас от Н[икиты] М[ихайловича], препятствует разделять с ним время. Когда случается видеться, он бывает очень доволен. Если б мы были ближе друг к другу, я уверен, что это было бы ему приятно и для детей наших взаимно полезно. С отъезда К[аролины] К[арловны]² все его время принадлежит дочери. Слава богу, что здоровье ее менее прежнего беспокоит его. Она в течение нынешней зимы не была подвержена таким сильным болезням, как в две прошлые зимы; только кашляла довольно долго. Из комнаты не смеют ее выпускать с самой осени, и, вероятно, до мая она не будет на воздухе. Она перестала носить повязку на голове, но нога ее все в том же положении. Непрерывное попечение Фер[динанда] Богд[ановича] и искусства его не могут преодолеть природы или действия климата. <...>* fact usnis l'san** описанием твоих физических инструментов, сожалею, что они у тебя без употребления. Я также не имею ни времени, ни места заниматься любимыми предметами. Сверх того, нужно, как ты справедливо замечает, иметь определенную цель и быть не одному. Знающий товарищ необходим; часто опыт не удастся от бездельного незамеченного упущения. Одному лучше заниматься ботаникой, как ты и делаешь, я по этой части приобрел некоторые книги, но сомневаюсь, чтоб необходимость устроить хозяйство дала мне свободу постоянно заняться каким-либо посторонним предметом в течение будущего лета. Прости, любезный друг мой, обнимаю тебя от всей души. Жена моя сама пишет к тебе. Ты, вероятно, вспомнил нынешний день и мысленно поздравил нас с рождением Сашеньки. Муравьевы и Ферди-

* Два первых слова неразб.

** У меня слюнки текут (франц.).

С. П. ТРУБЕЦКОЙ

Акварель Н. А. Бестужева. Петровский завод, 1839 г.

нанд Богд[анович] тебе кланяются. Последний очень уже давно собирается к тебе писать. Будь здоров и спокоен. Желаю, чтоб вести от жены и детей всегда тебя утешали и радовали.

Сергий Трубецкой.

33. А. Л. КУЧЕВСКОМУ¹

3 марта 1840, Оёк *

Милостивый государь
Александр Лукич.

Посылаю вам три книжки «Отечественных записок»

* Помета А. Л. Кучевского: «Получено 3 марта чрез казака, находящегося при г-не [далее одно слово неразб.] Селиванове».

и 14 номеров «Петербургских ведомостей»². Последние буду пересылать вам по мере получения, что будет в неопределенные сроки. От Евгения Петровича по случаю получили письмо от 22-го февраля; он, кажется, получил наконец ваше письмо. Он ожидает денег от брата своего и писал к граж[данскому] губернатору; просил его из числа ожидаемых денег отделить 250 руб. и доставить вам. А жену мою просил осведомиться, будут ли они вам доставлены. Жена моя была в городе и знает, что их еще нет в получении.

Пожелав вам доброго здоровья, имею честь быть, милостивый государь, ваш покорный слуга

С. Трубецкой.

[Приписка:] Артамон Захарович чуть не умер и теперь еще лежит больной в Урике.

34. И. Д. ЯКУШКИНУ

Оёк, 8-го марта 1840

Уже три недели как я получил письмо твое от 1-го декабря, любезный друг мой Иван Дмитриевич. За неделю до того я писал к тебе и потому отложил ответом. Получил также и от Матвея и еще отложил ему отвечать, разочтя, что вы чаще будете знать о нас, если порознь буду к вам писать, т. е. в разное время. Письма наши долго ходят, ты отвечаешь мне на первое мое письмо; в этом случае мы не много выиграли пред Петровским. Помещением мы также до сих пор не выиграли, в последнее время дом наш был для нашей семьи очень тесен, а теперь покуда нам еще теснее. Это очень неудобно для занятий. Сашенька теперь очень охотно занимается, но маленькие вокруг нее беспрестанно шумят, и это мешает вниманию. Если бы была отдельная комната, то я надеюсь, что она в течение текущей зимы много бы успела. Лиза тоже начинает читать по складам, Кита¹ знает русскую и французскую азбуки и некоторые склады, а Зина учится азбуке из подражания. Я поручением твоим, касательно термометра, займусь; просил уже, и мне обещали поискать, куда он девался. Если б ты мог мне прислать сведение, когда он был отправлен из Москвы и как тебе стало известно, что он прислан в Иркутск, то я полагаю, что можно бы было отыскать его без труда. Я имею сомнение, не попал ли он к Михайле Фотиеви-

чу², потому что я видел наблюдения его над температурою с дробными частями, каких без нониуса³ усмотреть нельзя. Если б я был в городе, я надеюсь, что мог бы в два дня отыскать след твоего термометра, но, живучи в отдалении, иначе не могу справляться, как чрез записки. Начальство и чиновники, чрез чьи руки тогда проходили посылки, кажется, теперь уже не те. Однако ж, как я тебе уже сказал, мне обещано искать, только с своей стороны облегчи поиск, как я просил, это поможет, когда до того времени не отыщется.

Из письма к жене моей я вижу, что тебя беспокоит здоровье Евгения⁴, хотя ты говоришь о том слегка, но я боюсь, не имеешь ли ты более причин беспокоиться, нежели можно видеть из строк твоих. Сердечно желаю, чтоб опасения твои были напрасны, ты в этом, друг мой, не сомневаешься. Дай бог тебе видеть себя награжденным за все твои пожертвования. Ты их не признаешь, но не можешь помешать мне видеть вещи по-своему; следовательно, не имеешь права сердиться за образ, в котором я выразил мои желания. Прости, друг мой любезный, душевно тебя обнимаю. Не знаю, успеет ли жена моя писать к тебе; набралось довольно писем. Забыл сказать, что есть известия от И. И. Пущина, хотя не прямо к нам. Он со времени приезда в Туринск все болен, и письма его невеселы. Вероятно, ты видел И. С. Швейковского, я думаю, он уже проехал вас. Старик⁵, конечно, обрадовались, увидевши друг друга, Вас[илий] Карлович с трудом узнал своего друга и, может, нашел его старее себя. Скажи мое почтение Ал[ександр]е Васильевне⁶, когда ее увидишь. Еще раз обнимаю тебя.

Сергий Трубецкой.

35. Е. П. ОБОЛЕНСКОМУ

Оёк, 11 марта 1840

Письмо твое, любезный Евгений Петрович, пришло так кстати, как нельзя более, потому что мы с женою принимались за перо, чтоб к тебе писать, когда нам вручили его¹. Чтение его должно было изменить содержание наших. Мы прочли его со вниманием. Жена моя благодарила уже тебя за откровенность, с которою оно написано, я сделаю то же. Она доказывает уверенность

твою в непоколебимой и несебялюбивой дружбе нашей к тебе. Во многом признаю я суждения твои справедливыми. На многое жена моя тебе отвечает; мне остается кое-что добавить к ее ответу. Я желаю, чтоб ты вернее знал наш образ жизни, и потому представляю тебе историческое его обозрение со времени нашего прибытия на сю сторону Байкала. Из моего описания ты можешь получить понятие, какую жизнь вел бы ты, если б был в нашем соседстве.

Приступаю к делу. С начала нашего приезда болезнь Володеньки и совершенная невозможность продолжать путь в его тяжелом положении заставила нас около месяца пробыть в Иркутске. Радужная хозяйка Евфимия Васильевна Кузнецова, которой муж пригласил нас к себе в дом, не скучала нашим у нее пребыванием. Под конец его возвратился с приисков и сам Ефим Андреевич, который проводил время, забавляя наших детей². Когда мы лишились милого нашего малютки, отдав ему последний долг, распростились с добрыми нашими хозяевами и поехали в Урик. Там остановились, а я поехал осмотреть селение, в котором нам предстояло поселиться и где, как мы известились, был один дом, удобный для нашего помещения, которого хозяин соглашался нас пустить. Он очистил его не прежде 4-го октября, и мы переехали. Между тем я закупил лесу, начал строить небольшое временное помещение, которое обещались мне окончить в течение шести недель, и надеялся в нем провести вторую половину зимы. Подрядчики обманули, постройка затянулась, между тем нам писали, чтоб мы излишним не заводились, мы решились обратить временное жилище в постоянное и прибавили к нему две комнаты. Выстроили принадлежности и постом надеюсь привести в такое положение, чтоб можно было перейти на жительство.

С кем мы познакомились в Иркутске из городских жителей во время нашего в этом городе пребывания, жена моя к тебе пишет. Пока мы жили у Муравьевых, там мы видели некоторых им знакомых, приезжавших большею частию к Вольфу за советами, и некоторых из товарищей. С тех пор как мы переселились в Оёк, мы ездим всем семейством в Урик на рождество Христово и на масленицу. Дети так рады побывать в комнатах, в которых они могут побегать. Сверх того, я и жена моя по-

переменкам езжали туда иногда на день. Ник[ита] Мих[айлович] часть зимы по нездоровью не выходил и потому был у нас однажды; с тех пор как Каролина Карловна уехала, он не покидает Нонушки ни на минуту, а ее зимою бояться выводить на воздух. Кроме того, я был дважды у Юшневских, когда они жили в Куде, 15 в[ерст] от нас, и два раза у Сутгофа, с тех пор как он их там заменил. Столько же у Быстрицкого, который живет на дороге к ним³, и однажды у Александра Лукича⁴, который одной со мной волости, но более нежели в 30 верстах от нашего селения. К нам два раза собирались те из наших, которые по расстоянию могли в несколько часов приехать, именно в именины моей жены и в рождение Сашеньки. Тогда же были у нас Пятницкая, и в последний раз с мужем, и Максимович, с которыми мы по делам нашим должны быть знакомы⁵. Из числа наших, которые были у нас в эти или другие дни приезжали, кроме Муравьевых и Волконских, Вольф, Поджио оба⁶, Громницкий⁷, когда был в Урике, однажды Лунин⁸, Сутгофы⁹, Арт[амон] Зах[арович], Якубович, Панов¹⁰, Вадковский и Быстрицкий; еще Юшневские. Большею же частию мы бываем совершенно одни; уединение нам не тягостно, как ты можешь себе представить, а детям полезно. Утро проходит у нас в уроках; днем я на постройке, вечер мы оба с детьми, когда погода позволяет, выезжаем или ходим с ними. Город от нас в 36 верстах, оттуда часто ездить нельзя, да и знакомы нам только те, кого я называл. Муравьевы и Волконские с лишком в 20 в[ерстах], Сутгофы в 15, Быстрицкий в 13, у них нет лошадей. Некоторые из наших иногда у нас ночевали. Больше всех у нас были Вадковский и Артамон Зах[арович], каждый по три раза на сутки.

Я тебе подробно описал все наши и к нам поездки; мне казалось из твоего письма, что ты полагаешь, что мы ведем жизнь, вроде городской, рассеянную. Чаще всех мы бываем в Урике, то есть два раза в месяц. В город же я не езжу, а жена ездит или служить панихиду, или когда имеет дело к губернатору, что уже случалось два три. В числе моих поездок я тебе говорил о той, которую я сделал к Алек[сандру] Лукичу в Тугутуй; я должен сказать тебе, как я его нашел. Он живет в собственной своей избе, которую выстроил на отведенном ему месте; оно тем выгодно, что все заведение будет у

него под рукою, и пашни, и сенокос, которые ему отдадут, будут смежны с его двором. Изба средней величины, но высокая. Он живет совершенно один. Хозяин и хозяйка того дома, где он стоял на квартире, ходят навещаться, не нужно ли чего для него сделать, но большею частию он обходится без их прислуги. Когда я приехал к нему, он начинал нуждаться в чае и табаке; по здешнему обычаю я на новоселье привез ему этих вещей и сахара, и это было не лишним. Он был очень доволен моим посещением и обещал сам отдать мне его летом. Я нашел его придумывающего средства, как пересылать письма, которые он пишет; пред тем он узнал, что те, которые он писал к жене своей и к тебе, вместо того чтоб идти к своему назначению, ходят из одного волостного правления в другое, совсем не по дороге, и читаются всеми писарями. Мне легко было указать ему кратчайший путь: доставлять их ко мне для отсылки с моим человеком прямо к губернатору; так он и сделал с тем, которое ты, вероятно, получил. После того я послал ему книг и «С.-Петербургские ведомости», которые буду ему доставлять по получении от Ник[иты] Мих[айловича]. Завтра отправляю к нему с нарочным письмо от тебя, которое доставлено мне сегодня для передачи ему; оно с деньгами. Он теперь по твоей милости поправится и запасется нужным лесом для работ вокруг дома на лето. Старик бодр духом и доволен своим положением; желает, чтоб жена к нему приехала; жалуется, что часто голова болит, но на лицо он здоровее мне показался, нежели был в Петровском. Когда он перешел в свою избу, она была очень сыра, не мудрено, что и от этого голова у него чаще болела.

Теперь от окружностей перейду в даль. От Ивана Ивановича¹¹ мы лично с отъезда его не получали, но я видел два его письма и недоволен ими. Инструмент его настроен на минорный тон. Такое состояние его духа, кажется, зависит от худого состояния его здоровья. Он очень на него жалуется. Оно мешает ему предаваться умственным занятиям. Тоска или хандра вполне им овладела. Невольно вырываются из-под пера его грустные мысли. Между обоих писем было более месяца расстояния, и все то же расположение в них видно. В последнем оно, конечно, усилилось еще скорбью, которую он видит вокруг себя. Он говорит: «Не вправе я был отказать

моим родным о поселении меня ближе к ним», но видно, что ему тяжело быть далеко от тех, которые более его любят. Он зовет тебя к себе и, конечно, чувствует, что ты ему нужен. Это лишает меня надежды быть когда-нибудь с тобою вместе; но когда я узнаю, что ты живешь с человеком, который тебя так любит, как он, это будет для меня большим утешением. Я порадуюсь за вас обоих. Воротников¹² сказывал мне, что ты писал о дозволении тебе ездить в В[ерхне]удинск; если оно тебе не дано, жена моя о нем похлопочет. Между тем потолкуй об этом с Марьей Казимировной, она может тебе сказать, как и кого о том просить. Прости, друг мой Евгений Петрович, надобно кончить длинное мое письмо, которое ты, может, уже устал читать. Желаю, чтоб твои обстоятельства поправились, и жалею, что мои подобны твоим и что желания моего не могу явить на деле. Да благословение господне пребудет всегда на тебе. Я уверен, что память твоя о нас будет всегда и везде так неизменна, как моя дружба.

С. Трубецкой.

36. Е. П. ОБОЛЕНСКОМУ

Оёк, 30 марта 1840 г.

Вероятно, ты получил мое письмо чрез Марью Казимировну, друг мой Евгений Петрович; на днях переслал тебе чрез губернатора еще письмо от Кучевского. На прошедшей почте Волк[онские] получили от Пушина; описывает кончину Кам[иллы] Пет[ровны] Ивашевой. Бедная женщина умерла в цвете лет; по счастью мать ее осталась при трех оставшихся ее детях¹. Я было совсем потерял надежду когда-нибудь тебя увидеть, теперь уверен, если тебя пустят в Туринск, то ты нас не минуешь и заедешь посмотреть на людей истинно тебя любящих и на крестницу твою. Из Иркутска можно тебе будет сделать эту недалнюю поездку. Прости, добрый друг мой, да сохранит тебя господь и благословит во всех благих начинаниях. Поздравляю тебя с наступающим праздником. Нет возможности пожелать тебе провести их весело, потому что ты вокруг себя кроме несчастий ничего не увидишь; то же и нас ожидает. От души обнимаю тебя.

37. Н. Д. ФОНВИЗИНОЙ *

Оёк, 6 апреля 1840 г.

Поздравляю вас, Наталья Дмитриевна, с днем вашего рождения и прошу передать от меня дружеские пожелания Михайле Александровичу **. Я уже давно собираюсь ему написать, но моя голова еще не совсем спокойна ¹, надеюсь, однако, сделать это в скором *** [времени]. Да благословит господь вас обоих, таково искреннее желание преданного вам Трубецкого.

38. И. Д. ЯКУШКИНУ

Оёк, 10 мая 1840

Жена моя уведомляет тебя, любезный мой Иван Дм[итриевич], о получении твоих писем и частью отвечает на письмо твое ко мне. Она сообщает тебе также сведения о детях, и потому не стану повторять сказанного ею. Благодарю тебя за присланную книжку; я ее еще не получил, но, вероятно, не замедлят мне ее доставить. Все физические статьи Араго ¹ читаю я с любопытством; сверх глубокой учености и большой опытности он еще имеет и дар представлять вещи очень ясно. Правда, вообще французы в естественных науках излагают ясно предметы, но Араго это достоинство имеет еще более многих. Я имею понятие о его статье, но прочту ее в подробности с удовольствием. «Библиотека для чтения» ² о ней говорила совсем в превратном виде, ибо приводила ее в доказательство бесполезности и даже вреда громоотводов, тогда как вывод Араго совершенно противен этому заключению. Ты, кажется, выписывал Беккереля ³; получил ли ты его? Я его имею, но всего сразу не читал, а отдельно разные предметы. Этот писатель далеко отстал в ясности от первого; и странно, что он так худо передает то, что так хорошо знает. Он сбивчив, м[ожет] быть, от недостатка методы. После напечатания его сочинения много еще сделано открытий в электричестве, и жаль мне, что я ничего не имею о действиях Якоби по этому предмету ⁴. Разгадает ли он загадку приложения

* Подлинник на франц. яз.

** Имя и отчество написаны по-русски.

*** Далее одно слово, отсутствующее в подлиннике, дописано по смыслу.

этого движителя в большом размере так, чтоб он мог хотя в некоторых случаях заменить пар? До сих пор, кажется, еще ничто не оправдывает этих ожиданий, хотя уже и провел небольшой электроход по Неве. Розыски его не приведут, может быть, к желаемому, но наверное откроют много неизвестного и, вероятно, не менее полезного, уже этому есть начало.

Есть также другое изобретение, которое меня много занимает, но я не имею довольно о нем сведений, чтоб сделать себе совершенно ясное понятие. Это — турбина Фурньерона^{*5}. Из читанного мною о ней я вижу, что один только изобретатель ее умеет ее устроить, попытки же других не были увенчаны равным успехом; и все, что попадалось мне о теории этой машины, недостаточно, и вычисления кривых линий между собой не сходны. Чтобы узнать короче, надобно бы было видеть на опыте, но я не имею средств. Я разделяю твое мнение насчет пользы естественной истории для детей, изучение ее доступно их понятиям, я даже думаю, что вообще естественные науки полезнее для ума многих других предметов, которыми занимают детей. Многое можно ясно передать без математических выкладок. Когда явления объясняют закон, тогда другие доказательства для понятия науки необходимы. Может быть, когда-нибудь буду иметь возможность видеть на опыте оправдание моих предположений; но до сих пор я должен заниматься с детьми только тем, чем могу. Наши занятия только что начинают принимать некоторый вид занятий, во всю зиму они были очень беспорядочны, и Сашенька не могла приучиться к постоянному занятию. Она очень любит чтение, но еще не может одна читать по-французски. Русские свои книги перечитывает по несколько раз. В нашей литературе для детского чтения мало еще есть не только хорошего, но и порядочного. Вообще, кажется, для детей мало путного и на других языках, особенно на французском, который в таком употреблении. Половина книг, которые для них присланы нам, никуда не годятся, по моему мнению, и совсем не достигают той цели, которую должно иметь в образовании детей. Но пора, друг мой, расстаться с тобою, хотя и не хотел бы. Поклонись от меня Матвею, и мое почтение жене его⁶, я буду ему пи-

^{*} В подлиннике: «Турбина Фурньерона».

сать через почту. Желаю и ему и тебе доброго здоровья. Мой поклон также В. К. и А. В. с мужем⁷.

С. Трубецкой.

[Приписка сбоку:] Я писал к Н. Н.⁸, просил ее выслать мне из Московского почтамта свидетельство, когда был выслан к тебе термометр и пр., оно требуется для отыскания твоей посылки.

39. Е. П. ОБОЛЕНСКОМУ

[Оёк.] 16 июня 1840

Друг мой Евгений Петрович! Пишу к тебе чрез очень любезного и доброго молодого человека, с которым я имел удовольствие познакомиться и которого часто видел во время его пребывания в наших окрестностях. Леонид Федорович Львов¹, шурин Семена Васильевича, знаком тебе; ты знал его еще мальчиком; он очень тебя хочет видеть, и, вероятно, тебе приятно будет его посещение по многим обстоятельствам. Ты можешь также отвечать нам чрез него; он доставит нам письмо чрез И. С. Персина².

Многое желал бы сказать тебе о письме твоём, конченном 15-го мая, но удерживаюсь; скажу только, что я недоволен был, видя из него, что тебе нехорошо и что ты беспокоен. Я не привык видеть тебя в таком положении, и знать тебя в нем очень мне неприятно. Вскоре после твоего письма мы получили от Ив[ана] Ив[ановича] Пушина, которое тебе посылаем; ты из него увидишь, что он также очень беспокоен, и я видел еще его письмо к Волк[онским] и также письмо Ивашева³, который также рассказывает, как Ив[ан] Ив[анович] болен. Ему 4 раза пускали кровь и несколько не поправили его здоровья. Я боюсь, что его письма заставили тебя принять ложные меры, которыми, сверх того, ты, кажется, недоволен. И[ван] И[ванович] все в волнении; ты увидишь в его письме, что он думает обратно проситься к нам и теперь, верно, это уже и сделал; писал, чтоб сестра постаралась перевести его опять сюда, потому что от одного Вольфа он надеется получить помощь в своей болезни, которая ежедневно усиливается и которую он один хорошо знает, потому что она ему с самого начала известна. Тогда зачем же тебе ехать к нему в Туринск! И если тебя переведут, что без сомнения сделают, как скоро

к[нязь] Оболенский⁴ о том попросит, то это может поставить тебя еще в неприятнейшее положение того, в которое уже мысль о этой просьбе тебя поставила. Все это меня беспокоит и за тебя и за него. О себе я ничего тебе не скажу; Леонид Фед[орович] скажет тебе, как мы живем, и я не могу отстать от мысли, что тебе бы лучше было в соседстве нашем. Ничто и никто не мешал бы тебе жить, как тебе угодно. Вадковский живет в городе и умел отвязаться от излишнего знакомства; ты мог бы так же видеть только тех, кого бы хотел. У нас бывают только те, кого мы хотим видеть, почему же ты не мог бы так устроиться и вести жизнь, какая для тебя приятнее. Даже Балаганских⁵ перевести, вероятно, было бы незатруднительно и, если это нужно бы было, я бы стал в этом тебе содействовать. Если ты хочешь или тебе нужно, ты можешь увидеться с губернатором, который едет за море. Не могу сказать, будет ли он у вас, но ты можешь приехать к нему в В[ерхне]удинск. Если тебя беспокоит просьба твоя о переводе, то, может, Леонид Фед[орович] возьмется тебе в этом пособить. Он в переписке с Дубельтом⁶, чрез которого идут все наши дела, и может его попросить, чтоб он остановил исполнение. Я все эти сведения почитаю не лишним тебе доставить. За тем прощай, добрый друг мой, не оставляй нас уведомлением о себе. Нам душевно нужно знать о тебе. Единственное мое желание есть, чтоб ты мог быть спокоен во всех отношениях, так и принимай всегда все, что я тебе говорю.

С. Трубецкой.

40. И. Д. ЯКУШКИНУ

Оёк, 22 июня 1840

Нынешний раз я замедлил ответом, любезный мой Иван Дмитриевич, к бывшим занятиям прибавились еще летние и прогулки с детьми. Слава богу, что оне все здоровы. Жена моя пишет тебе о них, она немного на себя клевет, и ты в этом ее узнаешь. Если она погрешает против себя, то недоверчивостию к себе самой, а не самохвальством. Вчера получили письмо от Матв[ея] Ив[ановича]. Он пишет, что вы ездили с ним на стеклянный завод и заказывали трубочки; из этого я заключаю, что ты занимаешься изготовлением каких-нибудь аппаратов.

Сообщай мне свои удачи и неудачи; мне любопытно будет следовать за твоими опытами. Я, кажется, написал тебе, что нам прислали дагерротипную картину¹; ты, вероятно, знаешь, в чем состоит процесс. Солнечные лучи посредством камер обскуры оттисняют предмет на металлической доске. Произведение весьма любопытное, и полагаю, что оно должно подвинуть теорию света. Я не знаю в подробности всего производства. Доска медная высеребренная, покрыта, кажется, хлоровой кислотой, окурена парами ртути, а после оттиска раствором или парами йода для того, чтоб оттиск отстал. Она под стеклом и оклеена бумагою, вероятно для того, чтоб воздух не касался доски. Не знаю, не изгладит ли свет этой картины, она у меня висит на стене. Долго искали способа создания оттиска, потому что от лучей вся доска чернела. Металлический блеск доски, отражая предмет, препятствует видеть изображение; надобно, чтоб свет на нее не падал, иначе все то, что черно, кажется блестящим, а светлые места темными. Я полагаю, что если бы полировка доски была лучше, то все черты вышли бы еще отчетливее. Много и так нельзя видеть иначе как в микроскоп. Сквозь стекло кажется, как будто работано графштихом. Не знаю, так ли оно оказывается без стекла; я не решился снять, чтоб это рассмотреть. Жаль, что подвижность живых предметов будет всегда препятствовать их снятию. Говорят, теперь доискиваются способа отпечатывать предметы с их красками; сомневаюсь, чтоб могли когда до того достичь. Я читал, что продается англичанами бумага, которую они называют чувствительною, но на ней тени выходят белыми, а свет темным, как и должно быть; но все это полезно для путешественников, неискусных в рисовке, и, кроме того, и у искусных сберегает время. Вернет² путешествует с дагерротипом. Этот инструмент еще очень дорог, но, вероятно, все со временем упростится и подешевеет, теперь еще неприступно для небогатых. Для рисования, кажется, еще выдуманное другое орудие — диограф, который копирует картины; я не знаю, в чем он состоит. Вообще мы в этом очень отстали, многие новые изобретения нам не известны, если где найдешь слово о них, то так недостаточно, что ничего не поймешь. Видно, они еще мало наших русских занимают, или то, что мы не имеем источников, откуда могли бы почерпать сведения о них. Вот я дошел

до конца своей бумаги и должен кончить. До сих пор не получил еще я *Annuaire du Bureau des Longitudes* *, который ты мне послал, я просил справиться о нем, и мне велели сказать, что написали запрос о нем. Прости, мой милый друг Иван Дмитриевич, обними за меня Матвея Ивановича, засвидетельствуй мое почтение его жене и Александре Васильевне и поклонись Вас[илию] Кар[ловичу].

Трубецкой.

41. Е. П. ОБОЛЕНСКОМУ

3 августа 1840

Я писал к тебе вчера¹, любезный друг мой Евгений Петрович. Полагаю, что это письмо против того много замедлит, но все хочется поговорить с тобой. В непостоянной переписке часто случается, иное напишешь совсем некстати; так, может быть, часто случалось и с нашими письмами к тебе. Мы с нетерпением ждем М[арью] К[азимировну], она, верно, нам привезет от тебя письмо, но, может быть, долго не будет случая отвечать на него по сердцу². Последнее твое беспокойно было, ты был тогда обуреваем какою-то нерешительностью, сделал шаг и сожалел о нем³. Редко ты бываешь в таком положении, оно точно неприятно, и я уверен, что ты в нем недолго остался. Может быть, таковые минуты необходимы человеку; может быть, господь в премудрости своей попускает иногда дух наш на некоторое ослабление, чтоб после восстановить его и крепче утвердить нас в вере на его всемогущество и упование на его неоставление. Так, по крайней мере, много раз было со мною; и я бывал всегда убежден последствиями, что временное уныние обращалось мне в пользу. Я знаю, что Пушкин к тебе писал; посылаю еще от него письмо, на днях полученное. Я доволен тем, что оно спокойнее того, которое я прежде к тебе переслал. Ему я также имел случай препроводить твои письма. Жена моя начертила тебе вчера несколько строк, из которых ты узнаешь, почему она сегодня к тебе не пишет. Здоровье ее, слава богу, кажется, скоро поправится. Благодарю создателя моего, что сохраняет его по благодати своей. Тосклива и трудна бы-

* Ежегодник Бюро долгот (франц.).

ла бы жизнь моя, если б она страдала в здоровье своем, Господь не отягчает нас паче меры и благодеяниями к себе привлекает, хотя мало отвечаем призывному гла-су. Ты этого о себе не можешь сказать, ибо ты о себе о последнем думаешь. Это не лесть и не мечта моего во-ображения. Справедливость должно отдать всякому.

Между теми людьми, о которых ты прилагаешь по-печение, сосед мой Александр Лукич⁴ твоим пособием приводит в некоторый порядок свое хозяйство. Он те-перь занят сенокосом и потом будет жать свой хлеб. За-[го]товил и на следующее лето; имеет огород. Есть на-дежда, что следующую зиму проведет без нужды, не так, как прошлую. Я его давно не видал, потому что надобно сделать более 30 верст и столько же обратно, но часто имею о нем известие, и, сколько знаю, все идет теперь у него порядочно, хотя довольно было ему хлопот, чтоб получить назначенную ему землю.

Желал бы я с тобой беседовать, друг мой, лицом к лицу, но когда это невозможно, должен удовольствоваться несколькими строками. Добрый человек⁵ нарочно за-ехал ко мне, чтоб взять к тебе письмо, и задерживать его не могу и потому, обняв тебя за себя, за жену мою и за детей наших, поручаю тебя благодати господней, а себя твоей любви.

Трубецкой.

[На обороте адрес:] Милостивому государю Евгению Петровичу Оболенскому
Етанчинской волости в слободе Турунтаевской.

42. А. Ф. БРИГЕНУ¹

Оёк, 11 августа 1840

Давно, любезный Александр Федорович, следовало мне написать к тебе это письмо, и я до сих пор этого не сделал. Не стану извиняться пред тобою, и действительно нет достаточных причин к извинению; особенно с тех пор, как бог помог мне поместить маленькую семью мою в собственном доме; потому что теперь имею и время и место уделить иногда часочек на беседу с приятелем. С тех пор как мы перебрались на сю сторону Байкала, мы получили письмо от тебя почти год тому назад. Ты звал нас в свою сторону и описывал удобства, если не прелести, Кургана. Не от нас зависело избрать себе ме-

сто жительство, а теперь мы уже совершенно здесь основались и завелись сельским хозяйством. Живем в совершенном уединении, друг другу с женою помогаем в воспитании детей и в хозяйстве. Иван Семенович², к которому я писал по получении от него письма о приезде к вам, вероятно, познакомил тебя несколько с нашими детьми. Старшая наша дочь Сашенька, уже большой ребенок, скоро уже из ребят выйдет, ей 10 лет, и она помогает нам в попечениях о меньших сестрах и брате. Вторая, Лизавета, по 7-му году, Никита 4-х лет и Зинаида 3-х. Меньшая самая бойкая, разумеется, самая балованная. Не имея ни нянь, ни дядек, ни учителей, ни учительниц для наших детей, мы посвящаем им все время, которое не необходимо по хозяйству. Хозяйственные дела жены моей внутри дома, и потому она безотлучно при детях. Они к нам оттого так привыкли, что для них разлука с которым-нибудь из нас, хотя на несколько часов только, уже тягостна. Над Сашенькой я испытывал свои педагогические способности и опытом познал, как трудно прилагать теорию на деле. Сколько ошибок, пока не дойдешь до путного! И теперь еще не могу сказать, чтоб нашел лучший способ; доволен уже тем, что понемногу идет как должно, хотя медленно. Чтоб хорошо передать, надобно самому знать совершенно, а в этом общий недостаток воспитания у нас, много знают и все поверхностно. Думают обыкновенно, что детей может учить всякий, кто чему-нибудь сам учился, это грубая ошибка; им очень трудно внятно передать, их понятия не те, как у взрослого человека, и что мне кажется очень ясно, то совершенно темно для дитяти. Большая часть изданных для учения детей пособий никуда не годится, если не хочешь учить их, как попугаев.

Летом мы обыкновенно не так прилежно учимся. В наших краях оно так коротко, что едва успеют дети надыхаться свежим воздухом, как уже опять должно в комнате запереться. Ныне особенно было лето коротко, май был холодный, а теперь уже инеи стали падать; вероятно, осень наступит рано и зима также; в таком случае она будет холоднее обыкновенного.

Рассказав о себе, спрошу теперь тебя, как ты поживаешь? и что поделяваешь? Дети твои радуют ли тебя своими письмами? Все касающееся тебя опиши, когда будешь отвечать мне. Я бы хотел заглянуть в твою ком-

натку и услышать, как ты читаешь любезного своего Се-
неку³, завернувшись в халат перед камином. Часто ли
видаешься с нашими? Все ли они здоровы? Петр Нико-
лаевич⁴ что-то жаловался на свое здоровье, поправился
ли он? Прошу поклониться ему от нас, также Башмако-
ву⁵ и Ивану Семеновичу. Устроил ли последний себе
жилище? и как он поживает? О здешних твоих знако-
мых особенно сказать ничего не имею. Ник[ита] М[ихай-
лович] делит время между дочерью и хозяйством, он
агроном, и ему посылает К[атерина] Ф[едоровна]⁶ разные
сохи, плуги и другие усовершенствованные земледельче-
ские орудия. Обрабатывает землю по разным усовершен-
ствованным методам, сеет разные травы и проч[ее], но до
сих пор ни в чем еще не было успеха. Все были засухи и
неурожайные годы; из 5 лет только нынешний год обе-
щает хорошую жатву, которая только что начинается.
Оболенский остался за Байкалом, в совершенном одино-
честве и в бедном краю живет; у него нет ничего, все,
что было, бедные растащили, и я уверен, что он сам ест
один сухой хлеб. Прости, любезный друг, будь здоров,
наслаждайся возможным в нашем быту спокойствием.
Желаю, чтобы все в семействе твоём было благополучно
и чтоб все члены его утешали разлуку твою с ними при-
ятною для тебя перепискою. Жена моя дружески тебе
кланяется и также желает тебе всего лучшего. Ожидаю,
что ты найдешь время уведомить меня о получении этого
письма, и прошу тебя не следовать моему примеру и не
откладывать ответом на год.

Твой Трубецкой.

[На обороте адрес:] Милостивому государю Алексан-
дру Федоровичу Бригину* Тобольской губернии в го-
род Курган.

[На первой странице поперек поля:] Адресуй мне
свои письма в Иркутск на имя г[осподина] гражд[анского]
губ[ернатора] Андрея Васильевича Пятницкого.

43. И. Д. ЯКУШКИНУ

[Оёк, не ранее середины августа 1840 г.]¹

Скучно писать, Иван Дмитриевич, гораздо бы прият-
нее было беседовать изустно; и сколько предметов для

* В подлиннике: «Брыгину».

разговора с тобою. Может быть, для того судьба нас и разлучила, что мы не проводили жизнь нашу в болтовне. Однако ж я иногда полагаю, что у нас не все бы пустая была болтовня и что часто беседа с тобою зароняла в ум мой предметы помышлений. Но что ж делать? Так, видно, надобно; жить в разлуке с теми, кого любишь, и с кем бы более всех хотел быть неразлучен. Ты более, нежели кто другой, испытал это и переносишь в течение стольких лет с такою твердостью, с какою немногие могли бы перенести и меньшие того превратности жизни. На днях воротился казак, провожавший Ивана Ивановича; он его оставил в Тобольске, и после того ты его видел; следовательно, он тебе рассказал многое и о нас. Мы получили письма от Мих[аила] Алек[сандровича]². Он, кажется, собирается опять на Кавказ, вероятно, к тебе о том писал чрез Ив[ана] Ив[ановича], и потому я не буду сообщать тебе все, что он об этом пишет. Мне кажется, что его к этому побуждает положение Нат[альи] Дм[итриевны], и мне это очень жаль, потому что это мне доказывает, что она продолжает быть в беспрестанном волнении, что я мог заметить и из всех писем, которые она писала к жене моей. Поверишь ли, что иногда нет возможности понять ее. Я не знаю, будет ли она счастливее или даже спокойнее, если намерение Мих[аила] Ал[ександровича] совершится. Лета Мих[аила] Ал[ександровича], отвычка от трудов, перемена климата могут иметь неблагоприятное влияние на его здоровье; и, может быть, Нат[алья] Дм[итриевна] не простит себе, что побудила его на это предприятие. Как бы то ни было, но я не вижу ни для нее, ни для него спокойствия, и это меня огорчает. Эти мысли так меня заняли, что я не мог тебе о другом говорить. Ты их не меньше моего любишь, и потому я не мог удержаться сказать тебе, что я думаю обо всем этом. Прости, любезный мой Иван Дмитриевич. О детях я с тобой теперь не беседую, оставляю до почты; Сашенька же сама к тебе пишет. Матвей обними за меня. Обоим вам желаю доброго здоровья. Когда будешь писать, напиши о твоих ботанических занятиях, я знаю, что Надежда Ник[олаевна] очень хлопотала о книгах для тебя и тосковала, что не могла найти тех, каких ты хотел иметь. Я было уже хотел послать тебе микроскопические наблюдения Паскаля³, но были уложены. Желал бы знать, получил ли ты посланный с

Розенбергом⁴ Annuaire du Bureau des Longitudes, в котором была большая статья Араго о громах. Когда будет тебе случай, возврати мне эту книжку, я ожидаю другую о теории по тому же предмету и когда получу и прочту, то пришлю к тебе, вероятно, займет тебя приятно. Еще раз прости, обнимаю тебя от всей души.

44. И. Д. ЯКУШКИНУ

[Оёк, не ранее 1 ноября 1840 г.]¹

С большим удовольствием увидел я твой почерк, любимый мой Иван Дмитриевич, в письме Матвея Ивановича² и не могу отказать себе в приятности поблагодарить тебя за те три строчки, которые ты приписал ко мне. Мы оба писали к тебе недавно³ и ожидаем твоего ответа, чтоб возобновить утешительную для нас переписку. Читали письмо Ивана Ив[ановича] от 1-го ноября⁴; здоровье его несколько поправилось. Он, кажется, зимой возвратится опять на Восток. Оболенский надеется быть с ним вместе; а я надеюсь за них, что это будет не в Итанце*, где он теперь. У Ник[иты] Мих[айло-вича] все здоровы. Александр возится с своим сыном⁵. Прости, чуть не сказал до свиданья.

45. Е. П. ОБОЛЕНСКОМУ

29 ноября 1840

Давно, друг мой Евгений, письмо твое лежит у нас без ответа, но ты простишь долгое наше молчание, угадывая ему причину¹. Ты сострадал нам в скорби нашей, ты разделил грусть нашу, ты поспешил смешать слезы твои с нашими. Оно иначе не могло быть по дружбе твоей к нам и по чувствам, тебя одушевляющим. Я не в силах был писать к тебе, когда получил письмо твое; утрата наша была еще слишком свежа и беспокойство о других детях и о здоровье жены моей слишком велико. Теперь благодаря бога здоровье жены моей укрепилось, Лиза и Зина также совсем оправались, обе выросли после болезни, и последняя болтает не умолкая. Сашеньку, за которую я больше всех боялся, господь миловал. Поведение ее во все это время много нас утешало; она яви-

* В подлиннике: Етанце.

ла много чувства рассудительности и власти над собою и всех нас окружала своими попечениями. Жена моя сама пишет к тебе и сама выразила тебе чувства свои. При всей собственной грусти мне так жалко было ее в первое время, что трудно было мне вместе с нею быть. Она много беспокоится обо мне, но это напрасно; давно уже я обрек себя на страдания и окреп в них* и не ожидал тех утешений, которые бог наслал мне. Господь меня не оставляет и укрепил меня, хотя посетил горестию. Я беспрерывно вижу пред глазами милого моего Китушку, но вместе с тем помню, что он теперь в лучшем мире наслаждается блаженством, какового при всей нашей любви мы не могли ему доставить. Господь подарил ему царство небесное в день его именин. Какой подарок от нас мог ему подобную радость от нас доставить! Два у нас предстателя пред престолом всевышнего. Они молят о помиловании нас, грешных, и господь внимлет их безгрешным и невинным молитвам.

По некоторым слухам мы имеем некоторую надежду обнять тебя наяву, любезный Евгений Петрович. Если это сбудется, то большая будет для нас радость. Ив[ан] Ив[анович], как кажется, должен быть здесь в скором времени, по крайней мере, мы так думаем и не пишем к нему в ожидании его приезда. Жена моя хочет постараться узнать вернее, что до тебя и его касается, и напишет тебе из города, что узнает. Прости, друг мой, теперь еще заочно от души обнимаю тебя и желаю тебе здоровья и во всем благословения божия. Дети мои тебе кланяются.

С. Т[рубецкой].

[На обороте адрес:] Евгению Петровичу Оболенскому Етанчинской волости в слободе Турунтаевской.

46. И. Д. ЯКУШКИНУ

[Оёк], 7 декабря 1840

Любезный Иван Дмитриевич, ты, верно, давно уже знаешь горе наше и, следовательно, причину продолжительного нашего молчания и потому не сетуешь на нас. Когда мы получили последнее письмо твое, мы были еще в большом беспокойстве о наших двух меньших дочерях;

* Следующая часть фразы написана поперек поля, как вставка.

а потом жена моя крепко разболелась. Здоровье ее не могло сохраниться при таком сильном нравственном потрясении. Четырех дней достаточно было, чтоб лишить нас милого нашего сына, которого здоровое сложение и постоянно веселое расположение духа, казалось, обещало беспечального для нас течения его младенчества. Кратковременная болезнь не могла изменить его наружности, черты лица его и по смерти сохранили ту откровенную и привлекательную наружность, которая была принадлежностью их во время жизни его. Смерть его ужасно поразила детей; и долго они были тихи и смирны; казалось, едва говорить смеют. Зная, как ты любишь детей и как ты внимательно наблюдаешь их, я мог бы сообщить тебе много замечаний, которые тебя заняли бы, но признаюсь, что это было бы еще тягостно для меня, и потому теперь о том умолчу и перестану занимать тебя грустным предметом. Слава богу, теперь все у нас здоровы; занятия наши опять приняли правильный ход. Предметы учения нашего еще не многочисленны; русский и французский язык, арифметика и география составляют до сих пор весь курс наших наук. Полагаю, лучше сначала потверже ознакомиться с тем, что начали, а потом прибавить новое. Битыми путями я следовал с весьма малым успехом и во всем должен был приискивать удобнейшую методу, и тогда успехи были удовлетворительнее. Так особенно было с грамматикою. Определения Сашенька стала понимать после практического изучения, а до тех пор она ей были непонятны. Мне кажется, что во всех науках можно руководствоваться опытным путем и что этот способ облегчает труд не в одних только естественных науках¹. По крайней мере, я заметил, что чем более я приближался к этому способу, тем понятнее делался ученице моей. Но прости, любезный друг; теперь не надолго прощаюсь с тобой. Обними за меня Матвея и кланяйся всем вашим ялutorовским.

Твой Трубецкой.

47. Е. П. ОБОЛЕНСКОМУ

20 декабря 1840

Хотя ты сетуешь на молчание наше, друг мой Евгений Петрович, но я оправдываться пред тобою не стану; и к тому ж ты теперь получил уже письмо от меня¹. Сверх того, жена моя вместе со мною к тебе пишет и

объясняет молчание наше. Но я также уверен с нею вместе, что в сердце твоём ты нашел уже много оправданий для нас. Мы все, слава богу, здоровы. Зиночкой, как крестницей, ты более занимаешься, и потому скажу тебе о ней, что она очень мила и смешна. Целый день болтает, ожидает все будущей недели, чтоб выехать кататься; она с зимы не выходила, и, вероятно, до весны ее не выпустим. После такого продолжительного карантина боимся в первый раз выпустить ее на мороз. Начинает опять просить учиться и уверяет, что она лучше Лизы пишет. Иногда приходит слушать географический урок и ползать по карте. За чаем всегда говорит по-французски. Лиза начинает опять заниматься, а Сашенька занята бывает почти целый день то уроками, то вышиванием и очень любит читать; иногда мы бы хотели, чтоб она поболее разговаривала.

Лечение в Тобольске сделало, кажется, Ив[ану] Ив[ановичу] пользу; мы давно от него не имели, но нам прислала его письмо от 1-го ноября Марья Казимировна. Он еще не знает ничего решительного о своем переводе. Очень, кажется, занят по всегдашнему своему предположению, то есть пишет письма. Прости, добрый мой друг, будь здоров, и да исполнятся все желания сердца твоего.

Преданный тебе Трубецкой.

48. А. А. БЫСТРИЦКОМУ *1

[Между концом 1840 — началом 1841 г.]²

Я не премину воспользоваться вашим любезным приглашением, переданным через Михайлу Сергеевича³, и приеду в Хомутово точно в тот день и час, который вы укажете.

Преданный вам Трубецкой.

49. Е. П. ОБОЛЕНСКОМУ

12 января 1841

Из письма жены моей ты увидишь, любезный друг Евгений Петрович, что ты имеешь ложные сведения о Ив[ане] Ив[ановиче]. Мы хотя каждый день, можно сказать, ожидаем его, но все по слухам, а верного ничего

* Подлинник на франц. яз. Имена собственные написаны по-русски.

нет, и из последних его писем от начала ноября видно, что он верного ничего не знает. Марену я получил, она такая же, как и здешняя¹; я полагал, что тамошние корни гораздо толще. Надеюсь, что и ты получил Исландский мох. Ты можешь быть уверен, что как скоро будет сведение, что И[ван] И[ванович] едет, то ты получишь его тотчас. Пред отъездом [генерал]-губернатора² мы имели случай узнать от него, какой был сделан ему запрос о переводе И[вана] И[вановича], и узнали, что спрашивали, нет ли препятствий соединить его с тобою, а о месте поселения ничего не было сказано. Если тебе случится видеть Л. Ф.* Львова, который едет в Нерчинск, то он может сказанное мною тебе подтвердить. Нет сомнения, что ген[ерал] со своей стороны не положит ника[ко]го препятствия исполнить по желанию, какое покажут ему родные И[вана] И[вановича] в Петербурге. Вот тебе подробный отчет и верный. Здесь теперь также генерал Фалькенберг³; он скоро поедет за море, и, может быть, ты его увидишь; он, кажется, в путешествиях своих объезжает всех наших. Если ты имеешь какие положительные сведения о Борисовых⁴, пожалуйста, сообщи. Я слышал, что они в весьма худых обстоятельствах. Для Мозалевского⁵ мы с своей стороны до сих пор в невозможности что-либо сделать. Сделана ли ему помощь из оставшегося после Андреевича⁶ и получил ли он назначенные от Краснокутского. Если что знаешь, сообщи. Прости, любезный друг, будь здоров. Очень бы я желал, чтоб ты наконец приютился. Очень неприятно жить на яру, как до сих пор ты живешь. Я не говорю уже тебе, сколь бы мы рады были, если б ты был близ нас, а если можно, то и с нами. Это ты сам знаешь.

Трубецкой.

50. И. И. ПУЩИНУ

Оёк, 8 февраля 1841

Давно бы получили вы от меня письмо, Иван Иванович, если б я не ждал вас, можно сказать, с часу на час в течение нескольких месяцев. Надежды мои не сбылись, и я с прискорбием принимаюсь за перо, чтоб беседовать с вами письменно, тогда как ожидал иметь удовольст-

* В подлиннике ошибочно: «Л. Н.».

вие беседовать лично. Говорят, гора с горой сходится, а нам, видно, труднее сойтись. Что ж делать! Слава богу, что ваше здоровье поправилось, я на свою долю очень боялся, чтобы лечение еще более его не расстроило. Определение вашей болезни показалось очень странным нашему факультету, хотя лечение одобряли, боялись, чтоб средства не были усилены, если болезнь не скоро уступит им. К удовольствию моему, я узнал что вы имели облегчение¹.

О себе я вам скажу не много, да и говорить нечего; жизнь наша очень единообразна. Единообразие ее было прервано, к несчастью, сильною горестию, вы ей сострадали²; с тех пор здоровье жены моей много пострадало; во всю зиму она раза три выехала, я и сам почти все сижу в четырех стенах. Деточки теперь здоровы, то занимаются уроками, то бегают и резвятся. Вы также в Туринске не избежали грустных впечатлений; мы сегодня узнали, что бедный Ивашев последовал за женой своей. Жалко деточек³. Что будет с ними? Хорошо еще, что на первую минуту они не без друзей. Бог сирот не оставит. Вы нам о них напишите; напишите также и о себе; мы с большим нетерпением ждем известия, сбудется ли наша надежда касательно вас, Евгений, как я слышал, полагал уже вас приехавшим сюда. Он уже, кажется, начинает терять терпение, находясь столь долгое время в неизвестности насчет своей будущности; и, может быть, чрез это сам более еще запутал общие дела ваши⁴. Впрочем, давно не имел от него писем, а вы, вероятно, получили. Вокруг нас, сколько знаем, все здоровы. Мишенька теперь много учится, и успехами его довольны⁵. Дети было надеялись, что они на масленице покатаются вместе с гор, но это им не удалось. Наши меньшие не выезжали всю зиму после болезни, а Сашенька также за холодом мало катается. Во все эти дни были холодные ветры и даже пурга, а в прошлом месяце, с самого нового года, пошли жестокие морозы; ртуть в моем термометре целые десять дней не оттаивала. Я не полагаю, чтоб ваш климат был теплее; вообще нынче и в России жалуются на холода; а здесь снег в таком изобилии, что, говорят, даже в Кяхте на санях ездят. Если вы все охотники до чаю, то приготовьтесь запастись им в нынешнем году; говорят, его бездну привезли; весь Кантонский пришел в Кяхту и ящики по 160 фунтов. Вот вам

наши коммерческие новости. Ими и заключаю свое послание, пожелав вам на сей год лучшего здоровья, а для себя удовольствия обнять вас. Поклонитесь всем вашим от меня и скажите мое почтение Праск[овье] Его[ровне]⁶. Прощайте пока, авось до свидания, всегда преданный вам

Трубецкой.

51. И. Д. ЯКУШКИНУ

27 апреля 1841

Давно я не писал к тебе, любезный мой Иван Дмитриевич. В последний раз, как жена моя писала, я не успел. Сегодня она не может писать к тебе, но я долее откладывать не хочу. У нас на этой неделе немного потеплее стало и деточки начали выходить, довольно долго в четырех стенах посидели. Однако погода далеко еще не такова, как была в это время в прошлом году. До сих пор еще на северных склонах гор и частью в полях виден снег, так что еще не везде можно пахать. Я думал обойтись без пашни, но опыт доказал мне, что для этого нужно всегда быть при деньгах, чтоб всегда все закупить своевременно, иначе попадешь на цены неприступные. Осенью можно купить воз сена в 2½ р., а в феврале и за 10 р. не купить; овес изменяется в цене от 7,0 р. до 2¼ р., масло — от 18 р. до 40 р. за пуд. Здесь весною за дрова сажень обойдется не более 1½ р., а зимою и 3 р. заплатил бы, но достать негде. Запасы хлеба, дров и сена не иначе можно сделать, как задав и деньги вперед и, сверх того, задавать всегда на большее количество, нежели потребно, потому что многие не выставят. Недальнее расстояние от города увеличивает также цены; когда мы покупаем припасы в городе, то они нам обходятся дешевле. Ты старый агроном, и если б я занялся хорошенько, то завел бы об этом деле с тобою переписку. В Урике хотя и много занимаются земледелием, но успех не довольно увенчивает их труды, чтоб можно было вывести решительные заключения. Чтобы найти лучшее средство приспособить к краю обработку других мест, и, сверх того, орудьями вовсе здесь неизвестными, потребно несколько годов испытаний. Этого я делать не могу, мне надобно верное. Вот предмет, о котором мы еще с тобой не толковали.

Обратимся от него к любимому тобой и близкому твоему сердцу. Сашенька продолжает радовать нас прекрасными своими свойствами, она при том совсем не глупа, и мне приятно с нею заниматься; она то уже все делает охотно и почти целый день переходит от одного занятия к другому. Теперь немного начинают развлекать нас прогулки. Нужно для здоровья пользоваться воздухом. Лиза больше еще думает о гулянье и игрушках, нежели об уроках, и при прекрасной памяти премногого труда стоило выучить ее читать; и теперь еще не тверда. Этот труд пал в удел ее матери, которая думала, что неуспех происходит больше от ее неискусства, нежели от ветрености дитяти. Но дело в том, что Лиза очень хорошо помнит все то, что ее забавляет, например, она знает наизусть номера многих карт от лото, а когда читает, то по первому слогу угадывает слово, вместо того, чтоб его разобрать.

4-го мая

Ты видишь, любезный друг, что я намерен был послать тебе это письмо на прошедшей еще неделе, но, не имея времени окончить его, должен был оставить до сего дня. Погода у нас опять испортилась, стало очень холодно. Жена моя к тому же хворает и уже несколько недель не выходит, а теперь ей сделалось тяжелее, все это меня не веселит. Я тебе ничего не сказал о третьей нашей дочке¹. Ей послезавтра минет 4 года, она очень нетерпеливо этого дня ожидает, полагает, что она тогда будет большая и что ей можно будет кушать, что ей угодно. Охотница большая до всякого лакомства и до гостинцев. Говорит и говорит очень смешно, много своих выражений, в большой дружбе с К[аролиной] К[арловной]. Во многом напоминает нам нашего Никитушку, и, глядя на нее, часто грустное чувство примешивается к приятному. У Алек[сандра] Мур[авьева] маленький подрастает сын, очень похож на него. Сколько знаю, все они там здоровы. Только им очень грустно было. Ты, вероятно, знаешь, что Мих[аила] Сер[геевича] от них увезли недель пять тому назад, он теперь в заводах, и более мы ничего о нем не знаем². Алек[сандр] Поджио был очень болен; чуть не умер. В продолжение целых трех недель был в величайшей опасности; теперь на ногах, а Вадковский большею частию в прежнем положении, он опять не может позволять себе даже умеренного движения; он бо-

лее года был в таком положении в Петровском заводе, и только воды поставили его на ноги. Но вот теперь около двух месяцев, как он пришел опять в то же положение, которое тем неприятнее, что определяет на совершенное бездействие. Сутгоф хлопочет с мельницею, за которую он смотрит и которую он прорывает. Вот тебе краткий отчет о тех, кто в нашей окружности. Обними за меня Матвея, и он тебя обнимет за меня. Всем прочим у вас мой поклон.

Трубецкой.

52. И. Д. ЯКУШКИНУ

[Оск, весна 1841 г.] ¹

Каролина Карл[овна] привезла нам от тебя известие, любезный мой Иван Дмитриевич. Хотя остановка в пути была для нее неприятна, а я все-таки рад, что она пожила с вами несколько дней и ты успел наговориться с нею о близких тебе. Ее приезд сюда также был неудачен, как и проезд чрез Ялуторовск²; выиграли одни мы тем, что имели удовольствие говорить с нею о друзьях и родных. Она, как кажется, проживет у нас до возвратного пути. Надежда Николаевна³ писала чрез нее к жене моей, что она не советовала ей ехать; я не знаю, на чем она основывала свой совет, но он был хорош. Приняли ее дурно, подробности приема ты, вероятно, услышишь от подателя⁴. Мне жаль, что это все так сделалось как для нее, так и для них. С тех пор она у нас, и мы никого из них не видали. Она писала еще летом к жене моей, что, может быть, будет сюда, и спрашивала ее, как она о том думает, жена моя ей откровенно сказала, что расположение к ней осталось то же и что ей не будет приятно, что обрадуется ей одна Нонушка. Но Нонушка ее почти не видела; а прочее было еще хуже, нежели ожидали. Я думаю, теперь и на нас сердятся за то, что у нас живет; но об этом мы мало беспокоимся. Пребывание ее лишит нас на некоторое время их посещений; но волею или неволею должны будут отдать нам справедливость. Может, я ошибаюсь, но мне кажется, что Ник[ита] Мих[айлович], желая избежать малой неприятности, подверг себя большой и подчинил себя насилию, которое ставит его в странное положение. Зная, что она хочет ехать сюда, ему стоило написать самому, чтоб она

не ехала; жена моя все приступала к нему, чтоб он сам написал, но он откладывал до последнего времени и написал только за две недели до ее приезда. Кат[ерина] Фед[оровна] тоже странно себя вела, надавала ей поручений, а между тем написала к сыну, что она не может понять, как К[аролина] К[арловна] решается ехать в дом, где два человека ее ненавидят. Я преодолел свое отвращение мешаться в чужие дела и описал тебе все это происшествие для того, чтоб ты знал, чему верить, ибо, наверное, до тебя [дошли] слухи различные, потому что весь город и окрестности об этом говорят. По моему мнению, ей не должно было ехать; Александр до безрассудности необдуманно и грубо поступил, Ник[ита] Мих[айлович] до бесконечности слабо и нерешительно. Какое именно здесь участие Вольфа, наверное не знаю, думаю, однако ж, что он много подстрекнул Александра, потому что знаю его ненависть к К[аролине] К[арловне] и как он оправдывает поступок его. Александр и жена его показали себя в этом случае в дурном свете. Все это жалко, да делать нечего. Ты один, кому я все высказал, как все это вижу. Вадковский, который живет в Оёке, очень также опечален всеми этими проделками (как говорит Пущин). Он любит Ник[иту] М[ихайловича] и не без дружбы к К[аролине] К[арловне].

О себе я не успею ничего сказать, но это не потеря для тебя, особенного сказать нечего. Здоровье жены моей поправилось, но не так, чтоб оно нисколько меня не беспокоило. Боль в правом боку возвращается чаще и сильнее, нежели бывало прежде, и я не знаю, есть ли средство положить конец этому возвращению. Я боюсь, чтоб это со временем, если будет усиливаться, не сделало расстройство в печени. Я ожидаю пользы от лета, но боюсь, что она не будет в состоянии делать более движения, нежели прошлым летом; хоть она не ходок, но может ездить, и движение, соединенное с воздухом, наверное, принесет ей большую пользу. Деточки все здоровы и веселы. Саша учится охотно, Лиза также начинает иметь желание знать что-нибудь. Прости, любезный мой друг, будь здоров, обними за меня Матвея; я не надеюсь успеть писать к нему, но по почте буду на будущей неделе.

Т[рубецкой].

[Оёк.] 6 июня 1841 *

Жена моя отвечает на письмо ваше, Иван Иванович, и я хочу опять приложить к нему свой листок. Благодарю вас за подробности о лечении вашем и теперешнем состоянии здоровья вашего; последние меня очень порадовали, о первых не имел еще случая говорить в соседстве¹. Результат оправдал принятые меры и говорит в пользу образа воззрения; но вы знаете, что рационалисты и спиритуалисты видят вещи совершенно разными глазами даже и тогда, когда идут к цели одинаковым путем. Доказательства *a posteriori*** убедили меня, что и *a priori**** заключено было справедливо, и я рад, что опасения мои были напрасны.

Письмо ваше шло до нас более 2-х месяцев; вообще это время почта все опаздывала. От Ив[ана] Дм[итриевича] давно не имеем и совсем не знаем, что он делает. Мы слышали, что Мат[вей] Ив[анович] страдает очень от солитера и намерен от него лечиться у вашего же врача²; надеюсь, что и он получит такую же пользу; по последним известиям из Тобольска мы еще не могли видеть, начал ли он свой курс. Теперь вы, вероятно, можете опять так же хорошо двигаться, как и прежде, и воображаю, что пользуетесь летним временем и обходите окрестности вашего Туринска; я как-то не могу себе представить, чтоб там были хорошие места для прогулок, и думаю, что вам нет товарищей на этот предмет. Сашенька у нас неутомимый ходок; она коноводом у сестер, которые от нее не отстают. Цветов бездна в окружности, и мы ходим их рвать и выкапывать. Вчера пересадили к себе в сад белый ирис, который так искал Ив[ан] Дм[итриевич]. Помните голубые цветы, которых так добивалась Сашенька в Петровском, их здесь так много, что они ей уже надоели. Сегодня сильный дождь препятствует прогулке и занятиям на открытом воздухе. В замену того он мне дает время поболтать немного с вами. Я вспомнил, вы мне писали о Gverner, у меня его отняли и отыскать не могу³. Здесь на это еще хуже, чем в Петровском, как выпустишь из рук, так не скоро поймашь.

* Помета И. И. Пущина: «Пол[учено] 4 июля».

** По опыту (лат.).

*** Изначально, до опыта (лат.).

Я вам пишу только о себе, потому что мало знаю о других; знаю только, что Марья Ник[олаевна] пользуется с детьми на Камчатнике приятным видом Ангары и местоположения; Сер[гей] Гр[игорьевич] усиленно занимается своими земледельческими занятиями, которые у него идут успешнее, нежели у его соседей. Тут также практика с теорией не сошлись⁴. Я также начал некоторые малые опыты и имею большого противника в Ф[е-доре] Ф[едоровиче]⁵, который весь в проектах по части промышленности и точит приличные модели по своим предположениям.

Пора прекратить болтовню и пожать вашу руку с чувством истинной дружбы и желанием, чтобы ваше здоровье сохранилось в том хорошем положении, в каком оно теперь находится.

Ваш Трубецкой.

54. И. Д. ЯКУШКИНУ

28 июня 1841 г.

В последнем письме твоём, любезный мой Иван Дмитриевич, ты изъявлял удивление, что не получил от меня письма вместе с письмом жены моей; но ты, вероятно, получил после того и узнал из него, что тогда я не имел времени написать к тебе. Жена моя теперь отвечает тебе на все твои вопросы, и мне к ее рассказам нечего прибавлять, оне, кажется, довольно полны. Мне остается говорить с тобой о погоде и земледелии. Никаких особенных наблюдений я не могу тебе сообщить потому, что кроме термометра других орудий у меня нет. И потому просто скажу тебе, что лето у нас очень жаркое и сухое, сегодня в 2 часа термометр показывал +29° Р в тени, и таких жарких дней было уже 9, кроме нынешнего, в которые притом ни капли воды не упало на нас. До того в окрестностях виднелись тучи, и гром очень вдалеке был слышен раза два, но мы оставались как бы в оазисе. Не знаю, что мне ожидать для начала моих земледельческих трудов, вероятно, большого урожая в хлебе также нельзя будет ожидать, ибо поля также выгорают, как выгорела трава. Но все это, кажется, местное в некотором кругу, потому что вместе с жалобами на засуху и кобылку, которая выедаёт хлеб и траву, слышишь также, что в других местах от продолжительных дождей

травы прекрасные. Здесь обыкновенно дожди бывают в конце июля и в первой половине августа, тогда, когда се-но косят, и, следовательно, вообще безвременно; не умею угадать, теперешние жары предвещают ли больших дождей в то время. Сей час прибежали сказать, что дрова горят в лесу. Половина селения рубит в одном месте, и у меня нарублено их на всю зиму, вероятно, все сгорят, пожар приписывают жару. Вообще, однако ж, здесь лесных пожаров бывает немного, хотя весною везде пускают палы, но, может быть, от того, что в окружности нет больших лесов, но только перелески, разделенные пашнями. Водюю мы также не богаты, речки все очень малые, мельниц много, но самые лучшие из них не великолепны в своем устройстве. Крупчатую муку делают гораздо низшего разбора против русской, а между тем оно, вероятно, обходится дорого, потому что продают ее почти вдвое дороже, нежели конфетную в Петербурге. Есть ли у вас в окружности крупчатки и ветряные мельницы? Удовлетвори моему любопытству на этот счет. Может быть, я уже слишком распространился о предмете, которым ты теперь не занимаешься, но я уверен, что ты простишь мою многоглаголеость в том, что меня довольно занимает. Прошу тебя обнять за меня Матвея Ивановича; я надеюсь, что от него скоро получу письмо, а может, и не дождавшись, буду к нему писать. Я много слышал, что его здоровье нехорошо, и желал бы, чтоб он мог полечиться у г. Дьякова, которого искусством хвалятся наши тобольские инвалиды. Супруге его также прошу засвидетельствовать мое почтение, равно как и Алек[сандре] Вас[ильевне]. Мужу ее и Вас[илию] Карл[овичу] мой поклон; что-то старичок, как поживает? Мы все уже стары, а он старше всех нас. Прости, друг мой, крепко жму тебе руку.

Трубецкой.

55. Е. П. ОБОЛЕНСКОМУ

10 июля 1841 *

Наконец, любезный друг Евгений Петрович, твоя судьба решилась. Хотя и несообразно с моим искренним желанием, однако ж я все же рад, что ты не остаешься

* Помета Е. П. Оболенского: «Получено 25; отв. 31-е».

в Етанце и что твое одиночество будет иметь конец. Я уверен, что ты доставишь мне удовольствие еще раз в жизни обнять тебя и изустно напутствовать тебя сердечными моими желаниями всякого тебе блага земного и небесного. Бог, по благодати своей, конечно, не лишит тебя своей благодати, которой ты такой ревностный искатель. Может быть, я ошибаюсь, но да не тревожится скромность твоя, если я скажу тебе, что в душе моей я почитаю тебя одним из избранных чад господних, и потому уверен, что милость его на тебе ни в каком случае не оскудеет. Благодарю тебя, любезный друг, за дружбу твою к нам и уверен, что умножившееся расстояние нисколько ее не умалит. Когда увижусь с тобой, мне весело будет показать тебе моих малюток. Зиночку ты не узнаешь, она много переменялась, и нельзя сказать, чтоб на худое. Напротив, она премиленькая и презабавная. Мне и грустно и весело на нее смотреть; первое потому, что она ежедневно более напоминает милого моего Китушу как сходством лица, так различными телодвижениями, приемами и даже привычками. Лизанька, хотя еще иногда прибегает к хитрости в своих сношениях с Зиночкой, однако стала также очень кроткою девочкою и начинает быть благоразумною; не помню, кто-то сказал, что она превращается в Сашеньку. Это тебе показывает, что последняя не изменилась в своем нраве и расположениях. Много, очень много в ней хорошего и истинно сказать, что мы должны благодарить бога за детей. Он благословил нас такими, каких лучше мы не могли бы желать. Хотя каждая из них в своем роде, но все имеют более добрых качеств, нежели худых склонностей, и грех будет на нас, если мы не будем уметь возделывать добрую почву, обещающую быть плодоносною. В старании и умении воспользоваться каждым обстоятельством и извлечь полезное наставление я не могу нахвалиться женою моею. Она так внимательна ко всему, из чего может извлечь пользу для детей, что никакая малость не ускользает от ее наблюдательного ока. Я замечаю, что мое письмо заключается все в похвальбе моему семейству; остается только себя начать хвалить. С тобой я мог бы позволить себе и такую нескромность, потому что ты отвечал бы мне на то, как собственная бы моя совесть, что я заврался. С тобой я могу говорить все, что мне вздумается, потому что ты все примешь так, как оно сказано, и не смол-

чишь, когда что требует возражения или порицания. Но уже вот и последняя страничка дописывается; надобно сказать тебе еще раз прощай и ожидать, что утлая байкальская ладья принесет тебя к нам хотя на краткое свидание. От души обнимаю тебя.

Твой Трубецкой.

56. И. И. ПУЩИНУ

Оёк, 19 июля 1841

Я благодарен жене моей за аккуратность, с которой она ведет свою переписку; этим она доставляет мне наслаждение часто читать ваши письма, добрый Иван Иванович. Без нее, конечно, я только изредка имел бы это удовольствие, потому что мне не угнаться ни за ней, ни за вами в том, что у нее и у вас приведено в систему и производится по методам правильным и отчетливым. У меня же так мало порядка в переписке, что я всегда в долгу и часто не помню, когда отвечал; например, теперь не умею припомнить, писал ли я к вам в последний раз, когда жена моя писала; знаю только, что никогда не пропускаю случая побеседовать с вами, если только имею на то время. Прошу вас не принимать этого выражения за пустую отговорку, каковою она часто бывает. В самом деле, у меня теперь кроме домашних занятий, уроков с детьми и приготовлений к урокам еще и полевое хозяйство, пашня, сенокосы, в которых я следую правилу стариков, что без хозяйского глава идет худо дело. Сверх того, прогулка с детьми, в которых жена моя заменить меня не может. Оне любят карабкаться по горам и пробираться за ягодами, цветами и грибами сквозь кусты и сучья, а жена и по ровной дороге не записной ходок, как вы знаете. Очень жаль, что вы не можете разделять эти прогулки с нами вместе. Впрочем, вы можете быть уверены, что мы вспоминаем не в одном только этом отношении, и часто вырывается изъявление сожаления, что не вместе живем. До сих пор была все еще какая-то надежда, что мы сблизимся; теперь с известием о переводе к вам Оболенского она совершенно рушилась. Его я еще надеюсь обнять раз в жизни; он, конечно, не проедет к вам, не заехав с нами повидаться; а с вами соединяет нас теперь одна переписка, это есть достаточная причина, чтоб заставить меня брать в руки перо, как часто только

могу, Вы, спасибо, не скупы на подробности, и из ваших писем мы знаем не только образ вашей жизни, но как будто присутствуем при ваших занятиях и употреблении времени; это имеет свою приятность. Теперь вы уже, вероятно, освободились от значительной части ваших забот, однако ж эта свобода оставит временно после себя некоторую пустоту. Вы уже привыкли заниматься маленькими сиротами, и хотя, вероятно, они часто вам надоедали, но не тотчас привыкли к их отсутствию¹. Вы жалуетесь на Якушкина, что никак не можете заставить его часто к вам писать; он действительно стал как-то реже писать и к нам; впрочем, может, мы сами тому причиною; а с весною явились у него снова ботанические занятия, *il cherche la parvenue* *. Я не сомневаюсь, что вы теперь получите ваши рисунки²; если я не достал их, когда они были еще в Иркутске, то не моя в том вина. И сам наказывал и жена моя, когда бывала в городе, хлопотала и давала поручения, и Поджио я напоминал, все было тунно **. Скажите Прасковье Егоровне, что я давно бы с удовольствием переслал ей книжку, которую она требует, но А. П[оджио] взял ее во время болезни своей, потом уехал на воду ***, и до сих пор я не мог еще получить ее обратно³; как скоро поймаю, не премину переслать. Прошу поклониться Ив[ану] Ал[ександровичу] и Ник[олаю] Вас[ильевичу]⁴. Простите, будьте здоровы.

Ваш Трубецкой.

57. И. Д. ЯКУШКИНУ

Оёк, 29 августа 1841

Если бы мы жили в одном месте, то, вероятно, сегодня я беседовал бы с тобой из уст в уста, любезный мой Иван Дмитриевич. Лишенный этого наслаждения, хочу доставить себе по крайней мере то, которое в моей власти, и мысленно перенестись в твой приют в Ялуторовске или перенести тебя в мой Оецкий домик, в средину моего семейства. Читая твое последнее письмо от 21 июня, я ходил за тобой по окрестностям твоего города и собирал, подобно тебе, травы и цветы. Потом заходил к тебе в

* Он ищет барвинок (франц.).

** Тщетно, попусту.

*** Так в подлиннике.

дом и за чашкой чаю и трубкой спорил с тобой о неразрешенных физических задачах; и вместе делали мы различные предположения о способе употребления электромагнетизма как движущей силы и точке опоры в воздухе для аэростатов — два вопроса*, которые, кажется, в скором времени будут разрешены на деле, как я читал о том на днях.

Тебе известно, что Якоби уже несколько лет трудится в Петербурге над приведением в движение лодки и что небольшая ходила уже по Неве летом прошлого года¹; теперь в Франкфурте-на-Майне некто Вагнер строит электрический движитель** в большом размере для железных дорог и, как кажется, предупредит Петербургскую комиссию в приложении на самом деле². Ты, конечно, также читал, что кто-то в Англии хочет заменить пушки и все смертоносные военные орудия огромным котлом, из которого будет разливаться огненный дождь на расстоянии, равном тому, какое могут пролететь Конгровы ракеты³. Что тогда делать с военными флотами и в каком лагере или за какими укреплениями укрыть сухопутное войско? Чем оно многочисленнее, тем более страдает. Хорошо, если это приведет в исполнение бредни доброго аббата St. Pierre⁴, хотя и не теми средствами, которые он предлагал. Ты близок был в своих предположениях о средствах управления аэростатами, кажется, то, которое обещает успех, основано на тех же самых началах. Ты зимой катаешься на коньках; вот теперь в Стокгольме катаются на лыжах по воде. Не хочешь ли испытать? Но наши чашки с чаем опорожнились, трубки мы выкурили, пойдем ко мне. Посмотри на мою болтушку Зиночку, которая беспрестанно прерывает мои писания своими расспросами и рассказами, *c'est le loustic de la famille****. Сей час отправлюсь играть с Лизой в бумажные куклы, это самая приятная их забава, когда погода не позволяет гулять. Сашенька спасает цветы свои от морозов, которые у нас уже несколько дней как начались с довольной силой. В начале нынешнего лета она в восторге была от большого количества разнородных цветов, которые она могла набирать; все думала о том, как

* В подлиннике: «вопросы».

** В подлиннике: «электрического движителя».

*** Выполняет роль семейного балагура (франц.).

бы переслать тебе белый ирис*, который она несколько раз находила. В июле дожди много мешали прогулкам. Особенного рода цветов здесь нет; в большом множестве полевые анемоны, желтая сорока, *tegri legia*, *Trolle* и *ogchis***; в ягодах округлости наши бедны, одной клубники довольно, малины вовсе нет; то же должно сказать и о многих деревьях. Лиственница редкость, ели нет, ни тополя, ни рябины — только мелкая береза, сосна, тальник, осина, черемуха, боярышник, кое-где яблоня и шиповник.

Дети, разумеется, много выросли с тех пор, как ты их не видал, вчера их мерили: Саша 2 арш. $\frac{1}{2}$ верш., Лиза 1 арш. $11\frac{1}{4}$ верш., Зина 1 арш. $8\frac{3}{8}$ верш.***. Жена моя еще потолстела, а я поседел. Когда дагерротип будет усовершенствован, я отпечатаю тебе все семейство на одной доске. Если б Саша умела рисовать, она в состоянии бы была представить тебе нас в хорошо сочиненной группе; очень жалею, что не могу давать ей уроков в этом искусстве, она могла бы хорошо рисовать. В музыке мы пойдем недалеко, хотя Сашенька немного начинает играть, но кажется, что ее организм не музыкальный; две маленькие часто поют, и Лиза может удерживать голос в памяти, а Зина все свои песни поет на один голос. У них одно хорошо, что они все довольно добронравны и между собою живут дружно и мирно. Между маленькими бывают иногда несогласия, которые Сашенька всегда умеет уладить, и ее же употребляем всегда, когда надобно бывает усостыть Зиночку. Но пора пришла расстаться с тобой, любезный мой Иван Дмитриевич, обними за меня Матвея, засвидетельствуй мое почтение его жене и Александре Васильевне, поклонись ее мужу и Василию Карловичу.

Трубецкой.

58. И. Д. ЯКУШКИНУ

3-го октября 1841

В последнем письме моем, любезный мой Иван Дмитриевич, я писал тебе о некоторых открытиях в Европе,

* Возможно, «арис» — род лилий (Розен А. Е. Записки декабриста, с. 224).

** Множество купальницы, ятрышника (франц.).

*** Аршин — 71,12 см; вершок — 44,45 мм.

с тех пор я читал в «Ведомостях», что по железной дороге из Лейпцига в Дрезден ходил электровоз силою в 7 лошадей с полным успехом. Это уже большой шаг, но, вероятно, пройдет еще много время, прежде нежели достигнут до того, чтоб движители поместить в такое же уютное пространство, в каком ныне действуют пары, и потому полагаю, что едва ли удастся нам на нашем веку услышать, что волны океана рассекаются электрической силою. Лодочка, в которой Якоби плавал по Неве, доказывает только, что задача разрешена, но приложение этой силы в таком огромном размере, в каком действуют пары, потребует, вероятно, еще много усилий¹. Я полагаю, что эта задача до тех пор не будет совершенно разрешена, пока не займется ею в Англии. В Европе много ученых и искусных людей, но в Англии более практических механиков и, сверх того, капиталов².

Гальванопластика есть такой процесс, которым гораздо большее число людей могут заняться, и потому мы видим, что она, будучи случайным открытием, в короткое время могла быть приложена к различным производствам. Она должна понизить цену книг и картин, потому что дешевле добыть матрицу с вылитой буквы, нежели достать пуансон*, чтоб выбить ее³; и легче получить оттиск доски, нежели выгравировать ее.

В последнем письме твоём ты изъявляешь надежду, что я не пушусь в предприятие, которое могло бы вовлечь меня в значительные издержки. Ты можешь быть уверен, что я совершенно оправдал твою надежду. Земледелием я не столько занялся, чтоб неурожай одного года мог меня расстроить, и не таким образом, чтоб при невыгодных условиях должен был продолжать занятие. *Le plus commode c'est de vivre en rentier***. В России, как кажется, уже третий год как урожай плох; жаловались на сильную засуху в южных губерниях. У нас здесь с начала лета была также засуха, потом сильные дожди; сено унесло, траву занесло илом, мельницы почти все сорвало. Много хлеба не дозрело и скошено на солому. Воз сена теперь уж продается по 10 рублей, и то небольшой. Рыбный промысел был также неудачен; большая часть судов, ходивших за омулями, пришли пустые. В начале

* В подлиннике: «пуансон».

** Самое удобное — это жить, как рентые (франц.).

лета мы едва изредка слышали гром в отдалении, но потом были сильные грозы, а граду я не видал, слышал, что был недалеко. Сентябрь стоял очень хороший, только с 10-го начались иней постоянно; 1-го октября было — 14°Р. Снег выпадал раза два в небольшом количестве; ветров менее, нежели прошлой осенью. У вас в этом отношении должно быть иначе, нежели у нас. Здесь все пади и ветры постоянно дуют по течению рек и ручьев.

Девочки мои все здоровы и пользуются до сих пор свежим воздухом. Продолжительная осень укрепляет их здоровье. Жена моя в течение всего лета сбиралась приучить себя много ходить, но кончилось несколькими небольшими прогулками, на которых она очень уставала. Она также занималась земледелием, т[о] е[сть] сажала картофель, и очень была довольна, что ее картофель родился крупнее моего. Вадковскому хотелось съездить на воды, он надеялся, что оне ему столь полезны будут, как в третьем годе, но обстоятельства задержали его. Сутгоф поехал на воды для жены своей. Это новые воды, на которых только первый год как устроены ванны, оне в 30 или 40 верстах за Тункою, близ истока Иркуты, их очень хвалят. Теплота +32°Р, для питья легки. Исключая этого и того, что оне серные, как и все горячие, я ничего не могу о них сказать, знаю, что г. Калас делал им разложение, но по недостатку средств только поверхностное и только качественное⁴. Источник лежит в местах очень диких, поблизости гор, покрытых снегом; эти горы в 200 верстах от нас, но когда ехать в Урик, то бывают видны с дороги, а из Урика очень чисто и ясно видны. Прости, любезный мой Иван Дмитриевич, поклонись от меня Матвею Ив[ановичу] и жене его, Ентальцевым и Вас[илию] Кар[ловичу]. Я ожидаю, что скоро получим письмо от Матвея Ивановича. Между тем обними его крепко за меня, как я тебя обнимаю.

Трубеткой.

59. И. И. ПУЩИНУ

[Оёк, 17 октября 1841 г.] *

Если б я и ничего не сказал вам, Иван Иванович, то я знаю, что вы и тогда не усомнились бы в моем учас-

* Помета рукой И. И. Пущина: «Пол[учено] 20 ноября».

тии, которое принимаю в справедливой вашей горести¹. Что же делать! Каждому человеку суждено перенести несколько раз в жизни своей подобные удары. Чем больше имеешь близких и друзей, тем более им подвержен. Конечно, в том, который вы теперь потерпели, нет ничего необыкновенного, общий порядок природы требует, чтоб родители предупреждали детей в вечности, но человек не силен так беспрекословно покоряться законам, управляющим Вселенною, чтоб воспретить себе уронить слезу на могиле отца или матери. Говорят, что время излечает раны сердечные, как и телесные, но этого нельзя сказать вообще о всех ранах; никто не может утверждать, что нет неизлечимых; первая горестъ поражает человека каким-то удивлением, оцепенением, потом он уже привыкает переносить ее, и другим может тогда казаться, что он ее менее чувствует. Но в сердце она все та же; переносит ее тверже потому, что сроднился с нею. Благодарю вас, что вы вспоминаете друзей, всегда готовых делить с вами все горести, как и радости. Обрадуйте нас известием, что ваше здоровье не поколебалось от этого случая. Жена моя пространно к вам писала, и мне нечего прибавить к ее письму, кроме того, что повторить уверение в неизменности чувств, с которым навсегда пребуду ваш

С. Трубецкой.

60. И. И. ПУЩИНУ

9 января 1842 *

Иван Иванович! Отправляем к вам Оболенского. Мы его задержали, сколько могли, вы за это на нас не рассердитесь, вам с ним век вековать, то 6 недель разницы для вас не сделают. Его здесь и честили, и угощали, и попили. Он, как добрый человек, все принял с благодарностию. Он теперь в городе снаряжается к отъезду; вчера увез его Сергей Григорьевич из Урика, где мы накануне праздновали у барона¹ день рождения его сына. Завтра я еду с женой и Сашенькой в город проводить его до монастыря, но сомневаюсь, чтоб он совсем успел собраться, но уже во всяком случае завтра мы с ним совсем простимся. Он богат, как Крез², и если будет уве-

* Помета И. И. Пущина: [Получено] «21 фев[раля]».

рять вас, что приехал к вам без гроша, не верьте ему, а обшарьте его хорошенько.

Я с ним посылаю вам кадочку омулей селенгинских, которые особо для меня солили, надеюсь, что так же вкусны будут и после продолжительного пути, как и теперь, и книжку, которую вы так давно требуете³. Прочтите ее прежде, нежели отдадите Прасковье Егоровне; и вы тогда узнаете, почему я не хотел ее послать вам иначе, как с Оболенским. Не полагаю, чтоб П. Е. была ею довольна; но опровержения писать нельзя. Если б она была во Франции, то могла бы *attaquer l'auteur en colonne de vant les tribunaux**, но теперь должно молчать. Вы из нее много узнаете, чего не знали, так, как и я узнал, что я был ученик Гризье и проч. и что Никита Муравьев убил медведя ножом. Вы, верно, знаете, что Муханов был летом у нас, на днях пришла бумага, что он совсем переведен в Усть-Куду; это я вам потому сообщаю, что, может быть, Оболенский не вспомнит вам этого сказать. Якубович уехал, как вы знаете, еще весною, он писал мне, что променял ястреба на кукушку⁴; с ним, кажется, Малевинский поступил как свинья; он прожил до глубокой осени совершенно один в бревенчатой юрте, не зная, будет ли у него печь на зиму. Единственное человеческое лицо, которое было с ним, был пастух, пасший скот. Золотопромышленников денег оставалось всего 5 р. и даже табаку не было. Уверяют, будто теперь ему лучше, но не поверю, пока от него не получу известия. У Михайлы Кюхельбекера умерла дочь старшая⁵. Вильгельм, кажется, не расчелся, когда перешел в Акшу⁶. Там он не поладил, да и тех, которые его вызывали, там теперь нет. О прочих, как и о себе, вам ничего не говорю, все узнаете от Евгения. О Лунине надеемся вскоре что-нибудь узнать, потому что будет в городе начальник заводов, теперь знаем только, что он в Акатуе, где ему делать более нечего, как читать свой *bréviaire* *romanum***. Простите, желаю вам быть здоровым и надеюсь, что вы так же начали год, как кончили прошедший, то есть кого-нибудь крестили; а может, и шафером еще будете. Жму вашу руку.

Ваш Трубецкой.

* Привлечь автора к суду за клевету (франц.).

** Романский требник (франц.).

9 января 1842

Жена моя пишет к тебе, друг мой Иван Дмитриевич, такое большое письмо, что я совещусь уже обременять тебя излишним чтением. Впрочем, она слишком похвастала тебе мною и слишком обидела себя; и то и другое требовало бы поправок и замечаний, если б я не знал твоей сметливости и умения доискаться истины и, откинув излишнее, открыть настоящее. Ее письмо объяснит тебе, почему я сделал опыт и занялся хлебопашеством. Нам так много обещали и так мало исполнили, что мы совсем обмелели. Это заставило меня изыскивать средство обеспечить себя необходимым хотя на первый случай, и, невзирая на неудачный урожай, я мог прокормить, по крайней мере, скот и лошадей и удовлетворить некоторым другим потребностям, тогда как никаких не имели средств достать их на деньги, ибо денег давно уже вовсе не имеем. Не имеем не оттого, чтоб были затруднения в получении, но просто оттого, что нет никакой высылки; насилу добились до того, чтоб заплачено было то, что употребили на постройку дома. Чему приписать то, что оставляют нас в таком положении, приискать не умеем; но дело в том, что много грусти наводило жене моей не потому, чтобы огорчало ее то, что мы должны жить более нежели скромно, но тревожит ее мысль, что когда так при ее жизни, то что может быть, если б дети когда остались без нас. Не имея никакой собственности, она ничего не может упрочить детям, а на обещания полагаться собственный опыт воспрещает. Хотя ты знаешь хорошо мою жену и, вероятно, не приписал бы малодушию ее заботливость, однако я полагал нелишним прибавить это объяснение на то, что она говорит тебе о наших обстоятельствах. Скажу теперь, что у нас погостил Оболенский, который завтра отправляется в Туринск, где давно уже ждет его Ив[ан] Ив[анович].

Прошу тебя обнять за меня Матвея и пожелать ему лучшего здоровья, нежели в прошлом году. Отчего не пускают его в Тобольск? Я не могу себе объяснить. Разве есть для него какое исключение?

Прости, друг мой, будь здоров и люби по-прежнему
твоего Трубецкого.

Объяснение твое, любезный друг мой Иван Дмитриевич, почему я не мог быть совершенно доволен письмом Сашеньки, для меня очень лестно. Но всю честь я должен перенести на жену мою, которая очень постоянно занимается с нею языками, даже грамматикой и синтаксисом. Кажется мне также, что и Сашенька на изучение языков понятлива и имеет теперь большую охоту к занятиям. Кроме урока поутру с матерью и после обеда со мною она по вечерам занимается выписками или переводами. Она теперь начинает уже замечать, чего ей недостает в разных отраслях ее познаний, и имеет охоту приобрести недостающие сведения. Для этого я очень сожалею, что по некоторым частям не могу ей оказать значительного пособия. В рисовании я не имею довольно сведения, чтоб преподавать ей точные правила, между тем она видит, что оне ей нужны, потому что она очень любит это занятие и сама не может отыскать основных начал. Но с моей помощью она все удобнее может заметить свои ошибки, и теперь начали рисовать отдельно части тела в большом виде. Хуже всего у нас идет арифметика, от ее ли вины или от моей, не умею сказать. Дело в том, что она с трудом разбирает, как ей приступить к разрешению заданной задачи, даже когда она и нетрудная. Я полагаю, что тут недостаток логического рассуждения, и хочу занять ее основаниями геометрии, полагая, что это приучит рассуждать в должном порядке и последовательности. Прошу тебя сказать мне на этот счет твое мнение¹. До сих пор менее всех имеет охоты к учению Лизанька, она еще не читает бегло, пишет порядочно относительно почерка, но редко старается, более торопится. Но у Зины страсть к чтению, она убедила, чтоб ее учили читать, и выучилась неприметным образом так, что разбирает одна и понимает, что читает, а каждое утро часа два с половиною и до трех сидит за книжкой в полном удовольствии, наслаждаясь своим чтением.

Хотя у нас зимой ртуть чаще замерзала, нежели у вас, при всем том зима была нехолодная; сильные морозы были только в ноябре и декабре и то прекратились ранее рождества, в это время термометр <...> * даже

* Два слова неразб., возможно: «падал, казалось».

выше -20° , так что были дни, когда показывал не более -12° . С новым годом весь месяц температура была одинаковая: -25° и -26° , потом сбавилась и постоянно убавлялась доселе; а теперь время сделалось непостоянно. Во всю зиму снег не падал, хотя санный путь довольно рано устроился и мы ожидали, что много будет снегу; вообще не было совсем ветров.

Какой вывод вывел ты из своих наблюдений? Как я вижу, ты их производишь постоянно и со тщанием и, вероятно, мог собрать много данных в отношении минералогии, по которой я никаких ученых наблюдений не делаю, но на которую я обращаю особенное внимание, как на предмет в высокой степени занимательный. Прости, мой любезный Иван Дмитриевич, обними за меня Матвея, скажи мое почтение дамам и поклон мужчинам. Обнимаю тебя

С. Трубецкой.

[Сбоку приписка:] Извини, что так измарано письмо.

63. И. Д. ЯКУШКИНУ

[Оёк, не ранее 31 марта 1842 г.]¹

Я бы мог много к тебе писать, любезный друг, но особа, от которой ты получишь это письмо, может тебе рассказать о нас еще более, и потому, может, тебе я буду очень короток, если, впрочем, писавши, не придет мне особенно что-нибудь в голову, а в таком случае я могу и расписаться. У нас был Оболенский, чрез которого я также к тебе писал²; он прожил с нами более полутора месяца. Я нашел, что в некотором отношении уединение сделало ему пользу тем, что он два года был предан собственным своим размышлениям, не имея прений о предметах, которые более его занимают. Во многих случаях я заметил в нем более терпимости, но в некоторых он все остался для меня непонятным. Пущин ждет его с нетерпением, и на днях он будет соединен с ним; он писал, как скоро придет Оболенский, то он будет с ним вместе перепрашиваться в другое место, иногда полагаю я, что он не к вам ли хочет? Я с ним писал к Мих[аилу] Ал[ександровичу], от которого уже давно не имел писем и о котором иногда только знаю кое-что из писем Пуши-

на, потому что Нат[алья] Дмит[риевна] перестала писать к жене моей. Она как-то нашла, что переписка с нею тревожит ее дух; что это значит, я себе объяснить не могу, но она сама писала это к жене моей, так что последняя не смела продолжать к ней писать и едва согласилась сделать это с Оболенским. Пушкин³ писал об ней к Оболенскому как о женщине совершенно духовной и имеющей на себе отпечатки благодати божией. Евг[ений] Пет[рович] грустно расставался с нами, хотя и торопился к Ив[ану] Ив[ановичу]. Теперь пришлось еще расстаться с Кар[олиной] Кар[ловной]. Это расставание было у нас в виду с самого времени ее приезда, но во время ее пребывания мы так с нею свыклись, что оно делается тягостным. Кроме того, она преприятная собеседница, жена имеет к ней истинную дружбу, и кажется, что она платит ей тем же расположением; дети все ее любят, и мы можем истинно сказать, что пребывание ее с нами было для всех нас и приятно, и полезно во многих отношениях. В год, который она пробыла с нами, я привык почитать и уважать ее, мы так мирно, тихо и приятно жили, что невольно родится в душе обвинение против тех, кто с нею не мог ужиться. Ник[ита] Мих[айлович] был у нас вчера и хотел приехать с Нонушкой послезавтра; у него с женой моей дружеское объяснение, из которого оказалось, что когда его поступки кажутся темными, то это происходит от недостатка силы действовать по собственной воле⁴. Дочь единственное его занятие. В Лунине он потерял собеседника, которого ему никто из окружающих не заменил.

К отъезжающим от нас, вероятно, скоро прибавится к Персин. Я был всегда уверен, что он долго с нами не пробудет, здешняя жизнь не по нем. Он должен жить в городе и занимать там место, сопряженное с неприятными занятиями. Он много показал нам дружбы, приняв его для того, чтобы иметь возможность возвратиться к нам и тем сдержать данное нам слово. Для меня это еще неразгаданная загадка, каким образом случилось, что мы так сошлись с ним. Он был очень хорош к нам и услужлив до последних годов нашего пребывания в Петровском, как это тебе известно. Ты знаешь также, что жена моя давно хлопотала о том, чтобы иметь человека, знающего в медицине, особенно на случай, если бы мы были поселены в каком-нибудь захолустье. О Пер-

сине мы и думать не могли, потому что он имел выгодное место и хороший доход в Кяхте. Мы не могли предложить ему ничего подобного. Пред отъездом он нам предлагает сам, чрез Артамона Захаровича⁵, не делает никаких условий, довольствуясь тем, что мы можем ему дать. Выходит в отставку, едет для нас в Петербург и возвращается, несмотря на препятствия и на невыгодные условия. Более нельзя сделать для друзей самых близких. Мы ничем не можем воздать ему, кроме истинной благодарности. Что он преодолел все препятствия и возвратился из столицы, меня не удивляет, он дал слово и хотел его сдержать во что бы то ни стало; но чем могли мы заслужить первое его предложение, я истинно не понимаю и часто думаю, что оно не совсем должно было быть так, как мне кажется. Может быть, А[ртамон] З[ахарович] его уговорил, а когда уже раз Персин нам сказал, то он хотел и слово сдержать, хотя то, что мы могли ему предложить, и не соответствовало тому, что бы он мог требовать. Ар[тамон] З[ахарович], впрочем, всегда отнекивался от всякого иного участия в этом деле, кроме оно*, что предложение И[вану] С[ергеевичу] было сделано чрез него. Между тем матушка жены моей нашла, что это для нас были совершенно излишние затеи, хотя, впрочем, то, что следует ему, вычитают из наших доходов. Пребывание П[ерсина] не нравится Вольфу, но житье К[аролины] К[арловны] у нас совсем нас с ним расстроило, хотя он и сказал Оболенскому, будто он обижен был очень тем, что не прислали за ним, когда Китушка занемог**. Это несправедливо, потому что после Китушкиной смерти он гораздо чаще бывал у нас, нежели прежде; и так продолжалось до приезда К[аролины] К[арловны]. Персину должно отдать справедливость, что он делал все то, что мог, чтоб быть в хороших отношениях с В[ольфом]. Он это делал и по собственному побуждению и в угождение нам. Но вышло так, как нам сказал Ребиндер⁶, когда узнал, что мы будем здесь поселены: «Два медведя в одной берлоге не уживутся». Но нам было нехорошо объявлять П[ерсину], что он нам не нужен, потому что В[ольф] близко, к тому ж последний так мало показал нам участия во время болезни Володеньки, что мы не могли много на него

* Так в подлиннике.

** Следующая далее фраза написана автором на полях.

считать. Мы в П[ерсине] лишились истинно преданного нам человека, но нельзя же и ему посвятить нам всю свою жизнь; особенно когда это ничего не может обещать ему в будущем. Я все это сказал тебе для того, чтоб ты все знал о нас, как что есть; может быть, в другой раз не удастся так поговорить откровенно, и для того, что если бы случилось, что увидишься с П[ерсиным], то мог бы сказать ему, сколько мы чувствуем его дружеское к нам расположение. О детках не стану писать, о них пишем часто, а Кар[олина] Кар[ловна] порасскажет тебе. О прочем писал с Оболенским; итак, любезный мой Иван Дмитриевич, прощусь с тобой. Желал бы очень получить когда* и от тебя подробное такое же писание, но вряд ли когда этого дождусь. Желал бы знать, так ли ты доволен всем, что делается в твоём семействе в России, как бы того хотел¹. Обними за меня Матвея, если успею, и к нему несколько хоть слов напишу. Старика В[асилию] К[арловичу] пожми тоже руку.

Твой Трубецкой.

64. В. Я. РУПЕРТУ¹

Село Оёк, 19 апреля 1842 г.

16 числа сего месяца ваше превосходительство объявили мне, что государь император по случаю торжествования в прошедшем году бракосочетания его императорского высочества государя цесаревича и наследника соизволил обратить высочайшее внимание к поступку жен наших, последовавших за нами в заточение, и принять всемилостивейшее намерение в уважение их оказать свое милосердие на детях их, родившихся в Сибири². Что Комитет, которому всемилостивейше повелено было изыскать средства привести в исполнение благотворительную волю государя императора, собрав подробные сведения, положил: по достижению детьми узаконенного возраста, принять их для воспитания в одно из казенных заведений, для дворянского сословия учрежденных, если отцы на то согласны будут; при выпуске же возвратить им права, утраченные отцами их, когда они поведением своим и успехами в науках окажутся того достойными; но вместе с тем лишить их фамильного имени их

* «когда» написано поверх строки.

отцов, приказав именоваться по отчеству. До глубины души, наполненной чувством живейшей признательности к вниманию, всемилостивейше обращенному на жен и детей наших, смею уповать, что г[осударь] и м[ператор], по милосердию своему, не допустит наложить на чела матерей наших не заслуженное ими пятно и лишить детей фамильного имени отцов, причислив их к незаконнорожденным. Касательно же согласия моего на помещение детей моих в казенное заведение, я, в положении моем, не дерзаю взять на себя решение судьбы их; но не должен скрыть, что разлука навек дочерей с их матерью будет для нее смертельным ударом.

[Трубецкой].

65. З. И. ЛЕБЦЕЛЬТЕРН¹

[Иркутск.] 14 мая 1842

Дорогая моя Зинаида, много раз я хотел писать вам и выразить мою благодарность за добрую дружбу, которую вы сохранили ко мне, и всегда был убежден в том, что наши взаимные положения не позволяют никакой официальной переписки между нами. Теперь я могу себе это позволить без боязни того, что мое письмо будет читано в разных европейских канцеляриях, через которые оно должно пройти, чтобы достигнуть Неаполя²; я скажу, что никогда не переставал считать вас и вашего мужа за настоящих друзей, дружеское чувство которых ничто поколебать не может. Уверен, что все дурное, что вы слышали про меня во время судебного разбирательства или после него, возбуждало в вас жалость, но не изменило ваших чувств ко мне. Знаю, что много клеветы было вылито на меня, но не хочу оправдываться. Я слишком много пережил, чтобы желать чьего-либо оправдания, кроме оправдания господина нашего Иисуса Христа. Но в настоящее время я нахожусь в положении, когда я хотел бы, чтоб вы знали чистую и полную истину, как она есть.

Вам, дорогая сестра, известно предложение, сделанное нам в годовщину бракосочетания наследника цесаревича: совершенно ясно, что мы могли на него ответить лишь отказом, но выражения, в которых я его сделал, могли быть подвержены искажению, и потому вот мой ответ такой, каким я его представил генерал-губернатору

Восточной Сибири. По изложении вопроса я писал: «Преисполненный до глубины души чувствами живейшей благодарности за благосклонное внимание, проявленное государем императором к моим детям, смею надеяться, что его величество, по своему милосердию, не позволит наложить печать незаслуженного бесчестия на наших жен, лишив наших детей фамильного имени их отцов и тем приравнив их к незаконнорожденным. Что касается до спрашиваемого моего согласия на помещение моих дочерей в общественное воспитательное заведение, я не смею в моем положении брать на себя решение об устройстве их участи, но не могу утаить, что вечная разлука с ними будет смертельна для их матери». — И, говоря так, я не лгу и не преувеличиваю. Ребенок, отнятый у нас, чтобы быть помещенным в общественное заведение, для нас будет мертвым. Единственно, что мы будем о нем знать, то те подробности, которые сообщат нам наши родные; что же касается до него самого, то можно сомневаться, чтобы ему позволили когда-либо писать нам, да и что позволили бы ему сказать нам в его письмах? Ничего такого, что могло бы удовлетворить нашу любовь <...>. Нет ни горечи, ни жалобы во всем том, что я только что изложил вам, но я думал, что, может, в какой день представится случай, когда знание этих обстоятельств нашими семействами может оказаться не бесполезными для нас <...>. Я хотел, чтобы вы знали истину о нашем образе действия и о нашем отношении, и предупредить вас в случае, если дело это было представлено вам в живом свете <...>.

66. Н. П. ТРУБЕЦКОМУ

[Ожк, 14 мая 1842 г.]¹

Л[юбезный] б[рат]².

Я недавно писал к тебе³ о намерении правительства касательно наших детей; ожидания сбылись. Средства преследовать нас самих, видно, истощились, начинается преследование нас в детях наших. Оно только начинается, и кто может сказать, где и когда ему будет конец. Замечательно то, что все делается с желанием оказать милость нашим женам, которых поступки обращали на себя высочайшее уважение. Все это делается по просьбе государя наследника и с желанием ознаменовать милостями

торжество его бракосочетания; вот почему и объявлено нам торжественно в то число, в которое был совершен его брак.

Л[юбезный] б[рат], я писал к тебе, что есть какие-то намерения касательно наших детей. Так и вышло. Вот копия с* отзыва моего к** генерал-губернатору⁴, из которого ты увидишь, в чем дело. К этому списку остается прибавить, что слова «для дворянского сословия учрежденных» не были нам читаны, но на вопрос мой, в какие казенные заведения предлагают поместить наших детей, словесный ответ г[енерал]-г[убернатора] был: «Разумеется в институт, иначе какая бы была милость»***. Так же о фамильном имени сказано было, что лишаются его неовозвратно. Спрашиваю, к чему послужило бы нашим девочкам дворянство, купленное такою дорогою ценою? Лишенные фамилии родителей, они делаются чужими для семейств своих родителей, лишаются права наследства, и согласиен моим на то я бесчестил бы детей,

* Далее зачеркнуто: «письма». Самой копии письма нет.

** Далее зачеркнуто: «здешнему».

*** Далее зачеркнуто: «Ты понимаешь, что то, что разумеется для него, не может еще разумеется для меня; в делах такой важности не должно быть ничего подразумеваемого, все должно быть предельно ясно. Теперь я спрошу, какая была цель в сделанном нам предложении. Оказать ли уважение нашим женам, как сказано в читанной нам бумаге? Но согласие наше положило бы печать бесчестия на них самих, на их детей и на их семейства. Соболезнование ли к детям? Но отторгнуть [далее зачеркнуто: «на век»] их от нежных попечений родителей [далее зачеркнуто: «и вырвать их»] и передать насникам не отвечает этому чувству. [Далее зачеркнуто: «Испытать ли просто нашу покорность власти? Но сказано: не искушай бога; как же искушать человека? В бога мы должны и можем иметь полную веру, полное упование, но сказано: не надейтесь на князей. Какой же повод имели мы возлагать наше упование на власть, которая сама не знает, доколе она существовать будет.»] Нам сказали, что согласие наше повлечет за собою облегчение для нас собственно при праздновании 25-летия. Но [далее зачеркнуто: «мы не можем»] кто может ожидать, чтоб мы жертвовали детьми в надежде получить какого бы то ни было великого счастья? Это было бы купить его ценою крови собственных детей наших. Авраам принес сына в жертву богу по его повелению; и бог, довольный повиновением, не дал ему сотворить жертвы, но явил ему свое благоволение. В настоящем случае нет ничего подобного. Я уверен, что тот, кто имел мысль спросить, согласны ли мы на предложение, был твердо уверен, что мы не можем на него согласиться. Нас страшат, что отказом мы можем подвергнуться гневу государя и навлечь мщение на детей наших. Этому я верить не могу; такой низости я не вправе ни в ком предполагать [далее зачеркнуто: «в самом нич-

жену и ее семейство*. В заключении: ни за какие бла-га в свете я не соглашусь, чтобы жена моя была разлу-чена с детьми, это будет и ей, и им стоить жизни. Жена моя довольно для меня и за меня потерпела, убийцею ее и детей моих я не буду.

Прости, любезный брат, прижимаю крепко к груди моей тебя, жену твою и всех милых ваших деточек.

Отвечай мне на это письмо и на прежнее, как будто ты их получал обыкновенным путем, не означая только числа.

67. ИРКУТСКОМУ АРХИЕПИСКОПУ НИЛУ¹

С[ело] Оёк, 18 мая 1842 г.

Высокопреосвященный владыка!

Мнение вашего преосвященства для меня драгоценно, и потому я давно чувствую душевную потребность пред-ставить вам отзыв мой генерал-губернатору.

Не имея случая исполнить лично, я ныне поручил это жене моей. Из прилагаемого списка с добавленными примечаниями ваше высокопреосвященство усмотрите без дальнейших пояснений и самые причины, руководив-шие мною.

Счастливым себя почту, если в теперешнем моем пос-тупке ваше преосвященство удостоите видеть то душев-ное уважение и глубочайшую преданность, с которыми имею счастье назваться вашего высокопреосвященства всепокорнейшим слугою.

Сергий Трубецкой.

[Далее приведена копия письма С. П. Трубецкого В. Я. Руперту (см. письмо 64), после чего даны следующие примечания автора:]

тожном даже человеке)], как же могу допустить столь оскорбитель-ную мысль о сильном и великом государе, которого все прослав-ляют⁵. Нас, впрочем, не мудрено задевать, но мы терпеть умели и еще будем терпеть, когда то богу угодно будет. Всякий крест по-несем с покорностью: блаженны плачущие, яко воспримут утешение.

Я тебе посылаю список для того, чтоб ты видел, в каких именно словах я отказал; есть много людей злонамеренных, которые могли бы представить тебе ответ мой в искаженном виде. [Далее зачеркнуто: «Надо бы еще заметить, что в бумаге, нам читанной, было сказано: лишить детей фамильного».]

* Далее зачеркнуто: «но что же доставляет? Делает их посме-шищем детей, с которыми бы они воспитаны были».

О мальчиках сказано, что они будут воспитаны в Кадетском корпусе; о девочках сказано просто: в казенном заведении. Слова: «для дворянского сословия учреждений» написаны единственно со слов генерал-губернатора. Право дворянства дается тогда, когда при выпуске достойными того окажутся. Предстоит вопрос: что будет с ними, когда они не будут найдены достойными дворянского достоинства? Лишение детей родительской фамилии неминуемо подвергает их бесчисленным неприятностям от совоспитанников и впоследствии. Делает их чуждыми семействам их родителей. Лишает их права наследования, даже от матери. Следовательно, дворянское достоинство не доставляет нашим дочерям никакой житейской пользы. Согласившись отдать их в казенное заведение, я вместе с тем дал бы согласие и на перемену их имени и, по моему понятию, признал бы греховным сожитие с женою моею и осрамил бы ее и семейство ее пред целым светом!

К счастью, все это есть только определение Комитета, которое, надеюсь, не получит высочайшего утверждения. Когда государю угодно сделать добро нашим детям, то я могу уповать, что господь положит ему на сердце последовать единственно собственному влечению.

68. И. Д. ЯКУШКИНУ

28 июня 1842 г.

Давно я не писал к тебе, любезный мой Иван Дмитриевич, и не писал не оттого, что нечего было писать, но, напротив, имел слишком много говорить с тобою, чтоб удовлетвориться только тем, что можно положить на малый клоч бумаги. И потому я предпочел лучше совсем не писать, нежели писать неполно, недостаточно, одно не договорить, другое смолчать. Я бы хотел все мысли мои вполне подвергнуть строгому суждению твоего рассудка и не оставить ничего в недоразумении. Это можно сделать только в изустном разговоре. Я уверен был, впрочем, что ты поймешь и меня и жену мою, и ожидал от тебя то, что получили¹. Не стану и теперь касаться этого предмета; вероятно, скоро представится случай несколько о нем потолковать².

Дети наши, слава богу, здоровы, пользуются свежим воздухом; часто жар заставляет просидеть день в комна-

те, но зато вечером дети находятся досыта. Жена моя совсем не может разделять с нами наших прогулок, иначе она могла бы пользоваться ими утром, потому что ныне она встает рано. В 5 часов она уже всегда за чтением. Дети встают не ранее 7 часов. Вчера все они наблюдали солнечное затмение. Оно их очень занимало, и Ли-за объясняла причины его. Зиночка в ученые объяснения не входила, она довольна была уже тем, что закопченным стеклом вся вымаралась. День был ясный, сегодня поутру от 4 до 5 шел дождь, день потом был жаркий, по-морочный, как здесь выражаются. Это выражение для меня очень хорошо объясняет, когда не пасмурно, но воздух наполнен парами. Теперь идет довольно сильный дождь, изредка гремит гром. Дождь давно нам нужен. Очень странно для меня, что при видимом благорастворении воздуха здесь он от зимы до осени заключает в себе миазмы заразных болезней. Скарлатин, свирепствовавший в 3-м годе, и ныне хотя не столько поразил, но жесточее; к тому присоединилась еще корь; было много лихорадок, что здесь неслыханно. Долго еще наука не откроет это таинство, каким образом воздух, не дающий в разложении никаких особенностей, действует, однако ж, так вредно на человеческое тело. И химии и физиологии много еще тут работы. Ученость одна того не достигнет, нужен гений, тогда и наука преобразуется и получит совсем иные начала.

Скажи, что Матвеев солитер; если его не пускают лечиться, почему он не спишется. В этих случаях лечение однообразное и имеющее уже известный свой ход. Помоги ему крепко за меня руку. Александра Васильевна писала к моей жене, как ты был полезен ей во время болезни ее мужа; это и не могло быть иначе. Я неправильно употребил прошедшее, она писала в настоящем времени, которое, вероятно, и теперь продолжается. В тихом ли он расположении? Жаль бедную эту женщину. Давно ты ничего не говоришь о Вас[илии] Карл[овиче], как поживает старик?³ Имеет ли довольно досуга, чтоб продолжать заниматься ботаническими рисунками, которыми ты упражнял дитя у М[атвея] И[вановича]. Евгений описывал нам свое удивление при виде правильности рисунков.

Прости, любезный мой Иван Дмитриевич, будь здоров. Желаю, чтоб вести о детях твоих всегда тебя ра-

довали, ты ныне также ничего о них не сказал. К Матвею я также давно не писал, но скоро буду писать. Обнимаю тебя от всей души.

Трубецкой.

69. З. И. ЛЕБЦЕЛЬТЕРН

Иркутск, 4 сентября 1842

<...> Я слишком хорошо знал ваше сердце, чтобы быть уверенным, что, несмотря на долгую разлуку и все препятствия, которые стали между нами, вы сохранили ко мне вашу старую дружбу <...>. Я всегда считал и всегда буду считать вас среди малого числа лиц, на дружбу которых я всегда могу положиться, и эта уверенность никогда не исчезнет из моего сердца. Я уверен, что и с вашей стороны вы не сомневаетесь в моей привязанности к вам, а также ко всем, кто вам близок, это чувство потухнет, надеюсь, лишь с моей жизнью <...>.

70. И. И. ПУЩИНУ

Оёк, 6 сентября 1842 *

Я в долгу у вас, Иван Иванович, но теперь не считаю, что весь уплачиваю, а только проценты. Теперь, как жена моя справедливо говорит, не время вас занимать собою, надобно предоставить вас самим себе и вашим близким. Я надеюсь для вас, что это письмо застанет вас в Тобольске; Ник[олаю] Ив[ановичу]¹ очень бы было больно, если б это вышло не так. Он был с нами, т[о] е[сть] в кругу нашем, как бы родной. Очень жаль, что так коротко, жаль для себя, но не для него. Желая, напротив, чтоб он мог с вами провести то время, которое может выиграть по пути. Все оно вам коротко покажется. Он очень приятно напомнил нам вас, особенно голос и некоторые манеры. Только что он уверяет, что вы все еще моложе его. Но не надо более болтать; передаю вас ему и ограничиваюсь тем, что горячо обнимаю вас от всей души.

Ваш Трубецкой.

* Помета И. И. Пущина: «Пол[учено] 19 окт[ября]».

Оек¹, 31 октября 1842

Прилагаю, любезный друг мой Александр Федорович, письмо жены моей в ответ на твое от 1-го сентября. Слово «камрад», которое ты употребил, заставило меня вспомнить круглый стол, за которым мы сидели вместе с тобой у старичка Германа², и разговор, который передал тебе Храповицкий³. Время, давно прошедшее. Теперь я также провожу по несколько часов в день в голове стола, по сторонам которого сидят мои девочки с книжками и тетрадками, и вспоминаю свои ребяческие лета. Это препятствует мне заниматься приятнейшим и полезнейшим занятием *fagniente**, которое ты так заманчиво выхваляешь и которому, вероятно, я так же бы предавался, если б был на твоём месте. Но теперь мне едва ли когда случается провести часок в этом положении. Обычный час моего мышления — утро, пока еще жена и дети не встали. Но и тут редко случается вспоминать минувшее; более занимает настоящее и будущее. От Пушкина я получил письмо с прошедшей почтой. К Ивану Семеновичу⁴ сам писал недавно. Жалею о грусти Басаргина⁵; я дважды имел подобное несчастье и знаю, как оно тягостно. До сих пор часто мелькает мой маленький сынок пред моими глазами. Меньшая моя дочь очень похожа на брата, голос, приемы, ухватки как будто от него переняла. Между тем все это получила, когда того уже не было. Это непостижимое действие природы часто возбуждает мое внимание.

О Лорере⁶ мы знаем из письма Лизаветы Петровны, получили от 4-го августа. Она была в беспокойстве по муже, который был в экспедиции⁷. Она же писала, что Назимов⁸ был невредим после первого сражения, но так же ли был счастлив после второго, которое было горячее, она еще не знала. Наше лето было, подобно вашему, переменное, но более холодное. дождей проливных и продолжительных не было; осень очень сухая; снег давно выпал, и слышим, что везде ездят на саниах, но в нашей окружности еще на колесах. Морозы уже довольно сильные, однако только еще один был в 25 градусов, а более между 15-ю—20-ю. Завтра, кажется, грянет порядочный, потому что вечер холодный и небо очень ясное. Здесь

* Ничегонеделание (итал.).

ежегодно летом детские болезни, и последние два года бог нас [хр]анил*.

Каким образом ты ничего не сказал мне о солнечном затмении? Вероятно, у вас помрачение было больше нашего. У нас день был безоблачный и прохождение луны видно было ясно; но особенного ничего в атмосфере и на небе не было, потому что верхний край солнца продолжал освещать, хотя и не столь ярко. Здесь я прерывал это письмо и выходил смотреть на падающие звезды, которых Араго обещает в большом количестве на нынешнюю и завтрашнюю ночь; но по тщетном ожидании на морозе, возвратился к письму своему. Уже несколько лет, как я этих ночей не пропускаю, но до сих пор еще ни разу не заметил в них ничего отличного против других. Может быть, оттого, что они все были светлые. Я очень доволен был, что ты описал жене моей все твое семейство⁹, ты ко мне скуп на подобные известия. Желаю сердечно, чтоб в недрах его все было хорошо и сходно с твоими желаниями и чтоб ты сам постоянно наслаждался добрым здоровьем. Прости, друг мой и старый мой камрад. Поклон от меня Швейковскому и [Башмакову]**.

Твой Сергей Трубецкой.

72. И. И. ПУЩИНУ

Оёк, 14 февраля 1843 г. ***

Я доволен был получением письма вашего, Иван Иванович, от 18 декабря, мне нужно было знать, каков вы после первых впечатлений горести.

Душевно рад, что она не подействовала физически на ваше здоровье. Но вы после того опять были встревожены болезнью Николая Ивановича, надеюсь, что и эта тревога совершенно успокоилась и что теперь вы только утешительные письма получаете от всех ваших домашних. Желаю, чтоб все так продолжалось и чтоб все устроилось согласно вашим ожиданиям.

Будьте здоровы и обнимите за меня Оболенского.

* Оторван кусочек листа с текстом.

** Листок с текстом оборван, фамилия Башмакова восстанавливается по публикации письма в «Литературном вестнике», с. 127.

*** Помета И. И. Пущина: «Пол[учено] 11 марта».

Деточки наши просят все вам и ему от них поклониться.

Ваш Трубецкой.

73. И. Д. ЯКУШКИНУ

26 февраля 1843 г.

Письмо твое, любезный мой Иван Дмитриевич, от 15-го января уже две недели как получил, и дожидаясь ответа твоего, чтоб вместе отвечать. Ты все еще беспокоишься о ее здоровье, но чтоб тебя успокоить, я скажу, что эти припадки, на которые она жалуется, должны скоро пройти. Надеюсь, что с помощью божиею месяца через три ты узнаешь, что она избавится от них и от всех их последствий и* опять довольно легко ходит и перестала жаловаться на одышку. Дело в том, что она своего положения целые четыре месяца не подозревала и приписывала его болезни. Теперь одно только у меня желание, чтоб все так же хорошо и нынешний раз миновалось, как то было до сих пор¹. Советы твоей книжки² остались, следовательно, без применения для нее, исключая того, что она выпивает раза два в день стакан холодной воды и находит, что это для нее очень полезно, и ежедневно требует воды холоднее. Просинц³ нашел между нами себе много партизанов; вообще все невежи в врачебном искусстве уверены в истине его утверждений и воюют за него с учеными и полуучеными, которые все великие его противники. Хотя, впрочем, в ученых журналах, очень уважаемых нашими учеными, относятся с похвалою о изобретателе этой простой системы лечения. В городе есть даже несколько примеров людей, которые, будучи больны, в России были этим способом излечены; Муханов недавно получил от брата своего письмо, в котором этот подтверждает пользу, им самим испытанную, он был очень болен и прошедшим летом лечился в Гrefенборге, где нашел 1500 больных. Все эти доводы не убеждают учеников Гиппократа, и они гидросвобопатии предсказывают судьбу Ганемановой амеопатии⁴. Когда книжка освободится, я тебе ее возвращу, если не зачитают ее в клочки. Зима наша также была слабая для наших краев, но до того не доходило, как у вас, дождя с лета мы не видели, самый ма-

* Далее зачеркнуто: «будет».

лый мороз был — 6° Реомюра и в полдень — на точке таяния, но ненадолго, и это уже 25-го генваря; а ртуть во всю зиму замерзала только раз — 12 декабря. Сколько я могу заметить, то кажется, что во всем нашем полушарии температура ежегодно согласуется; касательно Америки я не имею никаких данных. Я, кажется, тебе не сказывал, что в нынешнем году проезжал мимо нас путешественник-англичанин, разумеется, который переехал из Лондона в Канаду, прошел чрез всю Северную Америку и в Ситке или Кодьяке сел на судно и чрез Сибирь возвратился. Очень жаль, что я его не видал и, следовательно, не мог расспросить о подробностях его путешествия по американским снежным степям. Я только слышал, что путь их через горы Америки был очень тяжел. Он, кажется, слова не мог сказать ни с кем, потому что, кроме своего языка, никакого не знает. Теперь в городе есть другой соотечественник его⁵; этот приехал из Петербурга и, кажется, пробудет года три; дело его — пароход, который устраивает золотопромышленник Мясников на Байкале и для которого машину ожидают этим путем. Иркутские жители уверены, что святое море не потерпит на волнах своих никакого парохода; но я надеюсь, что они из опыта узнают пользу изобретения, которое, конечно со временем, заменит повсюду парусные суда.

Но прощай, мой милый друг, пора кончить. Дай бог тебе и всем твоим доброго здоровья и всех твоих желаний и надежд исполнения. Поцелуй Матвея, если он возвратился. Поклонись Василию Карловичу и засвидетельствуй мое почтение Александре Васильевне и Марье Константиновне.

Твой Трубецкой.

74. И. Д. ЯКУШКИНУ

Оёк, 22 мая 1843

Сегодня ты получишь от меня одного, любезный мой Иван Дмитриевич; жена моя написала довольно большое письмо к своей матушке и не в силах писать более. Ты тому не удивишься, когда узнаешь, что сегодня девятый день, что родился у нас тебе тезка¹. Он довольно помучил мать и сам утомился при рождении. Теперь, слава богу, все хорошо; если бог даст жизни мальчику, то он обещает быть росту моего, а дородством подобен Арта-

мону Захаровичу². Он очень спокоен теперь, как доставили ему хорошую кормилицу; первая, которая кормила только два дня, так не годилась, что должны были сменить ее козю, хотя на вид была женщина здоровая и казалась годною во всех отношениях. В первые сутки жена была очень слаба, силы возвращаются, но довольно медленно; сегодня испытывала себя ходьбою, но, по простонародному выражению, мыслете пишет³. Я рад, что убедился, однако ж, этим опытом, что ноги у ней остались; она так мало их употребляла и так они были слабы целый год, что я боялся, чтоб она не лишилась владения ими. В самые последние дни перед родами жена моя и вместе с нею я и многие другие из нас были очень огорчены, как ты знаешь, неожиданной смертью Никиты Михайловича. Мы так далеки были от мысли лишиться его, что я не смел вдруг сказать того жене, и я не знаю, как бог помог мне скрыть это от нее целые сутки и успеть приготовить ее достаточно, чтоб не вдруг слишком поразить. За два дня до его болезни я получил от него записку в ответ на мою, в которой я спрашивал его о состоянии здоровья маленького его племянника, Никиты же⁴. Он сам ни на что не жаловался, но грустил, потому что маленький был очень худ. Через два дня после того я опять посылал и узнал, что сам Никита нездоров, не полагал никаких последствий худых, как вдруг через сутки получаю от Вадковского писанную к нему Александром записку, что Никита очень худ и чтоб Вадковский приехал; едва он уехал, как Сутгоф прислал мне записку Муханова, что Никиты нет уже более на свете. Подробностей о его болезни я никаких сказать тебе не могу, никого при нем не было, кроме Вольфа и Александра, которые и сами были уже истощены продолжительными попечениями о умиравшем ребенке, которого болезнь продолжалась уже осьмнадцать дней и который чрез два дня после дяди умер. 29-го, на другой день смерти Никиты, я ездил в Урик; тело уже очень изменилось, Александр был совсем потерянный, и я не мог долго остаться, потому что жена тогда ежедневно ожидала родов и я боялся, чтоб без меня ей внезапно не сказали; я только до отъезда предупредил ее, что Никита опасен. Между тем Иван Сергеевич⁵ приехал в мое отсутствие и, видя, что жена уже знает об опасности Никиты, осторожно высказал ей всю истину, которую уже

знали в городе. С тех пор я был все задержан дома и не мог отлучаться; Вадковский, которому было лучше, пробыл несколько дней в Урике, но теперь задержан дома опять болезнью. Там за ними ходит Сутгоф с женою. Другое горе благодаря бога миновало жену мою, она узнала о болезни своего отца, когда он уже выздоровел и мог сам уведомить ее, что опасно был болен также воспалением внутренностей, теперь она совершенно на его счет покойна, потому что он уже выезжал после болезни и чувствовал себя хорошо. Детки мои все здоровы, жена моя вместе со мной кланяется Матвеем и его супруге, а тебя обнимаем. Алекс[андре] Васильевне и Вас[илию] Кар[ловичу] также просим поклониться.

С. Трубецкой.

К Матвею писать не замедлю.

75. И. И. ПУЩИНУ

Оёк, 30 октября 1843 г.

Как жена моя написала к вам 8 страничек, почтенный Иван Иванович, и могли бы вы обойтись без письма от меня при подробных ее обо всем рассказах, однако ж мне захотелось прибавить к вам несколько строк. Я к вам давно не писал, да и ни к кому, много накопилось ответов, причина тому болезнь Вадковского. Со времени его возвращения с вод я исправляю должность подлекаря при нем, <...>* на всякой могущий быть <...>** настоящего лекаря. Прито[м]*** В[адковско]му нужна была чья-нибудь беседа. Он не в состоянии был даже читать. Сутгоф в том случае сменялся со мною, потому что мне нельзя было на целые дни оставлять деток, да и по ночам нужно было быть при нем, а мне он этого не позволял.

Из письма жены моей вы видели, что ему стало по-лучше, но все это еще не прочно. Между тем его посещало еще и горе. Кроме старшего брата умер еще его зять Кривцов, и он беспокоится за сестру и племянницу¹.

Вы, как я вижу, совсем поселились в Ялуторовске.

Все тут вам, полагаю, приятели, нежели в Туринске;

* Одно слово не поддается прочтению.

** Два слова не поддаются прочтению. Возможно: «случай отсуствия».

*** Часть слова дописывается по смыслу.

я гляжу вместе с вами на приятный вид, который у вас под окошком, и вместе с Александрой Васильевной продирает меня по коже мороз, когда Оболенский с Якушкиным идут с купанья². При всем моем уважении к Просинцу не могу одобрить приложения его метода для лечения лихорадки, полагаю даже, что оно ошибочно и что, вероятно, сам Просинц не так ее лечит. Боюсь, чтоб Евгений себе ее не нажил. Здоровому достаточно беречь свое здоровье, не стараясь его улучшить. Я для себя руководствуюсь этим правилом.

Надеюсь, однако ж, что эти строки найдут не вас одних, но и всех моих приятелей в добром здоровье; прошу вас всем им позжать от меня руку, а вам я сам жму.

Ваш Трубецкой.

76. А. Л. КУЧЕВСКОМУ

24-го декабря 1843, сл[обода] Оск

Милостивый государь Александр Лукич!

Посылаю некоторые из нужных вам вещей для одежды маленького и матери его¹; табаку и бумаги писчей. Денег прилагаю в сем письме 25 рублей; прошу вас извинить, что посылка моя бедная, но я не в состоянии посылать более. Должен был занять как на этот предмет, так и на собственные надобности. Сукна купить сам в городе не успел и просил доставить и надеюсь получить сегодня, но не хочу задерживать долее посылаемое, но как получу, то не замедлю доставить; только уже после первых дней праздника. Письма ваши Сергею Григорьевичу и к-не Марье Николаевне вручены первому. Артамон Захарович читал ваши большие письма и намерен подать вам руку помощи, но теперь он болен жабою в горле.

Прошу вас уведомить меня, исполнено ли по моему распоряжению и доставлена ли вам мука и дрова, сколько именно дров и какой муки, какое количество, также привозится ли ежедневно достаточное вам количество воды?

По случаю желания вашего переселиться в Щукино или Могилево (Гласково тож) я, по собранным сведениям, должен известить вас, что вам чрезвычайно трудно будет найти в этих деревнях пристанище, доколе вы не будете иметь собственного жилища.

Обзаведение ваше потребует много времени и поря-

дочного количества денег. На скорую помощь выдачи от казны вы не можете надеяться, потому что, как я вчера узнал, только после праздников собираются делать представление в Петербург о выдаче за текущий 1843 год и об ассигновании на то суммы. Наша помощь, даже и совокупная, не может быть достаточна для пополнения всех издержек перемещения вашего. Я долгом поставляю представить все эти обстоятельства на рассуждение ваше, тем более, что молчание мое о сем предмете могло бы ввести вас в ошибочные расчеты и поставить в обстоятельства, еще труднейшие тех, в которых вы теперь находитесь.

С желанием моим всех благ вам и новорожденному имею честь быть, милостивый государь, ваш покорный слуга

Сергий Трубецкой.

77. А. Л. КУЧЕВСКОМУ

20-го февраля 1844, с. Оёк

Милостивый государь Александр Лукич!

Вам известны обстоятельства, заставившие меня отложить ответом на письмо ваше от 6-го генваря. Потом я еще откладывал в ожидании, что обстоятельства мои сколько-нибудь поправятся и подадут возможность оказать вам хотя небольшую денежную помощь. Но я обманулся в своих ожиданиях. Четыре месяца живу, занимая по самым мелким суммам для удовлетворения потребностей, необходимых довольно значительному семейству. Из этого признания вы усматриваете уже, что ответ мой на требование ваше должен быть повторением сказанного уже мною. К прискорбию моему, я должен еще раз сказать, что не могу обнадежить вас моею помощью в случае переселения и доставить вам средства к основанию предполагаемого вами обзаведения. Я вполне постигаю все ваши бедствия, но что же мне делать, когда не имею средств прекратить их? Могу ли обещать вам что-нибудь положительное, когда не имею возможности предвидеть, в состоянии ли буду исполнить свое обещание? Доходы мои так неверны, что я заранее не могу делать никакого предположения, а капитала я не имею. Постоянный недостаток в деньгах есть недуг, которым страждут все те лица, на которые вы полагаете вашу на-

дежду. Вы провели с нами 10 лет в Чите и Петровском заводе; вы знаете, что многие из нас не имеют средств сами собою существовать, положение же наше лишает всякой возможности снискать себе пропитание посильными трудами. Все таковые требуют вспоможения. Приезд сенатора и жандармского окружного начальника¹ подает надежду, что разрешены будут средства существования, доселе бывшие нам недоступными. Не упускайте этого случая, обратитесь, как уже и прежде я вам указывал, к г. губернскому штаб-офицеру, объясните свои нужды и просите того, что может подать вам надежду улучшить ваше положение. Между тем я охотно берусь снабжать вас по возможности на теперешнем месте вашего жительства, и потому прошу вас написать ко мне, что и в каком количестве вам нужно ежемесячно. Знаю, что это письмо вас не удовлетворит; знаю, что оно, к несчастью, не изменит вам положения, но я должен был показать вам вещи в действительном их положении и не обманывать вас надеждами, которых исполнение не в моей власти.

При желании вам и семейству вашему доброго здоровья имею честь быть, милостивый государь,
ваш покорный слуга С. Трубецкой.

При сем посылается полпуда свежей рыбы, 10 фу[н-тов] свеч[ей] сальных и мешок с некоторыми вещами, оставшимися от покойного Федора Федоровича, на которые вы найдете употребление, таз медный, два подсвечника и счеты.

[На обороте адрес:] Милостивому государю Александру Лукичу Кучевскому в Тугутуй.

78. С. Г. ВОЛКОНСКОМУ

Суббота, 15 июля 1844

Сегодня в 12 с половиною часов дня жена моя родила дочь. Она, слава богу, ныне не так слаба, как была последний раз. Надеюсь, Сергей Григорьевич, что вы не откажете принять от купели и нашу Софью. Прошу вас сообщить радость нашу княгине и всем вашим сожильцам, нашим друзьям. Вам всегда истинно преданный Трубецкой.

[На обороте надпись:] Милостивому государю Сергею Григорьевичу Волконскому.

15 июля 1844

Спешу, любезный мой Иван Дмитриевич, успокоить тебя и всех ялуторовских друзей наших известием, что жена моя, благодаря богу, разрешилась сегодня дочерью и, слава богу, чувствует себя хорошо.

Сонечка родилась в половине первого днем, и жена моя гораздо крепче себя чувствует, нежели при прежних родах.

Более теперь не пишу, но обнимаю тебя и всех вас.

Твой Трубецкой.

3 октября 1844

В последнем письме твоём, любезный Иван Дмитриевич, ты благодаришь меня за доставленное тебе радостное известие о счастливом разрешении жены моей. Почти целое поколение миновалось с тех пор, как дружба наша существует, следовательно, мне не трудно было угадать твоё удовольствие при сведении о счастливом происшествии в семействе моём. Поспешность, с какою ты отвечал на моё письмо¹, доказывает также участие, которое ты принял. Высокопарное приветствие твоё я тем более извиняю, что истинно желаю всем сердцем, чтоб когда-нибудь оно оправдалось и принесло тот плод, который ты предсказываешь. Верю очень, что ты хотел бы взглянуть на нас в Оёке и что все описания нашей жизни не вполне удовлетворяют твоему любопытству.

Я и сам почасти мысленно проникаю в твою укромную ялуторовскую хижину и вижу тебя читающего книгу или устанавливающего твою гальваническую батарею, о произведениях которой Евгений два раза говорил нам с тем восторгом, к которому так склонна чистая душа его². Если б я был в Ялуторовске, то этим делом занялись бы мы, вероятно, вместе, и полагаю, что многим другим. Если б мы там были помещены сначала, то я уверен, что нам было бы очень хорошо с вами. Но когда раз уже здесь основались, то перемещение через такое пространство, какое нас разделяет, делается очень трудным в наших обстоятельствах. Когда бы в жизни все нам удавалось по желанию, то терпение и покорность, которые ты так ценишь, были бы ненужными добродетелями, оне

были бы пустым звуком. Был ли бы человек тогда счастливее? Не знаю. Постоянная удача рождает пресыщение. Не могу похвалиться, чтоб я это последнее узнал собственным опытом, но думаю, что и сетовать на это было бы безрассудно. Все должно принимать, как действие высшей предусмотрительности. Но оставим эту тему, о которой можно рассуждать без конца и для которой, впрочем, я теперь не имею досуга; моя маленькая дочка Зиночка сидит возле меня и переводит с французского на русский и беспрестанно спрашивает меня, хорошо ли она перевела? Лиза тоже сидит возле меня и пишет; Сашенька играет на фортепьяно. Жена присутствует при купанье Сонечки и занимает Ваню, который сердится на то, что его няня помогает сестриной няне. Вот тебе картина одного оёцкого вечера. Жена моя теперь сама не купает, как бывало при тебе, это ныне ее утомляет. Она к тебе сама много пишет, и потому я более о ней ничего не скажу. Впрочем, пора и совсем положить перо; я тебя заговаривал. Прошу тебя обнять за меня Матвея и засвидетельствовать мое почтение его жене и Александре Васильевне. К Е[вгению] П[етровичу] я также пишу и потому к нему и к И[вану] И[вановичу] ничего не поручаю, а Вас[илию] Карл[овичу] прошу поклониться. Когда будешь писать, не поленись сказать и сам поболее о своих работах; я бы желал знать весь твой процесс и форму твоей батареи; она, вероятно, по какому-нибудь новому образцу устроена. Ты более ознакомился с гальванопластикой, нежели я, и твое описание может усовершенствовать мои опыты. Прости, любезный мой Иван Дмитриевич, от души обнимаю тебя.

Твой Трубецкой.

81. В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРУ

31 января [1845 г.]¹

Посылаю вам, добрый мой Вильгельм Карлович, целый пук писем; они разделены в конвертах по городам: в Красноярск, Ялуторовск и Курган². Есть еще одно письмо в Омск от живущей у нас женщины³. В Ялуторовск следует и сверток, который я у вас оставил в клеянке. Посылаю еще сверток для прочтения вам, который передайте Александру Викторовичу, он возвратил мне в субботу. Не знаю, успеете ли вы прочесть, но полагаю,

что сегодня еще не выедете⁴. Во всяком случае, я вас более не увижу и потому заочно крепко вас обнимаю. Желаю, чтоб вы были довольны вашим положением и спокойны духом. Дросиду Ивановну прошу от жены моей и меня принять поклон и желание ей всех благ. Деточек обнимите за нас; да растут они вам на радость и утешат вас в старости.

Простите, пожимаю вам руку.

Ваш Трубецкой.

82. И. Д. ЯКУШКИНУ

31 января 1845

В последнем письме твоём, любезный мой Иван Дмитриевич, ты мне подробно рассказывал о своих опытах по части искус[с]тва. Я по этому предмету о своих действиях многого не могу сообщить. Полного у меня ничего нет. До сих пор я испытывал только осадку меди на модели нескольких медалей, не имея в виду произвести что-нибудь изящное, но с одним только желанием узнать процесс в подробности. Золочением и серебрением я не занимался, но видел в этом довольно удачные опыты. Здешний преосвященный — человек очень любознательный. Он очень удачно произвел большое количество медалей, которые после посеребрил; есть также у него и хорошо позолоченные вещи. Я не знаю способа, которым он наводит позолоту и серебрение, но кажется, что гальванической пары или столпа он на это не употребляет. Я с своей стороны нашел, что пара Даниелева также вовсе не нужна для осадка меди на модели; достаточно одной цинковой пластинки. Разнородные жидкости, кажется, производят сами собою гальваническое действие¹. Для хорошего производства требуется наблюдение за порядком. Жалею, что у меня нет никакой оконченной медали, которую стоило бы послать тебе. Ты, кажется, не ограничиваешься серебрением металлов; я слышал, что ты и главу свою очень чисто высеребрил. Мне сказывали, что у тебя волосы не менее поседели, как и мои. Если нам удастся когда свидеться, мы полюбуемся взаимными сединами. Здешние все еще держатся; я, Волконский, Арт. Муравьев и Панов только еще седе; прочие все как были, только Алекс[андр] Мур[авьев] растолстел, в чем ты, вероятно, удостоверись нынешним летом². В тече-

ние будущего лета, я полагаю, тебе часто удастся говорить о нас. Будет, вероятно, много проезжих*.

Среди золотой молодежи многие навещают нас время от времени; среди них некоторые подают надежды. Однако хотелось бы видеть больше основательности, может быть, это пожелание старика, забывшего молодость и который приписывает веку недостаток общий для всех веков. Иногда я навещаю предводителя этой молодежи, он остался таким же, каким мы его знали. Он очень сожалеет, что не смог заехать обнять вас по пути, и собирается сделать это по возвращении. Я хотел бы, чтобы ему удалось осуществить свои намерения на благо края, который поручен его заботам. Ибо он совершенно правильно понимает, что этот край вправе ждать от него, и прилагает все старания, чтобы полностью ознакомиться с его положением и его нуждами³. Между проезжими чрез ваш город, я желал бы знать, видели ли вы Казадаева⁴. Он долгу прожил в Иркутске и ездил до Нерчинских заводов. Я теперь пишу четыре письма к вам и потому, чего здесь нет, увидишь в другом⁵. При этом прилагаю письмецо Сашеньки; она посылает тебе головку, ею нарисованную, не для того, чтоб иметь от тебя похвалу, но для того, что мать ее желала, чтоб ты знал, что она может в рисовании. Эти уроки идут плохо, потому что выбора учителя сделать здесь нельзя, и ему скучно ездить так далеко. Она с ним далеко уйти не может, потому что он красками плохой живописец. Жена моя дружески обнимает тебя, старого нашего друга, она не может писать теперь. Слава богу, здоровье ее теперь порядочно, хотя и не крепче она на ногах, но болей нет.

Прости, мой любезный друг, от всей души обнимаю тебя.

Навсегда твой Т[рубецкой].

[На обороте адрес:] Милостивому государю Ивану Дмитриевичу Якушкину в Ялуторовске.

При сем рисунок в свертке⁶.

* В подлиннике далее до слов: «Между проезжими» — на франц. яз.

15 августа 1845

Я очень доволен, любезный мой Иван Дмитриевич, что имею случай писать тебе об обстоятельствах большой для нас важности и удовлетворить сердечной потребности поговорить о них откровенно с таким другом, как ты. Ты знаешь ответ наш три года тому назад на предложение касательно детей наших¹. Поступок наш, который был вследствие уверенности, что детям нашим лучше будет при нас, нежели на чьих бы то ни было руках, и на сознании, что обязанность родителей есть посвятить жизнь свою воспитанию детей, был объяснен совсем иначе. Нас укоряли в эгоизме, неблагодарности и мало ли еще в каких других низких чувствах. Жене моей нужно было несколько месяцев переписки с родителями своими, чтоб объяснить им причины несогласия своего на бывшее нам предложение; и они только тогда перестали ей писать о том, когда император, прочтя одно ее письмо, сказал, что он находит все объясненные ею причины справедливыми и не имеет ничего против них возразить. С тех пор прошло три года, и не было более о том помину. Когда ныне в марте месяце Персин возвратился, он сказал нам, что теще моей очень хочется, чтобы дочери наши были в Институте, который откроется в Иркутске². То же самое было подтверждено Каролиною Кар[овной]. Жена моя отвечала убедительнейшею просьбою оставить детей при ней. На письма свои она получила ответ, что двух наших дочерей повелено определить в Институт. Трудно описать, как мы были поражены этим известием. Однако делать было нечего, возражать высочайшему повелению невозможно, должно было покориться. Хотя дети остаются в том же городе, но мы лишены возможности иметь о них ежеминутное попечение. Беспрестанное сообщество с пятьюдесятью девочками, набранными в двух губерниях и из которых большая часть видела бог знает какие примеры и многие должны иметь худые привычки, заставляет страшиться, чтоб наши дочери не переняли худого³. Конечно, дружба Кар[олины] Кар[ловны] обязывает нас много надеяться в этом случае на ее попечительность. Но она по званию своему⁴ не может быть всегда с детьми. Словом, уверенность, что бытие их в Институте не принесет им никакой пользы ни в настоящем, ни в будущем и что при том они должны

будут лишиться своего имени, сильно нас тревожила. Что из всего этого будет, богу одному известно; одно нам остается: уповать, что он, по благи своей, устроит все ко благу; и с этим чувством жена моя предалась воле его и отравила матушке своей удовлетворительный для нее ответ. При своем письме графиня прислала копию с официального к ней уведомления, в котором сказано, что распоряжение о приведении в исполнение выс[очайшей] воли с тем же вместе сделано; но до сих пор от здешнего начальства мы еще никакого извещения не получали и потому не знаем, на каких условиях дети наши приняты. Вчера, однако, касательно этого предмета мы были ободрены полученными письмами; графиня пишет: * «Имеют ли родители право пожертвовать преимуществами, которые посылает им божеская милость. Позволено ли им отказаться для своих детей от права, которое им дает определенное положение, помещая их в ряды общества. Не будут ли дети потом упрекать за то, что их жизнь разбита, поскольку родители не захотели принять для них средство реабилитации, которое предлагает им благотворительная рука».

И двоюродный брат жены моей⁵ пишет: «Исключение (т[о] е[сть] что они остаются при своем имени)**», которое [его] в[еличество] сделал для нее, есть благо, за которое нужно быть признательной и воспользоваться им».

Из этих двух речей мы, кажется, вправе ожидать, что поступление детей наших в Институт будет сопровождено всеми теми выгодами и преимуществами, какие когда-либо мы могли для них желать; и в таком случае это точно такая милость, какой мы не могли иметь никакой причины надеяться ожидать. Если эти ожидания оправдаются, то мы уже расстанемся с детьми не с теми грустными чувствами, с какими предполагали; их будущность не будет уже нас беспокоить, и одно настоящее требовать будет нашего внимания: Сашенька в таком возрасте, что ей уже нечего делать в Институте, и она по сильной своей привязанности к нам не могла бы перенести и такой разлуки. Прости, друг мой, будь здоров.

С. Т[рубецкой].

* Далее в подлиннике выдержки из писем на франц. яз.

** В скобках — примеч. автора, приписано сбоку по-русски.

Жена моя дружески жмет тебе руку. Сей час получил письмо твое от 28 июля. Поклонись от нас обоих Василию Карловичу и Александре Васильевне.

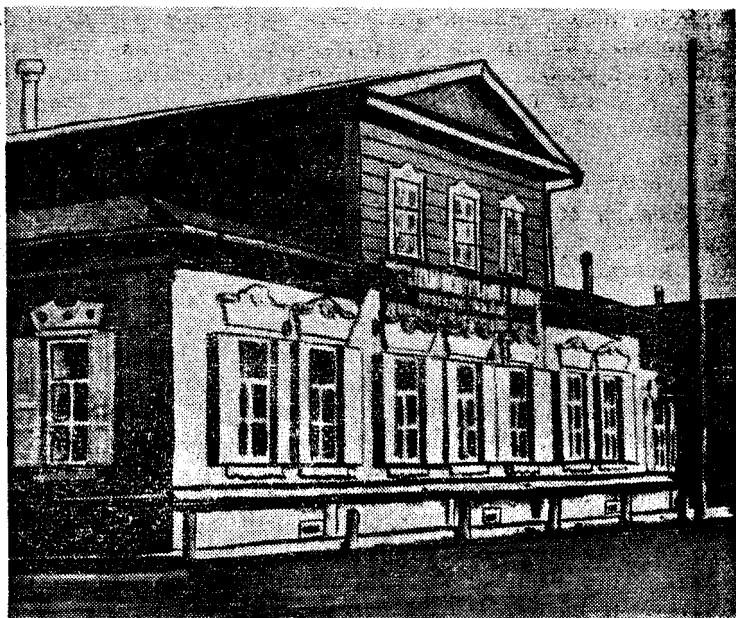
84. И. Д. ЯКУШКИНУ

12 января 1846

С первых дней Нового года я хотел писать к тебе, любезный друг Иван Дмитриевич, не для того, чтоб поздравить тебя с ним, это было бы слишком пошло, но для того, что мне приятно было бы начать его беседу с тобою. Но в этом помешали мне различные мелкие неприятности, о которых умалчиваю, потому что говорить не хочется о подлостях и мерзостях, на которые бывают люди способны¹. Итак, оставляя все постороннее, скажу тебе, что в семействе нашем нового ничего нет. По-прежнему дети — одно наше занятие и одно наше помышление, и, благодаря бога, оне радуют нас и поведением своим и прилежанием. И никогда не приходит им на ум, чтоб освободиться от исполнения того, что с них требуется. Это происходит не от привычки к рабскому повиновению, которого у нас никогда не требуется и дети имеют свою волю, но они уверены, что не может с них потребоваться ничего не должного. Кар[олиною] Кар[ловной] в отношении детей чрезвычайно довольны, она с ними кротче, нежели мы сами; никогда не произнесет слова с видом неудовольствия или нетерпения. И она такова не с одними нашими детьми, но со всеми, которые под ее ведением. Родители, которым выставляли ее детою, не надивятся ее кротости с ними и ласковому обращению. Но есть люди, которым очень не хотелось, чтоб она получила занимаемое ею место и которые очень бы желали ее столкнуть. Должно надеяться, что для блага детей это не удастся.

Прости, мой любезный друг, должен кончить, чтоб не опоздать с письмом. Жена моя очень тебе кланяется и Сашенька также. Поклонись Алек[сандре] Вас[ильевне] и Вас[илию] Карл[овичу]. От всей души обнимаю тебя. Я ничего тебе не сказал о племяннике твоём, чтоб не повторять писанного к Матвею².

Твой Т[рубецкой].

ФАСАД ДОМА ТРУБЕЦКИХ В ЗНАМЕНСКОМ ПРЕДМЬЕСТЬЕ Г. ИРКУТСКА

Публ. по фотографии начала XX в.
Дом-музей декабристов, Иркутск

85. Н. А. БЕСТУЖЕВУ¹

4 апреля 1846 г.

Давно уже не имею я от вас известия, почтеннейший Николай Александрович, да и сам давно к вам не писал. Надобно же когда-нибудь написать, а теперь время, когда прощаются все преступления и грехи², и потому я могу надеяться, что эти строки будут приняты благосклонно. Что вам сказать о себе? Вы все знаете от Марьи Казимировны³, и нового у нас ничего нет в семействе, исключая того, что это время хворали; особенно маленький наш был сильно болен⁴, но милостию божиею, при попечениях Ивана Сергеевича⁵ стал опять на ноги, а теперь осталась только худоба, которая, вероятно, при здорье скоро пройдет. К тому ж не мне бояться этого состояния, я с ним прожил мой век и не имел причины

быть им недовольным. Вы что-то некоторое время были недовольны своим здоровьем; после я узнал, что оно совсем поправилось, и надеюсь, что продолжает быть хорошо. Кто вас видел, говорят, однако ж, что вы, подобно нашему брату, постарели, а Михайла Александрович все молод, прошу ему пожелать от меня не торопиться нас догонять⁶. М[арья] К[азимировна] описывала мне ваш дом, и остается только жалеть, что в нем нет ожидаемых вами жильцов. Для меня совершенно непонятен этот конец. Будет ли когда разгадка?⁷ О соседях вам сказать особенного ничего не имею; из Тобольска и Кургана иногда получаем вести, но чаще из Ялуторовска; там больше пишущих. Вы знаете, что Оболенский женился. Кажется, товарищи хотели его от этого отклонить⁸. Пущин 4 месяца не встает, у него на больной ноге рожь за рожей. Якушкин в обычной лихорадке. Матвей Муравьев также хворал. Здесь также Арт[амон] Захарович часто хворает и теперь лежит. Вильгельм К[юхельбекер] поехал в Тобольск лечить глаза, которые у него в ужасном состоянии воспаления. Бриген перевел с латинского записки Кесаря, просил позволения их напечатать и посвятил Жуковскому. Позволение вышло, и письмо его переслано в Дармштадт к Василию Андреевичу, который написал ему в ответ предлинное письмо и не только принял посвящение, но и издание с корректурой на себя⁹; только извинялся, что не может приступить ранее будущего июля, потому что только к этому времени будет в Петербурге. Знаете ли, что товарищ, которого мы давно уже считали умершим, нашелся? Вообразите, что Батеньков недавно привезен в Томск. После Свартгольма он до сих пор был все в Петропавловской и, вероятно, в знакомом нам равелине¹⁰. Эта весть, конечно, вас также удивит, как меня удивила. Ею и закончу письмо мое, пожелав вам с братом вашим доброго здоровья и всего хорошего за себя и за жену мою. Константину Петровичу прошу сказать усердный поклон и почтение его сестрице¹¹. Душевно преданный вам

Трубецкой.

2-го мая 1846 г.

По получении последнего письма от Матвея я много думал о тебе, дорогой мой Иван Дмитриевич, грустно было мне, что мы не вместе, хотя очень знаю, что присутствие мое нисколько не могло бы быть тебе полезно¹. Может быть, это чувство эгоистическое с моей стороны, потому что сам по себе знал, что есть минуты, когда человек любит быть один, совершенно сам с собою, и когда беседа, даже с самыми искренними друзьями, бывает тягостною. Душа, как бы отделяясь от всего земного, воспаряет всем существом своим в мир небесный и там пред престолом бога и отца почерпает утешение и обретает новые силы для продолжения пути по тяжелой стезе жизни. Я с нетерпением ожидаю из ваших мест и особенно от Матвея известия, потому что меня беспокоит одержавшая тебя лихорадка. Мне еще приятнее будет получить от тебя самого эти сведения, когда вздумается тебе о себе написать самому. Жена моя к тебе пишет, не буду повторять, что прочтешь в ее письме, только прибавлю, что К[аролина] К[арловна] дружески жмет тебе руку. Деточки наши все здоровы, жена моя, слава богу, год провела при лучшем здоровье, нежели прошедшие года. Обнимаю, друг мой, тебя от всей души и от всего сердца.

С. Трубецкой.

87. А. Л. КУЧЕВСКОМУ

6 мая 1846

Милостивый государь Александр Лукич!

Получил письмо ваше от 4-го сего месяца, в котором вы говорите о бедственном вашем положении и требуете моей помощи. Вы знаете, что в последней я вам не отказываю и всегда готов сделать, что могу по силам моим. Если я не удовлетворяю вполне вашим надобностям и не успеваю в моих намерениях оградить вас от той нищеты, которую вы часто терпите, то позвольте вам сказать, что вы сами тому главным препятствием. На 70-верстном расстоянии я имею от вас сведения только тогда, когда получаю от вас письмо; я не имею средств чаще иметь о вас известие. Есть множество мелочных

нужд ваших, которым я удовлетворить не могу, но которые между тем составляют важное лишение. Вы целые три года приступали ко мне, чтоб я избавил вас [от] Тугутуя, тогда, когда это не зависело от меня, когда же я мог дать вам убежище в собственном моем доме, где вы могли иметь прислугу, теплую горницу и где вы не имели бы случая терпеть голод, вы отказались принять мое предложение и обидели меня предположением, что я хочу сделать себе из вас слугу. Посылка в Тугутуй не всегда мне возможна, и доставление нужного вам сопряжено с затруднениями и излишними, без малейшей пользы вашей расходами. Теперь у меня в Оёке хлеба нет, я должен купить в городе, чтобы послать к вам, одна пересылка будет стоить десяти рублей, кому из нас обоим эта излишняя трата полезна будет? Вы хотели, чтоб я послал вам корову, у меня тогда молочных не было, но если б и было, то должно бы было посылать и корму для нее, чего я не мог бы сделать и корова осталась бы для вас бесполезною. При первой возможности доставлю вам, что можно будет, но каким образом доставлять вам мясо и рыбу в течение лета, я средств не придумаю; те, к которым я прежде прибегал, оказались для вас неудобны.

Извините, что я вам решился сказать истину, что вы сами препятствовали улучшению вашего положения, особенно в течение последнего года. Если вы хотите, то я и теперь могу приютить вас в Оёке, но это не есть требование с моей стороны, и пользы для себя в переселении вашем я не ищу и никакой не вижу, но если повторяю предложение, то единственно потому, что полагаю, что положение ваше будет сноснее.

Ваш покорный слуга С. Трубецкой.

88. А. Ф. БРИГЕНУ

[Оёк.]¹ 16 сентября 1846

Точно, давно, любезный друг Александр Федорович, не писал я к тебе и ныне также замедлил ответом на последнее твое. Теперь это произошло оттого, что мне хотелось прежде исполнить твое поручение к В. Ф.², но, видя, что время проходит и он все не возвращает, наскучил ждать. Он все лето в отсутствии, и потому полагаю, что, когда он придет, будет уже поздно, и г-н Ф. не дождет-ся, вероятно, последствия. Это мне не помешает, как ско-

ро возвращение представит возможность исполнения. Из письма твоего от 21 июня я вижу, что ты одного моего не получил; и оттого ты еще долее был без известия от меня. Очень рад, что ты имеешь право надеяться на благоприятную для себя перемену, надеюсь, что не замедлишь извещением, как скоро она последует³. Только я не смею надеяться, чтоб все так исполнилось, как ты полагаешь. Думаю, нет сомнения, что оно будет так, но не сейчас, а по истечении некоторого времени, и тогда оно может быть еще сходнее с твоим желанием. Кажется, надобно тебя поздравить с замужеством старшей твоей дочери⁴. Я об этом узнал от одной дамы, которая знает всех твоих дочерей и с которой, как ты понимаешь, я много говорил о них как о лицах, которые, по чувствам моим к тебе, много меня интересуют. Эта девица жила в доме твоего шурина и привязана к семейству⁵; и имела недавно от них письмо из-за границы.

Кесарь твой, вероятно, теперь уже в руках Жуковского и готовится явиться в свет⁶. Сопутствую ему желаниями хорошего успеха. Думаю, что число людей, занимающихся военною литературою, ныне значительно увеличилось и что поэтому и Кесарь будет иметь чтецов. Кто готовится для военного поприща, тот не может оставить без внимания лицо такого значения. Когда нет войн, тогда более занимаются военными науками, а кампании Наполеона на долгое время наготовили материалов для рассуждений; и Жомини, и подражатели его не все еще исчерпали⁷; доказательством тому пространные рассуждения Тьера в его историях современной французской революции⁸. Читал ли ты его *Consulat et l'Empire*? *

О смерти А. И. Тургенева я тогда же узнал и после читал стихи на его кончину⁹. Понемногу наши знакомые и те, кого мы любили, убираются из сего мира. А[лександр] И[ванович] последние годы своей жизни посвятил материалам истории Российской; я еще ничего не видел из собранных им.

Известия твои о Вильг[ельме] Кюх[ельбекере] подтверждаются письмами из Тобольска. Он, кажется, не жилец на сем свете, и я полагаю, что его убивает поэтическая страсть его¹⁰. Если б он имел частицу прозы

* «Histoire du Consulat et de l'Empire» — «История консульства и империи»

своего брата, то был бы здоровее. Поэты с горячими чувствами долго не живут. Долго жили Гёте, Вольтер, люди холодные.

Прости, друг мой милый, прими искренний поклон жены моей и крепкое пожатие моей руки.

Преданный тебе С. Трубецкой.

89. Н. А. БЕСТУЖЕВУ

17 октября 1846 г. *

Не могу пропустить сей верной okazji, почтенный мой Николай Александрович, чтоб не сказать вам несколько слов, из которых вы хотя не почерпнете ничего полезного для сердца и ума, но увидите, по крайней мере, что расстояние и редкая переписка не мешают мне сохранить память о вас в моем сердце¹. Я рад, что здоровье ваше теперь поправилось, а то по письмам вашим я начинал бояться, что вы сделались совсем стариком. Говорят, что в противоположность вам Михайла Александрович все еще видом так же молод, как я его знал. Нам бы с вами не худо было оставаться таковыми, а то в зеркале не хочется себя увидеть, как взглянешь, то морщин не перечесть. Я слышал, что вы успешно теперь занимаетесь живописью и что у вас много масляных картин; от вас самих буду ожидать, довольны ли вы своею работою; на слова здешних судей не полагаюсь. Были здесь картины, которые здешние знатоки почитали изящными, до приезда Рейхеля², и тут вдруг на его критику убеждение их совершенно изменилось. Так и в музыке. Жил здесь долго славный пианист по имени Пуччи; прекрасные его пьесы не нравились, а слабенькие приводили в восторг. Правда, что он их играл не так, как пальчики здешних девиц или дам; под его пальцами всякий вздор казался каким-то прекрасным произведением. Моя Саша успевает в рисовании, она начала с натуры; двумя карандашами сделала портрет старика нищего и чрезвычайно схоже³. Это я вам сообщаю, как артисту. Новости у нас плохие. Арт[амон] Зах[арович] весь изломался, в полном смысле слова, всю грудь себе разбил, ребра переломал, и только что на днях утвердились в надежде, что он переживет эту катастрофу⁴. Простите, добрый мой Николай

* Здесь и ниже подчеркнуто автором в оригинале.

Александрович, примите усердный поклон жены моей и мой для вас обоих. Торсонам всем поклонитесь от нас.
Ваш Трубецкой.

90. И. Д. ЯКУШКИНУ

2 декабря 1846

Вчера получил и от тебя, милый мой Иван Дмитриевич, несколько строк. Очень рад был, что увидел опять твой почерк. Слава богу, что ты здоров. Мы этим не можем на сей раз похвалиться; жена и дочь все это время были нездоровы. Обыкновенно в Иркутске приписывают болезни нынешнего времени года густым туманам, покрывающим город от испарений Ангары до ее замерзания, которое бывает в последних числах текущего месяца. Зима у нас рано настала, и в октябре были уже сильные морозы, но ноябрь весь был теплый; свыше 26 градусов еще не ощущали мороза и то ненадолго. Старожилы уверяют, что климат здесь смягчается; может быть, позднейшие наши внуки и увидят в Сибири Италию, а с нас довольно и того, если зимы не так холодны будут, чтоб не пришло время, когда нечем будет топить.

Ты узнаешь, любезный друг, из письма моего к Матвею, что мы лишились одного из товарищей. Тяжело было видеть страдания Арт[амона] Зах[аровича], и для него нельзя жалеть, что он покинул здешний мир. Но умер он спокойно и говорил мне, что всякому желает так умирать.

Жена моя не сетует на тебя, что ты не отвечал на ее письмо, но очень будет рада, когда получит от тебя. От Надежды Ник[олаевны]¹ продолжает получать по-прежнему; она много писала о твоих сыновьях, которыми очень довольна, и все по-прежнему молит бога, чтоб они тебе были утешением. Слава богу, она держится, хотя и говорит, что слаба. Я видел в «Инвалиде», что Миша Фонвинин произведен в прапорщики в Преображенский полк². Прости, друг мой, обнимаю тебя от души.

Твой Сергей Трубецкой.

Милостивый государь Александр Лукич!

Письмо ваше от 31-го генваря я имел честь получить несколько дней тому назад. Оно дошло до меня не скоро, потому что прислано чрез волостное правление. Отвечать вам на него я случая не имел, а посылать нарочного из города*** стоит 30 рублей. Вы мне в этом письме между прочим отвечали на записку, в которой я вас уведомлял, что если вам угодно получать двойное от правительства пособие, то вы должны теперь же написать о том к губернатору или исправнику, чтоб они могли внести вас в представление, которое будет подано на днях г-ну генерал-губернатору. Вы меня в самых жарких выражениях благодарили за это уведомление и поручаете мне хлопотать о вас, сами же не пишете ни к тому, ни к другому из лиц, мною назначенных. По прежним данным я действительно полагал, что оно так будет и что вы сами для себя не захотите сделать никакого шага. Но, признаюсь, я не понимаю почему, когда вы сами для себя не хотите ничего сделать, то почему находите вы, что я обязан предлагать попечение о всех ваших нуждах? В теперешнем случае вы сами лишаете себя на текущий год 200 руб. лишнего дохода, что при ваших средствах, кажется, составляет значительное количество. Впрочем, это дело ваше, а не мое. В письме же вашем от 31-го генваря вы извещали меня, что на февраль у вас нет никаких припасов, ни даже дров. В полученном сейчас мною чрез нарочного, посланного вами от вчерашнего дня, вы подтверждаете, что у вас чаю нет, табаку нет, мяса нет, рыбы нет, муки пшеничной нет, муки ржаной нет, свечей нет, жена и сын в лохмотьях. Признаюсь, я опять не понимаю, почему у вас этого ничего нет, когда я для того послал вам деньги, чтоб вы могли все припасы закупить (исключая табаку, чаю и сахара)? Я именно просил вас не обременять меня закупкой для вас муки и прочего подобного, потому что я не имею никакой возможности вам этого доставлять. Я не понимаю, каким образом вам не

* Первая цифра оказалась оборванной.

** Помета А. Л. Кучевского: «Получено 18 февраля 1847 года вечером».

*** «из города» вписано поверх строки.

угодно нисколько войти в мои обстоятельства, а угодно заставлять меня делать именно то, от чего я прошу вас меня уволить? Сверх всего этого, я должен вам сказать, что если ста рублей асс. вам едва стало на муку, мясо и дрова на шесть недель, то я не нахожу себя в состоянии оказывать вам впредь вспоможения. Я сам лично не имею никакого имущества и то, что я уделю вам, я должен брать у жены моей и детей, и вы не одни, которые требуют моего вспоможения. У меня есть товарищи, с которыми я обязан делиться и которых я не могу оставить в нужде.

Вы пишете также, что жена и сын в лохмотьях; это я понял бы, если б не высылал им на одежду в течение прошедшего года.

Теперь я решительно не знаю, что могу для вас сделать. Все испытанные мною средства были без успеха, вас не удовлетворяли, а мне наводили неприятности. Сначала я поручил доставлять все нужное для продовольствия вашего крестьянину, пользующемуся общим уважением в волости; после нескольких месяцев он вынужден был просить меня уволить его от этой обязанности. После того я просил голову, вы остались недовольны. Потом, пока имел возможность, сам доставлял к вам, и, наконец, когда и эта возможность для меня прекратилась, я послал вам столько денег, что надеялся, что вы себя необходимым продовольствием обеспечите на несколько месяцев. И в этом ошибся. Денег я теперь не имею и долго еще иметь не буду. Если вы хотите их иметь, то можете написать к исправнику или даже к <...>* заседателю, чтоб он представил к выдаче вам вперед; генерал-губернатор часто разрешает таковую выдачу. Но ко мне прошу об этом не относиться, потому что я не могу говорить и просить вместо вас, я уже не раз приготавливал для вас средства, которыми вы не пользовались, а собою я не могу представить перед начальством ваше лицо. Вы сами это очень хорошо знаете, хотя поступаете, как будто бы этого не знали. Я с вашим посланным пишу к голове и прошу его снабдить вас 5-ю мешками ржаного и 1 мешком пшеничного запаса,** 2-мя саженьями дров и, если он может, некоторым количеством рыбы*** соленой.

* Одно слово неразб.

** Далее три слова вписаны поверх строки.

*** Далее слово вписано поверх строки.

Отсюда посылали 2 фу(нта) чаю, 6 фу(нтов) сахару, 2 фу(нта) табаку и 15 фу(нтов) рыбы свежей. Чаю, сахару и табаку и 30 св[ечей]* пришло еще к пасхе, а муки вам станет на два месяца, и если к тому времени получите деньги, то распорядитесь запастись оною, если же не получите (что я буду знать), то я сделаю подобно нынешнему распоряжение.

Письмо мое будет вам неприятно, но мне невозможно было сделать его инаковым. Прошу вас оставить его без ответа. Имею честь быть

ваш покорный слуга

Сергий Трубецкой.

92. И. Д. ЯКУШКИНУ

7 августа 1847

Давно я не писал к тебе, любезный мой Иван Дмитриевич, и мне скучно стало не получать от тебя писем и не беседовать самому с тобою. Довольно часто я делал это мысленно; вижу тебя в маленькой твоей и тесненькой квартире, занимающегося теми же предметами, которыми всегда любил заниматься, или выхожу за тобою с какою-нибудь благонамеренною целью, обедаю с тобой по четвергам у Матвея или захожу к кому-нибудь другому из наших, но везде и во всех случаях не для пустого препровождения времени, а везде какая-нибудь общеполезная и человеколюбивая мысль обладает умом моим. Иногда случалось мне и сживать с тобою в лихорадке, зуб с зубом не сходился и шубка не грела, но о лекарстве я предлагать не смел и даже не спрашивал, легче ли тебе? Я уверен, что ты этим поведением моим доволен остался. Вообще, когда я побываю с тобою, хотя несколько только минут, то это мне бывает не только приятно, но и полезно. Жена моя также давно к тебе не писала и у всех в долгу в Ялutorовске, собирается расплатиться отговевши. Надобно дать тебе маленький отчет о своем семействе за это время. Летом обыкновенно меньше занимаются тем, что приковывает к стулу, хочется воспользоваться вполне краткостью теплого годового времени, но нынешнее лето ограничило в этом

* Последнее слово восстановлено по смыслу, окончание его оборвано.

случае наши наслаждения. Более двух дней сряду мы не имели ясной и хорошей погоды, в первый еще раз, с тех пор как я в Сибири, видел такое постоянно дождливое лето; и температура вообще все была низка, на жар нельзя было жаловаться. Поэтому до сих пор еще хлеб не дозрел и крестьяне не могли вымолотить ржи новой на посев. Сашенька моя любит заниматься цветами, и у ней нынче есть, между прочим, и хорошие далии и прекрасные анютины глазки. Охота к цветоводству здесь распространяется. Муханов получил много прекрасных цветов, которые все почти хорошо дошли. Разного вида кактусы, глоксинии, камелии, туберозы, амариллисы только что принялись, а фуксии в полном цвету; у Сашеньки есть туберозы и лилии, но не цвели. Другие мои дочери перешли в следующие классы. Зиночка в своем маленьком классе получила между немногими похвальный лист, а Лизу нынешним годом некоторые перегнали так, что она не была в первых; это ее несколько огорчило и заставило ее и во время вакаций заниматься; отставать от отличных ей не хочется. Ваня у нас очень смешной мальчишка, и думаю, что он тебе понравился бы. Много болтает о науках и путешествиях, уверен, что он учится разным предметам и что некогда бывал в разных государствах. Твои сыновья хорошо кончили свои экзамены, чему мы очень порадовались, получив о том сведения от Н. Н. [Шереметевой]. Должен с тобой пока проститься, любезный мой Иван Дмитриевич, пора отсылать письмо, жму крепко твою руку и желаю тебе здоровья и всего доброго. Обними за меня Матвея и поклонись прочим нашим.

Твой Трубецкой.

93. А. Л. КУЧЕВСКОМУ

29 сентября 1847 *

Милостивый государь Александр Лукич!

Получив письмо ваше, я занялся отправкою вам потребных вещей и не имел достаточно времени отвечать на вопрос ваш о Артамоне Захаровиче. К общему нашему прискорбию, этот добрый человек окончил жизнь

* Помета А. Л. Кучевского: «Получено 23 октября, после полудня».

свою 5-го числа прошлого ноября после пятинедельных тягостных страданий, происшедших от сильного ушиба и излома двух ребер, повреждения лопатки, и все это от падения с изломавшихся дрожек. Он скончался на моих руках в полной памяти и [с] полным сознанием, ожидая нетерпеливо последней минуты; и во все время своей болезни утвердительно говорил, что она последняя и он более не встанет. Тело его положено в Большой Разводной возле А. П. Юшневского, с которым он последние годы жил рядом¹. Таким образом, ему не удалось исполнить своего намерения — посетить вас.

Недостатки, которые вы терпели последним летом, требуют с моей стороны некоторого объяснения. Не имея, как вам известно, возможность снабжать вас хлебом из города и не имея его в Оёке, где у меня остается только сторож для охранения дома, и имея только одного знакомого в Тугутуе, Шетинина, я было решился просить опять его снабжать вас, но ваш отец Иван, между тем, заехал ко мне и предложил мне доставлять вам хлеб, о чем я тогда к вам и писал и потом однажды заплатил ему за доставленное по вашей записке. Но с тех пор я отца Ивана более не видал и не ожидал, что он прекратил вам доставление, полагал только, что он не имел времени быть в городе, и все ожидал его приезда* для посылки вам чаю и проч[его]. С моей стороны это было упущение, которого я себе не прощаю. Теперь некоторые из ваших потребностей последней посылкой удовлетворены, как, напр[имер], белье, а прочее, что нужно, по возможности не в продолжительном времени доставлено будет; напишите, что нужно, а я доставлю, что могу. Только хлебом постарайтесь запасть, потому что я решительно его доставлять не могу.

Голова доставил мне ваше уведомление о получении посланных вещей и записку о термометре, который также будет доставлен, потому что скоро их привезут.

Имею честь быть ваш покорный слуга

С. Трубецкой.

* «приезда» вписано поверх строки.

Давно, добрый наш Иван Иванович, не видели мы вашего почерка; какой-то дух беспорядка поселился, видно, между нами и расстроил нашу переписку. Я с некоторого времени предпринял, сколько с моей стороны было возможно, построить все на прежний лад, удастся ли? Покажет время. После этого письма я уже не буду ни у кого в долгу в вашем городке, и если прочие не скоро соберутся писать, то надеюсь, что для вас эти сборы, по старой вашей привычке, не затруднительны. Я бы очень хотел, чтобы вы в первом вашем сказали мне, что знаете о Бригене. Я об нем более года ничего не знаю и хотя в течение этого времени писал к нему дважды, но ответа не получил. Из Тобольска продолжаем иметь по временам сведения. Петр Николаевич пишет редко, но довольно подробно, а Александр Михайлович чаще, но коротко. Знаем, что они живы и здоровы, и за это спасибо, что сообщают. Здесь между нами никаких перемен не последовало, все по-старому. Некоторое время край наш был без главных начальников; ныне возвратился гражданский губ[ернатор] и ожидают нового генерал-губ[ернатора], который недавно назначен¹. Он должен быть молодой еще человек, потому что в наше время неизвестен еще был на служебном поприще; а батюшку его Ник[олая] Назаро[вича]² Матвей Иванович знает. Жена моя вам и всем вашим посылает самый дружеский поклон. Она давно уже собирается ко всем вам писать, но она теперь с трудом может высидеть долго за письменным столом, и семейная переписка часто заставляет откладывать другие письма до следующей почты, от чего бывает иногда продолжительная задержка. Теперь мы с нетерпением ожидаем писем из Москвы; полагаем, что туда возвратилась Нонушка; вы, верно, знаете, что Софья Григорьевна скончалась в Риме, а муж ее возвратился в Россию, следовательно, все семейство их с ним же обратно приехало³. Если по этому предмету что будете знать вероятно, сообщите.

Простите, добрый мой Иван Иванович; я уверен, что прощаюсь с вами ненадолго. Облобызайте всех наших

* Помета И. И. Пущина: «Пол[учено] 16 ноября».

ДОЧЕРИ ТРУБЕЦКИХ
(слева направо): ЗИНАИДА, АЛЕКСАНДРА, ЕЛИЗАВЕТА
Акварель неизв. художника. 1840-е гг. ГИМ

друзей, а если не имеете этой страсти, то пожмите у всех и каждого руку.

Ваш всегда Трубецкой.

95. И. Д. ЯКУШКИНУ

22 октября 1847

Вчера получил я письмо твое от 20 сентября, любезный друг Иван Дмитриевич, и поспешаю о том уведомить, чтоб опять не случилось прежней долгой переделки в на-

шей переписке. Я очень рад, что мы с тобою еще не оправдываем утверждения ученых, и надеюсь не дожить до того, что[бы] подтвердить его собственным примером, если справедливо, что их наблюдения верны и основательны¹. Нам жаль очень бедного Евгения Петровича; и я ему сказал сегодня несколько слов участия, в котором он, конечно, с нашей стороны не сомневается². Я удовлетворил тем только собственной своей сердечной потребности. В его лета и не имея других детей потеря чувствительная. Он давно приучил себя к терпеливой покорности к воле божией, и я не удивляюсь, что теперь, когда время пришло, оказывает ее вполне.

О Басаргине ты сказал новость, которая нас не удивила, я не знаю почему, все у нас как-то ждали того. Нам сказывали, что он переведен в Омск, не знаю только, справедливо ли это³. О жене Свистунова мы уже много слышали похвал и очень рады за него иметь о том подтверждение⁴. Он также, бедный, лишился дитяти своего и как-то отчаялся иметь новое утешение. Его здоровье, кажется, не всегда бывает хорошо, он довольно часто на него жалуется. Я рад, что на этот счет имел о тебе добрые сведения. Давно не знаю, перестали ли ноги беспокоить Ивана Ивановича. Недавно имели известия о твоих детях и, полагаю, для тебя приятные, дай бог, чтоб все в них соответствовало всегда твоим желаниям. Нечего бы говорить, что это чувство мы равно разделяем с женою моею; помянул о том, собственно, только, чтоб сказать тебе о ней. Она давно собирается писать к тебе; но я уже говорил в других моих в вашу сторону письмах, что она теперь не в состоянии писать помногу, оттого и замедляет ответами. Я думаю, что для детей покойного Вильгельма очень хорошо будет у тетки, и потому рад за них⁵. Желал бы знать, что сделалось с другими его детьми, с теми, которых он прижил в бесплотных соединениях с жительницами Парнаса⁶.

Должен кончить внезапно, время уходит, и пора послать письмо. Обнимаю тебя, друг мой, и прошу то же сделать в отношении прочих друзей наших за меня.

Твой всегда Трубецкой.

Долг платежом красен, добрый и почтенный мой Иван Иванович, и потому приятные ваши листки не должны оставаться без скорого ответа¹. Вчера вечером я получил ваше письмо и сегодня поутру вас о том с благодарностью уведомляю; следовательно, медленности нет ни сколько. Начну, подобно вам, по порядку предметов. Первый есть спасибо за уведомление о Бригене; я думал, что он уже давно получил 14 класс, потому что в последнем письме своем он уведомлял о приказании представить². Со смерти Ив[ана] Сем[еновича] мы мало знаем о курганских или, справедливее сказать, вовсе ничего³, и потому я не мог разгадать ваших слов. От Матвея Ив[ановича] я действительно недавно получил большое письмо, в котором он уведомлял меня о болезни Ив[ана] Дм[итриевича], я порадовался, что она уже прошла, и по нынешнему вашему сужу, что он теперь совершенно здоров. Слава богу, а мы боялись, чтоб выздоровление не затянулось. Жена моя благодарит всех наших друзей за высказанные чрез вас желания. Уверена, что во все замечательные для нас дни вы всегда мысленно переноситесь к нам, что так же бывает и с нашей стороны, хотя и без дальнего проявления. Загадку, почему жена моя не может долго сидеть за письменным столом, я могу разрешить понятным для вас образом, который, вероятно, разрушит все деланные вами и Ив[аном] Дм[итриевичем] предположения. Просто она так стала толста, что наклонное положение ее тяготит. Вы знаете, что ни болезни, ни диета никогда не останавливали расположения ее тучнеть, к чему еще более способствовала слабость ног, воспрепятствующая уже со многих лет пешую прогулку. Доставленные вами сведения о Нонушке вовсе не лишние, мы знаем о ней только изредка, когда что-нибудь напишет Александр или благодетельная Над[ежда] Ник[олаевна]; о приезде же ее в Москву не знали, а только, что она должна туда возвратиться. Во время пребывания ее в Италии имели также иногда вести чрез сестру жены моей⁴. Дросиду Ив[ановну] благодарю за память, а на вопросы ее об Аннушке скажу, что она очень порядочно учится и вообще заслуживает от всех одобрение; бывшее в ней упрямство

* Помета И. И. Пущина: «Пол[учено] 16 ген[варя]».

с возрастом исчезло, и она теперь понимает, что для нее полезно. Она живет у начальницы Медведниковского заведения, а в свободное время берет ее на дом. Туда же ожидается и другая ее сестра, но за прекращением удобного сообщения еще не прибыла. Имеете доложить по принадлежности⁵. Я полагаю, что хотя вы и не совсем избавлены хлопот, но, вероятно, обязанности ваши облегчились со времени отъезда детей⁶. Об ответе Мих[аилу] Кар[ловичу] на письмо сестры я ничего сказать вам не могу, хотя знаю от него, что было писано к нему⁷. Вряд ли согласится он переменить место жительства, а переезд с семейством труден, для него особенно, и потому сомнительно, чтоб могло это устроиться.

Жена моя благодарит вас за рассказ о всех ваших; вы правы, что она не простила бы вам, если б вы об них умолчали. Сашенька также благодарит за приветствия, другим деточкам скажу, когда увижусь с ними. Лизаньку по лицу вы бы узнали, а ростом она почти с старшую сестру. Она и Зина очень хорошо учатся; по летам — младшие в классах, но всегда стоят почти по всем предметам в первых, особенно Зиночка не отстает от таких, которые пятью годами ее старше. Обе очень добронравны. Тезка ваш, думаю, также понравился бы вам; он не шумлив и не слишком резов, но довольно боек и все слышит, и все примечает. Страстный, так же, как Лиза была, охотник рисовать и все пишет портреты, по крайней мере, уверен в том. Слухи ваши о К[аролине] Кар[ловне] неверны, она покуда не думает. По делам В. нет ничего нового, все молчат⁸, с А. кончились бы очень хорошо, если б его должники заплатили свои долги, но будет ли это когда, бог знает, а между тем они в сторо[не]*, и укоризны падают на него⁹.

Вот вам подробный отчет на все ваши вопросы; более теперь писать место не дозволяет, и потому, пожав крепко вашу руку и чрез вас у всех друзей, пока прощаюсь с вами.

Ваш Трубецкой.

* На конце слова чернильная клякса, дописывается по смыслу.

Много времени ушло с тех пор, как я намерен был взять перо и побеседовать с тобою, мой любезный Иван Дмитриевич, хорошей причины на такую отсрочку я дать не могу, а вздорных извинений приносить не хочу и потому лучше о том помолчу. Вероятно, это более зависит от того, что я вообще пишу немного; обязанностей у меня по этой части нет, следовательно, пишу, когда вздумается, в дни отхода почты, по утрам. Когда у меня бывают занимательные для меня книги, то я их читаю именно в это время, до тех пор, как жена с дочерью встанут и позовут меня пить чай. После того уже поздно писать, потому что должны рано отсылать письма. В последнее время у меня было довольно такого рода чтения, а как это ныне не так часто случается, то я в такое время прилежно занимаюсь чтением. После чая займусь с дочерью или, когда есть у ней другое занятие, то и я занимаюсь чем-нибудь другим, или по хозяйству, или потребуются пойти со двора. Обедаю я всегда дома, исключая раза четыре в год у Ивана Сергеевича¹; по вторникам и четвергам вечером до 9-го часа мы у Каролины Карловны, а по воскресеньям отправляемся к ней ранее, обыкновенно пить чай, т. е. к 5 часам. У нее мы видим Лизу и Зину. Когда случается на неделе праздник, то он заменяет вторник или четверг, потому что тогда дети свободны и более могут быть с нами, нежели в будни. В дни рождения и именин домашних обыкновенно обедают у нас наши, кто тогда в городе, Каролина Кар[ловна] и две классные дамы их Института, которые любят наших детей, сестры Эк и Иван С[ергеевич] П[ерсин] с женою; случается также кто-нибудь из знакомых нам поляков; забыл еще назвать Richeig² с женою, которая прекрасная музыкантша и дает уроки моей Сашеньке; она, впрочем, бывает свободна только по табельным дням и иногда по вечерам, потому что имеет пансион и, кроме того, дает некоторым в городе уроки по фортепьяно. Сами мы по вечерам, кроме институтских дней, редко выезжаем, только в домовые праздники к Волконским, что для нас несколько тягостно, потому что в такие дни у них обыкновенно танцуют и продолжается долго, и потому если жена как-нибудь избавится, то я все-таки должен сидеть, потому что нельзя Сашеньку увести. Танцевать она только и имеет случай,

что там или на балах в собрании, которых бывает три или четыре в год и куда возит ее Каролина Карловна. Мне с женою случается и кроме того иногда запаздывать по вечерам, когда случится поехать к архиерею, что бывает раза два в иной месяц; его разговор так привлекателен и он так к нам ласков, что невольно у него засидишься. Вот я и не заметил, любезный мой Иван Дмитриевич, как я рассказал тебе во всей подробности весь наш образ жизни. Теперь летом у меня более телесной деятельности, потому что у нас большой сад и я с раннего утра им занимаюсь. Дальнейшее о нас может тебе сообщить подательница сего, она хорошая знакомая жены моей³. О новом нашем ген[ерал]-губ[ернаторе] я ничего не скажу, узнать можешь из того же источника. Он, кажется, именно таков, каковым вам показался. Жена моя не знаю, успеет ли писать к тебе и даже кому-нибудь из вас, она уехала прощаться с этой дамой; но это не мешает мне обнять тебя от всей души за нас обоих. Прости, друг мой, и будь здоров, дай бог тебе всего хорошего во всех, кого тылюбишь, и чтоб ты всегда мог радоваться детьми твоими.

Твой всегда Трубецкой.

[Приписка сбоку:] Хотел я еще писать к Оболенскому и если б успел, и ко всем вам, но теперь не уверен, дойдет ли и это письмо по его назначению, и напрасно писать не хочется, почему и прошу тебя обнять всех за меня.

98. Я. Д. КАЗИМИРСКОМУ¹

1-го января 1850

Примите наше поздравление вам и Александре Семеновне, добрый и многоуважаемый Яков Дмитриевич; верьте, что от души желаем вам всего, что может сделать жизнь вашу спокойною и приятною; и, разумеется, обоим вам лучшего здоровья и наслаждения вашей милой малюткой Сашенькой. Очень жалко, что не могу сам явиться обнять вас и поцеловать ручку Александре Семеновне. Но я чувствую надобность посидеть некоторое время дома и жена моя тоже с балу с простудою, а Лиза с флюсом. Худо начинаем год, но сколько помню, то всегда так бывало, а часто и хуже.

Ваш Трубецкой.

[На полях приписка:] Ник[олай] Ал[ексеевич] Панов
вас обоих поздравляет.

[На обороте следы сургучной печати и надпись:] Его
высокоблагородию Якову Дмитриевичу Казимирскому.

99. С. А. ПАНОВОЙ *1

Иркутск, 13 февраля 1850

Мадам, ваш шуриин сообщил вам о своей болезни. С этого момента она все время прогрессировала, и хотя он продолжал держаться на ногах, он худел и угасал на глазах. К несчастью, у нас не было никаких сомнений, что жизнь его не продлится долго. Действительно, прошедшего 14 января мы испытали горечь, закрыв глаза нашего замечательного друга². Это был чувствительный удар для всей нашей семьи, к которой он был так привязан. Он был за два дня до смерти в полном сознании. Он скончался без видимых страданий, окруженный моей женой и несколькими друзьями. Можно сказать, что не болезнь убила его, но что ему не хватило жизни. Я должен был раньше сообщить вам, мадам, об этом печальном событии, и я намеревался это сделать уже давно, но не мог найти вашего теперешнего адреса в бумагах моего покойного друга и узнал его только сегодня из письма от 7 января, которое вы адресовали г-ну губернатору и в котором вы послали нашему шуриину 260 руб. сер.

Мадам, ваш шуриин незадолго до своей смерти уже получил от вас немного денег. Он тут же употребил их на уплату некоторых долгов, но у него еще немного оставалось. Если вы будете так добры разрешить употребить те деньги, которые вы послали ему в последний раз и которые он не успел получить при жизни, также на уплату того, что он оставался еще должен, я надеюсь, употребив также те средства, которые он мне оставил, ликвидировать все долги, которые он мог здесь сделать. При всех случаях я исключаю долг за дом, который он купил у г-на Муравьева, живущего в Тобольске и имеющего от него вексель, о котором вы, возможно, знаете. Дом этот расположен верстах в 20 от города, и нужен счастливый случай, чтобы извлечь из него какую-либо пользу. Я вас прошу также, мадам, сообщить мне, кому

* Подлинник на франц. яз.

вы уплатили 300 руб. ассигн., о которых идет речь в вашем последнем письме, чтобы по ошибке я не уплатил второй раз те же деньги.

У вашего шурина была табакерка, которой он постоянно пользовался, с портретом покойного брата, я буду иметь честь, мадам, передать ее вам, так же как и другие портреты членов вашей семьи. Нежная забота, которую вы всегда проявляли по отношению к моему покойному другу, внушает мне чувство глубокого уважения к вам, мадам, и я прошу вас принять выражение его от вашего преданного слуги

Сергия Трубецкого.

100. Н. Д. ФОНВИЗИНОЙ *

Иркутск, 2 марта 1850

На ваше письмо моей жене отвечаю я, милая Наталья Дмитриевна¹. Она сейчас занята с дамами, недавно прибывшими, чтобы управлять Институтом², а ваш посланец пришел за ответом и не может ждать³. Я вам сообщу все, что знаю об особе, которая вас интересует⁴. Она прибыла сюда благополучно, насколько это возможно в ее ситуации. Состояние ее здоровья требует отдыха от восьми до десяти дней. Попросили г-на Персина навестить ее и дать ей советы относительно ее здоровья, что он и сделал сегодня утром. По внешнему виду больной казался в хорошем состоянии, но он жаловался на постоянную бессонницу, вследствие чего он употребляет опиум. Врач посоветовал ему прибегать к этому средству, только если бессонница отнимает у него слишком много сил; и он надеется, что сможет без него обойтись, так как, приехав сюда, он два раза спал, не обращаясь к этому средству. С ним и со всеми, кто был до него, обращаются очень хорошо⁵. Не хотят, чтобы мы их видели, но мы можем передавать им все, в чем они нуждаются. Наш славный друг полковник навещает их каждый день, и его общество им было очень приятно, тем более, когда узнали о его знакомстве с нами⁶. Моя жена читала ваше письмо к м-ль М.⁷, она говорила с ней о том, что вас интересует. Я также имел случай побеседовать с ней и в

* Подлинник на франц. яз., имя и отчество здесь и далее написаны по-русски.

заклучение могу сказать, что нет никакой нужды делать малейшее усилие, чтобы возбудить чувство у людей, которые имеют столько сердца. К несчастью, радиус действия не простирается до места, назначенного для пребывания. Тем не менее следует думать, что они будут все вместе. Пока есть новости только о двух первых прибывших. С ними обошлись хорошо, они провели два дня в обществе лиц, которые ими интересуются, а потом уехали на место, где мы должны были жить раньше и где мы имели одного усопшего⁸. Существует много причин, о которых я не могу говорить подробно и которые позволяют надеяться, что там им будет лучше, чем в каком-либо другом месте. Через несколько дней моя жена напишет вам с верной оказией и сообщит вам больше подробностей, тогда мы будем знать больше. Надеюсь, что время от времени мы будем получать от них известия, и в этом случае не преминем вам их сообщить.

Сейчас я вынужден проститься с вами, что и делаю, с уважением целую вашу руку и обнимаю от всего сердца дорогого Михайлу Александровича.

С. Т[рубецкой].

Простите непоследовательность моего письма, я очень спешил.

101. И. П. КОРНИЛОВУ¹

Иркутск, 7 июня 1850 *

Милостивый государь Иван Петрович!

Вы столько даете доказательств приятной для нас вашей о нас памяти, что я не могу удержаться от изъявления собственноручно нашей благодарности за сохранение вашего дружеского к нам расположения. Примите его как выражение искреннего чувства к вам людей, вполне оценивших доброту сердца вашего и благородство души вашей.

Мальчик мой очень был осчастливлен подарком вашим, которым он еще вполнину только может пользоваться. Жена моя поручает мне пожелать вам всего лучшего, а я прошу вас считать меня всегда истинно уважающим вас покорным слугою.

Сергий Трубецкой.

* На л. 1 помета И. П. Корнилова карандашом: «Сергей Петро-

Вы простите меня, если я еще не выполнил обещания, данного вам покойным Николаем Алексеевичем *, но оно будет исполнено вскоре².

[На обороте адрес:] Его высокоблагородию Ивану Петровичу Корнилову.

102. И. И. ПУЩИНУ

7 июня 1850 **

Посылаю вам, друг мой Иван Иванович, письмо, которое лежит у нас с февраля, но которое не иначе можно было отправить, как при полной уверенности, что оно будет вам доставлено верно тем самым лицом, которому *** поручено будет, потому оно и не было послано с К., боялись его пристрастия **** к произведениям отечественной промышленности, и, кажется, справедливо, потому что по отъезде его отсюда он был встречен в весьма нетрезвом виде и оправдывался тем, что выпил с горя, по давнему русскому обычаю¹. Вы также не упустите препроводить его по назначению чрез верные руки и объясните медленность его хода².

Мы имели вести от Штубендорфа, который видел всех в заводах, и от к[н.] Лобанова³, который видел Момбелли ***** , Львова и Григорьева. Последний совершенно уничтожен и телесно и нравственно, товарищи его избегли этого несчастья. Он, говорят, многого не помнит и делает иногда о себе вопросы, которые изумляют других. Вообще они трое в худшем против других положении. Перекрестов, начальник Кутоморанского завода, кажется, человек без души и без сердца и, сверх того, как слышно, и с правилами, которые вредят службе, и потому можно ожидать, что они скоро будут от него избавлены. Они ходят на работу и сами довольны тем, что она есть для них некоторым отвлечением и средством дышать воздухом. Двое, которых я не назвал, в Шилкинском заводе⁴, и там, говорят, человек благородный Габриель,

вич Трубецкой, один из декабристов».

* Сверх строки рукою Корнилова ошибочно помечено: «Му-хановым», следовало — «Пановым».

** Помета И. И. Пущина: «Трубецкой. Пол[учено] 1 июля».

*** В подлиннике: «которого».

**** В подлиннике: «пристрастию».

***** В подлиннике «Момбеля».

который на днях произведен в подполковники. Там здоровье нравственное П. поправилось, и он уже не заговаривается⁵. Сообщил вам подробно все, что знаю. Мне Муханов сказывал, будто слышал, что зять ваш говорил о некоторой надежде для них на облегчение⁶. Дай бог, иначе я боюсь, чтоб положение Григорьева на других не возымело влияния.

У нас все благополучно. О всем и о всех может любопытство ваше вполне удовлетворить Сергей Александрович⁷, который, вероятно, подарит вам несколько часов. Он не так торопится, чтоб не мог уделить вам малейшую часть своего времени, и потому я ограничусь просьбой обнять за нас всех друзей наших и пожму на прощание крепко вам руку.

Ваш Т[рубецкой].

103. И. С. ПЕРСИНУ

Иркутск, 10 мая 1851 г.

Д[орогой] д[руг].

Получив письмо ваше от 20 марта, почт[енный] И[ван] С[ергеевич], я не мог отвечать вам с тою же почтою, потому что на ответ оставалось только одно утро след[ующего] дня и потому должен был отложить до нынешней почты. Но жена моя поспешила вам тогда же отвечать и, как мне кажется, удовлетворительно на все вопросы ваши¹. Она очень понимает, что при отдаленности и неизвестности обстоятельств она не может ничего решать положительно, и притом, имея совершенное доверие к вашему уму и дружбе, не может не положиться во всем на вас и не быть уверенной, что все действия ваши вполне удовлетворят ее ожиданиям. Данные вам доверенности предоставляют вам действовать во всех случаях по собственному вашему усмотрению. В офиц[иальном] письме к г[рафу] Б[орху] от 16 марта жена моя говорит, что просит его обратиться к вам, ибо вы уполномочены от нее на разрешение всех вопросов, какие могут представиться². Если закон (как вы писали) и обязывает доверенного 10-летней ответственности пред доверителем, то вы знаете, что эта статья никак не может относиться к взаимным вашим отношениям и что жена моя всегда готова будет и законным образом обеспечить вас от такого рода

ответственности. Следовательно, ничто не должно затруднять вас действовать так, как вы будете полагать за лучшее. Если же вы нашли противоречие в том, что говорено было с вами пред отъездом вашим, с тем, что писано к вам в первых письмах, то в оправдание жены моей я должен высказать вам причины, побудившие ее тогда изменить свои первые намерения и о которых, причинах, она тогда же вам помянула, прибавив потом в письме своем к вам от 16 марта, что хотя она объявила свое мнение, но отстаивать его не будет и соглашается заранее на все то, что ни будет порешено в отношении ее. Поэтому мысли, ею изъявленные, могут быть приняты только как предположения, которые остаются в стороне, как скоро исполнение их признано вами для нее невыгодным или неудобным. Вот на чем был основан расчет: прочтя духовное завещание матушки³, она поняла, что по этому завещанию она лишена того, что было ей обещано при замужестве, т[о] е[сть] 1000 д[уш] и 100 т[ыс.], до выдела которых положен был ей ежегодный доход в 36 т[ыс.], который она и получала в течение первых пяти лет своего замужества, т[о] е[сть] до отъезда в Сибирь. След[ова-]тельно, на часть ее в этом предположении должно достаться не менее 2 т[ыс.] д[уш], которые продать можно не дороже как за 800 т[ыс.], а с тем, что может ей достаться по продаже движимости, вся часть ее будет не более как 1 м[лн] р.ас., или 40 т[ыс.] ежегодного дохода, т[о] е[сть] именно останется она в таком случае при том, что ныне получает. С другой стороны, граф, предлагая ей часть в заводе, писал, что доход с завода составляет несколько менее половины дохода всего оставшегося имения; а как завод производит 12 т[ыс.] п[удов] меди, проданной ныне за 360 т[ыс.], то, полагая 240 т[ыс.] расходов по заводу, остается чистого дохода 120 т[ыс.]; и потому доход с прочего недвиж[имого] им[ения] можно было полагать в 160 т[ыс.], а всего 280 т[ыс.] в год, из которого $\frac{1}{4}$ ч. составляет 70 т[ыс.]. Такая разность не могла не обратить внимания и заставила жену мою написать, что она желает получить недвиж[имое] им[ение] натурою. Тогда же и я обратился к вам с просьбою прислать нам ведомость о количестве недвиж[имых] им[ений] (или отчет) и доходов с них. Я полагал, что вы это мое требование поймете так, как я его понимал, т[о] е[сть] показание, сколько душ, в какой вотчине и каким обложены оброком. Такое сведе-

ние для нас вполне я почитал достаточным; но, видно *, я худо изъяснялся, в чем прошу меня простить, хотя и уверен, что это вы давно сделали. Прошедшее знать нам вовсе не нужно, а из хаоса произвести что-нибудь стройное может один бог. А что хаос истинно такой, каковым вы его описываете, этому мы оба без труда верим, зная, как дела и прежде делались, когда покойница была в полной силе и крепости тела и ума ⁴.

Впоследствии мне удалось убедить жену мою, что слова «не принимая в расчет тех частей, коими она были наделены каждая при выходе в замужество» могут быть поняты иначе, нежели она их понимала, и что если бы матушка исключала ее, то не написала бы «каждая», а сказала бы *«К описи, которая из них была наделена»* **, но одного этого толкования недостаточно бы было для ее убеждения (тем более, что я и сам не уверен, чтоб к этому нельзя было прицепиться). Но я обратил ее внимание на то, что сестры ей всегда писали и как они уверяли ее, что во всяком случае дети наши даже получили бы равную с ними часть и что даже если предположить, что матушка исключила ее, то невозможно никак полагать, что сестры захотели воспользоваться этим исключением для уменьшения доли, которая следовала бы ей по закону, если б не было духовной. Вот что происходило до письма жены моей к вам 16 марта. Это историческое изложение я почел нужным для того, чтоб дать вам ясно понять, почему жена моя решилась было все имение требовать натурою и почему она опять отступилась от этого мнения.

За то, что вы высказали свое мнение, вам большое спасибо, а что вы ничего не упустили, что может быть в пользу нашу, в том нет сомнения ⁵. Между тем, может быть, случится вам надобность знать, что жена моя получила в Сибири? Для этого надобно еще прибавить к этому длинному письму маленькую историческую статейку. В первые два года пребывания в Сибири жена моя не получила от матушки ничего, [18]28, [18]29 — по 6 т[ыс]. и несколько посылок, вино, провизию; в [18]30-м г. тоже наделены только 3 т[ыс]. Потом деньгами стала получать больше, также и посылками, по мере того, как число детей прибавлялось. Так что при переезде чрез

* В подлиннике: «вида».

** В подлиннике подчеркнуто.

Байкал в 1839 г.] на Иркутскую сторону — до 18 т[ыс]., а в последние годы, когда перестали посылать вина, — до 24 т[ыс]. В тот год, как жила у нас в Оёке Кар[олина] Кар[ловна]⁶, мы получили деньгами всего 5 т[ыс]., сверх того на проезд в [18]39-м г. — 8 т[ыс]., на постройку в Оёке — 25 т[ыс]. В последние 6 лет по счетам С[офьи] И[вановны] посылалось деньгами и посылками сверх 40 т[ыс]. Поэтому для сохранения нам дохода, какой до сих пор получали, независимо от равной части с прочими сестрами по наделении их при разделе, вы должны принять в расчет не одно получение нами деньгами 24 т[ыс]., но всю сумму, которая была назначена покойницей графиней на содержание жены моей и которая еще в тот год, когда г[рафиня] А. И. Коссаковская заведовала в отсутствие С[офьи] И[вановны] посылками к жене моей, равнялась по ее расчету 40 т[ыс]., что г[рафиня] К[оссаковская] и считала равным доходом с тем, который она и другие сестры получали. Если не принимать 40 т[ыс]., то во всяком случае должно рассчитывать на 36 т[ыс]. и эту сумму принять за основание. Если бы жена моя прожила в Р[оссии] те года, которые прожила в С[ибири], она получила бы в это время 300 т[ыс]. р. и более. В 1842 г. графиня обещала уплатить за жену мою долги, всего 27510 р. Из этой суммы было уплачено 16500, а 11010 остались неуплаченными, в чем есть и записка, писанная рукой гр[афини], которую вам на всякий случай посылаю. Уехавши в Сибирь, жена моя оставила у матушки сер[ебряный] туалет, золоченый и сер[ебряный] сервизы, бриллианты и жемчуг, и проч[ие] вещи, подаренные ей до того матушкой, за которые она обещала ей дать деньгами. Между тем у нас осталось в Петербурге до 40 т[ыс]. долга, на который для постепенной уплаты мы отделили в 1825 г. 12 т[ыс]., что сделано было на условии с матушкой и должно было производиться чрез нее.

Вот вам, д[орогой] д[руг] И[ван] С[ергеевич], целая история, которая, может быть, вовсе вам не нужна, чего от всего сердца желаю, но с которою, думал, не излишне вас познакомить на случай могущей случиться надобности. Я надеюсь, что она не представится и что сестры не будут входить в дробные расчеты, а будут стараться все кончить миролюбиво, и, конечно, мы уверены, что вы, со своей стороны, будете тому всеми силами содействовать.

Помогай вам бог во всем этом! Мы считаем, что нет ничего хуже, как семейное несогласие из видов корыстолюбия. Думаю, что в послед[ний] р[аз] обременяю вас таким долгим письмом о таком сухом предмете, и желаю сердечно, чтоб к июлю вы могли быть совершенно свободны и главные дела покончены; ибо нельзя ожидать, чтоб к этому времени движ[имое] могло быть продано, след[овательно], вам во всяком случае придется передать доверенность; продажа движимого может продлиться очень долго. Ведомости о числе душ в имениях не получили.

104. И. С. ПЕРСИНУ

[Иркутск, не ранее середины мая —
конец июля 1851 г.]¹

Полученное от вас, почт[енный] Ив[ан] С[ергеевич], третьего дня письмо очень нас огорчило², но оно нужно было. Необходимо знать отношения*. Я не отчаиваюсь, что жене моей удастся в этом случае, может, сколько-нибудь пособить.

Я не полагаю возможным, чтоб слова ее не подействовали в добрую сторону на Лебцельтерн. Не зная еще, в каком она расположении, жена моя написала к ней письмо, в котором изъявляет надежду, что дело по материальным интересам не в состоянии будет расстроить бывшее доселе согласие и потеря матери будет причиною еще крепчайшей дружеской связи между сестрами³.

Касательно предстоящего вам образа действий, жена моя пишет вам сама. Ее мысль, которую она уже изъяснила вам в письме своем от 7-го марта, есть получить все следующее ей недвижимое имение в натуре и не делая никакой уступки касательно ценности части, ей долженствующей достаться на долю. Исключение из этого может быть, то есть получить натурой, только в таком случае, если вы найдете для нее выгоднейшим за какую-нибудь часть из имеющего ей достаться целого получить вместо одной части деньгами и то только наличными. Счетов же денежных обстоятельства, в которых она находится, не позволяют ей иметь ни с которой из сестер, кроме гр[афини] Борх. Уступок, которые могли бы нанести ущерб, она делать не может, имея детей, и потому

* Далее зачеркнуто: «и тем более что я».

просит вас обратить ваше внимание на то, чтоб часть ее не была умалена в сравнении с другими частями. Важная к тому есть еще причина, о которой я писал к вам 16 февраля, говоря о завещании. Количество душ не может быть единственным основанием ценности имения, и потому я считаю, что раздел недвижимого будет очень затруднителен и может повести к многосложным препятствиям.

Вы имеете полную от жены моей доверенность и по ней действуйте во всех случаях «сообразно с волей матушки моей и моей, существующими законами». Вам известны все обстоятельства, которых мы, по отдаленности, знать не можем, и по той же причине вы не можете списываться с нами и тем задерживать окончание раздела, следовательно, вам одним и предстоит решать все по собственному вашему усмотрению. В доверенности же нашей к вам вы сомневаться не можете; она к вам полная как в отношении того, что все действия ваши будут водимы желанием явной для нас пользы, так и в отношении умения соблюсти ее. И потому действуйте смело по правам уполномоченного. И если найдете необходимым с кем из близких нам посоветоваться, то вы имеете графа и графиню Борх, которые, конечно, подадут вам только такой совет, которому они бы последовали, если б дело лично их касалось⁴.

Относительно движимого имения вы также имеете действовать по вашему личному усмотрению и решать, которое должно быть взято натурою, которое должно быть продано.

Картинной галереи, древностей, статуй и прочих подобных вещей рознить нельзя, остальное потеряет цену, и будет всем ущерб. Их надобно непременно продать тому покупщику, который более даст, а в разбор пускать нельзя. Об этом предмете писано уже к вам от 5 марта, в то же время как и гр[афу] Борху. Дом если б кто захотел взять, пусть выдает нам четвертую часть цены наличными деньгами. Во всех случаях, где которой из наследниц угодно будет удержать за собою что-либо из движимого имущества, вполне можно на то согласиться не иначе, как получив взамен в то же время причитающуюся часть стоимой цены наличными деньгами. Случаев всех предвидеть заранее невозможно, но вы имеете и право и средство действовать, как вы найдете за лучшее. Вам

предстоит сообразовать действия ваши с обстоятельствами, имея в виду, чтоб они были только сходны с законами.

Я наверное полагаю, что если даже и могут быть проданы картинная галерея и прочие древности и редкости во время вашего пребывания в Петербурге, в чем, однако ж, сомневаюсь, то, наверное, дом еще останется. Наследницы хотят не хотят, а должны будут дать доверенность на продажу его кому-либо одному. Мы, с своей стороны, никому лучше не можем этого доверить, как графу Борху⁵.

105. И. Д. ЯКУШКИНУ

26 июля 1851

Марья Казимировна спрашивала жену мою от твоего имени, любезный мой Иван Дмитриевич, получила ли она портрет Надежды Николаевны? Жена моя писала тогда же тебе о получении и благодарила, что ты прислал ей изображение этой добродетельной женщины, бывшей столько лет и нашим другом. Письмо по непредвиденному обстоятельству, от воли нашей не зависевшему, до тебя не дошло, и когда жена моя узнала о том, то и она и дети были больны. Так, новый ответ был на время отложен, а время затянулось. С сегодняшней почтой она хотела писать к тебе, но эти дни не довольно чувствовала себя здоровою и поручила мне объяснить тебе причину мнимого ее невнимания к оказанному тобою желанию сделать для нее приятное. Я, с своей стороны, состою у тебя также в мнимом долгу, т. е. будто бы я не отвечал на вопрос твой о согласии моем принять попечение о двух мальчиках, если они будут определены в здешнюю гимназию¹. Хотя я за себя так положительно ответить не смею, как за жену мою, потому что память моя не может равняться с ее памятью, но полагаю за верное, что ответ мой тебе на это был сходный твоему желанию. На всякой случай и теперь скажу, что постараюсь выполнить все, что нужно будет, а касательно средств надеюсь, что они будут. Жена моя хотела еще послать тебе письмо к Ив[ану] Сер[геевичу] Персину, которого также еще не написала и, вероятно, не пошлет, думает, что уже поздно будет. Хотя мы совсем ничего не знаем еще о выезде его из Пет[ер]бурга, но так как ему хотелось выехать в 1-й

половине нынешнего месяца, то в этом случае уже он проедет Ялutorовск прежде, нежели письмо дойдет туда. Мог ли он выехать в предположенное время, знать мы не можем, потому что не имеем сведения, чтоб дела были так близки к концу, а не кончивши, он не выедет². Заключая так, что все было приготовлено к окончанию, но не имеем известия о прибытии последней сестры (которую ожидали), а без ее согласия нельзя покончить³. Довершение меньшего значения обстоятельств, как-то: продажа дома, картин и проч., не требует присутствия П[ерсина] и может протянуться долго, но собственно раздел имущества недвижимого и денежные сделки не могут не быть скреплены его подписью. Поэтому мы никак не можем решить в уме нашем, когда П[ерсин] мог выехать, итак, когда тебе случится увидеться с ним при его проезде, то жена моя просит тебя сказать ему, как она была рада, узнав, что у него родился сын и что он и мать здоровы, и просит тебя поздравить за нее их обоих с новорожденным. Жена моя также ждет уже давно и не дождется Нат[альи] Дм[итриевны]⁴. Францов⁵ уверил ее, что она выехала в начале июня, а Ив[ан] Ив[анович] писал недавно, что хотела выехать только в июле, и этим распоряжением жена моя очень недовольна. Выехавши ранее, Нат[алья] Дм[итриевна] была бы уже здесь, а теперь они бы беседовали спокойно, приятно и без помехи, а выехав так поздно, она съедется здесь в одно время с Катериной Николаевной⁶ и лицами, ожидаемыми к нам [в] дом, и все это будет мешать заняться исключительно друг другом. Сейчас оторвали меня читать письмо от [Персина]. Он пишет от 23-го, надеется все покончить так, чтоб можно было выехать 15-го июля. Н[иколай] Н[иколаевич], должно быть, уже проехал вас, он должен был скоро после откланиваться⁷.

Прости, мой любезный, милый друг, будь здоров, от души обнимаю тебя и за себя и за жену мою, а дети, знакомые тебе, кланяются. Пожми руку Матвею и скажите мое почтение его жене.

Твой Т[рубецкой].

Иркутск. 23 февраля 1852

С тех пор как я знаю Ивана Петровича¹, приезд его всегда бывает для меня приятен вдвойне, потому что кроме удовольствия, доставляемого* нам его посещением, он всегда привезет нам весточку о дорогом нам Гавриле Степановиче.

Благодарю вас за приветствие с новым годом. Он действительно начался для нас счастливо, ибо по милости господней устроилась будущая судьба одной из дочерей наших и обещает ей счастливой жизни в новом ее быту². А так как при всяком радостном происшествии нужно, чтоб было хоть какое горе, то и нам предстояла разлука; и теперь дети наши все более удаляются от нас по пространному сибирскому пути. По нашему расчету, они вчера провели вечер с вами, и я буду ждать от них вести об вас.

Я часто подобно вам мыслю, что мы живем в переходной эпохе и что она должна кончиться новым образованием общественного мира, и что хотя нет ничего нового под солнцем и что человеческий род не способен к тому совершенствованию, о котором мечтают некоторые умы, все же каждый век, каждое великое событие оставляет за собою следы к лучшему. В краткой своей жизни человек не может заметить этих изменений, но история доказывает, как мне кажется, что человечество не обращается в границах одного определенного круга, но, может быть, идет хотя не прямою, но улитковую линию, отдаляясь по ней мало-помалу от начальной точки. Я думаю, вы правы, что в пророках можно найти предсказания и на наше время, может быть, и на все времена, которые еще предстоит существованию человеческого рода.

Не раз случалось мне беседовать о вас с Николаем Ник[олаевичем] и его супругой и с приятностью видеть их доброе к вам расположение³. Поручение ваше мне не трудно исполнить. Если когда расширится круг нашего движения, не сомневаюсь, что буду иметь счастье обнять вас. Не одни малолетние встретят вас радостно, старым друзьям еще отраднее будет эта встреча. Из молодежи Свербеева нет более здесь; он, вероятно, года на два или

* В подлиннике: «доставляемому».

на три в Якутске и умеет там не скучать⁴. Приятно видеть в молодых людях стремление на пользу. О Сергее Ивановиче могу сказать, что он каждый день делается милее⁵.

Статью вашу о Созоновиче я читал Петру Александровичу Муханову; он с Марьей Александровной были здесь его покровителями⁶. Теперь он определен экономом на заимку Вик. Фед. Базилевского близ Енисейска и на днях туда уехал⁷. С ним очень трудно было ладить. Человек этот хочет деятельности, худое состояние глаз ей препятствует. Он скучал и большею частию бредил путешествиями, которые в его положении могут иметь только бедственный конец. Петр Алек[сандрович] был в беспре-
станном страхе, чтоб он не привел в исполнение слов своих. Не знаю, что будет теперь, но он уехал, по-видимому, довольный своей судьбой. В переводе младшего его сына в здешнюю гимназию, как нам писали о том из Ялуторовска, Муханов видит потерю для него тех прав, которыми он теперь пользуется, поступив в Томскую до нового положения об определяющихся. А чтоб приткнуть куда Павла, нужно знать, что он такое? на что может быть способен? Какая степень его образованности? и тому подобное; и на этот предмет буду ожидать от вас сведения вместе с мнением вашим, что можем для него сделать. О Меркушеве⁸ обещаю вам позаботиться, хотя не имею больших средств действовать в том кругу, в котором он ищет, но надеюсь, что приятели и добрые люди помогут.

Лист исписал, пора кончать. Храни вас господь под сильным своим покровом. Это желание всех ваших друзей и в особенности жены моей и вам преданного

Трубецкого.

107. М. А. ФОНВИЗИНУ

Иркутск, 17 апреля 1852 *

Почтенный и любезный друг Михайла Александрович, после дружеского письма вашего от 12 генваря, в котором вы уведомляли нас, что просили разрешения приехать в наш край, мы узнали из официальных источников, что это разрешение вам дано; и, след[овательно],

* Помета М. А. Фонвизина: «С. Трубецкой».

имеем надежду обнять вас в течение нынешнего лета. Не могу вообразить себе этой минуты, когда обниму вас, драгоценный друг; как рада будет жена моя прижать к любящему своему сердцу дорогую свою Наталью Дмитриевну! Надеемся, что это будет скоро, потому что, вероятно, вы выедете, как только дорога летняя хорошо установится, что уже необходимо совершится чрез месяц. Будем ждать вашего уведомления о времени выезда по времени, к которому должно будет ожидать вас в Иркутске¹. Жалко, что вы не найдете у нас ваших крестниц: одна теперь уже в Петербурге, а другая в Кяхте². Я не успел уведомить вас еще о помолвке Сашеньки, а она уже и замужем. Как скоро она дала слово, то нужно было поспешить бракосочетанием, потому что Николаю Романовичу Ребиндеру³ необходимо было возвратиться к месту своего управления по льду, покрывающему Байкал, иначе должно бы было свадьбу отложить до лета, чего ни жених, ни невеста не хотели. 13-го, в воскресенье, после обедни они были обвенчаны и сейчас отобедали и уехали. Я расстался с ними на море, а о переходе их на ту сторону не имеем еще сведения, сегодня ожидаем от них записки. Она сама будет вам писать из места своего пребывания. В участии вашем и Натальи Дмитриевны в судьбе наших детей мы уверены, и потому мне приятно сказать вам, что в счастье Сашеньки мы не менее имеем надежды, как и в счастье Лизаньки. Н[иколай] Р[оманович] умел понять ее, и она также его. Они сошлись не с первого взгляда, но узнавши и оценивши друг друга. Может быть, вы с ними здесь и увидите, чему я был бы очень рад; мне очень хочется, чтоб вы узнали наших новых молодых. Прошу вас, добрейший Михайла Александрович, испросить им благорасположение тобольских друзей наших и просить их извинения, что ранее не уведомил, но, право, времени не достало на это. Поздравьте также от нас Анненковых; приятно было слышать все похвалы их зятю⁴.

Целую ручки Натальи Дмитриевны, а вас крепко обнимаю за жену мою и за себя. Душевно преданный вам
С. Трубецкой.

Е. И. ТРУБЕЦКАЯ
Дагерротип. 1850 г.
Публ. по: Эльброн, с. 138

108. А. С. РЕБИНДЕР

26 апреля 1852

Милый друг мой, Сашичка моя. С письма твоего от 17-го мы уже не видали более твоего почерка; слухов было довольно, но на слухи мало можно полагаться; последний был, что вас кто-то встретил, идущих пешком на гору между Ильинской и Половинной, а экипажи ваши тянулись шагом за вами¹. Во всяком случае вы уже несколько дней как должны быть в Кяхте, и мы с нетерпе-

нием ждем оттуда письма твоего. Оно с почтой не ранее может прийти как во вторник или среду, разве кто-нибудь еще, едущий прямо, утешит нас. Через Байкал еще ходят; слухи были, что разошелся, но вчера мы слышали, что еще ожидают по льду чаев, только отсюда обозы, как и прежде я писал, перестали ходить прямо. Поэтому все, что заготовлено у нас для пересылки к вам, остается в ожидании водяного сообщения: шесть кресел, хомуты, ковер Н[иколая] Р[омановича], который доставили нам для пересылки ему из дома Ник[олая] Ник[олаевича]².

Краски твои и бумага и если еще что найдется, все это ранее не может быть отправлено. Вчера я отыскал следы твоей мантильи, и сегодня я dokonчу следствие лично, чтобы не мешать полицию, которая было принялась за это дело прежде, и вышло только то, что оклеветали бедное семейство, которое ни в чем не имело участия; а выходит, что проказы все эти устроены знакомой у нас девушкой, которая брала работу, когда шила приданое для Лизаньки.

От Лизочки все еще ждем второго письма из Москвы; Лиза Урусова³ была в Петербурге и 10 марта поспешила по железной дороге, чтоб принять наших, только они этого ничего не знают, и я боюсь, что Чертковы⁴ переташат их к себе прежде, нежели Лиза Урусова узнает о их приезде. Они приехали 17 вечером и поутру 18 разослали свои письма, которых дорогой набралось много. В этот день хотели отдыхать, то есть не делать никому визитов, а ехать смотреть знаменитости Москвы. Мама находит, что они очень глупо распорядились. Да, я и забыл, кажется, маменька послала тебе Лизино письмо, стало быть, я напрасно рассказываю, что ты уже знаешь. Не знаю, дошли ли до тебя все наши письма. Последнее мое в ответ на твое и Н[иколая] Р[омановича] пошло, не знаю с кем, 23-го. Если увезший его не поедет далее Верхнеудинска, то там отдаст его на почту. 24-го писала маменька с Морозовым⁵, который поехал прямо в Кяхту, а вчера послано к тебе письмо от Дарьи Андреевны. Она все больна и не выезжает⁶.

Вчера я встретил свадьбу Успенской в сопровождении Тороповых и Поротовых, Агнии Васильевны, и заключала поход Марья Александровна с Амалией Иван[овной]⁷. М[ария] А[лександровна] с воскресенья по 23 вечером была все в большом движении; бал ее продолжался до

2-х часов и на другой день она совсем обессилела, а вчера опять вострепнулась для новой свадьбы.

Зина не рассказала тебе, кто был на свадьбе у Аннушки⁸. Для удовлетворения твоего я должен поправить это упущение. Петр Ал[ександрович] Мух[анов] был тысяцким, наш маленький Пет[р] Ал[ександрович] с Мокрежцким⁹ шафером * у жениха, а барон и Миша у невесты¹¹. Его благословляли я с Марьей Ник[олаевной], а ее — мама с отцом¹². Кроме Волк[онских] и Молч[ановых] и Марьи Ал[ександровны] присутствовали еще Какоев, Суровцев и Дросида Ив[ановна]¹³. В церкви был, сверх того, Солдатов¹⁴; другие попечители и учителя, которых Аннушка приглашала, не были. На обеде никто из этих у нас не был, а прибавились м-л Розен, Казакевич, Похвистнев, Кроль и еще другие¹⁵. Звал М. К.¹⁶, но не приехала. Никто предлагал себя ему в шаферы и очень недоволен был, что обошлись без него; Н[иколай] Романович угадает, кто? Молодые с отцом обедают сегодня у Волк[онских]. Она очень весела и, кажется, изрядно устраивается в домашнем быту, живут они, где жили Поджио на Арсенальной площ[ади]. Поджио не были на обеде; она** давно кашляет, а он возится со своей мельницей. К нам сегодня приезжает Я. Д.¹⁷ с семейством.

Может, в рассказе я что и упустил. Это оттого, что мне хочется больше знать о тебе, нежели рассказывать. Теперь самое скверное время для разлуки, так долго ждешь писем и все живешь одним ожиданием, что довольно тяжело. Упование на милость господню одно утешает.

Христос с тобою, мой милый ангел, благословение мое над вами обоими; обнимаю вас, крепко прижимаю к любящему сердцу,
отец твой.

* В этом месте авторская отсылка к приписке на полях: «Мама говорит, что я шаферов спутал: барон был гость, а Пфаффиус¹⁰ шафером».

** Далее зачеркнуто: «жестоко».

28 октября 1852 г.

Давно я не писал вам, дорогой друг. Все это время мы получали хорошие известия от наших общих детей¹. Только в своих последних письмах Лиза иногда писала нам, что она кончает письмо, потому что устала или потому, что у нее немного болит поясница. В письме от 11 сентября она пишет, что она совершенно спокойна насчет своего здоровья и что, по ее расчету, она перешла уже в восьмой месяц, так что в настоящий момент она уже близка к тому, чтобы произвести на свет новое существо, которое будет дорого нашим обоим семействам. Как я ни верю в милость провидения, все же временами меня мучит беспокойство, которое неизбежно будет длиться до тех пор, пока мы не узнаем о событии, а это может случиться в лучшем случае лишь через шесть недель². Ваня³, вероятно, присутствовал при рождении племянника или племянницы и, наверное, тоже напишет вам из Каменки. Судя по всему, он пробьет себе дорогу, и пробьет честно, заслугами и прилежанием; это должно доставлять большое удовольствие его родителям, и я от всей души поздравляю их. Вы как-то сказали мне, что Петр отказался от поездки в Петербург. Ни он, ни Лиза ни разу не писали нам об этом, и мы не знали, что была речь об этой поездке и каковы были причины, побудившие его к ней. Я рад, что он мог обойтись без нее. Как вам известно, наша старшая дочь провела с нами месяц. После ее возвращения ее муж заболел, и она провела три дня в большой тревоге за него. Благодаря бога ее здоровье не пострадало и ее состояние до сих пор не тяготит ее; она не перешла еще за половину. В те немногие дни, которые ее муж провел здесь, он был хорошо принят, и по виду все его поступки и его образ мыслей находили одобрение; между тем он уехал не совсем успокоенный. Он не очень рассчитывает на прочность чувств и неизменность убеждений. Он видел столь резкие перемены, что не может быть спокоен. Я лично думаю, что долго оставаться ему вблизи нас совершенно невозможно⁴. Он не такой человек, чтобы подчиняться произволу или жертвовать своими принципами; оттого ему очень трудно уживаться с людьми, с которыми ему приходится иметь дело, и особенно приспособляться к различным влияниям, которые так сильно действуют⁵. Особенно одно из них

внушает крайние подозрения, вопреки всем изъявлениям преданности и дружбы; но я думаю, что нельзя даже в малой мере полагаться на уверения человека, который имеет такое превратное понятие о чести, что считает свою неуязвимой, так как поставил ее под защиту власти⁶. По всем этим соображениям, мы должны предвидеть минуты, когда расстояние, отделяющее нас от наших двух дорогих дочерей, будет приблизительно одинаково, и заранее примириться с волею providения⁷. Здесь получено известие, что ваша племянница Елена Р. умерла в Риме, причем ни одна из ее сестер не успела приехать, чтобы принять ее последний вздох. Софья, говорят, безутешна⁸. Здесь эта смерть, по-видимому, не вызвала большой скорби. Были распределены дни, чтобы весело проводить вечера и заставить забыть перипетии мерзкой трехактной драмы, которую разыграли⁹. Не откажись, дорогой друг, поцеловать за меня руку вашей жены и обнять ее за мою жену. Последняя, разумеется, шлет вам всем сердечный привет, а я кланяюсь вашим барышням и обнимаю ваших младших детей и малютку. Да хранит вас всех господь в добром здравьи.

Душою ваш С. Т[рубецкой].

Я был рад узнать, что добрый полковник несколько успокоился, и надеюсь, что его девочка скоро совсем выздоровеет¹⁰. Пожмите ему сердечно руку за меня, также и Мих[аилу] Матвеевичу¹¹.

110. М. А. ФОНВИЗИНУ

[Иркутск], 28 декабря [18]52

Пользуюсь случаем пожелать вам доброго здоровья и всего хорошего при наступлении нового года, почтеннейший мой Михайла Александрович и Наталья Дмитриевна. Давно мы не имеем о вас известия и соскучились неведением. Бывало, Петр Николаевич сообщал нам о вас, но теперь уже давно не писал он к жене моей, и мы ничего ровно не знаем ни о ком из вас, исключая того, что наши ялutorовские друзья уведомляют нас, что вы провожали до них брата вашего¹. Как радостно было вам с ним увидеться, так и грустно было расставаться. Какие после имели вы о нем известия, мы не слыхали. Смерть Ст[епана] Мих[айловича]² уменьшила ваш круг, мы о нем тоже поплакали.

Я встретил праздник нехорошо; жена моя четыре уже дня лежит в постеле; слава богу, что опасности нет, надеюсь, что не сегодня, то завтра встанет. От дочерей имеем приятные известия. Лизанька родила нам 31 октября внука Василия, а Сашенька собирается последовать ее примеру. Мать хочет съездить к ней в будущем месяце и, может быть, привезет ее с собой; если же нет, то останется при ней до родов, которых ожидает в марте. Для нас приятнее бы было иметь ее в это время в нашем доме, и они хоть на это поддаются, но еще не совсем решили. Удерживает их то, что не уверены, можно ли будет мужу на это время отлучиться. Дай бог, чтобы она так же счастливо родила, как Лизанька. Вы знаете, что Давыдовы ждут своего сына Васю, он должен был с Кавказа приехать в Москву к 15 ноября и тотчас отправиться в Сибирь, может быть, теперь он уже с ними. Они очень счастливы пребыванием с ними старших дочерей, которым похвалы мы слышим от всех приезжающих³. Дав вам краткий отчет о нашем семействе, закончу молитвою, чтоб господь бог сохранил вас под своим всемогущим и всеблагим покровом.

Целую ручку Наталии Дмитриевны, а вашу жму от всего сердца.

Всегда преданный вам душою Трубецкой.

111. А. С. РЕБИНДЕР

31 января [18]53

Ты получишь это, милая моя Сашичка, в день твоего рождения¹. Я было надеялся прежде провести этот день с вами, но вышло не так, что ж делать. Бывает не так, как хочешь, а как бог велит. Поэтому должен удовольствоваться тем, что мысленно обниму тебя в этот день и в молитве моей выскажу все мои тебе желания. Уповаю, что господь услышит меня и наделит тебя тем благоденствием, которого ты, друг мой, заслуживаешь.

Мы с мамой не можем не вспомнить, какой для нас блаженный день был день твоего рождения. Почти десять лет мы тебя ожидали и утешены были твоим появлением в такое время, когда утешение это для борьбы с судьбою нас тяготевшею*. Во всяком положении рож-

* Так в подлиннике.

дение твое было бы для нас радостно, но в это время оно было благодеянием господним. И всю твою жизнь ты, милый ангел наш, оправдала свое назначение, была и есть утешением и радостью твоих родителей.

Господь вознаградит тебя такими же наслаждениями, какие мы до сих пор чрез тебя имели. Этому я твердо верю, и вера моя в милосердие божие никогда меня не обманывала. Не пугайся моих похвал, ты знаешь, что я на них не расточителен, но бывают же минуты, когда выскажется все, что есть на сердце, и избыток чувств должен излиться словами. Обнимаю тебя, милая дочь моя, и мужа твоего и нежно вас обоих целую, храни вас господь. Поздравляю Н[иколая] Р[омановича] с днем рождения Сашеньки, прошу его поцеловать за меня Наденьку, засвидетельствовать мое почтение М. Ф. и м-ль L, пожать руку барону и Зеновичу².

Три дня все ждем напрасно Миштовта и с ним писем от вас.

112. А. С. РЕБИНДЕР

29 июня, 11 ч. вечера [1853 г.]

Как сердце болит, милая, дорогая моя Сашенька, когда думаю о тебе, а сегодня ты ни на минуту из головы моей не выходила. Между больным мужем и больным ребенком, одна, в деревне, без помощи может быть, без прислуги, которая могла бы быть сколько-нибудь полезно! Как бы хотел быть в это тяжелое для тебя время с тобою, помочь тебе и если не утешить, то облегчить твоё положение. Какое счастье еще, что вы живы остались¹. Как будем ожидать известия от вас! Ланин уверяет, что Ловицкий надеется, что все будет хорошо и что теперь должны вы быть в Чите². Он нас успокоил несколько рассказом, что Запольский³, как скоро узнал от него в Верхнеудинске о приключении, тотчас дал предписание, чтоб другой лекарь ехал в Читу и принял гошпиталь от Ловицкого, а этот был бы при Николае Ром[ановиче]. Нельзя не быть благодарну ему за такое внимание; и присутствие врача должно было сколько-нибудь успокоить тебя в отношении обоих дорогих тебе предметов. Буду ожидать от тебя подробностей, и самых мелких, о ходе болезни и того и другого и о тебе самой, милый друг мой. Ты также зашибла ногу, но в котором

месте, и которую, и как — не пишешь. Падение не сделало ли тебе другого какого вреда? Продолжает ли чувствовать боль Н[иколай] Р[оманович] или уже нет? Сережа спокоен ли? Все эти вопросы беспрестанно представляются, и на них ответ может быть в первом письме, которое получим; но вряд ли в том, которое повезет первая почта; а до второй долго ждать; разве какой попутчик привезет от тебя письмо свежее, но и попутчики редки, а между тем все будем в тревоге. Ланин говорит, что нога была вывихнута в двух местах: в колене и выше, но что не успела нога слишком опухнуть до приезда лекаря, так что боль не была так сильна при выправке, как должна бы быть при большей опухоли. Он говорит, что ты просила, чтоб приехал Ступак, но он был в отсутствии и достать его нельзя было. Я надеюсь, что Л[овицкий] исполнил свое дело не хуже его и что мы скоро от вас узнаем, что Н[иколай] Р[оманович] уже на ногах. Дай бог, чтоб ты теперь спокойна была насчет обоих твоих больных и для самой тебя не было бы никаких худых последствий. Очень тяжело ждать долго вестей, но помочь этому нечем. Ты, бедная, тоже оставалась долго без слуха о нас. Сейчас по переезде чрез Байкал писано было к тебе, и Безносовых⁴ обещал с отъезжающим переслать в Верхнеудинск, чтоб там письмо положить на почту. Это очень легко было сделать потому, что в тот же день прибыли к пароходу Венцель⁵, Кроль и другие, которые все поехали на Верхнеудинск или могли туда переслать на почту с последней станции. Не понимаю, как он так худо устроил, тогда как мы надеялись, что приняты самые лучшие меры, чтоб вы скоро получили известие.

У нас все здоровы. Мама даже теперь с Зиной, Машей и Ваней на бале у М. А.⁶ и хотела пораньше приехать, чтобы не слишком устать и быть в состоянии писать сама*. Не знаю, удастся ли ей? А я решительно положил не ехать, хоть и будет, может быть, маленькая за это ссора. Но мысли совсем не так настроены, чтоб быть на празднике. Почта сегодня пришла, но мы ее еще не получили и не знаем ни о Лизе, ни что нового в Петербурге. А здесь новое то, что Занадворова увезли третьего дня в Омск, где назначен военный суд⁷, к которому командированы Огарев и Сабир, оба, кажется, флигель-адъютанты, и обер-аудитор из Петербурга. На днях

уедет Штубендорф и Свербеев к своим родным, а сюда ожидают новые лица. Я думаю, теперь у вас барон, он писал мне, что выедет 25-го.

Обнимаю вас, милые, дорогие мои, и жду и буду ждать с нетерпением от вас вести. Христос с вами.

[На полях приписка:] У нас весь день и теперь идет сильный дождь, как у вас?

113. Н. А. БЕСТУЖЕВУ

3 августа [18]53 г.

Подача этого листка укажет вам, добрый друг мой Николай Александрович, что ожидаемых нами вместе с вами путешественников еще 25 ч[исла] я нашел не тронувшихся с места. Очень жаль, что не проведем вместе несколько часов; в замену того имею удовольствие чрез них поговорить с вами и сказать, как отрадно на душе воспоминание проведенных дней между вами¹. Бог знает, случится ли, и когда, иметь опять это удовольствие. Оно было долгое время неожиданно, потом открылся путь, а что будет впереди, одному богу известно. Как бы то ни было, чувства наши, как уверен, с обеих сторон не изменятся. Елена Александровна желала знать судьбу малютки Ольги², прежде всего спешу успокоить ее на этот счет. Маленькую я нашел в нашем доме, девочка скромная, тихая, поразила меня этими качествами и неимоверною спосю бледностию. Она, кажется, не скучает. Не принята была в Институт потому, что в формуляре отца значится, что он был отставлен по какому-то очень неважному делу. Вам об ней может сказать податель³, потому что она вчера была у его дочки в гостях. Другой вопрос Е[лены] А[лександровны] был — что она осталась должна за вставку и перстень; ответ: ничего.

Доехали мы благополучно, только средю просидели у моря, противная погода препятствовала пуститься в путь; вечером погрузились и в четверг, в полдень ровно, были в Посольском, где я нашел всех своих, ожидавших меня; с ними вместе доехал домой. Все вам и всем вашим посылают самые нежные поклоны.

Новостей ни здешних, ни европейских вам не сообщая; узнаете, что захотите, от ваших гостей, из которых словоохотливый наш белоусый товарищ⁴ не откажется передать вам, что знает. Я нашел дома письма от Пуци-

на, Бригена и Горбачевского, а также и ваше от 2-го июля. Первый дает известие о М[ихайле] А[лександровиче], Н[аталье] Д[митриевне]⁵. Они поселились в Марьи-не, где жил брат и которое остается за ними. Он много говорит мне о Машеньке Ивашевой, от которой получил письмо, в котором она уведомляет его, что решилась отказать жениху, которому дала было слово, убедившись из переписки с ним, что она полюбить его не может⁶. Все его российское семейство здорово, а Вас[илия] Карл[овича] они изготавились проводить совсем чрез несколько дней⁷. Для старика Штейнгейля приятно мне было услышать от молодого лицеянина, что один из его сыновей служит при Лицее и чрезвычайно там любим всеми, так что известие, что он будет там инспектором, возбудило общую радость⁸. По поручению вашему насчет Кельберга⁹ не успел еще ничего сделать, но не замедляю и не замедляю потом уведомить вас о последствиях.

Простите, милый друг, будьте здоровы, обнимаю вас и Мих[аила] Ал[ександровича] и свидетельствую почтение всем вашим дамам, включая и К. П.¹⁰ Во всю дорогу мы насыщались из мешочка Елены Александровны.

Ваш Трубецкой.

[На том же листе сбоку приписка:] М-me Antoine * сделала на моих приятное впечатление¹¹. Жалели только, что время знакомства так было коротко.

114. Г. С. БАТЕНЬКОВУ

14-го мая [18]54

Давно, очень давно лежит у меня письмо ваше, дорогой мой Гаврила Степанович, без ответа. Так давно я не писал к вам, что страшно стало самому, когда счея прошедшее время, протекшее без отголоска с моей стороны на дружеские ваши речи. Утешаться могу лишь вашим словом, что в чувстве не было ни застоя, ни перерыва. Сойдясь с добрыми приятелями, общими знакомыми, вспоминаем вас. Многих из них вы теперь увидите, переселяются от нас и оставят между нами незаменимую пустоту. Жаль с ними расставаться. Первый выезжает наш бывший преосвященный, которого благорасположением мы имели счастье пользоваться почти 15 лет¹.

* Госпожа Антуан (франц.).

Он оставляет в сердцах наших по себе драгоценную память. С новым ознакомились мы вашим именем, он милостиво нас принял, но более сказать еще ничего не могу. Марья Александровна уедет после всех, с нею вы будете говорить и о нас и о ваших институтках². Оне ее, конечно, не забудут. Во время ее управления жена моя часто имела случай их видеть, и не мудрено, что оне ее полюбили, для них достаточно ласкового слова и малейшего оказанного внимания, чтоб тронуть их нежные сердца. Теперь новый порядок, новые отношения и нет тех же средств. Добрый друг наш Яков Дмитриевич скажет вам, что дела наши обделались удовлетворительно и нет для нас причины пока помышлять о Томске, который приходил на ум потому, что служит местом вашего пребывания. Иван Петрович³ пожмет вам за меня руку.

Вы знаете, что мне не посчастливилось познакомиться с Калюсфеною Философною, она была здесь так коротко, и притом нездорова, что и Всеволода Алексеевича мне удалось поймать только на минуту⁴. Надеюсь скоро иметь удовольствие получить вознаграждение за прежнее лишение. Персин уехал на лето разведывать свой прииск на Олекминской системе, жена его с двумя здоровыми мальчиками в городе. О Бечасном расспросите Якова [Дмитриевича]. Он нисколько не изменился, точно таков же, как вы его знали, лета на него мало действуют, нисколько зубов и волос менее, за то вознагражден брюшком, и все тут⁵. Волконские думают опять скоро расстаться с дочерью, состояние ее мужа таково, что требует продолжительного пользования водами и благоухающим воздухом. Оне ждут с нетерпением отставки, чтоб иметь возможность двинуться отсюда. Они, верно, у вас будут; а моя дочь, конечно, еще не скоро воспользуется вашим приглашением, как ни желала бы увидеться с нами; но кроме далекого пути — физическая невозможность. В следующем месяце ожидает разрешения, первый сын ее полуторагодовой. Год они жили очень уединенно в деревне за Киевом, потом переехали в Крым и прошедшую зиму пережили в Симферополе; не знаю, там ли еще или возвратились в прежнее уединение, ей не хотелось, но муж думает, что военные обстоятельства побудят к переезду заблаговременно⁶. Она сообщала нам о успехах нашего оружия на суше и на море⁷. Каковы-то они будут в предстоящие летние месяцы? Ждем с нетер-

пением вести о последствиях перехода через Дунай⁸. Помоги-нашим бог! Без высшей помощи трудно будет справиться со всеми силами, нам грозящими. В нашем краю свой Восточный вопрос также завязывается, а разрешится, подобно Европейскому, не скоро⁹; лето пройдет, пока узнаешь о Н[иколае] Н[иколаевиче]. В течение будущей зимы я полагаю, что вы познакомитесь с другою моею дочерью; муж ее надеялся оставить Кяхту еще прошлою зимою, но служебные обстоятельства не выпустили, а на следующую, кажется, препятствия не будет. Временно или навсегда, бог весть. В последнем случае нам грустно будет, но, может, им к добру. Она провела в сем году с нами месяц, а мы думаем другой с нею провести. Она в том же положении, как и сестра ее, и нам в это время хочется быть с нею. Прощайте, добрый друг, но ненадолго, с Марьей Александровной получите еще листок. Жена моя желает вам от души всего доброго и в особенности здоровья. Христос с вами.

115. И. И. ПУЩИНУ

24 мая [18]54, [Иркутск] *

Нельзя отпустить подателя¹, не дав ему к вам несколько строк, между тем я уверен, что они до вас не скоро дойдут. Он вам расскажет более о всем, что вы желаете или можете желать знать, нежели я могу написать, поэтому мой листок будет короткий. Жаль нам расстаться с Я[ковом] Д[митриевичем], этим добрым другом, который всегда и во всех случаях доказывает нам неизменную дружбу. Если бог даст жизни, то надеюсь с ним кое-когда видаться, но уже на короткое время, а не так уже, как было в последние годы. Дай бог ему видеть свою дочку в зрелом возрасте, она все его утешение, а здоровье ее не очень твердое, прошлое лето она долго больна была, бог милостив и избавит его от таких беспокойств, каким он был подвержен. При свидании обнимите его за меня; вы и сами рады будете его увидеть. Дай бог, чтобы во всем для него было по его желанию.

Сегодня получили мы письмо от Сашеньки; они переехали на Усть-Керан близ Чикоя, речка, которая в эту реку впадает. В Кяхте было уже слишком душно. Много

* Помета И. И. Пущина: «Пол[учено]. 9 августа».

пишет о своем малютке Сережке, который теперь уже ходит. Заимка их в 30 верстах от Кяхты, это нехорошо тем, что к родам она должна будет, вероятно, переехать опять в город, но ближе нет удобных мест для жительства летом. Отъезжая на Амур, Ник[олай] Ник[олаевич] заезжал к ним на три дня, купцы приняли его хорошо и дали ему денег на экспедицию; был обед, пили здоровье, кричали ура! Все проделки, как водится. Останавливался он у Реб[индеров], проезжался торжественно по торговой слободе с большим конвоем, вероятно, *roug ep imposeur aux chinois** и, может быть, для того, что на другой день приехал ургинский амбань²; ген[ерал]-губ[ернатор] его не дождался. Второй раз в течение года приезжает амбань в Маймачен³, прежде владетельный, а ныне товарищ его манджурский. Они никогда прежде не доезжали до Маймачена, а заргучей⁴ выезжал к ним навстречу за 12 верст. Первый имел продолжительное свидание с Н[иколаем] Р[омановичем], последний обменялся только поклонами через посланцев и подарками. Ген[ерал]-губ[ернатор] с градоначальником расстались в хороших отношениях, бывшие недоумения объяснились, признано, что в чем не соглашались, то не из упрямства или личных видов, а из сведений, полученных изучением местных требований. Необходимо было одному воспользоваться познаниями другого, пускаясь в предприятия, сопряженные с личною ответственностью⁵. Писавши это, я вспомнил, что у вас читаются письма громогласно. Я надеюсь, что при этом не бывает посторонних, а только своя семья, иногда я бываю нескромен, и тогда лишнее ухо некстати. Сказавши это, я продолжаю нескромничать. Мы расстались со всеми признаками наилучшего расположения, с такими ли встретимся опять? Как бы то ни было, но виденного для нас довольно. Чрез ваш город недавно проехал Похвистнев, он хочет на Кавказ, или, лучше сказать, в Азиатскую армию. Пред отъездом приехал к нам проститься и сделал вопрос: может ли он надеяться, что он не оставит в нас по себе дурной памяти и что мы не разделяем мысли, что он выдумал к нам поручение? Повторил, что он просил быть избавленным поручения, и получил в ответ: «*ne vous genez pas, dites tout ce que je vous ai dit*»** и кончил тем, что жестоко

* Чтобы этим внушить почтение китайцам (франц.).

** Не стесняйтесь, рассказывайте все, что я вам сказал (франц.).

с ним поступлено. Не знаю, заезжал ли к вам, разве С[ергей] Г[ригорьевич] поручил. Я этому передал ваше поручение. Простите, однако, пора положить перо; еду сейчас провести последний вечер с Я[ковом] Д[митриевичем], а завтра проводим его до монастыря¹. Жена моя поручает вам сказать все, что может быть для вас приятного. Ваня целует Аннушку. Будьте здоровы. Сегодня получил письмо от Свистунова, также от Лизаньки. Она иногда спрашивает о вас и прочих друзьях в ваших местах.

116. А. С. РЕБИНДЕР *

7 июня [18]54

Сегодня утром к нам заходил Обухов** и сказал, что вечером уезжает; пять минут спустя <...>*** Бринкен принес мне письмо Николая, в котором было вложено другое письмо для отправки с деньгами в Москву, что я сразу же исполнил сегодняшней почтой¹. Мама только что отправила А[нну] Ф[ранцевну] в лавки, чтобы закупить полотно по твоей просьбе, дорогая девочка, что касается обуви для Сережи, я постараюсь, чтобы Жан закупил хорошую партию², которую мы привезем с собой и, может быть, часть я отправлю с оказией, чтобы он не остался босиком. Вас, должно быть, удивил неожиданный визит к вам; я не мог предупредить вас о нем раньше, так как ничего не знал; эта мысль возникла у дам внезапно, я писал вам, как мы об этом узнали в день, назначенный для их отъезда³. Мы отправили тебе все Лизины письма, которые недавно получили. Я думаю, что она уже давно в Каменке. Досадно, что обстоятельства вынудили их уехать из Саблов как раз тогда, когда Пьер рассчитывал заняться их эксплуатацией. Я не уверен в том, что пребывание большого количества войск в этой местности не окажется губительным в отношении доходов, которые они смогут получать с их земли. В чем можно быть уверенным, так это в том, что Лиза будет совершенно спокойна именно тогда, когда она будет в этом нуждаться, да хранит ее бог, а также ребенка, ко-

* Подлинник на франц. яз.

** Здесь и ниже имена собственные написаны по-русски.

*** Далее одно слово не поддается прочтению.

СЕМЬЯ РЕБИНДЕРОВ (СЛЕВА НАПРАВО):
АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВНА, НИКОЛАЙ РОМАНОВИЧ,
НАДЕЖДА НИКОЛАЕВНА

Публ. впервые по фотографии из фонда Ребиндеров (ЦГИА,
ф. 1657, оп. 1, д. 202, л. 1)

торого она должна произвести на свет. Такова сейчас наша постоянная молитва за вас, и я верю в божескую милость и очень надеюсь, что наши молитвы будут услышаны не потому, что я заслужил это, ибо у меня нет никаких заслуг перед богом, а потому, что я глубоко верю в его безграничное милосердие, чему мы получили слишком много доказательств, чтобы не рассчитывать на это. Я думаю, что мама послала тебе также последнее письмо от твоей тетушки. Из него ты узнаешь, что у них сейчас поспокойнее. Прекрасная защита Одессы убедила их в том, что вражескому флоту пришлось бы преодолеть значи-

тельные трудности, если бы он смог разбить Кронштадт, которым обязательно нужно завладеть, чтобы приблизиться к Пет[ерб]ургу⁴. Несмотря на все бахвальство, которым были перед этим заполнены газеты, кажется, что английские моряки считают посягательство на Кронштадт если не невозможным, то, по крайней мере, компрометирующим для их морских сил, которые после поражения могут быть захвачены с тыла нашей Свеаборгской эскадрой. Каких бы успехов мы ни добились, эта война большое бедствие; она дорого обойдется миру из-за крови, которая будет пролита, а также из-за денег, которые она будет стоить.

Я и не заметил, как написал целое письмо о проблемах, которые тебя совсем не интересуют, но ум слишком занят тем, что происходит в России, чтобы мысли не <...>* при случае, даже в самый интимный разговор.

Надо оставить немного места маме, она днем очень устала, так как написала письмо Лизе.

Итак, я кончаю, моя дорогая Саша, целую и обнимаю от всего сердца тебя, а также твоего мужа и твоего малыша. Да хранит вас бог в добром здравии.

117. Н. А. БЕСТУЖЕВУ

Иркутск, 1 сентября 1854

Как мне жаль было, мой милый Николай Александрович, что я должен был обмануть вас и проехать Селенгинск, не выдавшись с вами. Бог знает, удастся ли когда быть опять в вашей стороне. Я никак не думал выезжать из Кяхты, и письма жены моей уговаривали меня остаться еще там; она поручила писать ко мне, что не ранее ожидает меня, как 20-го августа. Между тем сама она писать ко мне не могла, хотя и утверждали, что это единственно оттого, что она не может сидеть и должна лежать на одном боку; две недели уже мучил ее в то время нарыв, который все образовывался и распространялся и был на таком месте, что я считал его опасным. Если б при том ответ Персина мог быть успокоительным, то я, может быть, и выполнил бы пожелание жены моей, но, напротив того, он писал мне очень коротко, что присутствие мое будет лучше всех лекарств и чтоб я приезжал

* Одно слово не поддается прочтению.

скорее. Получив такое письмо, я тотчас собрался в путь и до встречи с Волконским ехал в большом беспокойстве. Их встретил недалеко от Кабанского, и они уже успокоили меня известием, что нарыв прорвался и жене моей лучше. Так все предположения мои расстроились; я намерен был не только еще пожить в Кяхте, но и предполагал с зятем прогуляться в окрестностях; располагали вместе съездить на Чикой, к Буттоцу¹, в Петровский завод и к вам, что не помешало бы остановиться еще у вас на сутки с Зиночкой. Жену я нашел вне предполагаемой мною опасности, но очень похудевшую и слабую; с приездом моим она начала поправляться и призналась, что, хотя и поручила писать, чтоб я еще оставался у Сашеньки, но очень рада была, что я воротился. До сих [пор] еще она все не может оправиться, с мая месяца одерживает ее кашель, с которым, наконец, Ив[ан] Серг[еевич] надеется окончательно расправиться. Третьего дня мы толковали с женой и с ним о вас; он очень жаловался, что давно вы к нему не пишете, что два письма его остались без ответа, чему он очень удивляется и тоскует, потому что очень любит вас. Я положил в уме это вам передать. Сегодня ровно месяц, что я уехал из Кяхты, а вы в этот день уехали на покос. Медик ваш², который привез письмо от Елены Александровны к Зиночке и на которое она сегодня не успела отвечать, выразил мне опасения, чтобы вы не простудились на покосе, потому что вы там педете жизнь уже не по летам вашим, подвергаясь непогоде и проводя ночь в шалашах. Скажите, удачно ли кончилась ваша операция и вдоволь ли вы поставили сена? На нашей стороне много его унесло разливом рек. На пути из вашего края я, как уже сказал, с удовольствием встретился с В[олконски]ми, потому что узнал, что жена моя жива и ей лучше, и еще очень был доволен, увидев к-ню Софью Григорьевну, с которой в последний раз виделся в Пелле³, куда она выехала на прощанье с братом, как и жена моя со мной, в то время, когда нас помчали в Сибирь. Она неутомимая путешественница, что при ее летах редко случается подобно сохранить деятельность и здоровье. Я помню, что некоторое время писали о последнем, как о весьма ослабевшем, но теперь этого сказать нельзя. Она даже на днях чуть не отправилась с Нелинкой и с своей компаньонкой на Хамар-Дабан⁴. Очень счастлива, что уговорили не ехать.

Сверх верховой езды, которой она, как говорит, не боится, хоть предстояла она на братских лошадях и братских седлах, эти дамы должны были две ночи ночевать в пустых юртах, имея в карауле двух мужиков с ружьем на случай появления медведя; и последний день должны были в холодной юрте лечь спать голодные. Это можно вынести в двадцать с небольшим лет, а для 69-ти слишком много. Ей очень у вас понравилось во многих отношениях, и хозяевами и хозяйками она была очень довольна. Я не очень понимаю, как она усидит здесь до весны, а это необходимо, потому что зимой она не может ходить. Присутствие ее [Сергею] [Пригорьевичу] очень приятно, и он, конечно, рад, что она так долго пробудет; но для женщины, привыкшей к большому свету и разнообразию, не представляется никаких развлечений в столице нашего отдаленного края. Нелинька с мужем собирается ехать в воскресенье в Россию в надежде где-нибудь пользоваться своего больного. Дитя она оставляет у бабушки⁵. Вы, может быть, уже слышали, что к нам приехал Якушкин⁶. Здоровье его очень расстроилось было, и даже незадолго до его отъезда из Ялutorовска думали, что он не в силах будет предпринять путь; и действительно, его почти на руках положили в тарантас. Дорога ему благоприятствовала; сюда он приехал гораздо здоровее, нежели выехал, сам под конец мог входить в экипаж и выходить. Первые дни он здесь даже кутил, то есть выезжал каждый день к обеду и возвращался домой только на ночь. Теперь засел дома и начинает лечение. [Церсин] предписал ему черемшу. Ему очень бы хотелось побывать в Кяхте и у вас, но теперь он не в состоянии этого выполнить. С ним его старший сын, который определен чиновником особ[ых] пор[учений] к г[енерал]-г[убернатору]. У него в Ялutorовске был и меньший, имел поручение в Западной Сибири, которое дозволило ему пребывание у отца при разъездах от одного города до другого⁷. Ив[ан] Дм[итриевич] прожил неделю в Томске, что очень было отрадно Батенькову. Я[кушкин] привез известие о новой убыли нашего полка, и я недавно получил того подтверждение от Тютчева: Николай Крюков умер 30 июля после шестидневной горячки⁸. Тютчев же пишет о себе, что он стар, хил и нищ, имеет четверых детей⁹; в этом отношении все наши союзники не отстали один от другого; у всех семейства, что некото-

рых, между тем и покойного, заставило пожениться как пришлось.

Что вам сказать еще любопытного? В нашем кругу других происшествий не было; а в здешнем политическом мире нет ничего, кроме ожиданий возвращения главного начальника страны¹⁰. О совершенной им благополучно экспедиции вы, вероятно, что-нибудь да знаете. Напр[имер], что до устья знаменитого в летописях сибирских Амура он доплыл благополучно, без больших приключений. Единственные, какие были,—рассеяние флота между островов, которых в реке много, выдерживание бури и потопление без ущерба в людях нескольких лодок от сильной бури на широком пространстве русла на слиянии Амура с другою большою же рекою Сунгари.

Ад[мирала] Путятина нашел он уже на Татарском берегу с малой его эскадрой, к которой ожидали подкрепления¹¹. Надеяться должно, что посланные к нему фрегаты «Аврора» и «Диана» соединятся с ним благополучно, хотя английский адмирал Стирлинг и послал приказание, соединив все корабли англо-индийского флота, к которым должны присоединиться и другие английские и французские суда в этих морях, идти на поиски их; англичане до того страшатся присутствия нашей эскадры в этих морях, что укрепили Сидней, Гонг-Конг от нападения ее. В последних даже иностранных газетах говорят, что, вероятно, если Стирлинг не встретит наших в море, то пойдет искать их к Камчатке*, в чем, однако же, я сомневаюсь. Газеты вы сами читаете и знаете, что огромные соединенные флоты ничего еще важного не предпринимали; ныне все грозят высадкой на Аланд и в Крыму.

Заболтался я с вами, милый друг, второй листок дописал, и надобно отнестись письма тому, от кого вы его получите¹². В заключение обниму вас и Мих[аила] Ал[ександровича], а сестрицам прошу отдать мое почтение и от всего моего семейства. Господь с вами.

Т[рубецкой].

[Поперек листа приписка:] Сейчас был П[ерсин], который сказал мне, что от него был сегодня Кольберг и отдал ему письмо от вас, на которое он послал очень милый ответ, то есть поручил ему разругать вас на чем

* На Камчатке.

свет стоит, как может приискать хуже, за то, что полтора года ждал этого ответа.

118. Г. С. БАТЕНЬКОВУ

Иркутск, 6 сентября [18]54

Вот и еще случай сказать вам два слова и благодарить за последнее полученное от вас письмо, чего еще не было случая исполнить. Вы, конечно, будете очень рады видеть хорошую знакомую и доброе существо, но вместе с тем пожалеете и о причине, доставляющей вам это удовольствие¹.

Вы говорили, что вы давно ждете моих: дал бы бог, чтоб они были у вас, тогда и я имел бы полную надежду обнять их. Но может ли это когда сбыться, бог весть; сколько препятствий, которые все, конечно, происходят от расстояния. Недавно родилась у них дочь Катерина, а сын Василий уже ходит. Война выгнала их из Крыма, и они опять в Киевской губернии, где живут не столь уединенно, как в первый раз, потому что есть в двух местах соседи и в том числе Софья Николаевна, которую вы знаете².

С Иваном Дмитриевичем мы много толковали о вас. Он вами не нарадуется и меня порадовал, описав вас бодрым и здоровым. Он приехал сюда крепче, нежели был у вас, но ноги все болят; лечится черемшой пока, от которой Иван Сергеевич ожидает для него большой пользы. Знаете ли вы, что у Ив[ана] Сер[геевича] ныне еще сын другой, десятимесячный? Да, я вам тоже не сказал, что у меня в Кяхте новый внук, только еще полуторамесячный³. Если оттуда будет путь, то, конечно, вас не минуют, дочь моя очень желает с вами познакомиться, а муж ее имел это удовольствие, ехавши сюда, и слишком его помнит, чтоб не воспользоваться случаем⁴.

Жена моя поручает мне передать вам, что она все с тем же дружеским расположением к вам остается. Она у меня все лето прохворала и теперь еще в заключении. Все семейство ждет с нетерпением, чтоб она поправилась.

О Бечасном могу вам сказать, что он жив и здоров, и деятельность его не истощается.

В заключение пожелаю вам всего того, что может служить к вашему спокойствию и возможной приятности

жизни, и до времени расстанусь с вами, пожав вам от души руку.

Забыл вам сказать, что я несколько ознакомился с нашим, бывшим вашим, преосвященным. Его много занимают отечественные нынешние обстоятельства, и он в восторге от наших кавказских войн.

Прощайте еще раз, Гаврила Степанович, не смею сказать до свиданья, но кто знает? Не думал когда-либо обнять Ив[ана] Дм[итриевича], и вот он здесь, может, когда и вы заглянете; меня же к себе не ждите, разве даст бог сыну моему свезти когда к вам от меня поклон—и это еще не верно, как и ничего нет верного, исключая того, что бог устраивает нашу судьбу по своему благому соизволению. Христос с вами.

119. И. И. ПУЩИНУ

Кяхта, 8 ноября [18]54 *

Вы, конечно, знаете все, Иван Иванович! Знаете, почему я в Кяхте. Вам, верно, все писано и допол[н]ится светлейшими и другими рассказами¹. Мне горько писать подробности, вы в этом мне сочувствуете и простите, что я не распространяюсь. Сашу мы остановили на пути и воротили домой. О нашей жизни здесь получите также отчет, услышите рассказы человека, с которым знакомство нам было очень приятно². Много беседовали и о вас. Это было отраднo. Если б участие могло уменьшить скорбь, то, конечно, я был в этом удовлетворен совершенно. Не говорю о близких и друзьях, оно было оказано знакомыми и даже незнакомыми. Одно только лицо удивило меня своею холодностью³. Но во всем должно быть исключение.

Я давно не получал от вас, давно и к вам не писал; дурных вещей сообщать не хотелось, ожидал сказать что-нибудь доброе. Не тут-то было. Провидение определило иначе, покаяюсь со слезами, но без ропота и с благодарностию за тридцатитрехлетнее благоденствие. Не ** могло оно быть вечно, или я или она, должен был кто-нибудь из нас выпить эту скорбную чашу. Она молилась, чтоб она ее миновала, и бог услышал ее молитву.

* Помета И. И. Пущина «Пол[учено] 22 декабря».

** Далее зачеркнуто: «может».

После моего отъезда радость посетила семейство Викторовича, мы разделили ее вполне⁴. Все было благополучно несколько дней после счастливого происшествия. Далее не знаем, но желаем и надеемся, что все будет продолжаться хорошо.

Пожмите руки добрым друзьям, они простят мне, что не пользуюсь хорошим случаем писать к каждому из них особо; в теперешнюю минуту это слишком для меня тяжело. Будьте здоровы, спокойны, и да будет все по желаниям вашим.

Все мои детушки вас от души приветствуют.

120. Г. С. БАТЕНЬКОВУ

Кяхта, 8 ноября [18]54

В другой раз не удастся мне сойтись с вашими знакомыми¹. Надеюсь, это ненадолго. Байкал покроется, и я опять в Иркутске. Мне лучше будет с теми, кто сами любят уединение. Душа моя не может быть настроена на веселый лад. В. А.², невзирая на краткость времени, успел оказать участие в моем горе, и я не могу остаться к этому нечувствительным. Вы, по сердечному вашему расположению, наделите меня полным вашим сочувствием, я это знаю и мысленно пожимаю вам руку с душевною признательностью.

Много я потерял. Ко всему испытанному пришлось испытать и потерю самого искреннего и неизменного друга, дышавшего единственно для того, чтоб усеять путь жизни моей радостью или утешением. Для нее не было ничего трудного, ничего невозможного, когда она в том видела какое-нибудь добро для меня. Таковую была с самого начала и таковую осталась до конца. Друзьям была так же верна, как и мне, и отстаивала их, не обращая внимания на последствия для себя. Предпринятую цель жизни она следовала не обиняясь*. О ней всегда могу сказать, что она, взявшись за дело, не зрела вспять**.

Излиянием чувств моей грусти о незабвенной спутнице моей жизни вы не оскорбитесь, достойный мой Гаврила Степанович. Как не высказать их тому, кого душев-

* Без колебаний (церковнослав.).

** Не оглядываясь назад (церковнослав.).

но уважаю и к которому оплакиваемый мною друг питал равные со мной чувства.

С. Т[рубецкой].

121. П. А. ГОРБУНОВУ¹

Кяхта, 24 ноября 1854

М[илостивый] г[осударь] Петр Александрович.

Для доказательства прав детей моих на открывшееся им наследство имею надобность в свидетельствах о браке старших дочерей моих Александры Ребиндер и Елизаветы Давыдовой. Также в свидетельствах о крещении дочери моей девицы Зинаиды и сына Ивана, прошу вас покорно потребовать оные из Иркутской духовной консистории*; в получении оных за меня расписаться и представить их, куда вам от меня указано будет². Во всем, что вы по сему учините, я вам верю и препятствовать не буду.

С совершенным почтением имею честь быть, м[илостивый] г[осударь], в[аш] п[окорный] с[луга].

122. Н. Д. СВЕРБЕЕВУ

Кяхта, 6 декабря [18]54

Благодарю вас, Николай Дмитриевич, за ваше письмо и за присылку конверта, что, вероятно, не в последний раз, потому что К[онстанция] Ю[лиановна], конечно, к вам прибегнет при первом случае. Я ее просил об иллюстрации, когда там будут рисунки по случаю Крымской экспедиции, и я ожидаю, что в первых номерах будут планы и рисунки¹. Нас тоже порадовали действия кн. Меншикова, но мы тогда только можем остаться спокойными, когда будем знать, что его усилили до того, что он в состоянии будет взять живьем тот корпус, который осмелился сделать дерзость вступить в наши границы. До сих пор к[н.] Меншиков был все еще не в равных силах с неприятелем, и если он не может быть более подкреплен, как идущим к нему форсированным маршем 4-м корпусом, то все еще он будет в меньших силах, особен-

* Далее зачеркнуто: «или от кого надлежать будет и, получив за меня».

но если и неприятель получит со своей стороны подкрепление².

Нельзя похвалить предусмотрительность наших распорядителей, которые не умели поставить сильной обороны в таком важном пункте, каков Севастополь и на который грызли зубы так давно не только одни журналы, но и министры неприятельские в парламентских своих речах. Не восходя далее, я почитаю хваленого к[н.] Долгорукова за весьма плохого министра военного и не имею никакой веры, что последующие распоряжения военные будут благоразумны. Ничего великого не ожидаю от нынешних главнокомандующих нашими армиями³. Очень рад, что в Иркутске нет сплетней, может быть, от этого монотоннее, но и спокойнее, а спокойствием не должно пренебрегать⁴.

Здесь разнесся слух, что арт[иллерийский] полк[овник] Краузе найден повешенным близ Малой Разводной.

Я очень рад за Сергея Григорьевича, что он насладится долею присутствием своей сестры. Не дивлюсь, если М[ария] Н[иколаевна] ослабела еще здоровьем, мне казалось, что такое неожиданное несчастье сильно ее поразило⁵.

От Марьи Алек[сандровны] Зиночка получила письмо, а в сердечном участии Гаврилы Степановича я не сомневался⁶.

Странно, что шуточные предсказания Хитрову, что его возьмут в плен англичане, сбылись. Я не верил по первым слухам, потому что Хитров, Мищенко и Филиппеус отправились вместе на транспорте «Иртыш», которым командовал Чихачев⁷. Тем более нечего желать для них, как то, чтоб их кругосветное путешествие было им приятно. Вероятно, нечего ожидать возвращения их в Восточную Сибирь.

Все мои благодарят вас за память, а я прошу вас передать от меня поклон и все лучшие пожелания Анне Федоровне и Бернгарду Васильевичу⁸. Надеюсь, что они и дети их здоровы.

Вам тоже желаю здоровья и всего хорошего.

Т[рубейкой].

123. НЕИЗВЕСТНОМУ ЛИЦУ

[Иркутск, зима 1854 г.]¹

Вызов Н. Бестужева ни по чему и кому сделался* (сколько я знаю), как по просьбе Я. Д. Казимирского, который очень желает его видеть, и уверен, что Н[иколай] А[лександрович] охотно воспользуется случаем побывать в Иркутске. Когда я узнал, что к нему написано, то изъяснил сомнение, чтоб он приехал один, полагал, что приедет, но будет искать попутчика, потому что средства его ныне ограничены; мне не поверили, отвечали, что прогоны всего стоять будут 15-ть** и, сверх того, что исправник Беклемишев позаботится о доставлении его сюда. Н[иколай] Н[иколаевич], вероятно, полагал, что и Бестужев сам желает быть здесь, и распорядился так, чтоб к тому не было никакой остановки. Возвращаю письмо Б.² Надеюсь, что вы отогрелись и не будете более чувствовать боли.

Ваш всегда Трубецкой.

124. Г. С. БАТЕНЬКОВУ

Иркутск, 16 января 1855

Два слова, почтеннейший друг! Примите детей моих¹. Примите дочь мою, как бы приняли мать ее, если б бог привел ее в вашу обитель. Но она предпочла горнюю² и оттуда будет радоваться*** радушному и дружескому приему, который вы окажете милому ей дитяте.

Недостает время более говорить с вами. Ограничиваюсь сердечным пожатием руки вашей.

С. Трубецкой.

[На обороте:] Гавриле Степановичу Батенькову в Томске.

125. И. И. ПУЩИНУ

16 января 1855****

Хотел бы побеседовать особо с каждым из вас, друзья мои, но и для совокупной беседы время слишком корот-

* Так в подлиннике.

** Не сказано, чего; скорее всего, рублей.

*** Далее зачеркнуто: «вашему».

**** Помета И. И. Пущина: «Пол[учено] 1 февраля».

ко. Изустные разговоры с милой моей Сашей заменят вам вполне все, что я мог бы вам писать. Я уверен, что она между вами будет как в собственной семье. Двух из вас она знает лично, а третьего не менее понаслышке¹, и ей между вами не может быть дико. Она привыкла с ма[ло]летства вас любить и уважать.

Обнимаю вас, друзей моих.

С. Трубецкой.

[На обороте:] Ивану Ивановичу Пушкину с друзьями в Ялуторовске.

126. З. И. ЛЕБЦЕЛЬТЕРН *

Иркутск, 25 февраля 1855

Дорогая Зинаида, я мог бы раньше ответить на твое письмо, но оно так меня взволновало, что понадобилось время, чтобы прийти в себя и спокойно тебе написать¹. Ты верно почувствовала, милый друг, все, что я пережил. Ты щедро воздала должное своей сестре, все это так, все это она заслужила. Твое письмо полно такой нежной и неизменной дружбы, которую не властно разрушить ни время, ни расстояние и которая и поныне осталась столь же пылкой, столь же горячей, какой была во времена нашей юности. Как выразить тебе все, что я почувствовал при чтении твоего письма? Достаточно сказать, что я плакал над ним, как ребенок. Твоя сестра платила тебе такой же любовью. Как оплакивала она твоего мужа! Как горевала она, узнав о смерти твоей внучки! Невозможно передать тебе, до какой степени она привязана была к тебе и Софи², так же как и к вашим семьям. Ты спрашиваешь, вспоминала ли она о вас в последние свои минуты? Она всегда о тебе помнила, часто говорила о вас и во время своей болезни, но последнее имя, которое она произнесла, было имя ее младшей дочери, той, что носит твое имя и чья судьба в связи с некоторыми обстоятельствами, быть может известными тебе из писем к Софи, занимала ее в тот момент более всего³. Она спокойно покинула сей мир, склонившись ко мне на грудь, так, что я даже не заметил последнего ее вздоха. Болезнь возникла давно. Здоровье сильно пошатнулось с тех пор, как она выдала замуж дочерей. Несмотря на

* Оригинал на франц. яз.

то что она желала их замужества и знала, что они счастливы, разлука с ними была ей очень тяжела. Не без основания можно сказать, что клинок разрушил ножны, ибо тело ее не было достаточно сильным, чтобы безнаказанно переносить движения ее души. После отъезда Ливы она стала худеть, потом ночами стала появляться испарина, ревматические боли в лопатках, сухой кашель после прошлой весны, который с большим трудом удалось привести к отхаркиванию и который свидетельствовал о поражении легких, наконец, желудок, который всегда был хорошим, ослабел до такой степени, что она вынуждена была отказаться есть постную пищу во время великого поста и постных дней. Кашель усилился, когда она готовилась к своему последнему причастию перед праздником св. Петра; к несчастью, тогда погода была очень влажная и холодная; однако она начала поправляться, она все время надеялась, что сможет поехать на роды к своей старшей дочери. Так как здоровье полностью не поправилось, она должна была отказаться от этого, к своему большому огорчению. Во время моего отсутствия образовался огромный нарыв, который больше двух недель мешал ей сидеть; этот нарыв ее очень ослабил, но не уничтожил зуд, от которого она страдала уже более двух лет и который часто ее беспокоил. Несмотря на все ее страдания, которые она скрывала от меня как могла, все ее мысли были с дочерью, и она беспрестанно закликала меня остаться с ней до ее полного выздоровления. Я не смог сделать этого, печальные предчувствия меня мучили, я вернулся; к моей великой радости, я нашел ее почти оправившейся, она начала на глазах поправляться, на моих по крайней мере. Надежда снова овладела моим сердцем, особенно когда приехал наш зять, когда она совсем успокоилась относительно состояния своей дочери и отказалась от ее предложения тотчас приехать из-за трудностей дороги и потребовала, чтобы предлагаемое путешествие было отложено до зимы. В день его отъезда она была такой, какой я не видел ее уже давно, и я совершенно не ожидал, что нам придется так скоро перейти к тревоге за ее жизнь. Ночью у нее начались судороги желудка, причина которых является для меня загадкой. 24 часа подряд мы все и она сама думали, что она умрет, однако она оправилась. Остальное вам известно. Когда я думаю обо всем этом, я не знаю, во власти

какого ослепления я находился, я перестал надеяться только в последнюю ночь.

Чтобы исполнить твое желание, моя милая, моя добрая сестра, я сообщил тебе все подробности, которые ты могла бы пожелать узнать, может быть, даже слишком, ибо они могут лишь опечалить и ничего не могут изменить. Ты не знала всей доброты ее сердца, ты не могла знать, до какой степени развились все христианские добродетели в этой душе, такой чистой, такой преданной.

Да будет святая господня воля. Он определил все не согласно с нашими желаниями, но согласно своему предвидению. Он захотел избавить ее от горестей этой жизни и перенести в лучший мир, чтобы насладиться небесным блаженством. Я верю, что ей хорошо там, где она теперь находится; убежден, что именно она была нашим ангелом-хранителем в одном недавнем обстоятельстве, когда всей семье угрожала неминуемая опасность⁴. Мне ее недостает, но я о ней не плачу; я верю, что душа ее все время с нами, как и мои мысли постоянно с ней, и я буду продолжать жить без жалоб до тех пор, пока господь в своей мудрости сочтет это нужным, ибо убежден, что он не допустит, чтоб я без пользы прозябал в этом мире, когда уже не пужен стану никому из моих близких. Я признателен тебе, дорогая Зинаида, за предложение сделать что-нибудь для меня. Но о чем могу я просить тебя? О дружбе к моим детям? Я уверен, что ты и без того ее им уже подарила. Давай мне время от времени знать о себе, о твоей дочери⁵ — вот о чем прошу тебя сейчас, что ж до будущего, то оно в руках божьих. Что касается состояния моих детей, здесь я рассчитываю на своего деверя⁶, он все устроит все так, как хотела моя жена, в этом я уверен. Софи так любит моих детей, что я не мог бы желать большего, и не откажется при случае быть им полезной. Мне остается, следовательно, благодарить бога за то, что он дал моим детям столь добрых и достойных родных. Мой долг теперь — воспитывать младшую дочь, пока она со мной, и продолжать развивать задатки тех хороших качеств, которыми провидение одарило моего сына. Он еще молод, ему нет и 12-ти лет, а я совсем не рассчитываю прожить так долго, чтобы успеть завершить его воспитание, но я спокоен за его участь, ибо уверен, что среди родных, которые принимают в нас такое участие, у него не будет недо-

статка в покровителях. Я прощаюсь с тобой, миллион раз целую твои руки и прошу передать нежный привет твоей дочери, которая, я уверен в этом, принимает живое участие в нашем горе.

[Трубецкой.]

127. Г. С. БАТЕНЬКОВУ

Иркутск, 26 февраля 1855

В нескольких письмах, полученных от вас, Гаврила Степанович, и оставшихся без ответа от меня, я читал с сердечною признательностью выражения живейшего участия, которое вы приняли в моем горе и последствиях его на остаточное течение моей жизни. Сердце ваше вполне поняло все, что я потерял, но оно не могло дать вам знания всего того, чего я лишился. Жена моя была не просто женщина, которая соединила судьбу свою с моей судьбой для прохождения жизни по одному общему пути. Она слила все существование свое с моим; мысли, чувства, правила, желания, надежды, все, одним словом, все было у нас общее. Она не жила для себя, она жила единственно для меня и детей; и это не на словах, а на деле, все поступки ее, все помышления не имели предметами ничего другого. В отношении самой себя она старания прилагала единственно о том, чтоб исправить все недостатки, которые в себе замечала, и приобрести все христианские добродетели, которых исполнение требует от нас спаситель. Она была глубоко поэтому религиозна и все наставления церкви исполняла, но ханжества в ней не было никакого и строга была только к одной себе, а для всех других исполнена снисхождения. Правдивее ее я никогда не знал, и она не изменила бы истине даже и тогда, когда бы за откровение ее грозило ей величайшее несчастье.

Вы простите меня, Гаврила Степанович, что я так распространился в похвалах незабвенному моему другу. Тридцать четыре года мы жили вместе и прожили их как один день. Если б вы знали ее коротко, вы бы сказали, что я и половины вам не высказал. Ко всем, кто любил меня, кто оказывал мне какие-либо знаки дружбы, она питала самое искреннее дружеское расположение и, следовательно, к вам. Как ей хотелось с вами ближе ознакомиться, часто мы мечтали, что, может быть, когда-

нибудь вы найдете возможность побывать в наших краях, как изъявляли иногда некоторое к тому желание, и тогда она радовалась мысли узнать человека, к которому она имела глубокое уважение из одних о нем рассказов. Все эти воспоминания разливают какую-то меланхолическую приятность в душе моей, и я их передаю вам как человеку, привыкшему жить собственно в себе и способному сочувствовать мне. Как бы она довольна была, когда бы старшая наша дочь познакомилась с вами при жизни ее. Это произведение собственных ее поспечений, никакой посторонний деятель не возделывал этой почвы. Всем своим воспитанием Сашенька обязана своей матери одной, и ни сердцем, ни правилами она ее не посрамит. Жаль мне, что они могли с вами пробыть только несколько часов, я хотел бы, чтоб вы узнали ее покороче¹.

Вот пришел конец пребывания Я[кова] Дми[триевича] с нами². Завтра он обращает полозья своего возка в вашу сторону, обещая навестить нас снова чрез полтора года. Если живы будем, то, стало быть, увидимся еще в сем мире. С вашими добрыми знакомыми мне не удалось еще ознакомиться. Они живут уединенно, я также; сойтись негде, но время еще не ушло, и когда-нибудь я решусь быть у них, тем более, что состою в долгу³. Александру Ивановну выдаю раз и два в неделю⁴. Иногда по воскресеньям бываю у них в церкви. Очень близко от нас.

Собственная душа не мешает мысли заниматься общим делом. Война и ожидание ее последствий всегда предметом разговоров, когда сходимся. Нетерпеливость выражается различным образом, и каждый хотел бы изгнать вон неприятеля из Отечества по своему соображению. Особенно когда сходимся у Ив[ана] Дми[триевича]. Тут бывают самые сильные прения⁵. Он теперь опять засел, ему было лучше, а теперь что-то снова болезнь берет верх.

Я утомил вас; пора кончить. Будьте здоровы, друг мой, и продолжайте по возможности давать о себе весть. Христос с вами.

Душевно преданный вам С. Трубецкой.

[На обороте:] Гавриле Степановичу Батенькову.

27 февраля 1855 *

Вчера вечером получил я ваше письмо, любезный друг, с описанием проезда моих деток. Я также, как и вы, сожалею, что они не могли уделить вам более времени. После вас они писали к нам из Екатеринбурга. Теперь давно уже на месте, а оттуда письма от них будут для меня очень любопытны. Петр Васильевич¹ так расхвалил Сашеньку там, что ей трудно будет поддержать его похвалы. Сестра² пишет, что, впрочем, все сходятся в похвалах о ней, кто только ее знает, и что это еще более возбуждает желание ее с нею познакомиться. Для меня такое расположение родных, конечно, приятно, и хотя бы Сашенька не совершенно оправдала то мнение, которое они в ней заключили, но все надеюсь, она не совсем его уронит. Я ожидал только полученного от вас письма, чтоб с вами побеседовать, долго не чувствовал в себе этого расположения и хотя часто брал перо в руки, но все с отвращением³. Теперь оно миновалось и заменилось потребностью перемолвить слово с друзьями. Вы мне не написали, тосковала ли Саша о малютке, оставленном ею у меня? Я надеюсь, что она спокойна на его счет, и каждую почту даю ей о нем отчет, благодаря бога по сих пор все хороший; но писем она не получает, не догоняют их; а она пишет, что у ней глаза болели, и я полагаю, от слез на холоде, потому что ветру и белизне весеннего снега нельзя приписать, она едет в темном возке. Зина моя здорова, Ваня также. Нынче утром ходили смотреть похороны чиновника из братских⁴, которого отпевал сам Хамба Лама Баидита, первосвященник ламский*, случайно приехавший. Церемония была как-то часом ранее назначенного, и мы опоздали, в утешение Вани я с ним заехал к Хамбе, с которым мы знакомы. Он здесь в первый раз, и его ищут видеть жители с любопытством по причине особенно необъятной его тучности. Третьего дня и вчера город стекался еще в большем множестве смотреть пушки, следующие на Амур; таких громадных здесь не видывали, полагали, что нет огромнее пушек здешнего гарнизона. Вы видите, что в городе все кипит; особенно по части правительственной и распо-

* Помета Г. С. Батенькова: «Пол[учено] 15 марта».

рядительной. Ваш край посылает к нам пушки, порох, артиллерийские снаряды; здесь закупка хлеба, плетение веревок и канатов, рассылка курьеров, ожидание штуцеров; умы города обращены на войну, тем более, что идет рекрутский набор; наемщики все сданы, и пьяные песни их умолкли и по улицам не разъезжают более в красных шапках с песнями и гармоникой. Амур, Севастополь, Камчатка занимают умы всех сословий и равно желают, что[бы] все это было отстояно и англичане отражены⁵. Французов как-то не поминают, как будто бы их не было, хотя в Крыму их сила превосходнее, нежели их союзников.

Кончаю en abrupto*, взглянул на часы и вижу, что опоздал. Всем мой поклон.

129. Е. И. ЯКУШКИНУ

Иркутск, 8 апреля 1855

С последними тремя почтами Иван Дмитриевич не получал от вас известия. Сам он не может к вам писать, потому что глаза его слабы и не могут терпеть света, впрочем, здоровье его порядочно. Вячеслав уехал 31-го, должен был догнать Н[иколая] Н[иколаевича] в Верхнеудинске, но по разным приключениям на пути не застал его там. Достигнуть его <...>** не прежде на Шилке, откуда, конечно, будет писать. С отъезда его отсюда Иван Дмитриевич переехал к нам и велит вам сказать, что ему у нас прекрасно.

Т[рубевкой].

С последней почтой он получил письмо от Натальи Дм[итриевны], на которое сегодня отвечать не успеет.

130. Е. И. ЯКУШКИНУ

Иркутск, 15 апреля 1855

Здоровье И[вана] Дм[итриевича] порядочно, глаза его тоже поправляются, но все еще он сам писать к вам не может. Письмо ваше от 9[-го] он получил; не разделяя вполне с вами надежд ваших, он радуется обещанию вашему увидеться с ним, во всяком случае, в нынешнем

* Вдруг (лат.).

** Одно слово неразб.

году¹. На письмо Нат[альи] Дм[итриевны] он будет отвечать, как скоро будет иметь возможность сам писать. О Вя[чеславе] это время не было никакого известия. Он теперь уже давно должен быть на Шилке, и по маршруту 19-го экспедиция должна отправиться по Амуру.

Здоровье Ив[ана] Дм[итриевича] действительно теперь лучше, хотя еще далеко не в желаемом положении. Он все еще сидит в темной комнате, но уже не в такой, в которую бы ни малейшего света не проникало. Очень желательно, чтоб глаза достаточно могли сносить свет с некоторыми осторожностями, конечно, чтоб, как скоро настанет теплая весенняя погода, мог он пользоваться воздухом и сидеть в саду; это, конечно, полезно бы было всему его организму. Надеемся, что это возможно будет достичь.

131. Е. И. ЯКУШКИНУ

Иркутск, 22 апреля 1855

С последней почтой опять Ив[ан] Дм[итриевич] не имел от вас никакого известия. Здоровье его вообще очень поправляется, но писать еще сам не может. От Вячеслава он получил письмо от 9-го и, вероятно, еще получит письмо из Шилкинского завода, откуда экспедиция должна отправиться, а может быть, уже и отправилась к Амуру. От Софьи Мих[айловны] М.¹ Ив[ан] Дм[итриевич] получил письмо от 14-го марта, на которое он будет ей отвечать, когда будет иметь возможность сам писать.

Вы ничего не писали, виделись ли вы с Николаем Романовичем.

132. Н. Д. СВЕРБЕЕВУ

Иркутск, 16-го мая 1855

Хотел воспользоваться отъездом П. И. Кузнецова¹ и с ним уведомить о получении вашего письма из Шилкинского завода, но он был у Ив[ана] Дм[итриевича] в мое отсутствие, и письмо было уже послано к нему, когда я возвратился домой; он должен был ехать в тот же день. Вместо того несколько дней прошло до его отъезда; и я этого не знал. Теперь говорят, что какой-то случай и будто бы это письмо вас найдет где-нибудь. Следовательно, могу с вами сколько-нибудь побеседовать. Нач-

ну с домашнего быта. У нас все здоровы, живем уединенно, кое-когда* на заимку к Венцелям, Клейменовым, Констанции Юлиановне, которая нынче живет своим домом и иногда их же** у нас². Главная наша забота мой внучек, который с каждым днем делается милее. В городе не знаю ничего любопытного, которое стоило бы передачи. Письма из Петербурга в последнее время не были приятны тем, что дочь моя была нездорова и почти неделю не выезжала, кажется, за знакомство с петербургским климатом поплатилась лихорадкой. С последней почтой совсем не было от нее письма, и это меня беспокоит. Сегодня пришла почта, и еще не знаю, есть ли письма. Очень грустно будет, если не получу.

Ник[олай] Ром[анович] тоже прихворнул и уверяет, что сурьезно был болен. На страстной неделе представлялся государю и очень был доволен приемом (l'accueil a été très gracieux)***, его выражение. Константин Николаевич³ его совсем обворожил, он писал Николаю Николаевичу о первом своем представлении к его величеству. После того в[ел]. к[н]. послал за ним и целых два часа расспрашивал его о здешнем крае. Он любит Россию и интересуется всем, касающимся Отечества и особенно Сибири. Из министров он тогда повидал только одного Сеньявина, который, однако, изъявлял желание с ним видаться, а Перовского видел три раза, и он был очень с ним любезен⁴. О политических делах писал, что надежды на мир мало, что его не хочет француз, и это оправдывается газетными вестями⁵; мы не соглашаемся на ограничение нашей силы в Черном море. Впрочем, вы сами это увидите в газетах, которые, конечно, посылают генералу, а также в сегодня полученных номерах, которых я еще не видел. Но Реб[индер] писал, что с нашей стороны уступок (кроме тех, которые сделаны были отцом⁶) государь уступок делать не намерен, все усилия — и неприятеля, и наши — сосредоточиваются в Балтийском море и в Крыму. Австрию перестали бояться и думали с нею справиться с оружием в руках. Она, как видно, не решается испытать сего счастья, а помышляет уже отстать от Союза. Надеялись в Пет[ерб]урге, что союз Англии с Францией ненадолго, первая очень склоняется на

* Видимо, пропущено слово «ездим».

** Видимо, пропущено слово «видим».

*** Прием был очень милостивый (франц.).

мир⁷. Не знаю, чем кончилась канонада и бомбардирование в Крыму; после 14 дней она было прекратилась⁸. Почта, верно, привезла какие-нибудь вести. Странно будет, если наши командующие не воспользуются и будут ожидать нового нападения союзников. Меншиков в Петербурге нелюбим, и ему не только не отдают справедливости за то, что он с малыми средствами умел устоять четыре месяца, но обвиняют его бог знает в чем⁹.

На днях я был опечален вестью, что Ник[олай] Ал[ександрович] Бестужев очень болен; сегодня получил еще о нем известие, не подающее никакой надежды на его выздоровление. Воспаление в легких и нарыв в груди не переносятся и молодыми людьми, а он годом старше меня. Очень грустно будет подумать о семействе, которым он так любим.

Прощайте, Николай Дмитриевич, будьте здоровы. Засвидетельствуйте мое почтение Николаю Николаевичу и Катерине Николаевне. Надеюсь, что вопреки всем препятствиям увижу вас всех возвратившимися в добром здравье чрез шесть месяцев.

Т[рубейкой].

133. М. А. БЕСТУЖЕВУ

Иркутск, 31-го мая 1855

С какою грустью, милый мой Михайла Александрович, узнал я об отчаянной болезни вашего брата и потом о его кончине¹. Никогда не полагал, чтоб в последний раз виделся с ним; он как будто нарочно приехал сюда, чтоб пред концом своей жизни проститься с друзьями, любившими его. Как вам тяжело! Как тяжело вашим сестрицам! Не могу думать об этом без стеснения в сердце. Не утешать вас вздумал я, взявши перо, а разделить вместе с вами горечь вашу и принести молитву создателю о спасении чистой и незлобивой души доброго друга моего. Когда будете в состоянии, напишите мне о последних днях его жизни. Я слышал, что он кончил жизнь свою в памяти и тихо, более ничего не знаю. Как он достал такую сильную простуду, которая разрушила все важнейшие жизненные органы его тела?

Примите, дражайший Михайла Александрович, эти строки как дань памяти сердечной покойному Николаю

Александровичу и живого участия моего к вам и сестрицам вашим.

Преданный вам Трубецкой.

[На обороте:] Прошу покорнейше о доставлении Михайле Александровичу Бестужеву.

134. М. А. БЕСТУЖЕВУ

Иркутск, 27 июня 1855

Что могу сказать вам утешительного, любезный Михайла Александрович, на письмо ваше; ровно ничего, а только погрузить с вами. Это уже исполнено было прежде. Не могу вам объяснить, как горько мне было узнать о безнадежности покойного Николая Александровича, я любил его, как родного брата. Да и кто ж его не любил. Неожиданной смерти всегда ищешь причину и винишь то или другое, а все выходит на одно: «Предел подходил, его же не прейдет». Я доволен, что он умер в памяти и спокойно. Тяжело близким видеть предсмертные муки, и спокойная смерть всегда утешительнее. Тяжело было вам описывать болезнь и кончину, но вы поймете, что не простое любопытство заставило меня просить о том. Благодарю вас за все подробности. Почему, не знаю, свойственно человеку желать знать весь ход даже грустного происшествия, кажется, даже предпочтительно грустное требует того, нежели радостное.

Остается мне пожелать вам всего доброго; да хранит вас господь, вашу супругу и малютку в добром здоровье и на многие лета и чтоб семейство ваше служило утешением добрым и почитаемым вашим сестрицам¹. Эти желания мои вам всегда останутся при вас и выходят из глубины души истинно всем вам преданного

Трубецкого.

135. Н. Д. СВЕРБЕЕВУ

Иркутск, 20 июля/26 августа 1855

Вот прекрасный случай писать к вам, Николай Дмитриевич. Михайло Николаевич¹ отыщет вас, где бы вы ни были, и доставит вам это письмо. Мы здесь надеемся, что оно застанет вас в добром здоровье и что пули и ядра англо-французов никому не сделали вреда, хотя по газетам должно ожидать, что встреча с ними была; но

также ожидаем, что предводитель ваш умел взять такие меры, которые сберегли своих, сделали достаточный вред неприятелю и дали ему урок такой, что он будет его помнить². Он, конечно, уже действовал не так, как тот главнокомандующий, которого донесения мы читаем каждую почту в газетах и который только и умеет, что выезжать на храбрости своих подчиненных, и утешает себя мыслию, что урон неприятеля должен быть более нашего³. Не поверите, как весь Иркутск зол на к[н]. Горчакова, особенно с тех пор, как прочитали ему благодарность за отбитие приступа. Все уверены, что он тут и душой не виноват. К тому ж ожидали, что будет ему, по крайней мере, хотя добрый нагоняй за то, что впустил неприятеля в Азовское море⁴. Газеты иностранные к вам дойдут, и вы в них увидите, какое они там сделали разорение; и то еще всего не узнаете, что здесь известно по письмам из тех краев. Какая бездна хлеба погублена, а сколько истребилось капиталов! А он радуется, что частная только собственность пострадала большею частию. Напрасно послы наши отстаивали в Вене наш флот, хотя корабли некоторые, может быть, и сберегутся в Черном море, а матросов и офицеров мало разве останется, большая часть уже перебита на стенах севастопольских⁵. Французы, как видно, много потеряли на неудачном приступе, не пишут о своей потере, присмирели и ничего не делают, а мы даем им отдыхать.

В Кронштадт, говорят, ожидают на сей раз нападения; я, впрочем, не думаю, чтоб было наступление всеми силами; пустят свои плавучие батареи и из дали отвещают бомбардировать.

Булычева брат приехал на днях, и я его спросил, чего там ожидают⁶, он мне отвечал, что публика ожидает как невиданного зрелища, очень любопытного. Согласен, что есть такие; из Петергофа будет прекрасно видать. От своих я оттуда получаю теперь добрые известия, они здоровы и живут в Царском Селе, к Саше приезжала Лиза и прожила с нею без малого месяц. Николай Романович протерзал ногою целый тот месяц, который у них прожила Лиза. Он в первые дни проводил ее из Ц[арского] С[ела] в Петербург, взяли пролетку от станции до г[рафа] Борх, лошадь зашалила, опрокинула, и Лиза счастливо отделалась, а он попал под дрожки и больно зашиб ногу, так что образовалась рана, и не мог ходить более

трех недель. В последнем письме Саша уведомляла, что он уже на ногах и ездил в П[е]тер[б]ург.

Здесь, в нашем кругу, ничего нового нет; он же сам очень ограничен; за Ушаковку редко переезжали к Венцелю или отдать визит светлейшей, которая навещает; кажется, до 1-го не уедет и то не верно, потому что все откладывается. Более сидим дома с Ив[аном] Дм[итрие]вичем], который давно уже не выезжал, а сейчас собираемся с ним на заимку, он едет отыскивать письма, которые давно уже написал к сыну, и хочет, чтоб они теперь отправлены были. На заимке большое население живет. С Поджою в одном доме Клейменова с детьми, зятем и внуком; в зимнем доме — Заборинский⁷; все довольны, потому что все здоровы. У нас также все хорошо, и нас занимает мой* внучек, за которым ухаживает тетка. Да ведь вы и не знаете, что Кон[станция] Юл[иановна] вышла за Тулинского⁸ и живет своим домом. О Струве знаем, что они на Пулковой горе⁹. Саша виделась с ними.

Военные действия не в одной Восточной Сибири, в Западной Сибири тоже. Г. Г. предпринял экспедицию против ташкенцов, которые вторглись в наши границы¹⁰. От Гав[риила] Ст[епановича] недавно имели письмо, он здоров, многого, кажется, ожидал, а теперь более не пишет о надеждах.

Прощайте, будьте здоровы и целы и так к нам возвратитесь.

[На полях приписка:] К. О.¹¹ прошу принять сердечный мой поклон и пожелание, чтоб он был здоров и чтобы все прочее было по желанию его.

136. И. И. ПУЩИНУ

25 июля [18]55**

Я все отлагал писать к вам, дорогой мой Иван Иванович, надеясь воспользоваться светлейшим отъездом¹, но он все отлагается, и я соскучился не беседовать так давно с вами. Особенного и любопытного сказать вам нечего, но по крайности хотя подать знак жизни и вас побудить сделать то же с вашей стороны в отношении нас. Иван Д[митрие]вич давно уже все ожидает от вас,

* В подлиннике: «мною».

** Помета И. И. Пущина «Пол[учено] 9 августа».

и ожидание его тщетно. Он был очень болен и так, что напугал нас; после нескольких дней лихорадочного состояния сделалась такая слабость, что он не мог ни есть, ни пить, ни вставать, ни говорить, и даже дыхание было затруднительно; так продолжалось тоже несколько дней, по истечении которых он начал медленно поправляться и теперь опять ожил. Ест черешшу напропалу, и она возвращает ему силы. Горло, болевшее у него постоянно, почти со времени его приезда сюда перестало болеть; ноги ныне тоже не болят, глаз один продолжает слезиться, другой поправился, и он может читать без очков. Вчера вечером надел, однако ж, зонтик на глаза, чего уже давно не было; может быть, только случайно глаза устали; это объяснится впоследствии. От Евгения² получает каждые две недели, в последнем писал, что дети больны; от Вячеслава с 29-го мая ничего не было, и ждать еще не скоро можно. Так мы не знаем уже давно, как видите, ничего о наших плователях³. Вначале им были большие затруднения от мелководья, впрочем, если вы пожелаете подробностей, вы можете их иметь изустно от дам, которые будут у вас вскоре после этого листка и которые расскажут вам как очевидцы⁴. Старшая посетила все любопытные места в нашем крае и может много рассказать. От нее же вы более можете узнать, нежели от меня, о семействе ее. Прочие все другие занимаются каждый своими делами по прежним примерам и по своим привычкам. О Бестужевых знаю, что сестры очень горюют по брате Николае, без него, конечно, им много скучнее. Катерине Петровне⁵ велено дать пособие или прогоны до Петербурга, но этого ей недостаточно для перемены места, она не имеет средств жить в Петербурге, даже если б и могла поступить во вдовый дом, ей недостает дохода для платы за содержание, и потому вряд ли она куда двинется, если не откроется чего-нибудь лучшего. Вчера вечером приехала г-жа Ротчева⁶, более о ней еще ничего не знаю; Мих[аил] Кар[лович] тоже прислал свою жену; я ее не видел, узнал сегодня потому, что Уленька прислала просить лошадей ехать к ней⁷. Маша⁸ с ней отправилась, и от нее узнаю, что они? Вы, я думаю, знаете, что Констанция Ю[лиановна] вышла замуж, нам, наверное, будут говорить о ней, если вы и не спросите. Зина теперь живет одна со мной, т. е. я не считаю Горбуновых мужа и жену. Ее попечения обращены на

племянника, который, благодаря бога, процветает. Жизнь наша, как и следует, довольно уединенна, посещают несколько приятелей, а выходы наши тоже очень ограничены. Зина кланяется вам, а Ваня предпочтительно вашей Аннушке⁹. Он теперь стоит перед моим окошком и смотрит, как топограф кладет улицу на план. Пожмите за меня и Ив[ана] Дм[итриевича] руки нашим старикам и засвидетельствуйте почтение дамам. Вас же мы обнимаем.

[На обороте приписка:] Покорнейше прошу о доставлении сего письма Ивану Ивановичу.

137. Г. С. БАТЕНЬКОВУ

27 июля [18]55

Каждая приезжая дама привозит нам от вас какую-нибудь весточку, почтеннейший мой Гаврила Степанович. С Еленой Павловной¹ мы не ожидали, однако ж Сергей Григорьевич читал мне листок, присланный с нею. Александра Ивановна² также наделяет вашими Ив[ана] Дм[итриевича] и меня. Его здоровье теперь лучше, но в прошлом месяце было очень худо, так что я призадумался и начинал бояться, что не сохраню его до возврата его сына. Благодаря бога, болезнь миновалась, он поправился и теперь опять в таком же состоянии здоровья, как был два месяца тому назад, и в некотором отношении даже лучше себя чувствует. Бог милостив, надеюсь, что оно так будет продолжаться; последняя его болезнь заключилась без видимой для меня причины; оттого мне и на будущее время страшно.

Вслед за письмом вашим Сергей Григорьевич получил радостную весть: дочь его испросила дозволения для матери ехать в Москву. Конечно, вы не ожидали видеть Марью Николаевну так скоро у себя, и знакомство будет приятнее в таких обстоятельствах³. Сергей Григорьевич радуется, хотя и остается теперь в совершенном одиночестве; но он знает, что жена его будет спокойнее, когда соединится с дочерью и вручит ей опять сына. Своего же сына С[ергей] Г[ригорьевич] не совсем еще уверен увидеть зимою; возвращение с Амура подвержено сомнению, по недостатку средств. Какие будут для того, еще не известно. Рассказывать вам ни про себя, ни про наш край нечего; дамы отъезжающие вас не минуют и более вам скажут, нежели я могу написать. С[ергею] Г[ригорь-

евичу] дочь пишет, что чрез год и он с ними соединится; когда отцу дозволено будет возвратиться, следовательно, и сына не задержат.

Что ж вам сказать о себе? Мы живем тихо, круг наш самый небольшой; И[ван] Д[митриевич] выезжать начал только на днях и то редко очень. Внимание наше обращено предпочтительно на события в Отечестве. Редко доставляют они утешение, чаще сердце обливается кровью, и тогда негодование берет верх над другими чувствами. Странная бедность в людях! Неужели с материальным богатством, т[о] е[сть] с увеличением его, убавляются таланты и народы должны терпеть нищету в отношении даровитости лиц. Несчастный какой-то уровень сглаживает все поверхности. Глас народа, говорят, есть глас божий; но и народ не произносит никакого имени. Знаем только то, что те, которые есть, не годятся, а кого поставить вместо их?— Нет ответа.

Проливной дождь загнал ко мне Бечасного, и он, застав меня за письмом, просит сказать вам его дружеский поклон. Ив[ан] Дм[итриевич] поручает то же.

Будьте здоровы и продолжайте давать нам о себе весть.

Т[рубецкой].

138. Г. С. БАТЕНЬКОВУ

[Иркутск.] 6 августа [18]55

Всего времени имею только две минуты, в которые едва успею дать вам знак памяти, дорогой мой Гаврила Степанович. Марья Николаевна несколькими часами ускоряет свой отъезд, и потому я не успею побеседовать с вами. Скажу только, что мы с Иваном Дмитриевичем здоровы и помним вас и часто о вас говорим. Вам приятно будет увидеть женщину, которая наконец после тридцатилетнего изгнания возвращается на родину. Это дает надежду, что все остающиеся здесь будут иметь разрешение сделать то же, если захотят, хотя, может быть, и придется еще некоторое время обождать.

Крепко жму вам руку и желаю всего доброго.

Т[рубецкой].

[Иркутск,] 29 августа [18]55 *

Писать сегодня некогда, любезнейший друг, Иван Иванович. Печальные сведения, которые вы сообщаете, уже были нам известны. Н[елинька] сама писала к знакомой с просьбою предупредить и приготовить родных, но их уже здесь не было. Бедный она человек, подумаешь о ней, так сердце и теснит¹.

Но прощайте, боюсь опоздать и после обеда еду поздравить Марью Казимировну². Она тоже будет у вас в гостях вимою.

Пожмите руки друзьям.

[На обороте:] Прошу покорно о передаче Ивану Ивановичу.

140. М. М. и Е. П. НАРЫШКИНЫМ

Иркутск, 15 ноября 1855

Год почти прошел, что я получил письмо от вас, добрые, неизменные друзья. Оно вызвано было тогда живым и глубоким сочувствием к постигшему меня горю. Оно было исполнено чувствами самой нежной дружбы к моему незабвенному другу, верному спутнику моей изгнаннической жизни. Как отрадно было читать строки, в которых излилась вся любящая душа ваша. Не имел доселе случая изъяснить вам сердечную мою благодарность и теперь едва имею время подать вам слабый знак моей признательности; М[ихаил] С[еменович] сей час почти приехал и сего же дня продолжает свой путь¹. Вряд ли удастся мне увидеть его самого, но письма, конечно, он не откажется взять.

В заключение скажу, что я живу уединенно с меньшою дочерью и сыном, у меня на руках остался маленький внук, которого мать в течение зимы ожидаю из Петербурга.

Прощайте, добрые друзья Михайла Михайлович и Елизавета Петровна, память вашей дружбы никогда не изгладится из сердца вам преданного

С. Трубецкого.

* Помета И. И. Пущина: «Пол[учено] 13 сентября».

Иркутск, 22, 23 ноября 1855 *

Давно лежит постоянно пред глазами письмо ваше, добрый мой Иван Иванович, и все оставляю я его без ответа. Вы частью уже знаете, почему я к вам так долго не писал. Два месяца хожу за больными, слава богу, все оправляются, и теперь уже нет причины ни за которого из них страшиться¹. А бедная Маша Горбунова не смогла перенести болезни и оставила по себе грустных мужа и сестру². Для Зины это тоже чувствительная утрата; оне были дружны, разницы в годах было не много, и с нею Зина лишилась хорошей подруги. В этот последний год Машенька была как-то особенно предупредительна ко мне, присоединяя свои попечения к попечениям моей дочери. Теперь еще более пустоты в нашем доме. Временно ее наполняет Ив[ан] Дм[итриевич] с сыном³, но это** <...> 23-го. Нить моих мыслей визитом прервана была [в]незапно, и отъезд М. К[орсакова], не состоявшийся вчера, я отложил продолжение беседы с вами до нынешнего утра***. Между тем пришла почта и привезла нам письма, из которых я еще положительного о возвращении Сашеньки не могу вывести, а Лиза начинает бояться за свое имение и не знает, как спасти крестьян на случай наступления к ним неприятеля⁴. О вероятном разорении имения она говорит, что у них есть уголок, а многие лишились всего, что имели. Столичные письма все рассказывают, какую радость произвела смена Клейнмихеля⁵; победа над союзниками не принята бы была с большим торжеством. Поймите это, а на меня оно произвело грустное впечатление.

Записку о Ширяеве я передал, куда вами указано было, наводятся справки и когда отыщется, передам нам⁶.

Вы писали о приезде молодых людей и о стычке, которую мы имели с одним из них; не одна подобная бывала и здесь, особенно доставалось ему от Ивана Дм[итриевича]⁷. Оно было не без успеха, но не смею надеяться, чтоб осталось надолго впечатление. Должно, одна-

* Письмо писалось с перерывом; помета И. И. Пущина: «Получено 24 декабря».

** Здесь письмо прерывается.

*** Так построена фраза в подлиннике.

ко ж, отдать справедливость, что принималось всегда с кротостию. На днях получено от него длинное письмо из Москвы; не знает еще, что с ним будет, в переводе отказано и вновь хлопочет; возвращаться сюда не нужно. Анненков тоже не воротится в сем году, его, бедного, оставили на Амуре, с ревматизмом в ногах нельзя было увести⁸.

Зимний путь установился, и, вероятно, ваша Аннушка уже скоро будет у Марьи Александровны. Как вы того ни желали, а все-таки скучать будете. М[арья] А[лександровна] все что-то жалуется на здоровье. Михеевна ваша, сказывают, разрушается, М[атвей] И[ванович] писал, что она ослепла⁹. Забот вам прибавляется.

Фотограф¹⁰ к вам пишет и сообщает вам все, что может вас интересовать, и мне нечего повторять то же самое. Он, конечно, скажет вам слово и об отце. У меня Ваня все еще хворает; после скарлатины все что-нибудь новое является. Нынче был нарыв в ухе, который довольно помучил эти дни; вчера прорвался, и ему лучше; Федя Кучевский после болезни начал опухать, но также успели остановить. Оба останутся под арестом еще надолго. Бедный Вас[илий] Льв[ович] не дождался возврата в Каменку, а, говорят, сильно ему хотелось и надеялся¹¹. Что теперь думает Александра Ив[ановна], ничего не знаю. Вчера прочел реляцию Муравьева о штурме Карса. Жаль такой большой потери в таком славном войске; жаль и того, что М[уравьев] оказался не положительным; сделан штурм без побудительных причин, те, на которые ссылается, сам уничтожает, оставаясь под Карсом после штурма. По всем данным газетным, Карс не может держаться от недостатка в продовольствии; и если М[уравьев] возьмет его голодом, то скорее бы взял, когда больше было тощих желудков¹².

Лист исписан, надобно кончить. Зина вам кланяется, а я крепко жму вам руку. Прощайте.

142. Г. С. БАТЕНЬКОВУ

31 декабря [18]55

Последний день года заключаю краткой беседой с вами, добрый друг Гаврила Степанович. Провожаем Е[вгения] И[вановича]. Отец, разумеется, грустит разлукой, хотя и старается скрыть, а сын обещает приехать и на

следующий год, если не придется, говорит, выехать отцу навстречу. Вернее можно положиться на первое, потому что он умеет сдержать слово и какую-то ловкость обращаться обстоятельства к исполнению задуманного. Желательно, чтоб он не имел надобности расставаться с семейством; и ему, и отцу было бы тогда свиданье приятнее. Сын расскажет вам подробности о жизни отца и вообще о нашем быте, и мне не к чему распространяться. Спасибо вам за вести о Марье Казимировне¹; теперь нам некого более к вам отправлять, как и вы сами заметили. А может быть, придется еще встретить; мои, надеюсь, воротятся из Петербурга, но, кажется, еще не скоро, в течение зимы перестая уже их ожидать, полагаю, до весны останутся. О всех делах нашего Востока изустные предания лучше вам дадут понятия, нежели бы могли мои строки, а о Западе вы тоже знаете, что и мы. Что-то бог даст весною, а теперь застой, боюсь, чтоб не было еще хуже. Если будет та же система, то не знаю, как управятся наши правители, если не захотят заключить постыдного мира. Придется внять голосу народа, а он что скажет? Много мы видели на нашем веку неожиданного и приучены ожидать невероятного. Не тревожьтесь за китайцев, они не научатся воевать, целых шесть лет инсургенты не могут низвергнуть ненавистного правительства, ни правительство подавить восстания². С нами, думаю, обойдется мирно; единственно, что в силах сделать Богдыхан³, — запереть торговые места. Вы правы, нам до яката недалеко, и бог с нею, с нашею перепосною внохою. А детям бог поможет перейти ее, как нам помог.

Карантин наш прекратился, и опять начинаем видеться с Александрой Ивановной. Вчера дочь моя была у ней на елке. Она делала для своих родных и официальных детей⁴. Сонм наш все редет постепенно. Давыдовым не для чего будет долее оставаться в Красноярске. Дети, конечно, похлопочут о возвращении матери и сибирского семейства⁵, а она согласится, как ей ни горько оставлять Красноярск.

Прощайте, будьте здоровы и благополучны. При сем 10 ф[унтов] чаю.

20 января [18]56

Пишу вам только несколько слов, милый мой Николай Дмитриевич, зато вы найдете другое письмо, которое не дошло и которое, конечно, доставит вам более удовольствия, чем мое¹. Вы, конечно, сообщили Н[иколаю] Н[иколаевичу], как писали; я не хотел бы, чтобы замедлили и чтобы он подумал, что не довольно имеем к нему доверия². Письма, которые получил я с нынешней почтой, заставляют меня думать, что вы уже не застанете Сашеньку в Петербурге, это меня огорчает, но помочь нечем³. Если вы их не найдете, то письмо мое перешлите к ним с почтой туда, где они будут. Не забудьте, что вам нужны будут кольца, я думаю, их вернее купить там, где вы теперь, эта забота, по правилам, должна лежать на вас.

Прощайте. Будьте здоровы и возвратитесь к нам благополучно.

Христос с вами.

144. Н. Д. СВЕРБЕЕВУ

23 январ[я] 18]56

Вы видите, что Зиночка свято хранит тайну; хотя это ни к чему ее не ведет, но это доказывает, что она неукоснительно исполняет желание ваше¹. О пути вашем — худые слухи, говорят, ваш возок совсем изломали близ Нижнеудинска. Я надеюсь, что он там был обременен на такой, который уже не валялся. Третьего дня уехали Вл[адимир] Ив[анович]² и к[н]. О[боленский], но не вместе, один утром, другой вечером. Если Вл[адимир] И[ванович] повалится, то он будет лежать до тех пор, пока какой-нибудь обоз поднимет его; карета на висячих рессорах и на полозьях, весу, может быть, равного с бомбической пушкой, шесть лошадей сдвинули с места только при помощи рычагов. Погода у нас похожа на петербургскую, теплый ветер, пасмурно, 5 град[усов] мороза. Ангара под льдом только до первой станции к Байкалу, а море разметало, от Голоустной перевозят до твердого льда на паромах, с той стороны по большой дороге тоже. Исправник в большом затруднении, как перевезти пушки, они по 303 пуда весом, а бомбические по 420 пуд[ов]; послал осматривать дорогу, Мок и Касаткин при-

ехали, не видел ни того, ни другого, а слышал, что первый не жалуется на дорогу, говорит, что следовал очень хорошо. Еще приехал Муравинский³. Говорят, что соседи наши принимают какие-то меры против намерений на весну; не забросали бы реки камнями, они способны на египетские работы⁴. Я писал моему брату, что вы у него будете, и сестре, что вы к ней забежите, если дадут вам время пробыть в Москве⁵. Засвидетельствуйте мое почтение Н[иколаю] Н[иколаевичу] и К[атерине] Н[иколаевне]⁶ и будьте здоровы. Храни вас господь. Ив[ан] Дм[итриевич] поправляется. Я было в этом совсем отчаялся. Я здоров.

145. З. И. ЛЕБЦЕЛЬТЕРН

Иркутск, 28 января/9 февраля 1856

<...> Полагаю, что не докучу тебе, рассказав в нескольких словах, как я провел только что ушедший год. Из моего письма от 25 февраля ты знаешь, что я был у моей дочери, когда получил твое милое письмо от 12/24 декабря¹. С тех пор я не двигался с места, ведя очень замкнутую жизнь, и почти три месяца ухаживал за моим сыном, заболевшим скарлатиной. Что же касается моей старшей дочери, то она с прошлой зимы находится в Петербурге, где муж ее задержан как обстоятельствами своей службы, так и нашими имущественными делами. Я не имею никакой уверенности надеяться на их обратное познание, но вопрос сей разрешится лишь к весне. Я доволен, что он в настоящее время находится на месте, ибо Саша должна родить не позднее марта месяца, и путешествие в такое время было бы рискованно. Это будет ее третий ребенок; второй находится у меня, ему восемнадцать месяцев, и он потешает нас своими проказами. У дочери моей Лизы имеются сын и дочь, она находится в имении своего мужа² и не двигается от туда; война выгнала ее из ее крымского имения <...>*

* На этом письмо обрывается.

Иркутск, 19 апреля 1856 г.

Милостивый государь граф Александр Михайлович. Письмом* от <...>** марта ваше сиятельство уведомили меня, что по просьбе моей, приняв на себя устроить раздел имения, оставшегося после покойной жены моей княгини Катерины Ивановны Трубецкой, согласно назначению ее, известному вам чрез переписку с нею, то есть, чтобы часть каждой из дочерей наших равна была цене 80 т[ыс]. рублей, вы встретили препятствие по несовершеннолетию сына нашего Ивана и другие, которые мне уже известны, и что в этом положении дел вынуждены были утруждать государя императора всеподданнейшею просьбою, копию которой я уже имею¹. Ныне, получив всемилостивейшее разрешение вполне удовлетворительное, поставляя обязанности согласовать раздел с законом при желании достигнуть, сколько можно, назначения покойной, ваше [сиятельство] думали сделать его в том виде, как он изложен в кратком проекте, приложенном при письме вашем, под литерою А, на который Николай Романович был согласен; но теперь, при предстоящем выходе дочери моей Зинаиды в супружество, он изменил свое мнение и желает, чтобы имение было назначено в общее владение двух сестер, Александры, супруги его, Ребиндера, и Зинаиды. Ваше сиятельство, желая устроить дело к общему согласию, готовы с своей стороны исполнить все, лишь бы только при том можно было соблюсти лежащую на вас обязанность опекуна. Вследствие чего вы требуете согласия дочери моей Зинаиды, присовокупляя, что если она согласится на предложение зятя своего, то дело может быть начато не ранее как по выходе ее в замужество.

Исполняя волю вашего сиятельства, имею честь объяснить, что дочь моя Зинаида, исполненная доверенности к вам и зятю своему Н[иколаю] Р[омановичу] Ребиндеру, просит меня уведомить вас, что она не видит для себя никакой причины предпочесть один проект другому, находя, что в обеих часть ее строго уравнена против части ее сестры; и при том положительным избранием одного опасается стеснить обоюдное действие ваше, если б встре-

* Далее зачеркнуто: «вашим».

** Край листа с числом оторван.

тилась непредвиденная необходимость сделать какое изменение; почему, изъявляя заранее согласие свое на все то, что будет положено между вами, предоставляет только себе заметить, что если будет определено поступить по предположению Николая Романовича, то есть оставить пензенское имение в общем обеих сестер владении, то управление оным должно оставаться в руках одной из участвующих сторон, по праву должно быть предоставлено старшей из сестер; почему она и надеется, что Николай Романович не откажет взять эту обязанность на себя, тем более что по месту жительства он и сестра ее будут находиться ближе к помянутому имению.

Требуемое вами заемное письмо брата моего князя Никиты Петровича при сем прилагается.

147. Н. Д. ФОНВИЗИНОЙ

3 августа [18]56

С немалым удивлением увидел я в своих руках письмо ваше, душевно почитаемый и уважаемый друг Наталья Дмитриевна, писанное из такого места, откуда никогда не думал от вас получить¹. К радости, которую вы мне доставили, примешалось и горе, которому вы же причиною: Ив[ан] Дм[итриевич] тотчас собрался ехать, чтоб застать вас. Хотя он давно поговаривал, что ему надобно уехать отсюда, пока еще тепло, и обнять еще товарищей, с которыми он прожил столько лет, прежде нежели они рассыпятся в разные стороны, однако я все надеялся, что эта минута еще удалена; ваше письмо его решило, и он выедет не позже вторника, т[о] е[сть] 7-го* числа. Больно мне с ним расставаться, тем более, что я не разделяю общих надежд²; но во всем десница господня, а наш долг — безмолвная и благоговейная покорность. Как вас возблагодарить за вашу постоянную дружбу. Слова это лжет. Вы и Мих[аил] Ал[ександрович] составляли приятнейший предмет разговоров моих с моим бесценным спутником жизни; это время миновалось для меня, как и для вас³. Теперь остается одно — доживать остатки дней, как бог велит. Мои молодые⁴ благодарят вас за добрые им желания. Они услаждают мою жизнь. Ваня большой мальчик, ему минуло 13 лет. Молю бога, чтобы он

* Или 6-го. Цифры нечетко переправлены.

вышел таков, каким я его желаю; до сих пор, кажется, обещает. Очень рад, что вы сблизились с Марьей Ал[ександровной]⁵, и не удивляюсь, что так скоро; это свойственно ее любящей душе. Друг наш общий⁶ изустно передаст вам все до меня касающееся и выражения моей неизменной вам преданности.

С. Т[рубецкой].

148. Д. И. ЗАВАЛИШИНУ¹

Иркутск, 15 сентября 1856

Дмитрий Иринархович, спешу вас уведомить, что вчера Михайло Сергеевич Волконский приехал курьером от Николая Николаевича² и привез манифест, вышедший в день коронации, по оному вам возвращается дворянство и свобода проживать где угодно в пределах империи, исключая двух столиц. Это известие, вероятно, еще не скоро придет к вам официально, и потому я за удовольствие поставляю ранее его вам сообщить.

С. Трубецкой.

149. Д. Н. ГУРЬЕВУ

[Не ранее 15 сентября] 1856¹

Господину исправляющему должность иркутского
земского исправника

Объявленную мне высочайше дарованную милость по случаю коронования государя императора: «о возвращении мне потомственного дворянства только без почетных титулов и без прав на прежнее имущество, дозволив возвратиться с семейством и жить, где пожелаю в пределах империи, за исключением С[анкт]-Петербурга и Москвы», — слышал, в чем и расписуюсь, долгом поставляю заметить, что при том объявлено мне, что я должен находиться под надзором полиции, чего ни в высочайшем манифесте 26-го августа, ни в указе, данном правительствующему Сенату, не значит, почему я такого ограничения высочайшей милости, как не исходящего от высочайшей воли, признать не* могу.

* Далее зачеркнуто: «согласен».

Иркутск, 10 октября 1856 г.

С большим удовольствием увидел я почерк ваш, Петр Николаевич, и прочитал написанные вами мне строки¹. Благодарю вас за поздравление и за все ваши мне желания, и к вам обращаю то и другое от искреннего сердца. Если вы остаетесь в Ялуторовске до весны, то нет сомнения; что мы увидимся, буде только богу угодно будет продлить наши жизни. Я намерен выехать по первому зимнему пути; дорога предстоит мне дальняя, и надобно успеть доехать до весенней распутицы. Надобно возвратить сына родителям², надобно для воспитания собственного сына, для спокойствия моих дочерей; и не без грусти расстанусь с Иркутском, здесь в соседстве моем могила друга, посвятившего мне всю жизнь свою, и раз расставшись с нею, не удастся мне более ей поклониться. Вы поймете мое чувство, Петр Николаевич; но пока жив, должен собою живым. Она, которой вся жизнь была самопожертвование, потребовала бы этого от меня. Вы знали ее хорошо, вы любили ее, я с вами не боюсь о ней говорить и ее вспоминать.

Кто из ваших уехал? Кто еще остался? Это я надеюсь узнать из первого письма Матвея Ив[ановича], также и кто куда. Мимо, верно, уже проехал Гаврила Степанович, а на днях проедет и Серг[ей] Гр[игорьевич].

Из Иркутской губ[ернии] выеду пока я один и, может быть, Быстрицкий, а из Енисейской сведения не имеем.

Прощайте до ожидаемого свиданья; желаю и вам многих лет в семейных радостях, других для нас больших быть не может.

Пожмите руку Матвею Ив[ановичу].

Трубецкой.

151. Д. И. ЗАВАЛИШИНУ

Иркутск, 25 октября 1856

Вы писали мне, Дмитрий Иринархович, что мое извещение было для вас не новостью; вы уже ранее знали о манифесте. Он положения вашего не изменяет, и вы остаетесь на том же месте, на котором столько лет уже проводили. Многие из наших в таком же положении. Чрез тридцать лет редко у кого остались близкие и родственники, с которыми можно бы было желать соединиться.

Если б у вас были дети, то другое дело; мои призывают меня, и, сверх того, поездка моя разрешит выезд меньшей моей дочери, которая не хотела уехать отсюда одна, оставив меня здесь. Будущность сына требует также, чтоб я переместился из Сибири, где мало средств к приобретению познаний. Одна из моих дочерей в Киеве, другая в окрестностях; там две гимназии, университет; туда я и перееду. Думаю это сделать по первому пути; ежавшие по этой дороге гонят меня, утверждая, что в середине зимы слишком путь делается тяжелым. Серг[ей] Григорьев[ич] не хотел ждать зимы, и рассказывают, что измучился дорогой и кончил тем, что отправил сына вперед. Теперь никто, кроме меня, отсюда не собирается, и, по нашим сведениям, никто еще, кроме Батенькова, с места не тронулся. Мне уже не придется быть в Чите, и даже если б вы когда вздумали переехать Байкал, то вряд ли пришлось нам когда столкнуться на обширном пространстве любезного нам Отечества. Итак, остается мне проститься с вами, пожелав вам всего того, чего вы сами можете себе желать, одним словом, всего лучшего во всех отношениях, и главное — здоровья телесного и спокойствия душевного. Фелицате Осиповне¹ прошу вас засвидетельствовать мое почтение, память о ней навсегда соединена с памятью пребывания нашего в Чите. Еще раз прощайте.

С. Трубецкой.

152. Д. Н. ГУРЬЕВУ

[Не ранее 25 октября 1856 г.]

Господину исправляющему должность иркутского
земского исправника.

На требование вашего высокоблагородия о том, куда я вследствие высочайше дарованной мне милости пожелаю выехать из Сибири, имею честь уведомить, что я имею намерение вполне воспользоваться высочайше дарованным мне* по манифесту 26 августа правом жительства, где пожелаю в пределах Империи, исключая Петербурга и Москвы; почему покорнейше прошу ваше высокоблагородие исходатайствовать для меня от начальства такой вид, с которым бы я мог беспрепятственно, в пол-

* Далее зачеркнуто: «правом».

ной мере, без всякого ограничения воспользоваться всею высочайше дарованною мне государем императором милостию.

153. А. С. РЕБИНДЕР и Е. П. ПОТЕМКИНОЙ

5 ноября 1856 г.

Саше¹.

В нашем государстве всякая благая воля государя искажается исполнителями ее или по неблагонамеренности или по глупости. В своем выс[очайшем] манифесте г[осударь] и[мператор] оказал нам милость, не полагавшую никаких иных границ, кроме запрещения жительства в столицах. Так оно и было нам объявлено согласно с содержанием высочайшего манифеста. Ныне вдруг спрашивают меня, куда я хочу ехать? И объявляют мне, что я должен находиться под надзором полиции. На первое я отвечал, что я имею намерение воспользоваться выс[очайше] дарованною мне милостию и прошу мне выдать такой вид, с которым я мог бы беспрепятственно проживать в пределах Империи, исключая столиц; а на второе, что так как оно не согласно с выс[очайшей] волей, изъявленной как в манифесте, так и в указе Сената, то я не могу признать никому права ограничивать милость, оказанную г[осударе]м имп[ераторо]м². В указе Сената о Раевском сказано, что он подчиняется надзору³; о нас этого нигде нет, след[овательно], никакой мин[ист]р не вправе подчинить нас такому ограничению нашего свободного действия, какому сам государь нас не подчинил. Надзор полагается как наказание, и получивший полное прощение не может быть подвержен новому наказанию, когда он ничего не совершил, того заслуживающего. Я не оспариваю у министра прав надзирать за мною чрез своих подчиненных, но подчинить меня надзору он власти не имеет. Власть миловать, как и власть наказывать, принадлежит единственно государю, и всякий, кто присваивает себе ту или другую, есть похититель власти царской. Всем здесь известно, куда я хочу ехать и где намерен на первое время жить, но официально спрашивать меня о том никто не имеет права.

В ман[ифесте] сказано, что я имею право жить, где пожелаю в пределах Империи; теперь я еду в Киев, но могут быть обстоятельства, по которым я рассудил бы

за благо для себя остановиться на пути или направиться в другую сторону. Если я состою под надзором, то я не вправе этого сделать и должен ехать туда, куда мне указано.

Так у нас все портят; к меду примешают дегтя и отравят сладость.

Сестре *.

Есть русская пословица: «Царь жалует, да псарь не жалует»**. Пословица не эlegantная, как видишь, но правильная и хорошо подходит к моему случаю. Император высочайшим манифестом от 26 августа оказывает нам милость и не вводит никаких ограничений, кроме ограничения не жить в столицах.

Я не знаю, какой министр осмеливается добавлять свое и узурпировать часть власти, которая принадлежит только монарху. Есть ли министры, которые считают себя более великими и более могущественными, чем государь? Приходится этому верить, когда нам объявляют, что мы остаемся под наблюдением полиции. Доказательство тому, что это не было мыслью императора, в том, что в манифесте перечислены все, кто не получил милость и должны оставаться под наблюдением, и что мы не отнесены к этой категории. Другое доказательство — в сенатском указе по поводу Раевского. О нем сказано, что он остается под наблюдением, следовательно, мы, о которых ничего не говорится, не можем быть подвергнуты этому новому наказанию, которому его величество проявлением своей высочайшей воли нас не подверг. Я не отрицаю за господином министром права наблюдать за мной, и, может быть, даже это его долг, но он должен это делать способами, которыми он располагает и которые не должны доходить до ограничения свобод, данных властью государя. Одному только государю принадлежит право наказывать или миловать, и всякий служащий, как бы высоко он ни стоял, если он осмеливается присваивать себе эту власть, то он узурпирует власть государя.

Если для меня последует какое неудобство от этой министерской меры, я буду вынужден жаловаться, и я убежден, что справедливость императора равняется его доброте.

* Подлинник на франц. яз.

** Пословица по-русски.

Иркутск, 30 ноября 1856 г.

№ 4

На прошлой неделе мы получили три тысячи рублей, которые вы послали на имя моего сына через Венцеля. Спасибо. Мы в них очень нуждались, и они пришли очень кстати, так как мы уже совсем готовы к отъезду **. Я отправлюсь в путь завтра с моим сыном и моим внуком. Через 2 или 3 дня моя дочь и ее муж поедут вслед за мной. Они поедут на несколько дней позже ***, чтобы избежать затруднений, которые могут встретиться путешествующим в большом составе. Если ничего серьезного не случится со мной в пути, я полагаю, что смогу до 1 января отправиться в Нижний Новгород, где буду ждать установления зимы на юге и где рассчитываю найти мою сестру, которая хочет выехать мне навстречу. Оттуда Свербеевы поедут вперед, чтобы навестить родителей мужа в Москве¹. Вы понимаете, дорогой граф, что у них нет больше ни малейшего желания возвращаться в Сибирь. Хотя год или два службы здесь были бы полезны для карьеры мужа, но он уступает как желанию своего отца, так и желанию познакомиться жену со своими родителями и с вами ****. Особенно в тот момент, когда, как говорят, очень трудно получить место в России. После краткого пребывания в Москве они собираются в Петербург. Моя дочь очень хочет познакомиться с вами и своей доброй тетушкой и высказать вам свою самую глубокую признательность за нежную любовь, которую

* Оригинал на франц. яз.

** Далее зачеркнуто: «Жду только, чтобы почта пришла без опоздания; хочу быть уверенным, что мне не придется сидеть на берегу какой-нибудь реки, по которой еще идет лед и по которой трудная переправа. На прошлой неделе прибыли пять курьеров; все они встретились на берегах Оби, где ждали, когда через нее можно было переправиться: два курьера, которые должны уже быть здесь, все еще не прибыли».

*** Далее зачеркнуто: «из опасения, что не хватит лошадей от Иркутска до Томска, а также вследствие необходимости чаще останавливаться из-за моего внука».

**** Далее зачеркнуто: «Муж хотел бы получить хорошее место в провинции и предпочел бы вблизи Киева или по соседству в одной из соседних губерний, но, судя по тому, что до нас доходит, место получить трудно из-за числа просителей. Следовательно, пройдет время, прежде чем он сможет его получить».

вы к ней постоянно проявляете, и за всевозможные доказательства вашей к ней доброты с тех пор, как она лишилась своей матери.

Среди благодеяний, которыми я обязан доброте нашего милостивого государя, я не могу не считать величайшим благом то, что он мне дал средства исполнить намерение любящей матери дать равные части каждой из дочерей². Обеспечивая Александрину и Зинаиду* частью состояния, которое мне причитается по наследству, я удваиваю то, что им причитается по закону. Моей первой заботой, следовательно, будет, как только я окажусь на месте, выполнить этот пункт, чтобы не оказаться, насколько это зависит от меня, еще раз застигнутым врасплох смертью при исполнении наших планов³. Участие, которое вы всегда принимали, милый** брат, в судьбе моих детей, дает мне гарантию в вашей помощи для быстрого окончания этого дела; и я вам буду весьма признателен, если вы сообщите мне ваше мнение об этом во время моего пребывания в Нижнем. Ребиндер, должно быть, вам уже сообщил о том, как он представляет это дело; я об этом только упоминаю, не разделяя его идеи***, тем более, что я вижу по тому, что он об этом говорит**** мне и Свербееву, что он не принял во внимание права, которые я получил на 7[ую] часть состояния. Имея впереди два месяца дороги и желая потерять как можно меньше времени, я очень хотел бы просить вас, мой дорогой граф, взять на себя труд сделать от вашего имени представление к***** Дворянской опеке, чтобы испросить разрешение продать дом в Иркутске, основываясь на том, что дом требует расходов на его сохранение и что он не может приносить доходы из-за своего положения в отдаленном квартале города. Процедура в делах такого рода должна проходить через***** Дворянскую опеку, в Гражданской палате и в Губернском правлении, чтобы дойти до Сената, где она должна ждать***** очередь, вынужден обратиться к вам с

* Далее зачеркнуто: седьмой».

** Далее зачеркнуто: «граф».

*** Далее зачеркнуто: «по этому вопросу».

**** Далее зачеркнуто: «в своих письмах».

***** Далее два слова написаны по-русски.

***** Далее, включая слово «Сената», написано по-русски.

***** Далее слово «очередь» написано по-русски.

этой просьбой на случай, если представится какой-нибудь покупатель, а мы не сможем осуществить продажу и упущенный случай нанес бы нам непоправимый ущерб. В нынешнем состоянии дом стоит по крайней мере 12 тыс. руб., несмотря на оценку, которую сделали эксперты, но когда он будет оставлен без ухода, он потеряет всякую цену⁴.

Последняя просьба, с которой я к вам обращаюсь,— не класть на счет Зинаиды 2 тыс. рублей, которые вы прислали на ее имя в начале года. Поскольку эти деньги в основной части дополнили то, что не хватало ее приданому, и пошли на расходы по свадьбе, было бы несправедливо относить эти расходы за счет ее собственных доходов. Добавив эту сумму в 2 тыс. рублей к той, которая была уже потрачена на тот же предмет в Петербурге, и посылая подобную сумму Зинаиде в Москву, вы ее избавите от неприятности жить на средства семьи ее мужа и, следовательно, быть зависимой от нее. Что касается того, что остается от общего дохода текущего года, надеюсь, что вы будете так добры и пришлете его в Киев к моменту нашего приезда, так как мы туда приедем совсем без денег. Вы меня бесконечно обяжете, уладив эти две статьи и написав мне об этом в вашем первом письме, которое я вас настоятельно прошу прислать в Нижний*.

В заключение я должен попросить у вас прощение за то, что так долго задержал вас чтением этого длинного письма, и за то, что снова устраиваю вам затруднения. Я слишком убежден в вашей постоянной и доброй дружбе ко всей нашей семье, чтобы не быть убежденным, что в этом случае, как и во всех тех, которые уже представлялись, я не смогу не найти в вас те же чувства и то же желание помочь.

Будьте добры, засвидетельствуйте мое почтение моей доброй сестре, которая, я надеюсь, к вам вернулась с совершенно восстановленным здоровьем, и принять уверения в моем глубочайшем уважении и совершенной преданности.

* Далее зачеркнуто: «через который, наверное, буду проезжать до 15 января или на несколько дней позже».

155. К. К. ВЕНЦЕЛЮ

[Не ранее 15 сентября — не позднее
1 декабря 1856 г.]¹

Его пр[евосходительству] г[осподину] предсе[дателю]
в Совете Главного управления Восточной Сибири.

Докладная записка

Желая взять на воспитание сына поселенца Иркутского округа Оёцкой волости, Тугутуйской слободы Александра Кучевского, крестьянского мальчика Федора 12 лет, на что отец его изъявлял мне свое согласие, и имея в виду в непродолжительном времени выехать из Сибири в Российские губернии, я имею честь* покорнейше просить ваше превосходительство дозволить выдать упомянутому мальчику Федору Кучевскому надлежащий вид на свободное и беспрепятственное при мне жителство.

156. З. С. и Н. Д. СВЕРБЕЕВЫМ

Уковская ст., 4 [декабря 1856 г.]¹,
вечером

Сегодня проехали только одну станцию, потому что сначала не было лошадей и надобно было некоторое время обождать; между тем поднялась жестокая пурга, приходилось переезжать горы ночью, и мы принуждены были остаться ночевать в довольно холодной комнате. Здесь рассказали нам, что Аничков² в такую же почти погоду, только днем, ехал станцию 17 верст до самой поздней ночи и 10 верст должен был идти пешком.

Сегодня поутру я написал к вам письмо; Скрыбин³ послал его на почту, а между тем московская прошла; я нанял человека с парюю лошадей, чтоб он догнал почтальона и отдал ему мое письмо. Думаю, что он успел догнать на первой станции, потому что почта только что прошла тогда и была не более как в трех или 4 верстах. Во всяком случае, С[крыбин] обещал, что письмо вам будет передано, если и не найдет уже вас в городе, то дорогой. Что меня всего более заботит за вас, это толчки, которые получаешь на мосту и особенно на маленьких мостиках; я ужасно боюсь их для тебя, Зинуша; даже и

* Далее слово вписано поверх строки.

шагом ехавши, они очень чувствительны, а если скоро, то совершенная беда. Я ужасно их боюсь; а как К[онстанция] Ю[лиановна] поедет, не понимаю. Коля радехонек, что нынче мало ехал, так весело бегают и болтают.

Когда-то я узнаю что-нибудь о вас? Тяжело ожидать. Обнимаю вас, Христос с вами.

157. З. С. и Н. Д. СВЕРБЕЕВЫМ

Киев, 5 марта 1857 г.

Из письма, которое я писал к вам из Орла¹, вы уже знаете сколько-нибудь, милые друзья мои, как мы ехали. После того путь мы продолжали самым неприятным образом. От Кром по всей Орловской губернии почти нам не давали на станциях лошадей и везде должны были нанимать вольных. В Черниговской губернии, хотя и доставали не везде лошадей, однако ехали очень худо; кругом во всю дорогу можно положить, что мы делали не более как 3 или 4 версты в час, так что только 1-го марта приехали в Нежин, потеряв почти сутки на пересадку из повозок в тарантасы, которые Н[иколай] Р[оманович] прислал к нам в Батурин. Саша спала, когда мы приехали; наскучив ждать нас в среду и четверг, она хотела рано в пятницу ехать к нам навстречу, но уже это вышло не нужно. Встречу нашу описывать не для чего, вы ясно видите ее своим воображением. Отобедав у директора лицея², мы отправились вместе в путь в карете, которую прислала Лиза, а Н[иколай] Р[оманович] с депушкой в тарантасе; вещи все погрузили в две подводы, которые и до сих пор еще не прибыли в Киев. Коля в дороге хорошо ознакомился с отцом и матерью, так что с первого раза был у них в доме, как у себя. Сережа спал, когда Коля приехал, и очень удивился, проснувшись утром, что возле него в подобной же кровати спит брат. В Киев мы въехали в 11 часов ночи, меня и Ваню Саша завезла к Лизе, они ложились спать, и мы с трудом достучались. Петр еще читал в халате, а Лиза наскоро оделась и прибежала на цыпочках, напомнив мне этим свое детство. Долго, разумеется, мы обнимались с радостными слезами, к которым невольно примешивалось и грустное воспоминание. У них мы поужинали, напились чаю, просидели до 2-го часа и уехали к Сашеньке, где нашли Колю играющего; он дорогой выспался, а Н[ико-

лая] Р[омановича] еще не было, он отстал за две станции, потому что мы забрали всех бывших там вольных в карету, а он должен был ждать почтовых. В 3-ем часу он приехал, и мы разошлись по местам. Утром приехала Лиза, Алек[сандра] Ив[ановна] с Соничкой, потом Сашенька Дав[ыдова] с Васей, Лизины детушки³. Обедали первый день у Саши, вчера у Лизы; оба вечера у первой, и Алек-сандра Ив[ановна] оба с нами провела, нынче будем обе-дать у Саши, а вечер у Ал[ександры] Ив[ановны], а у Н[иколая] Р[омановича] профессорский вечер. Чижов⁴ приехал только за день до нас и заболел. Последние обе-ночи мы ночевали в своей квартире, но устроиться еще не можем, все наше еще на пути, сегодня ожидаю, что люди придут.

Вот тебе, милая Зинуша, подробный довольно рас-сказ, теперь с первой почтой жду от тебя весточки, на-деюсь, что ты здорова и муж твой также; вероятно, это письмо его уже не застанет, а если он еще будет в Мо-скве, то обними его за меня крепко и расцелуй; матуш-ке⁵ мое почтение самое искреннее и всем вашим сердеч-ное приветствие. Сестричке моей я прошу особенно, а брату Ник[олаю] Ник[олаевичу] скажи, что никто по до-роге не знает Муравля, и потому я к Платону не мог заехать⁶, по всем вероятностям, он на другом тракте, а не на том, по которому мы проезжали. Попроси у Ни-колая адрес Платона и пришли мне его, я, получивши, буду тотчас к нему писать. Сына его⁷ я здесь не застал, он уехал на службу в Каменец. Жаль было слышать, что он очень пошаливает и желательно бы было, чтоб он был под надзором у старшего брата, а если это невозможно, то на чьих-нибудь довольно строгих руках. Передай это моему брату и его дяде. Петруша, Володин брат, очень полюбился мне своим обхождением, он совсем другого лица, черные волосы и бакенбарды⁸, похож на мать; она приняла меня с отверстыми объятиями, послала доче-рям весть о моем приезде, оне хотели тотчас быть, только дороги теперь так дурны, что я не знаю, как они решат-ся пуститься в путь. Марью Каз[имировну] я видел еще в первую ночь, она оставалась у Саши с детьми. На дру-гой день я был у нее и видел дочь и внучку⁹. Рейхель пишет, что он сам собирается из Иркутска в мае и что Н[иколаю] Н[иколаевичу] на обеде в Красноярске золото-промышленники собрали 16 т[ыс.] сер. на Амур. Яшу¹⁰

отдала на руки какому-то профессору. Я нашел здесь письмо от Конст[анции] Юл[иановны] от 25 февраля, вероятно, нового стиля. Она еще не родила, довольна приемом, между прочим, и Влад[имира] Ив[ановича]. Муж ее застал тетку умирающей. Адрес ее: в Краковском предместье, палац графа Красинского № 410. Прощай, моя милочка, душечка моя, еще раз крепко тебя обнимаю и жду с нетерпением строчек от тебя.

Храни тебя господь на радость твоего мужа и мне на утешенье. Христос с тобою.

158. З. С. СВЕРБЕЕВОЙ

Киев, 15 марта [18]57 г.

Наконец-то, моя милая Зинушка, ты получила известие о приезде нашем сюда и беспокойства твои на счет мой прекратились¹. Ты видишь, моя душечка, еще раз подтверждение, что не надобно предаваться беспокойству прежде, нежели взвесишь все обстоятельства, могущие положить препятствие в пути. Счастье, что и в десять дней нам удалось доехать; если бы Сейм, бывший уже плох, разошелся, то пришлось бы нам ждать несколько дней на берегу его. Теперь уже мы спокойно живем в домике, который Саша приготовила мне и в котором помещение для меня слишком достаточное. В нем я, вероятно, проживу до тех пор, пока Ваня поступит в гимназию и Н[иколай] Р[оманович] определит, где они будут жить зимою. Тогда перемещусь и я так, чтоб быть близко и к ним, и к той гимназии, в которой будет учиться Ваня. Занятия его начались, но еще не по всем частям, потому что не по всем еще нашлись преподаватели. Я очень доволен тем, что здесь возбудилось в нем самолюбие и решимость заняться усиленно, чтоб поступить повыше классом. Саша эти дни провела довольно скучно; Н[иколай] Р[оманович] занемог, и боялись серьезной болезни; вчера, однако ж, ему стало легче, а сегодня, т[о] е[сть] сейчас, Саша заехала сказать мне, что он покрылся весь какою-то сыпью. Она поехала проститься к Дашеньке Рыл[ской]², которая приезжала повидаться со мною. Вчера я с нею провел некоторое время у ее матери, а потом вечер вместе у Лизы, с которой она еще не была знакома. Саша говорит, что она много пополнена, а я нашел в лице ее черты брата моего и, следовательно, сходство с На-

денькой Л.³. Она теперь живет в 45 в[ерстах] от Киева, почти все по шоссе, так что летом будет только приятная прогулка до них. Муж ее приезжал со мной знакомиться за несколько дней раньше. Сейчас она прервала меня своим призывом, уезжает домой и заезжала проститься. У них два большие мальчика здесь в гимназии хорошо учатся и строго содержатся отцом под надзором одного его приятеля. Она очень желает с тобой познакомиться и надеется, что это сбудется не в продолжительном времени. У ней есть еще дочь по 10-му году, она золотушна, и они боятся вывозить ее зимою. Ты получила, конечно, прошение, которое мы тебе послали, и, надписав его, отправила уже к дяде⁴; теперь я посылаю тебе письмо А. В. Белоголового, оно нужно Николаю Дмитриевичу для расчета с Куманиным и подрядчиком, который привезет вам вашу карету. Я думаю, что сестра моя уже уехала в Пе[тер]бург, и хотел бы знать, какие известия ты имеешь о Борхах. Я надеюсь, что его усталость после проезда по железной дороге не имела последствий. Марья К[азимировна] показывала мне письмо Н. И. Лорера, в котором он пишет много о тебе, разумеется, с великою похвалою. Жаль, что Ив[ан] Дм[итриевич] все в беспокоействе, дорогой — от сына, на месте — от внучки⁵. Желал бы очень знать, что беспокойство его прекратилось и что сын получил разрешение, которого просил, но как-то этого не смели ожидать после того, что ты пишешь о Матв[ее] Ив[ановиче]⁶. Кажется, нельзя было жить скромнее его. Я уже тебе писал в последнем моем письме, что я очень доволен, что ты познакомилась с м-м Armfelde⁷. Я лично ее не знаю, но знаю по репутации и особенно по рассказам о ней Н. Д. Фонвизиной. Эта в Москве еще или уехала в деревню? Если случится ее видеть, скажи, что я очень жалею, что мне так мало удалось видеть ее и в таких неблагоприятных обстоятельствах⁸. Нарышкиным и Трубецким кланяюсь; обними кузину мою Гл. Ник. и Фоклу⁹, когда их увидишь. Всем в доме у вас всякие от меня любезности, а маменьке сердечное почтение, может быть, и батюшка воротился; ему также душевное мое приветствие. Прощай, мой милый дружок, обнимаю и целую тебя без счета, господь продолжай хранить тебя, как хранил до сих пор. Ваня и сестры тебя обнимают. Христос с тобой.

Киев, 16/28 марта 1857 г.

Дорогой друг, передо мной лежат два твоих письма, на которые я не ответил. Одно, в коем ты говоришь о твоих обо мне предчувствиях, и другое, поздравительное, по поводу исполнения сих предчувствий¹. Оба они полны самой доброжелательной дружбы, оба свидетельствуют о том живом интересе, с которым ты относишься ко всему, что меня касается. Как ты догадываешься, дорогой друг, о моих чувствах, как входишь в мое положение! Ты понимаешь, что я могу быть спокоен, смирен, доволен даже, но что счастья быть для меня не может с тех пор, как я не могу разделить его с той, которая делила со мной мои радости и мое горе. Я далек от ропота, вера вещает мне даже, что всем тем добрым, что мне даруется, я обязан ее посредничеству, но тем не менее не думаю, что поступаю греховно, сожалея о том, что не могу видеть, как она радуется свиданию со своими детьми, о котором она так мечтала. Всем сердцем вручаю себя воле божьей, но слабость человеческая виной тому, что подобное повиновение всегда более или менее бывает тяжело. Ты поставила мне, любезный друг, несколько вопросов, на которые я отвечу тебе, насколько ты этого желаешь, исчерпывающе: сие предвозвещает тебе о том, что письмо мое не будет коротким. Во-первых, скажу тебе, что я окончательно поселяюсь в том месте, откуда пишу тебе. Здесь проживает моя старшая дочь. Муж ее, будучи попечителем университета², по всей вероятности, пробудет на этой должности достаточно времени, чтобы позволить мне окончить здесь образование моего сына, которому нет еще четырнадцати лет и коему предстоит еще несколько лет учения. В настоящее время моя дочь Лиза тоже с нами. Она не остается на лето, но имяние ее мужа находится лишь в 200-х верстах, и если она поедет в Одессу на морские купания и оттуда в Крым, расстояние не так уж велико, чтобы не попытаться его преодолеть, когда на то придет охота. Зинаида осталась пока в Москве, в семействе мужа, где о ней очень заботятся <...>.

Я покинул Иркутск 1-го декабря, имея с собой Сашенькиного ребенка, я часто должен был останавливаться в пути и достиг Нижнего лишь 8 января. Тут я нашел мою сестру, приехавшую ко мне навстречу. Приехав в Москву, я нашел уже там брата Никиту с женой и до-

черью и сестру твою Софью с двумя детьми³, ухаживающей за серьезно заболевшим мужем. Я был несказанно тронут этим знаком высказанной мне их дружбы и очень горестно поражен опасным состоянием здоровья Александра. Слава богу, он выскочил. После его выздоровления мы переговорили с ним о наших делах и вошли в соглашение по поводу раздела моих детей <...>. Должен сказать тебе, что среди лелеемых мною мечтаний самым постоянным и дорогим для моего сердца является желание воспользоваться моим здоровьем и моими силами для того, чтобы посетить тебя в твоём дорогом тебе Неаполе; как был бы я счастлив обнять и поблагодарить тебя изустно за ту добрую и горячую дружбу, которую ты ко мне сохранила <...>. Ещё недавно ни одна подобная мысль не приходила мне в голову. Я расположился окончить остаток дней моих в Иркутске без надежды когда-либо снова увидеть разлученных со мною дочерей, несмотря на имеющееся у них доброе намерение в один прекрасный день преодолеть шеститысячеверстное расстояние, нас разделявшее. Заботой моей было найти возможность отправить Зину в Россию, что представлялось трудным, так как она не хотела меня оставить. Что же касалось моего сына, я рассчитывал продержатъ его у себя до того времени, когда он был бы достаточно подготовлен для поступления в один из русских университетов, ибо для него я полагал всегда, что благосклонность нынешнего императора откроет одну из дверей, давая тем возможность устроить его карьеру и восстановить его в правах. Благосклонность государя превзошла мои расчеты, и я от всего сердца приношу ему мою благодарность. Единственное, что остается мне, это просить у господина прожить ещё несколько лет, чтоб умереть уверенным в том, что заботы мои о сыне не пропали даром и что он осуществит положенную мною на него надежду <...>⁴.

160. Э. С. и Н. Д. СВЕРБЕЕВЫМ

Киев, 19 марта 1857 г.

Вчера Сашенька получила от тебя письмо, милая моя Зинуша, а я третьего дня от Н[иколая] Д[митриевича] чрез сына Анны Фр[анцевны]. Между двумя этими письмами разница 7 дней; почему я и должен ожидать, что

Н[иколай] Д[митриевич] уже возвратился в Москву, так как ты того и ожидала. Слава богу, ты здорова, надеюсь, что и он таковым возвратился. Ты говоришь, что он был намерен принять сделанное ему М. М.¹ предложение; ожидаю последующих известий от вас, чтобы верно знать, чем дело кончилось. Я не нахожу, чтоб предложение было выгодное по службе, потому что тот, который занимает это звание, о котором ты пишешь, прибежал при мне к Владимиру² перед отъездом своим в Петербург с предложением искать места управляющего там, которое должно очиститься, а Владимир в том же чине, как и Н[иколай] Д[митриевич]. Если вы будете в Нижнем, то это даст мне возможность видеть семейство Влад[имира], когда буду приезжать к вам, и потому, если Н[иколай] Д[митриевич] решится, то я лучше желаю, чтобы это было в Нижнем, нежели в Симбирске. Там же и для вас уже есть доброе знакомство. Вчера мы обедали и весь день были вместе у Сашеньки, посторонних за обедом был только один доктор Меглин, которого микстуры принимал Н[иколай] Р[оманович]. Он сам с нами не обедал, а только после обеда сошел с своего мезонина. А вечером был только профессор Селин, хорошо знакомый у них в доме и человек приятный³. Он читает публичные лекции о литературе, которые очень посещаются здешнею публикою. Саша и Лиза ездят его слушать, однажды был и Ваня. Он проходит вообще литературу европейских государств и останавливается на лекциях более известных. Мы застали его на итальянской литературе на Петрарке, Тассе, Ариосте⁴, а теперь он переходит на Гишпанскую. Марья Казимировна также провела день с нами. Ее дочка уезжает послезавтра к дяде, где, кажется, намерена оставаться, ожидая от него земных благ. Яша живет у одного учителя, которого доводит, кажется, до отчаяния. С нынешнего дня начинаются у нас настоящие занятия для Вани и Феди, до сих пор они только еще со мною занимались, а сегодня начнут с посторонними преподавателями, только еще не по всем предметам, которыми нужно заниматься; еще не нашли учителя для латинского языка и некоторых других. Хотя здесь и много их есть по всем частям, но они также очень заняты. Университет здесь очень умножился с тех пор, как здесь Н[иколай] Р[оманович]. Теперь более тысячи человек, две гимназии, из которых в одной более шестисот, кадетский кор-

пус, институт, пансионы, так что хотя много учащихся, но много и учащихся. Дети были все вчера вместе Лизины и Сашины и еще мальчик их же лет, знакомый им, Павлусь Галаган, который говорит по-хохлацки. Отец его умный и просвещенный помещик Полтавской и Черниговской губерний, который зиму проводит здесь и хорошо знаком с нашими⁵. Я не пишу особо к Н[иколаю] Д[митриевичу], этот листок относится к вам обоим. И обоим вас целую и обнимаю и поручаю милости господней.

Матушке его и всем вашим мое почтение. Ив[ану] Дм[итриевичу] и всем приятелям много дружеского. Христос с вами.

161. Н. Д. СВЕРБЕЕВУ

Киев, 28 марта /12 апреля 1857 г.*

Не отвечал я ни на одно из твоих писем, милый мой друг Николай Дмитриевич; я ожидал возвращения из Петербурга и очень был рад, получив уже письмо от тебя из Москвы. Зине пришлось менее скучать, нежели я опасался. Похождениям в столице не дивлюсь, щедрые обещания редко сопровождаются исполнением, и очень еще счастливо, что в короткое время нашлось также место, которое можно взять на время¹. Хоть оно и не соответствует чину, как ты сам говоришь, и я писал Зине, но я тоже, как и вы, рассчитываю, что все останется недолго в таком положении; когда я был еще в Нижнем, то помощник Даля² приезжал предлагать Владимиру, чтоб он искал место управляющего, потому что Даль намерен был оставить это место и должен был перейти в Министество. Теперь и вы и я, по крайней мере, знаем, где вы будете, и желал бы я, чтоб вас не тревожили из Нижнего, когда вы там будете; я полагаю, что там вам будет приятнее, нежели в другом городе, по многим причинам, вам столько же известным, как и мне, и которых поэтому не для чего исчислять. Хотя от нынешнего моего жительства и подальше Москвы, однако я надеюсь, что это не будет для меня препятствием посещать вас. В Москву бы гораздо труднее, по запрещению там жить, которое, как

* Двойная дата в подлиннике; возможно, письмо писалось с перерывом.

вижу из разных получаемых известий, заставило многих из наших оттуда выехать. Когда будешь писать ко мне, пожалуста, скажи, что знаешь о каждом из них³. Ив[ану] Дм[итриевичу] я писал, но от него не получал еще ответа; слышал, что Петр Николаевич⁴ также приехал для свидания с братом, но более ничего не знаю. Из Иркутска также здесь не получал еще ни одного письма. Сам же живу спокойно, слежу за уроками детей; по иным предметам сам еще с ними занимаюсь, но после пасхи все надеюсь устроить правильное и спокойнее для меня и успешнее для них. До 1-го мая проживут здесь Давыдовы, а тогда Петр В[асильевич] проедет посмотреть Саблы, а Лиза в свою Каменку. Если мне в это время не удастся быть у вас, то я думаю ее проводить и пробыть с нею там несколько дней; я лучше бы желал поехать к вам, но не очень знаю, как это сделать при строгостях, которые соблюдаются в Москве. Слава богу, что Зина так хорошо дохаживает срок; немалым благодарением должны мы за это всевышнему. Это дает мне полную надежду, что все будет как только можно желать благополучнее. Расцелуй ее за меня. Не забудь меня пред твоими родителями и сестрицами. Всех вас поздравляю с наступающим праздником и желаю провести его весело. Прощайте, обнимаю вас. Христос с вами.

162. Э. С. и Н. Д. СВЕРБЕЕВЫМ

Киев, 4, 5 апреля 1857 *

Вчера я получил много писем из Москвы, по два от каждого из вас, милые мои Зинуша и Николай Дмитриевич, и одно от сестры. Удивительно, как на таком небольшом расстоянии медленно ходит почта, и две почты столкнулись вместе. Письма были от 21-го и 24-го марта. Вы не взыщете, конечно, что я отвечаю вам не порознь, а совокуплено в одном письме, так как вы, милые друзья мои, и в сердце моем неразлучны. Андрей Андреевич едет не скорее почты, его еще нет¹. Впрочем, это меня не удивляет, потому что сам по опыту знаю, как худа езда по частным подорожным. Он, конечно, вольных не нанимает и поэтому вынужден, вероятно, бывает сидеть на станциях по несколько часов. Я видел некоторых,

* Письмо писалось с перерывом.

которые проживали по трое суток на станции. Это у нас называется ездой на почтовых. Так люди умеют себя обманывать и предполагать удобства там, где вовсе их нет. Прижимки, которые наши терпят в Москве, заставляют меня отказаться от надежды, льстившей меня, что я могу увидеть вас в скором времени²; другого, кажется, не остается мне, как ожидать, чтоб вы переехали в Нижний, там мне ничто не помешает видеть вас и провести с вами некоторое время, хотя и короткое, если здоровье, бывшее до сих пор хорошим, не изменит мне. Благодарю вас за известие с всех наших выходцах; я желал бы, чтобы вы к нему добавили адрес Петра Николаевича Свистунова. Вы не говорите также, где именно думает пребывать Иван Дмитриевич, но я надеюсь, что он сам сообщит мне это, как равно и о здоровье Вячеслава. Я очень доволен, любезный Николай Дмитриевич, решению твоему оставаться в Нижнем до очищения там высокого места; там вам приятнее будет, нежели переезжать в другой город, хотя бы и по соседству, и я тут также нахожу свою выгоду, одним камешком два удара сделать³. Не полагаю, чтоб на это не изъявлено было согласие, напротив, думаю, что это должно понравиться главному начальству. Крепко соболезную я о Нелинке, да и старика мне жаль. Не наказание ли здесь за гордую самоуверенность, отвергшую промысел в судьбе человеческой?⁴ Приятно мне постоянно читать, что здоровье Зины поддерживается так хорошо, как мы только можем того желать; будем твердо уповать на продолжение милости божьей и ожидать от благости его радостного события. Грустно, что в это время не могу быть с вами, но это слишком бы было великое благополучие. Если б все исполнялось по нашим желаниям, то на земле был бы рай, и потому надобно препятствия принимать с величайшею покорностью, чтоб грусть никогда не доходила до ропота. Поздравляю вас с принятием тела и крови господней; я также сегодня причащался вместе с моими мальчиками; Лиза с мужем тоже, только в другой церкви, у них деточки не совсем здоровы, а у Саши все хорошо. Они вас целуют и обнимают; Н[иколай] Р[оманович] жалуется, что никогда не успевает отвечать на письма. У него нынче довольно было и есть хлопот; надобно сдерживать молодежь, раздраженную печальным происшествием, о котором, может быть, дошел к вам слух. А это довольно трудно, когда их бо-

лее тысячи и притом разных племен*, не слишком между собою или даже и вовсе не гармонирующих⁵.

Ящик Ивана Дм[итриевича] в первом транспорте за № 11, весу в нем 4 пуда 5 фу[нтов]. По этим указаниям его, я думаю, легко отыскать и отделить от других. Я послал вам уже давно письмо Белоголового; оно было подписано на имя Зины, и теперь, конечно, вы его получили, невзирая на медленность, с которою ходят письма. Я отсюда ни одной почты не пропускал и не намерен и вперед пропускать, и потому, когда вы письма от меня не получите, можете эту вину прямо свалить на почту. Если б я сам почему бы то ни было не мог написать, то Ваня напишет хотя две строчки. Итак, знайте, что вам никогда не будет причин беспокоиться и придумывать что-либо неприятное.

Марье Казимировне передам твое поручение, она, бедная, больна была эти дни, простудилась, говевши, и нажила лихорадку, однако поправляется. Но эта болезнь заставила ее остаться в городе, когда она хотела ехать по приглашению на праздник за 75 в[ерст] отсюда. На ее руках остался здесь Яша, которого она передала одному учителю гимназии, человеку семейному, который не знает, как с ним пособиться. Жалко, а между тем смешно, что он выделяет. Отзыву г[рафа] Панина дяде можно только удивляться, стоит только заглянуть в X-й том Свода законов и в книге 1-й раздела 2-го прочитать статью 264, чтоб убедиться, что г-н министр юстиции противоречит закону⁶. Я отвечаю на ваши письма днем ранее и завтра дополню мое письмо. Сейчас я получил письмо от Пфаф[фиуса]⁷ от 21-го февраля; они в ожидании приятного семейного события и вам кланяются.

5-го апреля

Саша передала мне письмо тетюшки Зин[аиды] Ив[ановны] для отсылки его к тебе; оно писано ко всем вам трем вместе. Я писал тебе о нем прежде, когда было получено. Сестры на него отвечали. Ты знаешь ее адрес по последнему ее письму, я тогда же тебе его сообщил.

Прибавлять сегодня нечего, а только остается обнять нас и расцеловать мысленно и просить вас не забыть ме-

* На этом слове кончается с. 15 об. На с. 16 помета автора: «к 4 апреля. 2».

ня пред вашим семейством и пожелать всем хорошего праздника.

Чижев приезжал говеть и тотчас потом уехал.

Прощайте. Христос с вами.

163. З. С. и Н. Д. СВЕРБЕЕВЫМ

Киев, 5 апреля [18]57 г.

Любезные, милые друзья мои, я уже хотел запечатывать мое к вам письмо (посылаемое в другом конверте по неимению здесь 2 <...>*), как получил ваши от 28 марта. Вы опять в них жалуетесь, что не получаете моих писем, но успокоились, говорите, узнав, что из Тулы письма ходят по две недели. О ходе ваших ко мне вы также прочли во вчерашнем моем письме. Вина вся лежит на почте, а я пишу как нельзя чаще, ни одной почты не пропускаю. К сестре буду писать завтра в Питер; дай бог ей там устроить свои дела, пора ей приобрести сколько-нибудь спокойствия. Вот уже почти 30 лет, что она живет постоянно в тревожном положении, не имея возможности ни на что рассчитывать. Все это могло бы давно устроиться, если б муж не был так беспутен и опекун подтверже¹. Я порадовался, когда узнал, что в это звание поступил человек честный и добросовестный, но оказывается, что эти добрые качества без твердости оказываются бесполезными. Благодарю за подробные известия о Ив[ане] Дм[итриевиче]. Теперь я понял, почему он уехал на теперешнее место жительства², однако первое письмо буду ему адресовать на сына, чтоб оно не затерялось, а потом от него, конечно, получу верный адрес. Расставаясь с дядей, я оставил ему письмо, которым просил, чтобы следующий мне доход с законной части он пересылал пополам Зине и Саше, что он и обещал и для того принял у меня письма, след[овательно], вы будете это получать в свое время, и нынешняя высылка сделана, вероятно, по соображению с полученными на сие время доходами, такую же сумму он выслал Саше. Должно надеяться, что судьба Лизаньки³ скоро развяжется. По человеческому суждению, это единственный добрый или лучший конец в теперешнем ее положении. Если он еще проживет, то душою дойдет до бешенства, а такое состоя-

* Одно слово неразб.

ние хуже всякого животного и даже не вызывает жалости. Благодарю вас, что вы помогли Соловьеву⁴. Быстрицкого все еще здесь нет, а Басаргина мы тоже сюда ожидаем; неужели ему не дадут в Москве оправиться от болезни⁵. Благодарю также, что вспомнили меня по случаю сестриной фотографии. Отправили ли вы мою Н. Н.?⁶ Екатерина Петровна, видно, еще не решила, где она поселится; если она еще в Москве, поклонитесь ей от меня и скажите, что она говорит о Бестужевых, где они? и где будут?⁷ Ожидать буду, какое привезет вам известие Владимир. Я рад, что ему удастся перемещение, боялся, если не будет, что он оставит службу и уедет в деревню; этого очень не хотели и в семействе, опасаясь, что его тогда ничем оттуда не выживешь из лесов и болот, до которых у него страсть. Ему более хотелось вице-губернаторства, нежели того, чего теперь может надеяться, хотя в материальном отношении это выгоднее; я даже думаю, что действительной пользы ближнему тут можно сделать более⁸. Обнимите Владимира за меня, когда увидите. Ежедневно и, можно сказать, ежеминутно благодарю создателя моего, что так хорошо сохраняется здоровье Зины. Спасибо и тебе, милый мой Николай Дмитриевич, что так попечительно о ней заботишься. Хоть она твое добро и ты свое сохраняешь, но не менее того оно приятно моему сердцу, и я не могу быть равнодушен. Сделай одолжение, изъяви сердечную мою благодарность всем твоим за добрую их память обо мне. Они оставили в моей самой приятной памяти впечатление, и знать, что в теперешнем моем положении Зина окружена такими родными, несказанно меня успокаивает. Обнимаю вас крепко, милых друзей моих. Христос с вами. Все мои вас обнимают.

164. Э. С. и Н. Д. СВЕРБЕЕВЫМ

Киев, 9-го апреля [18]57 г.

В субботу явился Анд[рей] Анд[реевич] и привез письмо, в котором я нашел все уже мне известное. Под конец своего пути он сошелся с попутчиком, который спешил доехать к празднику. Он останется со мной, пока не подберет себе места для жительства. Хочет непременно на Днестре, где надеется более наслаждаться теплом, не-

жели здесь, но я его уговорил не слишком торопиться и нынешний месяц провести со мною.

Поздравляю вас с праздником, милые друзья мои. Мысленно сказал вам «Христос воскрес», когда запели этот радостный стих в церкви университета, где я был с Сашенькой, Лизой и Петрушей; Н[иколай] Р[оманович] не мог сам присутствовать, его скрючило, и теперь он еще лежит с сильной болью в пояснице. Ваня и Федя были также с нами. Где вы слушали заутреню в эту ночь, когда вас с нами недоставало? Вероятно, в какой-нибудь домово́й церкви, где для Зинуши было спокойнее, нежели в приходской. В первый день мы обедали у Лизы; Саша с мужем пролежали, он от недуга, о котором выше сказано, а она от сильной головной боли. Вчера, однако, она была здорова и мы все вместе у них обедали; сегодня я опять у Лизы. Она здесь уже на недолго. Недели через две уедет в Каменку, а Петруша в Саблы. Присутствие здесь Анд[рея] Анд[реевича] даст мне возможность проводить их и пробыть с ними несколько дней в деревне; он на это время заменит меня при детях. У нас все еще холодно, последние дни страстной недели польстили было нас надеждой, что весенняя погода установится, но в субботу вечером поднялся сильный северный ветер, который только вчера стих и то не совсем. В субботу я простоял обедню в Лавре и шел еще оттуда под ясным небом и при тихом воздухе; это был еще первый такой день, да и он не устоял. В пятницу я был у площаницы в Михайловском монастыре; здесь служил викарный, а в Лавре митрополит. Я дивился, как он может служить при своей слабости. Причастились мы в четверг в первой гимназии, это близко от нас, и все жители Липок (так называется часть города, в которой мы живем) ходят в эту церковь, потому что она одна и есть в этой части, а все другие очень отдалены. Когда переведут гимназию к зиме в новый ее дом, где теперь кадеты, то в здешней части не будет совсем церкви, кроме институтской, в которую посторонним вход запрещен. Вечером в день пасхи я простоял в Софийском соборе, куда ходил с Васей Давыдовым; он всю страстную неделю почти безвыходно был в этой церкви, которой красотами не налюбуется. От нас туда ходить надобно спуститься с большой горы и подняться еще на большую, впрочем, по ровному месту можно дойти только до Лавры; Лиза тоже

З. С. СВЕРБЕЕВА, ДОЧЬ ДЕКАБРИСТА
Литография 1870-х гг. ГПБ, отд. вставпов

живет от нас под горою, а в ее соседстве и Марья К[ази-
мировна], которой сегодня рождение, и мы пьем у нее
чай; обедали вчера вместе у Саши, и я думаю сегодня
тоже будем вместе у Лизы. В Софийском соборе я видел
и старые годы¹ все столбы и стены выбеленные, исклю-
чая главного алтаря, где образа мозаичной работы; ныне
отколуплена вся штукатурка, и явилась наружу вся жи-
вопись, которою украшены все стены и столбы. Многое
было так попорчено, что нужно возобновить, и свежая
живопись всегда ясно означается. Старинная живопись
оказывает искусство в младенчестве, но она не без досто-
инства. Между мозаиками я заметил благовещенье, на ко-
тором богородица изображена с веретеном, прядущая нит-

ку, и другое есть, на котором она повторена в том же положении.

Послезавтра, если погода не слишком дурна будет, я собираюсь съездить в деревню к невестке, которая уехала туда на праздник. Это верст около 50; прежде, когда я выезжал туда к брату², была далее, а теперь прямое шоссе укоротило дорогу. Возьму с собой Ваню. Он очень доволен близким соседством Александры Ивановны, где ему весело с ее детьми и куда в праздники приходят кадеты племянники Ал[ександра] Вик[торовича], очень порядочные мальчишки³. Свободное время Ваня часто там проводит.

Предложение твое, мой любезный Николай Дмитриевич, в отношении свиданья с вами, которое я имею в виду, сходится с моими, как я уже и писал вам в прежних письмах, рознились только причины. Я теперь полагаю, что это не может совершиться ранее августа. Вот какие у нас предположения на лето: Н[иколай] Р[оманович] тащит Сашу на лето в деревню возле Козельца, 70 в[ерст] отсюда; сам будет часть его в разъезде. Я должен май провести в Киеве для уроков детей, а на время вакаций переехать туда же, взяв отсюда двух студентов для продолжения уроков. В начале августа все будут уже на старых местах, а я надеюсь пуститься к вам. Такое теперь наше предположение, а так ли устроит господь? Бог весть. В это время ходит отсюда до Москвы и от Москвы до Нижнего почтовая карета, и можно ехать без хлопот и без остановок на станциях за лошадьми. Очень желаю, чтоб все это могло так устроиться. Какая радость мне будет увидеться с вами и прижать вас к моему сердцу. Теперь же молю бога моего о сохранении вас в добром здравье и чтоб порадовал меня доброю вестью, когда совершится важное событие, у вас ожидаемое. Целую и обнимаю вас от всей души. Христос с вами. Всем вашим мое сердечное приветствие.

165. З. С. и Н. Д. СВЕРБЕЕВЫМ

Киев, 19-го апреля [18]57 г.

Вчера я получил депешу вашу, которая всего полчаса была в пути¹. Слава богу, все так хорошо, как можно только ожидать. Уповаю, что с помощью божиею все так же будет продолжаться. Вчера же получил и письма ва-

ши от 11-го и 12-го. У вас мороз и снег, у нас деревья развиваются и цветут; выглянуло солнце, которое до сих пор пряталось. Вся эта перемена последовала после небольшой грозы. Вчера с Сашей, Лизой и их мужьями я ходил по Ботаническому саду; он расположен на горе уступами, но деревья еще не в полном развитии; некоторые рода совсем еще не пускают листьев. Садами город богат, особенно та часть, в которой мы живем.

Очень благодарю тебя, милая моя Зинуша, об известии о сестре и об Александре Николаевиче. К первой я писал, но ответа еще не мог иметь, а для последнего очень бы желал, чтобы новое лечение ему помогло². Мне думается, что он лучше сделает, если переедет в Москву, останется только ж ему на старости лет, чтоб распродать тамошнее свое имущество. Только думаю я, что дорого поравнятся ценности проданного. Я обещал ему писать отсюда, до сих пор еще не исполнил обещания. Сначала занят был домашним устройством, потом, пока не нашел преподавателей, сам ежедневно занимался с детьми. А потом надобно было побыть с Сашей, Лизой, их детьми и время недоставало; нельзя было также забывать Александру Ивановну и Марью Казимировну. Теперь я только почти уже присутствую при уроках и все это время могу тоже что-нибудь сам делать. Ване хочется приготовиться для поступления в 5-й класс гимназии, не знаю, преуспеет ли он в этом. Требуются некоторые предметы, которые не были ему известны, напр[имер], латинский язык он начал только здесь. На время ваканций преподаватели, может быть, разъедутся, и тогда будет остановка. Если он к августу не успеет достаточно подготовиться, то, я полагаю, когда он и туда поступит, то он все же будет только приходящим; я нисколько не намерен разлучиться с ним жительство. Там я не мог бы усмотреть ни за занятиями его, ни за привычками, и нравственная сторона воспитания осталась бы без руководства. Я желал бы, напротив, найти порядочного человека из студентов, который бы жил со мною и на которого я мог бы положиться в случае отлучки, а на попечение одной Сашеньки мне нельзя их оставить. Я очень желаю и надеюсь это устроить в течение лета, чтоб иметь возможность поехать для свидания с вами. Анна Францевна еще у меня, а Магдуса у Саши при Коле; с одной няней Саша управиться не может. Сыну первой искала место

Лиза, и, кажется, Ник[олай] Вас[ильевич] Дав[ыдов] хочет взять его к себе. Если это сделается, то матери очень хорошо будет жить в Каменке при сыне. Там у них много должностных лиц, и она найдет по себе общество.

Любезного моего Николая Дмитриевича также благодарю за все письма, полученные от него в это время. Поручение к Чижову исполню через кого-нибудь из его знакомых, потому что самого его здесь нет³. Известия о назначении в Петербурге с нашими здешними несогласны; здесь по какой-то депеше определили М. Н. Муравьева на место Шереметева⁴. Если так, то не изменит ли это чего-нибудь в отношении тебя и Владимира? О железной дороге в Иркутске писал Н[иколаю] Р[омановичу] Языков; только мы поняли так, что от моря, и навело сомнение, чтоб исполниться могло, а из Читы или даже с Шилки — дело другое и очень вероятное⁵. Я рассчитываю, что вы не успели послать доверенности в Пе[тер]бург, но не думаю, чтоб из этого могла у дяди выйти остановка; и во всяком случае думаю, что он может кончить все по своему желанию в течение нынешнего месяца. Целуют вас всех наши, а я с ними крепко вас обнимем и Серēju.

Христос с вами.

[Ниже приписка:] Что делает вопрос, который повсеместно занимает? Здесь очень беспокоятся и желали бы скорого его разрешения; боятся, что медленность усилит существующее волнение⁶.

[На первой странице сбоку приписка:] Вы внимательны к обоим дедушкам: один крестит, другого имя дали, а я ожидал, что будет Дмитрий. Вероятно, можно уже поздравить с крещением.

[На второй странице сбоку приписка:] Вчера получили письмо от Ив[ана] Дм[итриевича], сегодня — от брата. Анд[рей] Анд[реевич] пока у меня и вам кланяется.

166. З. С. СВЕРБЕЕВОЙ

Каменка, 3 мая [18]57

По бумаге, по чернилам, по перу, словом по всему, ты догадываешься, даже не прочитав еще первой строки, что я пишу не от себя, милая моя Зинуша. Ты знала из последнего моего письма и из депеши, что я собирался к Лизе. Она уехала в субботу в ночь, а я с Петрушей в воск-

ресенье после обеда и во вторник съехали все в Каменке. Здесь живем совершенно по-деревенски, даже не знаем, есть где-нибудь еще жители, кроме Каменки. Так устроено, что, кроме своих полей и лесов, ничего более хозяева не видят. Наезжает иногда только муж к Катерине Васильевне¹, правда, при мне уже приезжал Бороздин²; а без того можно бы подумать, что мир ограничивается одною Каменкою. Поблагодари очень за меня и поцелуй ручку Катерине Александровне за то, что она поспешила совершенно успокоить меня депешей. Я едва успел получить ее до выхода, так она шла долго; ожидал в субботу и только в воскресенье получил в половине дня; кажется, шла более 15 часов. Теперь я совершенно спокоен, надеюсь, что ты будешь так же здорова, как была прежде; только дал бы бог здоровья малютке, и у вас все будет спокойно, и приятно время проходить в попечениях о милом существе. Еще новая причина мне радоваться, что ты в такое время под крылышком попечительной маменьки, опытность ее облегчит тебе заботы о Сереже и наставит тебя, когда ты будешь недоумевать, и успокоит тебя при случае, когда что-нибудь обыкновенное встревожило бы тебя. Я здесь пробуду еще несколько дней. День твоего рождения проведу здесь и, вставши утром, мысленно тебя и мужа твоего поздравляю с новорожденной. Хотел бы воротиться к 9-му в Киев, но не знаю, удастся ли. Зависеть будет от экипажа, который исправляется. У меня пока остался с детьми Андрей Андр[еевич], как я, кажется, писал³. Накануне моего отъезда приехал Басаргин и на другой же день хотел ехать к Бутовичам, где пробыть два месяца⁴. Он дорогой, говорит, поправился; прожил 18 дней у племянницы в Курске. Обнимаю и целую тебя, милый мой дружок, также и дорогого моего Николая Дмитриевича; поцелуй за меня моего внука; а всем вашим мое самое сердечное приветствие. Пожмите за меня руку Сергею Григорьевичу, давно собираюсь я к нему писать и все-то еще не исполнил намерения. Лорера ждем в Киев. Христос с вами.

167. И. С. ТРУБЕЦКОМУ

Каменка, 3-го мая 1857 г.

Хотя я уехал только на несколько дней, а не хочу оставлять тебя, милый мой Ваня, без известий о себе. При-

ехал я с Петрушей¹ во вторник рано поутру; все спали, было 6 часов. Лиза и дети встали в этот день поздно, потому что не совсем еще тогда отдохнули от дороги. С другого дня стали уже ранее вставать и ранее обедать, в 2 часа. Погода стоит сухая, и вчера, и сегодня мы ездили по полям и в лес, где набрали много ландыша. Здесь в саду много сирени и поют соловьи, более нет ничего замечательного, только разве крик лягушек, заглушающий иногда пение соловья. Дети весь день в саду, здесь они втроем, четвертый пока еще им не товарищ, потому что мал. Лиза и Петруша тебя целуют и я также, поцелуй за меня и Федю; поклонись Анне Францевне. Я уверен, что ты с Федей без меня хорошо и прилежно занимаетесь и не делаете ничего такого, что бы могло мне не нравиться. Андрею Андреевичу пожми за меня руку. Я хотел бы быть к вам к 9-му числу, не знаю, удастся ли, зависит от того, будет ли готов тарантас. Прощай, еще раз целую тебя. Христос с вами.

168. З. С. СВЕРБЕЕВОЙ

Киев, 13-го мая [18]57

Сегодня день рождения Вани, а я получил письмо, которое ты писала в день своего рождения, милая моя Зинуша. Нисколько не сетую на тебя, что ты пишешь мне на маленьком клочке бумажки; не обременяй себя перепиской, пусть силы твои восстановятся совсем по-прежнему, тогда можешь себе писать, сколько тебе угодно. Я доволен уже тем, что читаю несколько строк твоего почерка, вижу, что он тверд, и что силы твои возвращаются ощутительно для тебя, и, наконец, что зубная боль твоя прекратилась. Я боялся, чтоб она не вошла в привычку, а это было бы мучительное состояние, которое могло бы отразиться неприятно и физически и морально.

Я тебе, кажется, писал о пребывании моем у Лизы; теперь прибавлю некоторые подробности. Каменка далее от Киева, чем я полагал, почти 300 верст; и в сторону от большой дороги 30 в[ерст], так что на последней станции надобно нанимать вольных лошадей, что здесь в краю не так удобно, как в Барабинской степи, потому что здесь у крестьян в ходу более быки, нежели лошади. <...>* Я пробыл в Каменке 8 дней, от вторника до сре-

* Несколько слов неразб.

ды, с Лизой уехала туда Сашенька Давыдова и со мной воротилась; ей дико было расстаться с семейством на долгие время. В Каменке домик, где живут мои, просторный для их семьи и для Николая Васильевича¹, который в нем же занимает две комнаты, с одной стороны садик, который он устраивает и в котором есть несколько старых деревьев, а с другой большой двор.

Садик простирается под гору до речки Тясмин; а в нем же в полугоре, в нескольких шагах от 1-го дома, другой, поменьше, в котором живет Катерина Васильевна. Муж ее все в полку, а здесь только наездом, что было и при мне. Возле сада проходит дорога, по которой довольно ездят. Она называется военною. Через дорогу большой сад, запущенный, но с многими плодовыми деревьями и огородом. Там большею частью играют дети, потому что много тени и от ветра можно спрятаться. Во все время, что я был, ветры были сильные и холодные, дождя у них не было с 10-го апреля, и очень его желали для хлебов и особенно для бураков, тем более, что последних довольно количество нужно было перепаживать, попорчены нападением жучков, любящих эту пищу. Ездили мы все вместе гулять в поля и в леса, а возвращались с огромными пучками ландыша. В садах цвело множество сирени. Ник[олай] Вас[ильевич] отличный хозяин, предался делу всеми своими способностями, не потому, чтоб имел к тому страсть, напротив, оно бывает часто ему в тягость, но от доброго управления имением зависит благосостояние многочисленного их семейства, и он ввел порядок, которого до него не было, и поправил крестьян, которых управляющие до него разоряли. Он, как и прочие многие здешние помещики, готовится к ожидаемой перемене, стараясь, чтоб она, сколько возможно, менее теперешние отношения*. Крестьяне отправляют работы по правилам, определенным инвентариями², а за всякую непоказанную в них работу платят по вольной цене. Теперь у всех главный доход — свекловичный сахар и забота многочисленных здешних заводчиков — отыскание топлива, которое могло бы заменить дрова, потому что заводы потребляют огромное количество леса, а ими край не изобилует. Леса здешние имеют совсем отличный вид от сибирских, редко встретишь сосно-

* Так в подлиннике.

вых или березы, а все дуб, клен, граб, берест* и пр. лиственничные, которые дают лесу совсем другой вид.

Но прощай, оставляю тебя, что[бы] писать твоему мужу. Новорожденный и Саша вместе со мною целуют тебя и твоего малютку. Христос с вами.

169. Н. Д. СВЕРБЕЕВУ

Киев 13—14 мая [18]57**

Все письма от вас, милый мой Николай Дмитриевич, доставляют мне несказанное удовольствие и заставляют меня обращаться с признательным духом к благому творцу, изливающему на нас неизреченные свои благодеяния. Будем стараться, насколько возможно смертному, не лишаться его милостей по собственной нашей воле. Благодарю тебя, любезный мой друг, за подробные и дельные твои письма. Мне совестно, что я так коротко всегда на них отвечаю, а между тем думается иногда, что если б мои были длинные, то они были бы довольно скучны и однообразны.

Общезанимательного ничего не имею, а местные истории должны ограничиваться теми, кого они касаются. Здесь край по преимуществу земледельческий; помещики живут в городе не для того, чтоб расточать свое имущество, и потому, когда случается мне видеть таких, то я всегда слышу разговоры о погоде, засухе, устрашающей насчет урожая, и тому подобное. Если б я умел описывать природу, я мог бы распространиться в описании здешней местности; часть города, в которой я живу, очень красива в этом отношении. Почти каждый дом с садом, деревья не обрубленные, как в московских садах, но вековые, над которыми еще возвышаются италийские тополи, посаженные повсюду по обеим сторонам улиц. Абрикосы, яблоки, груши, вишни и черешни перестали цвести; их заменили сирени белые, голубые, лиловые, дикие каштаны; из цветов в клумбах только видел еще тюльпаны, может быть, оттого, что давно не был в ботаническом саду. Жаль, что там грунт земли слишком песчаный, а местность очень живописная. Гористое местоположение очень приятно для моих глаз, отвыкших глядеть на равнины. Вообще в окрестности Киева места неров-

* Берест — вяз.

** Письмо писалось с перерывом.

ные, возвышения, разделенные буераками, городки, местечки и деревни с домами, окруженными садами, встречались мне везде на дороге на протяжении моего пути в Каменку. Белые домики, или, вернее, мазанки, посреди зелени — привлекательны. По дорогам движения много, но это не быстрое движение проезжающих на почтовых лошадях, но мерное движение тихо и медленно переступающих волов. Толпы богомольцев по дорогам и в городе, одни вступающие, другие отходящие восвояси. Теперь, в рабочее время, большею частью женщины. По тому, что я уже успел видеть, полагаю, не лишне считать, что чрез город пройдет в год до полумиллиона. Знакомство мое здесь ограничено, всего три семейства чужих, из которых одно уже уехало. Теперь на днях приехали Мадейские¹, и у них я кое-кого видел и, конечно, еще увижу; это мне даст возможность приобрести какое-нибудь понятие о здешнем дворянстве. Оно начинает собираться к выборам, но слишком многочисленно не будет, потому что много уехало за границу.

Мне не удалось еще присмотреться к быту здешнего крестьянина, по Каменке судить о всех нельзя, а государственных и вовсе еще не видал. По хатам вывести суждение невозможно, все они одинаковы. Более или менее фруктовых садов в деревне означает уже более или менее крестьянин имеет свободного для себя времени, но и тут можно ошибиться, потому что самые большие сады посреди лесов. В здешней губ[ернии] около 1 500 000 д[уш] об[оего] пола; из них около 120 т[ысяч] католиков и более 200 т[ысяч] жидов; государственных крестьян должно быть довольно большое количество, если принять в соображение конфискованные имения — у одного Потоцкого и одного Браницкого слишком 50 т[ысяч] д[уш]. Этого я еще не успел привести в ясность.

У нас здесь все, слава богу, сегодня здоровы. Вчера и третьего дня был нездоров Сережа, у него был сильный жар, и вы знаете Сашеньку, поэтому можете судить, в каком она была положении, ей же все казалось, что болевень принимает вид той, которая была у <...очки>*. Вчерашний больной сегодня бегают по комнатам, а брат его сделал честь и пожаловал кушать к новорожденному

* Начало слова залито чернилами и не поддается прочтению, возможно «Кокочки» или «Софочки».

и, выпив полрюмочки шампанского, рассердился, что больше ему не дали, уехал домой. Вечером у нас будет бал, то есть Ребиндеры и Александра Ивановна обещали прийти чай пить. Ожидая их, скоро оставляю вас до завтра.

14. Вчера получил я от дяди² письмо, он ожидал Зиной доверенности и просил о скорейшей высылке Лизиней. Левушка Д[авыдов] по телеграфу уведомлял уже, что он ее не получил³, и ему тем же путем отвечали, что она выслана из здешней почтовой конторы 1-го апреля, следовательно, справку о неполучении надобно навесть в П[е]т[ер]бургском почтамте. Дядя уведомляет также, что дело не будет кончено ранее 3-х или 4-х ме[ся]цев, потому что нужно будет утвердить раздел в Пензенской опеке, в которую также сообщить высочайшее повеление, какое состоится на общеподданную просьбу; а просьба эта, как слышно, еще не пущена в ход министром. Кстати здесь сказать, что я министра напрасно винил за отказ в продаже дома⁴; дядя прислал мне отношение к нему министра, и видно из него*, что в просьбе не сказано было, почему он просит о продаже, на этом и основан был отказ. Между тем я боюсь, чтоб не была также остановка по моей доверенности брату моему; он хочет ехать за границу, и я спрашивал их, что мне предстоит в этом случае делать?—надобно будет или дать кому другую доверенность, или уполномочить брата на передачу уже имеющейся у него кому другому.

У нас становится жарко. Сашу гонят с детьми из города, а ей не хочется, потому что она тогда будет одна с Наденькой и двумя ребятишками. Ник[олаю] Ром[ановичу] теперь отлучиться нельзя по случаю, вероятно, известных вам происшествий⁵, а когда он от них освободится, надобно будет ехать осматривать учебные заведения, и почти все лето пройдет в разъездах. Мне надобно оставаться в городе, чтобы дети могли продолжать свои уроки, а поэтому Саша никак не хочет уехать в Козелец, который в 70 в[ерстах] отсюда; если переедет, то куда-нибудь поблизости города. Есть в окрестности прелестные места, но бедные жилищами; не знаю, отыщут ли что удобнее.

Колюша становится бойким, перенимает много движе-

* «из него» вписано поверх строки.

ний у брата и часто ушибает себе лоб; третьего дня набил себе большую шишку. В Москве отец был очень доволен, что он его худо принял, а здесь его очень любит. Некоторое время он здесь был очень дик, теперь он перестает дичиться. Я ему часто напоминаю о вас, но думаю, что если он долго не будет вас видеть, то забудет фигуры ваши, хотя и будет знать имена. Я, кажется, писал Зине, что у К[онстанции] Ю[лиановны] родился сын, вчера от нее получил еще письмо, в котором она много заботится о Зине, полагая, что у ней есть или скоро уже будет дитя. Она говорит мне также о какой-то даме м-м Arno femme du Président de Vorlonia*, которая говорит, что очень меня знала и хотела видеть мой портрет. Я никак не умею припомнить, кто бы она была, а К[онстанция] Ю[лиановна] пользуется этим случаем и неотступно просит моего портрета, так что я решился просить тебя послать ей один. Я бы хотел знать, послали Ник[олаю] Ник[олаевичу] и когда? Ящики, отправленные Куманиным, еще не пришли и приводят меня в большое затруднение, куда мне девать то, что будет привезено⁶; квартиры постоянной у меня еще нет; та, в которой теперь живу, долго за мной оставаться не будет, как потому, что на зиму Р[ебиндеры] перейдут, вероятно, в другую часть города, и здесь для детей будет далеко для уроков, а потом она очень дорога; за 6 м[еся]цев 350 р. много.

Но пора перестать, пятница не за горами, стало быть, умолкаю ненадолго, обнимаю всех вас. Христос с вами.

Батюшке, если он еще с вами, матушке и сестрицам мое почтение сердечное. Мальчики мои целуют ваших.

170. С. Г. ВОЛКОНСКОМУ

Киев, 14 мая 1857

Давно, Сергей Григорьевич, хотелось мне дать вам прямую весточку о себе и тем засвидетельствовать о всегдашней моей памяти о вас, но как-то до сих пор не удалось мне исполнить моего желания. О жизни моей здесь вы знаете, конечно, из рассказов моих детей, следовательно, повторяться мне нет причины. Благодарю вас, что вы часто посещаете мою Зинушу; более приятного мы сделать для меня ничего не могли, и я вам очень бла-

* Мадам Арно, жена президента Ворлония (франц.).

годарен за такое доказательство дружеского вашего расположения к ней и ко мне. Лиза моя с мужем и детьми уехала в Каменку, я проводил их туда и малое время там с ними прожил, воспользовавшись присутствием Быстрицкого, на попечение которого оставлял своих мальчиков. В июне Лиза уедет в Одессу, где ей советуют врачи купаться в море. В Саблах им негде еще жить, дом разваливается, и П[етр] В[асильевич] туда теперь поехал. Давыдов Николай очень занимается хозяйством, которое у него в большом порядке, и с удовольствием я видел в нем не такого помещика, как обыкновенно или большего частью бывают наши дворяне, живущие по деревням. Инвентарии сделали ту пользу крестьянам, что делают невозможным употреблять их на посторонние от хлебопашества работы без платы; и потому от сахарного производства расходуется между ими много денег. Я удивился огромному числу сахарных заводов в здешнем краю. Коновод в этом отношении гр. Бобринский¹; с него все берут пример во всех улучшениях. У него ныне делаются сеялки для свекловицы, которые заменяют ручной посев, работу тягостную, производимую женщинами; и эти сеялки у всех водятся. Старые заводы работают еще голым огнем, а кто ставит новый или может перестроить старый, то все устраивают также по образцу графа, паровые, которые гораздо выгоднее. Давыдовы этого еще не могут сделать, потому что такое устройство дорого стоит, хотя, как говорят, скоро окупиться может, но на первый раз надобно большой затратить капитал. В Каменку при мне приезжал Бороздин, он, разумеется, много постарел, но при том сгорбился и как-то выломил себе ногу, отчего одна сделалась короче другой. Вероятно, он будет скоро в Киеве, как предводитель приедет на выборы, на которые уже начинают съезжаться. О здешнем обществе я ничего не могу вам сказать, я его не знаю, исключая трех или четырех лиц, которые желали со мной познакомиться; и потому составить себе мнения собственного об отношениях и расположении взаимном различных здешнего края племен еще не могу. Быт крестьян мог только, и то недолго, видеть в Каменке. Я выше сказал, что они приобрели от инвентариев, но есть и другая сторона в этом учреждении, которая не для всех была полезна. По инвентариям все приведены к одному уровню, от этого иным сбавлена барщина, а что всего луч-

ше — устранен произвол, но другим прибавлена работа на помещиков. Если б, составляя инвентарии, справились с прежними, то увидели бы, что многим крестьянам по старым инвентариям было гораздо легче теперешнего. Были поместья, в которых крестьяне были обязаны только двенадцатидневной работой в году. В наших преобразованиях то дурно, что хоть об ином и долго говорят, видя его необходимость, но когда приступают к делу, то делают его с поспешностью, и от этого бывают почти всегда промахи. Хорошо еще, когда последующими дополнениями возможно исправить ошибку или недосмотр, но ведь оно не всегда так бывает, иногда случается так, что исправить не остается уже никакой возможности. До сих пор я молчал, а теперь, может, уже слишком разговорился, и вам могло наскучить читать долгое письмо. Закрываю его желанием вам и семейству вашему всего хорошего и чтоб вы во всех отношениях могли быть успокоены.

Все мои свидетельствуют вам почтение, и прошу передать его от них и от меня всем вашим. Трубецкой.

Басаргин приехал сюда в день моего отъезда с Лизой, и потому я видел его не долго; теперь он у Бутовичей, где и Марья Казимировна. Быстрицкий вам очень кланяется; он собирается в Могилев.

171. Э. С. и Н. Д. СВЕРБЕЕВЫМ

Киев, 24-го мая, 6 июня * [18]57

Вчера вечером получил, милые друзья мои, письма ваши от 17-го <...>**. Ребятишки бегают, след[овательно], здоровы; Лиза то же пишет о своих. Петр Вас[ильевич] уехал в Одессу, откуда поедет в Саблы и потом приедет за Лизой. Брат, видно, отсрочил свою поездку, а писал, что выезжает 14-го, и я его ожидал эти дни; вы пишете, что выедете только в четверг, я понимаю, что 22-го, и буду ждать к 1-му. Приговорил ему небольшую квартиру в соседстве у меня, на одном дворе с А. И. Давыдовой. Если они будут здесь гостить, то, может быть, остановятся в Лавре в гостинице, тогда это будет далеко от меня, но для них удобнее, возле церкви. Доверенность

* Письмо писалось с перерывами.

** Опущена страница с подробностями болезни Зины и Саши.

была послана на имя Левушки Д[авыдова] и, вероятно, по нашему уведомлению отыскалась; я написал новую на имя Сережи¹ по случаю отъезда брата. Дела унив[ерситета] не кончаются; гр. Б[обринский] ведет их как-то медленно, между тем много молодежи забрано и продолжают забирать². О новом назначении Н[иколая] Р[омановича] кн. В[асильчиков], говорит, ничего не слышал, хотя был с ц[арем] разговор. Последствия покажут, заслуживает ли это дело важность, которую ему придают. И мне кажется, что можно бы его было покончить уже, принявшись иначе. А так, как оно теперь идет, может еще долго тянуться. К[н]. Васильчиков был на свадьбе Мери³ и рассказывал Саше, как она была торжественна. Он двоюродный дядя по матери к[н]. Голицыну.

Обоз пришел, и ящик с книгами Ив[ана] Дм[итриевича] оказался в нем, только весь разбит, так что нужно сделать новый, чтоб его послать, что я постараюсь сделать скорее; и Сашин ящик придумайте-ка, как переслать; с почтой будет дорого; может быть, контора транспортов не отправляет ли обоза в скором времени, то можно бы чрез нее, а еще я во вторник, вероятно, буду писать к Бодкину⁴ и просить его о высылке места чая, то можно отправить вместе и то и другое. Мне пишет А. В. Бел[оголовый] о железной дороге, они еще не знают, что <...>* отказались принять этот богатый подарок. Любопытно очень нам здесь знать, на чем основан отказ⁵.

Еще пишет, что японцы обещались прийти летом на своих джонках в устье Амура и прислали реестр товарам, какие привезут и какие будут им нужны. Путятин уехал говеть в посольский монастырь, а Ник[олай] Ник[олаевич] в день пасхи поехал проводить его до границы, из этого слова я заключаю, что он переедет ее в Кяхте. О свите ничего не говорят, видно, ее нет, кроме необходимых людей**; о Миссии тоже ничего не пишут, чуть ли не приостановили опять посылку ее на сей год⁶. Здесь тоже затевают железную дорогу до Одессы, и все помещики трех губерний ожидают от нее для себя великой пользы и думают сделать на свой счет сеть шоссейных дорог для соединения с железною, иначе она им ма-

* Одно слово переправлено, плохо читается, возможно: «онье».

** Далее зачеркнуто: «не поехал ли».

ло бы пользы принесла, потому что многие месяцы в году дороги в здешнем крае непроходимы, и, сверх того, всегда езда медленна, потому что все на волах.

Ген[ерал-]адъ[ютант] граф Ржевудский, здешний помещик, приехал к выборам с предложением дворянству железной дороги, в которой акционеры все петербургские и между прочими Бенаардаки и Яковлев⁷.

К 24 мая⁸

Ваня благодарит вас за ваши письма к нему и сам будет к вам писать скоро. Лишнего времени у него нет, день проходит в уроках. Хорошо, что близко живем от Саши, то между уроков можно сбежать к ней и свидаться. По вечерам часа 1½ или 2, особенно в праздники, ходим гулять; я с ними спускаюсь по крутизнам гор и лазаю на них без большого затруднения. Экипажа я не завел, да, кажется, здесь его и не купить, разве привлекут на ярмарку, говорят, большею частию венские; вероятно, кареты и коляски, чего мне не надобно. Извозчики здесь дороги, потому что все парные по случаю гор. Если здесь останусь, придется завести свой экипаж, и тогда надобно будет выписать его из Москвы; если там не дешевы, то прочны и хороши. На днях привезли оттуда Мадейскому очень хорошие пролетки. Заплачены 450 р., и провоз стал в 60 р. Мадейские живут рядом со мною и против дома Р[ебиндеров], так что мы каждый день видимся; или я зайду к ним или она ко мне. Я очень ее люблю, может быть также оттого, что она очень похожа на моего брата. Ее брат также очень добрый мальчик; а похож на мать, как и старшая сестра, которую я меньше знаю, потому что она приезжала только на три дня⁹. Их мать также возвратилась из деревни; она не может быть без сына, а сыну должно быть в городе. В августе здесь непременно ждут царя, если до того будет какая перемена, то мне трудно заранее угадать, где буду в это время.

Может быть, все мои прежние предположения должны будут измениться. Это заставляет меня иногда задумываться, но вперед придумать ничего нельзя. Обнимаю нас, друзья мои, целую вашего Сережу. Дай бог мне писать о нас только хорошее. Всем вашим домашним мое почтение, а батюшке будете писать, поблагодарите за меня, на постоянную его обо мне память.

Христос с вами.

Киев, 4 июня 1857

Очень рад был видеть из твоего письма от 26-го¹, что твои зубы оставили наконец тебя в покое. Ты проводила, милая моя Зинушечка, мужа своего в Пе[тер]бург и если одна совсем осталась в доме с Сережей, то, конечно, довольно скучаешь. Новость, сообщенная тобою, меня не удивила, а только я не ожидал узнать ее теперь, когда только что И[ван] И[ванович] выздоравливает от тяжелой болезни². Поздравь за меня новобрачных; я не отчаиваюсь еще видеть их в нашем краю. Очень порадовало также меня известие, что Ив[ану] Дм[итриевичу] разрешено будет жить в Москве, он не менее имеет на это прав, нежели Н[иколай] Ив[анович] Т[ургенев]. Кстати, о нем, напиши, как ты его нашла и что его дети, надеюсь, не французики, а настоящие русские, насколько можно быть такими, родившись и воспитавшись не в России, т[о] е[сть] если не манерами, то чувствами³. Жалоба Якова Дмитриевича справедлива, я считал, что ему послан портрет; если не послан, то устройте это без замедления, прошу вас. Конечно, странно не быть ему у такого приятеля, когда он есть у Хрулева и Мамонтова, людей, вовсе меня не знавших. Я ему писал, что вы пошлете, если еще не послали. Ты пишешь, что распечатала свое письмо, чтобы вложить в него записочку, которую написал Ил[ларион] М[ихайлович], а распечатав, я такой записки, кроме твоего письма, не нашел.

Скажи Бибикову спасибо за память; кажется, его можно поздравить с свадьбой, он, я слышал, выдает дочь замуж. <...>⁴

Саша все понемногу покашливает, видно, уже с нею всегда так во время беременности. Лизе очень жаль, что она так мало отдохнула после последней. На лето Н[иколаю] Р[омановичу] хотелось все отправить ее куда-нибудь за город, но она не согласилась, потому что пришлось бы жить одной с детьми, что для нее всегда было бы тяжело, и нынче еще более, потому что ты знаешь, что она легко от всего приходит в беспокойство, и не удивишься, что дело студентов продолжает довольно часто ее волновать; как оно кончится, еще неизвестно, а всякая неиз-

* Выпущены подробности состояния здоровья Зины.

вестность Сашу тревожит. При полном уповании и покорности воле божией этого не должно бы быть, но что же поделаешь, когда человек не имеет довольно сильной власти над своими чувствами. Эта власть приобретается только постоянною над собою работою. Лиза теперь одна в Каменке с Екат[ериной] Вас[ильевной] и детьми; Петр в Крыму, а Ник[олай] Вас[ильевич] здесь и выбран в предводители, что, может быть, помешает ему проводить Лизу в Одессу, как они было сговорились. Тогда придется ей сделать это путешествие одной с детьми; оно, конечно, не дальнее и беспокоиться о том нельзя, но ей приятнее было ехать с деверем. Она ждет от тебя прямых известий с нетерпением, хотя я всегда ей сообщаю, что ты мне напишешь, но ей хочется письма от самой тебя. Деточки ее здоровы.

Что-то привезет Ник[олай] Дм[итриевич] из своей поездки? Желательно, чтоб было что-нибудь решительное, тогда и я буду думать о том, как мне устроить с вами свиданье⁵. Я рассчитывал, что если вы будете в Нижнем, то хорошо бы было попасть туда в августе, одним разом увидел бы ярмарку и нашел бы там знакомых сибириков и вести из этого края. Можно ли будет так исполнить, не могу еще определить по многим причинам, между прочим и потому еще, что сюда ждут в августе царя; уехать на это время, когда он здесь будет, как будто бегу от него, да и сам я рад буду посмотреть на него хотя издалека. Настоящее время его приезда неизвестно, еду ли в Варшаву или возвращаясь, он сюда будет, а только наверно ждут. Он, конечно, обо мне не позаботится, но мне, по многим причинам, неловко уехать, когда знаю, что он здесь будет.

Неужели Ник[олай] Ив[анович] Тургенев не намерен жить в России и хочет остаться во Франции? Этому быть не должно. Мыслящие люди и любящие всем сердцем свое Отечество, может быть, более еще нужны теперь и нам, нежели тогда, когда он его покинул. Это я сказал бы ему, если б с ним увиделся⁶. Ты пишешь, что дядя остается на несколько дней для окончания наших дел; из этого я заключаю, что, наконец, нашлись все доверенности. Кажется, нельзя было не отыскаться после всех указаний, которые я дал и которые довольно дорого мне обошлись, потому что по телеграфу невозможно было довольно коротко высказать, что[б] не заплатить за двой-

ную депешу. Какая у вас теперь погода? У нас было очень жарко, теперь уже несколько дней дождь и часто громы. Нельзя ездить за город, то публика наслаждается зверинцем и беседою хозяина этого зверинца с львами, тиграми, барсами, медведями, гиенами, с которыми он обходится как с собачонками. Но пора кончить. Целую тебя и Сережу за себя, Сашу и Ваню. Христос с вами. Екатерине Александровне мое сердечное почтение.

173. Н. Д. СВЕРБЕЕВУ

Киев, 18 июня [18]57

Благодарю, любезный и милый друг, за длинное и обстоятельное письмо, которое я получил с последней почтой. Я, разумеется, очень доволен, что дела устроились для вас так хорошо, как даже вы не ожидали. Отпуск на лето очень будет вам приятен и полезен для Зины и Сережи. И вам, и вашим приятно будет провести два месяца вместе в деревне. Если начнешь иску свой в Москве, то под ведомством хорошего моего приятеля и хорошего человека. Не знаю, каково его здоровье, а я его видел довольно еще больного, но уже выздоравливающего¹. За Владимира также я доволен и особенно тем, что ему не придется переменять место жительства². Для вас тоже я считаю лучшим прикомандировка временная в М[оск]ве, нежели в Нижнем, если окончательно не будешь назначен туда. От Б[орха] я получил письмо от 8-го. Он уведомляет о всем том, что сделано и что он на другой день едет в деревню, где пробудет до сентября. Прежде он писал, что ему придется возвратиться в конце июля к свадьбе в[ел]. к[н]., а теперь он, может быть, не будет присутствовать или свадьба будет позже. О здешнем деле все должно скоро разъясниться, и, как кажется, все должно кончиться не судом, а административно, потому что следователю велено было передать следствие ген[ерал]-губ[ернатору], который представит его с своим мнением. По письму, полученному Н[иколаем] Р[омановичем], мы заключаем, что в М[инистерст]ве думают, что он состоит в неприязненных отношениях к студентам; этого нет; они понимают, что не от него зависело доставить им удовлетворение и что если б они не поторопились сами себе его доставить, то получили бы от начальства. Но что уже сделано, того воротить нельзя. Их мно-

го еще сидят, по крайней мере, таскать перестали, а арестованным надобно ждать конца. Б[обринский] производил все очень тайно, и, вероятно, оттого слухи разные, из которых я⁷ никакого мнения насчет его составить себе не могу; знаю только, что в публике остались очень им недовольны, тогда как до его приезда очень радовались его назначению³. Из Иркутска мне пишут, что Н[иколай] Н[иколаевич] возвратился туда 7 мая и по вскрытии моря отправится со своими моряками на Амур, а Чихачеву не дал и дня пробыть в Иркутске, отправил на устье. Посла, наконец, приняли и высылают также посольство к нему навстречу. Может быть, для того, что не хотят видеть его в Пекине⁴. Японская джонка привезет товары не разнообразные, только сухие фрукты и фарфор, а будут брать только выделанные кожи и стеариновые свечи. В Иркутске думают о заводе последних и предлагают мне продать дом. Ожидаю известий о условиях⁵. Пфаффиуса жена чуть не умерла по рождении мертвого ребенка; ее спас Кинаст. От Марьи Ал[ександровны] также получил, но достойного для передачи нет ничего. Она пишет о недавней свадьбе и говорит, что первая мысль принадлежит ей, но тогда обе стороны находили это дело несбыточным. Она боится, что теперь должна будет расстаться с своей Ниной⁶. Лиза завтра хотела ехать в Одессу, и теперь буду ждать от нее писем уже оттуда. Она было поджидала Ник[олая] Вас[ильевича], который хотел ее проводить туда, но он должен был здесь замешкаться, был выбран в предводители своего уезда. С удивлением и удовольствием прочел в последних ведомостях, что Т[ургеневу] возвращены чины и ордена. Исполать* ему, как он умел устроить свои дела. Не поступит ли опять на прежнее место в Гос[ударственный] совет?⁷ Я давно ничего не знаю о Сутгофе, что он, в Москве, или уехал куда, или получил какое спокойное и удобное для себя место? Мне сказывали, что Петр Н[иколаевич] должен был ехать с братом в Париж повидаться с матерью⁸; так ли это и уехал ли? Приехал ли, наконец, И[ван] Дм[итриевич] в Москву? Вот сколько вопросов, на которые буду ожидать ваших ответов. Теперь следуют поклоны: Сер[гею] Гр[игорьевичу], Евгению, а если с ним, то и Вячеславу; Елене Николаевне,

* Сланиа, хвала (старослав.).

когда увидите; брат, верно, в деревне со всеми своими. Не забудьте Иллариона Михайловича и Нонушку⁹. Саша и Ваня целуют Зинушку; я к ней особо не успел сегодня написать, а потому ты ее поцелуй за меня. Ник[олай] Р[оманович] вам кланяется. Саша жалуется часто на головные боли и все продолжает кашлять, правда, понемногу, но все бы лучше, если б совсем не кашляла. Муж все боялся для нее воздуха и старался, чтоб она менее на нем была, но доктор, напротив, велел ей быть более на воздухе. Правда, у нас до сих пор довольно было холодно и дожди, а теперь опять стало жарко. Река от нас далеко, и более раза не успеешь выкупаться. Прощайте, милые друзья мои, до следующей почты. Я теперь отправлюсь Сереже показывать зверей, если они смирны, то покажу и Коле, в противном случае он будет бояться. Христос с вами.

[Приписка на полях:] Вы можете подписывать мне письма: в Липки, в доме Палехина.

174. З. С. СВЕРБЕЕВОЙ

Киев, 23-го июня [18]57

Напрасно ты не уверена была, что письмо твое из Солнышкова¹ не дойдет до меня. Я его получил исправно и очень доволен, что вы проведете часть хотя лета в свежем и хорошем воздухе, а не в душной Москве. В Киеве нет такой духоты, и особенно в той части города, где мы живем. Она расположена на горе, открытой со всех сторон, дома большею частию одноярусные, окружены садами, улицы широкие с посаженными по сторонам высокими тополями. Однако и тут Сашу все выжидают из города и уговаривают ехать пожить за город. Н[иколай] Р[оманович] хотел, чтоб она ехала в Козелец, на что она не согласилась, потому что он отдален от Киева на целые 70 верст. Там она была бы одна с Надей и двумя своими ребятишками и, разумеется, скучала бы, особенно когда увидела бы, как скучает Надя. Близ Киева не нашли свободного места, потому что когда думали о Козельце, то в Киеве не хотели искать, а когда решено было переехать куда-нибудь поблизости, то все было уже занято. Так Сашу оставили было в покое, а теперь опять муж приступает, чтоб она переехала, и не знаю, как решат. Погода у нас, [к] примеру, уже дождливая все это

время, уже много дней сряду громы и ливни такие, что реки текут по улицам. Между тем как скоро дождь пройдет, то по улицам сухо. Я думаю, оттого, что мостовые хорошо устроены, и улицы чисто метут и сор отвозят. За городом в такое мокрое время должно быть сырее, нежели в городе, и скучнее жить в одиночестве. Надеюсь, что скоро ведреная погода восстановится, и желаю особенно, чтоб она у вас была теплая и хорошая для того, чтоб ты и Сергуня могли вполне пользоваться летним временем. Лиза также уехала уже в Одессу; она писала ко мне еще из Каменки от 17-го, а выехать намеревалась на другой день и третьего дня быть уже на месте. Адрес ее в Одессе: *В Европейскую гостиницу, близ городского сада на Преображенской улице*. Пред отъездом, милая Зинуша, ты видела Батенькова; приехал он в Москву за каким делом или так, от нечего делать? Я ничего не понимаю, на чем основывают такую разницу в обхождении с нашими приезжающими в Москву: больных оттуда гонят, в уезде Московском жить дозволяют, а в губернии нет; как будто уезд не в губернии! Ничего не понимаю; одним можно разъезжать сколько и куда угодно, другим говорят, что они не могут выехать никуда без разрешения начальства. Все это кутерьма, и кто ее причиной, бог их знает. Без сомнения, все бы это могло быть приведено в порядок одной просьбой на выс[очайшее] имя; но кто же? и скоро ли? решится беспокоить царя такими просьбами без крайней надобности. И без таких дел ему много и чересчур других важнейших, от которых может зависеть все будущее благоденствие огромного государства, вверенного провидением его управлению.

Ник[олай] Вас[ильевич] Бас[аргин] уже несколько дней с нами и завтра выезжает в Дорогобужский уезд, где съедутся с Барышниковым, своим приятелем, который в одно время с ним должен туда приехать из Дрездена. Анд[рей] Ан[дреевич] все еще в Могилеве, где умирает от скуки; я писал ему, чтоб ехал назад в Киев и жил бы со мною, пока не устроятся дела его к лучшему. Здесь теперь ярмарка, я ее еще не видел, хотя собираюсь посмотреть. От меня далеко, на Подоле; если идти, то мне надобно уже на целый день, потому что две большие горы сходить и потом для обратного пути всходить. Однако я здесь похаживаю по ним почти каждый день и без излишней усталости.

Прощай, мой милый дружок, должен кончать, есть дело неотлагательное. Целую тебя и Сережу и обнимаю Николая Дмитриевича. Всем вашим свидетельствую почтение. Христос с вами.

175. И. И. ПУЩИНУ

Киев, 28 июня 1857

Я виноват пред вами, Иван Иванович, что замедлил уведомлением о получении вашего письма с приложением к нему. Последнее пришло очень кстати; память прежних времен меня обманула, и я ошибся, рассчитывая на дешевизну жизни в Киеве. В другом отношении ваше письмо было мне неприятно; вместо письма я ждал вас самих, а из него узнал, что состояние здоровья не позволяет вам выехать из Москвы, а последнее письмо ваше от 20-го совсем разрушило надежду обнять вас и поцеловать ручку Натальи Дмитриевны. Жалею, что молодым супругам не могу принести лично поздравления; уедете в Марьино, и бог знает, когда придется с вами свидеться. Вас я не видел 8 лет, а Наталью Дмитриевну хоть и видел в Москве, но только 5 минут, едва успел взглянуть, можно сказать, и то в такую минуту, когда жестоко страдал судорогами в груди; стало быть, почти все равно, что не видал, а в Киеве надеялся вознаградить себя и вот обманулся.

Поручение ваше к Эйсмону¹ не успел еще исполнить, получив письмо ваше только вчера. На почте справлюсь сегодня, отдавая это письмо, а между тем вместе отправляю вам два, полученные на имя ваше и которые мне передала Сашенька. Одно, она полагает, от Михайла Ивановича².

Басаргина отыскать очень легко: он только что третьего дня отсюда уехал и направил свой путь в Смоленскую губ[ернию] Дорогобужского уезда в село Алексино. Там он думает прожить месяца 1½. Здоровье его поправилось, и он не устает, как видно, от путешествий. Здесь тоже не сидел на месте, а все разъезжал по давно знакомым ему местам.

Зиночка писала мне о вас; теперь я получил от нее уже из деревни. Пусть она там проживет лето, и для нее, и для дитяти это будет хорошо.

Худые вести даете вы мне о Якушкиных. Я всегда

боюсь за Ивана Д[митриевича], когда он сляжет. Михальский³ мне сказывал, что ему разрешено жить в Московском уезде, а ему нужно в Подольском, и от этого выходит какое-то затруднение; а между тем в самой Москве не позволяют. Дивлюсь, как не надоест с нами воиться, полагаю, что это делается от безделья.

У нас тоже нет лета, как и у вас, дожди с 29-го мая, не будет ли перемены, сегодня ясно.

Очень доволен был видеть, что наконец Нат[алья] Дм[итриевна] начала приводить к концу дело, которое так давно ее занимает и которое до сих пор не могла устроить⁴. Кончаю на сей раз, пора дать вам прочесть приятнейшие для вас письма. Наталье Дмитриевне прошу сказать сердечное от меня приветствие. Мои все также вам кланяются.

Ваш Трубецкой.

176. И. И. ПУЩИНУ

Киев, 2-го июля [18]57 *

Поручение ваше, Иван Иванович, к Эйсмону я исполнил, но как он с своей стороны его выполнит, я этого еще не знаю. Хотел меня уведомить. Я в нем нашел старого знакомого, о существовании которого я забыл, но он мне припомнил прежнее наше знакомство. Старик приятный и деловой, как видно, потому что нажил себе большое состояние, более, кажется, кирпичным заводом, нежели аптекою.

Я к вам писал недавно, т. е. 28-го, полагаю, что вы получили чрез Москву, если письмо мое там вас уже не нашло. Теперь адресую также в столицу, не зная, как иначе надписать, и полагая, что там есть у вас верный получатель и доставщик.

Здесь гостит у нас рыжий¹, уже четвертый день, и едет в Одессу купаться. Там он найдет мою Лизу. Сказывал, что отец с каждым днем делается тяжелее, тем более, что и способности ослабевают. Сам же он такой же быстрый, как вы его знали. У нас прогостили также три дня племянница моя Толстая, дочь брата Петра, с мужем и дочерью, на возвратном пути из-за границы². Там теперь наших везде как пчел в улье. Вчера я узнал, что Жозефина Адам[овна]³ возвратилась из Италии и те-

* Помета И. И. Пущина: «Пол[учено] 14 июля».

перь в Одессе; остается ли там или нет — не знаю и о детях Александра также еще ничего не знаю, но буду иметь случай расспросить.

Очень рад, что Наталья Дмитриевне бог помог начать приводить в исполнение заветную мысль Михайла Александровича. От вас буду ждать, что вы будете сообщать, как она будет устраиваться. Жаль, что это делается не таким путем, который мог бы быть примером для других и служить к ускорению дела, которого замедление делается ежедневно опаснее⁴.

Сейчас прерывал меня рыжий, приходил прощаться и, узнав, что я пишу к вам, просил сказать, что он надеялся здесь поздравить молодых супругов и жалеет, что обманулся в своих ожиданиях. Он беседовал снова со мною об отце; мучает его мысль, что должна мать претерпевать и как трудно угадывать, что может отцу нравиться: сердится завтра на то, чего исполнения требовал сегодня или в этом роде.

Прощайте, теперь буду ждать от вас; надеюсь, что здоровье ваше будет поправляться на чистом, свежем воздухе и не будет препятствием писать письма. У Натальи Дмитриевны целую ручки.

С. Трубецкой.

Саша и муж ее вам кланяются.

Видите ли вы Ник[олая] Ив[ановича] Тургенева?⁵

177. Э. С. и Н. Д. СВЕРБЕЕВЫМ

Киев, 2 июля [18]57

Переселение ваше из столицы в сторону¹, милые мои Зинуша и Николай Дмитриевич, отзывается на мне беспорядком в получении от вас писем. Я должен полагать, что и с моими письмами происходит то же, потому что в Москву вы посылаете, конечно, не так часто, как приходит туда почта, или если и часто, то не всегда приходится посылать в те дни, в которые можно получить письма. Вчера мы проводили новых знакомых, с которыми преприятно проводили три дня и с которыми никак я не надеялся иметь удовольствие так скоро познакомиться лично. Варинька Толстая с мужем и дочерью приехали из-за границы и поехали в деревню мужа в Саратовскую губернию, где пробудут лето. Варинька рассказывала о Лизе Урусовой, а я о Фокле и Долле, что

знаю². Она Лизу оставила в Эмсе. Толстой добрый человек, мне понравился, Маша, дочь их, очень застенчива, а сама Варя очень мила и проста. Саша ее, так же как и я, не знала. Они думали найти здесь также Лизу нашу; но от Лизы я уже получил письмо вчера из Одессы; она туда доехала с детьми хорошо и хотела переезжать из города на другой день, т. е. 25 числа, на хутор г-на Молодецкого, куда и надобно к ним писать. Лиза тотчас хотела начинать купаться. Соседями их будут Канкрины и Штакельберг, все товарищи Петра по Конной гвардии³. Хутор на хорошем месте с чудным видом на море, как она пишет; корабли все проходят мимо их, и два раза в неделю там бывают публичные гуляния. Вчера * приехал из Одессы брат Губера⁴, он ездил за границу с Жозефиной Адам[овной]. Я его еще не видал, но увижу сегодня и расспрошу о детях Александра Михайловича. В субботу я еще познакомился с человеком, о котором много слышал, но которого не знал; это сын Вас[илия] Карл[овича] Тизенгаузена, о котором ты, конечно, слыхала под названием рыжего, данного ему в Ялutorовске, и о котором Саша писала в первое время своего пребывания в Киеве, когда он у нее был на посылках, быв тогда почтмейстером ** при Главной квартире армии, стоявшей в Киеве, и не имел никакого дела, потому что в Киеве и без Главной квартиры была почта. Он едет в Одессу, и вот еще знакомый для Давыдовых. Говорит, что жить с отцом очень тяжело, особенно теперь, как он при 81-летней своей старости начинает ослабевать в нравственных своих способностях. Сын не всегда с ним бывает, и потому вся тяжесть падает на жену. Ив[ан] Ив[анович] писал мне, что он едет в Марьино, а сюда если будет, то не ранее осени; все еще очень жалуется на свое здоровье. Саша вчера была в тревоге; Сережа простудился, и довольно сильный был у него жар. Отец ездил показывать гр. Толстому Ботанический сад, брали своих дочерей и Сережу и воротились поздно. Не знаю еще, каков он сегодня, но надеюсь, что жар миновался, потому что вчера уже он много потел; да это с ним не в первый раз с тех пор, как я здесь, и всегда продолжалось не более одного или двух дней. Коля здо-

* Ранее зачеркнуто: «Сегодня».

** В подлиннике: «постмейстером».

ров, сама Саша также порядочно себя чувствует. Целую, обнимаю вас и Сережу, милые друзья мои, дай бог * вам всего хорошего. Поклонитесь от меня матушке и всем вашим, не забудьте меня и пред батюшкой, когда будете писать к нему.

Христос с вами.

[На первой странице приписка сбоку:] Сережа встал с постели, я ходил его посмотреть и хотя нашел еще немного жара, но при нем испарину, к вечеру, верно, будет здоров.

178. Н. Д. СВЕРБЕЕВУ

[Киев, 4 июля 1857 г.] ¹

К 4-му 2-й **.

Ты мне пишешь о впечатлении, какое Зина произвела на присутствующих при данном вам празднике; но что она сама чувствовала в это время, осталось мне неизвестным; так ли она была довольна гостями, как они ею? Поездка ваша к княжне Щербатовой напомнила мне, что сестра ее к-ня Шаховская² должна считать меня самым грубым невежей. Она была так благосклонна, что заезжала и, не найдя меня, оставила свою карточку, когда я был в Москве; а я на другой день занемог и не мог доставить себе удовольствие отблагодарить ее за оказанное мне внимание. Просил сестру и других, в том числе, кажется, вас, объяснить ей причину такого, по-видимому, грубого с моей стороны поступка; не знаю, исполнил ли кто мою просьбу.

Жаль мне, что Н[иколай] И[ванович] уезжает, с тем, как видно, чтоб более не возвращаться. Там он вовсе не нужен, а на родине мог быть еще полезен, и я полагал, что кресты и чины ему нужны для этого, потому что не могу понять, на что они там ему могут пригодиться.

Я очень доволен, что стекло моей фотографии перешло к Евгению Ивановичу. Что я за него должен, я не хочу, чтоб это было на ваш счет; Бергнер, как видно, торговал моими портретами³, я, конечно, не молодая девица и меня не компрометирует, что портрет мой будет у незнакомого мужчины. Но ему совсем не место быть

* Далее приписано на полях.

** Помета С. П. Трубецкого.

в рядах знаменитостей нынешнего века или прошлых веков, какого бы он ряда ни были. Другое дело у друзей и добрых очень знакомых. Ты спрашиваешь, Зина, у какого Хрулева и Мамонтова я их видел. Я не видел ни у того, ни у другого, но они говорили, что у них он есть. Хрулев известный генерал⁴, а Мамонтов купец московский и был откупщиком некогда в Зап[адной] Сибири. И еще один проезжий из Москвы сказал мне, что он меня всегда бы узнал, потому что видел мой портрет, и на вопрос мой, где, отвечал, что он в большом ходу. Теперь этому положим конец, Е[вгений] И[ванович] не будет его расточать.

От Ив[ана] Дм[итриевича] я ничего не имею из Москвы, молчание его приписываю болезни. От вас буду иметь о нем сведения, когда проедете чрез Москву, то, вероятно, что-нибудь о нем узнаете, если сами не увидите. Странно, если ему нужно будет опять прибегнуть к государю, чтоб найти себе угол на родине. Быстрицкий также ищет, где бы мог основаться. Средств никаких, просил пособия, ответа нет. Жду его опять сюда. Марья Казимировна кое-как поживает, сегодня поутру я сошелся у ней с Сашенькой; дочку не видали, она от зубной боли лежала. А внушки нет, я, кажется, писал, что осталась у дяди; самого же Р[ейхеля] скоро должны ожидать, он писал им, что выезжает в первых числах июня. Нынче я также получил большое письмо от Алек[сандра] Вик[торовича] и Лар[исы] Анд[реевны]. Они теперь оттаивают. Он в больших занятиях, о последствиях которых еще не скоро узнаю⁵. Дом наш в Иркутске торгуют, жду вести, на чем поладят. Карл Карл[ович]⁶ вздумал было перевести в него la population* со всем казенным причтом, но П[етр] А[лександрович]⁷ отказал принять, за что я изъявил ему благодарность. Он изредка пишет, но довольно пространно. Там много нового, между прочим электрический телеграф. Генерал и адмирал вместе должны ждать чего-нибудь решительного. Не знаю, хорошо ли, что все это в одно время с англичанами. Как будто мы их союзники⁸. Пароходы по всем рекам и Байкалу, в предположении ли или уже?

У нас, слава богу, все здоровы; Сашенькины все недуги проходят, хотя она подвигается в беременности и

* Население (франц.).

округлость прибавляется, но она много двигается и ходит не уставая. Ребятишки ее процвитают; а мои усиленно занимаются, приближается время экзамена, Н[иколай] Р[оманович] много в это время имеет занятий, а между тем нужно ему поехать в некоторые места своего округа. Воление университетское давно почти забыто; только ожидается решение свыше на мнение, положенное г[енерал]-г[убернатором].

К А. И. Давыдовой возвратился сын Вася, уезжавший на Кавказ, откуда он привез молодую жену; он ездил для этой женитьбы. Я ее видел только еще издали, но мать говорит, что она ужасная дикарка, впрочем, милостивая и, кажется, кроткая.

Я полагал, что здесь менее будут осаждать бедные, нежели в Иркутске, но ошибся. Сверх неимоверного числа нищих, которые стекаются потому уже, что сюда приходит неисчислимое множество поклонников из самых даже далеких мест; но неимущих из звания не выше простонародного также огромное множество. Хотя эту частью очень занимается к-ня Васильчикова⁹, однако средства не позволяют всех нуждающихся удовлетворить.

Посылаю письмецо от Сашеньки и оставляю вас, чтоб писать к Лизочке.

Христос с вами.

179. З. С. и Н. Д. СВЕРБЕЕВЫМ

Киев, 1 октября [18]57 г.

Начинаю ответом на общий ваш вопрос о долге за Курмы¹. Вы сами вспомнили, что пред отъездом из Иркутска я писал к Савичевскому и просил его рассчитаться за меня с Федоровичем или Игумновым². Не получив от него там ответа (я узнал, что в это время он ездил к Витиму на поиски), я полагал получить его в Киеве; но и здесь не имея, писал к Пфаффиусу и просил его раскрыть это обстоятельство и уведомить меня³. От него ответа еще не получил. Теперь я напишу Пфаффиусу и к Зеновичу и попрошу их списаться между собою, и если эти деньги не уплачены, то Пфаффиус скажет Александру Викторовичу, который их и перешлет. Он теперь должен уже возвратиться с приисков и жить в нашем доме. Всех этих писем я сегодня написать не успею, а заготов-

лю их к следующей почте, а между тем прошу написать Зеновичу, что я просил до отъезда, чтоб Савичевский рассчитался за меня, и если это не сделано, то чтоб он уведомил о том Пфаффиуса, чрез которого и будут высланы деньги.

Теперь, окончив эту статью, буду отвечать на ваши письма и начну с твоего, милая моя Зинуша. Очень понимаю, что тебе тяжело даже и на малое время расстаться с мужем и ребенком, и это очень понимают твои сестры и оттого еще более благодарны тебе за такую жертву, приносимую для доставления им удовольствия видаться с тобою. Лиза пишет в последнем письме, что она ранее 20 августа выехать не может, а к 1-му сентября будет в Киеве, чтоб обнять тебя. Ты, конечно, знаешь, как я желаю тебя видеть; и только невозможность оставить в теперешнее время Ваню без себя может удерживать меня от поездки к вам. Приезд твой в Киев не помешает мне приехать после туда, где вы оснуетесь, хотя бы и временно, только если это не в Москве, туда нет возможности приехать. И малюточку вашего, дай бог только ему здоровья, надеюсь иметь счастье лично благословить, как это делаю мысленно ежедневно.

Ты пишешь, что у вас холодно, Лиза жалуется, на то же и купается в воде, имеющей только 12° тепла. При всем том довольна своим здоровьем. Только бы не простудилась, то, вероятно, укрепится в надлежащем порядке; потому что у нее другого расстройства нет, кроме нервного, которое, как уже я прежде говорил, полагаю признаком от необращения должного внимания на обстоятельство, казавшееся им малозначащим.

У нас третий день теплый, думаю, что и у вас также погода восстановилась и Сережу снова можно выносить. Он хоть и морщится от бульона, однако скоро к нему привыкнет; принуждать, конечно, его не для чего, достаточно приучить помаленьку. Очень верю, что он вас теперь начинает узнавать; мило смотреть на детей, когда они начинают различать вещи и присматриваться к ним. Саша здорова, тошнота бывает реже, последний раз она продолжалась долее, и вообще как-то все идет иначе, как она замечает; Лиза и Марья Казимировна от этого предсказывают ей дочь. Третьего дня мы с нею и небольшой компанией сзидили на пароходе до места, называемого Межигарьем, где нынче фабрика фаянсовая, а в старину

был монастырь, который, как рассказывают, сжег нарочно по какому-то соображению князь Потемкин во время бытности императрицы Екатерины Алексеевны в Киеве. Говорят, что он представил ей зрелище пожара пяти церквей деревянных, когда она водой плыла по Днепру.

К 16-му июля 2-й

Теперь обращаюсь к тебе, мой любезный Николай Дмитриевич. О поездке Зининой уже сказал в листке к ней. Понимаю, что вам невозможно рассчитывать ехать вместе, разве какие-нибудь непредвиденные обстоятельства будут тому способствовать. Может быть поручена ревизия не в Москве, а где-нибудь в нашем краю. Из немногo, что знаю, кажется, многие из председателей не считают себя прочными со времени заступления нового министра, имеющего в заведовании не одни палаты [государственных] и [мушеств], но и удельные. Когда я виделся в Москве с Н. Н. Т[олстым], он говорил мне, что если новый министр будет требовать разъездов, то он должен будет отказаться от своего места, потому что здоровье его приковывает его к одному месту и препятствует разъездам. За любезность Ник[олая] Ник[олаевича] нельзя не благодарить его; но между тем я полагаю, что он отдал тебе только должное⁴. Из Сибири и я давно не получал; только от Ал[ександра] Вик[торовича] с приисков, который, разумеется, ни о чем другом не пишет и ничем другим не интересуется. По возвращении его в город буду ожидать известия о результатах его личного присутствия. Промывку он хотел начать не ранее 1-го июня, чтоб, однажды начав, не было остановки.

Я забыл сказать в предшествовавших письмах, что Марья Казимировна успокоилась. Она долго не получала денег своих, а теперь уже они у нее. Проси маменьку очень извинить, что ее обременили, и в знак прощения пусть она даст поцеловать свою ручку. Тетушка Потемкина должна быть теперь в Аникине, но в этот день, как вы писали, ее еще там не было, она в этот день должна была ехать из Москвы в Симу на целую неделю. Я рассчитывал, что она не могла приехать к себе ранее вчерашнего дня.

Я боялся, что опоздал выслать ей повара ее, однако оказалось, что отправил его вовремя. Она должна была найти его в Москве по возвращении своем из Симы.

Вчера я получил письмо от Катеньки Голицыной⁵,

которая очень приглашает приехать к ним в деревню, обещая выехать навстречу на станцию железной дороги. Я могу только иметь это в виду на будущее время; может быть, на лето 58-го года, если буду жив и здоров. Не знаю, климат или образ жизни благотворно действуют на меня, только я здесь постоянно хорошо себя чувствую; ни разу не имел случая пожаловаться на самое малейшее нездоровье. От ходьбы по горам иногда устаю, но не утомляюсь. И Коля научился здесь ходить под гору и на гору всходит как ничего, а в большой сад раза два в день, а он от нас в версте. Он очень доволен был посылкой сапожков; однако сказал: лучше бы тетя Зина сама приехала. Отец его очень любит и уверяет, что он и храбрее Сережи и будет умнее. Дело в том, что он терпеливее сносит его ласки, от которых Сережа иногда плачет.

Жалею очень о нездоровье Ольги Дмитриевны⁶; оно помешало ей провести приятно день своих именин. Ей и всем прочим членам семейства мое приветствие.

Если батюшка поехал в Швейцарию, то не мудрено, что там встретится где-нибудь с братом моим. Я считаю, что он теперь в Интерликене.

Прощайте, милые, любимые друзья мои. Обнимаю вас и целую от всего сердца, Сережу тоже. Ваня и Федя вам кланяются, а Саша, может быть, и сама пишет. Запечатав письмо, к ней отправляюсь, как всегда по утру; только в почтовый день позднее. Христос с вами.

180. Э. С. и Н. Д. СВЕРБЕЕВЫМ

Киев, 22-го июля [18]57

Получил письмо ваше уже из Москвы, милые друзья мои, в котором говорите о своем туда приезде и помещении во флигеле. Вероятно, в том, в котором жил батюшка, когда уступил вам свою половину. Вам тут не слишком просторно, но это ничего, а только вам скучно, что вы без Сережи, хотя и можете совершенно быть спокойны, что все меры для сохранения здоровья будут приняты, по крайней мере, столько же хорошо, как и при вас. Первым уже доказательством попечения, какое будут иметь о нем, служит то, что матушка поместила его близ себя.

Что привита ему будет оспа без тебя, милая моя Зи-

нуша, это нисколько также не должно тебя беспокоить. Ты знаешь, что оспа ничего не значит и никакой болезни не причиняет. Такой малюток едва ли заметит, что у него есть оспа.

Благодарю тебя, мой милый Николай Дмитриевич, что не скрыл своего нездоровья. Очень доволен я знать, что его не находят важным и не находят нужным никакого лекарства, кроме диеты. Я согласен с тем, что это первое и лучшее средство во всякой болезни; и уверен, что ты его употребишь вполне. Здоровье тебе нужно как для себя самого, так для счастья* Зины и, смею сказать, для собственного моего спокойствия; ты Зину слишком любишь, чтоб не поберечь себя.

Марья Казимировна очень совестится и просит прощения у вашей маменьки, что была причиною ее беспокойства, и, как сама увидела после, что по** долгое время, не имея никакого известия после отсылки билетов в сохранную кассу, она боялась, что они потеряны, и была от этой мысли в беспокойстве. Не понимала, что такую сумму, как была ее, банк не всегда имеет в наличности, и должна ждать, чтоб она собрана была.

Накладную я тоже получил; но она нисколько не объясняет, чьи ящики мне привезены и что заключается в том, которого я не вскрывал. Я уже об этом подробно писал, и не для чего повторяться.

Ты боишься, Зинуша, что я утомляюсь ходьбою. Нисколько. Сначала, пока не привык ходить по горам, то делалась одышка, и я медленно должен был всходить по таким крутизнам, где проложены одни маленькие тропинки, и без усталости.

Вчера были именины Марьи Казимировны, и она угощала нас вечерним чаем, гости были м-м Бутович и Сашенька с мужем, Понятовский¹, Петруша Трубецкой, профессор Селин и я; просидели до 10¹/₂ ч. М-м Рейхель, как кажется, поселилась совсем с матерью, и я думаю, останется с нею, когда и муж приедет²; мать очень довольна дочерью и разнежилась к ней. Если с нею не будет папеньки с дочкой, то есть причина ожидать, что жизнь будет продолжаться в согласии. Коля в день своего рождения получил много подарков, от которых был³

* Вместо зачеркнутого: «спокойствия».

** Окончание слова неразб., возможно: «понапрасну».

в большом восторге. Я пришел рано поутру, он стоял на галерее в каске, сабле, с барабаном, и военный его наряд я пополнил палкой с лошадиной головкой. Тут он был уже в полном удовольствии и во всем своем военном наряде разъезжал на новой палочке верхом. Это одно из любимейших его занятий, так, как и Сережи. Чтоб не возбудить зависти, Сереже была подарена такая же палка, и оба были довольны. Саша и Ваня вас целуют, Николай Р[оманович] жмет вам руки, Федя кланяется, а я вас прижимаю к сердцу.

Христос с вами.

181. Н. Д. СВЕРБЕЕВУ

Киев, 20 сентября [18]57

Вчера я получил два твоих письма, милый друг, одно из Владимира, другое из Москвы. В первом ты скорбишь о том, что Зина не имеет о тебе никакой вести,— слава богу, это уже прошедшее, а в другом ожидаешь приезда Зинуши. По депеше она приехала в Москву 18-го и если только одну ночь ночевала в Солнышкове, то ехала дольше, нежели я предполагал. Теперь я не буду ожидать от вас писем с первой почтой, я полагаю, что вы на этот раз удовлетворились посылкой депеши, как и меня удовлетворили.

Зина справедливо писала о разговоре Ростовцева. Он говорил, что Норов обвиняет Н[иколая] Р[омановича] в происшествиях Киевского университета, и в этом смысле говорил и царю¹. Но из слов же Р[остовцева] я заключаю, что государь не совсем согласен с мин[истром], потому что на докладе, в котором Норов выхвалял нравственность студентов, ц[арь] собственноручно написал: «Желал бы, чтоб было так, но сомневаюсь». Подтверждение обвинений министра имел на днях из переданного с ним разговора в Варшаве <...>* нашим собеседником², которому Н[оров] доказывал, что вся история произошла от недостатка любви и что если б попечитель поехал на похороны студента, заколотого офицером, то никаких происшествий, подобных тем, которые были, не могло бы случиться. «Et voilà pourquoi notre fille est muette»**.

* Одно слово неразб.

** Вот почему наша дочь немая (франц.).

Собеседнику показалось, что нет логичного вывода, но в ответ получил, что оно так и что Н[оров] не понимает, как такой умный человек, как Н[иколай] Р[оманович], этого не понял. Ростовцев прибавил, что Норов продаст Ребиндера, и советовал ему просить объясниться с царем, но Н[иколай] Р[оманович] находит, что ему не следует этого делать, а выжидать, что сам ц[арь] заговорит с ним; тогда он сможет объяснить ему вещи, как сам их понимает. Не знаю, будет ли он иметь к тому случай, потому что Н[оров] говорил, что ц[арь] не поедет в университет. Все это заботит меня, а Н[иколая] Р[омановича] еще более, и при его характере делает часто беседу его несносною³. Что бы ни вышло из всего этого, а мне трогаться с места до первых вакаций нельзя без вреда для Вани. Он теперь к труду привык, прилежен и старателен, учится охотно и времени своего не мытарит; не должно этого изменять.

Записку о принадлежности полученных мною двух ящиков я получил и буду ожидать распоряжения от Тулинских. Они думали переехать в здешний край, но дело, кажется, не состоялось, по крайней мере, так писал Владимир Иванович Марье Казимировне.

У Марьи К[азимировны] теперь съезд ксендзов из Иркутска. Все возвращающиеся относятся с большою благодарностью [к] Н[иколаю] Н[иколаевичу], от которого досталось чиновникам за замедления и исключения. Благодарят также Як[ова] Дм[итриевича]. От него я также имел письмо. Он хотел пригласить к себе в дом m-lle Заржицкую, которая занималась его Сашурой, но m-lle Liprandi на него вспыхнула⁴.

По Амуру ходят два казенных парохода, на третьем Путятин отправился кругом света⁵. Тем, видно, и кончилось посольство. Между тем китайцы просят официально* дозволения свободно торговать с нами по Амуру. Вы, конечно, увидите Н[иколая] Н[иколаевича] в приезд его в Питер; ему разрешили быть там к 15-му октября. Кат[ерина] Ник[олаевна] больна, и, говорят, ей нужно непременно ехать в Италию. Теперь ли она поедет, не знаю. Увидишь Н[иколая] Н[иколаевича], пожелай ему от меня много и много доброго.

Мне остается теперь только крепко обнять тебя, ми-

* «официально» вписано поверх строки.

лого моего друга, и расцеловать нашу Зинушу. У нас все здоровы, и Саша, и дети ее. Все вас обнимают. Да! Еще статья осталась без ответа. Беременности я не подозревал и вместе с вами желаю, чтоб был отдых. Что-то Анна Федосеевна, осталась ли довольна своей поездкой? Маменьке и всему семейству мое почтение. Я думаю, что и батюшка будет уже с вами, когда будете это читать. Христос с вами.

[На первом листке сбоку приписка:] Лорер вам кланяется. Он приехал ко мне и привез богатый крендель на новоселье.

182. Н. Д. СВЕРБЕЕВУ

Киев, 24 сентября [18]57

С последней почтой я не ожидал получить письмо от тебя, милый друг мой. Получив по телеграфу уведомление о приезде Зины¹, я полагал получить от вас только уже чрез почту. 16-го я полагал Зину уже приехавшую в Солнышково и думаю даже и теперь, что оно могло быть так, что она прибыла туда вечером и пробыла там 17-е и рано утром 18-го выехала в Москву. Вместе с твоим письмом я получил от Марьи, и это письмо изъяснило мне многое из того, что ты умалчивал². Она передает мне в подробности разговор Владимира с общим вашим начальником, вследствие которого последует, как кажется, перемена службы для Владимира. Он решительно отказался исполнять требования, которые по его убеждению должны пустить 20 тысяч душ по миру. Кажется, он тем не заставил переменить решения, но ему предложена перемена, т. е. перевод в ту часть, которой ты не желаешь. Объяснения, которые даны при том, кажется, побудили его согласиться на переход. Если будет перемещение из одного города в другой, то на место большого моего приятеля³.

На все представленные тобой причины о решимости оставить службу я не имею ничего сказать, как уже, я полагаю, ты понял из предшествовавших моих писем⁴. Если я прежде изъяснял сомнения, чтоб везде была нужна скачка, то это потому, что я никак не могу понять, чтоб все дело могло заключаться только в разъездах. Мне, напротив, кажется, что они могут быть только

вредны и что их вполне может заменить свободный доступ во всех нуждах.

Странно для меня подумать, как сердце человека может ожесточиться с возвышением на ступени общественной жизни. Честолюбие заставляет молчать благородные чувства даже у тех людей, которым они были всегда свойственны и которые чрез них отличались от толпы⁵.

Намерение твое провести некоторое время в одном месте со мною, конечно, для меня приятно в высшей степени, и по тому одному уже отклоняется всякое против него возражение⁶.

Никак не думаю, что Зинуша находила какое неудобство в исполнении его. Отдых от принужденных занятий и умеренность климата должны подействовать благотворительно на твое здоровье. Хотя, впрочем, не могу судить верно о влиянии, какое вообще должна здешняя зима иметь на людей, привыкших к суровости сибирских зим, но полагаю, что если только она сколько-нибудь морозна, а не постоянно сыра и дождлива, то, конечно, оттого никакого вреда произойти не может. До сих пор на меня здешний климат действует весьма благотворительно. Я могу сказать, что во все время моего здесь пребывания я не чувствовал себя ни одной минуты сколько-нибудь нездоровым. Бывали только бессонницы по ночам, может быть, их должно приписать слишком теплоте состояния воздуха, может быть, и нет, потому что они со мной случались и в холодном климате.

Штиглиц дает мало, нет выгоды держать у него⁷. Может быть, можно у него оставить до того времени, когда придется получать все пять тысяч вполне, потому что на половину этой суммы за остающееся уже время придется небольшая прибавка, когда выйдет срок получения остальной половины (что можно также узнать от него самого), то, я полагаю, выгоднее обратить все 5 тысяч на покупку акций последнего 5-процентного государственного займа, если не будет предполагаться другое употребление этого капитала.

Последнее письмо мое объясняло некоторые обстоятельства положения нашего, но верного, думаю, что не в состоянии буду сказать ранее, как через три почты. Мне как-то не верится, чтоб должна была быть неприятная для нас перемена, хотя и нет данных для ожидания чего доброго⁸. Решить заранее ничего невозможно, все

зависеть может от расположения духа, на который могут действовать множество обстоятельств, не исключая даже непогоды⁹. До сих пор с отъезда Зины у нас стоит прекрасная [погода], но такая не может еще долго продолжаться, и конец месяца или начало следующего может оказаться очень неприятным.

Итак, Молчанов умер, и Нелли свободна, и все испытания ее миновались. Дай бог, чтоб мать, наученная опытом, не бралась снова устраивать судьбу дочери по своим видам.

Зиночка говорила мне, что батюшка твой хотел возвратиться ко дню своих именин, если он это исполнил, то вы провели, конечно, приятно этот день. Мое поздравление придет слишком поздно, но говорится, что лучше поздно, нежели никогда. Получил ли он всю ту пользу от своей поездки, какую ожидал? Ему и всему семейству сердечное и самое искреннее мое приветствие.

Мои все вам кланяются.

Н[иколай] Р[оманович] озабочен различными слухами, Саша спокойна, но тревожится только тогда, когда разговор находит на этот предмет¹⁰. Ребятишки мои кланяются вашим ребятишкам.

Федя получил письмо из дому. Отец его жив, но все болен, как был. Обнимаю тебя и перехожу к Зине.

После твоего отъезда, милая моя Зинушка, чрез день я проводил Лизу. Она уехала с мужем и Александрой Ивановной и хотя выехали в полдень, две ночи проводили в дороге, вероятно, оттого, что поехали в большой карете. От нее я только еще одно письмо получил, в котором она уведомляет, что нашла детей здоровыми и что они без нее были очень милы. Каждый день они ожидают появления на свет нового жителя, и, следовательно, время было им возвратиться. На днях будет сюда Ник[олай] Вас[ильевич], он привезет известия свежее почты; должен быть здесь к приезду государя, как предводитель дворянства своего уезда. Здесь теперь по всему городу подновление, беленье, крашение, мощение улиц и проч.

Из 1-й гимназии выгнали всех гимназистов учиться в ближний от меня дом, а в гимназии все комнаты, где классы, и прочие убираются и обиваются шелком и бархатом для бала, который тут будет дан. Во всю длину дома и пред ним воздвигается решетка для иллюминации; и все эти приготовления заставили Сашу и Н[ико-

лая] Р[омановича] отложить свой переезд на новое жилище до окончания уже всех празднеств, так что я пока что довольно далеко от них. Поживши с тобой под одной крышей, без тебя мне скучно было там оставаться, и я потому неделю тому назад как перебрался на новое свое пепелище¹¹. Здесь у меня нет стука на улице, потому что вместо мостовой песок, напоминающий Кяхту. Здесь теперь гостит к-ня Анна Васильевна Голицына с двумя сестрами Ланскими¹², оне приехали из Св[ятых] гор, где были с Татьяной Б[орисовной] и частью ее семейства. Они приехали в субботу и уедут завтра. Прислали мне сказать о своем приезде, и я очень рад был их увидеть. Они в Киеве не бывали и в свободное от молитв время осматривают все любопытное. Они не думали здесь говорить, но поехали к митрополиту, и он их заставил. Ты познакомилась с к-ней Анной Васильевной] проездом из П[е]т[ер]бурга, кажется, в Симу. Оставляю тебя на сей раз и жду от тебя письма, однако, не ранее пятницы. Христос с вами.

183. З. С. и Н. Д. СВЕРБЕЕВЫМ

Киев, 1 октября [18]57 г.

Невидимо подкрался 12-й час, и я едва имею время сказать вам, милые мои детушки, что я здоров и все мы также. Ваши письма от 20-го получил и отсылаю их сегодня к Лизе, чтоб она также знала, что с вами делается. У них все здоровы, Александра Ивановна ездила в Каменку, думала присутствовать при появлении на свет нового внука или внуки, но воротилась с Николаем Васильевичем, не дождавшись новорожденного, который еще не дает о себе явной <...>* Когда вы получите это письмо, в Москве будет уже А. В. Голицына с сестрами своими Ланскими, и, вероятно, вы с ними увидите и оне дадут вам извстные о нас известия. Вчера вечер мы посидели с Сашей в доме у меня. Н[иколай] Р[оманович] с Надей и мои ребятишки были в театре на музыке и живых картинах, а Сашу завезли ко мне.

Тебе кланяется Марья Мадейская и просила сказать, что очень жалеет, что не удалось с тобой познакомиться, она сама думала приехать 25 августа, но Грабовские¹,

* Одно слово неразб.

которые к ней тогда приехали, задержали ее. Маменька ее также тебе кланяется. Здесь с 26-го в[ел]. к[н]. Николай и разные лица знатные наезжают; я никого из них не видал, кроме Чевкина², с которым возобновил знакомство у Голицыной. Впрочем, я с ним коротко не был знаком; он недавно только был выпущен из Пажеского корпуса, а я тогда уехал в Киев. Когда он приезжал в Петровский завод, он был у матушки, но я его не видал, тогда было еще строго.

Прощайте, мои милые, должен кончить. Целую и обнимаю вас за себя и за всех моих; будьте здоровы и веселы. Христос с вами.

184. З. С. СВЕРБЕЕВОЙ

11, 14—15 октября [18]57 *

Вообрази, милая моя Зинуша, что я только вечером, разговаривая о тебе с Ваней, вспомнил, что сегодня твои именины. А между тем весь день о тебе разговаривал, поутру с Сашей, а после обеда с Марьей Казимировной, которая очень благодарит тебя за посылку; ты совершенно ее удовлетворила покупкой. А писать будет к тебе, когда получит от тебя письмо, говорит, что ты обещала. Саша привезла мне также от тебя пальто, которое мне не только не коротко, как ты боялась, но даже длинно. Вместо того чтоб тебе сегодня получить от меня подарок, я получаю от тебя, это не в порядке вещей, как и то не в порядке, что я забыл именины моей милой дочери, которую люблю всем сердцем и знаю, как она меня любит. Поздравляю же тебя, милая моя, и милого моего Николая Дмитриевича; не знаю, где вы этот день проводите, но думаю, что в Солнышкове, чтоб быть со всем семейством и с вашим Сережей.

14. Грустный день сегодня¹, милая моя Зинуша, тяжелые воспоминания. Ты, конечно, начала его, как и мы, молитвою. Мы слушали обедню, а панихиду в Софийском соборе. Там почти никого не было, и ничто не развлекало от молитвы. Хотя и ты и Лиза с вашими мужьями разъединены с нами, однако сегодня, конечно, мысленно все были вместе, и мысли всех сосредоточены на одном предмете и на одном горестном происшествии, которого

* Письмо писалось с перерывами.

воспоминание ничто не может изгладить. Дай бог вам всем, милым моим, долго не видеть подобных дней в семействах ваших.

15. Саша ночевала на воскресенье на новом месте, тут мы опять близко друг к другу, что очень приятно. Только перемена квартир сделала некоторую перемену и в получении писем, или почтальоны еще не поправились, или в наш край позже посылают, только письма к нам позже приносятся, нежели приносились в Липки. Однако я получил ваши от 3-го и пожелал вам доброго пути в Троицу. С почтой новой, которую должно бы уже вчера получить, не ожидаю по случаю вашего отсутствия из Москвы. Когда возвратитесь, увидите с батюшкой и многое порешите для меня интересного. Благодарю за известия о сестре Лизе; очень желаю, чтоб дело ее кончилось в ее пользу, тогда только может она быть спокойна². Я очень, разумеется, доволен, что гр. А. Г.³ принимает тебя хорошо; когда будешь опять у нее, поблагодари ее от меня за память обо мне.

Бедная Елизавета Петровна была, конечно, сильно напугана, но, видно, удар был не так силен, когда Михайла Михайлович уже мог ходить скоро после. Это дает надежду, что он скоро поправится так, чтобы им можно было ехать. Известием о Пуцине вы меня также утешили, я очень боялся за него по разным слухам. Известие о женитбе Кривцова немало меня удивило; пара не совсем равная⁴. Наденька Р. знает девицу; она где-то были вместе в пансионе. Я надеюсь, что наконец тебе, Зинуша, удалось познакомиться с Dolly; как ее теперь здоровье после кумыса и степи? А бедная сестра ее Лиза очень меня заботит; письма ее, которые я имел случай читать, так расположили меня к ней, что я чувствую большую нежность к этому доброму существу. Как-то мало утешения в приговоре медиков, нужно же, чтоб она решилась наконец последовать их советам, иначе здоровье ее все будет понижаться и заставляя ее более и более страдать; неподвижность, конечно, скучна и утомительна, но надобно покориться необходимости.

Здесьние вопросы давно уже разрешены для вас моими письмами; и о делах в ваших заведениях есть здесь письма, но гласят разное, и, следовательно, не знаешь, чему верить. Но у вас гораздо важнее, нежели здесьние, и должно иметь и последствия другого рода. Посылки,

присланные тобой, Зинуша, все получены, и, вероятно, сами получившие их будут писать и скажут, как им понравилось; я знаю, что М[арья] К[азимировна] очень довольна. Кстати, вчера явился Рейхель и был вечером у меня. Он гораздо здоровее, нежели был в Иркутске. Сына оставил, говорит, в канцелярии новгородского губернатора, знакомого ему человека. Едет к жене и дочери.

По ответу моему вы видите, что письма ваши двух почт сошлись у меня. После приезда от богомолья буду ожидать описания вашей поездки.

От Лизы я имел письмецо коротенькое, все у них здоровы, только волки обижают, и на них была охота. Время у нас продолжает ясно*, небо безоблачное, ночью морозцы, а днем ветер, большею частию северный.

Прощайте, милые друзья, целую и обнимаю вас от всей души. Христос с вами.

Дм[итрия] Н[иколаевича] поздравляю с возвращением, надеюсь, что он накопил себе здоровья надолго. Лорер вам кланяется. Пожмите от меня руку брату Ник[олаю] Ник[олаевичу] — уехал ли Чижев?

185. З. С. и Н. Д. СВЕРБЕЕВЫМ

[Киев.] 3 декабря [18]57

В получении твоих двух последних писем, милый сын мой, была разница; из Москвы я получил ранее, но не заметил, от почты ли эта разница или от почтальона, и потому решить наверное не могу. Но теперь оно и не нужно. По расчету твоему вряд ли это письмо застанет уже вас в Москве; из Солнышкова от 21-го ноября я получил вчера, мне это письмо дойти не может ранее 19-го, а вы 8-го хотели ехать в Пе[тер]бург.

Я полагал по словам Лорера, что Мих[аил] Мих[айлович]¹ мог отправиться за границу, оправившись в здоровье; твое письмо в том меня разуверило, да и от самого Нарышкина пришло вчера письмо к Николаю Ив[ановичу], который уведомляет его, что он хотя поправился, однако чувствует себя еще очень слабым. Сутгофа мне очень жаль, я надеялся, что он, наконец, найдет себе в

* Так в подлиннике.

Москве пристанище, а теперь бог знает куда опять судьба его занесет².

Желаю вам иметь возможность выполнить путешествие ваше по начертанному плану. Будучи в Париже, нельзя не заглянуть в Лондон, а в Неаполе вас будут ждать с нетерпением; только если вы останетесь м[есяц] в Париже и съездите в Лондон, то вы не прежде можете быть в Неаполе, как в конце весны, и, вероятно, уже ненадолго, если нужно будет ехать на воды.

Оставляю тебя, милый друг, чтоб побеседовать сколько-нибудь с Зиной. Ты говоришь, милая Зинуша, что Лиза пишет тебе, что я имею также намерение заглянуть в Европы*. Нет, до Европы мне дела мало, и я как-то не имею никакого любопытства видеть ее в теперешнем положении и сравнивать с тем, что видел прежде, в старые года³. А мне очень хочется видеть Зинаиду Ивановну, и она во всех письмах приглашает меня к тому. Она летом непременно намерена быть в Германии и зовет меня с ней там увидаться, где мне будет возможно. Если мне нельзя будет проехать далее Берлина, то она там со мной встретится, а если бы и это не было мне возможно, то готова доехать до Варшавы.

Конечно, очень бы мне приятно было поехать туда с Лизой и встретиться с вами, но это затянет меня надолго; я не хочу определить на всю поездку более месяца. Мне не хочется оставлять надолго ни Сашу, ни Ваню. В первом письме к брату я напишу ему, чтоб он об этом переговорил с к[н]. Долгоруким и спросил его, как это лучше сделать. Кстати, дайте мне из Петербурга адрес дяди Никиты; я знаю место, но забыл, чей дом.

В Париже я полагаю, что вы увидите Сашу De Sars. Софья Ивановна пишет к нашей Сашеньке, что она родила, только я забыл, сына или дочь. Впрочем, думаю, что если она живет и не в Париже обыкновенно, то неподалеку, потому что ее адрес в Париж, не помню только, какой дом. Это все ты узнаешь от тетушки Софьи Ивановны.

Понимаю я очень, как вам трудно расстаться с Сережей. Нет ничего приятнее для родителей, как видеть резвости ребенка, и особенно, когда он перворожденный. Но такая уже участь человека или, лучше сказать, такую

* Так в подлиннике.

он уже себе сделал ее, что, приобретя одно, лишается другого.

Указ Сената, который тебе был объявлен, был нам объявлен уже несколько месяцев тому назад⁴ и до тебя так поздно дошел только потому, вероятно, что не известно было место твоего проживания.

В П[е]т[ер]бурге переговорите с дядей о ваших картинах и рассудите, что надобно с ними делать. Жаль пропадать таким драгоценностям⁵.

Прощайте, милые друзья мои, крепко вас целую за себя, Ваню и Сашу. Последняя все еще покашливает, и я ее от себя не отпускаю. Надобно, чтоб кашель совсем прошел; по моим заключениям, кажется, оно идет к тому. Христос с вами.

186. З. С. и Н. Д. СВЕРБЕЕВЫМ

[Киев.] 17 декабря [18]57

Почта хоть опоздала, однако пришла, и я получил, милые детушки, ваши письма, 6-го от Николая Дмитриевича, а 9[-го] от каждого из вас, пришли вместе¹. Вас также посетили кашель, насморк, боль горла и, сверх того, однако еще и флюс. Слава богу, что все это уже начало проходить. Всего больше, конечно, вы беспокоились за Сережу. Хотя маменька и увезла его из деревни, но перемена воздуха ничему не помогла. Грустно было вам смотреть на него больного, скучного, привыкнув видеть всегда здорового и веселого. Надеюсь, когда будете это читать, все уже давно будет в прежнем порядке и вы все веселые и спокойные.

Та же новость, которая у вас занимает умы, овладела и здесь общим разговором². Не знаю, как поступит здешнее дворянство, но знаю многих благомыслящих людей, которые давно желают положить конец тому шаткому положению, в котором они находятся, и определить отношения свои к крестьянам на твердом основании, которое могло бы обещать им спокойствие в будущем. Ожидание так велико в здешнем народе, что медленность может возбудить такие беспорядки, которые трудно будет прекратить. Народ ожидает указа окончательного к Новому году. Это ожидание общее в здешней и окружающих ее губерниях, далее не знаю. Теперь, когда разошлось известие, что есть на то высочайшая воля (хотя

и старались скрыть в тайне циркуляр), то есть надежда, что будут терпеливо ожидать, если увидят, что дворяне собираются для обсуждения. Если ж будут помещики медлить, то нельзя отвечать, чтоб не было вспышек. Циркуляр министра написан в таком робком и неопределенном духе, что он всех убеждает, что министр вовсе не имеет никакого понятия о важном деле, о котором он пишет³. Им довольны только те из здешних помещиков, которые видят из циркуляра возможность прижать своих крестьян и отнять у них ту землю, которая по инвентарию, несколько лет тому назад утверждённому и введенному здесь торжественным образом, определила в неотъемлемую собственность крестьян с обязательством их за пользование ею исполнять работы на помещика, также безвозмездно* определенные тем же инвентарием. Отдача крестьянину двора с усадьбою за цену, которую должен выплатить в течение 12 лет, осуждается вообще всеми умными людьми; этот пункт, конечно, не обязательный, как и ничто в циркуляре необязательно, и дворянству дан большой простор устраивать, как оно найдет лучше. Этого-то самого и боятся умные; потому что не надеются быть в превосходстве в дворянском собрании. Очень любопытно будет узнать от тебя, любезный мой, какие меры будут приниматься в наших губерниях. Услышишь, конечно, много толков, из них извлечешь лучшее и удобное.

В этом отношении мнение твоего батюшки очень будет для меня важно; он знает довольно состояние пензенского нашего имения и в состоянии дать добрый совет. Как намерен поступить дядя Б[орх]? Когда я с ним виделся в Москве, то он готовился уже к перемене, которой теперь полагается начало.

187. Э. С. СВЕРБЕЕВОЙ

[Киев.] 20 декабря [18]57

Ты здесь найдешь, милая моя Зинуша, письмо к твоей Александре, и я так писал, чтоб она могла сама прочитать¹; она писала ко мне и просила моего совета, оставаться ли ей в Москве после вашего отъезда или ехать в Иркутск, и если я посоветую последнее, то чтоб

* Так в подлиннике.

я попросил тебя отправить ее с надежным человеком. Я ей, разумеется, советую ехать на родину, теперь можно, полагаю, найти в Москве иркутян, приезжающих за покупками товаров, которые охотно возьмутся довести с уплатою прогонов на одну лошадь. А иногда случаются отъезжающие барыни, которым нужна в дороге девушка, так та, которая удержана, кажется, с Сашей, возвратилась с Мичуриной². Об этом, я думаю, можно узнать у Медведниковых, которых в Москве не один³.

Я сегодня еду к Лизе, как скоро приведут лошадей. Не надеюсь ехать скоро как потому, что дорога не может быть хороша, так и потому, что должна быть часто задержка в лошадях, множество студентов и гимназистов отправляются на праздники в отпуск. Дорога, однако, теперь должна быть лучше, нежели какой я надеялся, снег пролежал несколько дней, и в это время морозило, а вчера все опять распустило, но нет такой грязи, как была прежде. Письма ваши, вероятно, сегодня запоздают, и Саша мне их пришлет уже в Каменку; оттуда я могу писать к вам только чрез неделю, т. е. в будущую пятницу, а почта теперь из Каменки ходит сюда не менее недели; так что вы будете целые две недели без писем от меня. Я предупреждаю вас, чтоб вы не беспокоились. Вчера обедали у Саши с Марьей Казимировной, а вечер там просидели с Александрой Ивановной, Лорером и к[и]. Шаховским. Этот ждет с нетерпением, когда дело, за которым он здесь живет, окончится и ему можно будет уехать⁴.

Из Камснки выеду 7 генваря и, следовательно, буду уже в Киеве опять, когда придет от вас письмо, в котором вы будете уведомлять об окончательном предположении о дне вашего выезда. Если, как думаете, поедете прямо в Париж, я буду просить вас познакомиться там со старым моим приятелем Яковом Николаевичем Толстым⁵, от которого я получил самое любезное и дружеское письмо. Я с своей стороны предупрежу его о вашем приезде. Пожалуста, Зинуша, расцелуй за меня тетю Лизу и скажи ей, что я буду отвечать на ее письмо уже из Каменки; между тем она получила от меня, я писал ей недавно чрез Николая Трубецкого⁶, не быв уверен, что письмо сие застанет ее еще в Москве. Вы это получите, возвратившись уже из Пе[тер]бурга, надеюсь, что здоровье не помешало вам выехать туда, как предполагали. Обнимаю

и целую вас обоих и милого моего незнакомца Сережу. Всем вашим мой сердечный поклон, также и добрым моим приятелям. Христос с вами.

188. З. С. СВЕРБЕЕВОЙ

Каменка, 31 декабря [18]57

Хоть теперь уже 3-й час за полночь, однако я не могу пропустить последний день в году, не написав тебе хотя несколько строк. Письмо твое я получил уже здесь; Саша его читала в Киеве. А с тех пор, как ты его писала, вы уже успели съездить в Петербург и воротиться. Это я, кажется, узнаю, не ранее, как возвратясь в Киев, хотя можно бы было, по расчету, получить еще здесь письмо, которое ты напишешь на праздниках. Я хочу ехать отсюда 7-го числа. Завтра, вероятно, получу ваше письмо из П[е]т[ер]бурга, 9-го я могу быть в Киеве. Я хотел было нынче писать к сестре, но уже никак не в состоянии этого сделать, и потому скажи ей это и обними ее за меня, пожелав ей с новым годом и нового счастья. Для нее это не пустые желания, если оно сбудется, чего я надеюсь¹. Сестра твоя Лиза хотела в моем письме приписать тебе, но этого нельзя будет ей исполнить, теперь она давно уже спит, а утром идет к обедне и служит панихиду по своему Сереже, ему завтра, или т. е. сегодня, год². Почту отсюда отправляют рано, чтоб не опоздать за 30 верст. Муж твой пишет, что отец желает, чтоб вы сократили пребывание свое за границей, потому что ему нужен будет помощник в обстоятельствах, которые скоро наступят³. Это я очень понимаю; дело будет нелегкое согласить общие выгоды и устроить новое положение, не обременяя одной стороны и без ущерба для другой. Здесь это, как и у вас, предмет общих разговоров и рассуждений. Здесь оно, впрочем, должно устроиться без затруднения, все почти останется на прежнем основании, потому что здесь отношения определены и отнимется, следовательно, только власть распоряжаться лицами или делать самовольное отступление от того, что положено законом⁴. Иное дело в других губерниях, и я еще не очень понимаю, как придется устраивать мне в Пензе. Надобно, во всяком случае, будет дожидаться, какое там сделают дворяне положение. Для пахотных и оброчных оно не может быть одинаковое. Но об этом полно, и без

меня уже ты много об этом наслушалась. Скажу лучше что-нибудь о здешнем месте. Нас довольно большое общество. Я с Ваней и Федей, а хозяева — Лиза с мужем, брат П[етр]а В[асильевича], сестра его с мужем, детей у них трое и двое Лизиных, последние очень милы и очень довольны нашим приездом. День располагается след[ую-щим] образом. В 11 часов все собираются пить чай и кофе, и с ними подается блюдо для завтрака. В 3 1/2 или 4 обедают. Между завтраком и обедом ходят гулять или ездят кататься, последние дни в санях, потому что выпал снег. К 9 часам собираются к чаю. Вечером обыкновенно Лиза с Катериной Васильевной играют в четыре руки; в 11 расходятся. Третьего дня мужчины ездили волков стрелять, но без успеха, хотя была облава и 19 стрелков, между которыми Бобринский молодой и Поджио⁵. Волки страшно обижают жителей, множество овец душат.

Лиза была бы здорова, если б у нее от всякой бездельицы не болела щека и висок правый; прежде болела при том и голова, но, слава богу, теперь она избавилась от этой боли.

Оставляю страничку недописанной, глаза слипаются. Целую и обнимаю тебя за себя и за Ваню. Поцелуй за нас мужа, если это теперь за тобой водится, и расцелуй Сережу, Екатерину Дмитриевну поблагодари за память и поздравить всех поручи уже Ник[олаю] Дм[итриевичу]. Христос с вами.

189. З. С. и Н. Д. СВЕРБЕЕВЫМ

Киев, 14 января 1858

Милые и любимые мои дети Зинуша и Николай Дмитриевич. Последнее письмо, на которое я отвечал вам из Каменки 7-го генв[аря], было писано вами 19 декабря. Возвратясь в Киев, я нашел от вас письма от 23-го, 27-го декабря и 3-го января; сегодня Сашенька получила ваше от 6-го. Из всех этих писем я знаю, как вы провели все это время, как были в Петербурге и воротились в Москву, и различные обстоятельства вашей поездки, в которых много нашел себе приятного, и за эти подробности особенно благодарю Николая Дм[итриевича]. Всего же приятнее было мне читать, что маленькое то путешествие и развлечение благотельно ощутилось на твоём здо-

ровье, что подает мне совершенную уверенность, что путешествие в течение нескольких месяцев по Европе, где более найдете занимательного, изгладит следы всякого опасения расстройства в организме. Надеюсь, что бог даст мне увидеть вас вполне обеспеченных на этот счет по вашему возвращении. Вы поедете в самое холодное время и, конечно, не сделаете теперь той же ошибки, которую сделали Зина с Анной Федосеевной, когда приезжали к нам в Киев без теплой одежды, надеясь на теплый климат; едучи за здоровьем, не надобно начинать простудой. Хорошо вы сделали, что прислали адрес сестры вашей в Париже¹, по вашему отъезде из Москвы я буду писать уже туда, а не имея адреса этого, думал адресовать в наше посольство; а прежде надеюсь, что найдет еще мое первое заграничное письмо вас в Варшаве, где, вероятно, вы несколько дней остановитесь, потому что вас там ожидает уже тетка Коссаковская; она писала к Сашеньке, что узнала от Тулинской, что вы скоро там будете. К[онстанция] Ю[иановна] живет в ее доме, но письмо мое я буду адресовать на имя сибирского нашего знакомого Владимира Ивановича Аничкова, обер-полицмейстер скорее получит и верно доставит.

Я вам ничего еще не сказал о пребывании моем в Каменке, да и сказать многого нечего. Жизнь была однообразная, спокойная, приятная в семейном Лизином кругу. Только последние дни были немного скучны тем, что вдруг и Лиза и дети получили грипп, так что Лиза два дня пролежала в постели, а детей я и оставил в постели, однако уже им было гораздо лучше и больше от предосторожности не позволяли им вставать*. Возвратились мы на колесах, так, как и поехали, ни снежинки не нашли на дороге, и поля почти все были черные; снег, который выпадал несколько дней и так было укрепился трехдневным 18-градусным морозом, что в Каменке мы катались на санях, накануне нашего отъезда совсем стаял при оттепели в 4° тепла и южном ветре. Сегодня снова валит снег хороший и желают, чтоб он покрыл порядочно землю и дал возможность обозам, идущим из-за Днепра на санях, прийти вовремя на начинающуюся ярмарку. Это время, известное здесь под именем контрактово-

* Далее авторская вставка на полях: «Лиза собиралась сама писать к тебе, Зина, в прошлую пятницу».

го, и сбор дворян и прочих лиц бывает многочислен; ныне первых особенно ожидают в большом, против обыкновенного, числе по случаю вопроса, предложенного им на обсуждение². Вчера возвратился из Пе[тер]бурга здешний губернский предводитель³, что он привез оттуда, еще не известно, но между здешними, вы можете себе представить, какие идут разнообразные толки; вы видите пример тому в столицах, где более людей образованных и с общечеловеческими понятиями, нежели в провинциях. Немногие видят невозможность сохранить существующий ныне порядок, особенно при настроении умов того класса, которого касается дело⁴, и ожидают много бестолковых прений, в которых будет проходить время, вместо того, чтоб употребить его на изыскание вернейших средств к определению начал, которые могли бы вполне согласить выгоды и той и другой стороны⁵. Должно же, однако, кончиться тем, что люди разумные и практические возьмут верх.

190. И. И. ПУЩИНУ

Киев, 17 генваря 1858 *

Я был у Лизы в Каменке, когда получил письмо ваше, добрый друг Иван Иванович. Я ему очень обрадовался, тем более, что оно служило мне доказательством, что здоровье ваше поправилось, а до сих пор я был на счет его в тревожном положении, хотя изредка и получал известие, что вам несколько лучше, однако, чтоб в том убедиться, ожидал тщетно уведомления собственноручного от вас. Вы говорите, что писали мне 21-го июля, я этого письма не получил и потому, не имея ответа на мое от 28 июня, полагал, что вы не в состоянии писать, и это меня крайне огорчало. Почему ваше письмо не дошло до меня, этого знать не могу, не знаю и того, получили ли вы последнее мое, я адресовал его в Уланский переулок по вашему указанию¹. Я почитал вас таким больным, что вам не до писем, и единственно оттого удерживался; теперь радуюсь, что могу опять к вам писать не сомневаясь. Надеюсь, что теперь ваше здоровье будет все более и более восстанавливаться, и ныне наступивший год будет в этом отношении для вас счастливее. Скучно быть больным, когда человек один страдает, а

* Помета И. И. Пущина: Пол[учено] 26-го генваря».

когда это страдание разделяется еще другим близким, то оно несноснее. Наталья Дмитриевна при всей своей покорности к воле божией, конечно, выстрадала также довольно во все время вашей болезни.

Мне известно было, что многие вас посещали, я только не знал, что и брат ваш Михайла Иванович был у вас, а о Николае Ив[ановиче] также имел сведение². Я не могу этим похвалиться, из наших никто не заглянул в святой город, один Лорер здесь, приехал наконец после долгого ожидания³. О приезжавших в Москву и там проживающих я узнавал до сих пор от Зины. Теперь, когда она с мужем уедет за границу, не знаю, кто мне будет подавать весть. Переписки я до сих пор ни с кем еще не возобновил, попытаюсь написать на днях к Евгению и к Батенькову.

Благодарю вас, что вы вспомнили меня на могиле доброго нашего друга Ивана Дмитриевича⁴. Больно было мне узнать о его кончине, хоть я и видел, что его здоровье было не таково, чтоб можно было ожидать для него долгой еще жизни. Но все обстоятельства, предшествовавшие его кончине, очень меня огорчили. При доброжелательстве свыше они легко могли быть устранены, и в последние дни своей жизни он мог бы насладиться спокойствием⁵. О смерти Тизенгаузена я узнал из вашего письма; сына его незадолго до того видел, он сказывал, что отец уже стал очень слаб.

Вы хорошо делаете, что еще не решаетесь на поездку, дайте силам вашим вполне восстановиться. Я на себе испытал в Москве, как перемена жизни из спокойной и тихой в шумную столичную может сильно подействовать на здоровье (по крайней мере, в мои лета); без всякой видимой причины я в Москве заболел, и Наталья Дмитриевна меня видела в сильных страданиях. С выездом из Москвы незнакомый до того мне припадок не возобновлялся; а, как видно, я хорошо сделал, что поспешил тогда отъездом.

Поздравление с рожденной мне внучкой я передал родителям; а производство в тайные советники просто пуф какого-то неизвестного и, видно, малосведущего корреспондента⁶.

Марья Казимировна все скучает и не может похвалиться здоровьем. Она теперь в городе, но ездила на свадьбу племянницы на Украину к Семену Петр[овичу]

Юшневскому⁷, который выдал дочь за Граве, племянника Вегелина⁸. Поручения вашего к ней я еще не успел передать.

Заветное дело, вызвавшее Наталью Дмитриевну в Петербург, получит ли в теперешних обстоятельствах то окончание, какого она ожидала⁹. Для вас покойнее было бы, если б оно осталось неизменным и вы совсем бы развязались с делами, которые при другом порядке вещей могут потребовать довольных забот.

За что вы так нападаете на мою бороду?¹⁰ Когда уже Закревский¹¹ в Москве и к[нязь] Долгоруков здесь ее пощадили, то она сделалась уже законным мне придатком; а мне расстаться с нею нельзя, я слишком уже с нею свыкся и не узнал бы себя без нее.

Ваня и Федя благодарят вас за память. Ваня действительно вырос много и обещает еще много подняться, а Федя растет туго. Отец его живет все в известном вам доме, изредка пишет к сыну, а сын к нему часто. Он все в болезненном состоянии.

Вам кланяются мои Ребиндеры и Александра Ивановна, она требует вашего письма, и я ей его сообщу. Вас же прошу засвидетельствовать Наталье Дмитриевне сердечное мое почтение. Как мне жаль было, что я видел ее в таких неблагоприятных обстоятельствах, что даже слова не мог с ней перемолвить.

Лиза моя также просила меня вас от нее приветствовать. Я у нее пробыл почти три недели; должен был уехать, чтоб представить ребят в гимназию, и потому оставил ее с гриппом и детей по той же причине в постели. С нею живут еще Екатерина Васильевна с мужем и Николай Васильевич, этот заправляет всем хозяйством, варит сахар напропалую, сеет хлеб и пр., и пр., а Петр в дела не вмешивается, видя, что у брата они идут хорошо.

Но и мне пора кончить — и то уже, думаю, у вас глаза заболели читать это длинное письмо. В первом письме порадовать же меня добрыми о здоровье вашем вестями. Когда увидите вашего Ваню, поцелуйте его за меня, а будете писать Марье Александровне, то не забудьте Анюту от меня, а самой М[арье] А[лександровне] передайте мой поклон.

Ваш всегда С. Т[рубецкой].

Я надписываю прямо в Марьино, полагаю, вернее дойдет.

[Приписка:] Эта страничка осталась пустая, и я взял другой листок, пропустив ее. Это означает, что я уже крепко стареюсь. Извините за такое невнимание, оно, как видите, невольное. Написав к вам письмо, я получил от Александра Викторовича довольно веселое, что доказывает, что он и его семейство здорово; это можно еще узнать и потому, что он ничего не говорит ни о жене, ни о дочери. Скажите, знаете ли вы что-нибудь о Якове Дмитриевиче, он должен быть теперь в П[е]т[ер]бурге, однако о приезде его туда мне никто не писал, а я должен ему ответом и не знаю, куда писать.

191. З. С. и Н. Д. СВЕРБЕЕВЫМ

[Киев.] 17 января [18]58

Получил твое письмецо, Зинуша, от 10-го и сам пишу тебе коротенькое в неуверенности, застанет ли оно вас еще в Москве; и, конечно, нет, если вы точно выедете 20-го или даже 23-го. Ты танцевала два дня сряду на балах, следовательно, здорова и муж также. Сушков тебе правду сказал, его я знаю мало, видел несколько раз, а брата его я знал хорошо, отца графини Ростопчиной; он был женат на Пашковой, родственнице твоей маменьки¹.

Поздравляю тебя с двумя вчерашними нашими именинницами², не знаю, застанет ли одну из них письмо, которое я сегодня пишу ей в Москву.

Сейчас прочитал письмо брата к[н]. Николая³, скажи ему это и поблагодари. Он расхваливает твоего Сережу, говорит, что мальчик чудо. А на Николая Дмитриевича доносит, что ведет себя плохо: *играет* и обыграл даже жену его в палки* на такую сумму, что она и выплатить ее средств не имеет.

Вчера я с детьми обедал у Сашеньки, а вечером мы с нею были у Александры Ивановны. Из этого вы видите, что мы здоровы. Из Сибири получил от Александра Викторовича; все, кажется, здоровы, потому что письмо его веселое. Также и Алеша Сокольский пишет⁴; он, бедный, погибает в Чите, подшивая дела. Можно бы его полезнее употребить, хочу просить Николая Николаевича⁵. Притом болит у него грудь, а еще хуже — глаза,

* Так в подлиннике.

которые прежде не болели; а они ему тем нужнее, что у него прекрасный талант к живописи, как удостоверяет Поджио.

Дядя сообщил мне уведомление из Пензы, что 1-го января проект раздела будет представлен из Саранской опеки в Гражданскую палату на утверждение. Прощайте, целую вас всех. Христос с вами.

Всем вашим сердечное мое почтение.

192. Е. И. ЯКУШКИНУ

Киев, 21 февраля 1858

Присланные вами деньги будут доставлены по назначению¹. Письмо ваше я получил только с последней почтой, хотя на нем и выставлено 5 февр[аля] 1857 г. К вам не писал потому, что получил от своих известие, что вас или нет в Москве, или вы собираетесь в Смоленскую и Могилевскую губернии. Теперь хотя и полагаю, что вас письмо это не застанет, но знаю, что дом ваш не будет пуст и будет кому принять письмо. Рукопись задержал; не успел я еще докончить замечания²; буду ждать вашего возврата и уведомления, как вам переслать. Между тем намерен на днях отправить к вам книги, которые ошибкой попали ко мне; зимний путь, вероятно, простоит довольно долго еще, и они в полной сохранности к вам дойдут. Очень рад, что вам хорошо удаются ваши фотографические и литографические занятия. Очень приятно будет видеть их образцы. По словам вашим полагаю, что Зипюшкин литографированный портрет лучше должен передать ее, нежели деланные в прошлом году фотографии; она была тогда в особенном положении, которое всегда действует и на черты лица и на весь стан. От Ивана Ивановича имею известие, и Евгений Петрович недавно писал, но о занятии своем ничего не сказал. Спрошу в первом своем [письме] и по замечанию вашему думаю, что не оставлю без критики³.

Дети мои, большие и малые, все вам и вашим кланяются, равно как и я.

Трубецкой.

№ 3-й

На этой неделе я получил два твои письма, милый мой Николай Дмитриевич, писанные из Варшавы, а обещанное тобою, милуша моя Зиночка, оттуда же ожидаю сегодня с почтою. Кроме ваших писем было о вас известие от доктора Цыцурика; он писал к жене своей, что видел вас вечером у тетушки; а этот Цыцуриков еще недавно только уехал отсюда начальником медицинской академии, учрежденной в Варшаве. По рассказам об этом городе, который жители здешних губерний посещают часто, я ожидал, что вы его найдете таким, каким ты его описываешь; не ошибся также и в мнении своем насчет семейства, в кругу которого вы находились¹. Вероятно, вы теперь уже далеко успели с тех пор отъехать, и полагаю, что ты уже соединился с сестрою, и тут уже нашли вы все непохожее на наше. Несколько было приезжих оттуда, которые оставили эту столицу Европы, как здесь ее называют, уже после переполоха, и из того, что мне передавали, и из их рассказов я не могу узнать ни в материальном, ни в других отношениях того города, который был мне некогда знаком коротко². Любопытны будут для меня ваши письма оттуда и впечатление, которое все виденное на вас сделает. У нас здесь все благополучно. Саша кашляет менее, и я начинаю надеяться, что она совсем освободится, наконец, от этого так давно продолжающегося кашля. Дети ее также здоровы, малютка развертывается, хотя и медленно. Н[иколай] Р[оманович] всегда занят по обыкновению. Вчера вечером было у них довольно большое собрание, преимущественно состоявшее из профессоров. На мою долю достались профессор химии, ранее бывший профессором еще в Виленском университете³, и профессор Гагацкий, издавший недавно 1-ю часть своего философского лексикона⁴. При всей своей учености, он человек, с которым приятно разговаривать; Н. И. Лорер сидел также с нами вечер после лекции профессора Селина, о которой Зина имеет понятие по рассказам и которые посещаются многими дамами; их-то он и имеет более в виду в чтениях своих о поэзии разных народов. Из этого вы можете понять, что эти чтения отличаются не ученостию, но ясным и привлекательным изложением. Я на них тоже водил Ваню и Фе-

дню. Третьего дня приехал ко мне Андрей Андреевич, наскучив жить с жидами и желая перевести дух в более для него приятной и родной атмосфере. Вместе с его приездом я получил от Евг[ения] Ив[ановича] переданные для него Ив[аном] Ив[ановичем] 200 рублей, что составляет для него заметную помощь. Евг[ений] Ив[анович] пишет, что ему отлично удалось, милая Зинуша, твой литографированный портрет, и обещает познакомить меня с образцами своего нового дела. Я буду ему очень благодарен. Если литография твоя так схожа, как он извещает, то такой портрет приятнее фотографического. Я полагаю, что Николай Дмитриевич не удержится от того, чтобы повторить опыт твоей фотографии в Париже, так как уверяют, что это искусство доведено там до высокой степени, нежели у нас. Я, кажется, в последнем письме уведомлял нас о получении мною от вашей маменьки ее обещания извещать нас о Сереже. Из Сибири я также имел пынче письмо, между прочим уведомляют, что нашелся покушник на наш дом. Недавно приехавший туда на службу полковник желает его приобрести, и Алек[сандр] Вик[торович] требует, чтоб я назначил последнюю цену и прислал бы все нужные бумаги для совершения купчей, последнего, по несчастию, не в моей еще воле сделать, и я должен буду что-нибудь придумать, чтоб не упустить покушника; между тем пишу к дяде, чтоб он приложил старание о скорейшем окончании нашего дела, потому нет уже никакого повода тянуть такое долгое время. Цену же за дом, кажется, невозможно будет получить большую против той, которая поставлена ему в оценке, хотя Ал[ександр] Вик[торович] и старается набавить еще тысячу, но не уверен, чтоб дали. Продать надобно, дом без поддержки скоро может потерять всю свою ценность, между тем содержание его стоит мне ежегодно до двухсот рублей и более за страхованием и квартирантами⁵. Имел письма также из Читы, Ланин возвратился с устья через Аян, закаявшись вперед ходить по этому пути, но уже поздно было и не на чем подниматься, пароходы все еще слишком глубоко сидят для плаванья во всякое время. Он на устье оставил Михайлу Бестужева, который там зимует, потому что приплыл слишком поздно с грузом Зимина и Серебренникова⁶ <...>*

* Здесь и ниже текст поврежден, три слова неразб.

дос<...> сент<...>. Казакевича во всех отношениях хвалят как нельзя более.

Лиза в вчерашнем письме жалуется на насморк и кашель, который сама не знает, как достала. Она получила от обеих теток уведомление о свадьбах; а от тебя, Зинуша, ожидает всё ответа на письмо, которое писала тебе 10-го генваря со вложением 150 р. Анна Федосеевна уверяет ее, что ты поехала не праздною, и Лиза спрашивает меня, правда ли это? Я ничего об этом от вас не знаю и не всем вестям А[нны] Ф[едосеевны] вполне верю, поэтому и вопроса этого разрешить не умею. Если А[нна] Ф[едосеевна] права, то этот случай входить будет в расчет при предпринятом путешествии. Прощайте на сей день, милые друзья мои, крепко вас обнимаю за себя и за всех наших со мною. Познакомьте меня заочно с вашими сестрою и братом, а если увидите Якова Николаевича, пожмите ему за меня руку. Христос с вами.

194. И. И. ПУЩИНУ

Киев, 13-го марта 1858 *

Уже месяц прошел, как я получил письмо ваше от 29-го генв[аря], Иван Иванович, благодарю вас, добрый друг, за поспешность, с которою вы отвечали на мое от 17-го. Но эта самая поспешность заставила меня удержаться до сих пор ответом на ваше письмо: я боялся засадить вас скоро слишком за письменный стол, за которым, конечно, вы проводите по обыкновению много времени, и быть причиною усталости, которой в неутвержденном еще вашем здоровье надобно избегать. Благодарю вас за известия, которые вы доставили о всех виденных вами наших допотопных, один из них, Евгений¹ возобновил со мною переписку, к другому, Матвею², я писал по указанию вашему, иначе я бы не знал его адреса. Разъезды Натальи Дмитриевны имеют законную причину; надобно покончить заветное дело, как вы его называете, давно уже начатое. Я понимаю, что [за]интересованные в нем желают, чтобы оно было окончено на том основании, как было начато, а не желают дожидаться того, что еще впереди и что разрешится еще неведомо когда и как. Они держатся пословицы: не сули журавля

* Помета И. И. Пущина: «Пол[учено] 26 марта».

в небе, дай синицу в руки. Журавль когда-то еще будет и каков окажется, если его ощиплют, обломают крылья, ноги, словом, изуродуют, то куда ж он будет годиться. Может быть, оно будет и не совсем так, но вы извините меня, если я не слишком надеюсь на уменье и даже на желание сделать дело наилучшим образом: страсти сильные замешаны и затронуты. Вся моя надежда на разумный пересмотр и исправление, когда дело пойдет на утверждение³.

Андрей Евгеньевич⁴, кажется, поселился в соседней мне губернии, скажите, где именно, может быть, что-нибудь толкнет меня поближе к нему, и, зная, где его найти, я мог бы к нему завернуть или, когда вздумается, спросить его о нем и семействе чрез посланный листок. На вас нет надежды, чтоб вы посетили наш город, а ведь в нем много святых, и поклонников бывает значительное количество, приятно бы было найти вас между ими и обнять. Впрочем, вам предстоит совсем другая сторона, где вас давно ожидают⁵. На днях я виделся с С. С. Пушкиным⁶, он сообщил мне известия о брате и Нарышкиных, сам же ожидает сюда свое семейство, соскучились жить в разлуке, а перевода, на который надеялся, нет. Пасху он все же должен будет провести один, дорога слишком испортилась, чтобы можно было в это время пускаться в путь. У нас от множества снега большая осталась грязь.

Е. П. Торсон в Москве; на постоянном жительстве или проезде? Где и какими средствами она живет? Не знаете ли что-нибудь о девицах Бестужевых? Я о них спрашивал, но ответа еще не имею; знаю только, что Михайла зимовал на устье Амура. [Сергей] [Пригорьевич] писал мне недавно большое письмо, я отвечал ему также длинным⁷; он думает летом быть в нашем крае, может, и заседет. Я слышал, что у них в доме неожиданно явилась Софья Христиановна Рейхель. Отец ее, умирая, имел ее только при себе, она, схоронив его, исчезла из Тульчина, не известя о смерти отца ни мать, ни бабу; они узнали все от лиц посторонних. Старик возвратился для того, чтоб умереть в тех местах, где жил прежде, и нашел нужным начать тем, что бросил жену — всего на два месяца. Теперь все семейство в разброде, да и не желательно, чтоб оно соединилось — нет в нем никакой связи и быть никогда не может.

К Марье Каз[имировне] вы писали, и она писем без ответа не оставляет, Александра Ивановна вам и Наталье Дмитриевне кланяется. Она много молится и постится строго; старшая дочь с мужем и детьми⁸ в Каменке, вторая, Елизавета, рисует с братом Васей, Саша занимается хозяйством, Софья кашляет, Вера за всех пляшет, когда можно, и резвится; Алеша учится дома, мать ищет к нему гувернера, но найти не может, это здесь очень трудно. Мой Петр с Лизой тоже в Каменке, он читает, а она хозяйничает по дому, а по имению Николай, и все идет у него хорошо, успешно, а сахарный завод дает хороший доход, и хлебопашество не без прибыли, и крестьяне довольны. С тех пор как они знают о предстоящем для них изменении, то и работают охотнее и повинуются также, так он о них отзывается. Если его голос будет иметь вес в комитете, на открытие которого ожидают разрешения, то можно надеяться, что новому устройству положено будет начало, благотворительное для крестьян и без потери для помещиков. Но нельзя ждать, чтобы благоразумие взяло верх.

Быстрицкий благодарит вас за добрую о нем память и полезный для него подарок; он был ему очень нужен. Теперь он на короткое время гостит у меня, отыскал старую сестру, вдову, в нищете и думает поселиться с нею в Махновке, маленьком заштатном городке, где можно дешево купить дом с садом фруктовым и огородом. Он сам собирается к вам писать, как только покончит дело, которым теперь занят. Вы, верно, знаете, что Бринген, пожив некоторое время близ Глухова, поселился теперь в Петергофе; я выдаю иногда его родственника здесь, от которого знаю о нем. Лорер живет здесь до лета, тогда думает ехать к брату; этот, кажется, скупно с ним делится. Ник[олай] Ив[анович] très gerandu*, я с ним два в неделю постоянно встречаюсь у моих. Мои все вас приветствуют, а за меня прошу поцеловать ручку Натальи Дмитриевны. Ваня мой ужасно вытянулся, обещает перерасти меня, учится порядочно, так же как и Кучевский Федя. Мой уверяет, что готовит себя в инженеры, а другой любит более литературу и обещает быть журналистом, большая к тому склонность. Поздравляю

* Часто встречающийся (франц.).

вас с великим праздником, к которому этот листок получите.

С. Трубецкой].

195. Е. А. СВЕРБЕЕВОЙ

Киев, 18 марта 1858

Милостивая государыня Екатерина Александровна. Наступает праздник пасхи, и письмо мое придет как раз вовремя, чтоб принести вам и всему семейству вашему поздравление с этим великим днем. Дай бог вам встретить его и провести приятно и благополучно. Жаль, что в этот день будут далеко от нас милые наши дети; я даже не знаю, где должно предполагать их в это время.

Не получив еще от них письма из Парижа, не знаю их намерений; останутся ли там или предпримут путь в Неаполь, как прежде думали. Как бы им там и не было хорошо, а сгрустнется во всякий день, что проводят его не вместе с вами, не вместе с маленьким своим Сережей.

Молодые люди разохотились на женитьбу; ваш молод, а все не так же, как Борх, и особенно как Коссаковский, которого наши нашли уже женихом в Варшаве, когда он не достиг еще совершеннолетия¹. Уединиться молодым очень супругам в деревне под предлогом занятия хозяйством не считаю полезным, надобно сначала пожить с людьми, хотя и посторонними, если нельзя в своем семействе. В отшельничестве незаметным образом могут вкратиться привычки, от которых бы после и желал отстать, но трудно будет, и непременно во многом опустится, когда нет причины, побуждающей поддерживать себя. Жизнь — борьба и борьба во всех отношениях; жить спустя рукава, без малейшего принуждения не полезно человеку. Простите, что уклонился в нравственные рассуждения, они были вызваны вашими словами о вашем Александре. Племянница моя Марья Трубецкая очень благодарна вам за ласковое ваше и семейства вашего обращение, и я присоединяю мою благодарность. Сестра моя, внезапно уехавшая из Москвы, приехала в Петербург, чтоб закрыть глаза своему мужу². Брат пишет мне, что он скончался 26-го февраля. Позвольте просить нас расцеловать за меня Сережу и засвидетельствовать мое почтение Дмитрию Николаевичу и старшим ва-

шим девицам. Мальчики ваши, думаю, помнят сколько-нибудь моих, которые им кланяются.

Примите уверение в совершенной и беспредельной моей преданности.

С. Трубецкой.

196. Э. С. и Н. Д. СВЕРБЕЕВЫМ

Киев, 18/30 марта [18]58

№ 6

Ожиданные от вас, милые друзья мои, письма из Парижа мы вчера получили и с приятностию читали с Сашенькой твое подробное описание, милая Зинуша, о всем тобой виданном. Вы доехали до места позже, нежели я ожидал. Если б я знал, что вы будете в Лейпциге, я бы просил вас навеститься о семействе моей хозяйки, которая меня долго ходила, когда я лежал там раненый¹. Сама m-me Schumann и зять ее Leopoldt, вероятно, уже на том свете, но у той и другого были дочери и по общим законам природы должны еще жить. Вы не говорите, видали ли дорогой Катерину Никол[аевну] и где ее нашли. Вместе с вашим письмом я получил и от Зинаиды Ивановны, она, зная по моим письмам о намерении вашем приехать в Неаполь весною, послала вам подробный маршрут от Парижа до этого города, чтоб вы могли знать без затруднения, как ехать, где останавливаться и проч. Однако я сужу по письму твоему, Николай Дмитриевич, что вы думаете остаться слишком долго в Париже, чтоб вам возможно было найти графиню Лебцельтерн еще на месте. Она также вызывает меня в Краков, Бреславль или Берлин, надеясь, что сестра ее Софья Ив[ановна] согласится приехать на свидание с нею в один из этих адресов, и потому просит меня решить, в котором из них мы можем увидаться, что надобно будет сделать не иначе, как списавшись с Софьей Ивановной.

Я писал вам, кажется, что сестра моя уехала 21[-го] внезапно из Москвы, получив известие, что муж ее опасно занемог. И действительно это была последняя его болезнь, он скончался 26-го. Брат пишет мне, что он видел графа пред кончиною, он был спокоен духом, вовсе не лежал, даже был весел и, судя по наружности, не ожидал кончины. Однако он дважды причащался св. тайн, из чего видно, что он знал свое положение. Сегодня Са-

шенькины именины, и не думаю, чтоб она нынче могла писать к тебе, Зинуша. В здоровье ее перемены нет, кашель от нее не отстает, хотя и бывают дни, что она почти совсем не кашляет. На днях ей советовали прожить лето в Крыму и пить там кумыс. Это мнение изъявляли и Меринг и Алферьель; Николай Романович говорит, что два месяца он мог бы с нею там прожить; я бы охотно прожил там с нею остальное время, сколько ей нужно бы было, но как это выполнить, придумать еще не умею: детям надобно быть в Киеве в августе, хорошо еще, если Ник[олай] Ром[анович] будет тут же и можно будет оставить их у него, а если он будет в разъездах, то оставить не на кого. Если б Саша могла не скучать и не беспокоиться по отсутствующим, то я уверен, что перемена воздуха и жительство на южном берегу принесло бы ей пользу. А без спокойствия духа и пользы большой быть не может. Дети ее здоровы, Катя делается мила; нынче она уже и мне смеется и радуется и очень любит, когда я беру ее на руки и заставляю скакать. Лиза очень довольна, что я пересылаю ей твои письма, пишет, что и сама писала к тебе в Париж с последней почтой. Я это письмо посылаю по прежнему адресу на имя твоего зятя, любезный мой Николай Дмит[риевич], хотя ты и даешь мне название отеля, где вы остановились, но не говоришь, чтоб я туда адресовал; и, во всяком случае, я думаю, что лучше на имя г. Арнольди, вы можете уехать, и он нам перешлет, а просто в отель — письмо в этом случае останется в Париже. Отеля вашего я не знаю, а улица мне очень знакома, в угловом ее доме жил в мою бытность Сергей Иванович Тургенев² с Путятиным. Тут мы близко к boulevard des Stabini*, не знаю, как теперь называется, и по всем местам, где обыкновенно собираются. А где rue S. Lasage**, я забыл и куда она выходит, не помню. Писавши это, я вспомнил, что я путаю и совсем не ту улицу подразумевал под именем rue des Helder***, ее также я очень хорошо знаю, жил очень близко в доме, который больше не существует, rue Grange Bateliere****; его срыли для постройки театра du Grand

* Бульвар Стабиню.

** Улица Сен Лазар.

*** Улица Гельдера.

**** Улица Гранж Бательер.

Опера*; а из дома rue du Helder № 1 выскочила из окна девица m-lle Belio, которая и убилась на мостовой, а я смешал, Тургенев жил rue des petits Augustins**. Вы, конечно, выдасте Александра Ивановича — скажите, какую жизнь он ведет, какие его занятия и прочее, до него касающееся, слишком я любил этого человека, чтоб не интересоваться им и теперь. Он, кажется, никогда не возвратится, и что тому причиной? Привычка ли жить уже вне своего Отечества сделала его для него чуждым?³ Вы нашли много грязи в Париже, у нас ее вдоволь, третьего дня выпало много снега, который на другой день при ясном солнце до половины стаял; остальную половину укрепил мороз, и она еще лежит, а между тем реки текут с наших гор. Киевляне не узнают своего Киева. Лиза пишет, что у них обыкновенно сеют хлеб около 13-го марта, а нынче этого сделать будет нельзя. В Сибири же, напротив, снегу мало, как пишет Горбунов от первых чисел февраля; Ник[олая] Н[иколаевича] еще не было в Иркутске 3-го. Там завелась большая компания для торговли по Амуру, главное лицо Бенардаки; они хотят и торговать, и китов ловить, и посылать свои корабли в Калифорнию и Китай и пр., агент их Белоголовый⁴.

Устинька рассталась с своей Александрой Ивановной⁵, она теперь должна быть в Екатеринбурге, m-lle Lirgandi уехала, на время или совсем, неизвестно, ее заменила Александра Осиповна⁶. Поджио теперь, вероятно, в тайге, им хотелось ранее уехать, боялись scarlatины. Здесь, слава богу, об этой болезни не слышать, а корь держит уже давно то тот, то другой дом в карантине. К своей табличке цен, по которым живете в Париже, прибавь, Николай Дмитриевич, другую о приблизительном хотя расходе по железным дорогам. Я совсем не знаю, дорого ли обходится эта езда. Листок написан, и надобно расстаться с вами, если б дать вето себе, кончил бы только разве от утомления, так хочется побеседовать с вами. Это шестое письмо, которое пишу вам в Париж, на некоторых не выставил номеров, потерял уже эту привычку, будьте здоровы, милые дети мои, радуйте меня приятными о вас известиями, а мне дай бог по возвращении вашем обнять вас, расцеловать и прижать к

* Большая Опера.

** Улица Маленьких Августинцев.

любящему сердцу, как это теперь делаю мысленно. Христос с вами.

Ваня вас целует. Федя кланяется и Анд[ре́й] Анд[реевич] тоже.

[На обороте листа адрес:] В Париж. Monsieur Arnol-di. Rue S. Lazare, № 62. Paris *. Зинаиде Сергеевне Свербеевой.

197. З. С. и Н. Д. СВЕРБЕЕВЫМ

Киев, 29 марта/10 апреля 1858

№ 7

Вчера, милые мои Зина и Николай Дмитриевич, получил я ваши письма из Парижа и хотя по прочтении их рассудил было сначала, что можно будет еще писать к вам не раз туда, однако, сообразив сегодня время вашего выезда в Лондон, возвращение и потом снова отъезд в Италию, вижу, что одно это письмо можете вы получить в шумной столице, в которой теперь кружитесь. К тому времени я буду ждать от вас указания, куда к вам посылать письма. Пожалуйста, только не рассчитывайте так, как рассчитали вы, когда одна поехала в Киев, а другой в Саратов, чтоб не случилось того же от опаздывания писем во всех местах, где Зинуша проезжала. Чтоб сколько-нибудь способствовать вашему расчету. Нельзя надеяться получать все письма так скоро, как вы получили мое от 3 марта¹, посемь дней — очень скоро; я ваши получил в 15-й и 16-й день, по штемпелю вижу на конверте, что они лежали в Лемберге; с некоторого времени письма ходят на этот город вместо Варшавы, я так сужу потому, что варшавского штемпеля уже на них не представляется, а чрез Варшаву я получал ранее из Неаполя, тогда шли письма от Зинаиды Ив[ановны] 16 дней, а на Лемберг стали ходить в 22 дня, разница большая. Я полагаю, что мне всегда вернее будет писать к вам *poste restante*, потому что вы не можете знать заранее, где вы можете останавливаться в гостиницах. Напрасно вы извиняетесь, милые друзья, что замедлили писать к нам, я и не могу ожидать получать от вас письма в правильные сроки; я могу так писать к вам, только бы знать, где вас письмо найдет, а вам нельзя, надобно время так распо-

* Господину Арнольди. Улица Сен Лазара, № 62. Париж.

ложить, чтоб удалось вам видеть, что может подстрекать ваше любопытство, к тому ж и непредвиденное надобно также иметь в виду; итак, в этом отношении не беспокойтесь; я знаю, что вы не оставите меня слишком долго без вестей от вас и не поленитесь побеседовать с нами, когда имеете свободное на то время.

Известие о состоянии твоего здоровья, дорогой мой Николай Дмитриевич, очень меня радует; я не ошибся, когда надеялся, что оно так и будет, ты правду говоришь, что некогда о нем думать, а это лучший признак, что оно хорошо. Еще несколько месяцев пребывания в таком же положении с обращением постоянного и любознательного внимания на окружающие предметы изгладит и память о бывшем нездоровье; и ты воротись к нам совершенно таковым, как я желаю и надеялся всегда тебя видеть. О тебе, милая Зинуша, я также не буду беспокоиться, уверен, что ты во всем будешь осторожна, и, сверх того, бдительное око любящего тебя мужа всегда предостережет тебя, если ты сама что-нибудь упустишь из вида. Я счастлив бы был, если б мог в течение лета где-нибудь вас найти, но бог знает, можно ли будет так устроить; в последнем письме графиня Зин[аида] Ив[ановна] пишет, что она в Варшаву уже не приедет, боясь обидеть сестру свою, приехав, когда ее там не будет, и потому пишет, чтоб я сговорился с Софьей Ив[ановной], куда и когда съехаться; я писал об этом Софье Ив[ановне] и ожидаю ответа, чтобы по нем распорядиться своими действиями. Если только пустят меня за границу и не назначат именно место, куда я могу ехать, ни слишком малого срока, то я, конечно, не упущу случая навестить вас в то время, когда вам придется пробыть некоторое время на одном месте. Решение ваше о знакомствах и действиях ваших нас удовлетворило; Ник[олай] Ром[анович] ожидает, что Николай Дмитриевич передаст кое-что и в других отношениях общезанимательных². Между соотечественниками могут вам встретиться и из нашего края; напр[имер], если где попадется некто Ригельман, здешний помещик и малоросс, хороший знакомый наших и приятель Чижова, вы можете с ним о нас поговорить, он писал к своим знакомым из Парижа, а Чижев побывал в Венеции и чрез Лейпциг возвращается в Отечество. Вы видели к[нягиню] Шаховскую, урожденную Четвертинскую, а на страстной приехала сюда ее племянница, так-

же Шаховская³, из Неаполя к мужу, она часто видела гр[афиню] Зин[аиду] Ив[ановну]. Я с ней еще не встречался, хотя она дважды была у Саши, да я тогда не выходил еще из дома, теперь мое здоровье, благодаря бога, опять хорошо⁴. Дети Сашины совсем сдружились со своей немкой, и Сережа лепечет уже по-немецки, а когда меньше. Она их учит немецким стихам и русским басням, которые они оба поют нараспев. Катя делается очень мила. Саша же сама все не может разделаться с кашлем; толковали было о том, чтоб ей поехать на лето в Крым, только мне кажется, что это не состоится; ехать со всем домом на 3 или 4 месяца почти невозможно, особенно в неизвестности, найдешь ли там удобное помещение, а ехать одной с Катей и оставить на все время мальчуганов своих трудно ей решиться, и потому, думаю, кончится тем, что они лето проведут в окрестностях Киева. Очень жаль, что вы были посещены скорбью, чувствительною для Николая Дмитриевича, из Москвы я не имел вести о кончине его тетушки⁵. О зяте же моем⁶ я получил известие от брата, он скончался 26-го. Брат видел его пред тем, и он ему не казался так больным, и расположение духа было хорошее. Однако он видно готовился, потому что два раза приобщался св. тайн и оставил письмо в пользу Лизы на имя Александра Михайловича Пот[емкина]⁷. Дальнейших сведений я не имею. Сестра являла его и живых, она уехала из Москвы 21-го, только не была при нем в ту минуту, как он скончался, удар в голову прекратил его жизнь.

Лиза⁸ поправилась в своем здоровье, так что я начинаю думать, что они, может быть, и не поедут нынешней весной за границу, хотя они об этом еще ничего не говорят; она только пишет, что она теперь совсем здорова, что и муж ее утверждает. В таком случае, конечно, незачем ехать на воды, но, может быть, еще не отказались от прогулки по Европе, разве рассчитают, что по внутренним делам лучше остаться дома.

Ник[олаю] Ив[ановичу]⁹ сообщу поручение г. Арнольди¹⁰, мы с ним видимся часто, он остается здесь, кажется, до июля; потом едет к брату.

Это письмо вы будете читать по возвращении вашем из Лондона, а когда и куда к вам писать следующее, это я узнаю из ваших последующих писем. До тех пор прощайте, милые мои дети, целую вас и обнимаю и посылаю

вам мое благословение. Христос с вами. Ваня хотел писать, но не успел изготвить. Федя кланяется.

[Приписка на полях:] Анд[рей] Анд[реевич] еще гостит у меня и просит вам сказать его поклон усердный. Марья Каз[имировна] на днях обедала у Саши. Давыдовы здоровы.

198. Н. Д. СВЕРБЕЕВУ

Киев, 4/16, 5 апреля 1858 *

№ 8

Сегодня получил я ваши письма, последнее за № 8. Ты не ошибся, милый мой Николай Дмитриевич, что оно дойдет до меня в 12-й день. Твое письмо, милая моя Зинуша **, шло долее чем от 1 апреля нов. ст. Я его получил прежде отхода почты и потому мог его тот же час послать к Лизе; однако я и Саша успели его прочитать. Ты очень хорошо делаешь, что даешь в нем наставление Лизе, с кем ей лучше советоваться в Германии, что ж до парижских медиков, то, вероятно, их не увидит, потому что они, кажется, не намерены посетить эту шумную столицу, по крайней мере, никогда о том не было говорено, а, напротив, желание Петра, кажется, побывать в Италии и потом чрез Австрию спуститься Дунаем. Думаю, наверное можно положить, что вы встретитесь в Германии, после курса, который она возьмет, не знаю, на каких водах, ничего не будет им стоить съездить к вам в Висбаден, если вы там в это время будете; тетушку Лебцельтерн они также непременно намерены отыскать. Мое дело другое, оно более сомнительно, если Зинаида Ив[ановна] не приедет, как полагаю, в Варшаву и мне не будет препятствия переехать границу, то я и вас тогда же надеюсь посетить; если же, как тебе пишут, Александра Ив[ановна] ¹ изменила свое намерение и пробудет долее в Варшаве, тогда моя поездка должна также ограничиться этим городом.

Марья Трубецкая, которая видела тетушку Борх в Москве теперь, когда она приезжала с Жоржем ², пишет, что Софья Ив[ановна] собирается в Варшаву, где надеется и меня встретить; между тем я по указанию Зин[аи-

* Письмо писалось с перерывами.

** В подлиннике ошибочно: «Лизуша».

ды] Ив[ановны] писал к Софье Ив[ановне] и просил ее уведомить меня, куда и когда она намерена ехать для свидания с сестрою и если за границу, то чтоб спросила к[н.] Долгорукова, как я должен поступать, чтоб получить разрешение³; ответ от нее, конечно, не замедлит, хотя, полагаю, письмо мое пришло в П[е]т[ер]бург во время ее отсутствия.

Слава богу, что ты, милая моя Зинуша, здорова и легка, надеюсь, что также будешь здорова и до конца и счастливо возвратишься с таким же хорошим внуком или внучкой мне, как ваш Сережа. Я имел вчера известия от Марьи, которая часто видит его, бывая у ваших; она особенно любит сестру вашу Катерину Дмитриевну, не иначе говорит о ней, как с большими похвалами. Спасибо, милый друг Николай Дмитриевич, за подробные рассказы о деяниях ваших в Париже. Понимаю очень, что трудно было сосредоточить мысли свои в этом шумном городе, чтоб с должным чувством приготовить себя к покаянию и принятию св. Христовых тайн, Зине это легче было сделать, она могла устранить себя от многих забот, которых ты избежать не мог. Я не мог дать себе отчета, где теперь наша церковь и в доме она или выстроена особо; как кажется, я когда-то слышал или читал, что имели намерение это выполнить еще до войны. Дом нашего посла был, кажется, перед войной одной стороной в rue de l'Élysée*, а другой в rue du faubourg St. Honoré № 1**. Там ли теперь и вблизи ли его rue de Berri***, этого я не знаю. О священнике, у которого Зина исповедовалась, я слышал от бывших наших русских в Париже, которые отзывались о нем с похвалою.

Очень приятно было читать, что добрая старушка к-ня Бутера⁴ так ласкова с вами, а о знакомстве вашем с Ульяной Карловной передано ее брату, который по последним известиям был в Иркутске⁵. Ник[олай] Ник[олаевич] приехал туда только 9-го февраля, теперь уже он, конечно, собирается на Амур. В каких-то газетах, сказывали мне, рассказывают, что китайский трибунал пожаловался на него нашему правительству, что он распоряжается по Амуру и при этом называет его «какой-то раз-

* Улица Елисейского дворца (франц.).

** Улица предместья св. Оноре (франц.).

*** Улица Берри (франц.). Названия всех трех улиц сохранились в Париже до сих пор.

бойник». Но по другим сведениям от Палладия⁶ они готовы уступить нам, что требуем; бедный Палладий все еще не может вырваться из поднебесной империи⁷.

Н[иколай] Н[иколаевич], кажется, намерен осмотреть все новооткрытые Путятиным гавани на Татарском берегу, не знаю только, на чем он предпримет этот осмотр, на «Америке» ходит адмирал⁸; разве к этому времени подойдут вышедшие из Кронштадта. П[утятин] заходил опять в Японию, и его там приняли ласково и сами нагасакские начальники предложили, не хочет ли он пополнить трактат новыми статьями, какие они вновь предоставили голландцам; наших пригласили на праздник народный и дали им карту местности с окружностями, на которой назначено было, какие места дозволялось нашим посещать, и они воспользовались, чтоб осмотреть окружности⁹. У них уже есть несколько паровых судов, подаренных европейскими правительствами, и заведены школы, в которых голландцы преподают им желаемые для них науки. Готовятся даже иметь большие пушки.

Известия, получаемые вами из Отечества, справедливы не для одних тех мест, откуда вы их получаете; любезное наше сословие везде одинаково чувствует и думает, разумеется, с малыми исключениями; и напрасно корреспондент газеты «Débats» силится уверить в сердечном расположении содействовать благодетельным видам мудрого предусмотрительного царя. Необходимость одна исполнить его волю заставляет поневоле заняться ненавистным для них предметом, и, конечно, от этого принуждены свыкнуться с ним, во всех журналах он обсуждается, и выставляются вопросы на разрешение; понятия необходимо выясняются, и хоть теперь довольно еще они запутанны, однако я надеюсь, что в течение времени, которое дано на обсуждение, умы прояснятся, и полезнейшие и удобнейшие меры проложат себе путь; ошибочные будут исправлены, когда представятся на высшую инстанцию¹⁰.

Сколько я могу судить из того, что доходит к нам, то здесь всех рассудительнее сам царь; притом он и действует осторожно и, следуя за действиями дворянства, изучает вопрос, что тем более ему нужно, что он, как видно, не имеет таких помощников, которые изучили бы этот вопрос и последствия, долженствующие вылиться от того, как он будет решен. На него лично вся моя надежда,

он не делает ничего опрометчиво, но, как видно, решается после здорового и глубокого соображения; и если до-вольно еще проживу, чтоб видеть, как это устроится, то вполне уверен, что я не ошибаюсь. Письмо Ник[олая] Ив[ановича] хотя и напечатано в «Nord», однако я его прочесть не мог, варшавская цензура прикрыла его от нескромных глаз. Я не согласен с ним в том, чтоб кру-той, советуемый его поворот мог произойти без сильного потрясения, а последствием сильного слишком потрясения никакая предусмотрительность предвидеть не может. Он не сообразил, что до 60 т[ысяч] семейств могли быть об-ращены в голых нищих; а нищета может возбудить к ве-личайшим злодеяниям, пролетариат равно опасен во всех сословиях¹¹.

5 апреля. Последнее мое письмо к вам было от 29 марта нашего ст[илия]. Оно было адресовано, так же как и все прежние, на имя Арнольди; оно не могло прийти в Париж скорее, нежели я получил твое письмо, следова-тельно, не застало вас уже в Париже, а если Арнольди туда не возвратится, то оно может пропасть, если вам не пришло на ум попросить хозяина дома принять его; это же я адресую по указанию вашему poste restante, а следующее письмо буду писать уже тогда, когда получу от вас назначение, куда его посылать.

Здоровье наше общее как было, так и есть, погода у нас изменчивая, все еще дышит холодом, мальчики Сашини ходят прогуливаться ежедневно, а она, Саша, не вы-скажет, ей советуют дожидаться теплого дуновения, чтоб не усилить кашель, который хотя несколько уменьшился, но все ее беспокоит. Он и нас всех беспокоит тем, что нельзя ожидать, чтоб он прекратился во время беремен-ности, которую она, вопреки мнения своего мужа, полагает вероятное. Мне это состояние очень не нравится, оно предпочтительно пред всеми прочими причинами и удержи-вает ее от поездки в Крым, которую ей советовали врачи. Если б этого не было, то я надеюсь, что я мог уговорить их ехать туда или даже на молочные воды к меншопитам¹², где можно пользоваться хорошим кумы-сом, приготовляемым погайцами.

Решено, кажется, что она проведет лето среди сосно-вого леса в 27 верстах от города. Я получил и портреты и образа, благодарю тебя, Зинуша, за них, твоей лито-графией я также доволен, как и фотографией сестры¹³.

О ней я имею новости, что она с приезда своего в Петербург больна, теперь лучше, похворала не на шутку. Владимир видел ее недавно, а жена его пишет, что тело графа долго не отправляли в пустынь близ Глушковской фабрики, где он желал быть погребен, потому что все полагали его в обмороке <...>*

[Приписка на полях:] Гр. Блудов¹⁴ взял на себя быть ее ходатаем в Совете. Прощайте, друзья мои, целую вас. Христос с вами. Ваня вас целует, а Федя кланяется. Они нынче начинают готовиться к экзамену.

199. И. И. ПУЩИНУ

Киев, 15 апреля 1858**

Получил вашу записочку от 26-го марта, а потом письмо от 2-го апр[еля], добрый друг Иван Иванович. Поручения вашего еще не выполнил, но не замедлю исполнить и как скоро достану требуемые книги, то pošлю по вашему указанию¹. Копию для Быстрицкого перешлю с первой почтой, чтение это подкрепит его надежды, он давно уже писал шефу жандармов, и вследствие его письма были деланы справки, по которым и здесь обнадеживают, что пособие не откажется, были же тому примеры². Ответ на его письмо, вероятно, был замедлен, потому что его долго искали в Подольской губернии, откуда он писал, а между тем он переехал в Киевскую. Праздники он прожил у меня, а теперь уехал в Махновку, где хотел было поселиться и, если возможно, купить дом, но, кажется, должен был ограничиться наймом на годовой срок. Он отыскал сестру, с которой и намерен жить; она вдова, кажется, бездетная и в бедности. Так как вы опять попали в казначей, то я вам представляю, не лучше ли в избежание пересылок к вам и обратно от вас определить мне взнос моей доли здесь, на месте³. Об этом я поручал Зине просить фотографа, но ответа не получил.

Вы не говорите, на время ли только едет Фролов в Керчь или там останется⁴. А Фаленберг, видно, остается в Минусинске; как это так, он, который столько хлопотал прежде о возвращении, когда не было никакой на-

* Выпущена выдержка из письма М. А. Трубецкой относительно В. А. Трубецкого.

** Помета И. И. Пущина: «Пол[учено] 23-го апреля».

дежды?⁵ Благодарю вас за подробные ответы на все мои вопросы.

Очень рад, что вы опять вместе с Натальей Дмитриевной, свидетельствую ей сердечное мое почтение и желаю привести дела к ожидаемому окончанию. Вопрос, кажется, у вас не более подвинулся, как и здесь. Чрез месяц назначены выборы и собрание комитетов⁶, увидим, что будет тогда. Все русские почти помещики желают избежать переходного состояния и соглашаются отдать усадьбы и по одной десятине на душу земли безвозмездно с немедленным освобождением в уверенности, что крестьяне останутся на местах и отношения обоюдные будут гораздо чище и лучше, нежели в переходном состоянии при обязательном труде; не знаю, что на это скажут поляки, которые в большем против русских числе⁷.

Лорер благодарит за память; он скоро собирается во свояси. Ник[олай] Ром[анович] уехал в П[е]т[ер]бург, где думает остаться очень недолго, а к нам приехала неожиданно Лиза с мужем, что очень кстати, тем более что это развлекает Сашу в разлуке. Здоровьем Саши я недоволен, она кашляет уже давно, и кашель упорно остается вопреки противодействию медиков. Надеюсь, что с наступлением теплой погоды будет ей легче, а больше бы действия ожидал, если б можно было увезти ее в благотворный климат; но это трудная задача, потому что с целым семейством она возможности не видит, а разлучаться с своими не хочет. Она и Лиза вам кланяются и свидетельствуют почтение Наталье Дмитриевне. Деточки Сашини благоденствуют, мальчики много ходят, невзирая на холодную погоду, а девочка веселенькая и здоровенькая. Ваня мой и Федя также кланяются вам; вы спрашиваете об отце последнего, он все на том же месте, где вы его нашли в год вашей поездки к нам, и все таков же, как был тогда, пишет нечасто к сыну и, кажется, доволен всем, что пишет к нему сын. Прощайте, обнимаю вас и надеюсь, что письмо найдет вас в полном здравии.

Преданный вам Т[ру]бецкой].

От Зины получаю часто письма, она и муж очень довольны своим путешествием, прожили больше месяца в Париже и попали на 10 дн[ей] в Лондон; оттуда хотят чрез Францию в Италию, а лето в Германии. Затем, посевши винограда в Vevey⁸, обратиться к родине.

№ 17-й

Сегодня получил я ваши письма, милые мои детушки, от 13 и 15 ст[арого] ст[иля]. Они пролежали два дня у Александры Ив[ановны]², она забывала мне их отдать. Сегодня же получил от Лизы, а прежде от Саши; у них нового нет ничего. Ты хочешь знать, Зинуша, как я свиделся с тетушкой и как ее нашел. Я встретил ее на железной дороге, куда отправился с Коссаковским ее принимать. Паровоз пришел после полуночи, мы подошли к семейному вагону, и я тотчас узнал отделение Зинаиды по ее голосу; она вышла и, увидев меня, бросилась в мои объятия и заплакала. Мы сели вместе в карету, привезли ее к сестре, которая ждала ее с чаем и ужином; проговорили до 2 ч[асов], и я проводил ее в гостиницу³. На другой день после обедни мы сошлись на завтраке у К[оссаковски]х; оттуда я отправился к ней и после вместе поехали обедать к К[оссаковски]м и провел там вечер и утренним же порядком возвратились домой. Она переменялась тем, что из легкой и живой сделалась тяжела и несколько наружностью стала походить на твою бабушку, которая, однако ж, в ее лета была поворотливее. Сердце у Зинаиды такое же доброе, как было, и веселость нрава не изменилась. Дружба ее и доверенность ко мне остались те же. Ей очень хочется тебя видеть; она получила твое письмо, и сегодня я ей читал твое ко мне. Она говорит, что тебе нечего думать о том, где она будет на водах, во-1-х, потому, что она сама еще не знает, это решит какой-то старик доктор в Дрездене; она не думает, чтоб он послал ее в Кисинген. Во-2-х, потому, что тебе не время будет разъезжать. А нужно ей знать, где вы будете, тогда она постарается так устроить, чтоб заехать к вам. Она сама еще не знает, куда она поедет после вод, прямо ли в Италию или заедет к дочери; это будет зависеть от того, как дочь расположит собою, приедет ли в Неаполь или нет. Муж ее вполне неаполитанец, исключая образованности, которой вообще соотечественники его не имеют⁴. Я очень понимаю, что она в течение 16 лет, привыкши постоянно видеть в нем друга своего мужа, решилась соединить судьбу свою с ним, когда осталась совершенно одинокая. Женщине с мужчиною нельзя быть

в дружбе, не соединившись браком; какие бы их лета ни были, злословие найдет место. Так уж устроено общество. Коссаковские все так же со мной любезны. Он вспоминал прежнее наше знакомство, и оба стараются выказывать мне свое родственное расположение. Дочери очень мне нравятся⁵. Сашу я только еще два дня вижу, она вчера утром приехала с мужем. В матери самой легко узнать ту молоденькую Сашу, которую я знал, воспитывавшуюся у бабушки. Сын кажется мне добрым и неглупым, хотя мать и говорит, что он теперь ни на что не похож от любви; я мало могу судить о нем, потому что он все у невесты. Сама невеста очень мила и со мной так, как и мать ее, очень любезны. Вчера приехал отец m-lle Ходкевич из Дрездена, он мне старый знакомый⁶. Завтра жениху 21 год, и свадьба будет послезавтра, в воскресенье. В церковь съедутся по зову матери невестинной в 7 часов вечера, оттуда она зовет к себе пить чай, а потом у К[оссаковски]х раут. Приходится подчиниться требованиям и показаться в многочисленном собрании — избежать нельзя. Я нашел здесь несколько старых знакомых, с которыми увиделся с удовольствием; а у К[оссаковски]х ежедневно должен делать новые знакомства. Многие мне говорили о вас, и все, что слышал, приятно было. Лстили мне или выражали впечатление, этого решить не могу, но с удовольствием останавливаюсь на последнем мнении.

По обещанию вашему буду ожидать еще от вас письма в Варшаве, я думаю уехать обратно во вторник, проводив в понедельник Зинаиду, но как Алек[сандра] Ив[ановна] останется, кажется, еще целую неделю здесь после свадьбы, то думаю пробыть дня три лишних для нее, чтоб тем оказать и ей внимание. Пора окончить, милые друзья мои, если хочу, чтоб завтра пошло к вам это письмо. Я и Ваня целуем и обнимаем вас; он здесь хорошо ознакомился со всей родней, а у Влад[имира] Ив[ановича] мы как дома. О Тул[ински]х вам не говорю, она сама к вам пишет часто. Пора спать, 2-й час. Христос с вами.

Варшава, 24, 25 июня/6 июля 1858 *

Ожиданный день прошел, в воскресенье вечером была свадьба. Ближайшие родственники собрались у матери невесты в 6 ¹/₂ часа, родители невесты и жениха благословили их и поехали в церковь; отсюда поехали в дом дяди и опекуна невесты, там пили за здоровье новобрачных; здесь были те, кого звала мать невесты; после ¹/₂ 10-го собрались все званные и матерью невесты и родителями жениха в дом последних, где блестящий раут продолжался до 1-го часа. Вчера вечером чай пили в покоях у молодых и танцевали в половине родительской, так как у молодых места нет. Я не дождался конца бала, а Ваня убежал, как только он начался, боясь, чтоб не заставили его танцевать. Сегодня день отдыха, а завтра праздник в Вилзанове, от которого я никак не мог отговориться.

В четверг или пятницу выеду, получив письмо, которое вы обещали мне написать по возвращении с прогулки по Рейну. На свадьбе я свиделся с кн[язин]ей Любомирской, рожд. гр[афин]ей Толстой¹; она изъявляла мне сожаление, что вас не видала в приезд, сама или дочь была тогда больна, она с матушкой была очень знакома в молодые их лета, и мне приятно было с нею о ней поговорить. Тетушка Зин[аида] Ив[ановна] уезжает сегодня, паровоз отходит в 5 ¹/₂ час. Она едет теперь прямо в Дрезден, там ей старый ее доктор, только не Вагнер, определит, на какие воды ей ехать. После вод, по всем вероятностям, она заедет к дочери; хотя ее мужу не хотелось бы, чтоб она утомила себя большими разъездами.

Я здесь получил от вас четыре номера от 16-го по 19-й включительно²; первый переплела мне Саша³. Получив этот лист от меня, вы пишите уже опять прямо в Киев. Оттуда я вам посылал письма франкированные, здесь мне сказали, чтоб я этого не делал, потому что нефранкированные вернее доходят; а я, жалея вашего кармана, может быть, тем вызвал вас на излишний расход, заставив послать депешу, стоящую более многих писем.

Посмотрим, разрешит ли первое ваше письмо, где вы положительно остановитесь. Мне жаль, что вы не можете исполнить прежнего намерения и быть на это время в Же-

* Письмо писалось с перерывом.

неве, не потому жалею, чтоб имел я какое предпочтение к этому городу, которого не знали, но потому, что вы того желали и, конечно, имели к тому много побудительных причин. Зин[аида] Ив[ановна] говорила мне, что на случай отсутствия священника из Женевы можно иметь из Берна, расстояние не большее. Грустно, что не могу быть с вами, и невольно вспомнишь Сибирь, в которой, как ты справедливо говоришь, милый мой Николай Дмитриевич, жизнь наша была полнее, дружнее, сердечнее, если можно так выразиться.

25-го. Вчера проводили Зинаиду Ивановну; простились, вероятно, навсегда. Рад был я познакомиться с ее мужем и понять его жизнь; объяснилось для меня все, что в этом союзе может казаться карикатурным, как развивался Кампанья. Все его здесь полюбили.

Я бы хотел уехать сегодня в ночь, но не решаюсь этого сделать, чтоб не обиделись К[оссаковски]е, которые настаивают, чтоб я ехал с ними к гр[афине] Потоцкой, она и Саша взяли с меня слово, что я непременно буду у нее; так как я прежде отказался туда ехать, когда был незнаком с нею, но после, на собраниях по случаю свадьбы, так была со мною любезна, что я должен был принять приглашение. Вообще я не могу нахвалиться обходительностью всех, с кем здесь ознакомился. Дед молодой — старинный мне знакомый, и мы с ним вспомнили много былого⁴; он некогда был страстным обожателем М. Н. В[олконской] и не знал, что она с детьми за границей. Мне особенно приятно было слышать от всех, вас видевших, впечатление, которое вы произвели. Катя и Саша отзываются о тебе, Зинуша, очень дружелюбно. Очень желательно, чтоб вы нашли, где остановиться, людей с добрым к вам расположением и не были совершенно одиноки; лишь сказывали, что в Штутгарт заезжает много русских советоваться с Сканцони; это, конечно, еще не есть причина, чтобы там найти добрых знакомых и в особенности на продолжительное время. Думая о том, что вы скоро разлучитесь с сестрою вашею, мне все хочется, чтоб вы нашли общество, которое сколько-нибудь хоть могло делать вам сноснее разлуку со всеми родными, и знать, что вы в известное время не будете в совершенном одиночестве.

Простота германской жизни, кажется, вам понравилась, и вы в ней отдохнули от шума Парижа и Лондона.

Если вы будете в Женеве, не знаю, найдете ли там такую же простоту; по старинным сведениям, я думаю, что там, невзирая, что Женева республика, более чопорности, нежели в большей части германских городов. В Женеве всегда было много учености, а между учеными много встречается педантизма⁵. В Италии опять будет другое, там более искусств художества, исторические памятники, на прелести природы обратите ваше внимание. Люди, вероятно, менее как потому, что замечательные реже, так и потому, что добродушие и откровенность стесняются теми же мерами, которыми нынешнее правительство во Франции стесняет и мысль и ее выражение. В этом отношении, как я слышу от всех, там бывших, необходимо соблюдать самую крайнюю осторожность. Все тамошние правительства следят самым лазутческим образом не токмо за коренными жителями, но и за всеми иностранцами; и самое незначущее само по себе действие или выражение неосторожное может сделаться источником затруднительных неприятностей⁶. Такое положение должно много убавлять прелести края.

Пора мне отсюда ехать; меня ждут в Козельце. Я прежде полагал, что никак более недели не придется мне здесь остаться, а вот уже почти две. Знакомые и хозяин уговаривают не торопиться, но мне пора, и завтра в ночь хочется выехать; проеду далее, потому что ночь или две остановлюсь; самому и Ване неумоительно, тарантас покойный, но Ивану четыре ночи не спать трудно⁷. Ваня здесь не слишком веселится, но и не скучает, нет ему сверстников посреди общества, в котором находимся. Вечером часто бывал в театре, где ему открыта ложа ген[ерал-]губ[ернатора]⁸.

Надобно с вами расстаться, чтоб успеть послать письмо сегодня на почту; первое будет уже из Киева, след[овательно], не так скоро. Целую и обнимаю тебя, друг мой Зинуша, и доброго твоего мужа. Христос с вами.

202. З. С. и Н. Д. СВЕРБЕЕВЫМ

Киев, 9-го августа 1858

<...>* Спасибо тебе, Зинуша, за твое письмо, я очень был рад прочитать от тебя четыре странички, чего

* Выпущено начало письма с подробностями самочувствия Зины после родов.

уже давно не бывало. Не прими это замечание за упрек, я знаю, что в твоём положении тебе тяжело было писать, да и пишешь ты не ко мне одному. Ты называешь мне многие лица, которые были мне знакомы в старину, и это заставляет меня вспоминать лета моей молодости; графиня Гурьева (Нарышкина)¹ была дружна с матушкой ещё в девицах, и знакомство их продолжалось и после замужества обеих; к[няги]ня Гагарина (Калиновская Изабелла)² была действительно красавица и многих сводила с ума; Сергей Григорьевич³ никогда не вспоминал её равнодушно. Все эти дамы, которых ты узнала уже старушками, были тогда молоды; я помню первый бал, на котором я встретился с кн. Бутера, когда она только что вышла из Смольного, и розовое платье, в которое она была одета, только забыл, у кого был этот бал.

Желал бы подолее побеседовать с тобою о всех предметах, которых касается твоё письмо, но позднее время заставляет укоротить разговор, чтоб письмо успело сегодня уйти с почтой, и потому ограничусь ответом Николаю Дмитриевичу насчет спроса его о Сибири. Там Ник[олай] Ник[олаевич] достиг наконец своей цели, упрочил за нами левый берег Амура⁴; китайцы окончательно уступили, а на правом разграничение предоставлено будущему времени. Радуюсь за Ник[олая] Ник[олаевича]. Труды его не пропали вотще*, и правление его Восточной Сибирью ознаменовалось важным событием. Исполать ему.

Пресвященный Иннокентий, как уже ты мне прежде писал, избрал место архиерейской кафедре на Амуре; книжка, посылаемая ему, будет полезна для устройства учебной части, на что он обращает особенное внимание⁵; я читал и газеты (в «[Le] Nord») расскажет** вам, что Ник[олай] Ром[анович] переменялся местом с Пироговым⁶, и потому Саша уже возвратилась в Киев, и у них уже происходит продажа излишних вещей и укладка нужных для переезда на новое место. Я также не замедлю оставить Киев, а из Одессы думаю с Сашей поехать в Крым, ей советуют пользоваться там виноградом. Лиза очень будет рада и приготовит нам жилище. Когда все это устроится, я буду к вам писать обстоятельнее, а теперь только предположение.

* Напрасно.

** Так в подлиннике.

Некогда продолжать, должен запечатать письмо, прощайте пока, крепко обнимаю вас и благословляю малютку Дмитрия⁷. Христос с вами.

203. Н. Д. СВЕРБЕЕВУ

Киев, 29 августа/10 сентября 1858

№ 28

В среду получил я, милый друг Николай Дмитриевич, письмо твое от 16/28 с твоей припиской, милая моя Зинуша <...>*

О совершении раздела и размене актов я вам писал¹, и вы имеете то же от отца, что он получил от доверенного Зины. Для уяснения я повторю, что до вас касается: два заемных письма в 15 и 14 т[ыс.] и 118 р. деньгами, полученные Дмитрием Николаевичем, составляют законную часть Зины, определенную в 29 121 р. 10 $\frac{3}{7}$ к. сереб[ром]. Сверх того, от Лизы половина этой суммы, или 14560 р., то есть заемное письмо от гр. Софьи Ивановны, оно хранится у меня, так, как и другое от нее же заемное письмо на мое имя в 15 т[ыс.] р., на котором я сделал передачу Зинуше, что составляет 58 т[ыс.], которые Софья Ив[ановна] обязалась уплатить чрез два года. Дополнение же по другим источникам еще не объяснилось, ожидаю сведений от брата и от сестры²; об окончании ее дел с Рибопьером вести не имел, а только некоторые сведения, на чем было у них положено, но утверждено ли законом, этого не знаю. На продажу дома в Иркутске послал доверенность, но покупателей не является. Здесь есть чиновник коммерческого банка некто Брукс (не уверен, так ли пишу его имя), он знаком моей невестке; не знаю, от кого он слышал, будто ты желал купить в здешних местах именье, и на днях просил меня дать ему ваш адрес и предлагал мне для вас выгодную, говорит, покупку, хотел или сам писать или принести мне подробную записку для сообщения вам. В нынешнем году набивались очень многие с продажей имений к Н[иколаю] Р[омановичу], и он очень подавался на покупку; я очень доволен, однако ж, что не состоялась; с переездом в Одессу приобретение в теперешнее особенно время бы-

* Опущены подробности кормления ребенка Свербеевых и отъезд Рабиндеров в Одессу.

ло бы очень неловко, и надобно бы было во всем положить на управляющего, а честные редки.

26[-го] утром уехал отсюда м[инистр] Муравьев, прожил два дня, ревизовал палату гос. имуществ. Иные говорят, обошелся хорошо, другие, что много сердился, управляющий здесь, по общему приговору, человек честный, но сам мне признавался пред приездом министр[а], что есть невольные упущения. За недоимки выговаривал гражд[анскому] губернатору, заметив, что он не должен был допустить их. Одного знакомого мне лесничего, честного и бедного человека, ободрил и обещал перевести главным лесничим в Минскую губернию. В то же время был здесь Позен и дочь его Муравьева с детьми³, она, кажется, воды пьет. Статью в «Revue de deux Mondes»^{*} я не читал, а прочту в Одессе⁴. Читаю разные об устройстве крестьянского вопроса, не скажу, чтоб многим сочувствовал, не моим духом проникнуты. Распространяться нельзя, много заняло бы времени и места. Многие говорят о будущем, о вечных временах, как будто есть что вечное в мире нашем земном, постараемся, чтобы теперь было хорошо, а будущее в деснице вышней.

Погода у нас восстановилась и стоит хорошая, надеюсь уехать в Одессу не по грязи, думаю, что это будет 10 сентября. Целую и обнимаю вас и посылаю благословение вашему милому Мите. Ваня вас целует, а Федя кланяется. Христос с вами.

Саша писала тебе, Зина, с доктором Мерингом. Он поехал на ученый конгресс^{**} в Карлсруе и, может быть, заедет к вам в Баден.

204. З. С. и Н. Д. СВЕРБЕЕВЫМ

Одесса, 14, 16 октября 1858

Это письмо не скоро поедет к тебе, милая моя Зинуша, потому что я буду ожидать от вас дальнейших ваших распоряжений о письмах, а поспеть к вам в Вене^{***} до вашего оттуда выезда мое письмо уже никак не может. Но сегодня день твоих именин, и мне хочется мысленно поздравить тебя и доброго моего друга Николая Дмитриевича и пожелать вам исполнения всех моих

* «Всемирное обозрение» (франц.).

** Далее фраза дописана на полях.

*** Вене (франц.).

о вас прошений милосердому богу, доселе вас осенявшему своим всемогущим покровом и на благость которого я вполне уповаю. Пересчитывать желаний моих было бы излишним, все, что может относиться к вашему благополучию, душевному и сердечному спокойствию, здоровью души и тела, сохранению в вас веселого, бодрого, благодетельного расположения духа, избавления скорбей, напастей и всякого рода горестей и неприятностей, все это толпится в моей душе и чувствах, и выразить все это в подробностях было бы задачей неудобноисполнительною. Итак, одним словом, милые мои, да хранит вас господь всецело и да пошлет вам* все возможные блага земные и небесные.

16. С тех пор как я написал первую страничку, я получил два ваших письма, милые мои детушки, оба из Вены; в первом вы уведомляете о приезде, во втором, чтобы писал к вам в Неаполь. Там вы, может быть, еще найдете письмо мое на почте, писанное весною; а может быть, его там истребили за долговременным неприятием, то же могло быть и с тем, которое я в то же время писал в Рим. В том и другом, сколько помню, было много подробностей¹. Путешествие ваше хотя и медленное от Бадена до Вены, но было приятное видом природы, имеющей свои особенности, а в Вене вы поскучали; сверх того, я думаю, и виноград наконец приелся; надеюсь, однако же, что он принес всю ожидаемую от него пользу. Завидовать теплу, которое сопровождало вас, я никак не могу, мы и здесь пользуемся таким же. Я ежедневно хожу часу во 2-м на бульвар и сижу на лавочке с Сашей, Надей и часто с бегаящими по бульвару Сережей и Колей, любуюсь на море и на проходящие и стоящие корабли (их, впрочем, мало — жалуются жители); к Саше подсядет Вегелин, и как он давнишний здесь житель и знает всех, то называет проходящих и рассказывает их историю.

В 3 часа расходимся; В[егелин] идет обедать к сестре своей м-м Граве, а мы в гостиницу Вагнера к Саше обедать. Эта гостиница принадлежит Лицею, но прежний хозяин пользуется ею до 1 июля. Вчера вечером Н[иколай] Р[оманович] поднял нас всех смотреть «Женитьбу» Гоголя в театре, я нашел, что Ивана Кузьмича играл лучше Григорьев в Иркутске, да и Лебедев в Кочкареве

* Авторская вставка на полях: «и всем вам милым».

был много лучше здешнего². Присутствие мое в театре совсем не в моих привычках и, вероятно, повторится не скоро, разве Саша поедет в какую оперу, тогда и я, может быть, с ней пойду, посмотрю итальянцев; они также не отличны, оркестр хуже посредственного, след[овательно], удовольствия не много можно найти. В отношении итальянской музыки вы вполне будете удовлетворены в той стране, в которой я вас теперь полагаю.

Боюсь, однако ж, чтоб вы не зябли, перебираясь чрез Альпы на колесах, вы были неосторожны, отослав шубы вперед. Ты, Зинуша, забыла поездку свою в Киев, также надеялась тогда на тепло и зябла дорогой.

Снеговые горы перенесли тебя, милый друг Николай Дмитриевич, воображением в Сибирь, а берега Ангары получили магнитную силу. С своей стороны, я скажу, что для меня тот край как бы родной, здесь я чувствую, что нужен, и если б не разлука со всеми, мне милыми, то предпочел бы для себя Восток. <...>*

Третьего дня мы отслушали обедню за упокой и слушали панихиду в соборе; это ближняя к нам церковь, прямо против мною занимаемого дома. Где-то вы были в этот день; не думаю, что вы имели возможность отдать этот христианский долг матушке, хоть мысленно и сердцами вы к нам в то время присоединились.

При этом письме ты найдешь, Зинуша, письмо Устиньки; она прислала мне его и просит переслать его тебе, что я и исполняю.

В заключение прижимаю вас мысленно к любящему сердцу и прошу расцеловать за меня Митю. Саша и Ваня тебя целуют, Николаю Дмитриевичу дружески кланяются. К ним присоединяются Н[иколай] Р[оманович] и Федя.

Графине Зин[аиде] Ив[ановне] от меня поклонитесь, сегодня не имею времени писать к ней; последние о ней известия имели от Мери, которая пишет Саше, что она с нею, ее мужем и дочерью провела несколько дней. Ему также прошу от меня пожать руку. Приятно вспоминать дни, проведенные с ними в Варшаве. Христос с вами.

А ребяташки Сашеньки ежедневно здороваются, Коля особенно принимает вид совершенно деревенского крестьянского парня; узнать нельзя против того он был ** до

* Впущены подробности недомогания А. С. Ребиндер.

** Так в подлиннике.

переезда в Одессу. От Лизы известия хорошие: Вася ее совсем поправился, Катя совершенно здорова, и Лиза сама ни на что не жалуется.

Долго не знали мы ничего о Марье Каз[имировне]. Наконец Саша получила от нее письмо. Она была очень больна и совсем приготовилась к смерти; теперь выздоравливает. За ней ходил один ксендз, который сам был в то же время в лихорадке. Лизе писал Я[ков] Дм[итриевич] от 25 августа, говорит о производстве Н[иколая] Н[иколаевича] в полные и замечает: «я не доволен, следовало бы дать Амурского — но много зависти». Действительно много, как и здесь, до меня дошел слух, и я не знаю, прав ли я, но мне кажется, по слышанному, что зависть эта так явно оказалась, что она, наконец, замечена была и побудила делать больше, нежели было в намерении сначала, вместо одной — три награды³.

205. З. С. и Н. Д. СВЕРБЕЕВЫМ

Одесса, 1, 3* ноября 1858

№ 34

28-го числа октября я писал к вам, милые и возлюбленные мои Зинуша и Николай Дмитриевич, а на другой день узнал о приезде ваших сестер в наш город. Лев Иванович приехал ко мне и привез мне письмо вашей маменьки. Я очень обрадовался их приезду как потому, что очень желал познакомиться с четой Арнольди, так и потому, что очень рад был увидеть Екатерину Дмитриевну и иметь случай говорить с ними о вас и Сереже и о всем московском вашем семействе. День этот они все провели у гр. Кошкуль¹, и потому я смог увидеть дам только в 8 часов вечера. На другой день, т. е. в четверг, я поблагодарил маменьку вашу за постоянную о мне память и уведомил ее о приезде сюда ее детей; в этот день я с ними повидался, и вчера поутру обе сестрицы удостоили меня своим посещением, и мы вместе и с моими внучатами, которых они нашли у меня, ходили по городу. Время было прекрасное, хотя несколько холодно, потому что уже несколько дней морозит и стоит ясная погода, чему здешние жители дивятся, говоря, что в это время обыкновенно идут дожди и грязь прекращает пешеходство для про-

* Письмо писалось с перерывом.

гулки. Екат[ерина] Дм[итриевна] получила также от вас письмо, присланное ей из Москвы, и я по получении вашего посылаю его ей, и оно гораздо свежее того, которое она получила.

3-го вечером. Вчера сестрицы ваши просидели с нами вечер у Сашеньки, был и Лев Иванович. Вчера утром и сегодня я заходил к ним; они все пишут письма. Когда мы вместе, то все говорим о вас. Все выступают против выдвинутой мысли ехать в Сибирь, и Ник[олай] Ром[анович] написал тебе, любезный Николай Дмитриевич, большое письмо по этому случаю². Варвара Дмитриевна уверяет меня, Зинуша, что ты балуешь мужа и что поэтому ему входят в голову такие странные мысли. Я думаю, что в Сибири не долго можно служить под начальством Ник[олая] Ник[олаевича], он, вероятно, там долго не останется. То, что занимало его и на что он употребил все свои усилия, то им исполнено, приятности в пребывании там он не находит, а удерживать его там нет более достаточной причины. Завистников, правда, у него много, и они в последнее время сильно выказались и будут всеми мерами стараться удалить его из Петербурга³, но все же могут только попрепятствовать ему занять там какое-нибудь значительное место, а быть там в звании только ген[ерал]-адъютанта помешать не могут. Думая о возвращении в отечество, надобно подумать, конечно, и о том, что делать по возврате. Лиза мне говорит, что если не желалось возиться с крестьянами, то можно купить имение в Крыму. А на [этот] счет я в теперешнее время в затруднении дать совет; кажется, что не может все оставаться в таком положении, как было до сих пор; но что и как изменится, бог весть. Нельзя определительно сказать, чтоб чрез 6 месяцев не последовало изменение, благоприятное для службы. Нужно же положить конец произволу, который повсеместно господствует и которому предаются все, имеющие сказать что-нибудь власти. Здесь я еще недовольно знаю, <...>*, чтоб указать на что-нибудь такое, что бы могло быть непротивно.

Из Сибири я имею печальную весть: моего доброго друга Якова Дмитриевича поразила удар, от которого боги несправедливо ли; он был несколько дней без памяти, но потом, однако ж, начал говорить. От Алекс[андра]

* Далее три слова неразб.

Викторовича также вести неблагоприятные, ему в нынешнем году была решительная неудача; вряд ли он возвратится; кажется, думает еще оставаться. Дом наш также не продается, хотел было писать к Коле Белоголовому, просить его постараться о продаже, но узнал от бывшего здесь Бенардаки, что он выехал в Петербург для свидания с ним по делам Амурской компании. Этот господин приезжал сюда покупать землю и, кажется, купил 13 тыс. десятин. Сверх того, он же скупил все свободные экземпляры № IX «Современника», в котором рассказано происшествие, близкое ему по ремеслу и против оглашения которого вооружился и главный начальник нашего края под предлогом, что не должно обнаруживать распространением злоупотреблений чиновников высших степеней *4. Любопытно, какой получит ответ на такое странное притязание. Явно лица были узнаны под вымышленными именами, и если выставленные сами себя узнали, то, стало быть, в крае довольно дело было гласно и при этом *qui le[veut?] monsieur le mon cher* **.

А тому, кто невинно пострадал за строгое исполнение своего долга и данного поручения, очень позволительно, хоть бы только для своего оправдания, рассказать во всеуслышание, в чем было дело.

Мои знакомства здесь очень ограничены: встречался раза три у Саши с одной дамой, знакомой А. И. Давыдовой, и раз с сестрой Н. Н. Муравьева, что за Моллером ⁵. Познакомился также с женой старого моего сослуживца — отстав[ного] г[енерал]-м[айора] Пущина. Она сестра граф[ини] Ланжерон и была прежде за Аргутинским ⁶. Вместо меня Ваня знакомится, у него уже маленький кружок общих приятелей с Мишей Муравьевым ⁷, между которыми один Соловов, которого мать мне сродни, сестра Гагарина, сына известного дурными знакомствами ⁸.

Да, я забываю сказать, что сестра моя уведомила меня о перемене своей фамилии с 25-го сентября.

Вот, что казалось вам необыкновенным, сбылось. Она надеется этим провести спокойно преклонные годы своей жизни. С моей стороны, я пожелал исполнения ее надеж-

* Здесь авторская вставка: «хотя он сам нашел нужным показать».

** Кто [далее одно слово неразб.] мой дорогой господин (ф р а н ц.).

ды. Каждый ищет счастья, как его понимает, и я осуждать ее не могу.

В заключение целую и обнимаю вас и прошу передать мое благословение малютке. Христос с вами.

[Приписка сбоку:] У тетушки поцелуйте за меня руку и кланяйтесь ее мужу.

206. З. С. и Н. Д. СВЕРБЕЕВЫМ

Одесса, 25 ноября 1858

22-го числа я получил, милые друзья мои, ваше письмо из Марсели от 5-го [тарого] [с]тиля. Теперь мы вас полагаем уже в Неаполе, где вы нашли много писем от всех родных. А в Генуе, я думаю, что вы были обмануты в своем ожидании и не нашли там ни от кого из своих. Вы ни нам, ни в Москву, как говорила мне К[атерина] Д[митриевна], не писали, чтоб вам туда адресовать. Дорога сухим путем вам стоила гораздо дороже морской, но зато ты, Зина, и Митя были избавлены от угара, который овладел бы вами на море, теперь не то время года, в которое можно бы было ожидать спокойного плавания. Однако вам все же предстояло несколько морского пути из Ливорно. В Неаполь собирается также Саша Декар, она писала к Сашеньке нашей, что будет там около нашего рождества. Я очень рад, что присутствие ее прибавит удовольствия пребыванию вашему в Неаполе. Я понимаю, милая Зинуша, что ты рада будешь пожить на месте после частых переездов из места на место. Хотя, впрочем, и приятно и любопытно видеть, однако ж, наконец, внимание утомляется. В Неаполе ты будешь, Зинуша, наслаждаться благообразием воздуха, конечно, не менее, нежели в Марсели, и природою, которую ты так любишь. А в Риме древностями уже займется более Николай Дмитриевич, нежели ты. Пожалуста, однако ж, милый Николаша, не утомляйся там слишком, лучше оставлять осмотр иного до другого дня, нежели уставать. Постоянная усталость, продолжаясь, может повредить здоровью, а им нужно запастись для возврата и особенно имея в виду Сибирь. Против этой последней мысли выступают все ваши родные с обеих сторон. Не могу и я сказать, чтоб она мне льстила, может быть, оттого, что не вижу возможности вам сопутствовать. Если б меня не связывал Ваня, то я бы от вас не отстал, мне приличнее

умереть в Иркутске, нежели где-либо в другом месте, матушка была неразлучна со мною в жизни своей, и мне следовало бы лечь вблизи ее могилы. Угодно ли это будет богу, от нас закрыто. Дом наш, конечно, еще не продан. Покупщиков на него не было, но все-таки я приостановлю продажу. Со всем тем я не думаю, что и вы мысль свою о переселении в Сибирь привели в исполнение, и вот почему: я не полагаю, что Н[иколай] Н[иколаевич] остался там на будущий год, а я думаю, что в непременный расчет твой входит служить там под его начальством. Корсаков уже, говорят, приехал в Петербург, а он предвестник прибытия Н[иколая] Н[иколаевича]. Там уже ничто более не может его держать, а теперь, когда он довершил начатое дело и так успешно, то, конечно, нет и достаточной причины его оттуда выпустить. Поселение на Амуре совершается и без него, для этого он также уже многое приготовил, а что собственно до устоев Амура, то там надежный человек Казакевич. Слухи есть о многих изменениях, над которыми работают в столице и которые непременно поведут к перемене многих лиц в высшем правительстве, не мудрено, что исполнится и предсказание о Н[иколае] Н[иколаевиче]¹. Может быть, с такими переменами, какие ожидаются, откроется возможность получить приличное место.

Я пишу к вам вечером накануне прихода почты, потому что завтра не успею, письмо надобно подать ранее 12 часов, а у нас завтра, как вы знаете, панихида, и после обедни останется мало времени до 12 часов. Вот уже четвертый раз, как мы матушку вспоминаем в этот день, ей было бы 58 лет завтра. Грустно подумать, но роптать не должно, господь бог устраивает все по своей святой воле, а мы должны верить, что она нам на благо, как бы по-человечески ни казалось, что тут-то бы и жить мамушке, когда положение наше изменилось к лучшему и она могла достичь своих желаний. Но бог лучше нас знает, что для нас лучшее, а она не тоскует по земной жизни в селении праведных, где, конечно, благоволил царь небесный поместить ее за ее добродетель и терпение. Это упование во мне твердо, и многое благое в нашей судьбе приписываю ее молитвам.

Лиза все держит нас в le bec dans l'eau*. 16-го еще

* Томительно долгом ожидания (франц.).

сама писала, а с тех пор письма не было, думаю, от распутицы, потому что все почты опаздывают. У нас здесь такая грязь, что представить себе невозможно. Это, однако, не мешает мне почти ежедневно посещать ваших сестер, и нынче утром я просидел с ними два часа, а третьего дня обедал и оставался до 11 часов; Саша с мужем и Надя также были у них вечером. С гр. Кошкуль выдаюсь у них и сижу также раз вечер у них самих; они оба, муж и жена, премилые люди. Кончаю письмо и отправляюсь к Сашеньке просидеть с нею часа полтора.

Целую и обнимаю вас и Митю за себя и моих.

Поцелуйте ручку у тетушки и пожмите руки Самрајпа; если Саша Декар приехала, то и ей. Что я писал о Пирогове, оказалось враньем. Поспешил поверить слуху².

207. З. С. и Н. Д. СВЕРБЕЕВЫМ

Одесса, 11 декабря 1858

После вашего письма из Генуи, милые детушки мои, не мог я ожидать скоро получить вновь от вас. Надобно было дать время вам приехать в Неаполь, и, может быть, вы туда не могли попасть так скоро, как бы желали; конечно, вы не пустились в море в ненадежную погоду, а потому, может быть, не выехали из Генуи 29-го, как предполагали. Здесь также была погода очень дурная, и не только в море разбились корабли, но и в самой гавани корабль с грузом хлеба потонул, и пароход с большим числом пассажиров не мог войти в гавань, и пассажиры качались и голодали; надеюсь, что с вами этого не было. У нас эта погода продолжалась 5, 6 и 7 чисел; с жестоким ветром, непрерывно все три дня шел сильный снег и так завалил одесские улицы, что город представляет с тех пор вид какого-нибудь из городов северной полосы России. Жители имеют редкое для них удовольствие ездить на санях и не тонуть в грязи. Сережа и Коля также очень довольны, что дядя Ваня и деда их прокатывают. Эти ребятишки славные мальчишки, и ими все любят, когда они ходят гулять. С Варварой и Катериной Дм[итриевной] они большие приятели. В играх их вы часто занимаете место, они представляют вас; Коля бывает дядей Кокой, а Сережа тетей Зиной. Сережа большой охотник до чтения и уже читает для своих лет порядочно по-русски и старается уже знакомиться с французской гра-

мотой. Ему Варвара Дмитриевна подарила бумаги разграфленной, по которой он учится писать. Катичка на днях прорезала 7-й зубок; недели две как перестала кормилица ей давать грудь, и она дня три потосковала, но теперь уже давно забыла. Кормилица во все время при ней оставалась и может быть оттого Катя меньше тосковала, нежели можно было ожидать. Она давно болтает, то есть без всякого смысла, а теперь произносит также часто папа, мама, но также бессознательно. Девочка, впрочем, очень бойка становится. Лизину девочку не знаю еще, как зовут; вчера получил депешу от Петра Васильевича], в 7-й день все было хорошо. Мама и дочка были в добром здоровье. Депешу мою от 4-го с известием о рождении вы, надеюсь, получили исправно в тот же день, не было на станции никаких других депеш, и моя пошла как только я ее подал. Я должен был послать ее на имя гр. Лебцельтерн, иначе вас невозможно бы было отыскать самих. Очень мне жаль, что не могу теперь увидеть Лизу, еще бы если б это было месяцем ранее, а теперь без коайности никто не пустится в путь ни по суше, ни по морю. На днях, правда, перед бурей еще, но думаю, не успели до начала ее доплыть, поехали лорд Пемброк с другим лордом, своим приятелем, в Алупку, где собралось нынче к князю Воронцову несколько сестер, братьев и зятьев его жены¹; но англичане с морем свыклись. В Крыму стояла все теплая погода, не знаю, какова теперь, но думаю, что подобная здешней была по всему западному берегу Черного моря.

Из Сибири имел еще от А[лександра] В[икторовича], он переезжал в В[ерхне]удинск, надеялся как-то передать кому-то Элихту², не знаю, успеет ли в этом или должен будет окончательно бросить с потерей всего на нее положенного. Ожидаю последнего. Неудача нынешнего года нам чувствительна. Прошлого года было хотя мало, но все же много более нынешнего — 47 фунтов, а нынче всего 24 фунта.

Об Я[кове] Д[митриевиче] свежих известий нет, ожидаю, что напишет мне В. П. Рыкачев, которого я просил уведомить о здоровье его генерала.

Здесь живет г-жа Моллер, сестра Н[иколая] Н[иколаевича], она говорит, что брат ее не будет нынче в Петербурге, а между тем гр. Толстой, который также здесь живет (брат Голубцовой), дядя известному вам Ивану Го-

лубцову, сказывал, что ему писали, что Н[иколая] Н[иколаевича] вызывали в Петербург. К этому прибавили в письме, что там почему-то недовольны. Но последнего предположения принять за истину, кажется, нельзя, потому что по представлению Н[иколая] Н[иколаевича] вышлись награды за прежние экспедиции на Амур и в том числе Владимира 4-й степени тебе, Николай Дм[итрие-вич], как извещает твой батюшка. Если б были недовольны Н[иколаем] Н[иколаевичем], то, вероятно, бы не дали и наград. Une autre version* — здоровье кавказского наместника очень расстроено и, говорят, нужно будет заменять его. Московские вести довольно дошли до меня, но я их передавать не стану, думаю, что вы их найдете в письмах сестер ваших и других ваших родных из самой Москвы. Скажу только, что оттуда же писали, что м-ру Ковалевскому был удар, хотя из петербургских писем не знаю об этом, но верю, потому что Н[иколай] Р[оманович] ожидает от него некоторого нужного ему уведомления и не имеет. Хотел бы продолжить беседу с вами, но время уходит, надобно послать письмо на почту. Не удивляйтесь, если найдете, что почерк мой сегодня особенно нехорош, свежо в комнате, и руки зябнут, печь не успела еще нагреть комнату. Целую и обнимаю вас, милые мои, а Митеньку за меня расцелуйте. Саша также целует тебя, милая Зинуша, и Ваня тоже, все обнимают Н[иколая] Д[митриевича], кланяется Федя тебе и с приближающимся праздником все поздравляем; когда получите, у вас на Западе наступит уже Новый год, желаем его весело встретить. Если это письмо довольно рано поспеет, то если будете встречать с тетушкой Зин[аидой] Ив[ановной], поцелуйте за меня у ней руку ровно в 12 часов 31 декабря, а теперь Христос с вами, ныне и присно, и во веки веков.

208. З. С. и Н. Д. СВЕРБЕЕВЫМ

Одесса, 29-го декабря [18]58

№ 41

Хочу еще раз в нынешнем 1858 году побеседовать с вами, милые друзья мои, а следующая беседа будет уже в 59-м году <...>**. Если у вас такая же ясная по-

* Другая версия (франц.).

** Выпущены подробности о состоянии здоровья внуков.

года, как у нас в эти дни, то, конечно, ваша зима сравняется с нашей весною; у нас же мороз вчера был -8° , а сегодня, конечно, до -10° ; нельзя и нам жаловаться на стужу. Из Крыму получаем каждую почту добрые вести, Лиза поправляется хорошо, о малютке пишут, что он мало спит по ночам, а зато днем вовсе его не слышно; Лиза сама еще не писала, зато Петр В[асильевич] против своего обыкновения исправно дает сведения. Ты, Зинуша, беспокоилась, что не имели депеши в ожиданное время; когда получила ее, то поняла причину замедления; известие же, что нет прямого телеграфа из Одессы в Неаполь, несправедливо, отсюда прямо он идет на Радзавиллов,—недавно шел еще чрез Киев и Варшаву, и тогда, когда я посылал, так и было, а теперь и дешевле стало. Часто меня спрашивает о тебе Марья Каз[имировна]. Она поправляется от тяжелой болезни, которую выдержала в Тульчине; Александра Ив[ановна] в Киеве и в беспокойстве, у нее Соня расхворалась, и ее посылают за границу весною, это сказывали мне, а она еще об этом не писала¹. О Я[кове] Д[митриевиче] я ничего нового не знаю, ожидаю, что напишет Вл. П. Рыкачев. От Александра Викторовича это время получал довольно часто, он перебрался в В[ерхне]лудинск и оттуда уже писал. Третьего дня я виделся с Александрой Николаевной, сестрой Ник[олая] Ник[олаевича]. Она на днях получила от брата письмо, которого содержание любопытно и для вас, потому что, конечно, развязка, предсказываемая им, будет иметь непосредственное влияние и на твое решение, милый друг Николай Дмитриевич. Он пишет, что теперь должно решиться или совершенное его удаление из края в мае, или он там останется уже надолго. Как это понимать, не знаю; одно только, что верно для меня, это то, что во всяком случае обстоятельства его в самом лучшем положении. Доказательство тому вижу в том, что К[орсаков] награжден очень щедро: причислен в свиту, украшен Станиславом и сверх того обеспечен 2 т[ыс.] р. пенсии, Буссе² произведен в ген[ерал]-майоры. Сам Н[иколай] Н[иколаевич] кроме чина и графства получил аренду. Все это доказывает, что он в силе; след[овательно], если он не останется в Сибири, это только будет для меня доказательством, что он убедил в том, что он теперь там уже не необходим и полагает свое там назначение совершенно выполненным. Если же он там останется, то

должно думать, что для его деятельности предоставляется что-нибудь новое. И мне представляется, что не думают ли там устроить наместничество, соединяя обе половины. Тогда, вероятно, и резиденция его перенесется. Здешний корпусной командир Белас предсказывает, напротив, как я слышал от знакомых военных, что Н[иколай] Н[иколаевич] заменит изнемогающего Барятинского на Кавказе. Б[елас] не потому пророчит это, что он находил, что М[уравьев] достойно исполнит такую важную обязанность, к которой он себя, как говорят, почитает более по своим способностям и уму призванным, но потому, что находит, что М[уравьеву] везет счастье. За эту последнюю сагу его следовало бы мне просить извинения, но я ее поместил потому только, что полагаю, что Б[елас] имеет какие-нибудь данные на свое мнение и не просто изъясил его голословно; он может их иметь по связям своим в столице и особенно с Васильевым³. Хотелось бы узнать, когда сомнения Н[иколая] Н[иколаевича] разрешатся; у меня нет в П[е]т[ер]бурге таких людей, от которых бы можно было ожидать такого рода сведений, сам он пишет к сестре редко; но, впрочем, кажется, такое дело не может долго утаиться от публики.

Наконец, вы могли прочесть в «Le Nord» постановление одного из губернских комитетов, вероятно, скоро покажутся и другие⁴. Петр В[асильевич] пишет, что у них в Таврической губернии оценили было* десятину земли в 300 р. с. каждую, комитет сбил на 38 р. с.

«Le Nord» пишет еще, что публика русская в Париже (высшая) была приведена в негодование клеветой, распушенной на одно лицо знатнейших русских родов, дело в том, что действительно подвергнуто было одно происшествие новому исследованию, по которому к[н]. Кочубей оставлен Сенатом в подозрении по уголовному преступлению⁵.

Но прощайте, пора кончить, скоро опять буду к вам писать, а вы теперь поцелуйте за меня руку у тетюшки, а поклон отдайте Саше Декар она, верно, с вами. Саша тебя целует, Зинуша, и жмет руку Н[иколаю] Д[митриевичу]. Муж ее вам кланяется. Только один Федя вас целует, и я также вас и Митю. Христос с вами.

* Далее зачеркнуто: «усадеб», и следующие затем два слова написаны поверх строки.

№ 43

Сей час получаю твое письмо, милый мой Николай Дмитриевич, писанное в последний вечер пред новым европейским годом. Я писал к вам 29-го по нашему счислению, а 1-го нашего января также написал вам письмецо; это было первое мое дело, им я начал год, но второпях к обеду не положил его в конверт, в котором были вложены письма Саши и Вани, а заметил это уже поздно, когда бы не приняли его на почту. Так оно осталось непосланным, и теперь его не посылаю, чтоб не увеличить тяжесть письма, потеря для вас небольшая, потому что оно ничего не заключало, кроме нежностей и желаний моих для вас,— все это вам и без того известно. В первый день года (нашего русского) я был обрадован получением вашего от 11/23 д[екабря], а сестры ваши получили тогда же от 9/21, и мы вместе с ними читали ваши письма вечерами у Сашеньки. Нынешнее письмо твое пришло гораздо скорее, в 15-й день. Оно сокращает мой ответ на предшествовавшее, в нем ты благодаришь за остановку продажи дома, следовательно, знаешь, что я не противлюсь желанию твоему служить снова в Сибири. Я очень рад, что согласие отца успокоило твой дух, самое приятное для меня есть известие, что ты совершенно благоденствуешь и морально и физически с тех пор, как виды будущего приняли желаемый для тебя оборот¹.

5-го. Здесь перервал беседу мою с тобой Лев Иванович и гр. Кошкуль, и я уже в тот же день не мог возобновить его. Вечером после обедни заехали ко мне твои сестрицы и посидели у меня. При них пришел З. В. Колонко, знакомый Зины, он теперь директором херсонской гимназии и приехал сюда на несколько дней; он просидел долго после дам и просил отдать его поклон Зине, я ему показывал ваши портреты. Потом я отправился к Саше обедать, а вечером мы поехали все вместе к Арнольди; у них я познакомился с сестрами Марьи Трубецкой Галаховой и Пещуровой², которые только что на днях приехали из Ялты, где им было тепло, но уже в теперешнее время скучно. По лицам можно догадаться, что они

* Письмо писалось с перерывом. Видимо, автор ошибся: не февраля, а января.

сестры с Марьей, а особенно в меньшей сестре много сходства. Просидел долго. Вот так я и не принимался до сих пор за перо. Да и нынче благовест в соборе оторвал от него.

Вечером. В соборе у обедни я нашел твоих сестриц, и когда после водосвятия народ бросился к воде, мы с Львом Ивановичем прочистили им дорогу и вышли благополучно. Саша с семьей уехала к Алопеусам³, а я воротился домой продолжать мою с тобой беседу. Не стану распространяться о намеренном переезде в Сибирь. Ты прав, конечно, в том, что это предложение не могло меня пугать, как твоих родных. Почти полвека моей жизни я там провел, испытал там много горького, но и величайшие наслаждения также имел. Там родились все мои дети, там устроилась судьба всех моих дочерей, и, по благодати божией, так, что все оне наделом своим довольны. Возвратиться оттуда также всегда можно, как и из всякого другого места в России, и я сам лелею мысль, если бог продлит жизнь и здоровье мое не оскудеет, поклониться еще драгоценной для меня могиле. Я, конечно, не буду считать, что я разлучен с вами бесконечностью, а вместе со всеми моими мне никогда не придется быть. Эти два года обстоятельства были так счастливы, что я мог быть с Сашей и Ваней, видеть несколько раз Лизу с семейством и обнять Зинушу; но не могу рассчитывать, что так же будет постоянно, все с кем-нибудь из детей моих буду в разлуке. Для успешного образования Вани в науках нельзя долго оставаться в том месте, где я теперь. Н[иколая] Р[омановича], может быть, также перетащат отсюда; если в П[е]т[ер]бург, то я не вижу для себя возможности быть с ними. Ваня более имеет во мне нужды, я должен быть с ним, а будучи с ним, буду, может быть, от всех других моих далеко. Много об этом размышляю, но определить ничего не могу и ожидаю, как свыше устроится.

Известия, которые я дал тебе о Н[иколае] Н[иколаевиче] в одном из последних писем, свежее, нежели те, которые ты имел в Неаполе. Значение их, вероятно, не долго останется тайною, и, может быть, отец ранее меня узнает, в чем дело⁴. Я вижу, что его письма возмутили твой дух и накинули какое-то темное покрывало на наш горизонт⁵. Я не разделяю этого мнения и действительно предвижу зарю возрождения. Когда ветер в море пе-

ременится, то волны, гонимые первым, сталкиваясь с волнами, гонимыми противным, бьются друг о друга и нужно некоторое время, чтоб одно волнение укротило другое и восстановилась тишина; так и в нравственном мире: противудеяствующие страсти и мнения волнуются, но придут, наконец, к спокойствию. Теперь животрепещущий вопрос волнует все умы, каждый разрешает его своим образом, согласно с своими интересами, с своими опасениями или надеждами, и действует на основании их. Но можно утвердительно сказать, что никто, ни партизаны, ни противники освобождения, не видят ясно не только отдаленных, но и ближайшего результата. Большая часть хочет устраивать на столетия. Дано ли человеку прозерцать так далеко?! Спорят об общинном и частном владении, требуют от правительства, чего оно дать не может; соглашаются дать волю, но не давать земли. Это все в порядке вещей, и надобно было всего этого ожидать, когда дело отдано на общее суждение. Но во всем этом я не вижу причин в чем-либо отчаиваться. Царь стоит твердо на необходимости дать собственность вместе с свободою, и каким бы образом ни было к тому приведено, цель будет достигнута, и немного нужно будет годов, чтоб увидеть благодетельные последствия такой меры; и со временем все останутся довольными, исключая тех, которые по неблагоприятию своему не будут уметь устроить свои дела на новых началах. Мудрено ли, что пока все не уяснилось, умы тревожатся, и противники употребляют друг против друга все средства, какие находят под руками. Одно из самых удобных для того — журналы. Мы не свыклись еще с свободным выражением мысли в печати, и какой-нибудь резкий отзыв в отношении какой-либо лично* приводит нас в негодование. Но самое это гласное выражение мысли дает возможность и опровергнуть ее, когда она ложная, и гласно выраженная клевета также падает от гласного обсуждения. Кн. Черкас[ский]⁶ очень ловко отразил удары, которые на него посыпались за известную его статью, и многие партизаны палок, высказавшись против него, поставили себя в невозможность поддерживать права, которые желали сохранить.

Пора и с тобой поговорить, милая моя Зинуша, и

* Так в подлиннике.

первое скажу, что я последними вашими письмами очень доволен. Главное в том, что вижу в них то, чего до сих пор не видел, т[о] е[сть], что муж твой чувствует себя совершенно здоровым и в наилучшем расположении духа, что еще более убеждает меня, что он точно здоров совершенно, а письма из Женевы и за ними следовавшие очень было меня беспокоили, оттого я и давал вам некоторые врачебные советы. Очень я рад знать, что они вовсе не нужны. Очень мне жаль, что попытки ваши познакомиться с Серакаприола⁷ были так неудачны, может быть, это еще уладится, мне бы очень этого хотелось. Я его очень любил, и он меня и братьев моих также. Последний раз, когда мы виделись, он приезжал с женою, тогда она была очень хороша собою. Радуюсь очень, что ты такая прекрасная кормилица, и я этого ожидал. Излишним молоком попои своего мужа, чтоб он также подобрел, как Митя. Расцелуй этого малютку за меня.

Я к тетушке писал недавно и благодарил за вас; а теперь поздравляю с приездом дочери. От ее присутствия я надеюсь, что тебе еще приятнее будет в Неаполе. Ей также скажи от меня, что найдешь нежнее. У нас все благополучно, Лиза уже сама писала два письма, жалуется, что ее дочка по ночам гуляет, а днем спит. У нее нет няни, и она ищет и Саше поручила это дело трудное в наших краях. Каким образом муж твой пишет дом Girone, занимаемый тетушкой, разве она переехала? Может быть, нужно будет переменить к ней адрес? Поцелуй ее ручку и пожди за меня дяде.

Прощайте, друзья мои, на сей раз довольно. Христос с вами.

Адрес: В Италию — в Неаполь. Madame la comtesse Lebzelterн Chiaja palazzo Esterhazy, № 185, Naples*.
З. И.** Сербеевой.

* Мадам графиня Лобцельтерн, живущей во дворце Эстергази, № 185, Неаполь (франц.).

** Так в подлиннике.

№ 45

Вчера получил я письмо твое, любезный мой друг Николай Дмитриевич, очень был успокоен содержанием его в отношении твоей болезни и думаю, что советы доктора очень разумны, и я с ним мирюсь невольно; мне о нем дала понятие неслестное известная вам княгиня, бывшая сколько-то времени у него на руках; но как я после узнал, она во многом меня обморочила. Мое письмо ложно вами понято в отношении предполагаемой нашей разлуки с Одессою, она может последовать не ранее конца года, след[овательно], вы на возвратном пути нисколько не рискуете не застать нас здесь. Если Н[иколай] Р[оманович] уедет, хотя не в Пекин, а в П[е]т[ер]бург¹, то Саша с детьми проведет здесь лето, с вами же я надеюсь съездить и к Лизе, так как вы изъявили намерение побывать в Крыму; да и нельзя же не посмотреть своего замечательного, осмотрев почти всю Европу. Арнольди, может быть, будут сопутствовать, если нетерпение Льва Ивановича не унесет их ранее.

Вчера он просидел с нами вечер у Р[ебиндеров], довел меня домой и отправился за вашими сестрами к кузине; он на свое здоровье не жалуется, хотя Варв[ара] Д[митриевна] и дает ему порошки от кашля. С Н[иколаем] Р[омановичем] они очень сошлись и любят быть вместе. Он премилый человек, и время с ним всегда проходит приятно. Сегодня и они и мы ездили смотреть «Свадьбу Кречинского»², играют в театре любители. Третьего дня я у них обедал, а до обеда просидел долго у графини, в первый раз после ее родов; она очень хорошо поправилась. Письмо твое я отдал Л[ьву] И[вановичу], он увез прочесть дамам. Из Сибири я имел добрые вести о Як[ове] Дм[итриевиче] и даже несколько строк от него самого; он на днях должен быть в Москву на две недели, а весной в Мариенбаде. Рыкачев пишет, что 6 недель Я[ков] Д[митриевич] был очень плох. В Омске слух касался об учреждении наместничества. От Ник[олая] Ник[олаевича] я также получил письмо от 30 ноября. Он пишет, что ранее конца 59-го года ехать в Европу не может, весну и лето проведет, вероятно, опять на Амуре, где все кишит деятельностью и парами(?)³. Прислал

мне [адрес] Катерины Николаевны на случай, если вадумаю писать к ней; принимая это за приглашение, я не замедляю исполнением. Желание твое прислать тебе список наград не могу выполнить; уже и сам старался из любопытства его достать, но не успел еще в этом, если достану, то перешлю. Он должен быть вполне в «Иркутских губ[ернских] ведомостях», но мне их не выслали, хотя я и просил. О Корсакове и Буссе я, кажется, писал; Невельскому — ленту, я читал в газетах, а Казакевичу не знаю что, контр-ад[миралом], кажется, он пожалован ранее. Мартынов — полковник, а Кукель⁴ представлен в этот чин. Откуда взял свое известие С[ергей] Г[ригорьевич], не знаю, здесь никакого намека о таком назначении не было, но оно мне не кажется невероятным, из светских людей очень немногие имеют у нас понятие о духе соседей наших, и я не удивился бы предположению. Не полагаю, чтоб можно было назначить человека, имеющего противоположные мнения с Н[иколаем] Н[иколаевичем] и совсем не знающего наших соседей. Охотники, впрочем, найдутся, незнание дела никого не остановит⁵.

Я считаю, милая Зинуша, что вы не расклетесь в том, что решили остаться долее в Неаполе, нежели предполагали. Там вам приятно и вы почти в собственной семье.

Только любопытство не будет вполне удовлетворено: не увидите карнавала. Найдете ли в Риме кого знакомых? Не имея никого, соскучитесь, как бы ни было любопытно обозревать остатки древности и мысленно воспроизводить историю древних народов. Н[иколай] Д[митриевич] хотел ехать в Палермо, но я читал в газетах, что ген[ерал]-адм[ирал] в Неаполь прибыл, может, это его остановит⁶.

У нас все по-прежнему, только дети у Саши все кашляют; думаю, что этому причина ненастная погода: то сыро, то мороз небольшой, редко ясно, чаще туман; что несносно, то это грязь, как скоро чуть оттепель. Лиза начала выезжать и первые дни по выезде веселилась на бале и на театральном представлении любителей. Мы с Ваней и Федей не чувствуем различных изменений погоды. Если тебе удалось привить оспу Мите в тот день, как вы полагали, то теперь уже он от всех ее последствий избавился и вы должны быть на отъезде; итак, это письмо уже не может вас застать в Неаполе, почему я и

не даю вам никаких поручений ни к тетушке, ни к кузине.

Целую тебя за себя и за всех наших, крепко обнимаю Николай Дмитриевича тоже за себя и за всех и Митю поручаю тебе расцеловать. Храни вас господь в добром здравье. Христос с вами.

211. Э. С. и Н. Д. СВЕРБЕЕВЫМ

Одесса, 10 февраля 1859

№ 46

6-го числа я получил письмо твое, любезный Николай Дмитриевич. Оно пришло действительно скорее, как ты и полагал; в 13-й день от написания я его читал уже. По клеймам я мог разобрать, каким путем оно шло, может быть, и в самом деле чрез Мальту, как показано тобою на надписи, но я получил его из сухопутной почтовой конторы. На многих твоих письмах было надписано: *Via Viennu* *, а оне приходили чрез Францию. Письмо твое, как и надлежало, очень успокоило меня насчет твоего здоровья; для меня нет сомнений, что последняя хворость твоя не произошла от органического повреждения, а просто от простуды, в этом порукою головная боль и лихорадка, сопровождавшие кашель. Видно, не должно слишком полагаться на мягкость климата и тоже нужно беречься от простуды, как и в наших грубейших полосах. Я уверен, что теперь Зина за этим очень наблюдает, и, сверх того, я желал бы, чтобы ты оберегался утомления: всех редкостей вдруг не осмотришь, лучше оставить на завтра то, что нельзя успеть сегодня. К тому ж при поспешности не так осмотришь внимательно.

По твоему расчету, вы теперь в Риме, Лев Ив[анович] говорит, что там для твоего здоровья будет теперь лучше, потому что воздух не так резок, как в Неаполе; он не одобряет прииска частного дома, говорит, что спокойнее была бы для вас гостиница. Я не решил еще, как адресовать вам это письмо, может, до отправления получу от вас указание. Ваши здесь все здоровы. Третьего дня протанцевали у княгини Манукбей¹ до 1/2 4-го, а нынче вечером у гр. Толстых. Арнольди говорит, что это

* Через Вену (франц.).

последний бал, а то разорятся. Правда, еще будет им зов на следующий понедельник опять к Манукбеям, но это будет бал для одного юношеского возраста, поэтому дамам не нужно будет готовить нового платья. Оне брали с собой Наденьку, потому что Саша не ходила. В понедельник были крестины у Кошкулей, Катерина Дм[итриевна] с деверем принимали; кузина твоя очень милая и любезная женщина, я люблю у них бывать; Соня их все еще меня боится, хотя и часто без меня поминает. Саша наша теперь одна, без мужа; он уехал в П[е]т[ер]бург и думает вернуться постом. Если там не найдет еще своего назначения директором департамента, то, может быть, и останется на попечительстве; на сохранение этого места побуждает его надежда устроить Лицей на новом основании, для сего обещает дворянство средства, и Строганов в этом помогает².

Судя по газетным известиям, горизонт в стране, вами ныне обитаемой, мутится и если не просветлеет, то вряд ли вам удастся довершить ваше путешествие по прежде начертанному плану, и тогда, может быть, окажется для вас удобнейшим последовать совету вашего турецкого знакомого и взять курс на Константинополь. Тот ли или другой, но вы все не минуете Одессы, а Лиза ожидает нас в Саблах. Большое будет для меня счастье провести хотя короткое время в вашем полном кругу. Известие, сообщаемое тобою о доверенности, которой пользуется Н[иколай] Н[иколаевич], заставляет меня полагать, что он останется еще на более или менее продолжительное время на занимаемом им ныне месте вопреки враждебному положению П.³, которое не знаю отчего происходит; неужели же от первых еще столкновений и неужели гнусный порок зависти свойствен и есть принадлежностию всех тех, кто занимает какой-либо значительный пост. П. имеет, кажется, для себя довольно славы, совершив с ним дело значительной важности и потом дополнив и делами М[уравьева]. Теперь важен будет выбор нашего представителя в крае их действия; я бы не удивился, если б твое известие о Н[иколае] Р[омановиче] оправдалось, оно имело бы смысл, но он этого искать не будет, а охотников, конечно, найдется довольно, хотя мало людей, сведущих в этом деле. Есть слухи о назначении военного г[енера]ла с причтом для обучения войска; не догадываюсь, по чьему совету, а по характеру наших сосе-

дей удивляет меня такая просьба с их стороны или согласие на предложение, если оно от нас сделано⁴.

Еще одно слово о вашем здоровье. Весьма важное обстоятельство: содержание желудка постоянно в свободном состоянии; тогда пиявки не будут никогда нужны. Жар внутренностей легко удалять прохладительным питьем из лимонов или апельсинов, под которыми вы гуляете. Креспор тартор* может их заменять с пользою, а при кровохарканье очень полезно выпить стакан воды, в котором развести ложечку чайную поваренной соли. Сколько я за собой замечал, то вижу, что очень часто припад-ки случались от обращения малого внимания на обстоятельства, казавшиеся малозначащими, и, след[овательно], при лучшем за собой надзоре могли быть предупреждены.

Побеседовав с тобой, милый мой Николай Дмитриевич, хочу также и с Зинушей поговорить. Для этого начинаю еще пол-листочка, не опасаясь, что письмо сделается от того дороже. Здесь я всегда плачу на почте за свои послания и думал потому, что вам не приходится за них приплачивать. От введения тобою тонких листьев цена за письма поубавилась, а только читать на сквозящей бумаге довольно трудно**.

212. Е. Н. МУРАВЬЕВОЙ ***

[Одесса, начало февраля 1859 г.]¹

Мадам,

Так как господин граф, ваш муж, был добр и прислал мне ваш адрес, я рассматриваю эту любезность с его стороны как позволение напомнить вам обо мне, и я спешу им воспользоваться. Я счастлив, что имею случай выразить вам, с какой радостью я узнал об успешном окончании работ, потребовавших необычных усилий, несмотря на трудности, которые представляет предприятие само по себе и которые были увеличены всякого рода препятствиями.

Победа, тем не менее, была полная, и признательность государя за оказанные услуги свидетельствовала о том,

* Соль Креспора (лат.).

** На этом письме обрывается.

*** Подлинник на франц. яз.

что он их сумел оценить. Титул графа, разумеется, не имеет большой цены, но прозвание Амурский в будущем будет постоянным свидетельством подвигов г-на графа, подвигов гораздо более достойных, чем те, которые обычно <...>* и которые измеряются количеством жертв.

Мирная экспедиция, которая не стоила жизни ни одному человеку, это единственный пример в истории. Итак, победа была полная, и вы, мадам, должны ей радоваться в душе.

Ваше здоровье еще удерживает вас вдали от г-на графа, и вы не смогли быть свидетельницей энтузиазма, с которым его встречали жители Иркутска, которые хорошо понимают все величие дела, совершенного генералом, и предвидят процветание, которое им обещает присоединение Амура.

Простите, мадам, что я так долго задерживаю ваше внимание на одном предмете; меня прежде всего извиняет мысль, что этот предмет вам только приятен**, и потом вам известна моя преданность вашему мужу, и вы знаете, могу ли я оставаться равнодушным, когда говорю о величии дела, им совершенного.

Благожелательность, с которой вы всегда относились к моей семье, обязывает меня, мадам, сообщить вам некоторые подробности о всех членах моей семьи. Моя дочь Александрина, здоровье которой не блестящее, со мной; я приехал с нею в Одессу, на которую ее муж переменил Киев; у нее дочь восьми месяцев, кроме двух мальчиков, о которых вы знаете. Лиза живет в Крыму со своим мужем. У них сын и две дочери, последней всего два месяца. Зинаида сейчас в Неаполе; во время своего пребывания в Баден-Бадене она родила сына, которого кормит сама, а ее старший остался в Москве на попечении бабушки. Последние известия от Зины нехорошие, ее муж заболел, но я надеюсь, что прекрасный климат Неаполя не замедлит исцелить его. Мой сын, естественно, со мной, он усиленно занимается, чтобы поступить в университет.

Заканчивая письмо, я прошу вас, мадам, принять уверения в моем уважении и преданности.

* Два слова не поддаются прочтению.

** Далее зачеркнуто: «близок вашему сердцу».

№ 48

Милые мои детушки! Письмо ваше от 9го н[ового] с[тиля] я получил и, слава богу, вижу из него, что здоровье моего Николая Дмитриевича совсем поправилось, что он собирался в Палермо до отъезда вашего в Рим¹. Поездка морем, я уверен, милый друг, была тебе очень полезна, особенно если погода была благоприятна. В Риме, говорят, воздух не раздражителен, и, след[овательно], там будет для тебя хорошо; только я полагаю, что вы там недолго проживете, т[о] е[сть] одну теплую весну, потому что с жарами и воздух там превращается из здорового в опасный; к тому ж, говорят, жизнь там сделалась очень дорога (это мне сказывал Миша Муравьев, из писем своей сестры). Продолжится ли спокойствие в этом крае и будет ли вам возможность довершить ваше странствование по предначертанному плану? Это вопрос, который под сомнением². Письмо ваше шло очень долго в сравнении с двумя последними; я его получил в 23-й день. Сообщил его, как всегда делаю, вашим сестрицам, и Кат[ерина] Дм[итриевна] велела сказать тебе, Зина, что она все ожидает обещанного тобой письма. Однако она собирается писать к вам на днях, а Варвара Дм[итриевна], однако, не будет, она бережет глаза, у ней они болят, не может выдерживать большого света, хотя ничего нет приметного; теперь настал пост и не будет бояться подвергать их сильному освещению, и отдых все исправит.

Вчера они заключили масленицу вечером танцевальным у Алек[сандры] Ник[олаевны] Моллер, сестры Ник[олая] Ник[олаевича]. Саша там пробыла тоже с час, оставила там Наденьку и воротилась домой к больному мужу, с которым я сидел в ее отсутствие. У него грипп довольно сильный, простудился, ездив со мною смотреть хутора для выбора на лето. Лиза уговаривала не нанимать хутора, а переехать к ним на лето в Саблы, но это устроиться не может по разным причинам, что мне очень жаль. Я с своей стороны думаю уехать к Лизе на страстную и святую неделю. Ваня будет тогда свободен от уроков, и можно будет нам провести там эти две недели. Саша не будет одна, вероятно, Н[иколай] Р[оманович] пе-

* Письмо писалось с перерывом.

реседет в П[е]т[ер]бург не ранее как после пасхи, так как только к этому времени ожидать должно перевода. Возвратившись от Лизы, буду ожидать вашего приезда и тогда уже с вами вместе съезжу опять к Лизе. Так полагаю, а впрочем, как бог даст, не всегда предположения исполняются. Из Москвы обещают мне посещение моей сестры, она сама не пишет, но ваша тетя уведомляет. Папа твой, милый Николай, пишет к твоим сестрам, что он уговаривает тебя прожить еще год за границей и не надеется успеть в этом. Понимаю, что не надеется, нас теперь ждет Сережа, сверх того, не имея дела, ездить из места в другое с одною целью — посмотреть, надоест. История, которую ты, Зина, вычитала в *Monde illustre**, очень забавна, только <...>** нет в Одессе, а в замену ее мы будем, кажется, осчастливлены посещением Люции Пасторна, она показывала себя в Киеве и, говорят, много собрала денег. Лиза писала, что она получила от тебя письмо, не помню, от какого числа, и затрудняюсь адресом, я послал ей ваш в Рим. У них в Симферополе были также веселья, как здесь, балы и *Spectacle de Société****, и в том в Одессе, кажется, страстны; с праздников было здесь до десяти таких представлений, из которых четыре на городском театре, три русские и одна французская драма. Только последняя не очень удалась, героиня не вызвала ни одной слезки, а смеху, говорят, было довольно. Я вместе с нашими слушал «Свадьбу Кречинского» и однажды два франц[узских] водевиля на частном театре. Все это и маскарады по субботам делается в пользу бедных. Даже жида (здесь их много, и очень богатые) сыграли пьесу французскую и русскую и выручили много денег; почти все из своего общества, чужим мало раздали билетов, кажется, не желали. Балов они не давали, а у некоторых богатых греков было несколько и самых больших, а балы *Costumés***** также очень здесь любят. Я знаю обо всем только понаслышке, ваши были на многих, Саша не ходила, а посылала только Надю. Я также был приглашен на один, к гр. Толстому, но, конечно, не был, да и он не ожидал, чтоб я принял приглашение. Этот Толстой мне внучатый брат и родной Голубцовой. Здесь

* Светские иллюстрации (франц.).

** Далее фамилия неразб.

*** Любительские спектакли (франц.).

**** Костюмированные (франц.).

еще у меня родственница, внучатая же сестра Гагарина за Соло[во]вым, у нее сын, очень порядочный молодой человек, и Ваня давно у них знаком в доме, а я недавно с ней познакомился. Она теперь едет за границу на 4 м[еся]ца и будет опять сюда назад. От Лизы сейчас принесли мне два письма, от 15-го и 19-го, видно, дороги дурны, что почты сошлись, и не мудрено, морозов почти нет, и грязь в здешнем крае бывает ужасная; недавно Петр В[асильевич] получил камень из Марсели³. От Севастополя до Симферополя его везли 5 ден по случаю грязи (25 верст). Лиза пишет, что в этот день последнее заседание Комитета, а здесь я слышал, что положение таврическое одно из лучших; усадьбы положено оценить полюбовно с согласием с крестьянами. Споров было довольно, но разумные люди превозмогли, особенно когда Давыдов и Шатилов были подкреплены приходом Васселя⁴, бывшего за границей. Сколько я слышал, то худшие положения петербургское и московское. Ну, теперь обниму и расцелую вас заочно при желании, чтоб эти строки застали вас в добром здоровье и чтоб впредь и помину не было о болезни. Храни вас господь бог своею милостию и все то, что вам драгоценно. Митю за меня расцелуйте. Саша, Ваня вас целуют. Федя кланяется. Христос с вами.

214. Е. И. ЯКУШКИНУ

Одесса, 5-го марта * 1859

Вслед за этим листом будет у вас Н[иколай] Р[оманович] и передаст вам записку вашу. Я еще из Киева послал вам ящик с вашими книгами, не знаю, получили ли вы его. В то же время переслал на ваше имя по почте квитанцию конторы транспортов, чрез которую отправлял. После узнали, что вы сами были тогда в Смоленске. Р[ебиндер] останется в Москве несколько часов, спешит к своему новому месту¹. Семейство пока остается здесь. Я также думаю о переселении, что вы могли видеть из письма, которое писал вам вчера мой Ваня. Если ему для поступления в Московский университет недостаточно будет выдержать здесь в Лицее экзамен или, пробыв несколько времени на 1-м здесь курсе, перейти в Моск[овский] университет без экзамена, то это расстроит все мои

* Зачеркнуто: «февраля».

расчеты и предположения, потому что Ваню тогда нужно будет представить в течение лета в Москву заблаговременно, чтоб он там успел подготовиться держать экзамен. На эти вопросы он ожидает от вас обстоятельного ответа в уверенности, что никто лучше вас этого не исполнит.

О брате вашем часто имею сведения от моей дочери, думаю, что чрез месяц удастся и самому его увидеть.

Будьте здоровы сами и со всеми вашими. Слышу, что Ив[ан] Ив[анович] очень болен, чему верю, потому что давно не имел от него писем.

Ваш всегда Трубецкой.

215. З. С. и Н. Д. СВЕРБЕЕВЫМ

Одесса, 28—29 марта 1859*

Думал начать это письмо поздравлением вас, милые дети мои, с наступающим праздником светлого христового воскресения, на которое, надеюсь, вы получите эти строки, и пожеланием вам сердечным встретить и провести его в добром здоровье и сколь возможно приятнее и, настроившись в этом духе, продолжать беседу с вами. Вышло противное, и приходится лишь сообщать вам грустную весть и рассказать горе, постигшее тетку и дядю Борхов и все их семейство. От 17-го марта С[офья] И[вановна] писала к Саше, что ее Саша очень больна. Тифозная горячка, непрерывный бред, слабость крайняя — все их пугало, и опасность была видимая. Пиявки на голове оттянули жар, но мало, пузырь со льдом не сходил с головы, холодная вода на животе, <...>** на всех возможных частях тела, внутрь хлор и камфара, все эти жестокие средства не облегчали положения. С[офья] И[вановна] писала, что пришлет депешу, как скоро Саше сделается лучше. Не получив никакой вести до 26-го, я в этот день послал депешу Жоржу, спрашивая его о состоянии здоровья сестры, промежуток 9-дневный нас беспокоил. Два дня прошло в томительном ожидании ответа, и сегодня депеша, что Саша скончалась. Жорж пишет: «Сестра скончалась во вторник (24-го) в два часа. Родители ужасно скорбят. Слава богу, здоровы». Какой удар для

* Письмо писалось с перерывом.

** Одно слово неразб., возможно, медицинский термин.

них! Из письма С[офьи] И[вановны] видно было, что едва ли она имела надежду сохранить дочь, но она духом тверда, и весь страх-ее был за мужа. Очень грустно за них, и дай бог, чтоб они оба перенесли этот удар! Еще 11-го марта С[офья] И[вановна] писала мне преддружеское, предлюбезное письмо, тогда Саша была еще здорова; она представляла мне, что чрез перемещение Н[иколая] Р[омановича] в Петербург и, след[овательно], скорого отъезда туда же Саши, мне не будет никакой ни выгоды, ни приятности проживать в Одессе, и она считает, что в Москве будет для меня всего удобнее как для воспитания Вани, так и потому, что там у меня сестра и другие близкие родственники и хорошие знакомые, что железная дорога будет доставлять возможность и Саше, и им, и другим родным приезжать навещать меня из Петербурга, и предлагала мне хлопотать о разрешении мне жить в Москве. Разумеется, я с благодарностью принял ее предложение и с первой же почтой ее уведомил. А следующая привезет мне роковое ее письмо!

Тяжело мне! Тяжело!

29[-е]. Письмо ваше от 20[-го] мы получили; я буду теперь отвечать на твое ко мне, любезный мой Николай, и, во-первых, успокою страх твой, что письмо Сергея Гр[игорьевича] (если я его получу) испугает меня. В этом отношении будь покоен, для меня достаточно основать мнение мое по всем том, что ты сам и Зина писали мне о своем здоровье. Собственный мой опыт убеждает меня, что шаткость его временная и что оно восстановится, если ты будешь соблюдать некоторые для того условия. Пользу лечения медикаментами я допускаю во всех случаях, когда нужно скорое пособие; но восстанавливается здоровье (по мнению моему) только отстранением причин, произведших болезнь, и постоянным приноровлением образа жизни к требованиям состояния, в котором находится наша организация. В этих случаях действительно статья может более разумнее советовать с гомеопатом, потому что эти господа более обращают внимания на все то, что касается жизни, нежели алопаты, выезжающие на врачебных своих составах. Исследования источника, из которого может происходить кровохарканье, не заключают для меня такой важности, как признаки, ему предшествующие и его сопровождающие. Наблюдая внимательно первые, можно предупредить, а противодейст-

ную последним, уменьшить или даже уничтожить болезненный припадок. Источник, из которого идет кровь горную, — всегда легкие. Раздражение в легких первоначальное ли, если происходит от раздражения других частей, с ними в прямом отношении состоявших, например, как ты говоришь, болезнью сердца или геморроиды; это можно и самому легко заметить. Геморроидальному кровохарканью всегда сопутствуют беспорядки пищеварения, иногда боль или только тягость в пояснице, в затылке. Всему этому можно заблаговременно помочь содержанием всех отправлений желудка в порядке. Если причина в сердце — избегать всякого волнения, могущего усилить кровообращение, горячих напитков, горячительной пищи и т. д. Непосредственное раздражение легких предупредится также предостережением дыхания от внезапных изменений воздуха от горячих и холодных питей или пищи. Само собою разумеется, что простуда во всех трех случаях вредна и ей не должно подвергаться, не допускать особенно ногам являть.

Извини за скуку медицинского трактата, в который я пустился. Извинение мое в том, что здоровье твое слишком для меня важно. Что ж касается до неправильного биения сердца, то я скажу только, что я и не запомню, с каких пор оно у меня не правильное, а с постоянным перебоем, а я живу и здоров.

30[-е]. Нелишним считаю прибавить, что в последний раз, когда у меня кровь показалась довольно в значительном количестве, она была остановлена очень простым средством, которое мне посоветовал Меринг и которое я уже сам почему-то раз употребил в Сибири: это вода с солью; на стакан воды чайная ложка соли; с этим вместе употреблял несколько магнезии с Креспором тартором для прохладения и расслабления желудка. Вот тебе, милый мой, дельный трактат медицинский.

Мы все очень рады, что вы довольны Римом и нашли там, с кем разделить время. Что ж, С[ергей] Г[ригорьевич] все еще нездоров, что остаться хочет? Пожми ему крепко за меня руку. Сестра твоя очень жалеет, что ей не придется видаться с Нелей, не надеется, чтоб письмо от нее где бы нибудь ее нашло. Мое письмо за № 47-м от 12/24 февраля было надписано еще в Неаполь, и потому 48-й дошел ранее¹. От Н[иколая] Р[омановича] нет еще писем из Петербурга, а была депеша, он приехал 22-го. Надень-

ка писала из Москвы, а там слышала страшную историю, будто бы гр. Апраксин, сын князя Эстергази, наделал в Париже фальшивых векселей или других бумаг и осужден в каторжную работу по законам Франции, которым наш государь предоставил его, так как преступление совершено там; что жена его живет в Брюсселе в крайней нищете. Она очень милая, неглупая и хорошенькая женщина; детей, кажется, четверо. Я жил с ними в Киеве на одном дворе. Он был тогда адъютантом у кн. Васильчикова. Он промотал значительное имение, вышел в отставку и уехал к матери в Вену, куда после поехала и жена с детьми. Отец его был с его <...>* сожжен крестьянами. Мать, конечно, будет хлопотать за него. Выручит ли? Плохую славу приобретают наши в Европе. Дома у нас, как некогда в Великом Новгороде, порядка нет, о чем, конечно, извещают вас из Москвы. Теперь предписано цензуре не пропускать ничего об откупках и об обществе воздержания, принимающих страшные размеры². Народ наш взялся за у[м] [как] нельзя лучше подрывать откупа. Начальство откупщиков дошло до высочайшей меры. Услышав от одного об невероятной прибавке откупной цены в начале торгов по некоторым губерниям, я заметил, что откупщики окажутся несостоятельными, и, получив возражение, спросил, на что же надеются? Разве на железные дороги, что работники пить будут? Получил в ответ: «на свободу крестьян». Вот как рассчитывают на общие бедствия и как содействуют благу Отечества! Слава богу, народ вразумляется и сберегает денежку на выкуп. На В[осточную] Сибирь надбавка с лишком миллион, торговался Кокорев, передал Бенардаки, а этот выдумал распространить на Амурский край, кажется, к счастью, не успеет в своем замысле**.

216. И. С. ТРУБЕЦКОМУ

[Одесса,] 15 апреля [1859 г.]¹

Вместо того чтобы мне здороваться с тобой, милый мой Ваня, приходится еще раз проститься дней на десять. Надеюсь, что твоя поездка была для тебя приятна². Погода, кажется, была во все время вашего плаванья тиха.

* Одно слово неразб.

** На этом письмо обрывается.

Не знаю, как будет для вас и для нас завтра, сегодня ветер силен. Ты найдешь на своем столе письма к тебе от Горбунова, а Федя на своем от Балакшина³.

Если тебя будут смущать насчет твоего экзамена, так как еще некоторые последовали твоему примеру и просят также разрешения экзаменоваться в мае, то ты этим не тревожься: Беков(?) сказал мне, что какое бы ни было принято для других решение, а о тебе уже перемениться не может, потому что оно подписано и им и Михневичем⁴. Следовательно, ты будь совершенно спокоен и приготавливайся с прежним своим старанием. Обнимаю тебя, а ты обними за меня Федю и кланяйся Ивану. Христос с тобой.

Когда получится письмо от Зины, то передай его для прочтения сестрам Николаю Дмитриевичу, а вероятно, и они получат, то желал бы я, чтоб ты у них осведомился о том, что будет писать их брат и Зина, потому что я уже не застану здесь Арнольди.

217. И. С. ТРУБЕЦКОМУ

Саблы, 16 мая 1859 г.

Милый мой Ваня!
Сегодня в $\frac{1}{2}$ 4 часа приехали мы на Алминскую станцию, и, пока запрягали лошадей, приехала Лиза с Петром, и Лиза взяла на дрожки Зину и отправились вперед, а мы за ними в карете¹. Выехали мы из Севастополя в 10-м часу после половины. А поздно так выехали потому, что туда приехали к нам на встречу Арнольди, вовсе неожиданно. Когда подъехали мы к пароходам, к пристани, увидели стоящих на ней Арнольди с женой и Кат[ерин]ой Дм[итриев]ной. Они прискакали на тележке, на которой для дам устроена была качалка, а Льва Иван[ови]ча совсем разбило. Церера шла медленнее обыкновенного, и в Евпаторию мы пришли только в 12-м часу; съездили на берег, посмотрели синагогу и мечеть и поспешили на пароход, потому что идти было <...>* в час. Так и вышли, а все же пришли на место не ранее 7-го часа. Митя на пароходе нашел себе приятелей: артиллерийского офицера, игравшего ему на фортепьяно чижику; другого толстого господина военного, служившего в форте

* Одно слово неразб.

Перовского на Сыр-Дарье и едущего на Кавказ; и старичка консула шведского, норвежского и австрийского в Мариуполе. Митя то у того, то у другого был на руках и не хотел звать никого более. В Саблах нашел всех здоровыми, только Саша не меньше кашляет, по крайней мере, так я нашел сегодня вечером, посмотрю, как будет завтра и другие дни.

Тебя все сестры целуют и просят уведомить их, если удачно выдержишь свой экзамен. Я, со своей стороны, надеюсь, что будет успех. Меня не пугает твоя неуверенность, сколько бы пугала самонадеянность. Дай бог тебе, милый мой, полного успеха, чтобы обнял тебя веселого. Христос с тобой, милый мой друг, до свидания в пятницу. Федю целую и надеюсь также, что он не ударит лицом в грязь. Петр Вас[ильевич] и Ник[олай] Дм[итрие]вич тебя обнимают, дети все целуют.

218. Н. Д. СВЕРБЕЕВУ

Одесса, 2 июня [18]59

С удовольствием принимаю предложение твое, милый друг Николай Дмитриевич, проехать прямо на пароходе в Ялту. Я чрез это исполню обещание, данное Арнольди и сестрам твоим, также Галаховой. Намеревались мы проехаться с Пет[ром] Вас[ильевичем], и, может быть, это и не удастся, за будущее отвечать нельзя; могут быть препятствия непредвиденные, хотя и малозначащие. Если там встречу с тобой и Зиной, еще приятнее будет. Это замедлит мой приезд в Саблы двумя или тремя днями, это правда, но это избавит также Лизу от посылки экипажа в Симферополь. Итак, я решаюсь на следующее: беру билеты до Ялты, пишу сегодня к Наталье Алексеевне¹, что буду там 13-го, она обещала приготовить помещение, хотя и на один день, но все же оно нужно; съезжу в Мисхор, посмотрю Алупку и отправлюсь в Саблы. Если же ты или вы там будете, то вместе уже решим, где и когда будем.

Из «Одесского вестника» вы видели, что здесь часто получают депеши о восточных событиях²; между тем получают также в <...>* депеши частные, и оне, в противность официальным, опровергают их рассказы.

* Одно слово неразб.

Е. С. ДАВЫДОВА, ДОЧЬ ДЕКАВРИСТА
Публ. впервые по фотографии 1880-х гг.
из частного собрания Давыдовых

Так, напр[имер], оспаривают, чтоб было возмущение в Милане, и исход сражения при Магенде. Оне утверждают, что это сражение не кончилось 4-го, но возобновилось 5-го и продолжалось 6-го, с обеих сторон приходили подкрепления, и, наконец, австрийцы заставили франко-сардин снова перейти за Тичино. Далее, что Гарибальди после взятия Комо был атакован и загнан в Швейцарию, где его отряд будет обезоружен. Говорят, что у нас сильная партия австрийская при дворе и что Австрия несколько не боится нашего нападения со стороны Галиции, в доказательство чего приводят, что и корпус, в ней стоявший, направлен в Италию³.

Я не успею сегодня писать в Ялту, уже час посылать на почту, а напишу с пароходом, письмо придет не позже как и с сухопутной почтой. Христос с тобой.

219. И. С. ТРУБЕЦКОМУ

Григорьевская, 31 июля, 10 ч. утра [1859 г.] ¹

До Перекопа мы ехали прекрасно, всего 12 часов. Вчера почти весь день стояли от несносного жара и в Каховке остановились опять на ночь, чтобы Саше отдохнуть, и Катя была очень криклива и плакала. Здесь хотим напиться чаю. Вероятно, ты нас нагонишь гораздо прежде Екатеринослава ².

[На обороте:] Князю Ивану Сергеевичу Трубецкому.

220. Н. Д. СВЕРБЕЕВУ

Москва, 14 августа [18]59

Сейчас получил письмо твое из Михайловского, милый друг Николай Дмитриевич, и так как мы были в Солнышкове уже 7-го, то там же и узнали все причины, по которым не нашли Зину в кругу семейства. Она приехала вечером, а мы уехали утром. Маменька и сестры ваши очень любезно приступали к нам, чтоб мы этот день также у них провели, представляя, что, может быть, и Зина приедет. Однако мы не решились и сделали хорошо, потому что Н[иколай] Р[оманович], приехавши в Москву в воскресенье рано утром, был бы в отчаянии, если б не нашел здесь Сашу. Я ожидал от него письма, уведомляющего о приезде в Ц[е]т[ер]бург, но еще не имею, сегодня, однако, должно получить непременно, иначе будет меня беспокоить мысль, что она неблагополучно приехала, так как она уехала не совсем здоровая, а в таком положении, в каком был у вас Митя в Екатеринославе. Из Солнышкова жду также с нетерпением, мне нужно знать, что Митя совсем поправился. Хочется, чтоб бабушка видела его во всем его блеске и убедилась, что он ни в чем не ниже Сережи, который в моих глазах оправдал все слышанные о нем похвалы, несмотря на то, что оне доходили до меня от пристрастных к нему лиц. Я готов верить, что Матильда ¹ вывезла лихорадку из Крыма, хотя и не знаю, как это объяснить, потому что там ее у ней не было, но я также поехал не совсем здоровый, а в Перекопе меня такая потрепала и оставила за собою последствия, заставившие меня даже и в Екатеринославе подумать, что я далее Харькова не уеду. Саша, разумеется, испугалась, однако я продолжал с нею ехать, а д

Харькове оказался совсем здоровым. Ваня же имел несколько приступов дорогой, а под конец — ежедневные; оба дня в Солнышкове, а в Москве каждый день.

Благодаря Катерине Александровне, Смирнов² поставил его на ноги, и третьего дня, и вчера уже не было приступов.

Сегодня пишется просьба в университет, и сейчас Ваня является с амуницией, которую ходил покупать: треуголкой и шпагой. Федя поступает в 1-ю гимназию, которая очень близко от дома, в котором мы теперь живем и которая, надеюсь, также близко будет от квартиры будущей. Я приостанавливаюсь еще насчет квартиры в уповании, что, может быть, возможно будет нам вместе с вами нанять.

На Никитской в доме кн. Голицыной смотрел вчера Ваня, и, может быть, можно бы было поместиться в двух отделениях, из которых одно в 480, другое в 550 руб. Для каждого есть особая кухня, но кухни Иван не хвалит. Я сам еще не видал. Это тот дом, где редакция «Русск[ой] беседы».

Вчера я получил письмо от Александра Викторовича, оно ходило искать меня в Сабы и писано 5 июля. <...>* Я самого письма не посылаю, потому что мне на него нужно будет отвечать и многое в нем еще не разобрал, ты знаешь, как он четко пишет. Чтоб послать к вам письмо, я ждал, что посланный из Солнышкова придет за ним, и думаю, что я вздор делал; не может быть, чтоб письмо, адресованное на вашу почтовую станцию, не дошло до вас исправно. Чижев каждый день спрашивает, нет ли вестей о вас. Письмо твое ко мне я перешлю к Саше. О деньгах я знаю только, что Ник[олай] Ром[анович] купил на вас акции железных дорог, воспользовавшись упавшей на них по случаю войны ценой**.

221. З. С. и Н. Д. СВЕРБЕЕВЫМ

Москва, 12 сентября [18]59

Вчера я писал к вам, след[овательно], вы не без известия от меня, милые друзья мои. Прибавить ко вчера сказанному о себе нечего¹. Все по-старому, даже и лихо-

* Опускается выдержка из письма, касающаяся Свербеева.

** На этом письмо обрывается.

радка. Сегодня был Смирнов и завтра обещал посмотреть Ваню во время пароксизма, который просил вытерпеть, прежде нежели примет лекарство. Пора кончить это дело, я боюсь, что болезнь так затягивается. Необходимо ее победить. Сегодня обрадовал меня посещением нежданный Евгений Петрович, он приехал с Свистуновым, были в Твери у Матвея Муравьева и возвращаются в Калугу. Он сказал, что Свистунов меня ищет, но, видно, не узнал, где я живу, и я по указанию Оболенского ездил искать Петра Николаевича в «Лондон»² и не нашел. Надеюсь, что завтра он меня отыщет, а Евгений придет пить кофе после обедни. Вечер долго сидел у меня Серг[ей] Григ[орьевич], ждал все Дмитрия Николаевича, обещавшего прийти чай пить. Но он не был. С[ергей] Г[ригорьевич] ждет Мишу с женой³. Лиза пишет от 28[-го], что все тетушки нет и получены для нее письма из Москвы и от княгини Мещерской, которая полагала, что сестра моя уже в Саблах.

Сегодня dokonчили вставлять рамы двойные, завтра будем топить печи. Обо всем, кажется, доносит Семен⁴. Смирнов мне хвалил дом, он его издавна знает и обещает, что будет тепел.

Вчера приехал царь инкогнито, т[о] е[сть] прямо со станции железной дороги.

Обнимаю вас за себя и Ваню, детей поцелуйте, и всем вашим от меня сердечное приветствие. Христос с вами.

222. Е. И. ЯКУШКИНУ

Москва, 19 октября 1859 *

Вы обрадовались, любезнейший мой Евгений Иванович, моему переселению в Москву, и я обрадовался получению от вас письма. Давно намерен был и сам писать к вам, но вышло, что я остался при намерении, а вы меня предупредили. Теперь отвечаю на ваш вопрос о Быстрицком¹. Я ему ничего не посылал за текущий год, потому что в то время, когда нужно было послать, не знал места его жительства и теперь еще не знаю. Знаю только, что он его переменял, и ожидаю от Марьи Казимировны известия, где он теперь находится. Он не должен быть далеко от места прежнего его пребывания, но все

* Помета Е. И. Якушкина: «Отв[ечено] 6 ноября».

же если послать не туда, где его можно найти, то все равно, что не посылать. И потому я решился дожидаться ответа на мой запрос². Двухсот рублей от себя я выслать не могу и должен [огра]ничиться* только половиною этой суммы, да дочь моя Лиза Давыдова передала сестре своей Зине Свербеевой 150 ру[б]. для артели же, и потому можно будет приложить из них к моим еще 100 ру[б]., что и составит 200 ру[б]., которые полагаются Быстрицкому. Прошлого года я посылал ему 200 ру[б]. по распоряжению покойного Ив[ана] Ив[ановича]³, так как я за 57-й год не делал вклада, то Ив[ан] Ив[анович] решил, что я за оба года следующие с меня по 100 р. доставлю Андрею Андреевичу. Буду ожидать вашего распоряжения и к тому времени, вероятно, узнаю о месте пребывания А[ндрея] А[ндреевича]. Теперь прошу вас уведомить, куда должны поступить 50 р., которые останутся от вклада Лизы.

Ваня подал прошение в университет тотчас по приезде, т[о] е[сть] в августе. До сих пор, однако, он еще не причислен, хотя попечитель лично сказал мне, что затруднений никаких не будет. Между тем разрешили ему посещение лекций. С** <...> он еще не познакомился, и по указанию вашему теперь ему это можно исполнить. После же ходит в 1-ю гимназию в 7-й класс. Лета не дозволяют ему быть еще принятым в университет, и не знаю, как будет, когда он выдержит окончательный в гимназии экзамен. Говорят, что впредь определится 18-летний возраст для поступления в университет, а ему не будет тогда и 17 лет.

Очень верю, что вы мало имеете свободного времени. Ваш министр требует, чтоб у него все кипело. И что Елена Густавовна⁴ оттого скучает, также верю. Это общая участь жен деловых людей. Правда, что и те мужья, которым нечего делать, также урывают много времени на английской клуб и подобное; что хуже тем, что оно по воле, а дело по неволе. Прошу вас засвидетельствовать ей мое почтение. Брата вашего я видел в Крыму; в день моего отъезда он приехал из Сак в Севастополь, чтоб проститься со мной и моими спутниками, но мы опоздали выездом, и он не дождался, нужно было на другой

* Кусочек текста оборван, слово восстанавливается по смыслу.

** Далее фамилия неразб.

день взять ванну. С тех пор имел о нем известия от дочери, а возвращается ли он зимою на север, не знаю; вам это лучше известно. Здоровье его очень поправилось, и если он после ванн уберется от простуды, то должен быть совершенно здоров. Прощайте на сей раз.

С. Трубецкой.

Вот мой адрес в Москве: У Спасса на Песках, Трубников переулок, дом Строиловой.

223. Е. И. ЯКУШКИНУ

Москва, 20 ноября 1859 *

Письмо ваше и вместе с ним полученное от Марьи Казимировны известили меня о месте пребывания Быстрицкого и дали мне возможность отправить ему назначенные деньги с первою после того почтою. Н. Щ.¹ я денег остальных еще не перевел, потому что они хранятся у моей дочери Свербеевой, а она теперь с мужем в Петербурге. Вы спрашивали, где они, теперь вы знаете. Они там ненадолго, чрез неделю ожидаю их возвращения. Мы живем с ними в одном доме. Из-за границы они вернулись в начале мая, нашли меня в Одессе, и мы все вместе провели все лето в Крыму у дочери моей Давыдовой; недоставало одного Ник[олая] Романовича.

Ряды наши редуют. Смерть косит и здесь и в Сибири. Правда, все уже пожилых и доживавших обыкновенный человеческий век, и жаловаться нельзя, а все-таки грустно. Вы знаете, что в Петербурге умерли Бриген и Валериан Голицын; в В[осточной] Сибири недавно Кюхельбекер и Бечаснов; первый ухаживал в то время сам за больным, а последний — простудившись при сооружении пароходов на Байкале. Эти известия переданы мне П. А. Горбуновым, продолжающим жить в Иркутске и который устраивал тогда с Петрашевским погребение Влад[имира] Алек[сандровича] в монастыре между могил Муханова и Панова².

От Евгения П[етровича] я получил на днях. Он пускается в метафизику по случаю обмена между нами нескольких слов** об университетском образовании³.

У них Шамиль⁴ ездит по балам и вечерам и проси-

* Год дописан другой рукой.

** Так в подлиннике.

живает до поздней ночи. Кто-то пропустил у них слух, будто бы Шамиль не кто другой, как Александр Бестужев, что заставило О[боленского] вглядываться в него пристально и, наконец, убедиться, что сходства нет. Е[вгений] П[етрович] дивится сам своему легковерию. Александр Викторович в Торонто, вы это знаете, потому что он недавно писал вам оттуда. Кажется, он скоро оттуда выедет; мне не велели писать более туда, а ждать от него вести. Куда поедет, сам еще не знает, на юг или в Сибирь. Все манит его благородный металл, хотя он и довольно уже дорого нам с ним стоил.

О брате вашем ничего не знаю, видно, мои давно его не видели. Я их спрашивал и жду ответа.

Страшны наши губернские города; много есть похожих на ваш, часто слышится отзыв, что не с кем слова перемолвить.

Вчера проехал в Петербург из Нижнего брат вашего министра⁵, но я не мог его увидеть, узнав позднее о его проезде.

Вам и всему вашему семейству желаю доброго здоровья.

Т[рубецкой].

224. М. И. МУРАВЬЕВУ-АПОСТОЛУ *

[Москва,] 12 декабря [1859 г.]¹

Возвращаю вам, дорогой Матвей, прилагаемые при сем две тетради, которые вы мне одолжили на днях. Тетрадь Як[ушкина]² пока остается у меня.

Поджио сегодня утром не приехали. Очевидно, они не захотели уезжать ночью, но во всяком случае я их жду сегодня вечером. Надеюсь, что они будут не очень утомлены, чтобы не отозваться на приглашение вашего гостя, и, следовательно, надеюсь, что буду завтра обедать у вас. Со мной будет моя дочь.

Тысяча пожеланий всем вашим и сердечное Shake hands** вам.

Сергий Тр[рубецкой].

Скажите, в котором часу у вас обедают? В 4 или в 5?

Адрес: Матвеем Ивановичу Муравьеву-Апостолу на Малой Дмитровке в доме Бибиковой³.

* Подлинник на франц. яз.

** Рукопожатие (англ.).

Москва, 22 дек[абря] 1859

На письмо ваше от 15-го не могу отвечать положительно о Кирееве¹. Знаю то же, что и вы, и из того же источника, а М[ария] К[азимировна] знает из <...>* уведомления о его приезде в Тверскую губернию, где у него брат или близкий родственник, как говорит Алекс[андр] Викт[орович], в Осташкове. По письму вашему я советовался с А[лександром] В[икторовичем], и мы согласились с ним, что всего вернее выслать деньги для минусинских чрез Василия Кирилловича Падалку, губернатора енисейского, хотя можно и на имя Костровой, очень верно, но также не знаю я имени, и может быть, что ее муж переменил место². Падалка человек надежный и распорядительный, будет все доставлено, кому следует, исправно и без замедления.

Если Киреев собрался уехать, то, конечно, уехал по распутию, и тогда деньги не могут его застать на месте. Падалку можно просить на этот случай навестить вас и возвратить деньги, если вы не дадите мне в том же краю никого из поселения³. Во всяком случае, оне не пропадут.

Я вам похвалил Поджио, он теперь здесь, на несколько дней, в нерешимости еще, куда направиться, на юг или на восток. В обе стороны имеет дело.

Я слышал, что вы жалуетесь на здоровье. Что с вами? Это меня беспокоит, и надеюсь иметь лучшие известия.

Проводивши А[лександра] В[икторовича], я собираюсь съездить недели на три в П[е]т[ер]бург. Если в течение этого времени будете писать ко мне, то адресуйте по прежнему примеру, как до сих пор, в Москву, а мне перешлют, если буду еще в отсутствии.

Трубецкой.

226. З. С. СВЕРБЕЕВОЙ

С[анкт-]Петербург, 2 февраля [18]60,
вечер

Доехал благополучно¹. Пурга преследовала не далее Твери, а тут нашел тихую погоду, небо выяснело, и ночь была холодная. Однако в топленном вагоне не озябли.

* Одно слово неразб., возможно: «моего».

Опоздали около двух часов. Припасы, данные тобою, моя Зинуша, на дорогу, остались в целости, а калач съели сегодня у Саши за вечерним чаем. Саша, слава богу, довольно хороша, поутру я нашел ее бледною, на кашель нельзя слишком жаловаться, только раскашлялась, рассказывая мне довольно долго. Дети здоровы, только кашляли, и Коку не смела Саша выпустить. Сегодня грязь, гулял Сережа один по солнцу и порядочному морозу. Котик бледна и слабенькая, она, кажется, ничего не приобрела в это время и на мои глаза несколько слабее; это приписывают тому, что она на днях нездорова была. Брат мой был у меня до обеда, а после я ездил к нему и видел только мать и дочь, т[о] е[сть] Лину², откуда проехал к Доли; она приняла меня, лежа на кушетке, отдыхала от усталости, была на двух балах и представлялась Александре Иосифовне, жаловавшейся ее мужу, что она не хочет ее знать. Доли сказала мне, что вчера она видела Эденауера и спросила его о Саше как о посторонней для нее. Он сказал, что Саша поправляется сверх его ожидания, что если она не подвергнется нечаянной простуде, то он может поручиться, что, прожив год в жарком климате, она совершенно выздоровеет. Можешь представить себе, как мне радостно было это слышать. Она сказала ему, что Саша ей двоюродная сестра и что она ею интересуется; тогда он пояснил, что в субботу он слушал ее грудь и нашел, что ранки в правом легком совсем зажили и что в левом идет также к тому. Насчет поездки за границу вот что участь решило. Саша боится, и, разумеется, также и Ник[олай] Ром[анович], дальнего пути в марте месяце, и решились ехать за границу только в мае, пароходом. А в марте поехать в Москву, где пробыть до мая. Одна ли? С детьми ли поедет? Этого еще не знаю. Из этого выходит, что я на первое время не буду нужен, а разве только на следующую зиму, почему мне и нечего теперь хлопотать за себя.

По университетам есть перемена: студенты вне университета не обязываются быть в мундирах, а могут носить партикулярное платье. Может быть, это уже теперь известно в Моск[овском] ун[иверсите]те, и Ваня это знает. Доли мне сказала еще, что по крестьянскому* вопросу говорят ныне, что будет положено, чтоб крестья-

* В подлиннике: «крестьянского».

не и помещики решались между собою добровольными свободными сделками.

Дмитрия³ я не видал, его не было дома, а поручил Доли сказать ему, что Н[иколай] Д[митриевич] думает быть не ранее поста. Она заметила, что на масленице начала думать делать какое-либо дело.

Обнимаю тебя и целую вместе с детьми и твоим мужем, также и Ваню. Христос с вами.

227. Н. Д. СВЕРБЕЕВУ

[Москва], 28 февраля [1860 г.]¹

Посылаю вам две бумаги, полученные от Поджио², из которых одну вам нужно подписать поручителем за Ларису Андреевну. Она была прислана от Дарагана³ через час после вашего отъезда. Возвратите их с Летом⁴, которого мы посылаем к Борху и который будет назад к нам через несколько дней. Формулу подписи вы найдете на печатном клочке.

Гаврила Степанович просит напомнить вам, что он просил вас достать ему все части протоколов редакционных комиссий. Он думает, что в этом может вам помочь кн. Андрей Васил[евич] Оболенский⁵, которого он также просил и которому это легче сделать.

У нас все здоровы, и дети в эту минуту бегают и шумят в столовой. А на дворе пурга.

Порадовал очень ты нас, любезный мой друг, добрыми вестями о Саше. Не выдавши ее зимой, ты вернее мог судить о перемене, нежели я, который видел ее второй раз скоро за первым. К Саше не пишу и прошу ей сказать, что мы все здоровы.

Обнимаю тебя от души.

С. Т[рубецкой].

Н[иколай] Р[оманович] просил, чтоб прислал ему записки Державина⁶; посылаю с Шапошниковым⁷ четыре части «Русск[ой] беседы», прошу доставить ему.

Москва, 29 февраля — 1 марта 1860 *

Это доставит вам г. Лет. Он должен был уехать вчера, но остался за пургой и сегодня еще Дм[итрий] Ник[олаевич] советовал ему остаться, потому что погода мало изменилась. Сомнительно, чтоб Шапошников прибыл к вам без большой остановки. Лет желает, чтоб вы его представили графу Борху. Я дал ему к нему письмо и просил снабдить его доверенностью, упомянув, что если нужен образец, то у Лета есть копия с доверенности, данной от опекунов Волконских управляющему. Я пишу графу тоже, что вы можете удостоверить его, что о Лете мы имеем очень хорошие отзывы от знающих его.

Зина сама будет писать и даст отчет о себе и детях. Митя совсем здоров, а Сережа по временам тосклив, только важного ничего нет.

Гаврила Степанович собирается ехать в среду, но его уже извещали выехать до места. Вчера очень сердился за известия, данные вами, сначала не хотел верить, но получили подтверждение¹. От вас жду подробностей о Н[иколае] Н[иколаевиче] и до получения их запоздняю ответом Я[кову] Дм[итриевичу]. Я ничего не знал, что в городе делается, сидел все дома, на дворе такая гадость, что не привлекает к выходу на улицу.

Зина была на лекциях физики и у Мелинари (?), осталась обоими довольна². На последнюю она ездила с сестрой моей и вечером сестра была у нас, и завязался разговор об этой лекции. Дамы отзывались довольными, Дм[итрий] Ник[олаевич] говорил, что профессор очень мило говорил, а Рябинин³ уничтожал его и называл его лекцию пустою, а его шарлатаном. Очень горячо вооружался.

Арнольди опять хуже, нежели был, да и Софья Дм[итриевна] не так хороша эти дни. Варвара Дм[итриевна] совсем истомилась.

Вести ваши о Сашеньке порадовали, дай бог вперед слышать такие же.

Дуэль был, кажется, здесь уже без вас⁴, вы читали описание его в ведомостях. Не читали только, что священник не принял его в дом и не пустил в церковь. Секунданты несли на руках, а к[н]. Гагарин отморозил ру-

* Письмо писалось с перерывом.

ки. Все теперь по гауптвахтам. Жена Певцова сказала родственнице своей, что муж хочет драться, эта уведомила полицию, с Бельского взяли подписку, что не будет, он уехал, но вернулся под чужим именем. Умиравшего привезли к Александру Лопухину, где жил Гагарин, секунданта. Третьего дня хоронили. Хоронили также Леонида Голицына; у него был, кажется, удар, и он сам лечился, жил дня 3 или 4.

Дело, по которому в Харьковском университете и других захватили студентов, по переданным мне словам, тучками * пустое, не знаю, как смотрят на него в П[е]т[ер]-бурге, т. е. в известном отделении⁵.

1-е марта. Детки сегодня спали хорошо и здоровы, и Зина снова расцвела. Погода потише, авось худая совсем пройдет. Пожалуста, передай приложенное кн. Софье Григорьевне и Сашеньке.

Надеемся, что г. Лета представишь графу и заверишь, что имеем о нем хорошие отзывы.

Обнимаю от всего сердца и надеюсь, что здоровье тебе не изменит.

С. Трубецкой.

Сейчас привез жандарм письмо от Я[кова] Д[митрие-
вича], он кланяется. Адресуясь к тебе, говорит: Пишите, ради бога! Николай Дмитриевич, вы обещали. На здоровье не жалуется, а иногда хандрит. Письмо от 10 февраля⁶.

229. Г. С. БАТЕНЬКОВУ

Москва, 19 марта 1860

Письмо ваше, Гаврила Степанович, дошло, хотя не слишком скоро, но, однако, 13-го. Выходит, шло только пять дней от Калуги до Москвы, или по 32 версты в сутки. Ну да как бы ни было, а я его получил и очень рад был видеть в нем, что все ваши опасения в отношении предстоящего вам пути оказались преувеличенными и вы доехали до места спокойно и благополучно. Большое количество снега только умягчило для вас дорогу, а между Петербургом и Москвою сделало противное, езда по железной дороге прекращалась совершенно на несколько дней, и так как снег продолжает выпадать, то ежедневно

* Так в подлиннике.

З. С. СВЕРБЕЕВА

Публ. впервые по фотографии начала XX в.
Дом-музей декабристов, Иркутск

поезды* опаздывают. Третьего дня приехала ко мне дочь моя Сашенька, муж проводил ее и вчера уже уехал обратно. Не знаю, как скоро туда доедет, а в Москву они ехали вместо 22-х часов 32 часа.

Книги ваши мы все это время искали без успеха. Вчера Ваня сказал мне, что есть случай послать их вам чрез директора калужской гимназии, и это заставило нас искать усерднее. Сей час я их нашел за комодом в вашей комнате; оне завалились туда, вероятно, незаметно, когда укладывали ваши вещи. При этом письме оне и пересылаются. Сестра моя и ее муж благодарят вас за исполнение их поручения. А мои все и все, что к семейству

* Так в подлиннике.

Свербеевых принадлежат, все вам кланяются и желают здоровья и приятного препровождения времени и встречи светлого праздника. Мы вас заблаговременно поздравляем, может, не удастся вовремя написать. Больные в семействе Свербеевых не поправляются, Сонечка¹ все крепко больна, а об Арнольди не знаю, что и сказать вам; он ежедневно слабеет и доживет ли до праздника, бог знает. Сам Овер² не смеет ничего верного сказать. Зина исполнит ваше поручение насчет сетки, только сегодня еще не может ее послать.

Вы нас благодарите за дружеское гостеприимство, а мы благодарим вас от души за ваше посещение, оно также будет эпохой в нашей жизни. Желали бы, чтоб пришло вам на мысль возобновить его в непродолжительном времени.

Оболенскому и Свистунову пожмите за меня руки, не забудьте и молодого Подчасского³.

Слухов московских вам не передаю, мало есть таких, которым можно верить.

Преданный вам душевно Трубецкой.

230. Г. С. БАТЕНЬКОВУ

Москва, 20-го апреля 1860

Простите, что до сих пор не ответил на приветствие ваше, посланное мне 8-го апреля. Извинений никаких не представляю, важных причин не было, а то, се, другое, третье, и день почтовый пройдет и не увидишь. Сегодня пишу другие письма, к стати, и к вам, не разбирая, что не нынче к вам идет почта. К тому ж, вероятно, письмо пройдет день-другой лишний и боле того, когда дорога была еще недавно непроходимая в вашу знаменитую Калугу. Сергей Григорьевич четыре дня как приехал в Москву и сказывал, что хотел свернуть к вам из Малого Ярославца, но, получив уверение, что проехать в Калугу нет возможности, вынужден был отказаться от удовольствия увидеться с вами до отъезда своего за границу. Непоявление до сих пор в Москву молодого Подчасского подтверждает известие Волконского. Поджио до сих пор не может пробиться чрез 15 в[ерст], отделяющих его от железной дороги.

Вы спрашиваете о делах В[осточной] Сибири — они

пока in status quo*. Ожидают возвращения графа из Франции, и тогда все будет порешено в Комитете. Он, кажется, однако наверное, вопреки объявленного нам намерения, возвратится еще в настоящем его звании к своему месту, по меньшей мере до следующей зимы. Высочайшим лицом принят был хорошо, и предположения его одобрены, но чем разрешится по собрании Комитета, узнаем в свое время, расположение же большей части правительственных лиц известно¹. Друзей не много; о Спешневе знаю от Бюцева, что он скоро по приезде в столицу уехал в Псковскую губернию, из чего заключаю, что слух вам не верен, хотя вчера мне тот же слух передала Лизавета Петровна Нарышкина. Нет никакой причины, и сам он, конечно, не дал повода против себя². О Львове и Петрашевском также почитаю ложным³.

Письма Наталье Дмитриевне в день получения передал. Она недавно начала выезжать, все жаловалась на лихорадку. Погода была у нас все хорошая, но с новолунием изменилась, и в эту минуту дождь льет ливнем. Еще не было такого, а только ветер и воздух холодный попеременно с дождем, снегом или градом. Оболенскому отвечу в другой день, а теперь пожмите ему и Свистунову руки.

Адрес: на Дм[итровке] у Неополимой купины, в Долгом переулке, дом Григорьевского.

Депутаты, говорят, разъехались из П[е]т[ер]бурга, а потому скоро вы узнаете от кн. О[боленского], что там делалось, а здесь, рассказывают, была большая размолвка между Паниным и Комиссией⁴. Это худо уже тем, что должно затянуться дело, а, право, пора бы ему разрешиться.

Саша моя все в одном положении. У Свербеевых тоже перемены к лучшему нет, Софья их очень страдает. Варвара Дм[итриевна] тихо и кротко сносит свое горе, но здоровье ее пошатнулось, хочет ехать к Троице⁵, да туда поехала великая княгиня и, я думаю, выждет ее выезда. В Москве это время все свадьбы. Все мои вам усердно кланяются.

Трубецкой.

* Положение, существующее на определенный момент (лат.).

[Москва, май 1860 г.]²

Вакару. Пензенск[ая] губ., чрез г. Саранск; в имение графини Борх, село Большой Вьяс.

М[илостивый] г[осударь] Андрей Давыдович.

В бытность мою в С.-Петербурге я имел удовольствие познакомиться с супругой вашей, и гр[аф] А[лександр] М[ихайлович]³ сказал ей тогда, что я намерен с сыном моим в течение нынешнего лета посетить наше пензенское имение, и она обещала приготовить нам помещение в занимаемом вами доме, так как в нашем имении нет никакого удобного жилища. После того граф письменно просил вас сделать соображение, каким образом можно будет устроить наше имение при ожидаемом * освобождении крестьян, чтоб когда я с сыном приеду, то мог бы получить от вас некоторые данные для основания на них своего мнения.

Новый порядок вещей требует разумной деятельности человека, знающего хозяйство, и кажется, что я такого нашел в соотечественнике вашем г-не Лете, который доставит вам это письмо и которого я покорнейше прошу вас принять ** в доброе ваше расположение. Не откажите ознакомить его с местными обстоятельствами нашего имения и собственными вашими соображениями. Советы ваши по знакомству вашему с краем будут ему полезны на то дело, которое он предпринимает. Я с сыном не замедлю последовать за ним и иметь вскоре случай лично благодарить вас за прием, который вы ему сделаете, и за труд, который вы приняли для нас по желанию графа Борха.

С совершенным почтением имею честь быть в[аш] п[окорный] с[луга].

232. А. С. РЕБИНДЕР

[Москва], 1 июня 1860 г.

№ 2-й

Долго ожидал я письма от вас из Любека или из другого в Германии города и наконец получил письмецо твое, милая моя Сашечка, и от Ник[олая] Ром[ановича]

* Далее зачеркнуто: «новых порядках вещей».

** Далее зачеркнуто: «благосклонно».

тоже. Девять дней нужно им было дойти до Москвы, не понимаю, почему так долго. Вы шли морем менее трех дней, а между нашими обеими столицами одни сутки, по этому расчету надобно бы было получить не далее как в 5-й день. Вчера благодаря тетушки твоей Софьи Ивановны я узнал, что вы пробыли в Любеке 5 дней, оттуда проехали в Дрезден и, отдохнувши там, направитесь в Соден¹. Она уведомила меня депешей, и я поспешил тем же путем уведомить тетушку Лебцельтерн в Париже. Она писала мне, что непременно хочет тебя видеть, и спрашивала, где может с тобой встретиться на пути ~~сверс~~ в Берлин, куда намерена была отправиться 3/15 июля. Не зная еще, где вы будете, я отвечал ей письмом в уверенности, однако, что оно ее уже не застанет в Париже, а на другой день, получив депешу от Софьи Ивановны, передал ее содержание, и Зинаида Ивановна получит, таким образом, до выезда своего, что может вас найти в Содене. Теперь и я, зная, куда к вам писать, могу уехать в Пензу. Только будут долго же ходить туда ваши письма и мои к вам, это большое лишение. Дай бог в замену его получать добрые о вас вести. Дай бог знать, что твое здоровье поправляется и также Николая Романовича. Ему также очень нужно восстановить свое здоровье и не иметь причины жаловаться так часто на него. Может быть, ему также советовали пить воды в Содене, где так много разных источников. Это, вероятно, я узнаю из первых ваших писем, и также, что для тебя советовал положительно Вальтер или кто другой, к чьему совету вы прибегали. Вероятно, Соден предписан не на все лето, что же после? Зина говорила, что когда они были в Содене, то там было очень жарко. Будет ли так в нынешнее лето и как будет действовать на тебя. В Крыму для тебя жаркие дни были тягостны. Ты писала, что хорошо перенесла морской переезд, депеша от вас говорит, что он был неприятен, Николай Романович пишет, что было холодно и сыро, чему я верю, и что никак нельзя было уберечь тебя от простуды, следствием чего лихорадочный припадок, что меня также не удивляет, особенно при умножившемся расстройстве твоего желудка. Должен полагать из твоего письма, что это состояние прекратилось, и слава богу. Первые ваши письма из Содена мало мне объясняют, нужно некоторое время, чтобы убедиться в пользе избранного места, и пото-

му думаю, что положительного я смогу ожидать не ранее, как недели чрез две, и с отсутствием моим из Москвы это составит до трех недель. Много времени потратить нельзя.

Зина уехала третьего дня с своими ребятишками и твоей Катей. Все были здоровы. Катя очень поправилась и сделалась даже очень обходительною. Сурового взгляда, как бывал у ней в Петербурге, никогда на лице ее не видно. Одна странность, что она не говорит, очень трудно от нее получить какой-нибудь ответ, между тем когда ходит гулять, то беспрестанно разговаривает с своей няней, и целый день язычок ее в движении, только для какой-то болтовни, никому не понятной. Завтра они будут в Сетуше², потому что на каждую ночь будут останавливаться в Серпухове, Туле, Мценске, оттуда до них 40 верст. Лиза уведомляла, что они выезжают из Одессы 1-го июля, пускаются по Дунаю, и писать заказывает в Вену, *Poste restante*, там двинутся, куда повезут. Не может быть, чтоб их всех послали в одно место, особенно если с ними Соня и Ник[олай] Вас[ильевич]. Конечно, они будут также недалеко от берегов Рейна, и ты с Лизой не замедлишь увидеться. Письмо к ней я посылаю в одно время с этим и пишу, что вы будете сначала в Содене, только встанет ли оно ее в Вене? Дядю Борха, полагаю, она видела в Дрездене; куда он оттуда поехал, Жорж, проезжавший здесь третьего дня, еще не знал. Тетушка уедет из Петербурга в Загевольд³ не ранее как после 15-го, к тому числу должна получить деньги, которые намерена выслать Зине. Боятся все ее близкие, что она соскучится в Лифляндской деревне, и тогда может возобновиться болезнь, приходящая к ней обыкновенно летом. С нею только Ольга и Виктор⁴. Сестра моя еще не знает, что будет делать летом, это будет зависеть от времени и срока отпуска ее мужа. На днях были у нее Ланские проездом в Симу и очень уговаривали меня принять приглашение их сестры Голицыной заехать в Симу на возвратном пути из Пензы. Может быть, я это сделаю, крюк небольшой, из Владимира надобно будет повернуть на Переяславль и Троицу Сергия. А сюда надобно же заехать, не прощается никому, бывшему в Москве, не заехать помолиться в Лавру и к соименному моему святому. Варвару и Катерину Дм[итриевну] ждут оттуда сегодня или завтра; Соня, их сестра, теперь больше в тихом расположении, но страдает.

Лиза Урсова в переменном, однако на днях приглашала меня и Зину обедать, и сама обедала сидя. Фокла лежала несколько дней в постеле. Она обе тебе кланяется, так, как и все Свербеевы и Подчасские. Бестужевы уехали в деревню⁵, Наталья Дм[итриевна] тоже. Москва очень опустела. Погода настала хорошая, и дни последние были жаркие. Вчера я с Ваней обедал у Нонушки, она просила о тебе известий и велела тебе сказать, что крепко тебя целует. Я тоже крепко тебя обнимаю и целую и деток твоих. Ник[олая] Ром[ановича] обними за меня. Наденьке тоже сердечный поклон и напоминаю ей обещание писать о вас подробности, которыми тебя затруднять не хочу и о которых Н[иколай] Р[оманович] не подумает. Ваня тоже ей кланяется и вас всех обнимает. Забыл назвать Трубецких, они, то есть одни барыни, еще здесь и едут в пятницу, он уже уехал ранее.

Христос с тобою, друг мой милый, и со всеми вами.

233. З. С. СВЕРБЕЕВОЙ

Москва, 5 июня 1860

Как видишь, милая моя Зинуша, я еще не уехал. Причина следующая: в четверг вечером я получил депешу от тетушки твоей гр. Борх, что денежные дела ее кончены и она на следующий день вышлет тебе на 28 200, а меня просит подождать до подробного письма от нее, которое я получу в субботу. Вчера я действительно получил это письмо, в нем было приложено другое к Дмитрию Николаевичу, которого она извещает о высылке билета Коммерческого банка и просит о возвращении ей заемных писем. Просит меня переслать это письмо к Дм[итрию] Ник[олаевичу], что и было исполнено вчера чрез Варвару и Катерину Дмитр[иевен], уехавших в Солнышково. Между тем извещает меня, что билет послала на мое имя 2-го числа июня. Вчера я прождал повестки и сегодня еще жду, до сих пор не получил. Посылал на почту и узнать ничего не мог, так как сегодня воскресенье. Вероятно, и сегодня не выехать. Тетушка просит, чтобы ты прислала ей расписку в 800 руб. с капитала и 145 руб. с процентов на капитал 29 т[ыс.] за один месяц, то есть с 1-го мая по 1-е июня. Пошли к тетушке в Петербург, хотя она уже завтра хочет быть в Загевольде. Я, получив билет, тотчас

же ее уведомлю. Теперь это дело кончил; обращаюсь к Саше. Тетушка пишет*: «Мой муж, который совершил поездку из Берлина в Дрезден с Ребиндерами, мне много рассказывает о Саше. Он ее нашел очень слабой, д-р Вальтер высказывается против путешествия в Пиренеи как раз по причине этой большой слабости и настаивает на том, чтобы она сначала отдохнула, а потом он хочет попробовать лечение в Содене, столь эффективное в подобных случаях. Мне кажется, что все это более разумно, чем то, что решил ваш лечащий врач при отъезде Саши».

Ник[олай] Ром[анович] и Наденька пишут в том же смысле, их письма от 6 и 8 нов[ого] ст[иля]. Сашу ослабил понос, усилившийся до кровавого; ей было уже лучше и надеялись скорого прекращения.

Вчера я видел Марью Алекс[андровну] Дорохову. Она явилась третьего дня вечером и прислала мне сказать вчера утром. Остановилась в доме Натальи Дм[итриевны]. Я нашел ее с Ниной¹ и женихом, молодым очень офицером, небольшого роста, тоненьким, с пучком волос курчавых на голове. Тут был и Ваня, напоминающий очень отца². М[арья] А[лександровна] сегодня хотела уехать в Марьино и завтра воротиться, а послезавтра ехать в Пе[тер]бург увидаться с отцом³ и оттуда на 6 ч. [в] Эзель купаться в море. Отпуск имеет на 6 месяцев и дано денег тысячу с чем-то рублей. За нее теперь управляет Марья Карловна⁴.

Надя Ребиндер пишет, что в Берлине они встретили Мадейских мужа и жену и видели Федоровича. Состояние Сашеньки внушало опасение, да и не могло быть иначе при ее слабости. Но эта слабость единственно от состояния желудка, почему я и надеюсь, что ее одолеют. Кашель же не так ее беспокоил⁵.

Вот тебе расписка Мебеуса⁶, Маша взяла два портрета, за которые сама хотела заплатить, Саши портрет попытаюсь завтра послать, а один остается у меня.

Вчера была у нас сильная гроза и долго продолжалась. С утра уже Соня была беспокойна⁷, а когда началась гроза и во все продолжение ее большая была тревога. Сегодня она спокойна и занимается вырезыванием ри-

* Далее в подлиннике текст в кавычках на франц. яз.

суночков и поклеиванием их на дощечке, делает игрушки из этого и намерена поставлять их в лавку игрушечную для продажи в пользу бедных. Определяет 75 ко[п.] за игрушку. Я видел домик и церковь. Прислал это брат из Риги, и пишут, чтоб еще прислал, не надеясь найти здесь.

Здесь Александр Ива[нович] Арнольди⁸. Он рассказывал, что государь рассматривал все дело Унковского в Совете и, не найдя его ни в чем виновным, приказал возвратить⁹. Унковский писал письмо, в котором объяснял свои действия; но милости никакой не просил, сказал только, что время когда-нибудь его оправдает, и заключил письмо просьбою, чтоб государь не отступал от своего намерения освободить крестьян с поземельною собственностью.

Все эти дни я посещал Катер[ину] Алек[сандровну] и был почти всегда с Арнольди и Чижевым. Однажды читал некоторые статейки покойного, которые намерены напечатать¹⁰.

Сегодня прошусь с вами, милые друзья мои, а завтра прибавлю — уезжаю или нет. Все зависит от присылки билета. Расцелуйте за меня детей.

6-го. Билет получен, я оставил его у Катерины Александровны. Она теперь пишет об этом Дмитрию Николаевичу. А тетушку я сей час уведомляю о получении и передаче¹¹.

[Приписка сбоку:] Сей час был у ваших. Ф. И. Иноземцев¹² остался доволен больною. Гроза нынешняя прошла для нее незаметно. Правда, она была непродолжительна, однажды два удара крепких.

[Приписка на первом листке:] Обнимаю вас, милых друзей моих, за себя и Ваню. Поцелуйте за нас деточек. Христос с вами.

234. З. С. СВЕРБЕЕВОЙ

Саранского уезда Большой Вьяс, 14-го июня 1860-го

Милая моя Зинуша! Ты, конечно, уже получила письмо, писанное мною к тебе с Александрой, из которого узнали вы, что тетушка совсем с вами расплатилась и билет на известную вам сумму передан мною Катерине Александровне. Она с своей стороны тотчас уведомила о том Дмитрия Николаевича, прислала ему письмо графини, и он, вероятно, с своей стороны также покончит

с нею высылкою заемных писем на имя г. Витте¹, как тетушка назначила. К тебе я также писал, что она просила, чтоб ты выслала расписку в получении денег 945 р., и, я полагаю, ты не замедлила этого сделать. Окончание этого дела замедлило, как ты знаешь, отъезд мой из Москвы; мы уехали только в понедельник, 6-го вечером в 10 часов; ехали за тяжелой сибирской почтой, под которую запрягали по восьми телег, и это задерживало нас на станциях лишнее время, отчего мы приехали в Вязники только в среду 8-го утром. Жаркий день провели у Юлии², в очень приличной квартире. В четверг утром приехали в Нижний, обедали у Александра Николаевича³, а чай пили у Ив[ана] Ал[ександровича] Анненкова. До обеда побывали в институте, где встретила нас с радостным удивлением Марья Карл[овна] и обе Эк.⁴ Можешь представить себе, что расспросам не было конца, как и поручениям о раздаче поклонов и лучших пожеланий. На вашу супружескую долю также их досталось довольно. У М[уравьева] нашел я уже не одну княжну, а трех и Прасковью Михайловну Голынскую⁵, которая поздоровела еще более и вполне оправдывает поговорку — кровь с молоком, но не потерявшую ничего из своего голоса, которым она звучно пропела несколько романсов. У Анненковых поутру застали только Прасковью Егоровну и дочь⁶. Она очень обрадовалась, много говорила, много расспрашивала, а еще более вспоминала и должна была уехать, не видав прочих членов семейства. После обеда Ив[ан] Ал[ександрович], не найдя меня дома, прошел к М[уравьеву], и оттуда мы вместе отправились к нему. Видели меньшого сына Николая, который приехал из имения, он им управляет, а старшего⁷ не видели, его приятель увез в театр, куда публика съехалась слушать в «Гамлете» дебютанта из общества, какого-то господина, большого пройдоху, как сказала мне Праск[овья] Егор[овна], и разорившегося. Ваню и Федю приглашали тоже в ложу губернаторскую, но отозвались необходимостью ехать. Алек[сандр] Ник[олаевич] очень уговаривал меня приехать к нему на несколько дней во время ярмарки, предлагая остановиться у него. Я ответил, что если буду в Москве и свободен, то, может быть, и приеду. Анненковы в этот день получили заграничный паспорт и чрез два дня собирались уехать. Ольга Ивановна заменяет отца и мать в семействе во время их отсутствия. Им, на-

конец, возвращено до 1700 д[уш] из их имения, и даже <...> * c'est exécuté **. От Нижнего до Арзамаса дорога прескверная, а к Саранску и далее лучше. У дяди⁸ в Вьясах мы встретили хороший прием, половину дома в нашем распоряжении и самую приятную внимательность. Управляющий Вакар и жена его знают хорошо многих наших близких родственников; она была прежде у Потемкиных в Гостилицах⁹ и потому много предметов к разговорам. Вчера мы обходили все наши деревни в Саранском уезде по левую сторону Суры. Завтра поедем на тот берег в Городищенский уезд. После этого осмотра займемся делами уже с Летом. В каждой деревне у околицы встречены были всеми жителями от мала до велика, и, о господи! вся эта толпа — на коленях, насилиу заставили встать! По предварительно брошенным словам видно уже, что придется выслушивать много жалоб на оттяжку земель, лесов в другую половину¹⁰. Есть ли что справедливого, теперь заключить еще не могу, а если есть, то не предвижу, чтоб легко было получить удовлетворение и вряд ли возможно.

Завтрашняя почта, может быть, привезет мне письма. Теперь я могу писать только к тебе, а куда к Саше и Лизе — могу узнать по получении от них писем. Последние к Саше я все еще послал в Дрезден, туда же и портрет (фотографию). Н[иколай] Р[оманович] в последнем письме назначал писать еще туда. Но невероятно, чтоб они пробыли очень долго в Дрездене; как скоро Саша оправилась, то, конечно, они уехали дальше; но в Соден ли наверное они поехали, этого нельзя знать до их письма. О Содене писал только граф Борх и то в первой депеше, которую он послал С[офье] И[вановне], а сами Ребиндеры в письмах своих не определили, куда поедут. Очень скучно, что надобно было так далеко заехать в такое время, когда дорожишь скорейшим известием. Зачастую какое-то невольное чувство страха овладеет, которое тем труднее разогнать, что известий утешительных еще не было. Очень хочется получить скорее что-нибудь утешительное и может быть, бог даст, завтра. Мы уедем из Вьяс не ранее, как получив почту. От тебя надеюсь непременно иметь, если ты написала тотчас по приезде. «Москов[ские]

* Одно слово неразб.

** Это исполнено (ф р а н ц.).

вед[омости]», полученные здесь в воскресенье 12-го, были от 8-го.— Ну, прощай на сей раз, милая моя душечка, целую и обнимаю тебя от всего моего сердца, тоже мужа твоего, и деток ваших, и Котика. С любопытством буду читать, что ты скажешь мне о Сетухе. Ваня вас всех целует. Христос с вами.

235. Э. С. СВЕРБЕЕВОЙ

Саранского уезда село Большой Вьяс,
17 июня [18]60

Вчера я получил письма от Саши, Николая Романовича и Лизы. От последней из Одессы еще от 30-го мая. Письмо это я послал к тебе, ты увидишь из него, что она с Петром едут в Вену советоваться, но Николай Васильевич в Дрезден к Вальтеру, и он, конечно, знает, что там Сашенька, и даст о том весть Лизе.

Сашино письмо от 9-го. Она написала четыре странички и говорит, что в этот день не успеет писать к тебе, а Ник[олай] Ром[анович] обещал написать. Мое и твое письмо от 19го она получила. Вот что пишет о себе <...>* . Надеется увидеть в Дрездене тетюшку Лебцельтерн и встретиться где-нибудь с Лизой. Я тоже уверен и в том, и в другом, и это будет большая приятность для Саши.

Я послал Саше фотографию еще из Москвы. Не знаю, писал ли это к тебе? Ей очень приятно будет ее получить. Я хорошо сделал, что послал ее в Дрезден, а не в Соден. Только одно мое письмо было в последнее место, и оно, верно, теперь еще лежит на почте.

Приятно мне было читать собственный почерк Саши, хотя в ее письме ничего нет утешительного в отношении ее здоровья; но все же его сама писала и писала очень довольно**; из него могу полагать, что она не так слаба. А если бы я получил одно письмо Н[иколая] Р[омановича], то было бы очень грустно. Он не видит никаких надежд к выздоровлению, и письмо его исполнено грусти. Но он, вероятно, писал к тебе, как обещал Саше. Я не буду передавать того же, что он мог и к тебе написать.

* Пересказ письма А. С. Ребиндер о ее состоянии здоровья опускается.

** Так в подлиннике.

По его воззрению, я должен потерять всякую надежду увидеть мою Сашечку и не смею сказать, чтоб этот взгляд был ошибочным. Видим, что и Вальтер не смеет ничем его обнадежить. Что ж остается? Только одно чудо. Какое же право имеем ожидать, что господь бог сотворит для нас чудо?

12/24 Н[иколай] Р[оманович] обещал еще писать; что будет в этом письме? Ты понимаешь, Зинуша, что мне нет охоты писать тебе ни о чем постороннем. Я писал тебе 14-го о себе. Сколько пробуду в здешнем крае еще, не знаю, а без надобности проживать не буду. Мы оба с Ваней всех вас целуем. Христос с вами.

236. Н. Д. СВЕРБЕЕВУ

Напольный Вьяс, 21—22 июня 1860 *

Почта привезла мне ваши письма, милый друг Николай Дмитриевич, твое от 10-го и Зинушино от 6-го. Зина доехала без происшествий, и дети не надоедали ей дорогой, последнее очень счастливо. Желудочки их расстроились, может быть, от воды, как вы полагаете, а может быть, и от дороги в жары, и самые жары уже к тому способствуют. В дождливое и жаркое лето такое расстройство часто усиливается, и на него должно обратить внимание. Я очень рад, что Дмитрий Николаевич у вас, это приятно и вам, и для него развлечение; и, кроме того, он добрый советник и по хозяйственным делам. Присутствие его дало вам удобство к немедленному окончанию всех расчетов с графиней Софьей Ивановной.

Поля ваши радуют обещанием богатого урожая, здесь также все они в отличном положении, и до сих пор не было другого опасения, как то, чтобы сильные дожди и грозы не повалили хлеба. Здесь у нас большею частью земля песчаная и глинистая, смешанная с дресвою **, и крестьяне отзываются, что худая и неплодородная, а теперь и на ней рожь стоит густая и высокая, овес густ и начинает колоситься, греча также везде хороша. Это три главные хлеба, других не сеют, и пшеницы нигде не видно. Наш хутор нашли в отличном состоянии: ни коровы, ни овцы, ни свиньи, только три лошади для развозов

* Письмо писалось с перерывом.

** Дресва — крупный песок, гравий.

управляющего. Я полагал, что последнего у нас нет, и гр. Б[орх], не считая его нужным, воспротивился принятию Лета, чтоб избавить нас от излишнего бесполезного расхода. Оказалось, что мы платим 600 рублей его управляющему за то, что он заведует нашей частью. О приеме крестьян я уже писал к Зине, они отзываются, что никогда не видывали своих помещиков. Теперь мы все объехали и занимаемся разбором дел по бумагам; так как оказываются претензии от крестьян, и иные есть важные, и лучше всего в точности дознаться. Покончив это дело, поедem в Пензу и представим в депутатское собрание свидетельство, данное из Герольдии, на внесение Вани в список дворян губернии¹. К этому времени, может быть, приедет и граф Е. П. с Варенькой². Я думаю, что мы можем уехать не позже как в воскресенье. В Пензе будет тогда ярмарка. К вам отсюда два пути, один чрез Москву, а другой на Воронеж, этот короче, но, кажется, нужно будет избрать первый, особенно для того, чтоб иметь известие от Саши и Лизы. Последнюю где найти, я еще не знаю, надобно обождать ее письма, а Саша если могла выехать из Дрездена, то в Соден, я к ней писал еще в Дрезден. Сегодня не пишу, ждем письма, обещанного Н[иколаем] Р[омановичем], и надеюсь его получить завтра. Что-то оно скажет? Дай бог, чтоб было не так мрачно и безнадежно, как последнее.

Ты спрашиваешь, как мы нашли имение? О господском хозяйстве я уже сказал, надо все заводить вновь, Лет не отчаивается поставить на хорошую ногу с не слишком большими издержками. На первый раз хотя предполагается совсем не употреблять обязанного труда, и бывшие на барщине 21 тягло отпущены по желанию их за оброк. Они никогда не выполняли наложенного на них, и всегда им налагали оброчное, на что они справедливо жаловались, так как графом был на них набавлен оброк с обещанием не тревожить их на барскую работу. Эти только бывшие на пашне в самом худом положении, а оброчные крестьяне найдены гораздо в лучшем, нежели я полагал, бедности нет, хотя жалуются на худое свойство земли и недостаток леса и лугов. Ваня с любовью во все входит и теперь занят разбором бумаг и совещаниями с Летом об устройстве хозяйства. Мы живем в доме Борха, он в той части имения, которая принадлежала гр. Лебцельтерн и которую С[офья] И[вановна] у ней купила.

22-го. В трех верстах отсюда есть пустынь, строитель отец Киприян знает почти всех наших и в особенности всех моих племянниц и в дружбе с А. Н. Бахметевым³, который и говорил мне о нем. Мы с ним обменялись визитами, а вчера вечером пили у него чай по его приглашению. Он сначала угостил нас рыбной ловлей из малого прудика, который весь захватывается неводом в 20 саж[еней]. Пройдя однажды берегом вокруг прудка, вытаскивали огромное количество стерляди и другой рыбы. Он, выбрав трех стерлядей покрупнее и большого леща, подарил нам на уху. Вода свежая ключевая и рыба, привезенная уже несколько лет тому из Суры, живет хорошо, и монахам доставит на всю их жизнь продовольствие.

Строитель человек не старый, не глупый и гораздо более образованный, нежели многие духовные, невзирая на то, что из пастухов. С трепетом буду ожидать возвращения посланного за письмами в Саранск на почту, ожидаю, что будет письмо от Н[иколая] Р[омановича], и что оно привезет, бог весть. Дай бог, чтоб что-нибудь доброе. Прощайте, милые друзья мои. Крепко вас обнимаю и всех деток целую. Все это за себя и Ваню; Федя вам кланяется. Христос с вами.

237. Н. Р. РЕБИНДЕРУ

[Большой Вьяс.] 25 июня/7 июля 1860

Любезный Николай Романович! Письмо ваше от 6/18 июня третьего дня я получил; очень нетерпеливо ожидал его и обещания, сделанного вами в письме вашем от 29 мая/10 июня. Слава богу, последнее письмо спокойнее первого, и хотя оно не заключает ничего ободряющего, однако не отчаянное, как бывшее перед ним, на которое я и не знал, что вам сказать. Оставалось с трепетом ожидать последующего письма, и, слава богу, из него не видно, чтоб обстоятельства были хуже. Несколько дней, как видно, было довольно порядочных. Жаль, что погода помешала пользоваться воздухом, который имел благотворное влияние. Я надеюсь, что холодная погода не продолжалась и снова настало тепло. На нас эта перемена погоды сделала очень неприятное впечатление, и вы хотели бы видеть Сашеньку в климате, не подверженном таковым изменениям. Где же найти такой ровный

климат? Можно ли на такой рассчитывать в Ame'lie de Vaino, близость с одной стороны к морю, а с другой — к большой цепи гор, вероятно, производит также неровности.

Вы хотели бы, чтобы Саша была уже там, и жалеете, что меня нет с вами, полагая, что мне удалось бы уговорить ее туда ехать. Нет! Николай Романович, я бы не смел и подумать тревожить Сашу переездом в теперешнем состоянии ее здоровья. Дорожная тряска опять подействует на желудок, как действовала каждый раз, когда она ей подвергалась, а чрез это силы каждый раз надолго бы ослабевали. Сколько я могу судить издали, нужно непременно, чтоб желудок пришел в нормальное положение и имел время укрепиться. При слабом состоянии его ей и нельзя думать пить какую-либо воду, а если искать климат, то только ли его можно найти в Ame'lie de Vaino таким, какой полезен для Саши. Имеете ли вы полные сведения о нем, нежели те, которые имели в Петербурге? А на эти положиться недостаточно. Если б передвижение было легко для Саши, то, не найдя в одном месте того, что искал, можно бы было переехать в другое, но обстоятельства не таковы. Стало быть, надобно как можно меньше ездить. Я не стою за Дрезден, есть, конечно, места, где бы ей было лучше, но в настоящее время страшусь для нее движения и думаю, что надобно дать ей хорошенько отдохнуть. Полагаю, что холодные дни прошли и что вы помирились с Дрезденом. Слишком жаркие дни были для Саши тяжелы в прошлом лете; не знаю, легче ли бы она их перенесла ныне. Я пишу вам мои суждения, но вы, конечно, понимаете, что я советов давать не думаю и не могу по незнанию обстоятельств и по отдалению; но одно могу только написать, чтоб Сашу не тревожить, пока она не собралась с силами. Я вам пишу еще из деревни гр. Борх. Мы живем в их доме, у нас негде. Завтра хотим ехать в Пензу и сделать там, что нужно, потом, возвратясь, будем собираться в Москву, а если там, как слух прошел, открылась холера, тогда, думаю, приедем прямо к Свербеевым в Тульскую губ., где Зина и Н[иколай] Д[митриевич] нас ожидают. На Москву я хотел бы приехать именно для того, чтоб получить ранее ваши письма. Дай бог, чтоб они были утешительные и чтоб и Сашино и ваше здоровье поправлялось. Ваня вас обнимает и я также от всей души. Ребя-

тишек целую и сердечный поклон Наденьке. К Саше пишу особо. Христос с вами.

[На обороте надпись:] Николаю Романовичу.

238. З. С. СВЕРБЕЕВОЙ

Пенза, 28—29 июня 1860

Милая моя Зинуша, на последней почте я писал тебе моему мужу, а сегодня к тебе. Кажется, я сказал ему, что собирались в Пензу, мы и приехали сюда вчера поутру рано. Сейчас принялись за дела, вызвавшие нас сюда, и теперь уже почти все покончили, так что можем уехать нынче отсюда. Знакомых в городе у нас ни души. Ездили с Ваней к губ[ернскому] предводителю Арапову¹, не застали, но это не помешало делу сделаться. Он все время проводит, как видно, на ярмарке; большой охотник до лошадей, смотрит и покупает, говорят, бывают очень хорошие лошади всех родов, а заводские с завода Ниротморцова, это рассказывается для Николая Дм[итриевича], как и последующее о лошадях. Вчера были состязания возовых лошадей, груз был 120 пудов, одна лошадь провезла 460 сажень, другая не знаю сколько, а третья обошла круг в три версты и второй раз половину, когда тот, что нам рассказывал, уехал, не дождавшись окончания, сегодня будет бег на тройках, не знаю, останемся ли мы, чтоб посмотреть. Ныне поутру мы осматривали два очень хорошие заведения: паровую пильную, которая на две рамы пилит до ста деревьев ежедневно, а зимой пильная заменяется мукомольной на четыре постава, каждый мелет до 50 четвертей в сутки. Машина очень хороша и особенно хозяин хвалит паровик, требующий гораздо менее дров, нежели обыкновенно жгут паровые котлы. Другая фабрика — бумажная; бумага готовится на двух полотнах и вырабатывает до ..., не очень помню, сколько сказал мне механик-англичанин, только много, и не мудрено, заведение большое, занимающее 400 работников.

Барыша чистого 50 процентов. Эта фабрика существует уже 8 лет, а мельница только лишь год. Машина на этой последней сделана не в Англии и не в Бельгии, а в Плаусне, не помню имя фабриканта, в 25 сил. Хозяин сказывал, что сама машина не дорога, но провоз очень дорог. Все заведение обошлось в 40 тыс. р. с. Механик с того же места, как и машина, приговорен на 4 года.

Город Пенза нехорош внутри, несмотря на то, что много каменных зданий, а вид на него с Суры прекрасный; половина его стоит на горе, окаймленной лесом, а другая под горой. Мне очень желалось встретить здесь Невельских, думал, что, может быть, они приедут на ярманку. Может быть, и приедут, время еще не ушло до коломской, но уже без нас. Я в Пе[тер]бурге обещал им побывать у них, но обещания не исполню, надобно ехать 70 верст и обратно столько же в Пензу, чтобы возвратиться восвояси, а время тратить излишнее нам не хочется. Придется еще несколько дней определить для окончания дел в имении. Оттуда съездить только посмотреть заводы А. Н. Бахметева, они всего от нашей деревни, где будет обитать Лет с своею супругою, 15 верст. Там у него много разных заведений, но, как говорят, все это не очень хорошо управляется. Стекланный его завод давно известен, и произведения его отличные, а сверх того, есть чугунный, литейный, машинный (?), сахарный. Ожидали, что Варенька Толстая будет жить тут, да ее еще нет, а мужа ее ожидает давно губерния. Мне очень жаль, что я их в Пензе не застал. Так мы отсюда уедем, не встретив никого из знакомых. Лет переселился на будущее свое пепелище. Ему будет не очень хорошо, все надобно завести и домик устроить, чтоб можно было жить зимою. Видно, ни он, ни жена его не требовательны, удовлетворяются тем, что нашли, и дом конторский — изба, можно сказать, с сенями большими, отделенными от черной избы, — обращается ими в жилой для них дом, разумеется, на первый раз, пока выстроить успеют что-нибудь получше. Я давно перервал свое письмо, Ваня воротился домой и сказал, что он встретил Геннадия Ивановича² и что он сейчас будет ко мне. Действительно, он явился тотчас же. Разумеется, очень обрадовался и взял неперемное слово, что мы к нему заедем, рассказав нам, что от нашей деревни, где нам надобно непременно быть, до него всего 30 верст. Он приехал один. Живут в маленьком домике всего из пяти комнат. Подтвердил наше мнение, что Пензенская губерния во всех отношениях глушь.

Письмо это пойдет из Вьяса, как все прежние, только я заготовляю его в Пензе, так как есть время праздное теперь, а завтра утром из дому уже не успею написать. Можно и совсем кончить письмо, сказать о себе нечего

более. Кажется, однако, что после моего письма Ник[олая] Дм[итриевичу] было письмо от Н[иколая] Р[омановича] от 6-го нашего счисления. Оно спокойнее прежних писем, только жалуется, что в Дрездене погода переменялась на холодную и Саше нельзя было в последние дни пользоваться воздухом, проводя день на балконе, как она делала. Сама Саша приписала три строчки, в которых говорит, чтоб я о ней не беспокоился. Это может она сказать, а я того сделать не могу. Дай бог, чтоб беспокойства все были напрасные.

Целую тебя, моего милого друга, а Ваня вместе со мной целует тебя и обнимает также Николая Дмитриевича и детей. Христос с вами.

29[-е]. Воротившись во Вьяс, я нашел письмо от тебя (13-го июня) и от Лизы из Вены 10/22 июня. Они еще не видались с докторами, у которых хотят просить совета, куда ехать. Кончает письмо словами: «Сейчас получена депеша от тетушки Лебцельтерн к Балабину³, чтобы узнать, здесь ли мы. Саша еще в Дрездене. Как только будет можно, отправимся туда». Я очень рад, что Лиза узнала, где Саша, и надеюсь, что они уже виделись; вероятно, Зин[аида] Ив[ановна] видела уже и Сашу. Тетушка Подчасская едет в Полтаву на месяц.

239. З. С. СВЕРБЕЕВОЙ

Москва, 11 июля 1860 г.

Милая моя Зинуша, мы возвратились третьего дня вечером и думаем, как бы поскорее снова уехать, и теперь уже к вам в Сетуху. Сделаем только необходимо нужные починки в тарантасе и, полагаю, можем выехать в пятницу. Если успеешь к нашему приезду в Тулу, то пришли туда письмо на мое имя, которое я мог бы получить на почте или на почтовой станции в Туле, как нам лучше к вам ехать, на Павлочье или Мценск, первое, кажется, короче.

Мы в Москве никого из наших не застали, сестра с мужем в Полтаве, 20-го ждут возвращения их в Москву. Катерину Александровну только что успели увидеть, она уехала вчера в Солнышково, взяв с меня слово, что я зайду по пути. Хозяйничать осталась Катерина Дмитриевна, и к ним переезжает тетушка Анна Александровна.

Вчера вечером хотел быть у Лизы Урусовой, но не успел. Она одна, Фокла уехала проводить Вареньку до Ярославля. Не успел к Лизе, потому что хотел быть в Парке¹, надеясь еще застать Матвея Ивановича, а он уехал накануне. Ехавши к Бибиковым, увидели собирающийся народ около места, где бывает скачка, спросили и узнали, что будут скакать лошади. На эту скачку должен был приехать Павел Голицын, и мне хотелось его видеть, чтоб расспросить о Катеньке и всем братнином семействе², и потому от Бибиковых к началу скачки мы поехали на место, дав слово Нонушке вернуться чай пить. На скачке мы нашли не только Голицына, но и Сережу³, он едет на Кавказ, чтобы участвовать там в экспедиции, которая началась на правом фланге и чрез которую намерены покончить остающиеся дела на Кавказе. Сережа придет нынче утром ко мне, чтоб ехать вместе к Елене Николаевне⁴. Я поручил ему навеститься в Кавказской армии о Владимире Дмитриевиче⁵ и прислать мне о нем известие. Он обещал исполнить.

Скачка несчастливо кончилась для Голицына: его грум за несколько дней внезапно умер, и он пригласил здесь другого. В последний круг его лошадь, скакавши, упала, и грум расшибся так, что не знаю, останется ли жив. Катерина Дм[итриевна] хочет с нами послать разные вещи для вас, которые должен был взять Кулешов⁶. Соня была несколько дней довольно хороша, теперь опять бушует и третьего дня ушла в сад, только и думает о том, как бы уйти, и употребляет для того разные хитрости. Мы к вам будем только вдвоем с Ваней, Федю поневоле должен оставить в Москве для приготовления к экзамену с помощью других товарищей в его же положении. Писем в Москве не нашел, отправлены были в Саранск в тот день, как получено было от меня, чтоб более не посылать. Это очень неприятно особенно потому, что было одно от Ник[олая] Ром[ановича]. От Катерины Алек[сандровны] знаю только, что гр. Лебцельтерн и Лиза были в Дрездене у Саши*,

* Письмо, видимо, не было закончено или же конец его утрачен, так как после слов «у Саши» стоит запятая и продолжения нет.

240. Е. Д. СВЕРБЕЕВОЙ

[Сетуха, между 10 и 15 июля 1860 г.]¹

Катерина Дмитриевна,

Моей Саши нет больше в живых². Вы ее любили и разделите мою грусть.

Ваш навсегда Трубецкой.

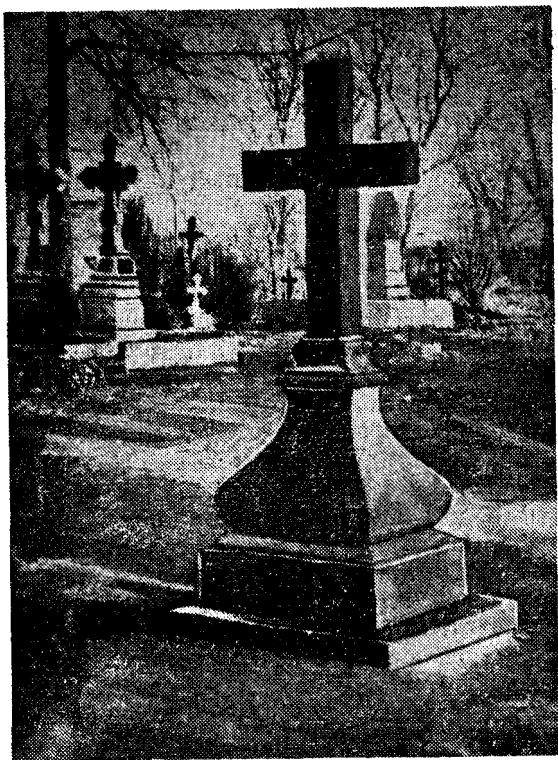
241. Н. Р. РЕБИНДЕРУ

Сетуха, 15 июля 1860 г.

Бедный друг мой, я не в силах был писать к вам по получении грустного вашего письма. Я только что накануне приехал в Москву, и когда мне подали письмо ваше на имя Зины и увидел я черную печать, не осталось сомнений, что постигло нас несчастье, которое вы давно предвидели и очевидности которого мой ум никак не хотел покориться. Воля божья свершилась, как ни тяжел для нас удар, должны принять его с покорностью, вот все, что могу сказать. А что чувствуется, того не опишешь. Не ищи же слова утешения в этих строках, какие могу я придумать, ни для себя, ни для вас я его не нахожу. Безропотная покорность воле всевышнего — вот все, что могу исполнить, а не грустить нельзя, да и бог того не потребует. Нет более милой моей Саши, дорогой моей дочери, нет более у тебя любившей тебя и любимой тобою жены. Все мои чувства к ней остается перенести на тебя и ваших детей. Благословение мое, которое ты просишь, всегда воссылалось на вас обоих и постоянно будет на вас. Чистая душа ее с высоты небесной взирает на нас. Господь успокоит ее в своих обителях; там она будет вечно наслаждаться счастьем безмятежным.

Не могу продолжать, с будущей почтой буду больше писать, а теперь не могу. Обстоятельств еще никаких не знаю, должно быть, что есть письмо от вас, не дошедшее еще до меня. А теперь должен ответить на вопрос о том, где упокоить прах? В женском монастыре возле Саши Борх, если можно будет¹. Это мнение я предпочитаю.

Я останусь у Зины до получения известий от вас и времени вашего возвращения и рассчитаю так, чтоб мне быть в Петербурге в то же время и день, если можно, когда вы туда приедете. Не торопись возвращением, друг мой, останься, сколько нужно, для восстановления здо-

МОГИЛА А. С. РЕБИНДЕР
НА НОВОДЕВИЧЬЕМ КЛАДБИЩЕ В ЛЕНИНГРАДЕ

ровья, оно теперь нужно для детей, довольно того, что они уже сироты, не круглыми же быть им сиротами, подумай о себе. Прощай, не могу более писать, всех вас прижимаю к любящему сердцу. Ваня тоже всех вас обнимает. Меня очень заботит Сережа², я боюсь за него и ждать буду ваших известий с нетерпением. Христос с вами.

242. Н. Р. РЕБИНДЕРУ

Сетуха, 18/30 июля 1860

Я отсюда уведомлял вас, любезнейший мой Николай Романович, о получении вашего письма от 2-го. Теперь ожидаю из Вильбада. Нужно мне иметь о вас известие,

нужно знать, что грусть не убила вас вконец и что вы мужаетесь против жестокостей судьбы и выйдете победителем из тяжелой борьбы. Мое письмо к вам было бесполезно; в первые дни я не мог собраться с мыслями и с трудом почертил вам строки. Но волею и неволею должно покориться всемогущей воле божией без ропота и убедиться, что в ней есть цель благая, хотя для нас невидимая. Чистую душу нашей дорогой Саше господь принял в недра свои, она будет заступницей нашей у престола всевышнего.

Сегодня мы получили письмо от Лизы и Мери Голицыной, последняя пишет, что проводила вас до Дрездена. Ожидать буду от вас, а когда вы уведомите, что уезжаете обратно в Петербург, я тоже туда отправлюсь, чтоб приехать туда сей час после вас. Котика ваша здорова и весела, в Зине она найдет вторую мать, на ее счет вы можете быть совершенно спокойны¹. Как ваши мальчики и в особенности Сережа? Расцелуйте их за меня и пожмите руки Наденьке. Вас я крепко к сердцу прижимаю и на всех вас призываю благословение божие.

Зина и Ник[олай] Дм[итриевич] вас и детей обнимают. Ваня тоже.

[На обороте надпись:] Виртенбергского королевства в гор. Вильбад*. Господину Николаю Ребиндеру, директору Департамента народного просвещения России.

243. Е. Д. СВЕРБЕЕВОЙ

Сетуха, 18 июля 1860

Катерина Дмитриевна, вы просите у меня извинения, когда должны ожидать благодарности, благодарности искренней, сердечной. Участие живое, сердечное, которое вы принимаете в моем горе, чувства ваши к милой, возлюбленной моей покойнице исполняют сердце моей живейшей к вам признательностью. Вы, конечно, мне не чужие, все семейство ваше мне родное, я всегда в нем находил столько дружбы и участия, сколько мог ожидать только от самых близких и кровных. Не могу я того не чувствовать.

В Сетухе все здоровы. Зина грустит, и нам вместе легче. Господь посылает несчастье и горе, но мудрость

* Далее на франц. яз.

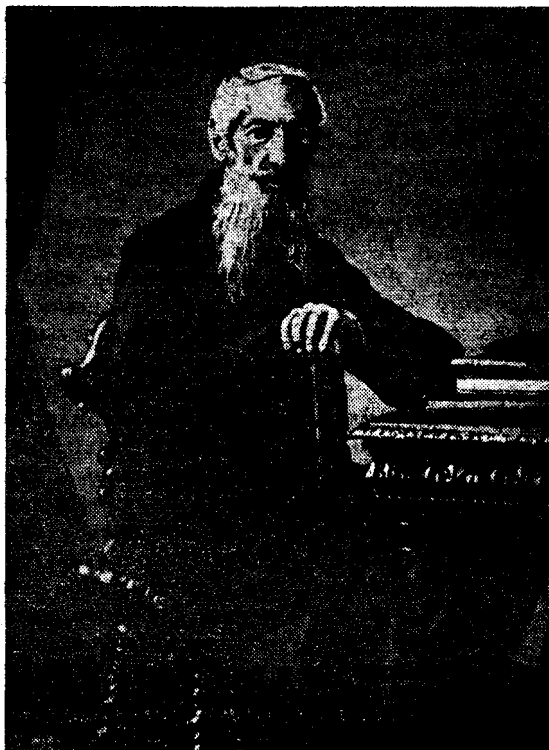
его соразмеряет все с силами человеческими и где их недостаточно, подкрепляет свыше. При его сильной помощи надеюсь перенести все с твердою покорностью. Не смею сетовать и на то, что милая дочь моя кончила жизнь свою не на моих руках, и благодарю, что была с некоторыми из своих до последней минутки. Сегодня получили от Лизы и от Мери Голицыной (Борх), они были обе при ней и, кажется, тетка их Лебцельтерн. Саша скончалась 30-го в 7 $\frac{1}{4}$ часа утра, последние часы были тяжелы, страдала бедняжка, но все переносила с кротостью и покорностью. Николай Романович был очень убит, и здоровье плохо, от него жду с нетерпением, дай бог, чтоб он устоял. Адрес его: Виртенбергское королевство в г. Вильбад. Прошу вас изъяснить мою благодарность отцу Павловскому за его участие. А вам дай бог, чтоб все ваши тревоги покончились благополучным исходом. Вы не сомневаетесь, что я желаю искренно, чтобы это последовало в скорейшем времени.

От души преданный вам С. Трубецкой.

244. Е. Д. СВЕРБЕЕВОЙ

Сетука, 25 июля 1860

Катерина Дмитриевна, я обращаюсь к вам не только как к человеку, на доброе расположение которого рассчитываю, но совершенно как к близкой родственнице без малейшей боязни, чтоб какое мое прошение вы почли для себя докучливым. Так и нынче передаю вам мою просьбу — переслать две депеши, которые вы здесь найдете, на имя Николая Романовича. Письмом я не могу успеть отвечать ему, а он имеет нужду в ответе. Та или другая депеша до него, вероятно, дойдет. Вы меня крайне обяжете, послав обе тотчас по получении их, то есть в Дрезден, не позже 30-го или 31-го, да и в Штеттин можно в тот же день, лучше депеша его подождет, нежели бы он не нашел ее. В Дрездене он должен быть 31[-го] вечером, а в Штеттине рассчитывает быть 3-го. В последнем городе он остановится только спросить, есть ли письмо на почте, а в Дрездене пробудет, сколько нужно, чтоб отправить оттуда тело моей милой Саши. Извините за нестройность письма и за повторения. Я осмелился вас беспокоить, хотя знаю, что вы не имеете свободного времени, но полагаю, что вам никакой нет надобности самой

С. П. ТРУБЕЦКОЙ

Фотография С. Л. Левицкого.
Конец 1850-х гг. *ИРЛИ* (Пушкинский дом)

из дома отлучаться. Депеши может снести Назаров, только нужно будет приложить за пересылку их, а денег я не посылаю, потому что это замедлило бы получение вами моего письма.

Если же вы не понадеетесь, чтоб дело было исполнено человеком, которого вы можете послать, то я прошу вас передать исполнение его Фокле. Я прямо к ней не обращаюсь в боязни, что, может быть, она куда-нибудь отлучится и дело мое не будет сделано.

Я думаю быть в Москве 5-го. Зина также хочет ехать со мной. Оставляю ей место для приписки и мысленно

целую вашу благотворительную ручку с чувством душевного уверения в искренней преданности.

Сергий Трубецкой.

245. З. С. СВЕРБЕЕВОЙ

Москва, 23 августа 1860

Милая моя Зинуша, я приехал сюда только вчера вечером. Заезжал к Алек[сандру] Викт[оровичу]¹. Лариса Андреевна хотела вместе со мною ехать, чтоб отвезти свою племянницу, и я остался для того лишний день; однако она племянницу не повезла, сделался насморк, и она не решилась ехать и поручила мне племянницу, которую я привез к ее матери в вдовый дом. А накануне мы не выехали, потому что лошади сдурели, разбили экипаж и ушибли кучера. Вот как это случилось: Дараган отправлял в тот же день своего сына в гимназию и с ним еще гимназиста и студента, Ваня ехал с ними четвертый. Для Лар[исы] Анд[реевны] с девочкой, дочерью и мною приготовили коляску. Сын Дарагана хотел пощеголять лошадей и уговорил кучера, чтоб он заложил в тарантас лошадей с бубенчиками и хомуты с побрякушками. Лошади были молодые, не съезженные и кучер не слишком ловкий. Как скоро тронулись и слышали шум от побрякушек, забились, кучер справиться не умел, потаскали по двору, сломали экипаж, а кучер упал и ушибся. Тогда отправили только Ваню с молодыми людьми, а мы должны были остаться. Я ожидал найти одних Поджио, полагая, что хозяева за границей или в Тульском имении, оказалось, что оне тут всем семейством. Александр В[икторович] живет в особом флигеле, отделенном от дома частицею небольшого, но хорошо содержащегося сада. Хозяева к ним очень внимательны, он занимается летом и весною разными опытными посадками и посевами, хвалится удачей некоторых из своих опытов, особенно травосеянием. Живут они на своем иждивении, занимая только флигель, который без них оставался бы пустой. Раз мы все обедали у хозяев по приглашению, а два раза одни, в день приезда и в день отъезда, приглашали и в этот последний, но Л[ариса] А[ндреевна] отказалась, потому что в этот день не хотела совсем выходить, и все окошки были притворены. Погода дождливая, и с полей многое не убрано.

Из Петербурга мы выехали вместе с Н[иколаем] Р[омановичем] до Вишеры, где его оставили. Дети остались в Петербурге; я было предложил остаться при них, но отец нашел, что это не нужно. Я не думаю, чтоб он остался более одного дня в Вишере, потому что все лил дождь. Нога его заживала, однако все еще болела. Дети остались здоровы. Коля послал со мною игрушки Кате, посуду, судок, который перешлю, когда будет случай. За день до отъезда я обедал у Галагана на даче и много говорили о положении, которое теперь комиссии доканчивают. В течение месяца будет окончено распределение по статьям в законодательной форме* и представлено в Главный комитет. Не ожидают больших изменений в этом Комитете, так как Панин согласен в большей части пунктов с комиссиями. Главные основания: надел в таком размере, чтобы семейство могло содержаться и уплачивать казенные повинности; уничтожение всяких поборов на помещика с оставлением только работы или платы за отведенную землю; обязательный труд на 2 года. Выкуп по желанию крестьян за облигации от правительства; уничтожение женской работы. Вопрос о пользовании лесом и топливом признают сами неудовлетворительно решенным. Мировые судьи из дворян по избрании крестьянами, две инстанции, вторая из собрания всех мировых судей уезда, полагается их по 3 или 4, смотря по обширности округа, решают дела окончательно. Достать положения невозможно, П[анин] не допускает гласности. Когда утверждено будет, напечатают 250 т[ыс.] экземпляров для раздачи помещикам и волостным.

Хлеб здесь в цене не упадет, напротив, вчера хлебник из Нового Иерусалима сказывал Поджио, что цена на муку поднялась. Овес будет дорог. Может быть, будет требование за границу; в Германии постоянные дожди мешали уборке.

Прощай на сей раз, душа моя, расцелуй мужа и детей. Христос с вами.

[Приписки на полях:] Ваня привез Сашин портрет и отдал Кат[ерине] Дм[итриевне]. Я повесил большой венок на крест, Надя приговорила посадить цветы. Кто-то еще, не известный мне, украшает могилу цветами. Маша здесь, я сейчас иду к ним².

* «в законодательной форме» написано поверх строки.

Писем я не нашел ни от кого; твое получил из Петербурга и Марисы] Андреевны] получил.

К ним адрес: на Крюковскую станцию железной дороги, оттуда в село Сокольское г. Дарагана.

Ваня вас обнимает, Федя кланяется. Сестры нет, обещаю сегодня у Ипполита] Ивановича].

246. М. И. МУРАВЬЕВУ-АПОСТОЛУ

Москва, 25 августа 1860 *

Любезный друг Матвей Иванович. Желая душою обнять тебя, я намерен в субботу ехать в Тверь, пробыть у тебя вечер этого дня и утро другого, т. е. воскресенья. Со мной будут два мои птенца, сын мой Ваня и Федя. Ты как-нибудь приютишь нас на ночь, мы все неприхотливы, особенно моя молодежь — проспит на чем ни попало. Поэтому я думаю, что мы тебя не слишком стесним и озаботим. Я рассчитывал, как бы мне не делать тебе этого беспокойства, но никак не придумал иначе, как провести ночь у тебя. В воскресенье я поеду за 50 верст от Твери к моему двоюродному брату¹ в село Новое, который пришлет за мною лошадей. Я мог бы к нему ехать прямо с чугунки, но тогда бы я тебя не видел, и это было бы для меня большое лишение.

Сегодня 3-й день, как я возвратился в Москву. Бибиковых еще не видел, но надеюсь увидеть их завтра, поехав к ним с Ваней обедать в Парк. Прощай же, до свиданья, любезный друг, обнимаю тебя, а всему твоему семейству мой сердечный привет.

С. Трубецкой.

247. Е. И. ЯКУШКИНУ

Москва, 28 августа [1860 г.]¹

Я очень рад, что Ваня получил вчера от вас письмо. Я сам хотел писать к вам и спросить, как мне сделать с Быстрицким? Откуда взять сто рублей впридачу к тем ста, которые следуют от меня? Во всяком случае, я пошлю все двести рублей в следующую пятницу (2-го сентября)². Это день приемный для денег. А вы меня уведомите, чем заменить одну половину этих денег. Если

* Помета М. И. Муравьева-Апостола: «Пол[учено] 27 августа».

Свербеев обязался доставлять сто рублей, то я могу с него после взять. У меня есть еще сто рублей артельных, которые прежде были назначены Соловьеву, а после вы отменили и писали, чтоб их передать Н. Щ.³, но по разладам моим и печальным семейным обстоятельствам, я этого до сих пор не успел сделать. Буду о них ожидать дальнейшего вашего распоряжения. Я сегодня еду с ребятами моими в Тверь, это последняя поездка, пора усесться на место; я только три дня и то как воротился в Москву из Петербурга, заехав по дороге к Поджио. Детей Ник[олая] Ром[ановича] я оставил здоровыми, он только на пути из Таурогена расшиб себе больно ногу. Очень грустен, как можно понять, но, благодаря бога, грусть такая не по его характеру, он уверяет, что нрав его в это время очень изменился и нетерпеливость сменилась кропотливостью.

Прощайте, будьте здоровы. Конечно, Федя вам кланяется. Наше почтение Елене Густавовне.

Ваш Трубецкой.

248. Н. Р. РЕБИНДЕРУ

Москва, 3 сентября [18]60

Я до сих пор не писал к вам, любезный мой Николай Романович, зная из разных источников, что вы не возвращаетесь в Петербург. Вчера вечером получил ваше письмо от 31-го. Мысленно побранил вас за неосторожность, которая чуть не обошлась вам дорого. Бросьте мрачную мысль, что жизнь ваша может быть не нужна вашим детям. Чья любовь может заменить детям любовь отца или матери? Ваши много потеряли, но все же вы остаетесь, и для них есть руководитель, пекущийся о их теле, нраве и душе.

Конечно, не может быть, чтоб у вас не было горьких и очень горьких минут, особенно возвратившись теперь в дом, не мог он не показаться вам грустным, все напоминает вам вашу потерю, но я видел, что вы умеете бороться с судьбой, и уверен, что твердость ваша не оставит вас, хоть иногда, и, может быть, часто, удары ее будут чувствоваться и оставят на себе сильное впечатление. Жизнь наша есть постоянная борьба; кто не испытал горя и таких горестей, которых не ожидал возможности пережить? Чем более живешь, тем более лишаешься то того,

то другого наслаждения, и каждое из этих лишений тяжело переносится, в особенности когда оно такое, как вы теперь пережили. Предайте себя, любезный друг, всем сердцем в волю Божию, да перейдет в душу вашу теплая вера нашей милой покойницы. Память о ней будет подкреплять вас во всех обстоятельствах вашей жизни, и я верю, что по благодати Божией ее чистая душа имеет ходатайство за вас и ваших детей у престола всевышнего. Предстательством ее ниспошлет вам силы подкрепляющие. Очень грустно мне, что здоровье Наденьки вас беспокоит, но надеюсь, что искусство знающего врача уничтожит ваши опасения. С болезнями этого рода медики уже довольно ознакомились, и, конечно, можно отвести их последствия, которые так пугают вас и о которых вы преждевременно сокрушаетесь, как будто бы уже они начали показываться. То же самое скажу и насчет Кати. Зачем предвидеть дурное, когда, благодаря богу, нет к тому видимого повода? Предвидя худое, которое, может быть, и не сбудется, мы только напрасно терзаем себя, тогда как и без того не много радостей в жизни. Простите мне эти малые упреки, любезный мой Николай Романович, они выражаются от избытка чувства к вам и желания вам возможного спокойствия духа. Расцелуйте малюток и пожмите за меня руку вашей дочери. Ваня вам кланяется и целует племянников. Господь с вами.

249. Э. С. и Н. Д. СВЕРБЕЕВЫМ

Москва, 8 сентября 1860

Сегодня день рождения Дмитрия Николаевича и поэтому посылаю письмо [с] поздравлением вас, милые друзья мои. При этом случае я вспомнил, что, писав к вам пред 27-м августа, я забыл тогда поздравить тоже новорожденного, равно для тебя, моя Зина, и для меня дорогого. Сегодняшний новорожденный намерен завтра отправиться в Солнышково и оттуда к вам в Сетуху, где, говорит, намерен прожить донельзя. Приглашал меня приехать, чтобы от вас вместе возвратиться; вы и сами приглашаете меня, и я сам желаю провести с вами хотя несколько дней, но еще не знаю, как это устроить. Дело немудреное, и исполнение не трудное, только я еще не соображу, как распорядиться временем. Сестра очень зовет на несколько дней в Аниково¹; к[н]. Николай очень

приглашает в Новое, куда я, как знаете, ехал и не доехал. Время прекрасное опять настало и так и вызывает вон из Москвы. А все-таки я не надеюсь, чтоб мне пришлось пользоваться им у вас, и скорее полагаю, что являюсь к вам вместе с осенними дождями. Я считаю, что и для вас мое присутствие в подобное время будет приятным сколько-нибудь развлечением. И с моей стороны тут уже не будет никакого эгоизма, чего я не мог бы сказать в теперя стоящую приятную погоду.

Благодарю тебя, милая моя Зинуша, за присылку письма Зинаиды Ив[ановны]. Грустно было читать его и между тем тяжело и оторваться от чтения. Как наша бедная Саша страдала. Это, конечно, от болезни в кишках. Понимаю, как отраднo ей было в это время присутствие тетки. Она напоминала ей во многом матушку, а любящая душа Зинаиды Ивановны пришлась по душе бедной нашей страдальце. Не хочу более распространяться об этом предмете, и самому грустно, и на тебя грусть наведу, а надобно безропотно покоряться святой воле провидения. Кто знает тайны все провидящей предусмотрительности. Мы должны верить, что все ко благу, и так принимать определения всевышнего.

Письмо тетушки я тебе пересылаю с Дмитрием Николаевичем. Ты получишь его несколькими днями позднее этого, но верно.

Мои ребята пошли поздравлять за себя и за меня, а я не решился ехать обедать, как вчера приглашал меня рожденик. Дня четыре назад у меня сделалось колотье в спине, и я нахожу нужным не быть в гостях, пока осталось хоть слабое чувство. Оно, однако ж, не мешает мне пользоваться чистым воздухом и ясным небом. Близ меня сад Александровский, и я там посиживаю на скамеечке. Вчера вечером посетили меня ваши сестры Варв[ара] и Кат[ерина] Дм[итриевны]. В это время у меня был Басаргин, и часа два мы вели очень живой разговор преимущественно о раскольниках и сибирских миссионерах, между ними о знаменитом Макарии².

Третьего дня просидели у меня сестра моя с Иппол[итом] Ив[ановичем]. По обыкновению приехали поздно, когда уже я перестал ждать, и мы расстались за полночь. Обедая у нас вчера Миша Муравьев, который совсем оставил Одесский лицей и приехал в Москву для

окончания наук в университете. Он явился чрез Италию и Лондон.

От Ник[олая] Ром[ановича] известия не худые, исключая, что он много тревожится здоровьем Наденьки, воображает, что у нее болезнь матери.

Прошу расцеловать за меня малюток так же крепко, как я вас обоих целую и обнимаю. Ваня вас целует, Федя кланяется. Христос с вами.

[Приписка на первой странице:] Сейчас получил письмо твое и послал с Ваней для прочтения Катерине Дм[итриевне]. Что ж вывел Ник[олай] Дм[итриевич] из своей поездки к Я.?³ Там теперь Фокла, три дамы еще не приехали.

250. И. С. ТРУБЕЦКОМУ

Аниково, 3 часа 13-го сентября [1860 г.]⁴

Сию минуту приехал и нашел сестру² у ворот. Она зовет походить, и ямщик просит отпустить, и я, чтоб не задерживать его, сейчас принялся за перо.

Сказать тебе, милый мой Ваня, еще нечего, исключая, что дорога хороша, ехал я ровно шесть часов, из них проселком 1¹/₂. Сколько здесь останусь, еще не могу сказать; говорят, будет случай или пошлют нарочного, тогда напишу, а теперь, только что вылезши из повозки, решить нельзя. Сестра просит тебя сказать Ипполиту Ивановичу, что она и все здоровы.

Обнимаю тебя и крепко целую. Федю обнимаю. Христос с тобой.

251. Н. Р. РЕБИНДЕРУ

Москва, 26-го сентября [18]60

Любезнейший Николай Романович, я не отвечал на первое ваше письмо, потому что оно было получено без меня¹; я был у сестры моей в ее деревеньке и, возвращаясь, был не совсем здоров, когда получил ваше письмо второе от 23 сент[ября] с поздравлением на вчерашний день, за которое благодарю. Получил также и поздравление от детей, и к ним будет особый от меня листок. В ваших письмах неприятно то, что вы имеете причины жаловаться на возобновление старых ваших недугов и что здоровье Наденьки вас беспокоит. Она и сама мне пишет,

подтверждая слова ваши, и прибавляет, что она лечиться боится. Не смею противуречить ей в последнем, имея пред глазами пример продолжительного безуспешного лечения первостепенными врачами болезни сходной, сколько понимаю, с тою, на которую жалуется ваша дочь и которая при пользовании врачебными средствами развернулась в широких размерах. Врачи начинают сомневаться в своей науке, видно, так что всё в наше время в переходном положении и все вопросы, как общественные, так и научные, требуют перерождения. Вам по вашей части предстоит тоже огромный труд, желаю от души, чтоб вы могли провести его успешно по тем здоровым началам, на которых желаете основать его². Радуюсь, что вы довольны своими действиями по имению³. Не довольно понимаю дела, чтобы осмелиться одобрить ваш способ действия, но уверен, что его вы приняли по зрелом обсуждении и с людьми надежными, которые не обманут вашего доверия. Не меньше желательно, чтоб и приговоренный к детям новый гувернер оправдал тоже ваши ожидания. Вы говорите, что он живого характера, и потому я не предполагаю в нем ученого педантизма и надеюсь, что дети его скоро полюбят.

Разрешения отечественного вопроса, поступившего, наконец, в Главный комитет, все ожидают с великим нетерпением и не меньшим страхом. Разные местные вспышки причиною первого чувства, а второе происходит единственно от крайнего недоверия к тем лицам, на рассуждения которых они теперь отданы⁴. К политическому же направлению, о котором идет речь, в здешней публике не более сочувствия, как и в вашей столице. Общественное мнение решительно против него, и высказывается страх, чтоб мы не были снова втянуты в дела, которые еще более запутают нас внутри и, может быть, надолго еще более обессилят⁵.

Зина пишет всякую почту, и известия о всех, и между ими о Кате, благодаря бога, все хорошие. Я, может быть, еще съезжу к ним, чтоб провести с ними 11-е октября, день именин Зины. В половине ноября они думают переехать в Москву. Лиза тоже писала несколько писем из Arcachon — морские купания близ Биарица, — теперь они все на возвратном пути, и уже посылаю ей письма в Одессу, куда они полагают прибыть 7-го. Лечение, кажется, было не без пользы. Они останутся нес-

сколько дней у Саши Des Cars, где они найдут гр. Леб-цельтерн и Кампанья и всех в страшном горе. Нынешний год тяжел для нас и близких нам. Дочь Зинаиды Ивановны овдовела, лишившись мужа⁶ внезапно. Он поехал навстречу своей сестре, ожидаемой по железной дороге, должен был встретить ее в Chalones, видно, что это близко от них, потому что он поехал верхом. Не доезжая до станции, он упал с лошади; две женщины, бывшие тому свидетельницами, подошли к нему, но когда подоспели, он был уже на ногах, только на вопросы их отвечал худо и мало. Одна побежала домой, и муж ее приехал с тачкой. Декара перевезли в город, пустил доктор кровь, поставил 100 пиявок. Послали к жене, она приехала и нашла, что он уже причастился, и чрез 1 1/2 часа скончался на руках у жены и сестры. Воображаю, каково положение бедной жены, и она же беременна и ожидает родов 12/20 ноября. Гр. Лебц[ельтерн] совсем потеряна, поспешила к дочери. С нетерпением жду, что напишет мне о них Лиза по свидании с ними. Печально оканчиваю письмо, дай бог, чтобы будущее было отрадное. Простите, обнимаю вас и детей, целую. Наденьке поклонитесь.

Любящий вас С. Трубецкой.

[Сбоку приписка:] Ваня свидетельствует вам и Наденьке почтение и целует Сережу и Коку.

252. З. С. СВЕРБЕЕВОЙ

Москва, 27 сентября [18]60

Милая моя Зинуша. Сейчас получаю письмо твое от 22 сентября и благодарю от себя и от Вани за поздравления. Вчерашний день мы отпраздновали в семействе, т[о] е[сть] обедали у нас сестра моя с Ипполитом Ивановичем, а вечером были у Вани Гоша и Алеша Трубецкие. Третьего дня вечером сестра с мужем пили у меня чай. Александр Викторович приехал провесть с нами эти два дня, сегодня возвращается домой. Вчера была у меня утром Нонушка, а третьего дня присылали поздравить Анна Егоровна, кн. Елена Ник[олаевна] и ваши. Их я не видел с тех пор, как Катер[ина] Алек[сандровна] была у меня, о чем я уже писал, кажется. На другой день она легла в постелю, и я уже никого из них не мог видеть. Попытаюсь, может быть, сегодня, хотя погода несколько

не привлекает к выходу. Это состояние неба делает очень загадочною поездку мне к вам. Ежедневный дождь размыл, конечно, дорогу, притом ночи темные, в почтовых каретах не найдешь места, хотя бы и надеялся из Мценска достать до вас экипаж, надобно ехать в своем тарантасе, а расхода будет в оба пути около ста рублей. Все эти соображения затрудняют меня. А очень бы хотелось быть с вами именно в то время, когда вы уединены. Ты уже, дружок мой, готовилась и лошадей выслать. Это слишком рано. Если поправится погода и я решусь ехать, то по письму моему ты успеешь выслать.

Ник[олай] Дм[итриевич] хотел знать верное о вашем архиерее; он действительно переводится в Симферопольский уезд, распоряжение сделано.

От С[офьи] И[вановны] получил старое письмо от 25 августа, а письмо гр. Борха не отыскивается. Оно, как кажется, было получено в П[е]т[ер]бурге, и Н[иколай] Р[оманович] переслал мне его 22 августа, а здесь не отыскалось. Тетушка хотела писать к тебе по приезде дочери, которую ожидали с нетерпением.

Твой Николай спрашивает об эмансипации, вот что пишет Н[иколай] Р[оманович]: «Комиссии кончили свой обширный труд. Он перейдет в Главный комитет, где нет лица, сколько-нибудь сочувствующего делу. Должно ожидать совершенного изменения проекта, тем более, что Панин держится других и на беду к самому концу поссорился не на шутку с членами комиссии».

Ах, Зина! остается мне еще передать тебе очень грустное известие, которое мне сообщает Лиза по поручению тетушки Лебцельтерн. Но ты его сама прочтешь в письме Лизы, при сем приложенном; последний листок я не посылаю, в нем ничего нет. Жаль бедную Сашу, какой ей неожиданный удар¹.

Завтрашний день я намерен ехать во все дома Варгина, смотреть квартиры и узнать, могут ли быть свободны к половине ноября. 50 р. на твои потребности я передал Екатерине Дмитриевне.

Закрываю крепким всем поцелуем за себя и за Ваню. Папе и сестре мое почтение, жалею, что не у вас я вместе с ними. Алекс[андр] Викт[орович] просит им от него поклониться. Христос с вами.

Лизе я писал уже в Одессу. Она должна там быть 8-го.

253. Г. С. БАТЕНЬКОВУ

Москва, 7 окт[ября] 1860

Гаврилу Степановича ожидают в Москву в дом Панина на Никитской, во флигель, что в Шереметевском переулке, в квартиру Трубецкого.

254. З. С. СВЕРБЕЕВОЙ

Москва, 7 октября [18]60

Вчера я получил письмо от Лизы из Келя (Kehl) от 26 сент. Где этот город, я не знаю, только по дороге в Мюнхен. Они остановились тут ночевать, чтоб на другой день продолжать путь. Были в Ла Морозьер¹, нашли Сашу твердою в своем несчастье, а тем и тетушку успокоенною. В Париже они встретили Серг[ея] Григорьевича и Марью Ник[олаевну]. Она показалась им постаревшею и болезненною, а С[ергей] Г[ригорьевич] молодцом, только нога одна плохо действует. Они ожидали Нелю, но, как я слышал, ожидают напрасно, так как решено, что Кочубеи проведут зиму в деревне. В Вене Лиза надеется найти письма, только не от меня, потому что я расчел, что там мое письмо их не застанет, и писал уже в Одессу и в Каменку.

С именинами твоими, милая Зинуша, я должен поздравить тебя и Николая Дмитриевича письменно. Сам, к крайнему неудовольствию, быть не могу. Я писал, как мы неудачно сняли квартиру, очень хорошую на вид и по расположению, и местонахождению, но так сырую, что провести в ней зиму почитаю опасным для моего и детей здоровья. Предлагают мне перейти в верхний этаж, точно так же расположенный, но как из него также выехали за сыростию, то я не решаюсь, хотя, правда, та половина, которую мне дают, не та, из которой выехали, и управитель уверяет, что она суха или суше. До сих пор еще не нашел, хотя обегал все околотки. Приходится искать далее. Вчера я видел Доли, просидел с нею 2 1/2 часа, а вечером столько же у кн. Елены Николаевны, где пили чай с Перфильевой². Ваших я видел третьего дня. Говорил с Маклаковым³, который утверждал, что он уверен в выздоровлении. Соня тиха, и М[аклаков] говорит, что бок и рука перестали болеть, а только спина болит. В семействе боятся, что она скучает, не видев никого из своих, на это Иноземцев отвечает, что от скуки ни-

кто не умирал, а причины к раздражению удалены. Когда бываю с Кат[ериной] Ал[ександровной], много говорим о покойном Хомякове и его семействе⁴. Это ее облегчает. Получил письмо от Ник[олая] Ром[ановича], он опять жалуется на свои нервы. Кока был немного нездоров желудком. Н[иколай] Р[оманович] полагает, что я еду к вам, и завидует мне. Получил тоже от гр. Борха[] ответ на записку. Он утверждает, что в ней все или ложь, или превратное толкование⁵. Обещает ответ на нее по возвращении в Петербург.

Прощайте, милые друзья, обнимаю вас и детей и почтение мое папá и сестрице. Христос с вами.

255. Н. Д. СВЕРБЕЕВУ

Москва, 10 октября 1860

Любезный мой Николай Дмитриевич. Я уже в последнем письме поздравил сегодняшнюю именинницу, и как пришлось писать в этот день, то повторяю поздравления. Надеюсь, что письмо мое найдет вас всех здоровыми и тебя, освободившегося от простуды, которая и меня, и всех ваших беспокоила. Я не забыл, когда ты простужаешься, и обращаю в этих случаях к тебе упреки, которые вы мне часто делаете, что я не довольно берегусь. Я уже давно обдержанная посуда, а вы знаете из пословицы, что битая больше живет, а новую надобно беречь, не знаешь, как разобьется, может, так, что и склеить нельзя будет. К тому же от неосторожности в молодости можно получить привычку к простуде, что очень скучное дело. Но кончаю об этом предмете, чтоб не слишком надоесть.

Нельзя, однако, не сказать снова об удущье, на которое ты жалуешься: мама твоя приписывает его чувству нервическому и сказывала мне, что в молодости своей была ему подвержена. Я тоже своим примером могу, кажется, подтвердить, что оно должно происходить из этого источника. Оно у меня почти всегда делается, когда я скоро после обеда стану ходить, и тогда я должен начать ходьбу очень медленно, даже по временам останавливаться. Жаль мне очень, что нынешний день я проведу не с вами, как ни гадка деревня, как ты пишешь, в это время, я бы приятно провел с вами в ней время, мы все утешаемся тем, что вы не одни и что папа с сестрой своим

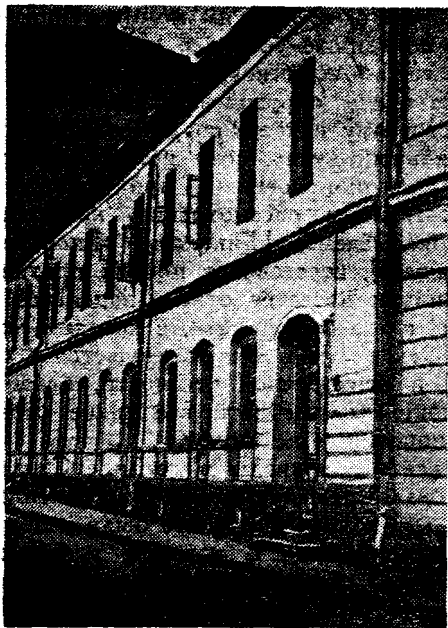
присутствием не позволяют скуке овладеть вами. О маменьке не беспокойся, хотя при всех принятых осторожностях известие о кончине Х[омякова] ее очень поразило, и грустит она и о нем и о семействе его, однако твердость ее характера не допустила нравственному впечатлению подействовать вредным образом на ее здоровье, и оно, благодаря бога, хорошо.

Доказательством тому может служить то, что она вчера была при отпевании тела дочери баронессы Розен, жившей в Зачатьевском монастыре, и простояла в церкви от 11 часов до 1½ часа. Служил сам митрополит с двумя архимандритами и 10-ю священниками. Он любил покойницу, и по смерти ее оказалось, что она уже 7 лет была в тайном пострижении. Это, конечно, очень огорчило вашу тетюшку Анну Ал[ександровну]. Она пошла за гробом до Алексеевского монастыря. Длинная служба в тесноте не утомила Екатерину Ал[ександровну], и вечер она просидела у меня с 7 ч. и за 11. Она хотела видеть М. С. Корсакова, который утром был у ней и не застал, а вечером обещал ко мне приехать рано, что и исполнил. Разумеется, много говорили о Сибири и о Ник[олае] Ник[олаевиче]. Из слов К[орсакова] видно, что при всем недоброжелательстве высших сановников к М[уравьеву] и всевозможных препятствиях, полагаемых ими для устройства новоприобретенного края, они боятся присутствия его в столице и желали бы держать его в Сибири, соглашаясь даже, чтобы он был там наместником, если звание г[енерал]-губ[ернатора] не удовлетворяет его. К[орсаков] советовал дать ему отдых с свободою провести время за границей и где он захочет, не требуя, чтоб он ехал скорее назад в Сибирь, и высказывал уверенность, что в таком случае и при таком условии Н[иколай] Н[иколаевич] не будет настаивать, чтоб оставить свое звание г[енерал]-губ[ернатора], и чрез некоторое время сам охотно поедет присмотреть, так ли все устраивается, как он желает, чтоб оно было¹. Совет этот очень понравился Сухожанету². Сам же Н[иколай] Н[иколаевич] рвется выехать из Иркутска (как мне сказал Ник[олай] Белоголовый³, на днях возвратившийся), и главная причина тому разладица, продолжающаяся в иркутском обществе со времени дуэли⁴. По утвержденному приговору, Б[еклемишев] и главные участники должны были содержаться в крепости, первый три года, другой 9 и 6 м[еся]цев. Н[и-

колай] Н[иколаевич] просил им помилования, и Корсаков говорит, что 26 августа убавлено и Б[еклемишев] высидит только один год, обновя новый острог. Между тем Ольдекоп⁵ и все члены окружного суда отданы под суд за приговор к строгому наказанию за изменническое убийство и неправильный дуэль, чему нет юридических доказательств. А поступки военных, принимавших участие в дуэли, предоставлены рассмотрению начальства. Покровительство, оказываемое Н[иколаем] Н[иколаевичем] партии Б[еклемишева], восставляет прочих против него, и не мудрено, если там известен отзыв, поданный Венцелем о Б[еклемишewe] и его сообщниках, в котором он объясняет, что причина ненависти к ним заключается в отличном их образовании, в безупречной честности, строгом исполнении обязанностей служебных, все такие свойства, которых прочие чиновники не имеют.

Я читал все эти похвалы в докладе Сенату, по которому последовало решение дела. Определенному наказанию едва ли кто подвергнется, все были в командировках, исключая Б[еклемишева], о котором в представлении о помиловании было сказано, что он, и содержась в остроге, занимается делами по своей должности. Все это, как рассказывает Белог[оловый], причиной неурядицы и гнева Ник[олая] Ник[олаевича], который не хотел оставаться в городе в день своих именин. С Б[елоголовым] я встретился на улице и не мог долго говорить, потому и не могу знать подробностей. О делах в Китае из Сибири ничего не известно. Корсакову прислали только прокламацию Айгунского Амбана, в которой он говорит, что Муравьев — гнусное исчадие какого-то монгольского зверя. Союзники заняли некоторые пункты на берегу Печелийского залива и очень обходятся ласково и дружелюбно с китайцами, так что народ, который в Пекине их боялся, теперь желает, чтоб они приехали. Богдыхан под предлогом охоты собирается, кажется, удрать в Манджурию — вот все известия по сих пор. Игнатьев⁶ выехал на нашу эскадру.

Вы знаете, что сырость моей квартиры заставляла меня искать новую. Я, Ваня и Иван обегали много домов, и уже я решился было на один, хотя многое в нем мне не нравилось, как управляющий домом Панина предложил мне занять верхний этаж, уверяя, что я сырости в нем не найду и что он сам жил в некоторых из этих комнат в прошедшие 14 лет.

ФЛИГЕЛЬ ДОМА КН. МЕЩЕРСКОЙ В ШЕРЕМЕТЕВСКОМ ПЕРЕУЛКЕ
В МОСКВЕ, ГДЕ С. П. ТРУБЕЦКОЙ ЖИЛ ВО 2-М ЭТАЖЕ
В СЕНТЯБРЕ — НОЯБРЕ 1860 г.

С. Майер жил так же, как и я, внизу, и у него было еще сырее, нежели у меня, в чем мне легко было убедиться при осмотре его квартиры по его выезду. Внизу подводили фундамент, и несколько рядов сохраняют сырость, вверху же этого ничего нет. Цену не надбавили, и я, убедившись, что верх сух, намерен в него переселиться, что гораздо для меня покойнее, нежели переходить в другой дом. Расположение точно такое же, как внизу. Теперь там вставляют двойные рамы и начали топить, и чрез несколько дней можно будет видеть, есть ли какая сырость, а буде ее нет, то безопасно перебираться.

Сегодня мы обедали у ваших, чтоб вместе отпраздновать именины дорогой нам всем именинницы¹. Расцелуй ее за меня, тоже деток. Дмитрию Ник[олаевичу] и сестрице мое сердечное почтение, а тебе, моему другу, самые нежные объятия.

Христос со всеми вами.

Москва, 12 октября [18]60

Любезнейший Николай Романович, я послал вам с Федором Васильевичем¹ ваши книги, шесть частей трудов редакционной комиссии. Так как знаю, что он видел вас, то полагаю, что он отдал и книги. Если он еще не уехал и вы его увидите, то скажите ему, что Варвара Дм[итриевна] Арнольди сегодня едет в Петербург по случаю получения депеши по случаю кончины старого генерала Арнольди. Она остановится у Смирновых². Вчера был день именин Зиночки, и мне очень жаль, что я не мог провести этот день с нею в Сетухе. По счастью, они там не без родных, у них отец Свербеев с одной из меньших дочерей. Без них Николай Дм[итриевич] очень бы скучал, он пишет, что в это время года деревня делается невыносимой. Для него это понятно, он не любит заниматься хозяйством и прошедшим летом занялся им единственно потому, что считает это необходимостью. Нужно было лично ознакомиться с имением и узнать, что может оно приносить доходы. Сверх того, и истратить наименьшее, чтоб иметь возможность скорее расплатиться с долгами, которые покупка его заставила сделать. Если б здоровье его крепче, то я полагаю, что он не столько бы скучал, а то часто он прихварывает, и это наводит на него хандру, он же довольно мнителен. Зина и дети все, слава богу, здоровы. Я не поехал к ним сначала потому, что не совсем был здоров и погода в то время была все дождливая, а потом вынужден был искать квартиру, та, которую я занимаю, оказалась очень сырою. Кучу домов пересмотрел и решился было на один, как управляющий домом предложил мне занять верхний этаж того, в котором живу. Он, по-видимому, оказывается не сырým, но это будет лучше видно через несколько дней; его теперь топят и вставляют тепловые рамы. В нижнем ярусе сыро, потому что в нынешнем году подводили новый фундамент; это, кажется, не может действовать на верхний этаж. Сегодня я получил письма от Лизы из Вены, их провожал по Германии по железной дороге снег, и теплой одежды не было, и она простудилась. Теперь должна быть в Одессе или Каменке. От гр. Лебцельтерн имел тоже с описанием несчастного происшествия. Она пишет, что ее дочь перенесла удар с большою твердостью, нежели она сама.

На днях встретился с Корсаковым, и он был у меня и сидел долго; на днях едет в вашу столицу. Обнимаю вас и прошу поцеловать детей, надеюсь, что Кока поправился. Наденьке кланяюсь. Христос с вами. Ваня вам кланяется.

[Приписка на полях:] Жду Григ[ория] Пав[ловича]³, думаю, что он скоро будет и даст мне о вас изустные вести. Воротились ли Борхи в Пет[ер]бург? Он, кажется, сердит на меня за известную вам записку, как я сужу по его письму.

257. З. С. СВЕРБЕЕВОЙ

Москва, 14 октября [18]60

Милая моя Зинуша. Вчера вечером получил я письмо твое от 9-го. Ты пишешь, что не успела написать ко мне в пятницу, но что если я вижу ваших, то от них знаю о вас. Оно так — я их вижу почти каждый день, редко проходит один, чтоб я с ними не видался, а потому ежедневно у нас идут разговоры о вас. Вообще все желают, чтоб папа прожил с вами долее и чтоб по отъезде его вы недолго оставались в Сетухе и переехали в Москву. Она и нужна, как я вижу, для здоровья Ник[олая] Дм[итрие]вича, во-1-х, потому, что в теперешнее время года деревня очень непривлекательна и с началом зимы будет еще неприятнее жить без сообщества с подобными себе, а 2-е, здоровье его требует заняться им более, нежели это возможно в деревне. Не одна простуда, как мне кажется, пошатнула его здоровье, большую долю имеет и душевное настроение, которое продолжается уже несколько месяцев. Надобно сказать, что в этом отношении нынешний год оказался для нас очень тяжелым. Неожиданные кончины Декара и Хомякова, заботы о матери по случаю последней, увеличенные разлукой, и все обстоятельства семейного здоровья, на которые обращаются ныне помыслы, — все это не могло не потрясти сильно нравственное состояние, имеющее сильное действие на нервы.

Так я себе объясняю и почитаю, что в таком положении уединение от сообщества близких и любящих людей не может быть полезно. Письма, получаемые у вас от маменьки, надеюсь, успокоили вас на ее счет. Я, с своей стороны, любовался ею во все это время. Правда, она плакала, погрустила и много занимает ее мысли положе-

ние покойного Хомякова, но она тверда и деятельна, как я ее никогда не видел. Вчера я не был в доме, но знаю, что Екат[ерина] Ал[ександровна], как и в прочие дни, выезжала. Фокла была у них и видела только Екат[ерину] Дм[итриевну]. Третьего дня я проводил до <...> * поезда Варвару Дм[итриевну]. Она уезжала на похороны старика Арнольди и думает возвратиться в понедельник или вторник. Не выдавши ваших, я не знаю, привезено ли тело и приехали ли дети Хомякова. День погребения будет днем плача, конечно, но за здоровье маменьки не беспокойтесь, она к этому дню приготвилась. Вчера я не видел ее, потому что рано утром поехал к Пермыкину¹, бывшему здесь проездом в П[е]т[ер]бург. Он мне привез письмо от Аннушки Миштовт, и не застал его, а надобно было поблагодарить его за все, что он сделал, когда скончался Мих[аил] Карлович². Без него этого бедного человека оставили бы без погребения бог знает сколько времени, да и похоронили бы тело не так, как человеческое и христианское, а просто зарыли бы, как какого-нибудь животного. От него я поехал к Анненковым, приехавшим из Парижа и возвращающимся в Нижний, они втроем с старшим сыном. На вечер звали нас и их Бибиковы³, где был также и Корсаков. Рассказы Ивана Алек[сандровича] и особенно Прасковьи Егоровны очень нас забавляли. Нынче вечером мы будем вместе у сестры моей. Из семейства Александра Бибикова никого не было, он только что оправился от опасной болезни, и теперь нездоровы жена и дитя⁴. Ему была, сверх того, большая неприятность, вынудшая из не слишком нагруженного кармана 9500 руб. сер. Казначей промотал деньги, а, свидетельствуя книги и суммы, члены правления подписывали все без проверки. Хотя, говорят, деньги считали, но книги прихода и расхода не проверяли, и всем пришлось поплатиться. По счастью, у Б[ибикова] требуемая сумма была налицо. Если б он сам в это время не лежал в жару, то, говорят, заплатил бы несколько менее, но эти господа приступили к его жене, и как Нонушка ни отстаивала ее с сводом законов в руках, однако убедили ее заплатить все, что требовали. Мих[аил] Бибилов в то время также [был] в отсутствии, ездил в Псковскую губернию.

* Одно слово неразб.

Лиза Урусова с 22 сентября очень нехороша. По обыкновению лежит в темноте, никого не видя, даже сестры Доли, которая остается здесь в ожидании своего мужа. Фокла также была вчера нездорова, однако я с нею посидел. От Лизы нашей получил из Вены, куда их преследовал снег чрез всю Германию. Она, разумеется, простудилась, насморк и кашель, и в Вене запаслись теплой одеждой. В Одессу думали быть 8-го окт[ября].

После обедни. Грустная для нас годовщина сегодня, милая моя Зинуша, мы сейчас с Ваней из монастыря, отслужили там панихиду за упокой душ бесценных наших усопших, с которыми господь, по милосердию своему, благоволит нас соединить в мирных своих обителях. Ныне же господь сохрани вас всех и помилуй. Обнимаю и целую вас от всей силы любви моей и всех малюток. Христос с вами.

Дмитр[ию] Ник[олаевичу] и сестре вашей мое сердечное приветствие.

258. Н. Д. СВЕРБЕЕВУ

Москва, 21 октября 1860

Милый друг Николай Дмитриевич, отвечаю на письмо от 13-го и начну с предмета, которым оно начинается, т. е. квартиры. Я был вчера у Лобади, и там ничего нет для вас удобного, и притом крайняя дороговизна. В 6 или 7 комнат отделения требуют не менее 300 руб. на месяц, а стол не менее 150 [р.] с персоны, освещения нет, и я более не расспрашивал, имея уже в виду нечто лучшее. Катерина Дмитриевна будет вам писать, что она знает о доме Варгина по Тверской, а я был в его же гостинице на Пятницкой, там нашел три отделения свободных: одно слишком большое для вас, в 13 комнат, и дорогое, а два другие точно такие, какие вы желаете иметь, т. е. передняя, гостиная, спальня с перегородкой или занавескою, за которой кровать, а впереди стол для туалета, возле спальни маленькая комната для девушки, за нею детская, возле нее кабинет довольно большой, а возле него столовая; несколькими ступеньками ниже для людей, небольшие: в одном отделении 2, в другом 3 комнаты. Оба отделения как раз расположены одно как другое, в обоих буфеты темные из передней, только верхний удобнее тем, что детская больше, а внизу она мала для

троих детей и двух нянь. Посуда и белье для стола, посуда кухонная, дрова во все места и вода — хозяйские, сарай для экипажей и конюшня. Освещение внутреннее записанных комнат — от постояльцев; также и повар. Цена на месяц 200 рублей. Комнаты хороши, чисты. Верх невысок, тотчас над rez de chaussée*. Показывавший, разумеется, уговаривал не медлить наймом, что могут быть каждый час заняты, что приходила спрашивать от Муромцевых. Жаль только, чтоб не была взята верхняя до вашего решения. Посмотрю еще в третьем доме Корчина, на всякий случай, но думаю, если скоро буду иметь ответ от вас, то которая-нибудь из виденных мною и та, которая в виду на Тверской, не будут заняты. Не худо вам определить, на сколько месяцев нужна квартира, предпочтительно отдается тем, кто возьмет на долгий срок, если явятся более одного желающих.

Очень неприятно читать в вашем и Зинином письмах, что здоровье худо поправляется и продолжает надобность в врачебной помощи. Боюсь, что когда вы останетесь одни, то чтоб не присоединилась хандра, и потому очень бы желал, чтоб вы ускорили приездом своим сюда. Недели две лишних не увеличат так расход, чтоб было чувствительно, а между тем может быть полезным для здоровья, если сократите пребывание ваше в Сетухе. Мы все здесь надеемся, что отец уговорит вас. Деньги 3 т[ыс.] рублей могут оставаться у вас, мы не имеем в виду расходовать их, а 300 рублей, взятые мною в Сетухе, и 50 рублей, взятые Катериной Дмитриевной по поручению Зины, я хотел бы получить. Без них нам нечем будет дотянуть год, тем более, что граф Борх не выслал следующих с него процентов, а мне не хочется пока напоминать ему о них, не может же он забыть. Станет теперь перебирать свои счета, то увидит сам, что уплаты не было. Он на меня сердится, пишет Ник[олай] Ром[анович], и говорит, что я его обвиняю в умышленном захвате чужой собственности. Вы читали мою записку¹, кажется, из нее он не может вывести себе обвинение от меня. Я потом давал ее читать Ник[олаю] Ром[ановичу], прося его, чтоб он просмотрел, не может ли граф принять чего-нибудь на свой счет, какого подозрения с нашей стороны. Ник[олай] Ром[анович] утвердил тоже, что против

* Первым этажом (франц.).

графа ничего не находит. В письме моем к нему я тоже только просил приказать управляющему восстановить прежний порядок, отмененный управляющим. Гр[аф] пишет мне, что он никогда не приказывал управляющему запретить вход в лес нашим крестьянам; что он сам, когда управлял имением графини, разделил лес разным деревням, но что все-таки это не значит, что лес принадлежит нам, а только крестьянам дозволен был в него въезд в определенную для них часть. Он поручил Ник[олаю] Ром[ановичу] пригласить меня приехать в Петербург для объяснений, но я ехать не хочу, мне объяснять нечего и словами тут доказать * <...>. Я уже ему писал: «Если я заблуждаюсь, то вы имеете все способы восстановить мое мнение, поскольку вы имеете в руках все письма, которые могут служить доказательством этого» **. Это дело мне очень неприятно, но оставить его без разъяснения я не должен. Но я уже слишком долго занял тебя неинтересным рассказом, пора его прекратить и поговорить о другом, именно о ваших. Хомяковы приехали, как вы знаете, Катерина Александровна не могла быть на похоронах, у ней болела голова, да оно и кстати было. Первое свидание с семейством было грустно, довольно было слез в этот день, Ольга Дм[итриевна] еще не выходит, третьего дня был у ней приступ лихорадки, а вчера не было, да, может быть, тем и кончится. Софья приходит в то положение, в котором была в начале болезни, т. е. слаба, а желудок все по-прежнему. Иноземцев решительно никого к ней не пускает и находит, что это одиночество принесло ей много пользы. Лиза Урусова все слаба, однако теперь можно ее иногда видеть, Фокла с Доли уехали в Троицу, сегодня воротятся и завтра или послезавтра ожидали Дмитрия². Не знаю, не будет ли остановка по случаю кончины вдовст[вующей] императрицы³. Л. А. Трубецкая⁴ приехала третьего дня. Крестьянский вопрос обсуждался в Гл[авном] ком[итете]. Глава (кажется, об администрации) прошла с малыми изменениями.

Пора кончать. Прощайте, дайте и мне лучших вестей о себе. Обнимаю вас и прошу расцеловать деток. Христос с вами.

* Одно слово не дописано, возможно: «нельзя».

** В подлиннике фраза, взятая в кавычки, на франц. яз.

[Приписка сбоку:] Полагаю, что Д[митрий] Н[иколаевич] выехал уже от вас.

Отыскивал № «Колокола», в котором есть список всех шпионов с показанием места жительства, но не нашел⁵. Вopcuл (?) издает журнал и 1-й № очень рассердил столичную знать.

259. Н. Р. РЕБИНДЕРУ

Москва, [не ранее 14]—23 * октября 1860

Несмотря на головомомные ваши занятия, вы находите средство уделять мне частицу вашего времени, дражайший мой Николай Романович, а за это вам сердечное мое спасибо. В нынешнем письме есть приятное известие, что вы нашли средство предохранять себя от простуды; это для вас тем вернее, что вы легко ей подвергались. Мое же нездоровье не заключило в себе важности, но было довольно продолжительно. По нынешней медиц[инской] номенклатуре его называли бы холерикой, если б оно не было сопровождаемо болью в пояснице, скрутившей меня на несколько дней. Сиденье дома и диета освободили меня от этого недуга. Заботы ваши насчет беспокойства Зины я вполне разделяю, опасаясь очень, чтобы здоровье ее мужа не расстроилось еще более. Уверяют меня, что удушье, на которое он жалуется, есть нервическое, но это нисколько не сможет уменьшить опасения, нервические болезни так сложны и так мало поддаются усилиям медицины, что никак нельзя предвидеть, какой исход они могут иметь. Худо то, что удушье мешает ему пользоваться сном, а он у него всегда был прекрасный. Вы правы, что Свербееву нужно обращение с людьми. Деревенская жизнь и деятельность, которую он может в ней найти, совсем не по нем, он не находит в ней не только ничего привлекательного, но она еще и тяготит его. Я постоянно вызываю их в Москву, однако он не хочет приехать ранее 1-го декабря. Теперь пока у них отец, но он уже на отъезде, и без него уединение будет чувствительнее. Не в вас одних последние дни вызвали грустные воспоминания, нынешний месяц богат ими и для нас. Мазаровичева и Невельская искренно любили Сашу и ее мать, и потому не можем и мы их не любить¹. Поздравьте первую с но-

* Письмо писалось с перерывами.

ворожденным, желаю сердечно, чтоб она его сохранила.

23 октября. Это письмо было начато несколько дней тому назад, и я замедлил его кончить по двум причинам: одна та, что Зина просила меня поискать для них квартиры и поспешить уведомить ее скорее о том, что найду. Потом мне хотелось сообщить вам последнюю переписку мою с гр. Б[орхом] и приложить при этом маленькое объяснение, почему я нахожу бесполезным ехать в Петербург. Эту записочку я не успел кончить и потому оставляю ее до другого письма, а письма ко мне графа из Загезольда и ответ на него я при сем прилагаю². Может быть, графу не понравилось, что я говорю в моем ответе касательно управления имением; но на странный, можно сказать, выговор, который он мне делает, что я взял особого управляющего, нельзя же было мне не ответить и не показать ему, что управление его управляющим было только номинальное.

Я ныне поспешаю отправить это письмо, чтоб рассеять странные сомнения, [которые] проявились в вас, касательно моего к вам расположения. Как можете вы подумать, что я могу забыть, что моя Саша была счастлива любовью вашею почти девять лет? Могу ли я забыть привязанность, которую она к вам имела? Разве вы не отец моих внуков, которых я не могу не любить уже по тому одному, что они дети моей дорогой дочери, привязанность которой ко мне никогда не изменялась и которой я был счастлив целые тридцать лет? Выбросьте, любезный мой Николай Романович, из вашего ума всякого рода сомнения насчет моего к вам расположения. Я вас полюбил с первого моего с вами знакомства, а когда вы сделались мужем моей Саши, то я не мог не привязаться к вам всею моею душою и всем моим сердцем. Если б я вас нисколько не знал прежде, то уже достаточно того, что Саша вас полюбила, ее чувство к вам не могло не отразиться на мне. В течение нескольких лет я видел вас с нею в вашем быту и всегда благословлял провидение, соединившее ее с вами. Вы довольно меня знаете, вы знаете, que je ne suis pas démonstratif*, это, может быть, недостаток, но он не мешает мне глубоко чувствовать, и, полюбивши раз человека, я не могу его раз-

* Что я не экспансивный (франц.).

любить, хотя бы он и подал мне причины, тем более не могу я перемениться к вам, от которого я с самого первого дня ничего не видел, кроме самых приятных для меня чувств. Горячих выражений вы не найдете в письмах моих к Сашеньке, а уже ее я, конечно, любил, вы в этом не сомневаетесь; не в моей натуре наполнять письма мои выражениями любви, дружбы, преданности и т. п. Те, кого я люблю, знают, что я их люблю, и не имеют надобности, чтобы я каждый раз заявлял им это словами. Так и вы, друг мой, не изменяйтесь в вашем мнении обо мне и верьте, что я был, есть и буду в отношении вас тем же, чем был до сих пор: именно любящим вас всюю душою и всем сердцем и, прибавлю, глубоко благодарным вам за то, что вы были виновником счастья неоцененной для меня дочери, которой утрата оставила неизлечимую рану в моем сердце.

Хотя я не сказывал вам, но вы догадываетесь по содержанию этого письма, что я получил то, которое вы послали мне с В. Д.³ Она мне подтвердила, что вы довольны новыми средствами, употребляемыми вами для сохранения вашего здоровья, и она осталась довольна вашею наружностью, ей вы показались здоровее, нежели когда она видела вас в последний раз. Я также не могу жаловаться на свое здоровье, хотя, однако же, лета начинают на нем сказываться. По утрам я могу много ходить и этим не пренебрегаю, а после обеда нужен мне отдых довольно продолжительный, и вечером я уже к ходьбе неспособен, делается одышка, препятствующая пешеходству.

Благодарю вас за подробные сведения о детях. По описанию вашему г-на Шенка я надеюсь, что он будет им столько полезен, сколько мы можем того желать. В моих о нем выражениях о его учености вы заключили, что я в том сомневаюсь, но я именно сказал, что ученый и живой не должен быть педантом, так и вы о нем отзываетесь. Сережа, я уверен, будет быстро подвигаться, Кока, конечно, от него отстанет, но присутствие его при уроках для него бесполезно. Он, конечно, внимательно их слушает и не без того, чтоб они остались в его головке. Наденька пишет, что Шенк может говорить с детьми только по-немецки и она боится, чтоб они не разучились родному языку, и потому много с ними разговаривает по-русски. Не упрек я писал вам в письме моем к вашей дочери, а

зная, сколько у вас есть дела, которое необходимо надобно делать, очень кажется понятно, что я обратился к ней за подробностями; ее время не так занято, как ваше, не мешайте ей иногда побаловать меня своими письмами, она же и о вас скажет словечко, которого вы, может быть, и не высказали бы.

Вчера были у меня Федорович и Савичевский⁴. Они оба уезжают завтра, первый к вам, и вы его увидите, а последний в Варшаву, где, кажется, намерен остаться.

Зачем вы себя мучаете напрасно по ночам. Если Сережа раскрывается, то, вероятно, оттого, что ему жарко, у вас в комнате, вероятно, не холодно, и он простужаться не может. Кока одно время никак не терпел, чтоб его укрывали, и когда это делали, то он сбрасывал с себя.

Кончаю, потому что уже 2-й час и я устал. Обнимаю вас и прошу расцеловать детей и поблагодарить Наденьку за ее письмо.

Всем сердцем любящий вас С. Трубецкой.

Ваня вас обнимает и деток и просит поклониться Наденьке.

Сделайте одолжение, когда вам случится быть в книжной лавке, купите *начертательную геометрию Редерера*, преподавателя в училище путей сообщения, и пришлите, когда будет случай.

[Приписка на полях:] Вы не сказали мне, что отдал вам книги Чижов?

260. Н. Р. РЕБИНДЕРУ

Москва, 28 октября [18]60

Любезнейший Николай Романович, граф Б[орх] поручил вам пригласить меня приехать в Петербург. Я охотно бы приехал для того, чтоб увидаться с вами и видеть детей, но в настоящее время по многим моим обстоятельствам не приходится мне этого сделать. Что ж касается до личного объяснения с графом, то оно вовсе не нужно. Приписываемое им мне обвинение его в недобросовестности я не признаю справедливым, потому что в мыслях его не имел, и думаю, что не выразил его ни в записке, ни в письмах, к нему писанных. Вы все это читали и можете быть судьей. Управляющий его не хотел признать прав, основанных на найденных мною документах, я обратился к графу. Он также опровергает *право* и говорит,

что сим мы <...>* как завелось, то единственно по *сни-
схождению*. На это я не имею никакого ответа, не имея
в руках законных документов или актов, на каковых он
может упереться и из которых могла бы оказаться моя
сшибка. Если он захочет ее доказывать, то для этого слов
не нужно, стоит ему только показать ее вам из актов, по
которым он владеет имением. Что вы в них увидите, все
равно как бы я сам увидел. Я вам это пишу не с тем,
чтоб просить вас вызвать графа на какое-либо действие,
но единственно на тот случай, если б он захотел сделать
вас судьей в этом деле, то чтоб вы знали, что с моей сто-
роны я вам совершенно доверяю и суду вашему подчи-
няюсь. Я думал было послать вам записку, в которой рас-
сказать все вкратце, но вы и без того достаточно знаете,
в чем дело. Я же, с своей стороны, больше не намерен
поднимать этого вопроса.

Д. Н. Свербеев возвратился из Сетухи; Зину и детей
ее и Котика оставил здоровыми, а Н[иколай] Д[митрие-
вич] не совсем поправился, хотя ему лучше, на воздух
еще не выходил. Что более озабочивало его отца, так это
хандра, доходившая до сильной степени. Наше желание—
вызвать их в Москву, но он упирается в том, чтоб не ра-
нее 1-го декабря. Им нужно заготовить квартиру, и мы
надеемся, что если должны будем взять ранее, то это за-
ставит их приехать прежде назначенного срока. Врач го-
ворит, что ему нужно рассеяние и спокойствие, в против-
ном случае угрожает аневризм, а раз когда уж он уста-
новился, то лечить нечего. Я надеюсь, что Н[иколай]
Д[митриевич] сознает теперь, что в такое время ему не
следует брать на себя службы и обязанностей. Лиза уве-
домила меня депешей, что они возвратились в Саблы
25-го. Другие Давыдовы расстались с ними, чтоб поехать
в Швейцарию. На днях был у меня проездом Левушка.
Он вышел в отставку и едет в Пе[тер]бург жениться¹, а
потом в Каменку. Он вез с собой брата Алешу, с кото-
рым Александра Ивановна решила расстаться. Его по-
местят в пансион, в котором приготавливают для поступа-
ющих в лицей.

Газеты все наполнены рассуждениями о варшавском
свидании, и это продолжится, конечно, до тех пор, пока
известно станет, в чем было дело. Оно много обеспокои-

* Два слова неразб.

МОГИЛА С. П. ТРУБЕЦКОГО
НА НОВОДЕВИЧЬЕМ КЛАДБИЩЕ В МОСКВЕ

ло на Западе, а в Москве рассказывается выходка На-
п[олеона] по этому случаю. Справедлива она или нет, это
другое дело². Дамы здешние заняты трауром, кому ка-
кой носить, и дороговизною всего черного, которая вдруг
поднялась втрое против прежних цен.

Обнимаю вас и прошу поцеловать детей. Пожалуста,
вперед удержитесь от обидных для меня подозрений и
верьте неизменности чувств, давно уже вам завещанных.
Ваня вам кланяется, и мы оба с ним Наденьке. Христос
с вами.

[Приписка сбоку:] Письмо гр. Борха сохраните мне.

[На полях первого листа приписка:] Вы мне обещали
фотографию Сашеньки, а я просил две чрез Надю.

Москва, 31 октября 1860

Давно ожидая вас, я дивился, почему вы так долго не едете, и полагал, что вы уже раздумали и решились отдохнуть еще после недавней поездки вашей в Царство Польское. Вчера же увиделся я с Михаилом Мих[айловичем] и Елисаветой Петровной, и они сказали мне, что вы задержаны болезнью и что даже лежали в постеле. Мне очень больно, что такая причина разлучает нас до сего времени, однако я надеюсь, что это будет ненадолго и что я буду иметь удовольствие обнять вас и принять вас в квартире моей, которой адрес я вам послал давно.

От Нарышкиных получил некоторые сведения и о всех добрых моих калужанах. Петр Ник[олаевич] заявляет себя по временам в публичных местах, а о Евгении Петровиче ни слуху ни духу, и тем приятнее было узнать от Н[арышкиных], что он здоров и просит вестей о мне. Обнимите его за меня, пока я к нему самому не послал листочка, что намерен сделать, не определяя, однако ж, срока на исполнение. М[ихаил] Михайлович дал мне прочесть речь, произнесенную П[етром] Н[иколаевичем] при открытии женской гимназии¹. В ней я нашел замечательным то, что он первый со времени возникшего гласного обсуждения общественных вопросов подал голос за централизацию, на которую столько читаем нападков. Он, конечно, разумеет централизацию в благоразумных размерах и по некоторым только отраслям или, может быть, и не по целым отраслям, а некоторым только вопросам. И я не решаюсь порицать его, соглашаясь с ним, что мы еще мало способны на самоуправление, хотя много о нем толкуем. Право, мы еще во многих отношениях дики, и отсутствие здравых понятий сказывается зачастую по самым простым вопросам. Успеха в этом отношении, как и по многому другому, я ожидаю от решения крестьянского вопроса. На этом радикальном преобразовании нашего народного быта лежит великая будущность для нашего отечества, и я уверен, что многие затруднительные обстоятельства, из которых мы в нынешнем нашем положении не видим выхода, разрешатся сами собою благотворительно. Разумеется, не со дня обнародования освобождения крестьян превратится все как бы под ударом палочки волшебницы, благодетельной феи, из хаоса в стройный порядок. Даже, может быть, и самый тот жизненный

вопрос, на котором основана вся наша будущность, не будет разом разрешен удовлетворительно, но все же в нем будет зародыш благосостояния, к которому непременно приведет время, не слишком продолжительное. Вот я и заполитиковался, да что ж делать, хоть кровь уже стынет в жилах, а сердце все еще горит тою же любовью к народу, к которому по воле провидения принадлежу и которому служил, как умел.

Все наши общие знакомые желают вас видеть, приезжайте, Гаврило Степанович; кушетка у меня есть для вас, а объятия давно отверсты. Выздоровливайте и приезжайте.

Преданный вам Трубецкой.

(ДНЕВНИК 1857—1858 гг.)

3-го октября 1857 г. государь император Александр Николаевич с императрицей Марией Александровной въехал в Киев по дороге из Житомира в 5 часов пополудни. Купечество поднесло их величествам хлеб-соль, у самого въезда были построены триумфальные ворота. Стечение народа пешего и в экипажах было огромное. Чиновничество все ожидало в Лавре, куда прямо проехала императорская чета. Митрополит встретил краткою речью. Приложившись к мощам, их величества поехали в приготовленный для них дом генерал-губернатора. Толпа народа долго стояла перед домом. День, туманный с утра, совершенно разгулялся после обеда.

4-го представлялось дворянство Киевской, Волынской и Подольской губерний, находящееся налицо в Киеве¹. К[иевско]-В[олынский] г[енерал]-г[убернатор] замешался несколько в именах предводителей. Государь приказал, чтобы губернский предводитель представил прочих. Каждого предводителя спрашивал, давно ли он занимает свою должность. Потом было представление военных начальников. Гражданского губернатора и попечителя учебного округа призывал в кабинет, каждого особенно. С попечителем много говорил об университете, о добром его действии и сказал, чтоб на него положился. После всех неприятных и разнородных случаев, которые распространялись о расположении государя к здешнему учебному округу², такое благосклонное принятие попечителя было очень одобрительно; на завтра царь обещал посетить университет. После этой аудиенции царь принимал чиновников разных ведомств. Г-на Алферьева³ (отставного) поцеловал. Генерала Четверикова, заведующего частью путей сообщения⁴, спросил, завален ли Чорторой? На ответ, что завален и что нет более опасности, чтобы Днепр

продолжал отдаляться от города, ответил: «Я завтра сам посмотрю». (Инженер Виньел⁵, строивший мост на Днепре, был на днях в Киеве; если он еще здесь, не худо бы государю взять его с собой и с ним вместе обозреть работы.) По представлении был развод в крепости. А потом в час пополудни их величества выбыли в Софийский собор и Михайловский монастырь. Митрополит у входа в первый, пред воротами, встретил с крестом. Я стал в толпе. Государь похож на свои портреты; был в мундире преображенском с аксельбантом, а я принял за генерал-адъютантский, что мне не понравилось. Черты императрицы не мог хорошо разглядеть. Вечером купечество угощало чаем в дворцовом саду. Сад и весь город были иллюминированы очень богато, более вчерашнего, только ветер несколько задувал шкалики. Когда поехали в сад, я возвращался оттуда и встретил коляску их величеств на углу дома [генерал]-г[убернатора], и как напротив его дом канцелярии был очень освещен, то я и мог разглядеть лучше прежнего царские лица; однако лицо ее величества недостаточно рассмотрел, так что преимуществует портрет. Она сидела с другой стороны коляски. Вечером меня известили, что князь Долгоруков⁶ просит меня завтра утром в 9 часов к себе, желая со мною познакомиться.

5 октября. Нельзя уклониться от знакомства с шефом жандармов. Я пришел ровно в назначенный час; сказал находившемуся в передней камер-лакею свое имя, и он тотчас повел меня в гостиную мимо стоявших трех военных штаб-офицеров в зале. Пошел доложить в следующую комнату, в которой был полусвет, а вышед, просил меня обождать. Слышно было, что в соседней комнате разговаривают. Минуты чрез полторы вышел из нее штаб-офицер и за ним князь. Мы остались одни и сели. Он сказал: «Я просил вас пожаловать ко мне не по какому-либо делу, а желая с вами познакомиться». Потом расспросил о здоровье, о влиянии климата, о жизни здесь и в Сибири, о месте там пребывания и вообще сибирском крае. «Вы были хорошо знакомы с братом моим Ильей⁷, прекрасный был человек, умер рано; и брата моего старшего знали, сестру мою графиню Бержинску⁸, она умерла» и т. п. Пришли сказать, что губернские предводители приехали — «сейчас». Еще после нескольких слов он встал и говорит с милой улыбкой: «И по обязанности моей я

должен был познакомиться с вами». — «Если вы говорите об обязанностях ваших, то мне дозволейте этим воспользоваться и объяснить, что по манифесту я имею полную свободу, а здесь нахожусь как бы под надзором. Встречаю препятствия к выезду, в получении подорожной...» — «Однако вам дали». — «Да, но не сей час, и я бы не стал говорить об этом, если бы вы сами не упомянули об обязанностях ваших. Для меня оно вовсе ничего не значит, но есть другие в моем положении, которые живут в маленьких городках и могут оттого терпеть притеснения, напр[имер] Быстрицкий, который писал в[ашему] с[иятельству], прося о продолжении пособия» *. — «Я думаю, что он его получит; это увижу, когда буду на месте; ведь он его получал». — «Да, и имеет в нем нужду, здесь не оказывают участия. Простите, что я вас этим беспокоил». — «Я справлюсь и благодарю вас». — «Манифестом мы освобождены от надзора». — «Да! в манифесте так, — с едва заметной улыбкой, — все под надзором». — «Я не боюсь надзора, действия мои может всякий видеть, и пусть за мной надзирают, но не дают мне этого чувствовать». — «Я осведомлюсь». — «Вероятно, это вышло по ошибке Министерства внутренних дел; при объявлении нам о манифесте оно прибавило «под надзором». Еще раз прошу вас извинить меня». — «Напротив, я вам очень благодарен». Затем мы распрощались; я просил его засвидетельствовать мое почтение княгине Салтыковой⁹, сестре <...> **. «Она сюда не приехала, уехала прямо в Петербург, непременно исполню». Я вышел и, проходя зал, где

* Бывшему подпоручику Андрею Быстрицкому, сужденному по прикосновенности к политическим делам 1825 г. 14 декабря, на основании высочайшего указа, данного правительствующему Сенату в 26 [-й] день августа 1856 г., даровано право потомственного дворянства с возвращением из Сибири на жительство в пределах Российской империи (исключая С[анкт-]Петербурга и Москвы). Быстрицкий, возвратясь на родину, в [далее зачеркнуто: «кажется, в Подольскую»] Киевскую губернию, не нашел в живых никого из родственников и, не имея никаких средств к пропитанию, решил просить его с[иятельство] господина шефа жандармов об исходатайствовании ему продолжения того пособия, которым он пользовался [далее зачеркнуто: «во время бытности его»] в Сибири [далее зачеркнуто: «где ему отведено было»] и состоявшего из 15 десятин пахотной и луговой земли, 114 руб. деньгами и, сверх того, на одежду и паек от 18 до 30 руб., сообразно существовавшим на хлеб ценам, т. е. всего деньгами от 132 до 142 р. сер. (Примеч. авт.)

** Фамилия неразб.

уже довольно собралось, ни на кого не смотрел, пожалуй, подумали, что, быв принят наедине шефом жандармов, имел к нему какой-нибудь донос.

Разговаривая о состоянии крестьян в Сибири, я сказал князю, что есть места, в которых крестьянин не может по местным уже обстоятельствам жить в довольстве, как, напр[имер], около Киренска, но где нет природных к тому препятствий, крестьяне вообще живут хорошо, имея полную свободу избирать род занятий и распоряжаться своим временем, не будучи под надзором чиновников государственных имуществ. Он мне на это отвечал, что и здесь это переменится.

Сегодня, кажется, цари были в пещерах в одних верхних, потом по приглашению митрополита завтракали у него. В 1-м часу поехали смотреть институт для девиц: государь оттуда скоро уехал в кадетский корпус, а оттуда в университет. Государыня, пробыв 20 мин. в институте и жалуясь, что ей нет времени пробыть долее, поехала в Левашевское девичье училище. В корпусе государь осмотрел кадет, заставлял их делать застрелочное ученье, сказал, что маршируют и все приемы они делают хорошо, и, показав пальцем на свой лоб, прибавил: «а что у вас тут». Г. Путята¹⁰, который был прислан Ростовцевым¹¹, отвечал, что он был в классах и что в них идет хорошо. Царь благодарил, поцеловал директора Вольского и поздравил генералом.

В университете студенты с воспитанниками обеих гимназий и с профессорами были собраны в 12 часов. Государь приехал в три. Поздоровавшись с учениками, обратился к студентам и сказал им: «Мне приятно слышать от попечителя, что он доволен вами; а у вас была скверная история¹², надеюсь, что повторяться не будет. Простительно молодому человеку сделать шалость, но собратъся массой, как вы сделали, непростительно и всегда требует наказания. Я надеюсь, что впредь подобного не будет». Все чины университетские были представлены. Обошед все кабинеты и осмотрев клинику, государь уехал при криках «ура!» от студентов, гимназистов и народа. Студентам, содержавшимся в крепости, объявлено прощение; один Высоцкий определен фельдшером на один год, двое лекарями в другие города на два года, а прочим разрешено вступить опять чрез год в университет для окончания наук.

Вечером были доклады, и в театре напрасно ожидали.

6-го. После обедни в Лавре осматриваны были разные инженерные работы, как, напр[имер], спуск к мосту из крепости и пр. Вечером большая иллюминация и бал, данный дворянством всех трех губерний и представленный всеми губернскими и уездными предводителями. Знатнейшее дворянство съехалось также из своих поместьев. Дамы представлены были императрице на бале. До того она приняла только Голубцову — начальницу института и Ярошинскую — жену киевского губ[ернского] пр[едводи-теля] дворянства. Комнаты и коридоры здания 1-й гимназии, где давался бал, были богато убраны. Меню ужина был напечатан золотыми буквами на раззолоченных по краям бумажках. Но устройство бала подверглось большой критике. Государь и государыня прошли три польских, и потом государыня села в креслах, поставленных для нее и государя на возвышении. Государь не сажился. Теснота мешала танцам. Дамы так обступили государыню, что часто заслоняли ей вид танцев, и должны были просить их расступиться. Государыня хотела видеть, как здесь танцуют мазурку, но лучший мазурист Котуржинский не мог приехать, сломав себе ногу, и потому ничего оригинального не было. Прислуга была сборная и непривычная, и потому угощение дано плохо. В 11 часов загорелась одна из двух люстр, сделанных из бумажных цветов, и несколько испугала сначала танцующих, но скоро была потушена; а между тем пошли к ужину. На огромном столе поставлено было только 20 приборов, и прибор от прибора на большом расстоянии. Большая часть присутствующих вместо того чтобы идти в три большие залы, в которых накрыты были для них столы, столпились у той, где сидели государи, и тем затруднили служение, от чего происходила медленность и беспорядок, так что государыня сидела долго пред своим прибором, наконец, изъявила желание получить хоть чашку бульона. Перед ней, как и всеми другими гостями, были положены две булки хлеба, она хотела отломить и не могла, повертела в руках и положила опять на стол. Распорядители не осведомились ни о порядке, какому должны следовать, ни о привычках высоких своих гостей, и все было неудачно.

7-го. В 10 ч. утра государь с государыней, съездив в Лавру и заехав в Братский монастырь, где отслужили мо-

лебен, выехали из города и пересели к мосту* в свои дорожные экипажи. Дворяне, чиновники и попечитель с студентами там с ними простились.

13 декабря 1857 г., Киев. Получено на днях циркулярное приглашение дворянству составить по примеру Виленской, Ковенской и Гродненской губерний в каждой из подчиненных здешнему генерал-губернатору трех губерний комитеты из избранных дворянством лиц для составления проекта освобождения крестьян. Каждому комитету губернскому дается шесть месяцев на обсуждение начал, на которых он полагает освободить крестьян; по истечении которого времени губернский комитет должен представить постановленное им положение генерал-губернатору, которому также дается 6-месячный срок для дальнейшего представления постановлений со своим мнением. Положено принять за основание постановление, сделанное уже литовскими губерниями и состоящее в следующем:

1. Крестьянин получает в собственность избу с огородом, двором, постройками, гумном и прочими принадлежностями по оценке ее стоимости; и цену этой стоимости должен выплатить помещику в течение 12 лет.

2. Земли пахотные и луговые**, которыми он до сих пор пользовался, остаются в его владении, и он обязывается за пользование ими*** таковою же работою, какую поныне исправлял в пользу помещика.

3. Крестьянин остается крепким земле в течение 12 лет, т. е. до тех пор, пока он не уплатит цены своей хаты с принадлежностями.

4. Требуется, чтоб было сделано постановление и приняты меры для обеспечения бездоимочного взноса государственных податей.

5. Требуется постановление о полицейском управлении сельских общин и о суде для разбора тяжёбных случаев.

26 февраля. Много времени прошло с тех пор, как получен здесь циркуляр, приглашающий дворянство устроить быт крестьян на новых началах, более свойственных христианской любви и не унижающий человечество.

Все губернии Российской империи, в которых существ-

* Так в подлиннике.

** В подлиннике: «пахотную и луговую».

*** В подлиннике «ся».

нует крепостное сословие, получили ровно подобные же приглашения. Журналы русские и иностранные рассуждают об этом важном предприятии; дворянство во многих губерниях сходилось для рассуждения о нем, и часто от ранних лиц дворянского сословия можно было слышать мнение по сему предмету. Всех этих данных достаточно, чтобы вывести заключение об общем впечатлении, произведенном высочайшим вызовом о готовности дворянского сословия содействовать благодетельным намерениям царя и о средствах, им предпринимаемых, к достижению этой цели.

К несчастью, должно признаться, что вообще все дворянство империи не оказало ни малейшей готовности содействовать благим видам своего царя. Давность владения, привычка к обладанию себе подобными сроднили его с мыслью, что право владения крепостными людьми несколько не противоречит законам природы, что оно необходимо для благоустройства государства, которого сила, могущество и порядок основаны на сословии дворянском, служащем вернейшею и надежнейшею опорой для государства, что, наконец, власть господская благодетельна для крепостного сословия: господин есть поставленный законом покровитель своего крепостного человека, он дворового кормит, одевает, воспитывает, крестьянина же ограждает от могущих встретиться ему посторонних притеснений, кормит его в голодный год; и если крестьянин дает ему за это оброк или работает на него землю, то он только исполняет этим обязанность признательности за благодеяния, которые изливаются на него владельцем. Отношения помещика и крестьянина крепостного основаны на патриархальных началах, самых свойственных природе человеческой и образующих из владельца и подвластных ему как бы одно семейство. Помещик отец, крепостные его дети.

Нет надобности оспаривать всех этих и подобных положений. То, что видится беспрестанно на деле, несколько не оправдывает вышереченных притязаний дворянства.

Дворяне Киевской губернии приняли сначала циркуляр, присланный генерал-губернатору, как бы за простое извещение о действиях трех литовских губерний, сообщаемое только для сведения, а потому полагали, что можно оставить без ответа. Когда после некоторого времени убедились, что нужно будет подать на него адрес, то по-

шла речь о том, чтобы отказаться от последования выказанному примеру, хотя, впрочем, многие изъявляли сомнение, чтоб это возможно было. Между тем возвратился из Петербурга предводитель дворянства Ярошинский и стало известно, что он два раза видел государя, который высказал удивление, что не имеет еще адреса Киевского дворянства, и отзывался с похвалою о Нижегородском, подавшем первый пример согласия. При этом государь изъявил убеждение о необходимости меры и твердую волю привести ее в исполнение. Нечего было делать, надобно изъяснить согласие. Но как бы написать адрес таким образом, чтобы, основываясь на смысле его, можно было, если не усилить, то, по крайней мере, не ослабить зависимость крестьян от помещика при новом положении. На это обратила все внимание свое большая часть уездных предводителей, съехавшихся для совещания во время Контрактов.

В это время стало известно, что попытки дворян некоторых губерний отстранить от себя чашу с горьким питьем, оказались безуспешными: что государь изъявил неперменное намерение привести в исполнение свою волю, и Киевское дворянство составило адрес, которым изъяснило желание открыть комитет для устройства нового положения. Адрес составлен очень неловко и редакция его плоха, но все же он пошел. За Киевским последовали дворянства Подольское и Волынское. До сей поры известны, кроме здешних, еще одиннадцать губерний, представивших адреса; в некоторых комитеты открыты, как-то: в Петербургской, Московской, Нижегородской.

1 марта. Сегодня я читал в «С.-Петербургских ведомостях» отношение министра внутренних дел к с.-петербургскому военному генерал-губернатору с пояснением 1-го циркуляра министра, в котором в довольно темных выражениях подтверждается о необходимости обеспечить крестьянам поземельную собственность и безбедное существование и замечено, что если крестьянин в течение положенных 12 лет переходного состояния не выкупит своей усадьбы, то это не может служить ему препятствием к переходу на другое место жительства. Это нужно было определить, иначе могли в иных губерниях постановить, что крестьянин не имеет права переходить на иное жительство, не уплатив сполна цены, наложенной на усадьбу, и, таким образом, крестьянин мог бы оставать-

ся в бесконечной кабале. Перевод крестьян с одной земли на другую и обмен земли крестьянской на помещичью допускается не иначе, как с согласия обеих сторон. Вот неперенные правила, постановленные министром: обеспечение помещикам поземельной собственности, а крестьянам прочной оседлости и средств к надежному существованию и к исполнению своих обязанностей.

5 марта. С последней почтой я получил речь, произнесенную военным губернатором Нижегородской губернии Александром Николаевичем Муравьевым при открытии комитета <...>¹³.

КОММЕНТАРИЙ

ПИСЬМА

1. А. Н. Оленину

ГПБ, ф. 542, оп. 1, д. 315, л. 1—2

¹ Оленин Алексей Николаевич (1763—1843), президент Академии художеств, директор Публичной библиотеки, археолог, историк.

² Установить личность Максима Ивановича не удалось.

³ Оленина Елизавета Макаровна (1768—1838, урожд. Полторацкая), жена А. Н. Оленина; их дети: Алексей (1798—1854), прапорщик гв. Генерального штаба, член Союза благоденствия; Петр (1793—1866), участник Отечественной войны, однополчанин С. П. Трубецкого; Варвара (1802—1877), с 1823 г. замужем за Г. Н. Олениным; Анна (1808—1888), с 1840 г. замужем за Ф. А. Андро (Ланжерон).

2. Н. И. Тургеневу

ОПИ ГИМ, ф. 247, оп. 1, д. 8, л. 40—41 об.

¹ Тургенев Николай Иванович (1789—1871), один из руководителей Союза благоденствия, видный член Северного общества, был принят в тайное общество в 1819 г. С. П. Трубецким, с 1824 г. находился за границей, заочно осужден по I разряду, но по вызову правительства в Россию не возвратился. После амнистии приезжал в мае 1857 г. в Москву, где пробыл около месяца, и вновь выехал за границу.

² Настоящее письмо Трубецкого при кажущейся «невинности» содержания является не просто личным письмом к Тургеневу, а к Тургеневу — руководителю тайного общества. Можно считать, что это одно из дошедших до нас конспиративных писем декабриста. После отъезда Трубецкого за границу Тургенев вместе с Н. М. Муравьевым возглавил идейную жизнь Союза благоденствия в Петербурге. Трубецкой воспользовался болезнью двоюродной сестры Елизаветы Борисовны Куракиной и вызвался сопровождать ее в Париж (Воспоминания Е. П. Оболенского, с. 101). Однако имеется свиде-

тельство М. П. Бестужева-Рюмина о том, что целью поездки была встреча с известными «публицистами», с которыми Трубецкой советовался «об основаниях представительного порядка», разработанных тайным обществом (ВД, т. 9, с. 77—78). Вдали от родины Трубецкой стремился узнать о деятельности тайного общества. Пользоваться обычной почтой было опасно, а верной оказии, возможно, не находилось. Уверения Трубецкого в том, что он ежедневно мысленно желает Тургеневу «успеха в предприятиях ваших», позволяют предположить, что под «предприятиями» подразумевались дела Союза благоденствия. К этому времени в Петербурге завершились важные события: 8 янв. с участием Пестеля состоялось совещание Коренной думы Союза благоденствия, на котором было принято решение бороться за республиканскую форму правления и где Н. Тургенев произнес свою известную фразу: «La présidant, sans phrases!» (Президент, без дальних толков!). Возможно, слухи о Петербургском совещании доходили до Трубецкого и вызывали желание узнать подробности из достоверного источника.

³ Речь могла идти о вызове Трубецкого на родину в связи с делами тайного общества. Это мог сделать Коренный совет Союза благоденствия, секретарем которого Трубецкой был до отъезда за границу.

⁷ *Кривцов Николай Иванович* (1791—1843), брат декабриста С. И. Кривцова, чиновник русского посольства в Лондоне (1818—1820).

⁵ Письмо свидетельствует о том, что Трубецкой в бытность за границей в 1819—1821 гг. был в Лондоне, о чем на следствии он умолчал.

⁶ *Мальшев Иван Захарович* (1789—1830), чиновник Военного министерства; его жена *Елена Павловна* (урожд. Каверина) умерла 17 мая 1820 г.

⁷ *Шредер Андрей Андреевич*, советник русского посольства в Париже.

⁸ *Тургенев Александр Иванович* (1794—1845), член литературного общества «Арзамас», директор Департамента духовных дел иностранных исповеданий (1810—1824).

⁹ *Каверины: Петр Павлович* (1794—1855), участник Отечественной войны, поручик л.-гв. Гусарского полка (1816—1819), майор Павлоградского гусарского полка, член Союза благоденствия, к следствию не привлекался; *Елизавета и Анна*, сестры П. П. Каверина, свояченицы И. З. Малышева.

¹⁰ *Мейендорф Петр Казимирович* (1796—1803), посланник России в Нидерландах.

¹¹ *Корсаков Николай Александрович* (1800—1820), лицейский товарищ А. С. Пушкина и И. И. Пущина, чиновник Коллегии иностранных дел. В 1819 г. по состоянию здоровья выехал в Италию, где и умер 26 сент. 1820 г.

¹² *Потемкина Татьяна Борисовна* (урожд. кн. Голицына, 1797—1869), двоюродная сестра С. П. Трубецкого; в ее доме в Париже декабрист жил в 1819—1821 гг.

3. В. Д. Олсуфьеву
ЦГАОР, ф. 1019, оп. 1, д. 554, л. 56—57

¹ Олсуфьев Василий Дмитриевич (1796—1858), гр., офицер л.-гв. Гусарского полка, участник Отечественной войны; в 1820 г. вышел в отставку и более 20 лет занимал различные выборные должности в Московской губ.; в 1838—1840 гг. московский губернатор.

² А. Л. Бреге (Breguet), французский мастер, изготовлявший часы большой точности, получившие название «брегет» по имени мастера.

³ Меншиков Александр Сергеевич (1787—1869), светл. кн., правнук А. Д. Меншикова, сподвижник Петра I. С 1828 г. начальник Главного морского штаба, с 1833 г. адмирал, управляющий Морским министерством. С. П. Трубецкой приходился ему внучатым племянником со стороны матери.

⁴ Из трех сестер Туркестановых, скорее всего, Екатерина Ильичина (?—1860), родственница В. Д. Олсуфьева.

4. В. А. Жуковскому
ИРЛИ, № 28 278, л. 1—1 об.

¹ Жуковский Василий Андреевич (1783—1852), поэт, был близок с семьей Лаваль. В 1819 г. подарил Екатерине Ивановне книгу своих стихов. После отъезда Е. И. Трубецкой в Сибирь Жуковский просил «напомнить княгине о себе». В числе книг, посылаемых в Сибирь, были и сборники его стихов. Очевидно, под альбомом имеется в виду какой-либо из сборников поэта (Дневник В. А. Жуковского. СПб., 1903, с. 68, 512—515; Переписка кн. П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. 1812—1819. Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899, т. 1, с. 296; ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 117, л. 2; д. 118, л. 3; д. 119, л. 50 об.)

² Подлинник датирован 31 янв. Это явная описка. Следующий за 31 янв. четверг падал на 4 февр. 1822 г., что не соответствовало «началу» года. Скорее всего, письмо было написано 31 дек. 1821 г., что соответствует его содержанию.

5. И. Д. Якушкину
ЦГАОР, ф. 279, оп. 1, д. 97, л. 1—1 об.

¹ Якушкин Иван Дмитриевич (1793—1857), отставной капитан л.-гв. Семеновского полка, член Союза спасения, Союза благоденствия и Северного общества, однополчанин и друг С. П. Трубецкого, осужден по I разряду. На поселении с 1836 г. в Ялуторовске. После амнистии в 1856 г. вернулся в Россию.

² Скорее всего, Матвей Иванович Муравьев-Апостол, с которым Якушкин в эти годы вел регулярную переписку и который был в конце 1823—начале 1824 г. в Петербурге. Сам Якушкин жил в 1824 г. в с. Покровском, близ г. Рузы Московской губ.

³ Установить точно, через кого Трубецкой переслал письмо, не удалось, однако можно думать, что оно было передано через

С. Г. Волконского, приезжавшего в конце 1823 г. в Петербург для встречи с членами Северного общества в качестве представителя Южной организации. В янв. 1824 г. он спешил из Петербурга на юг и ехал через Москву. Содержание и тон письма Трубецкого (упоминание о себе в третьем лице, ссылка на неопределенного «Муравьева», на отъезжающего в Москву «приятеля») свидетельствуют об известной конспирации.

¹ Старший сын И. Д. Якушкина Вячеслав родился в 1823 г. У Трубецких в течение девяти лет после брака детей не было.

² С. П. Трубецкой после женитьбы на гр. Е. И. Лаваль с сент. 1821 г. по февр. 1824 г. жил в доме родителей жены. Отец ее Лаваль Иван Степанович (Жан Франсуа, 1761—1846), французский эмигрант, гр., управляющий 3-й экспедицией Коллегии иностранных дел, член Главного правления училищ, действ. тайный советник, камергер, церемониймейстер двора. Мать — Лаваль Александра Григорьевна (урожд. Козицкая, 1772—1850). Ее литературно-музыкальный салон был широко известен в Петербурге. Особняк Лаваль выходил главным фасадом на Английскую наб. (ныне наб. Красного флота, д. 4), а вторым фасадом — на Галерную (ныне Красную ул., д. 3). Подробнее о доме и семье Лаваль см.: Вайнштейн А. Л., Павлова В. П. Декабристы и салон Лаваль, с. 165—194.

6. А. О. Корниловичу

ИРЛИ, ф. 725, № 1, л. 85

¹ Корнилович Александр Осипович (1800—1834), штабс-капитан гв. Генерального штаба, историк, член Южного общества. Принят в тайное общество С. И. Муравьевым-Апостолом в мае 1825 г. на квартире С. П. Трубецкого в Киеве. Осужден по IV разряду. Наказание отбывал в Читинском остроге; в 1827 г. заключен снова в Петропавловскую крепость, в 1832 г. отправлен рядовым на Кавказ, где и умер.

² Год устанавливается по времени пребывания С. П. Трубецкого в Киеве: февр. 1824 — окт. 1825 гг.

7. С. И. Муравьеву-Апостолу

ЦГАОР, ф. 48, оп. 1, д. 470, л. 8—9

¹ Публикуемый документ — выписки из двух конспиративных писем Трубецкого, найденных при обыске в бумагах С. И. Муравьева-Апостола в имении Хомутец Полтавской губ. и представленных в Следственный комитет. Листы, на которых сделаны выписки, разделены вдоль на две половины; на первом листе слева запись на русском языке: «1-е князя Трубецкого Сергею Муравьеву-Апостолу от 9 августа 1825 года из Киева»; на втором листе: «2-е от 1-го октября, из Киева». Справа одна над другой выписки из указанных писем на французском языке. Выписки были приобщены к делу, подлинники письма, вероятно, уничтожены.

Муравьев-Апостол Сергей Иванович (1795—1826), друг и однополчанин Трубецкого по л.-гв. Семеновскому полку, один из основателей Союза спасения и Союза благоденствия, руководитель Василь-

ковской управы Южного общества, возглавил восстание Черниговского полка. Казнен 13 июля 1826 г.

² Скорее всего, речь идет о члене Коренного совета Союза благоденствия А. Ф. Бригене (о нем см. примеч. 1 к письму 42), приехавшем в Киев в конце июля или первых числах авг. и доставившем Трубецкому из Петербурга от К. Ф. Рыльева важные сведения, касающиеся деятельности Северного общества.

³ Бестужев-Рюмин Михаил Павлович (1801—1826), подпоручик Полтавского пехотного полка, возглавлял вместе с Муравьевым-Апостолом Васильковскую управу Южного общества. Казнен 13 июля 1826 г.

⁴ Пестель Павел Иванович (1793—1826), полковник, командир Вятского пехотного полка, один из основателей Союза спасения и Союза благоденствия, организатор Южного общества, автор программного документа Южного общества декабристов — «Русской правды». Казнен 13 июля 1826 г.

8. Е. И. Трубецкой

ЦГАОР, ф. 1143, оп. 2, д. 3, л. 1—2 об.

¹ Трубецкая Екатерина Ивановна (урожд. гр. Лаваль, 1800—1854), кн., с 5 мая 1821 г. жена С. П. Трубецкого. Первая из жен декабристов последовала за мужем в Сибирь.

² Цейдлер Иван Богданович (1780—1853), иркутский гражданский губернатор (1821—1835).

³ Имеется в виду Николаевский винокуренный завод под Иркутском.

⁴ Морем сибиряки называли Байкал.

⁵ Приписка на франц. языке: «Дорогой и уважаемый друг, будьте мужественны и покорны судьбе, храните себя ради Сергея и будьте уверены, что я о нем забочусь, как о брате. Сообщите обо мне моим родным. Да поможет вам бог!». О С. Г. Волконском см. примеч. 2 к письму 10.

9. Е. И. Трубецкой

ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 141, л. 1—2

Декабристы. Летописи, кн. 3, с. 315—316

¹ Якубович Александр Иванович (1792—1845), капитан Нижегородского драгунского полка. Членом тайного общества не был, но участвовал в его заседаниях. По плану должен был занять Зимний дворец и арестовать царскую семью, но утром 14 дек. выполнить план отказался. К восстанию примкнул, но действия его на площади носили двойственный характер (Гордин Я. А. События и люди 14 декабря. М., 1985). Осужден по I разряду. На поселении с 1839 г. в с. Малой Разводной Иркутской губ., с 1841 г. в с. Назимово Енисейской губ. Умер в Енисейске.

² Муравьев Артамон Захарович (1794—1846), полковник, командир Ахтырского гусарского полка, член Союза благоденствия и Южного общества, осужден по I разряду. На поселении с 1839 г. в пос. Елань, затем в Малой Разводной, с 1840 г. в Большой Разводной Иркутской губ., где и умер.

10. Е. И. Трубецкой

ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 141, л. 3—4

¹ По воспоминаниям Е. П. Оболенского, путь от Иркутска шел через Байкал, затем от Посольского монастыря по большому Нерчинскому тракту на тройках. Сопровождающими были два казачьих офицера Черепанов и Чаусов, «<...> оба люди добрые, непритязательные <...>. Казаки, нас сопровождавшие, как все добрые русские люди, были готовы оказать нам во всякое время всякую помощь и всякую услугу» (Оболенский, с. 140). Один из конвоиров Семен Иванович Черепанов (1810—1884), сибиряк, начал службу в 1826 г. казачьим офицером, знал многих декабристов и дружил с ними (Черепанов С. И. Отрывки из воспоминаний.) — В кн.: В потомках ваше племя оживет. Иркутск, 1986, с. 96—105).

² Волконский Сергей Григорьевич (1788—1865), кн., ген.-майор, член Союза благоденствия, деятельный член Южного общества, осужден по I разряду. На поселении с 1836 г. в с. Урике Иркутской губ., с 1845 г. в Иркутске. После амнистии вернулся в Россию.

³ Волконская Софья Григорьевна (урожд. кн. Волконская, 1786—1869), светл. кн., сестра декабриста, жена ген.-адъютанта, начальника Главного штаба, министра двора, фельдмаршала (с 1850 г.), светл. кн. Волконского Петра Михайловича (1776—1852).

11. Е. И. Трубецкой

ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826, д. 61, ч. 1 (прилож.), л. 23—24 об.

Ист. вестник, 1897, авг., с. 491—494

Современник, 1913, № 12, с. 281—282

¹ Эти письма неизвестны.

² Письмо от 29 окт. было задержано местным начальством и к Екатерине Ивановне не дошло, как содержащее «довольно слов, обнаруживающих беспокойный дух его». Начальник Нерчинских горных заводов Т. С. Бурнашев предписал: «Объявить ему, Трубецкому <...> с крепким подтверждением, чтоб он впредь не осмеливался помещать в своих письмах к жене ничего неприличного, ведая, что при малейшей его какой-либо нескромности совсем не будет дозволена ему таковая переписка» (ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826, д. 61, ч. 1 (прилож.), л. 111 об.). Бурнашев намеревался сократить переписку с четырех до двух писем в месяц, однако запрета со стороны ген.-губернатора не последовало, и разрешение, данное Трубецкому ранее писать жене один раз в неделю, было подтверждено Цейдлером в особой инструкции от 15 дек. 1826 г. (там же).

³ Возможно, упоминаемое письмо было послано через С. И. Черепанова.

⁴ Первое время, живя отдельно от остальных товарищей, Трубецкой и Волконский предпринимали попытки тайно обмениваться с друзьями записками.

⁵ С. Г. Волконский. Речь идет о болезни его сестры С. Г. Волконской.

12. Е. И. Трубецкой

ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826, д. 61, ч. (прилож.),
л. 25—26

Современник, 1913, № 12, с. 284

К России любовью горя, с. 29 — в извлечениях

¹ Письмо было задержано и препровождено в III Отделение, поэтому к Е. И. Трубецкой не попало.

13. Е. И. Трубецкой

ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826, д. 61, ч. 1 (прилож.),
л. 27—27 об.

Современник, 1913, № 12, с. 285—287

¹ Письмо было задержано и препровождено в III Отделение, поэтому к Е. И. Трубецкой не попало.

² День рождения Е. И. Трубецкой — 21 нояб., по святцам он назывался днем св. Екатерины-великомученицы.

14. Е. И. Трубецкой

ЦГАОР, ф. 1143, оп. 2, д. 3, л. 3—4 об.

¹ От Е. И. Трубецкой потребовали подписать обязательство, по которому она лишалась всех прав, а дети, родившиеся в Сибири, должны были поступить в казенные крестьяне. Ни денежных сумм, ни ценных вещей брать с собой не разрешалось. С отъездом в Забайкалье она теряла право на крепостных людей, с нею прибывших.

15. Е. И. Трубецкой

ТОКМ, Единая инвентарная книга, 6512, л. 1—2

Коммунар, 1975, 7 авг., с. 3 — в извлечениях

¹ Трубецкой имел основания сомневаться в том, что все его письма доходили по адресу. Не только письмо от 29 окт., но и последующие, от 5 и 12 нояб. 1826 г., были задержаны местным начальством, недовольным тем, что в них сообщалось об истинно каторжных условиях содержания заключенных. В Благодатске в тот период только Трубецкой имел право переписки с женой, поэтому его письма приобретали особое значение, как единственное средство связи с внешним миром.

² Куракина Елизавета Борисовна (урожд. кн. Голицына, 1790—1871), с 1808 г. жена кн. Бориса Алексеевича Куракина, двоюродная сестра С. П. Трубецкого.

³ Потемкина Елизавета Петровна (урожд. кн. Трубецкая, 1796—1870-е гг.), гр., сестра С. П. Трубецкого.

⁴ Это письмо неизвестно.

16. Е. И. Трубецкой

ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 141, л. 11—12

¹ Трубецкой скрывал свое нездоровье от жены, не желая ее тревожить. В еженедельных донесениях-ведомостях шахтмейстера Благодатского рудника Рика начальнику Нерчинских заводов о поведении, занятиях и здоровье «государственных преступников» указывалось, что Трубецкой «<...> имеет, как кажется, чахотку и одержим кровавхарканьем, от коего чувствует великую слабость в груди». Другой лекарь свидетельствовал, что он «бывает одержим кровахарканьем от прежде полученной раны, чахоточной же болезни вовсе не имеет» (Чернов, с. 115). Упомянутые ведомости поступали в Иркутск, где Трубецкая могла через сочувствовавших ей осведомленных лиц узнать о болезни мужа.

17. Е. И. Трубецкой

ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 141, л. 13—14

¹ Е. И. Трубецкая «с прислугой из наемного человека и девки» (крепостной Авдотьи Никифоровны Пугачевой — ЦГИА, ф. 1093, оп. 1, д. 316, л. 104) вышла из Иркутска в Нерчинский завод 20 янв. 1827 г. (ГАИО, ф. 24, оп. 3, д. 15, ч. 4, л. 216).

18. Е. И. Трубецкой

ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 141, л. 15—16

¹ Е. И. Трубецкая приехала в Большой Нерчинский завод 30 янв., а в Благодатский рудник 6 февр. 1827 г. Как доносил начальник Нерчинских заводов, два дня спустя после нее, 8 февр., приехала в Благодатский рудник М. Н. Волконская (ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826, д. 61, ч. 1, л. 341—342).

19. С. Г. Волконскому

ИРЛИ, д. 57, оп. 1, д. 246, л. 1

¹ Датируется по содержанию.

² У Волконских в Петровском заводе родился 10 марта сын Михаил.

³ Комендант Нерчинских рудников и Петровского завода (с 1827 г.) ген.-майор Лепарский Станислав Романович (1754—1837), через него посылались письма.

⁴ Поскольку С. Г. Волконский не имел права писать, а его жена была больна, то сообщить родным Волконских о рождении внука взяла на себя Е. И. Трубецкая. Сохранилось ее письмо к А. Н. Волконской, матери декабриста, с черновика, написанного рукой С. Г. Волконского (ИРЛИ, ф. 57, оп. 4, д. 161, л. 1—2).

20. С. Н. Муравьевой

ЦГАОР, ф. 1153, оп. 1, д. 221, л. 1—2 об.

¹ Ноно, Нонушка — *Муравьева Софья Никитична* (1829—1892), дочь декабриста Н. М. Муравьева; родилась в Чите. Ее мать *Муравьева Александра Григорьевна* (урожд. гр. Чернышева, 1804—1832) умерла в Петровском заводе, когда девочке было три года. Е. И. Трубецкая и А. Г. Муравьева были дружны еще по Петербургу. Трубецкие проявляли сердечное внимание и любовь к осиротевшей Нонушке.

² Датируется по содержанию: «святки» — религиозный праздник 8—19 янв. Муравьевы уехали из Петровского завода в конце 1836 г.

³ Дети Трубецких: *Александра* родилась 5 февр. 1830 г. в Чите; *Елизавета* и *Никита* (Кит, Кита) родились 16 янв. 1834 г. и 10 дек. 1835 г. в Петровском заводе (на надгробной плите год рождения Никиты указан неверно — 1837).

⁴ Папенька — *Муравьев Никита Михайлович* (1797—1843), капитан гв. Генерального штаба, один из организаторов Союза спасения, Союза благоденствия, Северного общества, член директории Южного общества, автор проекта Конституции, друг С. П. Трубецкого. Осужден по I разряду. Дяденька — *Муравьев Александр Михайлович* (1802—1853), корнет Кавалергардского полка, член Союза благоденствия и Северного общества, осужден по IV разряду. По окончании в 1832 г. срока каторжных работ просил разрешение остаться в Петровском заводе до выхода на поселение брата Н. М. Муравьева, вместе с ним в 1836 г. поселился в с. Урике. Кузьмина *Каролина Карловна* (?—1849), гувернантка Нонушки Муравьевой. *Вольф Фердинанд Богданович* (1796—1854), штаб-лекарь II армии, член Союза благоденствия и Южного общества. Осужден по II разряду. На поселении с 1836 г. в с. Урике Иркутской губ., с 1845 г. в Тобольске, где и умер.

21. М. А. Фонвизину

ГБЛ, ф. 319, з. 74, л. 3 об.—4 об.—приписка
Е. И. Трубецкой от имени С. П. Трубецкого в письме
от 22 апр. 1837 г.

¹ *Фонвизин Михаил Александрович* (1788—1854), отставной ген.-майор; член Союза спасения, Союза благоденствия и Северного общества, осужден по IV разряду. На поселении с 1832 г. в Енисейске, затем в Красноярске, а с 1838 г. в Тобольске.

² *Фонвизина Наталья Дмитриевна* (урожд. Апухтина, 1805—1869), жена М. А. Фонвизина, последовала за ним в Сибирь.

³ В Красноярске в это же время находились на поселении декабристы М. Ф. Митьков, С. Г. Краснокутский, Н. С. и П. С. Бобищевы-Пушкины.

⁴ Крестницами М. А. Фонвизина были Александра и Елизавета Трубецкие.

⁵ *Сутюф Александр Николаевич* (1801—1872), поручик л.-гв. Гренадерского полка, член Северного общества, участник восстания 14 дек. 1825 г., осужден по I разряду. На поселении с 1835 г. в

и. Усть-Куде и Малой Разводной Иркутской губ.; в 1848 г. определен рядовым на Кавказ.

⁸ *Митьков Михаил Фотиевич* (1791—1849), полковник л.-гв. Финляндского полка, член Северного общества, осужден по II разряду. На поселение был определен в 1835 г. в с. Ольхинское Иркутской губ. В связи с болезнью прожил до 1836 г. в Иркутске, с дек. 1836 г. в Красноярске, где и умер.

⁹ *Краснокутский Семен Григорьевич* (1790—1840), действ. статский советник, отставной генерал, обер-прокурор V департамента сената, член Союза благоденствия и Южного общества, осужден по VIII разряду. В 1831 г. по пути на Туркинские воды был разбит параличом и оставлен в Красноярске, в 1841 г. переведен в Тобольск, где и умер.

¹⁰ *Бобрищев-Пушкин Павел Сергеевич* (1802—1865), поручик Квартирмейстерской части II армии, член Южного общества, осужден по IV разряду. На поселении с 1832 г. в Красноярске, с 1845 г. в Тобольске. Его брат *Николай Сергеевич* (1800—1871), поручик Квартирмейстерской части II армии, член Южного общества, осужден по VIII разряду. Ссылку отбывал в Среднеколымске и Туруханске; с 1831 г. находился в доме умалишенных в Красноярске. В 1856 г. оба брата вернулись в Россию.

¹¹ И. Д. Якушкин. Упомянутые письма неизвестны.

¹² *Муравьев-Апостол Матвей Иванович* (1793—1886), участник Отечественной войны, отставной подполковник, однополчанин и друг С. П. Трубецкого, один из основателей Союза спасения и Союза благоденствия, член Южного общества, осужден по II разряду. С 1829 г. на поселении в Вилюйске, в Бухтарминске, с 1836 г. в Ялуторовске. После амнистии в 1856 г. вернулся в Россию и поселился в Твери.

¹³ Упомянутые письма М. А. Фонвизина неизвестны. Поручения касались, видимо, передачи приветов оставшимся в Петровском заводе декабристам.

22. С. Н. Муравьевой

ЦГАОР, ф. 1153, оп. 1, д. 221, л. 7—8 об.

¹ Датируется по содержанию.

23. С. Н. Муравьевой

ЦГАОР, ф. 1153, оп. 1, д. 221, л. 9 об.—10 об.—
приписка к письму Е. И. Трубецкой

¹ Датируется по письму Е. И. Трубецкой (недатированному), содержащему пожелание Нонушке веселого праздника пасхи (в апреле).

² *Вася* (1829—1873), *Саша* (1831—1918), *Ваня* (1834—1918)—дети В. А. Давыдова и его жены *Александры Ивановны* (урожд. Потаповой, 1802—1895). Первый родился в Чите, двое других в Петровском заводе. *Давыдов Василий Львович* (1792—1855), отставной полковник Александрійского гусарского полка,

один из руководителей Каменской управы Южного общества, осужден по I разряду. На поселении с 1839 г. в Красноярске, где и умер.

³ А. П. Лаваль.

⁴ Муравьева Екатерина Федоровна (урожд. бар. Колокольцова, 1771—1848), мать декабристов Н. М. и А. М. Муравьевых, бабушка Нонушки.

24. С. Н. Муравьевой

ЦГАОР, ф. 1153, оп. 1, д. 221, л. 5—5 об.—приписка к недатированному письму Екатерины Ивановны и Саши Трубецких

¹ Датируется по содержанию.

² Вадковский Федор Федорович (1800—1844), прапорщик Нейжинского конноегерского полка, член Северного и Южного обществ, осужден по I разряду. На поселении с 1839 г. в с. Манзурке близ Иркутска, с 1840 г., благодаря хлопотам Е. И. Трубецкой, был переведен в с. Оёк. Е. И. Трубецкая и А. Н. Сутгоф были душеприказчиками Вадковского. Последний умер и похоронен в Оёке.

25. И. Д. Якушкину

ЦГАОР, ф. 279, оп. 1, д. 97, л. 3—4

¹ И. Д. Якушкин по указу 14 дек. 1835 г. был отправлен в Ялуторовск, куда прибыл 16 сент. 1836 г.; разлука друзей явилась причиной «прервания изустных бесед» между ними.

² Со времени отъезда Якушкина из Петровского завода у Трубецких родились двое детей: Зинаида — 10 июля 1837 г. и Владимир — 8 сент. 1838 г.

³ М. И. Муравьев-Апостол.

⁴ «Старый слепой» — Иосиф Францевич Сосинович, поляк, сосланный в Сибирь за участие в польском национально-освободительном движении в 1831 г. Отбывал наказание вместе с декабристами в Петровском заводе; вышел на поселение в Ялуторовск, где и умер в 1839 г.

⁵ Через кого было передано письмо, установить не удалось.

26. Е. П. Оболенскому

ИРЛИ, ф. 606, оп. 1, д. 7, л. 83—83 об.

¹ Оболенский Евгений Петрович (1796—1865), поручик л.-гв. Финляндского полка, член Северного общества, участник восстания 14 дек. 1825 г., осужден по I разряду. На поселении с 1839 г. в с. Итанцы Верхнеудинского округа; с 1841 г. в Туринске, с 1842 г. в Ялуторовске.

² Письмо без начала, возможно, это приписка к письму Е. И. Трубецкой от 1—3 авг. 1839 г. из с. Шилаево, по дороге к месту поселения Трубецкого в с. Оёк Иркутской губ.

³ Баранов — штабс-капитан, адъютант коменданта Петровского завода Я. Д. Казимирского.

⁴ Глебов Михаил Николаевич (1804—1851), коллежский се-

иретарь, член Северного общества, осужден по V разряду. На поселении с 1832 г. в с. Кабанском Верхнеудинского округа; попав в дурное окружение, спился и умер.

¹ *Муханов Петр Александрович* (1799—1854), штабс-капитан л.-гв. Измайловского полка; член Союза благоденствия и Северного общества, осужден по V разряду. На поселении с 1833 г. в Братске и Усть-Куде (с 1842 г.) Иркутской губ.; с 1848 г. в Иркутске, где и умер.

² *Пушин Иван Иванович* (1798—1859), отставной поручик л.-гв. Конной артиллерии, с 1823 г. надворный судья в Москве, член Северного общества, участник восстания 14 дек. 1825 г., осужден по I разряду. На поселении с 1839 г. в Туринске Тобольской губ.; в 1843 г. переведен в Ялutorовск. По дороге в Туринск останавливался в с. Каменке.

27. Е. П. Оболенскому

ИРЛИ, ф. 606, оп. 1, д. 7, л. 82—82 об.—

приписка к письму Е. И. Трубецкой от 16 авг. 1839 г.

¹ Крестница Оболенского — Зинаида Трубецкая.

² Владимир, сын Трубецких, умер 1 сент. 1839 г. по дороге из Петровского завода в Оёк, похоронен в Иркутске.

³ *Спиридов Михаил Матвеевич* (1796—1854), майор Пензенского пехотного полка, член Общества соединенных славян, осужден по I разряду. На поселении с 1839 г. в с. Дрокино под Красноярском. Похоронен в с. Емельяново. Причину его возвращения, о которой упоминает Трубецкой, установить не удалось.

⁴ Ант. Пет. — вероятно, *Арбузов Антон Петрович* (1798—1843), лейтенант Гвардейского морского экипажа, член Северного общества, участник восстания 14 дек., осужден по I разряду. На поселении с 1839 г. в с. Назаровском Енисейской губ., где и умер.

⁵ *Юшневская Мария Кавимировна* (урожд. Круликовская, в первом браке Анастасьева, 1790—1863), жена декабриста Юшневского *Алексея Петровича* (1786—1844), ген.-интенданта II армии, члена Союза благоденствия и Южного общества, осужден по I разряду. На поселении с 1839 г. в с. Малой Разводной близ Иркутска, где и умер.

28. И. Д. Якушкину

ЦГАОР, ф. 279, оп. 1, д. 97, л. 50—50 об.

¹ Датируется по содержанию: речь может идти только о смерти Владимира, так как о Никите говорится как о живом.

² Это письмо неизвестно.

29. Е. П. Оболенскому

ИРЛИ, ф. 606, оп. 1, д. 7, л. 88—90 —

приписка к письму Е. И. Трубецкой от 5 окт. 1839 г.

¹ Трубецкие по дороге в Оёк более месяца жили в Урике у Н. М. Муравьева.

30. Н. Д. Фонвизиной

ГБЛ, ф. 319. 3. 74, л. 26 об.—приписка к письму
Е. И. Трубецкой от 12 окт. 1839 г.

¹ Трубецкие надеялись получить разрешение поселиться в Западной Сибири, но им было в этом отказано. М. А. Фонвизин в письме И. И. Пущину от 24 нояб. 1839 г. писал, что родные Трубецких «не теряют надежды выпросить им перемещение в Западную Сибирь». 3 дек. 1839 г. в письме П. Н. Свистуну Фонвизин упоминал: «Новость об отказе Трубецким, которую вы нам сообщаете, заставила нас погрустить о них» (Фонвизин, т. 1, с. 167).

31. Е. П. Оболенскому

ИРЛИ, ф. 606, оп. 1, д. 7, л. 93—93 об.—приписка к письму
Е. И. Трубецкой от 9 дек. 1839 г.

32. И. Д. Якушкину

ГБЛ, 218.686.14, л. 1—2 об.

¹ Речь идет о теще И. Д. Якушкина — Шереметевой Надежде Николаевне (урожд. Тютчевой, 1775—1850). Якушкин, выйдя на поселение раньше Трубецкого, хлопотал через свою тещу о разрешении Трубецким перебраться в Западную Сибирь. В письме к Е. И. Трубецкой от 15 дек. 1846 г. он упоминал: «Моя теща пишет вам аккурратно и сообщает вам о моей жене и детях» (Якушкин, с. 305).

² К. К. Кузьмина в начале 1840-х гг. уехала в Европейскую Россию, но через год, в 1841 г., возвратилась в Сибирь.

33. А. Л. Кучевскому

ЦГАОР, ф. 1463, оп. 2, д. 645, л. 1—1 об.

Кубалов Б. А. Л. Кучевский и письма к нему декабристов.—
В кн.: Тайные общества в России в начале XIX столетия.
М., 1926, с. 55

¹ Кучевский Александр Лукич (1787—1871), майор Астраханского гарнизонного полка, арестован в 1822 г. за организацию в Астрахани тайного общества. Приговорен в 1827 г. особым военным судом к смертной казни, замененной каторжными работами. По отбытии каторги в Нерчинских рудниках отправлен в Петровский завод, а затем на поселение в Тугутуйскую слободу Оёкской волости.

² «Отечественные записки» — Учено-литературный и политический журнал, издававшийся в Петербурге с 1839 г. А. А. Краевским. «Петербургские ведомости» — ежедневная газета, выходившая в Петербурге с 1712 г.

34. И. Д. Якушкину

ГБЛ, ф. 218.686.14, л. 3—4 об.

¹ Никита Трубецкой.

² М. Ф. Митьков.

³ Нониус — вспомогательная шкала измерительных инструментов, служащая для отсчета дробных долей делений основной шкалы. Название получила от фамилии изобретателя П. Нуниша.

⁴ Якушкин Евгений Иванович (1826 — 1905), младший сын декабриста, выпускник Московского университета, служил по Межевому департаменту, приезжал в Сибирь в 1853 — 1854 гг. с поручением ревизовать межевую часть. Впоследствии известный юрист. Друг многих декабристов, в том числе Трубецкого; после смерти И. И. Пущина стал казначеем «малой артели», оказывавшей помощь неимущим декабристам и их семьям. Увлекался фотографией, за что получил прозвище «фотограф».

⁵ «Старики» — Повало-Швейковский Иван Семенович (1787 — 1845), полковник Саратовского пехотного полка, член Южного общества, осужден по I разряду. На поселении с 1839 г. в Кургане Тобольской губ., где и умер; Тивентаузен Василий Карлович (1781 — 1857), полковник Полтавского пехотного полка, член Южного общества, осужден по VII разряду. На поселении с 1828 г. в Сургуте Тобольской губ.; с 1829 г. в Ялуторовске, с 1853 г. в Нарве, где и умер.

⁶ Ентальцева Александра Васильевна (урожд. Лисовская. 1790 — 1859), жена декабриста А. В. Ентальцева.

35. Е. П. Оболенскому

ИРЛИ, ф. 606, оп. 1, д. 7, л. 94—99 об.

¹ Это письмо неизвестно.

² Кузнецов Ефим Андреевич (1771 — 1851), иркутский золотопромышленник и городской голова. Е. И. Трубецкая по приезде в Иркутск 16 сент. 1826 г. также останавливалась в его доме.

³ Быстрицкий Андрей Андреевич (1799 — 1872), подпоручик Черниговского пехотного полка, участник восстания полка, осужден особым военным судом к смертной казни, замененной пожизненной каторгой. На поселении с 1839 г. в с. Хомутово близ Усть-Куды Иркутской губ., с 1850 г. в с. Муханово Баргузинского уезда.

⁴ А. Л. Кучевский.

⁵ Л. А. Пятницкая — жена гражданского губернатора А. В. Пятницкого. Максимович — полковник, командир одного из полков, расположенных в Енисейской губ.

⁶ Поджио Александр Викторович (1798 — 1873), отставной подполковник, член Южного общества, осужден по I разряду. На поселении с 1839 г. в Усть-Куде, где жил с 1834 г. его ссыльный брат Поджио Иосиф Викторович (1792 — 1848), отставной штабс-капитан, член Южного общества, осужденный по IV разряду. Умер и похоронен в Иркутске. А. В. Поджио после амнистии в 1856 г. некоторое время оставался в Сибири.

⁷ Громницкий Петр Федорович (1800 — 1851), поручик Пензенского пехотного полка, член Общества соединенных славян, осужден

по II разряду. На поселении с 1836 г. в с. Бельском Иркутской губ. В 1841 г. арестован по делу о распространении сочинений М. С. Лунина, содержался под арестом в Иркутске в течение года, затем был возвращен в Бельск, потом в с. Усолье, где и умер.

⁸ *Дунин Михаил Сергеевич* (1787—1845), подполковник л.-гв. Гродненского гусарского полка, член Союза спасения, Союза благоденствия и Северного общества, осужден по II разряду. На поселении с 1836 г. в с. Урике Иркутской губ. В 1841 г. переведен в Акатуйскую тюрьму, где и умер в 1845 г.

⁹ *А. Н. Сутгоф* и его жена *Анна Федосеевна* (урожд. Янчуговская), дочь заводского лекаря.

¹⁰ *Панов Николай Алексеевич* (1803—1850), поручик л.-гв. Гренадерского полка, член Северного общества, участник восстания 14 дек. 1825 г., осужден по I разряду. Наказание отбывал в Свартгольмской крепости, Читинском остроге и Петровском заводе. На поселении с 1839 г. в с. Михалево, с 1845 г. в с. Урике.

¹¹ *И. И. Пушин*.

¹² *Воротников* — лицо неустановленное.

36. *Е. П. Оболенскому*

ИРЛИ, ф. 606, оп. 1, д. 7, л. 106 об.—
приписка к письму *Е. И. Трубецкой* от 30 марта 1840 г.

¹ *О К. П. Ивашевой* и детях декабриста см. примеч. 3 к письму 50.

37. *Н. Д. Фонвизиной*

ГБЛ, ф. 310.3.74, л. 30 об.—приписка к письму
Е. И. Трубецкой от 6 апр. 1840 г.

¹ Беспокойство было вызвано тем, что в течение двух недель были больны все дети *Трубецких*.

38. *И. Д. Якушкину*

ЦГАОР, ф. 279, оп. 1, д. 97, л. 5—6 об.

¹ *Араго Доминик Франсуа* (1786—1853), французский ученый и политический деятель. Известны его труды по астрономии, оптике, электромагнетизму, метеорологии и физической географии.

² «Библиотека для чтения» — ежемесячный журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод, издававшийся в Петербурге в 1834—1864 гг.

³ *Беккерель Антуан Сезар* (1788—1878), французский физик, автор научных трудов по термоэлектричеству, электрокапиллярности, теории гальванического элемента.

⁴ *Якоби Борис Семенович* (1801—1874), русский физик и электротехник. Автор важнейших работ по электрическим машинам, электрическим телеграфам, минной электротехнике, электрохимии и электрическим измерениям. В 1834 г. изобрел первый практический электродвигатель. Ему принадлежит первая работа по теории электрических двигателей.

¹ Фурнерон Бенуа (1802—1867), французский инженер, построивший в 1827 г. первую гидравлическую турбину, а в 1836 г. — завод для производства турбин.

² Муравьева-Апостол Мария Константиновна (урожд. Константинова, 1811—1883), жена (с 1832 г.) М. И. Муравьева-Апостола, дочь ялutorовского священника.

³ В. К. Тизенгаузен; А. В. с мужем — супруги Ентальцевы.

⁴ Н. Н. Шереметева.

39. Е. П. Оболенскому

ИРЛИ, ф. 606, оп. 1, д. 7, л. 109—110 об.

¹ Львов Леонид Федорович, чиновник Министерства государственных имуществ, в 1839 г. был командирован в Восточную Сибирь для ревизии «государственных имуществ». Встречался со многими декабристами; оставил тенденциозные воспоминания, с критикой которых выступил И. В. Ефимов (Заметки на воспоминания Л. Ф. Львова. — В кн.: В потомках ваше племя оживет, с. 78—88).

Семен Васильевич — шурин Л. Ф. Львова. Сестра последнего Дарья Федоровна была замужем за Алексеем Васильевичем Семеновым. Видимо, его имел в виду Трубецкой, ошибочно назвав Семенов Васильевичем.

² Персин Иван Сергеевич (1804—1858), врач в Кяхте, лечил декабристов в Петровском заводе, затем служил в Иркутске и с большой доброжелательностью относился к декабристам, друг семьи Трубецких, был уполномоченным Е. И. Трубецкой по делу о разделе наследства, оставшегося после смерти ее матери А. Г. Лаваль.

³ Ивашев Василий Петрович (1797—1840), ротмистр Кавалергардского полка, член Южного общества, осужден по II разряду. На поселении с 1835 г. в Туринске, где и умер.

⁴ Оболенский Петр Николаевич, отец декабриста.

⁵ Семья солдата Инвалидной команды Егора Балаганского, выехавшая из Петровского завода в Турунтаево вслед за Оболенским. Декабрист оказывал покровительство этой семье (Бахаев В. Б. Общественно-просветительская и краеведческая деятельность декабристов в Бурятии, с. 78—79).

⁶ Дубельт Леонтий Васильевич (1792—1862), ген.-лейтенант, управляющий III Отделением (1839—1856).

40. И. Д. Якушкину

ЦГАОР, ф. 279, оп. 1, д. 97, л. 7—8 об.

¹ Дагерротип — аппарат для «светописи» (фотографирования). Открыт французским изобретателем Л.-Ж.-М. Дагерром в 1838 г.

² Вернет — лицо неустановленное.

41. Е. П. Оболенскому

ИРЛИ, ф. 606, оп. 1, д. 7, л. 111—112

¹ Это письмо неизвестно.

² Имеется в виду возможность переслать письмо с верным человеком, а не через почту.

³ Речь идет о намерении Оболенского изменить место поселения.

⁴ А. Л. Кучевский.

⁵ Установить, через кого было послано письмо, не удалось.

42. А. Ф. Бригену

ИРЛИ, № 21 227, л. 1—2 об.

¹ Бриген Александр Федорович, фон дер (1792 — 1859), отставной полковник, член Союза благоденствия и Северного общества, осужден по VII разряду. На поселении с 1828 г. в Пельме, в Кургане (1836 — 1850), Туринске (1851 — 1855), снова в Кургане. После амнистии в 1856 г. вернулся в Россию. Умер в Петербурге.

² И. С. Повало-Швейковский.

³ Сенека Луций Анней (ок. 4 до н. э.—65 н. э.), римский философ-стоик, писатель.

⁴ Свистунов Петр Николаевич (1803 — 1889), корнет Кавалергардского полка, член Северного и Южного обществ, осужден по II разряду. На поселении с 1835 г. в с. Идинском Иркутской губ., в Кургане (1838—1841), затем до 1856 г. в Тобольске. После амнистии в 1856 г. вернулся в Россию, поселился в Калуге, затем в Москве, где и умер.

⁵ Башмаков Флегонт Миронович (ок. 1775 — 1859), разжалованный из полковников рядовой Черниговского пехотного полка, участник восстания полка, приговорен к ссылке на поселение в Западную Сибирь, с 1828 г. в Рыбинской слободе Тарского уезда, затем в Таре, в 1838 г. переведен в Курган, в 1853 г. в Тобольск, где и умер.

⁶ Е. Ф. Муравьева.

43. И. Д. Якушкину

ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 45, л. 46—47 —

машинописная копия с пометой: «Приписка к письму Е. И. Трубецкой»; публикуется по копии, местонахождение подлинника неизвестно

¹ Датируется по содержанию: казак, сопроводивший И. И. Пущина в Тобольск 28 июля, успел возвратиться в Иркутск (Фонвизин т. 1, с. 180).

² М. А. Фонвизин. Это письмо неизвестно. 14 дек. 1839 г. Фонвизин обратился через ген.-губернатора Западной Сибири П. Д. Горчакова с прошением об определении его на службу рядовым в Отдельный Кавказский корпус. В ходатайстве было отказано по причине преклонного возраста.

³ Паскаль Блез (1623 — 1662), французский математик, физик и философ.

⁴ А. Г. Розенберг, плац-адъютант при штабе коменданта Нерчинских заводов.

44. И. Д. Якушкину

ЦГАОР, ф. 279, оп. 1, д. 97, л. 48—48 об.

¹ Датируется по содержанию.

² Это письмо неизвестно.

³ Возможно, имеется в виду недатированное письмо не ранее середины авг. (см. письмо 43).

⁴ Из письма С. П. Трубецкого к Е. П. Оболенскому от 20 дек. 1840 г. следует, что письмо И. И. Пущина от 1 нояб. было к М. К. Юшневской, переславшей его Трубецкому.

⁵ А. М. Муравьев был женат с 1839 г. на Бракман Жозефине Адамовне (ок. 1814—?), гувернантке в семье иркутской купчихи Медведниковой, их сын Никита (1840—1843) был первым ребенком от этого брака.

45. Е. П. Оболенскому

ИРЛИ, ф. 606, оп. 1, д. 7, л. 117—118

¹ 3 сент. 1840 г. у Трубецких умер от скарлатины сын Никита; похоронен в Иркутске.

46. И. Д. Якушкину

ЦГАОР, ф. 279, оп. 1, д. 97, л. 9—10 об.

¹ Сохранились составленные С. П. Трубецким пособия для обучения детей грамматике, географии и теории музыки (ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 20, 21, 22).

47. Е. П. Оболенскому

ИРЛИ, ф. 606, оп. 1, д. 7, л. 121—122 об.

¹ Имеется в виду письмо от 29 нояб. 1840 г.

48. А. А. Быстрицкому

ИРЛИ, ф. 368, оп. 1, д. 15, л. 1 об.—приписка к письму Е. И. Трубецкой, начало которого (с датой) утрачено

¹ Адресат установлен по содержанию: в с. Хомутово Кудинской волости Иркутской губ., в 13 верстах от Оёка, проживал с 3 июля 1839 г. на поселении А. А. Быстрицкий. Трубецкой упоминал в письме к Оболенскому (см. письмо 35) о своем посещении Быстрицкого. В описаниях ИРЛИ адресатом письма ошибочно назван М. С. Лунин.

² Датируется по письму Трубецкого к Оболенскому от 11 февр. 1840 г., в котором сообщалось о посещении Быстрицкого в одно время с посещением Юшневских, «когда они жили в Куде», и Сутгофа, «с тех пор, как он их там заменил», т. е. с 5 апр. 1841 г.

³ М. С. Лунин.

49. Е. П. Оболенскому

ИРЛИ, ф. 606, оп. 1, д. 7, л. 125—126 об.

¹ Марена — травянистое растение, из корней которого добывается красная краска.

² В 1837—1847 гг. ген.-губернатором Восточной Сибири был Руперт Вильгельм Яковлевич (1787—1849).

³ Фалькенберг Николай Яковлевич, ген.-майор, начальник VIII округа корпуса жандармов Западной Сибири.

⁴ Братья Борисовы — основатели и активные деятели Общества соединенных славян, члены Южного общества: Андрей Иванович (1798—1854), отставной поручик; Петр Иванович (1800—1854), подпоручик 8-й Артиллерийской бригады. Осуждены по I разряду. На поселении с 1839 г. в с. Подлопатине Верхнеудинского округа, с 1841 г. в Малой Разводной Иркутской губ. А. И. Борисов был психически болен и повесился после скоропостижной смерти брата. Похоронены в Малой Разводной.

⁵ Мозалевский Александр Евтихиевич (1803—1851), прапорщик Черниговского полка, участник восстания полка, предан военному суду в I армии и приговорен к смертной казни, замененной пожизненной каторгой. Остался на поселении в Петровском заводе (1839—1849). С момента ареста родные прекратили с ним связь. Жил на казенное пособие и помощь казематской артели. Добившись разрешения поселиться с декабристом В. Н. Соловьевым, выехал в июне 1850 г. в с. Устьянское Енисейской губ., где и умер.

⁶ Андреевич Яков Максимович (1801—1840), подпоручик 8-й Артиллерийской бригады, член Общества соединенных славян, осужден по I разряду. На поселении с 1839 г. в Верхнеудинске.

50. И. И. Пущину

ГБЛ, ф. 243.4.24, л. 1—2 об.

¹ Доктор Г. М. Дьяков лечил И. И. Пущина голодной диетой (Фонвизин, т. 1, с. 182).

² Речь идет о смерти Никиты Трубецкого.

³ Ивашева Камилла Петровна (урожд. Ледантю, 1808—1839), француженка, дочь гувернантки в доме родителей Ивашева, добилась в 1831 г. разрешения поехать в Петровский завод, где вышла замуж за декабриста В. П. Ивашева. Умерла в Туринске в дек. 1839 г. Спустя год, 27 дек. 1840 г., умер и В. П. Ивашев. Дети Ивашевых Мария, Петр и Вера в возрасте 6, 4 и 2 лет остались на попечении бабушки М. П. Ледантю, которой в июне 1841 г. было разрешено выехать с внуками в Россию (Пущин, с. 179).

⁴ Трубецкие уговаривали Оболенского и Пущина хлопотать о переводе их в Восточную Сибирь или в Тобольск. Родным Пущина удалось получить летом 1842 г. разрешение на поселение их обоих в Якутское.

⁵ Сын С. Г. Волконского Михаил, крестник И. И. Пущина.

⁶ Анненкова Прасковья Егоровна (урожд. Гебаль, 1800—1876), жена декабриста Анненкова Ивана Александровича (1802—1878), поручика Кавалергардского полка, члена Южного общества, осужденного по II разряду. На поселении Анненковы с 1835 г. в с. Бель-

ском Балаганского уезда Иркутской губ., с 1838 г. в Туринске. В 1839 г. Анненков, получив разрешение вступить в гражданскую службу, был назначен канцелярским служащим в туринский земский суд, в 1841 г. переведен в Тобольск. Видимо, в это время его уже в Туринске не было, почему и передается привет только Прасковье Егоровне.

51. И. Д. Якушкину

ЦГАОР, ф. 279, оп. 1, д. 97, л. 11—13 об.

¹ Зинаида — младшая дочь Трубецких.

² М. С. Лунин за составление и распространение противоправительственных сочинений и политических памфлетов в форме писем к сестре, Е. С. Уваровой, был 27 марта 1841 г. арестован и отправлен в Нерчинский острог, а затем в Акатуй.

52. И. Д. Якушкину

ЦГАОР, ф. 279, оп. 1, д. 97, л. 49

¹ Датируется по содержанию.

² К. К. Кузьмина и Е. А. Кузнецов, возвращаясь из Москвы, остановились проездом в Ялуторовске, где их по приказу городничего пытались арестовать. Вмешательство М. А. Фонвизина, действовавшего через тобольского губернатора и губернского секретаря в Ялуторовске Л. Ф. Жилина, положило инциденту конец. Возвратившись в Иркутск, Кузьмина вынуждена была покинуть дом Муравьевых и уехать из Урика, после того как А. М. Муравьев фактически ее выгнал, заподозрив в намерении выйти замуж за Н. М. Муравьева. История эта освещается во многих письмах декабристов, близких семье Муравьевых. Трубецкие приняли Кузьмину в свой дом в Оёке.

³ Н. Н. Шереметева.

⁴ Через кого отправлено это письмо к Якушкину, установить не удалось.

53. И. И. Пущину

ГБЛ, ф. 243.4.24, л. 3—4 об.

¹ Видимо, имеется в виду получение совета у Ф. Б. Вольфа, проживавшего по соседству в Урике.

² Г. М. Дьяков.

³ Это письмо неизвестно. Уточнить название книги не удалось.

⁴ Предполагаются занятия сельским хозяйством Муравьевых, которые получали из Москвы даже новые земледельческие машины и использовали научные методы ведения хозяйства, но без особых результатов. Видимо, поэтому Трубецкой упоминает о расхождении между теорией и практикой.

⁵ Ф. Ф. Вадковский иронизировал по поводу ведения хозяйства С. П. Трубецким. В письме к И. И. Пущину от 10 сент. 1842 г. он писал: «Он[Трубецкой.— В. П.] посвящал хлебопашеству то время, которое оставляет ему воспоминание его детей, то есть сеет день-

ги, жнет долги, молотит время и мелет пустяки, когда уверяет, что это занятие выгодно» (Декабристы на поселении. Из архива Якушкиных, с. 86).

54. И. Д. Якушкину

ЦГАОР, ф. 279, оп. 1, д. 97, л. 13—14 об.

55. Е. П. Оболенскому

ИРЛИ, ф. 606, оп. 1, д. 7, л. 141—142 об.

56. И. И. Пущину

ГБЛ, ф. 243.4.24, л. 5—6 об.

¹ Трубецкой имеет в виду «пустоту», образовавшуюся в жизни Пущина после отъезда детей Ивашева.

² Установить, что имел в виду Трубецкой под рисунками Пущина, не удалось. Скорее всего, это какой-нибудь альбом, принадлежащий Пущину.

³ Книга П. Е. Анненковой, которую взял у Трубецкого А. В. Поджио, — роман А. Дюма «Записки учителя фехтования» (см. об этом письмо 60).

⁴ И. А. Анненков; Басаргин Николай Васильевич (1799 — 1861), поручик л.-гв. Егерского полка, старший адъютант Главного штаба II армии, член Южного общества, осужден по II разряду. На поселении с 1835 г. в Туринске, с 1841 г. в Кургане.

57. И. Д. Якушкину

ЦГАОР, ф. 279, оп. 1, д. 97, л. 15—16 об.

¹ Б. С. Якоби в 1839 г. впервые построил моторную лодку с электромагнитным двигателем мощностью около 1 лошадиной силы («электроход Якоби»).

² Имеются в виду Комитет и Строительная комиссия по устройству Петербургско-Московской железной дороги (1836—1858) (ЦГИА, ф. 248, оп. 1, д. 1—9).

³ «Конгрововы ракеты» — Конгри Вильям (1772 — 1828), английский генерал, изобретатель ракет, которые впервые были применены в военных действиях 1806 — 1807 гг. во многих сражениях, в том числе под Лейпцигом в 1813 г.

⁴ Аббат Пьер — лицо неустановленное.

58. И. Д. Якушкину

ЦГАОР, ф. 279, оп. 1, д. 97, л. 17—18 об.

¹ В «Петербургских ведомостях» от 19 и 20 июля 1841 г. в разделе «Смесь» появилась статья, в которой сообщалось: «Осенью 1838 г. Якоби поставил свою машину на осьмивесельной шлюпке и пустил ее в ход по Неве. Опыт был неудачным, он его усовершен-

ествовал, и в 1839 г. шлюпка с 14-ю седоками пошла по Неве со скоростью 5,5 версты в час».

¹ Первое в мире судно с двигателем внутреннего сгорания — речной теплоэлектроход «Вандал» — было создано в России в 1903 г.

² Пуансон — деталь некоторых штампов и других рабочих инструментов для обработки металлов.

³ Установить что-либо об исследованиях Тункинских вод Каласом не удалось.

59. И. И. Пушкину

ГБЛ, ф. 243.4.23, л. 26 об. — приписка к письму

Е. И. Трубецкой от 17 окт. 1841 г.

¹ Трубецкие выразили соболезнование в связи с кончиной матери И. И. Пушкина, А. М. Пушкиной, последовавшей 19 июня 1841 г.

60. И. И. Пушкину

ГБЛ, ф. 243.4.24, л. 7—8 об.

¹ Зильверстгелъм Адольф Егорович (Сильверстгелъм), бар., бывший адъютант ген.-губернатора Восточной Сибири С. Б. Броневского (1835 — 1837), управляющий хозяйственным отделением Главного управления Восточной Сибири.

² Крез — последний царь Лидии (ок. 560—546 до н.э.), считался одним из богатейших людей древности. Богатство и скупость Креза сделали его имя нарицательным.

³ Речь идет о романе А. Дюма «Записки учителя фехтования», в котором автор в качестве сюжета использовал историю взаимоотношений И. А. Анненкова и Полины Гебль, рассказанную писателю неким учителем фехтования Гризье, у которого когда-то брал уроки И. А. Анненков. В романе выведен также С. П. Трубецкой и другие. Декабристы резко отрицательно отнеслись к этому роману.

⁴ А. И. Якубович в марте 1839 г. получил разрешение переехать из Малой Разводной в с. Назимово Енисейской губ. и прибыл туда 26 июня 1841 г. Золотопромышленник Н. И. Малевинский пригласил Якубовича в качестве управляющего приисками «Отрадное» и «Ольгинский». Об истинном положении, в котором он оказался, упоминает и С. Г. Волконский в письме к И. И. Пушкину от 3 янв. 1842 г., говоря, что «Якубович променял сокола на кукушку», приняв это предложение (Письма политических ссыльных в Восточной Сибири. Иркутск, 1978, с. 92).

⁵ Кюхельбекер Михаил Карлович (1799 — 1859), лейтенант гв. Морского экипажа, член Северного общества, осужден по V разряду. На поселении с 1831 г. в Баргузине. После амнистии остался там же. Был женат на сибирячке Анне Степановне Токаревой, имел семь дочерей. Трубецкой, вероятно, имел в виду падчерицу и одновременно крестницу М. Кюхельбекера, так как его старшая дочь Анна была жива еще в 1860-е гг.

⁶ Кюхельбекер Вильгельм Карлович (1797 — 1846), коллежский ассессор, член Северного общества, осужден по I разряду. В Сибири поселен в 1836 г. в Баргузине у брата. В 1837 г. женился на бар-

гузинской мещанке *Дросиде Ивановне Артемовой*. Имел двух сыновей — *Ивана* и *Михаила* и двух дочерей — *Юстину* и *Анну*.

61. *И. Д. Якушкину*

ЦГАОР, ф. 279, оп. 1, д. 97, л. 19—20 об.

62. *И. Д. Якушкину*

ЦГАОР, ф. 279, оп. 1, д. 97, л. 21—22 об.

¹ Ответные письма *И. Д. Якушкина* неизвестны.

63. *И. Д. Якушкину*

ЦГАОР, ф. 279, оп. 1, д. 97, л. 46—47 об.—первая половина письма
ГБЛ, ф. 218. 686. 14, л. 5—5 об.—вторая половина письма

¹ Датируется по времени отъезда из Иркутска *К. К. Кузьминой*, с которой это письмо было послано. В письме к *И. И. Пушкину* от 31 марта 1842 г. *М. А. Фонвизин* сообщал о проезде *Кузьминой* через Ялуторовск, что могло быть не ранее 31 марта (*Фонвизин*, т. 1, с. 239).

² Это письмо неизвестно.

³ *П. С. Бобрищев-Пушкин*.

⁴ О примирении между *Н. М. Муравьевым* и *К. К. Кузьминой* свидетельствует и *М. А. Фонвизин* в письме к *Пушкину* от 31 марта 1842 г. (*Фонвизин*, т. 1, с. 239).

⁵ *А. З. Муравьев*.

⁶ *Ребиндер Григорий Максимович*, жандармский полковник, комендант Нерчинских рудников и Петровского завода, сменил в 1838 г. *С. Р. Лепарского*.

⁷ Жена *И. Д. Якушкина Анастасия Васильевна* (урожд. кн. *Шереметева*, 1807—1846) и два его сына остались в России. Узнав, что жена не может взять с собой в Сибирь детей, *Якушкин* просил ее не следовать за ним, как она того хотела, а посвятить свою жизнь воспитанию сыновей.

64. *В. Я. Руперту*

ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 44, л. 1—черновой автограф,
местонахождение подлинника неизвестно

Записки князя *С. П. Трубецкого*, с. 119—120

Декабристы: Материалы для характеристики.
М., 1907, с. 34—35

¹ Письмо воспроизводится по черновому автографу. Подлинник не обнаружен. В копиях оно имеется в фондах *С. Г. Волконского* и *Н. М. Муравьева* (*ИРЛИ*, ф. 57, оп. 1, д. 110, л. 6; *ИРЛИ*, № 14 368, л. 1 об.). Письмо аналогичного содержания было в тот же день направлено *Трубецким* иркутскому гражданскому губернатору *Пятницкому* (*ГАИО*, ф. 24, оп. 3, к. 31, д. 12, л. 9—10—заве-

реальная рукописная копия). Это письмо воспроизведено в кн. «Письма политических ссыльных в Восточной Сибири», с. 96—97. Поскольку содержание писем Руперту и Пятницкому идентично, письмо к последнему не публикуется.

¹ Речь идет о предложении декабристам поместить своих детей, родившихся в Сибири, в казенные учебные заведения под другими фамилиями. Руперт пытался уговорить отказавшихся от царской «милости» и обратился за посредничеством к Н. А. Бестужеву. Последний в письме к Трубецкому (не датированном) так рассказывает об этом: «<...> он [В. Я. Руперт.— В. П.] начал мне очень серьезно говорить о ваших именах, что жалеет чрезвычайно, неиз[менное] окончание слова не поддается прочтению» о том, что вашим отказом вы преграждаете всякое дальнейшее покушение имп[ератора] к сближению с вами; что каков бы ни был этот шаг, но что он первый в полном смысле слова, потому что прежние милости не заключали в себе ничего существенного; что отказ ваш может озлобить власть до такой степени, что над детьми может исполниться общая мера по существующим узаконениям, которые могут быть всегда использованы как угодно; что перемена имени есть такое обстоятельство, которое изменится необходимо со временем, которое принесло уже много изменений; что наши родные с одной стороны, а он с другой, не преминет настаивать об отмене такого постановления. что он желал бы от всей своей души быть посредником и примирителем; что он верно знает дальнейшие намерения Ник[олая] Пав[ловича] насчет нас и, наконец, что он потому возлагает это на меня, что не хочет этим советом дать никакой официальности, надеясь, что убеждения мои, как товарища, будут действительнее. Вот слово в слово ответ, который я ему сделал [далее на франц. языке]: «Генерал, постараюсь воспроизвести все ваши аргументы моим товарищам, но никоим образом не хочу брать на свою совесть воздействовать на их отцовские чувства; и так как, по вашим словам, вы оставили в стороне все официальные формы, я прошу вашего разрешения сказать этим господам, что если у них появятся сомнения — им следует лишь обратиться к вашему превосходительству, чтобы вместе обсудить это дело, которое так трудно решить не родителям, а другим лицам. Он мне разрешил» (ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 49, л. 18 об.— 19).

65. З. И. Лебцельтерн

Современные записки. Париж, 1936, т. 62, с. 254—255;
местонахождение подлинника неизвестно

¹ Лебцельтерн Зинаида Ивановна (урожд. гр. Лаваль, 1804—1873), гр., сестра Е. И. Трубецкой. Была замужем с 1823 г. за австрийским послом в России гр. Людвигом Адамом Лебцельтерном (1774—1854). В их доме (ныне наб. Фонтанки, 27) 15 дек. 1825 г. был арестован С. П. Трубецкой. Родство с революционером отрицательно сказалось на дипломатической карьере Лебцельтерна. Он вынужден был в мае 1826 г. покинуть Россию. Живя с мужем в Вене, Париже, а позднее в Неаполе, З. И. Лебцельтерн не порвала связи с родными. В последние годы обнаружены 63 письма Е. И. Трубецкой к сестре в Париж и Неаполь и воспоминания

Лебцельтерн. Подлинники их находятся у потомков Лебцельтерн в Париже (французская копия воспоминаний Лебцельтерн хранится в ЦГАОР — ф. 1143, оп. 1, д. 98. Русский перевод их опубликован в ж. «Звезда», 1975, № 12). Сын С. Г. Волконского Михаил Сергеевич писал дочери Трубецкого З. С. Свербеевой в 1901 г.: «С величайшей благодарностью возвращаю вам, дорогая Зинаида Сергеевна, записки графини Лебцельтерн. Они чрезвычайно интересны, прекрасно и тонко написаны <...>. Жаль, что я не прочел ранее этих записок; две-три ссылки на них были бы очень уместны в моей работе, если бы на них согласились» (ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 252, л. 210—211). Речь шла о записках М. Н. Волконской, которые ее сын готовил к изданию.

² Письмо было отправлено в Петербург с верным человеком — иркутянином, скорее всего с П. С. Персиным. В это время у Лавалей гостила З. И. Лебцельтерн. С той же оказией С. П. Трубецкой передал конспиративное письмо и своему брату Н. П. Трубецкому.

66. Н. П. Трубецкому

ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 46, л. 12—12 об.—
черновой автограф

¹ Письмо датируется по связи с письмом аналогичного содержания к З. И. Лебцельтерн от 14 мая 1842 г.

² Трубецкой Никита Петрович (1804—1886), кн., брат декабриста (по отцу). Отставной поручик Кавалергардского полка, действ. статский советник, чиновник Министерства иностранных дел, член Капитула орденов, церемониймейстер.

³ Это письмо неизвестно.

⁴ Имеется в виду письмо Трубецкого к В. Я. Руперту от 19 апр. 1842 г.

⁵ Не трудно заметить большую долю сарказма насчет «сильного и великого государя», который не в состоянии уловить реакцию декабристов на предлагаемую им «милость».

67. Иркутскому архиепископу Нилу

Рус. старина, 1899, т. 99, с. 567—568;
местонахождение подлинника неизвестно

¹ Нил (Исакович Николай Федорович, 1799—1874), с 1853 г. архиепископ иркутский, позднее ярославский, духовный писатель, автор сочинений «О буддизме», доброжелательно относился к декабристам, поселенным в окрестностях Иркутска.

68. И. Д. Якушкину

ЦГАОР, ф. 279, оп. 1, д. 97, л. 23—24 об.

¹ Очевидно, речь идет о несогласии Трубецкого отдать детей казенное училище. Письмо, на которое он ссылается, неизвестно.

² Трубецкие надеялись получить разрешение переселиться в Западную Сибирь, что дало бы возможность им встретиться с Якушкиным.

³ В. К. Тизенгаузен.

69. Э. И. Лебцельтерн

Современные записки, т. 62, с. 256;
местонахождение подлинника неизвестно;
многоочия — пропуски в указанном издании

70. И. И. Пушину

ГБЛ, ф. 243.4.23, л. 31 — приписка к письму Е. И. Трубецкой от 6 сент. 1842 г.

¹ Пушин Николай Иванович (1803—1847), младший брат И. И. Пушина, чиновник Гражданского департамента Сената. В 1842 г. находился в инспекторской поездке по Сибири в течение нескольких месяцев. В Иркутске посетил Трубецких. С ним было передано и это письмо к И. И. Пушину.

71. А. Ф. Бригену

ИРЛИ, № 2584, л. 1—2 об.
Лит. вестник. СПб., 1903, кн. 6, с. 125—127

¹ При публикации в «Лит. вестнике» допущена ошибка: вместо Оёка, где Трубецкой был поселен, указан Омск.

² Имеется в виду профессор политической экономии при Петербургском главном педагогическом институте (с 1819 г. Петербургский университет) Карл Федорович Герман (1767—1838), лекции которого посещали многие декабристы.

³ Вероятно, Храповицкий Матвей Евграфович (1784—1847), ген.-майор, командир Измайловского полка, в котором служил Бриген, участник Отечественной войны 1812 г., в сражении под Кульмом был ранен и отправлен на излечение в Петербург одновременно с Трубецким. Позднее, в 1830 г., виленский и гродненский, а с 1846 г. петербургский ген.-губернатор, член Государственного совета и Комитета министров.

⁴ И. С. Пovalo-Швейковский. Письмо к нему неизвестно.

⁵ Н. В. Басаргин женился в авг. 1839 г. на дочери подпоручика местной инвалидной команды Марии Елисеевне Мавриной. Семейная жизнь завершилась тяжелой личной драмой, уходом М. Е. Басаргиной в монастырь «замолить» грех нарушения супружеской верности. В 1840 г. умер старший сын Басаргиных Александр, а позднее и второй сын от этого брака Василий, родившийся в 1841 г. Видимо, об этой потере и упоминает Трубецкой.

⁶ Лорер Николай Иванович (1795—1873), майор Вятского пехотного полка, член Южного общества, осужден по IV разряду. На поселении с 1833 г. в с. Мертвый Култук, затем в Кургане, в 1837 г. отправлен рядовым на Кавказ.

⁷ Нарышкина Елизавета Петровна (урожд. Коновницына, 1801—1867). Ее муж Нарышкин Михаил Михайлович (1796—1863), полковник Тарутинского пехотного полка, член Союза благоденствия и Северного общества, осужден по IV разряду. На поселении с 1833 г. в Кургане. В 1837 г. отправлен рядовым на Кавказ.

⁸ Назимов Михаил Александрович (1801—1888), штабс-капитан л.-гв. Коннопионерного эскадрона, член Северного общества, осужден по VIII разряду. Был поселен в Верхнеколымске, Витиме, затем до 1837 г. в Кургане, после чего отправлен рядовым на Кавказ.

⁹ У А. Ф. Бригена и его гражданской жены Александры Тихоновны Томниковой в 1842 г. было двое детей — дочь Екатерина и сын Иван.

72. И. И. Пушину

ГБЛ, ф. 243.4.23, л. 36 об. — приписка к письму Е. И. Трубецкой от 14 февр. 1843 г.

73. И. Д. Якушину

ЦГАОР, ф. 279, оп. 1, д. 97, л. 25—26 об.

¹ Е. И. Трубецкая ждала ребенка.

² О какой книжке идет речь, установить не удалось.

³ Доктор Приспиц (Просинц) Винцент (1790—1851), основатель гидротерапии. В г. Греффенберге устроил водолечебницу, лечил холодной водой.

⁴ Гиппократ (ок. 460—377 до н. э.), древнегреческий врач, один из основоположников античной медицины, оказавшей большое влияние на развитие медицины в последующие века; Ганеман (Ханеман) Самуэль (1755—1843), немецкий врач, основатель гомеопатии.

⁵ Фамилии упоминаемых в письме английских путешественников установить не удалось.

74. И. Д. Якушину

ЦГАОР, ф. 279, оп. 1, д. 97, л. 27—28 об.

¹ Сын Трубецких Иван.

² Согласно «Описанию примет государственных преступников», у Трубецкого рост «2 аршина, 11 и 1/4 вершка» (192,24 см). А. З. Муравьев был «корпусом дороден» (ЦГАОР, ф. 109, I экзп., 1826 г., д. 61, ч. 1 (прилож.), л. 63—63 об.).

³ Мыслете — название буквы «М» в алфавите. «Писать мыслете — быть пьяну» (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955, т. 2, с. 365).

⁴ Н. М. Муравьев умер 28 апр. 1843 г. С. П. Трубецкой сохранил записку Н. М. Муравьева, написанную за три дня до смерти,

как последнюю память друга. В ней Муравьев писал: «Дорогой Сергей Петрович, мы проводим свои именины очень печально — у Ноно кашель и насморк, а бедный Кита [Никита, сын А. М. Муравьева.— В. П.] тяжело болен с субботнего вечера — вот уже три дня, как особенно мучается» (ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 3, л. 216 — подлинник на франц. яз.).

⁵ И. С. Персин.

75. И. И. Пущину

ГБЛ, ф. 243.4.23, л. 44—44 об. — приписка к письму
Е. И. Трубецкой от 30 окт. 1843 г.

¹ Кривцов Николай Иванович, брат декабриста Кривцова Сергея Ивановича, умер 31 авг. 1843 г. Был женат на Вадковской Екатерине Федоровне, сестре декабриста Ф. Ф. Вадковского. Ее дочь Софья (р. 1821).

² И. Д. Якушкин, признавая пользу водолечения, начинал купаться в р. Тоболе после очищения его ото льда и продолжал купаться до самых заморозков. К этому методу закаливания он приобщил и Е. П. Оболенского.

76. А. Л. Кучевскому

ЦГАОР, ф. 1463, оп. 2, д. 645, л. 5—6

Кубалов Б. А. Л. Кучевский и письма к нему декабристов, с. 61

¹ А. Л. Кучевский на поселении сошелся с крестьянской девушкой А. К. (?) Ревякиной. Их сына Федора (1841—?) Трубецкой взял на воспитание. С. Г. Волконский в письме И. И. Пущину от 4 дек. 1854 г. сообщал: «Федя учится хорошо, большие способности и в хороших руках у наставника моего крестника» (Декабристы. Летописи, кн. 3, с. 108). Крестник Волконского — Иван Трубецкой, наставник — П. А. Горбунов.

77. А. Л. Кучевскому

ЦГАОР, ф. 1463, оп. 2, д. 664, л. 7—8 об.

Кубалов Б. А. Л. Кучевский и письма к нему декабристов, с. 61—62

¹ Речь идет о сенаторе Толстом Иване Николаевиче (1792—1854), близком друге и однополчанине Трубецкого по Семеновскому полку, ревизовавшем Восточную Сибирь в 1844—1845 гг. (Декабристы. Новые материалы. М., 1955, с. 132—133). А. З. Муравьев писал 4 марта 1844 г. В. Л. Давыдову о Толстом: «Сенатор виделся с Трубецким и держал себя по-приятельски. Совершенно так, как если бы расстался с ним лишь накануне» (Историк-марксист. М., 1926, т. 1, с. 197—198).

78. С. Г. Волконскому

ИРЛИ, ф. 57, оп. 1, д. 246, л. 2

79. И. Д. Якушину

ЦГАОР, ф. 279, оп. 1, д. 97, л. 29—29 об.

80. И. Д. Якушину

ЦГАОР, ф. 279, оп. 1, д. 97, л. 30—31 об.

¹ Это письмо И. Д. Якушкина неизвестно.

² Е. П. Оболенский.

81. В. К. Кюхельбекеру

ГИМ, ф. 249, д. 4, л. 36—37

ЛН, т. 59, с. 474

¹ Год устанавливается по содержанию.

² Через В. К. Кюхельбекера Трубецкой переслал обширную корреспонденцию декабристам, поселенным в местах, через которые тот должен был проехать. В это время в Красноярске находились В. Л. Давыдов, М. Ф. Митьков, М. М. Спиридов, в Кургане — Н. В. Басаргин, А. Ф. Бриген, И. С. Повало-Швейковский, Д. А. Щепин-Ростовский; в Ялуторовске — И. Д. Якушкин, М. И. Муравьев-Апостол, И. И. Пущин, Е. П. Оболенский, В. К. Тизенгаузен и А. В. Ентальцев.

³ Кого имел в виду Трубецкой, установить не удалось.

⁴ В. К. Кюхельбекер в 1844 г. получил разрешение переселиться в Смоленскую слободу под Курганом. Проездом из Акши он навестил Трубецких в Иркутске.

82. И. Д. Якушину

ЦГАОР, ф. 279, оп. 1, д. 97, л. 32—33

¹ Опыты Трубецкого по гальванизации. Этот способ осаждения металлов на поверхности изделий при помощи электролиза применялся при золочении и серебрении изделий. В «Петербургских ведомостях» от 24 авг. 1841 г. была помещена статья о том, что гр. Ф. П. Толстой, любитель-художник, использовал метод Якоби для облегчения чеканной работы при производстве форм для медалей и барельефов из гальванической меди. Возможно, эта информация подтолкнула Трубецкого к самостоятельным опытам. Якушкин занимался метеорологией и естественными науками, установил во дворе столб с солнечными часами, поставил барометр и флюгер (ветромер), гальванические батареи.

² Летом 1845 г. А. М. Муравьев был определен канцелярским служителем в Тобольское губернское правление и переехал с семьей в Тобольск; проездом должен был побывать в Ялуторовске.

³ Речь идет о И. Н. Толстом. В состав возглавляемой им ревизии входило «человек 15 молодежи из лучших знатных фамилий; тут были кн. Львов, кн. Голицын, кн. Шаховской, гр. Сиверс, бар. Ферзен, Безобразов и др. <...>» (Белоголовый Н. А. Из

воспоминаний сибиряка о декабристах.— В кн.: В потомках ваше племя оживет, с. 36).

⁴ *Казадаев Владимир Александрович*, почт-директор Восточной Сибири.

⁵ Упомянутые письма неизвестны. Трубецкой мог писать одновременно И. И. Пущину, Е. П. Оболенскому и М. И. Муравьеву-Апостолу, с которыми был в постоянной переписке.

⁶ Рисунок не сохранился.

83. И. Д. Якушину

ЦГАОР, ф. 279, оп. 1, д. 97, л. 34—35 об.

¹ Об этом см. письма 64—67 и примечания к ним.

² 14 февр. 1845 г. А. Г. Лаваль в письме к шефу жандармов А. Ф. Орлову просила его исходатайствовать у царя разрешение на предоставление «<...> дочери моей средства к обучению ее детей» в открывающемся в Иркутске Институте для образования девиц. 28 окт. 1845 г. В. Я. Руперт донес Орлову, что две дочери Трубецкого Елизавета и Зинаида приняты в Институт 9 сент. 1845 г. (ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 242, л. 30—34).

³ Девичий институт Восточной Сибири был открыт в Иркутске 1 июля 1845 г. Согласно уставу в Институт принимались дети служащих или служивших в Восточной Сибири чиновников, иногородних тайшей и шуленгов и купцов 1-й и 2-й гильдии (там же, л. 33).

⁴ К. К. Кузьмина была назначена директрисой Девичьего института.

⁵ Белосельский-Белозерский Эспер Александрович (1802—1846), кн., ген.-майор.

84. И. Д. Якушину

ЦГАОР, ф. 279, оп. 1, д. 97, л. 36—37 об.

¹ Какие неприятности имел в виду Трубецкой, установить не удалось.

² Письмо к М. И. Муравьеву-Апостолу неизвестно.

85. Н. А. Бестужеву

ИРЛИ, ф. 604, оп. 1, д. 15, л. 137—138 об.

¹ Бестужев Николай Александрович (1791—1855), капитан-лейтенант 8-го флотского экипажа, член Северного общества, участник восстания 14 дек., был знаком с Трубецким с 1821 г. по совместному членству в Петербургском комитете Вольного общества учреждения училищ взаимного обучения, осужден по II разряду. На поселении с 1839 г. в Селенгинске Иркутской губ., где и умер. Оставил серию портретов декабристов, в том числе три портрета С. П. Трубецкого и два портрета Е. И. Трубецкой. Портрет С. П. Трубецкого, относящийся к 1830 г., по своим художественным достоинствам был одним из самых замечательных произведений, созданных

Н. А. Бестужевым в читинском остроге (Зильберштейн И. С. Художник-декабрист Николай Бестужев. М., Искусство, 1977, с. 175).

² Согласно религиозным канонам, в праздник пасхи прощались все грехи.

³ М. К. Юшневская.

⁴ Трехлетний сын Трубецких Иван.

⁵ И. С. Персин.

⁶ Бестужев Михаил Александрович (1800—1871), штабс-капитан л.-гв. Московского полка, член Северного общества, участник восстания 14 дек. 1825 г., осужден по II разряду. На поселении вместе с братом с 1839 г. в Селенгинске.

⁷ После выхода Н. А. и М. А. Бестужевых на поселение их мать *Прасковья Михайловна* и три сестры — *Елена, Мария и Ольга* — получили разрешение приехать в Селенгинск, однако, доехав до Москвы, были остановлены по распоряжению Николая I, неожиданно запретившего поездку. Не пережив потрясения, П. М. Бестужева в 1846 г. умерла. Сестрам все же удалось выхлопотать разрешение, и они в 1847 г. приехали в Селенгинск (в кн.: *Фон-Визин*, т. 1, с. 452 ошибочно указано, что в Сибирь приехала только Е. А. Бестужева).

⁸ Е. П. Оболенский женился в 1846 г. в Ялutorовске на 17-летней *Варваре Самсоновне Барановой*, вольноотпущенной, бывшей крепостной крестьянке, служившей няней дочери И. И. Пущина Анушки. Решение Оболенского поначалу не нашло одобрения его друзей.

⁹ А. Ф. Бриген, находясь в ссылке, сделал блестящий перевод «Записок» Юлия Цезаря, который посвятил В. А. Жуковскому. Несмотря на высокую оценку поэтом перевода, он издан не был (см. об этом: *Тальская О. С.* К истории перевода А. Ф. Бригеном «Записок» Гая Юлия Цезаря. — В кн.: *Сибирь и декабристы*. Иркутск, 1983, вып. 3, с. 58—77).

¹⁰ Батеньков Гавриил Степанович (1793—1863), подполковник Корпуса инженеров путей сообщения, до декабрьских событий служил под начальством М. М. Сперанского в Томске и Петербурге, а позднее у Аракчеева членом Совета военных поселений. Член Северного общества, осужден по III разряду. Находился почти 20 лет в одиночном заключении в Алексеевском равелине. На поселении с 1846 г. в Томске.

¹¹ Торсон Константин Петрович (1793—1851), капитан-лейтенант флота, главный адъютант начальника морского штаба, член Северного общества, осужден по II разряду. На поселении с 1836 г. в крепости Акша, а затем в Селенгинске, где и умер. *Екатерина Петровна* — его сестра, приехавшая в Селенгинск в 1838 г. вместе с матерью *Шарлоттой Карловной*.

86. И. Д. Якушкину

ЦГАОР, ф. 279, оп. 1, д. 97, л. 38—38 об.

¹ Письмо М. И. Муравьева-Апостола неизвестно. Судя по письму С. П. Трубецкого, в нем содержалось известие о горе, постигшем И. Д. Якушкина, — смерти его жены А. В. Якушкиной в Москве 20 февр. 1846 г.

87. А. Л. Кучевскому

ЦГАОР, ф. 1463, оп. 2, д. 664, л. 11—12 об.

Кубалов Б. А. Л. Кучевский и письма к нему декабристов, с. 64

88. А. Ф. Бригену

ИРЛИ, № 2584, л. 3—4 об.

Лит. вестник, 1903, кн. 6, с. 127—128

¹ При публикации в «Лит. вестнике» допущена ошибка: вместо **Оёка**, где Трубецкой был поселен, указан Омск.

² Упоминаемое письмо Бригена неизвестно и установить суть его поручения не удалось. В. Ф. — лицо неустановленное. Возможно, однако, что это В. Флеровский — член курганского земского суда.

³ Письмо Бригена от 21 июня 1846 г. неизвестно. Что имелось в виду под ожидаемой переменой в его жизни, установить не удалось.

⁴ *Бриген Мария Александровна* (1821—?, в замуж. Туманская).

⁵ *Шурин Бригена — Миклашевский Иосиф Михайлович* (1800—?). Возможно, что упоминаемая «девица» служила гувернанткой при детях Миклашевских, а после отъезда последних за границу переехала в Сибирь и служила в Иркутском девичьем институте.

⁶ См. примеч. 9 к письму 85

⁷ *Жомини Анри* (1779—1869), генерал, военный писатель, служил в швейцарской, французской и русской (1813—1855 гг. с перерывами) армиях. Написал «Очерки военного искусства» и другие сочинения по военной истории, тактике и стратегии.

⁸ *Тьер Луи Адольф* (1797—1877), французский государственный деятель и историк. Имеется в виду его сочинение «История Французской революции», вышедшее в 1823—1827 гг.

⁹ А. И. Тургенев умер 3 дек. 1845 г. Трубецкой, скорее всего, имел в виду стихотворение Б. М. Федорова «Портрет», посвященное А. И. Тургеневу. Оно было написано еще в 1839 г. и дополнено автором в связи со смертью Тургенева. Стихотворение было опубликовано в журнале «Иллюстрация» (1846, № 1, с. 7—8) и подписано инициалами Б. Ф.

¹⁰ Страстная поэтическая натура В. К. Кюхельбекера, о которой упоминает Трубецкой, находит выражение в следующих строках его письма к Н. Г. Глинке: «Поэтом же надеюсь остаться до самой минуты смерти, и, признаюсь, если бы я. отказавшись от поэзии, мог купить этим отречением свободу, знатность, богатство, даю тебе слово честного человека, я бы не поколебался: горесть, неволю, бедность, болезни душевные и телесные с поэзией я предпочел бы счастью без нее» (К России любовью горя, с. 182).

89. Н. А. Бестужеву

ИРЛИ, ф. 604, оп. 1, д. 15, л. 139—140 об.

¹ Через кого было передано письмо, установить не удалось.

² *Рейхель Христиан Яковлевич* (?—1857), художник-портретист, зять М. К. Юшневской. По свидетельству А. С. Ребиндера, в 1854 г.

он написал портреты Е. И. и С. П. Трубецких. «Папенька был довольно похож» (ЦГИА, ф. 1657, оп. 1, д. 149, л. 143).

³ А. С. Трубецкая хорошо рисовала. Ее картина «Байкальский пейзаж», выполненная маслом в 1852—1854 гг. и отреставрированная в 1984 г. художником Е. Киселевым, хранится в Музее декабристов в Иркутске.

⁴ А. З. Муравьев сильно разбился, упав с дрожж; проболев месяц, он умер 5 нояб. 1846 г.

90. И. Д. Якушину

ЦГАОР, ф. 279, оп. 1, д. 97, л. 39—39 об.

¹ Н. Н. Шереметева.

² Фонвизин Михаил Михайлович (1826—1851), младший сын декабриста.

91. А. Л. Кучевскому

ЦГАОР, ф. 1463, оп. 2, д. 664, л. 13—14 об.

Кубалов Б. А. Л. Кучевский и письма к нему декабристов, с. 65—66

92. И. Д. Якушину

ЦГАОР, ф. 279, оп. 1, д. 97, л. 40—41 об.

93. А. Л. Кучевскому

ЦГАОР, ф. 1463, оп. 2, д. 645, л. 15—16 об.

Кубалов Б. А. Л. Кучевский и письма к нему декабристов, с. 66—67

¹ В связи со строительством Иркутской ГЭС могилы А. П. Юшневского и А. З. Муравьева перенесены из зоны затопления в Иркутск на Лисихинское кладбище.

94. И. И. Пущину

ГБЛ, ф. 243.4.24, л. 9—10 об.

¹ Речь идет об иркутском гражданском губернаторе А. В. Пятницком и о новом ген.-губернаторе Восточной Сибири *Муравьеве Николае Николаевиче* (1809—1881), сменившем в 1847 г. В. Я. Руперта и оставшемся в этой должности до 1861 г.

² *Муравьев Николай Назарович* (Назарьевич) (1775—1845), выпускник Горного корпуса инженеров, морской офицер (1792—1802), чиновник Министерства народного просвещения (с 1803 г.), в 1815—1819 гг. был новгородским губернатором.

³ *Чернышева-Кругликова Софья Григорьевна*, тетка С. Н. Муравьевой, сестра А. Г. Муравьевой, умерла 24 июля 1847 г. в Риме. *Кругликов Иван Гаврилович*, участник Отечественной войны 1812 г.,

В 1826 г. вышел в отставку в чине полковника, тайный советник; женившись на гр. Чернышевой в 1832 г., получил графский титул и фамилию Чернышев-Кругликов и чернышевский майорат. Умер 30 окт. 1847 г.

95. И. Д. Якушкину

ЦГАОР, ф. 279, оп. 1, д. 97, л. 42—43 об.

¹ Письмо И. Д. Якушкина неизвестно, и потому установить, о каком «утверждении ученых» идет речь, не представилось возможным.

² Это письмо Трубецкого неизвестно. Соболезнование Оболенскому было высказано в связи со смертью в окт. 1847 г. первой его дочери Натальи (р. 26 апр. 1847). В «Алфавите декабристов» сведения о кончине Натальи Оболенской неверны (ВД, т. 8, с. 366).

³ Речь идет о предполагаемом браке Н. В. Басаргина и Ольги Ивановны Медведевой (урожд. Менделеевой). В Омск Басаргин был переведен из Кургана в 1846 г., а с 1848 г. поселен в Ялуторовске.

⁴ П. Н. Свистунов женился 29 янв. 1842 г. на Татьяне Александровне Неудодниковой, воспитаннице смотрителя курганского уездного училища А. И. Дуранова.

⁵ После смерти В. К. Кюхельбекера его детей Михаила и Юстину воспитывала сестра декабристов Юстина Карловна Глинка.

⁶ Под «жильницами Парнаса» имеются в виду литературные произведения В. К. Кюхельбекера, талант которого Трубецкой высоко ценил. Разрешение на издание сочинений и посмертных записок Кюхельбекера последовало только в 1875 г. Издание было подготовлено дочерью декабриста Ю. В. Косовой (ЦГИА, ф. 776, оп. 11, 1875 г., д. 35).

96. И. И. Пущину

ГБЛ, ф. 243.4.24, л. 11—12 об.

¹ Упомянутое письмо И. И. Пущина неизвестно.

² Это письмо А. Ф. Бригена неизвестно. По табели о рангах 14-класс соответствовал самому низшему чину — коллежскому регистратору. Для производства в этот классный чин низших канцелярских служащих устанавливался 12-летний срок действительной службы. Бриген, лишенный чинов и дворянства, должен был иметь этот стаж службы. Он был определен на должность заседателя курганского окружного суда в 1838 г., что давало ему право на получение первого классного чина в 1850 г.

³ И. С. Повало-Швейковский умер в 1845 г. в Кургане.

⁴ Письма М. И. Муравьева-Апостола, А. М. Муравьева, Н. Н. Шереметевой и Э. И. Лебцельтерн, на которые ссылается Трубецкой, неизвестны.

⁵ Елизавета Медведникова — иркутская купчиха, основательница Сиропитательного дома — учебного заведения для малолетних девочек в Иркутске, получившего наименование Медведниковского. Речь идет о двух племянницах Д. И. Кюхельбекера, дочерях М. К. Кюхельбекера Анне (1834—?) и Юстине (1836—?). Первая воспитывалась в доме Трубецких, вторая также находилась под их покровительством. В 1852 г. Анна вышла замуж за Викентия Карловича

Миштовта — чиновника Главного управления Восточной Сибири. В «Алфавите декабристов» (ВД, т. 8, с. 339) ошибочно указано, что Анна родилась в 1852 г. и что за Миштовтом была замужем Юстина Кюхельбекер. В письме к Оболенскому М. Кюхельбекер писал в нояб. 1839 г.: «Детей у меня 2 дочки, Аннушке скоро 6-й год, Устинье скоро 4» (Декабристы. Неизданные материалы и статьи. М., 1925, с. 163). В фонде Трубецкого сохранилось письмо Анны Миштовт к Сергею Петровичу за 1857 г., полное признательности и любви к нему и ко всем членам семьи (ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 60). «Доложить по принадлежности» — передать обо всем Д. И. Кюхельбекер, которая в это время находилась в Ялуторовске.

⁶ Имеются в виду дети В. К. Кюхельбекера. М. И. Муравьев-Апостол писал 9 нояб. 1846 г. Трубецкому: «Мы надеемся, что дети нашего покойного товарища будут приняты родственниками <...> в России» (Якушкин И. Д. Записки, статьи, письма, с. 303). Сестра В. К. Кюхельбекера Ю. К. Глинка получила разрешение взять детей, чтобы дать им возможность получить образование. В авг. 1847 г. она приехала за ними в Ялуторовск. По настоянию Пушкина и Муравьева-Апостола Д. И. Кюхельбекер согласился отправить детей в Россию (Пушкин И. И. Записки о Пушкине. Письма, с. 222). Впоследствии Михаил под фамилией Васильев окончил гимназию и поступил в Петербургский университет. Юстина под фамилией Васильева воспитывалась у тетки. Позднее вышла замуж за Н. Ф. Косова. Только после амнистии 1856 г. им была возвращена фамилия отца.

⁷ Ю. К. Глинка хлопотала о переводе брата М. К. Кюхельбекера из Баргузина в Ялуторовск, но хлопоты остались без последствий (Пушкин И. И. Записки, с. 222).

⁸ В. — скорее всего, Волконские.

⁹ А. — личность неустановленная.

97. И. Д. Якушкину

ЦГАОР, ф. 279, оп. 1, д. 97, л. 44—45 об.

¹ И. С. Персин.

² Ю. Ф. Ришье — горный инженер.

³ С кем было послано это письмо, установить не удалось.

98. Я. Д. Казимирскому

ИРЛИ, ф. 357, оп. 3, д. 85, л. 3

Звенья. М.; Л., 1932, т. 1, с. 45—46

¹ Казимирский Яков Дмитриевич (р.—1860), жандармский офицер, плац-майор в Чите и комендант в Петровском заводе, где сдружился с декабристами. В 1852 г. в чине ген.-майора был назначен начальником VIII Сибирского жандармского округа с центром в Омске. Сохранял дружеские отношения со многими декабристами, причисляя себя к их кругу.

99. С. А. Пановой

ГМП, ф. 2, оп. 5, № Р213, л. 1

Лит. Россия, 1970, 25 дек., № 52, с. 17

¹ Панова Софья Александровна (урожд. Савина), жена Дмитрия Алексеевича Панова, брата декабриста.

² Н. А. Панов умер 14 янв. 1850 г., похоронен в ограде бывшего Знаменского монастыря в Иркутске.

100. Н. Д. Фонвизиной

ГБЛ, ф. 319.3.77, л. 1—2 об.

¹ Письмо Н. Д. Фонвизиной неизвестно.

² Речь, скорее всего, идет о встрече новой директрисы (с 28 февр. 1850 г.) Девичьего института в Иркутске М. А. Дороховой (урожд. Плещеевой, 1811—1887), служившей до того классной дамой в Петербургском сиротском доме (Коновалова А. Н. Мария Александровна Дорохова, с. 64).

³ Посланцем был некто Сергей Александрович (фамилию установить не удалось), осуществлявший постоянную связь между сибирскими декабристами (Якушкин И. Д. Записки, статьи, письма, с. 325, 729).

⁴ Речь идет о Буташич-Петрашевском Михаиле Васильевиче (далее Петрашевский; 1821—1866) и его товарищах. 23 апр. 1849 г. они были арестованы за антиправительственные высказывания, чтение письма Белинского к Гоголю и за попытку организовать тайное общество. 21 человек были в дек. 1849 г. приговорены к расстрелу, замененному каторгой. Петрашевский и его товарищи Н. А. Спешнев, Ф. Н. Львов, Н. П. Григорьев, Ф. Г. Толь, Ф. М. Достоевский, С. Ф. Дуров, И. Л. Ястржембский и Н. А. Момбелли в янв. 1850 г. по этапу были доставлены в Тобольск, откуда отправлены на Акатуйский, Шилкинский и Александровский заводы Нерчинского горного округа. Декабристы проживавшие в Тобольске, приняли деятельное участие в судьбе петрашевцев, оказывая им не только материальную помощь, но и моральную поддержку. Из-за соображений конспирации непосредственная связь с ними осуществлялась через Н. Д. Фонвизину и Е. И. Трубецкую. Провожая петрашевцев из Тобольска, декабристы передавали, как эстафету, заботу о дальнейшей их участи друзьям в Иркутске. Письмо Н. Д. Фонвизиной к Е. И. Трубецкой, о содержании которого можно судить по ответу С. П. Трубецкого, свидетельствует о той роли, которая отводилась женам декабристов в организации помощи осужденным.

⁵ Первыми из Тобольска были отправлены Петрашевский (17 янв.), Спешнев и Григорьев (18 янв.), Львов (19 янв.), и потому их прибытие в Иркутск шло в той же последовательности, и сведения, сообщаемые Трубецким, касаются, скорее всего, Григорьева, состояние которого было особенно тяжелым.

⁶ «Славный друг полковник» — видимо, Я. Д. Казимирский.

⁷ «М-ль М.» — лицо неустановленное.

⁸ Речь идет о Петрашевском и Спешневе, которые были отправлены вначале в Акатуйский и только потом в Шилкинский и Александровский заводы. Об этом Трубецкой сообщал в иносказатель-

ной форме: «где мы должны были жить раньше и где мы имели одного усопшего», имея в виду М. С. Лунина.

101. И. П. Корнилову

ГПБ, ф. 377, ед. хр. 1175, л. 1—2 об.

¹ Корнилов Иван Петрович (1813—1901), дежурный штаб-офицер Дежурства войск в Восточной Сибири (1847—1851); по делам службы разъезжал по восточно-сибирским золотым приискам, посещал места поселений декабристов. Позднее — попечитель Виленского учебного округа, член Совета министра народного просвещения; географ, этнограф, историк школьного образования в России, собиратель фольклорного материала по Сибири, автор Записок, содержащих упоминания о встречах с декабристами. По свидетельству Я. Д. Казимирского, был неравнодушен к Сашеньке Трубецкой.

² По-видимому, речь идет о поручении Н. А. Панова вернуть долг И. П. Корнилову (см. письмо 99).

102. И. И. Пушкину

ГБЛ, ф. 319.75, л. 1. 2 об.

¹ К. — лицо неустановленное.

² Речь идет о передаче Трубецким посредством доверенного лица письма, содержащего сведения о положении петрашевцев, а возможно, даже написанного кем-нибудь из них, через Пушкина к Фон-визинам.

³ Штубендорф Юлий Иванович (1811—1878), врач, чиновник по особым поручениям при Н. Н. Муравьеве, с 1856 г. якутский губернатор; кн. Лобанов — чиновник Главного управления Восточной Сибири.

⁴ Двое в Шилкинских заводах — М. В. Петрашевский и Н. А. Спешнев.

⁵ П. — М. В. Петрашевский.

⁶ Зять И. И. Пушкина — Малиновский Иван Васильевич, муж его старшей сестры Марии Ивановны.

⁷ Сергей Александрович — см. примеч. 3 к письму 100.

103. И. С. Персину

ЦГАОР, ф. 1143, оп. 2, д. 10, л. 1. 2 об. —
черновой автограф

¹ Упомянутое письмо Трубецкого неизвестно.

² Письмо Е. И. Трубецкой от 16 марта 1851 г. см. в ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 355, л. 1—2.

³ Завещание А. Г. Лаваль не сохранилось. Об илуществе, оставшемся после ее смерти, можно судить по «раздельной записи», в которой значится: недвижимость в виде Архангельского медеплавильного завода в Стерлитамакском уезде Оренбургской губ., населенные имения в Московской, Петербургской, Пензенской, Тамбовской, Тверской, Саратовской и Таврической губерниях (свыше 9

тмс. душ крестьян мужского пола), дома в Петербурге, Маршанске и Иркутске общей стоимостью в 1,5 млн. р. сер. (далее денежные исчисления даны также в серебряных рублях); наличные капиталы в банках Штиглица (в Петербурге) и Ротшильда (в Париже), в Петербургском опекуном совете, государственных Заемном и Коммерческом банках на сумму 150 тыс.; драгоценности (золото, серебро, бриллианты, картины, бронза, хрусталь, фарфор, книги и пр.) на сумму 130 тыс.; коллекция античных предметов, оцененная в 50 тыс.; наконец, ежегодный доход с имений и с завода на сумму 150 тыс. Таким образом, на 1850 г. наследство составляло 2 млн. 600 тыс. р. (ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 92, л. 2—9 об.). Наследницами являлись: Е. И. Трубецкая, Э. И. Лебцельтерн, С. И. Борх и А. И. Коссаковская.

¹ И. С. Персин сообщал, что ясности с имениями нет. Дела Лаваль велись крайне плохо. Многие документы потеряны или истреблены, «вероятно, по стачке управляющих с деловыми людьми, которых состояло при доме 72 человека мошенников и пьяниц <...>, графиню обкрадывали в собственном доме». Забывчивость ее в последние годы была так велика, что при описи оставшегося имущества обнаружены просроченные ломбардные билеты на 26 и 11 тыс. рублей. Масса бумаг из деревень и завода найдены нераспечатанными с 1845 г. Бриллианты стоимостью в 51 тыс. рублей были обнаружены в старой шляпной коробке (ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 132, л. 10—11).

² И. С. Персин писал: «Самое лучшее, по моему мнению, будет: выделивши вам теперешний доход в 24 тыс. р., который вы получаете, остальное имение разделить на четыре равные части по взаимному всех согласию и бросить жребий, который должен решить, какая часть кому достанется (там же, л. 11 об. — 12).

³ К. К. Кузьмина жила у Трубецких в Оёке с февр. 1841 г. по март 1842 г.

104. И. С. Персину

ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 34, л. 53—55—
черновой автограф

¹ Письмо датируется по ответному письму И. С. Персина, полученному Трубецким 9 мая, а также по времени окончания работы специальной комиссии, занимавшейся разделом наследства А. Г. Лаваль. Последнее заседание комиссии с участием Персина состоялось 31 июля 1851 г. (ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 92, л. 1, 8).

² По-видимому, имеется в виду письмо И. С. Персина от 20 марта, в котором он описывал положение дел, расстроженных еще при жизни А. Г. Лаваль.

³ Речь могла идти о несогласованности мнений наследниц относительно судьбы коллекций древностей, картин, библиотеки, представлявших собой большую ценность в комплексе. Разрозненность значительно обесценивала каждое из этих собраний, что вызывало на первых заседаниях разногласия. Э. И. Лебцельтерн противилась продаже предметов искусства, предлагая разделить их между наследницами; она же, соглашаясь на продажу драгоценностей, мебели и библиотеки, категорически возражала против продажи античной коллекции и дома (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1279, оп. 1, д. 11, л. 95—96). Коссаковская предлагала вывезти коллекцию картин в

Англию, мотивируя это тем, что «<...> ни в Петербурге, ни в Москве нет любителей галерей, которые хотели бы расширить свои коллекции» (там же, л. 74—75). С этим не соглашался ее муж, ссылаясь на то, что продажа коллекций, собранных с такой любовью их матерью, оскорбила бы ее память (там же, л. 5). Он предлагал все поделить поровну. Этот план не устраивал Трубецких, нуждавшихся в деньгах, а не в предметах роскоши. К концу раздела наследницы все-таки пришли к соглашению, сохранив между собой добрые отношения. Все недвижимое имущество было поделено в соответствии с завещанием А. Г. Лаваль, а движимое, кроме коллекции античной и египетской скульптуры, приобретенной Эрмитажем за 32,5 тыс. рублей, было соответственно разделено на четыре части, в том числе библиотека, насчитывавшая свыше 8 тыс. томов. Часть наследства, доставшаяся Е. И. Трубецкой, оценивалась в 647 тыс. рублей (ЦГИА, ф. 1657, оп. 1, д. 36, л. 1). Кроме наличных капиталов, она получила: имение Саблы в Симферопольском уезде Таврической губ., оцененное в 90 тыс.; Пензенское имение в 115 тыс.; село Екатерининское Нижегородского уезда Московской губ. в 35 тыс. и дом в Иркутске, оцененный в 10 тыс. рублей.

⁴ По свидетельству С. И. Борх, у графини Лаваль с ухудшением здоровья усилились подозрительность и недоверчивость к окружающим, в том числе и к дочери, которая не имела ни малейшего влияния на мать и могла лишь напоминать ей о Екатерине Ивановне. Вместе с тем, как сообщала Борх, мать была «расположена хорошо к тому, кто тебе привезет это письмо, так что это прекрасная возможность на его обратном пути многое передать письменно и на словах. Очень советую тебе этим воспользоваться» (ЦГИА, ф. 1657, оп. 1, д. 151, л. 20—20 об.—подлинник на франц. яз.). Упомянутым доверенным лицом Лаваль, у которого находилась на хранении часть ее денег и который принимал участие в составлении ее завещания, был Петр Сергеевич Персин (ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 132, л. 1—3). По воспоминаниям Э. И. Лебедельтерн, незадолго до смерти А. Г. Лаваль ее посетил Н. Н. Муравьев и напомнил ей о судьбе Трубецких (там же, д. 98, л. 41—42).

⁵ Дом Лавалей на Английской набережной, оцененный в 150 тыс. рублей, оставила за собой С. И. Борх с обязательством выплатить $\frac{3}{4}$ его стоимости сестрам.

105. И. Д. Якушкину

Декабристы. Летописи, кн. 3, с. 319—320;

местонахождение подлинника неизвестно

¹ Имеется в виду просьба Якушкина об устройстве в иркутскую гимназию двух сыновей ссыльного П. Г. Созоновича Евгения и Петра и оказании им помощи. Дочь его Августа воспитывалась у М. И. Муравьева-Апостола. Сам Созонович, офицер уланского полка Бугского военного поселения, был приговорен в 1823 г. к каторжным работам за «оскорбление действием» полкового командира. Ссылку отбывал в Ялуторовске, но, получив разрешение отлучиться с места поселения, уехал в Восточную Сибирь, где служил на золотых приисках у В. Ф. Базилевского; в 1854 г. проживал в Иркутске (Якушкин, с. 388).

² Дело по разделу наследства А. Г. Лаваль окончательно было завершено в авг. 1851 г.

³ Речь идет о приезде Э. И. Лебцельтерн из Неаполя.

⁴ Н. Д. Фонвизина.

⁵ Францев Дмитрий Иванович, в 1854 г. советник Тобольского губернского правления, был близок с Фонвизинскими.

⁶ Муравьева Екатерина Николаевна (урожд. Ришмон), жена ген.-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева.

⁷ Н. Н. Муравьев, возвращаясь из Петербурга в Иркутск, по пути посетил Ялуторовск.

106. Г. С. Батенькову

ГБЛ, ф. 20.13.22, л. 1—2 об.

¹ И. П. Корнилов.

² Имеется в виду свадьба Е. С. Трубецкой и П. В. Давыдова (1825—1912), сына декабриста, отставного поручика л.-гв. Конного полка. После свадьбы молодые уехали в родовое имение Давыдовых Каменку Чигиринского уезда Киевской губ.

³ Н. Н. и Е. Н. Муравьевы.

⁴ Свербеев Николай Дмитриевич (1829—1860), выпускник Московского университета, в 1851 г. приехал в Иркутск в качестве чиновника по особым поручениям по дипломатической части при Н. Н. Муравьеве. Дважды был командирован в Удский край, в янв. 1853 г. вернулся в Иркутск. В 1854—1855 гг. сопровождал Н. Н. Муравьева в двух экспедициях на Амур.

⁵ Сергей Иванович — годовалый сын И. С. Персина, которого Батеньков видел при встрече с семьей Персина во время их остановки в Томске в сент. 1851 г. по дороге из Петербурга в Иркутск.

⁶ Г. С. Батеньков в своих письмах часто придает слову «статья» значение поручения или вопроса: «<...> остается еще одна статья», «наконец подхожу к последней статье» и пр. В данном случае «статья» означает просьбу оказать содействие в устройстве П. Г. Созоновича и его сыновей, о чем Трубецкой и говорил с П. А. Мухановым и М. А. Дороховой.

⁷ Базилевский Виктор Федорович (1801—1859), чиновник, брат крупного золотопромышленника и откупщика Ивана Федоровича Базилевского, был женат с 1845 г. на дочери восточно-сибирского ген.-губернатора Руперта Ольге Вильгельмовне.

⁸ Меркушев — видимо, сын одного из давних приятелей Батенькова Петра или Филиппа Афанасьевичей Меркушевых.

107. М. А. Фонвизину

ГБЛ, ф. 319.3.77, л. 3—4 об.

¹ Упомянутое письмо не сохранилось. 23 апр. 1852 г. Фонвизин сообщил Якушкину о полученном им разрешении проводить больную жену в Восточную Сибирь на Туркинские минеральные воды, что дало бы им возможность посетить друзей в Иркутске. Поездка не состоялась в связи с приездом в Тобольск брата декабриста Ивана Александровича Фонвизина.

² Е. С. Давыдова и А. С. Ребиндер.

³ Ребиндер Николай Романович (1810—1865), действ. стат-

ский советник, чиновник министерств: финансов (1835—1836), юстиции (1837—1841), внутренних дел, вице-директор Департамента духовных дел иностранных исповеданий (1841—1851). С июня 1851 г. кяхтинский градоначальник. 12 апр. 1852 г. женился на А. С. Трубецкой. От первого брака имел дочь Надежду (1840—?) (ЦГИА, ф. 1657, оп. 1, д. 1, л. 1—формулярный список). Я. Д. Казимирский писал И. П. Корнилову: «Градоначальник кяхтинский Ребиндер приезжал тоже на днях сюда. Еще молод, ваших лет. Вдовец и недурен собою, ловок, образован; очень деловой и благонамеренный человек, характера весьма сурьезного, но в обращении весьма любезного» (ГПБ, ф. 377, ед. хр. 751, л. 1. об.). В Иркутске Ребиндер остановился в доме Н. Н. Муравьева. Н. Н. и Е. Н. Муравьевы были посаженными родителями жениха.

⁴ В 1851 г. дочь декабриста И. А. Анненкова *Ольга Ивановна* (1830—1891) вышла замуж за военного инженера, впоследствии ген.-лейтенанта *Иванова Константина Ивановича* (?—1887) (Пуш и н, с. 247).

108. А. С. Ребиндер

ЦГИА, ф. 1657, оп. 1, д. 158, л. 1—2 об.

¹ А. С. Ребиндер сообщала, что они ехали вместо двух дней девять из-за разлива р. Селенги, отчего вся дорога оказалась покрытой огромными льдинами и непроходимые места приходилось переезжать на лодке (ЦГИА, ф. 1657, оп. 1, д. 149, л. 28 об.).

² Н. Н. Муравьев.

³ *Урусова Елизавета Петровна* (урожд. кн. Трубецкая, 1820—?), кн., племянница С. П. Трубецкого, дочь его брата *Петра Петровича* (1793—1840), участника Отечественной войны 1812 г., оставшего полковника 2-й Артиллерийской бригады, члена масонской ложи «Соединенных славян» в Киеве в 1820—1822 гг., члена Союза благоденствия. П. П. Трубецкой привлекался по делу декабристов, но за непринадлежностью к позднейшим тайным обществам «оставлен без внимания». С 1824 г. был начальником Одесского таможенного округа. Урусова — жена кн. *Урусова Сергея Николаевича* (1816—1886), действ. тайного советника, статс-секретаря, председателя Департамента законов Государственного совета и главноуправляющего II Отделением с. е. и. в. канцелярии.

⁴ Семья *Чертковых: Александр Дмитриевич* (1789—1858), археолог, историк, нумизмат, владелец богатейшей библиотеки, президент Московского общества истории и древностей российских, губернский предводитель дворянства (1844—1856); его жена *Елизавета Григорьевна* (урожд. гр. Чернышева, 1805—1858), сестра А. Г. Муравьевой и декабриста З. Г. Чернышева; их дети: *Григорий, Елизавета, Софья и Александра*, по рассказам родных и двоюродной сестры С. Н. Муравьевой-Бибиковой, они были знакомы с Трубецкими и Давыдовыми и потому стремились оказать молодым Давыдовым дружеское внимание.

⁵ Морозов — лицо неустановленное.

⁶ *Дарья Андреевна* (фамилии установить не удалось) — скорее всего, воспитательница в Иркутском девичьем институте.

⁷ Свадьба Успенской: *Успенская* — выпускница Иркутского де-

вичьего института, возможно, дочь Петра Николаевича Успенского, члена Иркутского губернского правления; Тороповы — семья директора и инспектора Иркутского благородного пансиона Александра Ивановича Торопова; Пороковы — семья горного исправника Иркутского и Верхнеудинского округов Егора Михайловича Порокова; Акия Васильевна Золотова — настоятельница иркутского Знаменского монастыря; Амалия Ивановна — лицо неустановленное; М. А. — М. А. Дорохова.

⁸ Аннушка — А. М. Кюхельбекер, ее жених В. К. Миштовт.

⁹ Сиверс Петр Александрович, чиновник по особым поручениям при Н. Н. Муравьеве; М. Ф. Мокржецкий, выпускник Московского университета, чиновник из окружения Н. Н. Муравьева, товарищ Н. Д. Свербеева.

¹⁰ Пфаффиус Евгений Вильгельмович — чиновник канцелярии Главного управления Восточной Сибири.

¹¹ Барон — Вольф Владимир Иванович, бар., чиновник из окружения Н. Н. Муравьева; Миша — М. С. Волконский.

¹² Е. И. Трубецкая и М. К. Кюхельбекер.

¹³ Какую Павел Иванович, богатый иркутский купец, член иркутского губернского совета; Суровцев Леонтий Михайлович, окружной иркутский казначей; Дросида Ивановна — вдова декабриста В. К. Кюхельбекера.

¹⁴ Солдатов Петр Васильевич, иркутский купец 2-й гильдии.

¹⁵ Розен Анна Федоровна, дочь начальницы Медведниковского сиропитательного дома Н. Ф. Розен, с 1853 г. жена Б. В. Струве; Казакевич Петр Васильевич (1814—1887), морской офицер, капитан I ранга, начальник шлюпа в военном транспорте «Байкал», открывший в 1849 г. устье Амура; Похвистнев Аркадий Николаевич (1816—1892), офицер л.-гв. Преображенского полка, с 1851 г. личный адъютант Н. Н. Муравьева, проявлял любовь к искусству, был директором иркутского театра, в 1856 г. вышел в отставку и уехал в Петербург; Кроль — лицо неустановленное.

¹⁶ М. К. — по-видимому, М. К. Юшневская.

¹⁷ Я. Д. Казимирский.

109. В. Л. Давыдову

ЦГАОР, ф. 1709, оп. 1, д. 7, л. 1—2 об.

Историк-марксист. М., 1926, т. 1, с. 198—199

¹ См. примеч. 2 к письму 106.

² У Е. С. и П. В. Давыдовых 29 окт. 1852 г. родился сын Василий (ум. 1900).

³ Иван Васильевич, сын декабриста В. Л. Давыдова; под фамилией Васильев он был в 1842 г. определен в казенное учебное заведение.

⁴ Предполагается служба Н. Р. Ребиндера в Кяхте.

⁵ У Н. Р. Ребиндера были трения с Н. Н. Муравьевым по вопросу внешней торговли России через Кяхту. Муравьев имел намерение свести Кяхту, как центр торговли с Китаем, на нет и этим заставить правительство открыть другие пункты, в частности на берегах Амура. Ребиндер опасался, что Муравьев, не доверявший

кихтинским купцам, поддерживаемым Ребиндером, неодобрительно отзовется о нем в Петербурге. В одном из писем к С. П. Трубецкому Ребиндер сообщал, что хотя «имеет средство удерживать Н. Н. Муравьева в границах благоразумия», но находится в окружении «клиентов» Муравьева, готовых «предать», и потому положение его «невыносимо» (ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 70, л. 20—21).

⁸ Имеется в виду К. К. Венцель. В письме к Трубецкому от 14 нояб. 1854 г. Н. Р. Ребиндер писал: «Положение мое уже час от часу становится затруднительнее. Иметь дело с Главным управлением поистине бедствие» (там же, л. 57).

⁷ Предположения Трубецкого оправдались; Ребиндер в конце 1854 г. был отозван в Петербург.

⁸ Раевская Елена Николаевна (р. 1803), сестра М. Н. Волконской, умерла 4 сент. 1852 г. в Риме. Ее сестры: Орлова Екатерина Николаевна (1797—1885), жена декабриста М. Ф. Орлова; Раевская Софья Николаевна (1806—1881). Все они — племянницы В. Л. Давыдова (Н. Н. Раевский и В. Л. Давыдов были родными братьями по матери).

⁹ Здесь намек на неблагоприятные обстоятельства в семье Волконских, вызванные образом жизни Марии Николаевны, в котором не находилось места ее мужу. Еще в 1839 г. Ф. Ф. Вадковский писал Е. П. Оболенскому: «О Волконских не стану говорить. Как мне показалось, одно приличие удерживает мужа и жену под той же кровлей; а кто из них виновен, знает один бог <...>» (Письма политических ссыльных, с. 71—72). Отношения особенно обострились в 1850 г. в связи с решением М. Н. Волконской выдать 15-летнюю дочь Елену (Нелиньку) замуж, вопреки запрещению отца, за чиновника Главного управления Восточной Сибири Дмитрия Васильевича Молчанова, человека, чуждого среде декабристов, оказавшегося не порядочным и грубым.

¹⁰ Я. Д. Казимирский, возивший свою больную дочь Александру в Красноярск.

¹¹ М. М. Спиридов.

110. М. А. Фонвизину

ГБЛ, ф. 319.3.77, л. 5—6 об.

¹ Фонвизин Иван Александрович (1790—1853), полковник, член Союза благоденствия, к суду не привлекался был отправлен под надзор полиции в свое имение Марьино Бронницкого уезда Московской губ. Получил в 1852 г. разрешение навестить брата в Тобольске, куда прибыл 14 июня, и пробыл там шесть недель.

² Семенов Степан Михайлович (1789—1852), выпускник Московского университета, магистр этико-политических наук, чиновник канцелярии московского ген.-губернатора, член Союза благоденствия и Северного общества. Суду предан не был. По докладу Следственной комиссии отправлен на службу в Западную Сибирь. С 1838 г. чиновник канцелярии Главного управления Западной Сибири, а с 1841 г. — Тобольского губернского правления. Умер 10 июня 1852 г.

³ Дочери декабриста Давыдова Екатерина (1822—1898) и Елизавета (1823—1902) навестили родителей в 1851 г. в Красноярске.

111. А. С. Ребиндер

ЦГИА, ф. 1657, оп. 1, д. 158, л. 3—4 об.

¹ День рождения А. С. Ребиндер — 5 февр.

² Наденька — дочь Н. Р. Ребиндера; М. Ф. — по-видимому, тетка Н. Н. Ребиндер по матери, сопровождавшая ее в Сибирь. В воспоминаниях З. И. Лебцельтерн о ней упоминается как о женщине с неприятным характером и дурными манерами, на которую очень походила племянница (Эльброн, с. 217). В письме Н. Р. Ребиндера к тестю от 16 дек. 1853 г. сообщалось: «Теперь обращаюсь к другому предмету — к отъезду М. Ф. в Россию. Сегодня я решительно объявил ей, что при настоящих обстоятельствах надо ей ехать >». Дело кончено. Остается ей доехать без приключений (ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 70, л. 56); М-ль «Л.» — гувернантка дочерей Ребиндера; 14 июля 1852 г. А. С. Ребиндер писала сестре: «Надя приехала три недели назад с теткой своей и гувернанткой» (ЦГИА, ф. 1657, оп. 1, д. 149, л. 32). Зенович — А. И. Деспот-Зенович, кяхтинский пограничный комиссар, с 1859 г. кяхтинский градоначальник.

112. А. С. Ребиндер

ЦГИА, ф. 1657, оп. 1, д. 158, л. 5—6 об.

¹ Ребиндеры проводили лето 1853 г. на заимке в Дарасуне, в 49 верстах от Читы. Из-за внезапной болезни сына выехали в Читу. По дороге, на спуске с горы, их карета опрокинулась и они получили серьезные повреждения, ребенок не пострадал (ЦГИА, ф. 1657, оп. 1, д. 149, л. 47). В письме к Е. С. Давыдовой Александра Сергеевна писала: «В Чите я хочу остановиться и сходить посмотреть наш дом. Сколько там воспоминаний! Как мне грустно, что некому показать и рассказать мне все хорошенько, хотя бы у меня был вид Читы того времени, а то и этого нет (там же, л. 44).

² Г. Ф. Ланин, комиссионер иркутского питейного откупа, купец; Ловицкий — начальник читинского госпиталя.

³ Запольский Павел Иванович, ген.-майор, с 1851 г. военный губернатор и управляющий гражданской частью Забайкальской области, наказной атаман Забайкальского казачьего войска.

⁴ Безносиов Яков Иванович, в 1840-е гг. адъютант В. Я. Руперта, позднее управляющий пароходным сообщением через Байкал; сочувствовал декабристам и оказывал им разные услуги.

⁵ Венцель Карл-Бернгард Карлович (1794—1874), ген.-лейтенант, иркутский гражданский губернатор, начальник штаба войск Восточной Сибири (1851—1859), председательствующий Главного управления Восточной Сибири. Во время отлучек Н. Н. Муравьева исполнял обязанности ген.-губернатора Восточной Сибири.

⁶ М. А. — М. А. Дорохова; Зина и Ваня — дети Трубецких; Маша — Неустроева Мария Александровна, воспитанница Трубецких, с 1852 г. — жена П. А. Горбунова.

⁷ Ф. П. Занадворов — губернский секретарь, женат на племяннице сибирского золотопромышленника Е. А. Кузнецова. Будучи его душеприказчиком, присвоил себе значительную часть состояния. За злоупотребления и поджог леса на своих Олекминских золотых

приисках был отдан под суд. Следствие было поручено Д. В. Молчанову, обвиненному, в свою очередь, Занадворовым в получении от него взятки в 20 тыс. за послабление в ведении следствия.

113. Н. А. Бестужеву

ИРЛИ, ф. 604, оп. 1, д. 15, л. 141—142 об.

¹ Каких путешественников имел в виду Трубецкой, установить не удалось. Известно, что, возвращаясь из Кяхты в мае 1853 г., Трубецкой посетил Селенгинск (ЦГИА, ф. 1657, оп. 1, д. 149, л. 40, 44, 128).

² Бестужева Елена Александровна (1792—1874), старшая сестра декабристов. Ольга — лицо неустановленное.

³ Податель письма — лицо неустановленное.

⁴ Установить, кого имел в виду Трубецкой под «словоохотливым нашим белоусым товарищем», не удалось.

⁵ В 1853 г. Фонвизины получили разрешение вернуться в Европейскую Россию.

⁶ Ивашева Мария Васильевна (1835—1897), дочь декабриста. После смерти родителей была привезена бабушкой М. П. Ледантю к родственникам отца в Симбирск. В 1854 г. вышла замуж за Константина Васильевича Трубникова. Кому она отказала в 1853 г., установить не удалось.

⁷ В. К. Тизенгаузен получил разрешение вернуться в Европейскую Россию 29 апр. 1853 г.

⁸ Штейнгель Владимир Иванович (1782—1862), отставной подполковник, член Северного общества, осужден по III разряду. На поселении с 1835 г. в с. Елани Иркутской губ., затем в Таре и Тобольске. Его сын Вячеслав Владимирович с 1850 по 1853 г. был репетитором, а с 28 авг. 1853 г. инспектором Александровского лицея в Петербурге.

⁹ Скорее всего, поручение касалось Руфа Петровича Кельберга, воспитанника Бестужевых, сына подлекаря в Селенгинске, домашнего врача Бестужевых, одного из посредников в нелегальной переписке декабристов.

¹⁰ К. П.—Е. П. Торсон.

¹¹ Антуан Луиза — француженка, вдова, гувернантка в семье начальника штаба войск Иркутского военного округа генерала Б. К. Кукеля, на которой Н. А. Бестужев собирался жениться. Брак не состоялся из-за несогласия на него сына Л. Антуан (Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. М., 1980, т. 2, с. 385).

114. Г. С. Батенькову

ГБЛ, ф. 20.13.22, л. 5—6 об.

¹ Речь идет об архиепископе Ниле, которого сменил переведенный из Томска архиепископ Афанасий (Соколов Андрей Григорьевич, 1796—1868), назначенный в Иркутск 24 дек. 1853 г.

² М. А. Дорохова после скоропостижной смерти П. А. Муханова решила переехать к его родным в Москву, но вынуждена была уехать от них в Нижний Новгород, где заняла должность (с апр. 1855 г.) начальницы Нижегородского девичьего института. «Институтки»,

опекаемые Батеньковым, — ученицы Иркутского девичьего института. Фамилии их установить не удалось.

³ И. П. Корнилов, через которого было послано письмо Батенькову.

⁴ Масолова Калюсфена Философна (Философовна), младшая дочь Философа Александровича Горохова, крупного золотопромышленника, знакомого Батенькова. Всеволод Алексеевич — ее муж Масолов.

⁵ Бечаснов Владимир Александрович (1801—1859), прапорщик 8-й Артиллерийской бригады II армии, член Общества соединенных славян, осужден по I разряду. На поселении с 1839 г. в с. Смоленщине Иркутской губ., после амнистии остался там же.

⁶ Речь идет о Е. С. Давыдовой. Крымское ее имение Сабли в период войны находилось в прифронтовой полосе, и в нем был развернут госпиталь (Максименко М., Губенко Г. История села Партизанского. Симферополь, 1962, с. 12).

⁷ Имеются в виду полученные Трубецким известия об успехах Черноморского флота под командованием вице-адмирала П. С. Нахимова в битве под Синопом в нояб. 1853 г. и летом (1853) наступлении русской армии в районе р. Прут, захвате Молдавии и Валахии.

⁸ 29 апр. 1854 г. русские войска под командованием фельдмаршала И. Ф. Паскевича возобновили наступление на Дунае с целью захватить крепость Силистрию. Ввиду враждебной позиции Австрии и ее угроз выступить на стороне Турции Паскевич 9 июня 1854 г. отдал приказ об отходе за Дунай.

⁹ Под восточным вопросом «в нашем краю», то есть на Дальнем Востоке, Трубецкой подразумевал попытку соединенной англо-французской эскадры развернуть военные действия у Петропавловска-Камчатского.

115. И. И. Пушкин

Декабристы. Летописи, кн. 3, с. 320—321;
местонахождение подлинника неизвестно

¹ Письмо послано через Я. Д. Казимирского.

² Амбань — титул высших китайских чиновников на маньчжурском языке; Урга — ближайший к Кяхте монгольский город.

³ Маймачен или Маймачин — пограничное местечко.

⁴ Заргучей — вероятно, должностное лицо китайского происхождения.

⁵ Речь идет о взаимоотношениях Н. Р. Ребиндера с Н. Н. Муравьевым. Об этом см. примеч. 5 к письму 109.

⁶ Иннокентьевский монастырь в окрестностях Иркутска.

116. А. С. Ребиндер

ЦГИА, ф. 1657, оп. 1, д. 158, л. 7—7 об.

¹ Обухов и Бринкен — лица неустановленные; Николай — Н. Д. Свербеев, который в это время находился в Чите.

² А. Ф. и Жак — Анна Францевна и ее сын Иван, служащие в доме Трубецких. Фамилии их установить не удалось. И. С. Персiev подыскивая для Трубецких прислугу в Петербурге, писал в 1851 г.: «Женщину для вас, княгиня, ищу всеми путями, но едва ли буде:

успех! Анны Францевны родятся веками» (ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 132, л. 18 об.).

³ А. С. Ребиндер писала 5 июля 1854 г. сестре Е. С. Давыдовой, что в начале июня к ним на заимку на Усть-Каран явились Е. Н. Муравьева и Е. С. Молчанова, пробыли сутки, затем поехали в Кяхту и вернулись в Иркутск (ЦГИА, ф. 1657, оп. 1, д. 149, л. 62—63 об.).

⁴ Тетушка — С. И. Борх. Сведения о защите Одессы касались вражеской бомбардировки ее 10 апр. 1854 г. Защитники города показали много примеров патриотизма и самоотверженности. Все попытки неприятеля высадить десант были отбиты. 14 апр. англо-французская эскадра отошла от Одессы. В Петербурге опасались действий неприятельской эскадры в Балтийском море. Англо-французы захватили Аландские острова, обстреляли Соловецкий монастырь, попытались занять господствующее положение в Белом море, угрожали Кронштадту. Но добиться более серьезных успехов им не удалось.

117. Н. А. Бестужеву

ИРЛИ, ф. 604, оп. 1, д. 14, л. 121—124 об.

¹ Буттоц Иван Францевич — горный инженер, золотопромышленник.

² П. А. Кельберг.

³ Пелла — первая почтовая станция от Петербурга по Ярославскому тракту, по которому отправляли осужденных декабристов. С. Г. Волконская приезжала в Сибирь с разрешения Николая I поведаться с братом. Пробыла в Иркутске с июля 1854 г. по февр. 1855 г.

⁴ Е. С. Волконская-Молчанова; компаньонка — Аделаида Пэт; Хамар-Дабан — горный хребет в Южном Прибайкалье.

⁵ Молчанов Сергей Дмитриевич (1854—1905), внук С. Г. Волконского.

⁶ И. Д. Якушкин приехал в Иркутск 14 авг. 1854 г. и поселился вначале в доме Гавриила Григорьевича (фамилия не установлена).

⁷ Сыновья И. Д. Якушкина: Вячеслав (1823—1861), получил образование в Александровском лицее и Московском университете, служил в Сибири при Н. Н. Муравьеве чиновником по особым поручениям; младший — Евгений (см. о нем примеч. 4 к письму 34).

⁸ Крюков Николай Александрович (1800—1854), поручик Квартирмейстерской части, член Южного общества, осужден по II разряду. На поселении с 1836 г. в с. Онашино Енисейской губ., в 1836 г. переведен в Минусинск, где и умер. В примечаниях к Алфавиту декабристов дата смерти — 30 мая 1854 г. — ошибочна (ВД, т. 8, с. 335). Был женат на местной жительнице Марфе Дмитриевне Сайловой и имел двух детей.

⁹ Тютчев Алексей Иванович (1800—1856), капитан Пензенского пехотного полка, осужден по II разряду. На поселении с 1836 г. в с. Курагино Енисейской губ. Его жена, дочь местного крестьянина Анна Петровна Жибинова страдала психическим расстройством на почве алкоголизма. Через «малую артель» и из личных средств Трубецкие помогали семье Тютчева.

¹⁰ Н. Н. Муравьев.

¹¹ Путятин Ефим (Евфимий) Васильевич (1803—1883). В 1852—1855 гг. возглавил экспедицию на фрегате «Паллада», имевшую

...установить торговые и дипломатические отношения с Японией.
В февр. 1855 г. Путятин подписал первый русско-японский договор.
В 1854 г. он командовал Тихоокеанской эскадрой, в 1861 г. в течение пяти месяцев был министром народного просвещения. Уволен в связи со студенческими волнениями.

¹¹ Вероятно, письмо было передано через В. И. Якушкина, отправлявшегося к месту назначения начальником Походной канцелярии Амурской экспедиции.

118. Г. С. Батенькову

ГБЛ, ф. 20.13.22, л. 3—4 об.

¹ Речь идет о Е. С. Молчановой, выехавшей с больным мужем из Иркутска 7 сент. 1854 г. Д. В. Молчанов заболел прогрессивным параличом, у него отнялись ноги и появились признаки умственного расстройства. Как видно, с ней было послано письмо Г. С. Батенькову.

² С. Н. Раевская жила в родовом имении Болты (Болтышки) Чигиринского уезда Киевской губ.

³ Николай — сын Ребиндеров (1854—1874). При публикации писем Г. С. Батенькова к И. И. Пушкину (Сибирь и декабристы. Иркутск, 1981, вып. 2, с. 212) в примечаниях допущена неточность: при поездке Ребиндеров в Петербург в начале 1855 г. с ними ехали сын Сергей (1853—1882) и дочь Н. Р. Ребиндера Надежда (р. 1840), а не дочь Екатерина (1857—1920).

⁴ Н. Р. Ребиндер посетил Ялуторовск и Томск в 1852 г. по дороге в Петербург, куда ездил с поручением Н. Н. Муравьева по делам Сибирского комитета, виделся с ялуторовцами и с Батеньковым.

119. И. И. Пушкину

ЦГАОР, ф. 1705, оп. 1, д. 7, л. 533—536

Декабристы. Летописи, кн. 3, с. 322

¹ Имеются в виду рассказы С. Г. Волконской, которая проездом в Петербург посетила Ялуторовск. С. П. Трубецкой после смерти жены уехал с детьми в Кяхту к Ребиндерам и оставался там до середины янв. 1855 г.

² Речь идет о Петре Александровиче Зиновьеве, друге многих декабристов, неоднократно приезжавшем в Сибирь по делам енисейских золотопромышленных приисков. И. Д. Якушкин сообщал Трубецкому в Кяхту 7 дек. 1854 г., что П. А. Зиновьеву были переданы все бумаги по делу о разделе имущества Е. И. Трубецкой: «Зиновьев уехал. Я нашел в нем человека образованного с теплым любящим сердцем. От пребывания у вас он в восторге <...>. Он совершенно тебя понял и любовался тобой во все время своего пребывания» (ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 87, л. 11 об., 12 об.). После смерти Е. И. Трубецкой он взялся вести дело по разделу ее имения.

³ Имеется в виду М. Н. Волконская, которая не была на похоронах Е. И. Трубецкой. С. Г. Волконский в письме к И. И. Пушкину от 15 окт. 1854 г. сообщал: «Неоднократно писал к тебе о ежедневно

слабеющем здоровье заречной нашей К[атерины] И[вановны]. Вчерась мои предвещения сбылись — она кончила жизнь на руках у С[ергея] П[етровича]. Ты можешь понять, как это горестное событие поразило ее семейство, поразило нас всех <...>. Впечатление смерти К[атерины] И[вановны] сильно в жене моей — здоровье ее слабое, но забота о внуке подкрепляет ее <...>. С[ергей] П[етрович] сильно поражен, но стоек духом — боюсь за него <...>. Весь долг христианский она исполнила — мир праху ее, этот прах воскресенья предадут земле — в Девичьем монастыре, но добрых дел память останется еще долго на земле; а если во время жизни своей не раз была виновата перед моим семейством, — за себя и за них ручаюсь, что все забыто на краю гроба и что искренно ее жалел, и за успокоение ее души молю бога» (*Декабристы. Летописи*, кн. 3, с. 103). О смерти Трубецкой сообщила ее родным в Петербург С. Г. Волконская. Она знала Трубецких издавна. Была свидетельницей на их свадьбе в Париже, присутствовала при свидании их в Пелле и на похоронах Екатерины Ивановны.

⁴ А. В. Поджио женился в 1852 г. на Ларисе Андреевне Смирновой, классной даме Девичьего института, в окт. 1854 г. у них родилась дочь Варвара.

120. Г. С. Батенькову

ГБЛ, ф. 20.13.22, л. 7—7 об.

¹ О каких знакомых Батенькова идет речь, установить не удалось.

² В. А. — возможно, В. А. Масолов.

121. П. А. Горбунову

ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 42, л. 1 — черновой автограф

¹ Горбунов Петр Александрович (1808—1880), выпускник Московского университета. Был приглашен в 1851 г. И. С. Персиным к Трубецким в качестве воспитателя их сына Ивана. 22 февр. 1851 г. Персин писал из Петербурга: «Решился взять для Вани гувернера. Нашел отличного во всех отношениях: он студент Московского университета, уже более 20 лет занимавшийся воспитанием не только мальчиков, но и девочек <...>. Он сможет преподавать Ване все, что нужно: французский, русский, немецкий, английский, историю, географию, арифметику. Он знает и латинский язык. Ему 43 года, самой приличной наружности, скромн и кроток донельзя, охотник нюхать табак и вечно погружен в книги, о которых прежде всего справился, есть ли они в Иркутске (ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 132, л. 6). В мае 1852 г. Горбунов женился на М. А. Неустроевой. Горбуновы продолжали жить в доме Трубецких, и Петр Александрович принял на себя и роль домоправителя. «Дома большие перемены, — писала А. С. Ребиндер Е. С. Давыдовой, — комнаты все обиты хорошенькими обоями и приняли гораздо лучший вид; сад поправляется, и в нем гораздо более порядка» (ЦГИА, ф. 1657, оп. 1, д. 149, л. 36).

² Консистория отказала в выдаче необходимых документов, и П. А. Горбунов обратился непосредственно к Н. Н. Муравьеву, в

результате его вмешательства свидетельства были выданы (Якушкин И. Д. Записки, статьи, письма, с. 401).

122. Н. Д. Свербееву

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 86, л. 1—2

¹ Н. Д. Свербеев в письме от 30 нояб. 1854 г. послал Трубецкому иллюстрации из английских журналов о событиях в Крыму. Олендская (Оленская, Аленская) Констанция Юлиановна, гувернантка в доме Трубецких, была приглашена в 1851 г. И. С. Персидским по рекомендации С. И. Борх (ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 132, л. 5 об.).

² А. С. Меншиков, главнокомандующий русскими войсками во время Крымской войны, принужден был уйти в 1855 г. в отставку из-за бездейственности в руководстве военными действиями в Крыму.

³ Долгоруков Василий Андреевич (1804—1868), кн., военный министр (1852—1856), шеф жандармов и начальник III Отделения (1856—1866). Под главнокомандующими подразумевались М. Д. Горчаков, командовавший с 1854 г. армией на Дунае, и генерал от кавалерии Н. А. Ред. В марте 1855 г. его сменил на посту главнокомандующего на Кавказе Н. Н. Муравьев-Карский.

⁴ По-видимому, имеются в виду слухи и пересуды, вызванные неопределенным материальным положением Трубецких после смерти Е. И. Трубецкой, не оставившей завещания (Якушкин И. Д. Записки, статьи, письма, с. 394—395).

⁵ Н. Д. Свербеев 7 дек. 1854 г. сообщал Трубецкому из Иркутска в Кяхту, что в Москве врач Иноземцев взялся лечить Д. В. Молчанова и надеется на успех, хотя признает, что болезнь весьма серьезная. «Эта вестъ, кажется, не по нутру Мар[ии] Ник[олаевне], которая, между прочим, пользуется теперь всеобщей нелюбовью, начиная сверху. Странными бывают перемены, давно ли она была паролем и лозунгом!» (ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 72, л. 13 об.).

⁶ М. А. Дорохова и Г. С. Батеньков.

⁷ На транспортном судне «Иртыш» под командой Н. М. Чихачева проводилось в 1850—1851 гг. исследование устья Амура. Н. М. Чихачев — участник экспедиции адмирала Путятина, сподвижник адмирала Невельского в изучении Амурского края. Сохранилось письмо его к Трубецкому от 31 авг. 1854 г., свидетельствующее о существовавшей переписке (ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 84, л. 1—1 об.). Суть происшествия с Хитровым, Мищенко и Филиппеусом установить не удалось.

⁸ Струве Бернгард Васильевич (1828—1889), чиновник по особым поручениям при Н. Н. Муравьеве (с 1848 г.), председатель Иркутского губернского правления (1850—1855), Анна Федоровна (урожд. бар. Розен), жена Б. В. Струве.

123. Неизвестному лицу

ИРЛИ ф. 604, оп. 1, д. 15, л. 143—143 об.

¹ Письмо не датировано. Сверху карандашом чьей-то рукой поставлен год «1854». Эту дату можно принять, поскольку в письме

упоминается Ф. А. Беклемишев, который именно в 1854 г. исполнял должность верхнеудинского исправника. Так как в письме говорится, что неизвестный сильно замерз в пути, то события происходили, по-видимому, зимой.

² Б. — Н. А. Бестужев.

124. Г. С. Батенькову

ГБЛ, ф. 20.13.22, л. 11—11 об.

¹ В янв. 1855 г. Н. Р. Ребиндер получил разрешение приехать в Петербург для решения вопроса о дальнейшей службе и выехал из Кяхты с женой, дочерью и двухлетним сыном Сергеем. По дороге они побывали в Томске, Ялуторовске, Красноярске, где встречались со многими декабристами.

² Горняя обитель — по библейской легенде, небеса, где пребывали души умерших.

125. И. И. Пущину

ГБЛ, ф. 243.4.24, л. 13—14

¹ Е. П. Оболенского и Н. В. Басаргина А. С. Трубецкая знала с детства, с Петровского завода, а М. И. Муравьева-Апостола понаслышке, так как он ни в Петровском заводе, ни в Чите не был.

126. Э. И. Лебцельтерн

ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 98, л. 44—49

Звезда, 1975, № 12, с. 188—189

Современные записки, т. 62, с. 274—275

(с купюрами)

Эльброн, с. 145—147 (с купюрами)

¹ Письмо публикуется по копии воспоминаний на франц. яз. Э. И. Лебцельтерн, в которой оно приводится полностью.

² С. И. Борх.

³ Упомянутые письма Е. И. Трубецкой к С. И. Борх неизвестны. Беспокойство, вероятно, было вызвано сватовством к Зине сразу нескольких претендентов из окружения Н. Н. Муравьева: его адъютантов — офицера л.-гв. Егерского полка кн. А. Э. Енгальцева, офицера л.-гв. Семеновского полка А. Н. Сеславина (ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 52, 282, 283), чиновников по особым поручениям бар. В. И. Вольфа, В. И. Якушкина и чиновника по дипломатической части Н. Д. Свербеева (ЦГИА, ф. 1657, оп. 1, д. 149, л. 38, 48—48 об., 130; ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 72, л. 23—23 об., 177—178, 193—196, 276—276 об.).

⁴ Какие обстоятельства имел в виду Трубецкой, при которых «всей семье угрожала неминуемая опасность», установить не удалось, возможно, дело заключалось в чем-либо доносе на неосторожные высказывания Трубецкого или на нелегальную его переписку.

⁵ Декар (Де Кар) Александра Людвиговна (урожд. гр Леб-

альтерн, 1827 — 1899), виконтесса, дочь З. И. Лебцельтерн, проживала в Париже. Ее дочь Луиза (1853 — 1854).
А. М. Борх.

127. Г. С. Батенькову

ГБЛ, ф. 20.13.22, л. 9—10 об.

¹ О встрече с Ребиндерами Батеньков писал И. И. Пушкину 7 февр. 1855 г.: «В Сашеньке я нашел тот же мне известный тип интеллигентской протонародности, Сережу признал сущим китайчиком, а девица дочь — душка! По слухам о самом принципе [Н. Р. Ребиндере — В.П.] я не воображал никакого малолетства и был приятно разочарован! Вот вам отчет о впечатлении, какое только могло быть в продолжение двух-трех часов. Оно беглое и легкое, но оказалось достаточно при других данных» (Житомирская С. В. Из архива И. И. Пушкина. — В. кн.: Сибирь и декабристы, вып. 2, с. 197 — 198). «Малолетними» называл И. И. Пушкин близких ему по духу детей своих друзей-декабристов.

² Я. Д. Казимирский.

³ Возможно, речь идет о чете Масоловых, знакомых Батенькова, приехавших в Иркутск.

⁴ Гамбурцева Александра Ивановна (1835 — ?), родственница Елагиных, приехала по их рекомендации на должность начальницы училища для девиц духовного звания.

⁵ Дополнением к сообщению Трубецкого о «сильных прениях» служит письмо Н. Д. Свербеева к Е. П. Оболенскому, посланное с отъезжавшим в авг. 1856 г. И. Д. Якушкиным: «И. Д. порасскажет вам, как мы здесь живем, виделись мы часто, и наш заушаковский мир держался тесно и дружно; разумеется, Зеленое поле собирало ежедневно борцов, из коих самый рьяный был И. Д.» (ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 52, л. 13). Участниками заушаковских «прений» были декабристы А. В. Поджио, Волконский, Якушкин, Трубецкой и декабристски настроенная молодежь.

128. Г. С. Батенькову

ГБЛ, ф. 20.424, л. 15—16 об.

¹ П. В. Давыдов, зять Трубецкого.

² Е. П. Потемкина.

³ Трубецкой после смерти жены перенес сильнейшую душевную депрессию.

⁴ Чиновник Главного управления Восточной Сибири Донджи Банзаров, бурят, буддист, умер 27 февр. (из письма Н. Д. Свербеева матери от 28 февр. 1855 г. — ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 283, л. 171).

⁵ А. С. Ребиндер, сообщая о состоянии отца, отмечала: «Военные действия, и в особенности в Крыму, поневоле поглощают все мысли и хоть ненадолго отвлекают от ежеминутной скорби» (ЦГИА, ф. 1657, оп. 1, д. 149, л. 68).

129. И. Д. Якушкину

ЦГАОР, ф. 279, оп. 1, д. 677, л. 6—6 об.

130. Е. И. Якушкину

ЦГАОР, ф. 279, оп. 1, д. 677, л. 1—1 об.

¹ Е. И. Якушкин в сент. 1855 г. вторично приехал в Сибирь для свидания в Иркутске с отцом.

131. Е. И. Якушкину

ЦГАОР, ф. 279, оп. 1, д. 677, л. 13—13 об.

¹ Муравьева Софья Михайловна (1833—1880), племянница И. Д. Якушкина. В 1856 г. вышла замуж за С. С. Шереметева.

132. Н. Д. Свербееву

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 86, л. 3—4 об.

¹ Кузнецов Петр Иванович, иркутский золотопромышленник.

² К. К. Венцель; К. Ю. Тулинская; Клейменов Василий Васильевич, сотник, состоявший при штабе Н. Н. Муравьева, зять Б. К. Кукеля.

³ Вел. кн. Константин Николаевич.

⁴ Снявин Лев Григорьевич (1805—1861), товарищ министра иностранных дел с 1850 г.; Перовский Лев Алексеевич (1792—1856), гр., министр двора и уделов (1852—1856).

⁵ Возникшая было у Наполеона III после смерти Николая I мысль о мирных переговорах была оставлена, как только стало известно о пессимистических настроениях при русском дворе по поводу положения в Крыму, которые даже не пытались скрывать (в частности, настроения главнокомандующего М. Д. Горчакова и самого Александра II, не надевавшихся отстоять Севастополь). Вследствие этого усилия союзнических войск в битве за Крым были удвоены (История дипломатии. М., 1959, т. 1, с. 660—661).

⁶ Имеется в виду Николай I, при котором русские войска были выведены из Дунайских княжеств Молдавии и Валахии, оккупированных Россией в 1853 г.

⁷ Переговоры между европейской коалицией и Россией были начаты еще в середине 1854 г., но ни к какому соглашению не привели и возобновились уже после падения Севастополя и смерти Николая I (18 февр. 1855 г.). Александр II не решился заключить мир на условиях, предъявленных союзниками, к которым в дек. 1854 г. примкнула и Австрия. Тайные переговоры о мире между Францией и Россией были начаты в окт. 1855 г. Англия же стремилась к продолжению войны (История дипломатии т. 1, с. 658—663).

⁸ В мае 1855 г. положение в Крыму характеризовалось непрекращавшимися атаками и артиллерийскими обстрелами подступов к Малахову кургану и героической обороной войск гарнизона. Еще в начале февр. 1855 г. было проиграно сражение у Евпатории, после

чего последовала отставка главнокомандующего русскими войсками А. С. Меншикова и на его место назначен генерал М. Д. Горчаков. В отношениях между Англией и Францией имелись серьезные разногласия: Англия стремилась усилить свои международные позиции за счет расчленения России; Франции же «отнюдь не хотелось ни в каком усилить Англию, ни сверх меры ослаблять Россию» (История дипломатии, т. 1, с. 656).

¹ Неудачи в Крымской войне Трубецкой объяснял не столько бездарностью Меншикова, сколько превосходством противника в численности войск и снаряжении, и более всего — отсутствием общего военного руководства.

133. М. А. Бестужеву

ИРЛИ, ф. 604, оп. 1, д. 14, л. 125—125 об.

¹ Н. А. Бестужев скончался 15 мая 1855 г.

134. М. А. Бестужеву

ИРЛИ, ф. 604, оп. 1, д. 14, л. 127—128

¹ Семья М. А. Бестужева состояла из жены Марии Николаевны (урожд. Селивановой, дочери казачьего есаула), сына Николая и трех сестер декабриста — Елены, Ольги и Марии Бестужевых.

135. Н. Д. Свербесеву

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 86, л. 5—6 об.

Письма политических ссыльных в Восточной Сибири,
с. 113—115

¹ Сухотин Михаил Николаевич, майор, иркутский полицмейстер.

² В апр. 1855 г. Н. Н. Муравьев, получив известие о намерении англо-французского командования предпринять действия против Петропавловска, отдал распоряжение контр-адмиралу В. С. Завойко спешно эвакуировать Петропавловский порт, вооружить и приготовить к выходу все русские суда. Прибывшая к Петропавловску англо-французская эскадра нашла порт покинутым. Русская эскадра в составе фрегатов «Аврора», «Байкал» и «Иртыш», совершив переход из Камчатки в Татарский пролив, который англичане считали не имеющим выхода, вышли 24 мая к устью Амура. Таким образом, русский флот оказался вне опасности. Видимо, этот маневр Муравьева и Завойко имел в виду Трубецкой, говоря о мерах «предводителя», которые «сберегли своих, сделали достаточный вред неприятелю и дали ему урок».

³ Здесь противопоставляются бездарные действия на Крымско-азовском направлении вновь назначенного главнокомандующего русскими войсками М. Д. Горчакова умелым тактическим действиям на Камчатско-амурском фронте Н. Н. Муравьева.

⁴ В мае 1855 г. англо-французским десантом была занята Керчь. Корабли союзных войск опустошили Азовское побережье, но их атаки под Арабатом, Геническим и Таганрогом были отражены.

⁵ На Венской конференции послов Англии, Франции, Австрии и России последней были предложены четыре пункта как условие заключения мира. Одним из пунктов был запрет для России держать военный флот на Черном море.

⁶ Сведений о Булычеве (?) Демьяновиче найти не удалось. Его брат Булычев Иван Демьянович состоял членом ревизии сенатора И. Н. Толстого в 1844—1845 гг., впоследствии женился на племяннице золотопромышленника Е. А. Кузнецова, получил в наследство золотые промыслы, обосновался в Иркутске.

⁷ А. И. Заборинский, подполковник, управляющий частью генерального штаба войск Восточной Сибири, принадлежал к окружению Н. Н. Муравьева.

⁸ Карол (Карл) Тулинский (Толинский), политический ссыльный, осужденный за связь с известным политическим деятелем Ш. Конарским. В 1847 г. был поселен в Читинской волости Верхнеудинского округа. В 1851 г. находился на золотых приискаx; с 1853 г. поселился в Иркутске, занимался живописью. В 1855 г. женился на гувернантке Трубецких К. Ю. Олендской.

⁹ Б. В. Струве. Его отец Струве Василий Яковлевич (1793—1864), академик, директор Пулковской астрономической обсерватории (1839—1862), у него «на Пулковской горе» гостила семья Б. В. Струве.

¹⁰ Г. Г.— ген.-губернатор; имеются в виду действия ген.-губернатора Западной Сибири Гасфорда Густава Христиановича (1794—1874).

¹¹ Оболенский Александр Васильевич, князь, морской офицер, состоял при Н. Н. Муравьеве вместе с Н. Д. Свербеевым.

136. И. И. Пущину

ГБЛ, ф. 243.4.24, л. 17—18 об.

¹ Имеется в виду предполагавшийся отъезд из Иркутска «светлейшей княгини» С. Г. Волконской.

² Е. И. Якушкин.

³ В. И. Якушкин находился в это время в составе амурской экспедиции Н. Н. Муравьева.

⁴ С. Г. Волконская и сопровождавшая ее Аделаида Пэт, возвращавшиеся в Петербург.

⁵ Е. П. Торсон.

⁶ Ротчева Елена Павловна, жена известного писателя, переводчика, путешественника Ротчева Александра Гавриловича. О ней И. Д. Якушкин писал сыну Вячеславу: «Чаще всех бывает Ротчева с своими двумя дочерьми; она женщина довольно образованная, большая почитательница Руссо, Жорж Занд и Кине; с ней можно беседовать несколько часов сряду, не касаясь никаких сплетней, а возможность такой беседы, как тебе известно, встречается здесь очень редко» (Якушкин И. Д. Записки, статьи, письма, с. 429—430).

⁷ Жена М. К. Кюхельбекера — А. С. Токарева; Уленька — их дочь.

⁸ Маша — М. А. Горбунова.

⁹ Аннушка — дочь И. И. Пущина.

137. Г. С. Батенькову

ГБЛ, ф. 20.13.22, л. 13—14 об.

¹ Е. П. Ротчева.

² А. И. Гамбургцева.

³ Н. Н. Муравьев в конце 1851 г. отправился в Петербург со своим помощником Д. В. Молчановым. С ними была жена Молчанова Елена Сергеевна, «которая обратила на себя внимание всего света» (Струве Б. Воспоминания о Сибири.— Рус. вестник, 1888, т. 2, с. 107). Пользуясь уже тогда возникшими связями, Е. С. Молчанова выхлопотала позволение для М. Н. Волконской вернуться в Москву. Получив известие об отъезде М. Н. Волконской из Сибири, А. С. Ребиндер писала сестре: «Мария Ник[олаевна] уехала, к большому моему удовольствию; кто бы ожидал такой развязки? Тогда, когда и думать не хотели даже о малейшем облегчении в пользу других, ей одной позволяют уехать, и, право, я не буду удивлена, если она удерет и гораздо подальше, даже на Парижскую выставку. Дай бог, чтоб приезд ее и Сережи утешил бедную Неллиньку» (ЦГА, ф. 1657, оп. 1, д. 149, л. 154).

138. Г. С. Батенькову

ГБЛ, ф. 20.13.22, л. 15—15 об.

139. И. И. Пущину

ГБЛ, ф. 243.4.24, л. 19—19 об.

¹ Речь идет о деле Д. В. Молчанова, приговоренного военным судом в Московском ордонансгаузе к лишению всех прав и состояния и ссылке в Сибирь по обвинению во взяточничестве (см. примеч. 7 к письму 112). И. Д. Якушкин сообщал И. И. Пущину 29 авг. 1855 г.: «Вчера Сергей Петрович получил ваше письмо <...>. Мы здесь уже давно знали о несчастном исходе молчановского дела; тут разыгралась такая ужасная драма, какой я не знаю ничего подобного, перед чем бледны все ужасы, читаемые в печатных сочинениях» (Якушкин И. Д. Записки, статьи, письма, с. 427).

² М. К. Юшневская жила в с. Малой Разводной под Иркутском.

140. М. М. и Е. П. Нарышкиным

ГБЛ, ф. 133.5819.21, л. 1—2 об.

¹ Корсаков Михаил Семенович (1826—1871), полковник, состоял при Н. Н. Муравьеве в качестве особо доверенного лица и ближайшего помощника; с 1855 г. ген.-майор, военный губернатор Забайкальской области и наказной атаман Забайкальского казачьего войска; с 1861 г. ген.-губернатор Восточной Сибири.

¹ Иван Трубецкой, Ф. Кучевский и М. А. Горбунова болели scarlatinой. И. Д. Якушкин писал И. И. Пущину 17 окт. 1855 г.: «9-го Марья Александровна Горбунова занемогла очень тяжело; полагали, что она сильно простудилась, но 11-го уже оказалось, что у нее scarlatina <...>. Теперь дом Трубецких, как дом прокаженных, почти никем не посещается, и из дому также никто ни с кем не имеет сообщений» (Якушкин И. Д. Записки, статьи, письма, с. 431, 433).

² Сестра М. А. Горбуновой Надежда Александровна Неустрова осталась на попечении П. А. Горбунова. Впоследствии вышла замуж за А. А. Белоголового.

³ И. Д. Якушкин и его сын Е. И. Якушкин.

⁴ Беспокойство Давыдовых было связано с именем Сабли в Крыму, расположенным вблизи театра военных действий.

⁵ Клейнмихель Петр Андреевич (1793—1869), гр., доверенное лицо Николая I, был в окт. 1855 г. уволен за злоупотребления по службе (Никитенко А. В. Дневник, т. 1, с. 422).

⁶ Ширяев — ссыльный. О нем И. Д. Якушкин писал И. И. Пущину 19 дек. 1855 г.: «О Ширяеве я до сих пор ничего вам не написал, потому что не могли здесь узнать про него, он отправлен в Нерчинские рудники, а в котором из них находится — неизвестно; об этом теперь наводятся справки» (Якушкин И. Д. Записки, статьи, письма, с. 433—434).

⁷ Возможно, А. П. Полторацкий, племянник И. И. Пущина, бывший вместе с С. П. Колошиным в отпуске в Иркутске (Якушкин И. Д. Записки, статьи, письма, с. 426, 429).

⁸ Анненков Федор Александрович, двоюродный брат декабриста И. А. Анненкова, чиновник по особым поручениям при Н. Н. Муравьеве, находился в составе амурской экспедиции.

⁹ Мешалкина Матрена Михеевна, домоправительница И. И. Пущина в Ялуторовске.

¹⁰ Фотограф — Е. И. Якушкин.

¹¹ В. Л. Давыдов умер в Красноярске 24 окт. 1855 г.

¹² Муравьев Николай Николаевич (1794—1866), участник Отечественной войны 1812 г., член Священной артиллерии — дружеского кружка будущих декабристов, генерал, главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом, наместник на Кавказе. За взятие в 1855 г. турецкой крепости Карс получил титул графа и прибавление к фамилии «Карский». Предварительная попытка его взять Карс штурмом 19 сент. 1855 г. не удалась, тогда Муравьев приказал блокировать крепость, и 16 нояб. истощенный осадой гарнизон Карса сдался. Победа на азиатском фронте смягчила впечатление от поражения в Крыму и на Дунае и сыграла значительную роль при заключении мирного договора, по которому Севастополь и другие русские города были возвращены России в обмен на возвращенный Турции Карс. Трубецкой, не зная еще о взятии Муравьевым Карса, с неодобрением отнесся к заведомо безуспешному штурму крепости и «большой потере в таком славном войске», считая этот маневр неоправданным, если можно было с меньшими потерями захватить Карс результативной его осадой.

142. Г. С. Батенькову

ГБЛ, ф. 20.13.22, л. 17—18 об.

¹ М. К. Юшневская выехала из Иркутска 6 дек. 1855 г. и проездом посетила Батенькова.

² Речь идет о тайпинском восстании — крестьянской войне в Китае, поднятой в 1851 г. крестьянами провинции Гуанси против помещиков-феодалов. Восстание было подавлено лишь в 1864 г. с помощью иностранного военного вмешательства Англии, США и Франции, выступивших на стороне феодальной реакции.

³ Богдыхан — титул китайского императора.
⁴ А. И. Гамбурцева делала елку для своих троих детей и девочек, посещавших училище.

⁵ У Давыдовых остались в России шесть детей, родившихся до осуждения отца-декабриста; из них трое были уже людьми семейными. Трубецкой имел в виду именно их, хлопотавших о возвращении матери и всего остального «сибирского семейства» на родину после смерти В. А. Давыдова.

143. Н. Д. Свербееву

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 86, л. 7—7 об.

¹ Имеется в виду письмо к Свербееву З. С. Трубецкой.

² В начале янв. 1856 г. Н. Д. Свербеев выехал вместе с Н. Н. Муравьевым в Петербург по делам службы. Перед отъездом он получил согласие Трубецкого на брак с Зиной, но оглашение сватовства было отложено до получения Свербеевым согласия родителей и его начальника Н. Н. Муравьева, а также до оформления необходимых документов (ЦГИА, ф. 1143, оп. 1, д. 72, л. 23—23 об.).

³ Ребиндеры должны были выехать в Киев к месту нового назначения Н. Р. Ребиндера.

144. Н. Д. Свербееву

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 86, л. 8—9 об.

¹ Речь идет о сватовстве Н. Д. Свербеева к З. С. Трубецкой. Из глухих намеков в письмах Трубецкого к З. И. Лебцельтерн (письмо 125) и И. Д. Якушкина к В. И. Якушкину за окт. 1854—февр. 1855 гг. (Якушкин И. Д. Записки, статьи, письма, с. 394—395, 435—436), а также из письма Свербеева к Трубецкому от 25 марта 1855 г. (ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 72, л. 177—178) следует, что поведение Свербеева, увлечение которого Зиной началось еще в 1852 г., несколько изменилось после смерти Е. И. Трубецкой, когда Зинаиде угрожало превращение из богатой наследницы в бесприданницу. Это вызвало осторожность Трубецкого, и Свербееву было отказано. В. И. Якушкин писал И. И. Пущину 28 окт. 1854 г.: «Жар многих женихов начинает остывать <...>. Свербеич [Н. Д. Свербеев.—В. П.] последнее время вел себя так дико и непристойно, что из рук вон; отца это очень оскорбляло, и он его шпиговал при всяком случае, но, ка-

жется без пользы, по крайней мере, видимой» (Якушкин И. Д. Записки, статьи, письма, с. 394—395). Определенную роль в отказе Трубецкого сыграл и В. И. Якушкин, также претендовавший на руку Зины (ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 283, л. 175—175 об., 179, 181, 190—письма Н. Д. Свербеева родителям). Однако Свербеев сумел «оправдаться» перед Трубецким и его дочерью, и помолвка состоялась. И. Д. Якушкин, «известившись, что дело по моим отношениям к семейству Трубецких, очень близкое мне к сердцу, приняло такой крутой и неожиданный оборот», решил покинуть дом Трубецких, где он в это время жил. Трубецкой постарался загладить возникшую неловкость, посвятив старого друга во все подробности этого сватовства, в котором решающую роль, по-видимому, сыграло предпочтение, оказанное Зинаидой Сергеевной Свербееву.

² Аничков Владимир Иванович (1812—1863), выпускник Пажеского корпуса, ген.-майор, состоял при Н. Н. Муравьеве. Позднее военный губернатор Забайкальской области; с 1857 г. варшавский обер-полицмейстер.

³ Мок и Муравинский — лица неустановленные. Касаткин Иван Александрович — с 1853 г. врач в Иркутском девичьем институте.

⁴ Речь идет о возможном противодействии китайцев продвижению экспедиции по Амуру.

⁵ Н. П. Трубецкой и Е. П. Потемкина.

⁶ Н. Н. и Е. Н. Муравьевы.

145. З. И. Лебцельтерн

Современные записки, т. 62, с. 276—277.

Пропуски в тексте отмечены отточием

¹ В упомянутом письме С. П. Трубецкого от 25 февр. 1855 г. (письмо 126) эти подробности отсутствуют, видимо, они и были выпущены при публикации в «Современных записках».

² В период Крымской войны П. В. и Е. С. Давыдовы с двумя детьми Василием и Екатериной жили в Каменке.

146. А. М. Борху

ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 41, л. 1—2 об.—
черновой автограф, подлинник не сохранился

¹ Указанный документ обнаружить не удалось. Препятствия, о которых упоминает Трубецкой, состояли в том, что младшие дети Зинаида и Иван, как записанные в крестьянское сословие, не имели права владеть населенными землями. Е. И. Трубецкая намеревалась передать пензенское имение А. С. Ребиндер, чтобы через нее обеспечить остальных членов семьи. На это был согласен и Н. Р. Ребиндер, не получивший при жизни Е. И. Трубецкой положенного за Александрой Сергеевной приданого. Официально оформить свою волю Екатерина Ивановна не успела, и это грозило передачей ее имения в казну. Любопытно, что Борх в секретном письме управляющему пензенским имением княгини Трубецкой спрашивал его, уместно ли говорить крестьянам о кончине владели-

или подождать до выяснения вообще положения с именем. Во избежание слухов и нелепых толков между крестьянами и могущих произойти от того беспорядков прошу вас сохранить это дело пока в тайне, впредь до получения мною сведений, какие угодно было покойной сделать распоряжения насчет этого имени» (ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 95, л. 79). А. С. Ребиндер в начале 1856 г. писала сестре: «Каким бы образом ни достигли того, чтобы имение не отходило в казну, мне кажется, это все равно, лишь бы цель была достигнута. Теперь остается решить между собою, как разделить, очень бы нужно кончить все поскорее» (ЦГИА, ф. 1657, оп. 1, д. 142, л. 182 об.). Выход замуж Зинаиды изменил положение, поскольку она переходила по мужу в дворянское сословие и тем самым получала право на владение имением. Для разрешения возникшей ситуации Борх, как опекун, обратился с прошением к Александру II, который дал согласие на то, чтобы «имение княгини Трубецкой было оставлено наследникам, имеющим право владеть им, если они найдут средства удовлетворить других, не имеющих на то прав (ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 95, л. 95). К числу наследников, «не имеющих прав», относился и С. П. Трубецкой.

147. Н. Д. Фонвизиной

ГБЛ, ф. 319.3.76, л. 1—2

¹ Н. Д. Фонвизина писала из Ялуторовска, куда она приезжала летом 1856 г.

² С предстоявшей коронацией Александра II декабристы связывали надежды на амнистию, о чем ходили упорные слухи. А. С. Ребиндер подала прошение Александру II о возвращении отца из ссылки. 27 авг. 1856 г. она писала сестре, что получила известие от кн. Васильчикова из Москвы, что «желание наше исполнено вполне». Однако не было ясно, коснулась ли амнистия всех или только С. П. Трубецкого. «<...> как все произошло? Само ли собою для всех или по моему письму? <...> я бы лучше желала, чтобы обошлось без него, т. е. без письма. Ты знаешь, почему» (ЦГИА, ф. 1657, оп. 1, д. 149, л. 173 об.). В приписке к этому же письму А. С. Ребиндер добавила: «Сейчас получила долгожданную депешу от Мадейских [из Москвы.— В. П.] : папушке позволено жить где пожелает, кроме столиц. Только ему одному, нет ничего общего. Это меня очень огорчило» (там же).

Спустя несколько дней она сообщила: «Вы уже знаете все счастливые перемены: не только папенька, но и все возвращены, даже возвращены все права, и Миша [Волконский.— В. П.] отправлен курьером с этим счастливым известием. Дай бог им выбраться оттуда поскорее, а нам увидеть папушку здесь. <...> не поехать ли нам к нему навстречу в Москву, впрочем, въезд в Москву и Петербург запрещен. Ване, Мише и маленьким Оболенским возвращен княжеский титул» (там же, л. 172 об.).

³ Н. Д. Фонвизина овдовела в один год с С. П. Трубецким.

⁴ Молодые — супруги Свербеевы, свадьба которых состоялась 29 апр. 1856 г.

⁵ М. А. Дорохова.

⁶ И. Д. Якушкин.

148. Д. И. Завалишину

ОПИ ГИМ, ф. 250, оп. 1, д. 3, л. 93—93 об.

¹ Завалишин Дмитрий Ириархович (1804—1892), лейтенант 8-го флотского экипажа, был близок к Северному обществу, осужден по I разряду. На поселении с 1839 г. в Чите. После амнистии остался там же. В 1863 г. переехал в Москву, где и умер.

² Н. Н. Муравьев.

149. Д. Н. Гурьеву

ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 3, л. 2—2 об.—

черновой автограф, местонахождение подлинника неизвестно

¹ Датируется по связи с предыдущим письмом Трубецкого к Д. И. Завалишину.

150. П. Н. Свистунову

ЦГАОР, ф. 1712, оп. 1, д. 28, л. 1—2 об.

¹ Это письмо неизвестно. Видимо, в нем были поздравления по случаю амнистии.

² Имеется в виду сын Ребиндеров Николай, которого родители оставили у Трубецкого.

151. Д. И. Завалишину

ОПИ ГИМ, ф. 250, оп. 1, д. 3, л. 94—95 об.

¹ Смольянинова Фелицата Осиповна, теща Завалишина, была связующим звеном между декабристами и их родными в России. В Чите помогала переправлять нелегально их письма. Ее муж, Смольянинов Семен Иванович, был начальником Нерчинских заводов (Пуштин И. И. Записки о Пушкине. Письма, с. 319).

152. Д. Н. Гурьеву

ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 3, л. 1—1 об.—

черновой автограф, местонахождение подлинника неизвестно

¹ Датируется по содержанию.

153. А. С. Ребиндер и Е. П. Потемкиной

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 246, л. 187—188 об.

¹ Официальное установление за Трубецким полицейского надзора вызвало с его стороны резкий протест. О беззаконии он решил рассказать дочери и сестре, составив для этого как бы памятные записки. Одну из них, на русском языке, он предназначал Саше, а другую, на французском,—сестре. Однако записки не обрели формы писем и не были отправлены, а остались в бумагах Трубецкого.

При расформировании его архивного фонда они оказались по ошибке в фонде Н. Д. Свербеева.

² Полицейский надзор осуществлялся над Трубецким III Отделением и Министерством внутренних дел с ведома и по воле царя. Только со смертью декабристов «закрывались» заведенные на них наблюдательные дела. Так, на Трубецкого в III Отделении было введено дело под № 61, ч. 26, начатое в 1826 г. с момента отправления его в Сибирь и оконченное донесением о его смерти в 1860 г. Наивно было надеяться на соблюдение законности и прав революционеру, посвятившему себя борьбе за установление и соблюдение твердых законов «для всех», испытывшему всю силу беззакония на протяжении 30 лет каторги и ссылки. Возможно, что подготовленные им письма так и не были отправлены по назначению вследствие убежденности, что ничто в России не изменилось за истекшие годы.

³ Раевский Владимир Федосеевич (1795 — 1872), майор 32-го егерского полка 16-й дивизии; член Союза благоденствия, «первый декабрист», поэт; был арестован в 1822 г. за пропаганду идей тайного революционного общества среди солдат, осужден к пожизненной ссылке в Сибирь. На поселении в с. Олонки Иркутской губ. Указ от 26 авг. 1856 г. на В. Ф. Раевского не распространялся. Он был амнистирован указом от 4 сент. 1856 г.

154. А. М. Борху

ЦГАОР, ф. 1143, оп. 2, д. 10, л. 3—5 об.—
черновой автограф, подлинник не сохранился

¹ Родители Н. Д. Свербеева: Дмитрий Николаевич (1799 — 1874), отставной дипломат, помещик Серпуховского уезда Московской губ., автор мемуаров; его жена Екатерина Александровна (урожд. кн. Щербатова, 1809 — 1892). В московском салоне Свербеевых собирались общественные деятели, литераторы, в том числе А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, П. Я. Чаадаев, братья А. С. и Ф. С. Хомяковы и др.

² К «благоденствиям» Трубецкой относил разрешение Александра II передать имения Е. И. Трубецкой наследникам. Упоминание о «доброте <...> милостивого государя», скорее всего, было продиктовано дипломатическими соображениями, поскольку письмо могло через Борху попасть в руки царя. Трубецкому хорошо было известно, как министр юстиции с ведома Александра II всячески тормозил решение вопроса о наследстве, о чем ему писал Н. Д. Свербеев (см. примеч. 4 к письму 158).

³ Трубецкой отказался от своей доли наследства в пользу дочерей Александры и Зинаиды, поскольку их сестра Елизавета получила в приданое при жизни матери наследство, превышавшее доли ее сестер. Часть С. П. Трубецкого составляла 58 240 р. сер. (ЦГИА, ф. 1657, оп. 1, д. 36, л. 30 об.).

«Чтобы не оказаться <...> еще раз застигнутым врасплох смертию...» — Трубецкой имеет в виду неожиданную смерть Екатерины Ивановны, не успевшей официально оформить свою волю, вследствие чего семья оказалась в затруднительном положении.

⁴ К наследству С. П. Трубецкого относился и дом в Иркутске, стоимость которого постепенно упала от 12 тыс. р. сер. в 1856 г.

до 6 тыс р. сер. в 1866 г., когда он наконец был продан купцу П. О. Катышевцеву (ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 169, л. 13, 15).

Предыстория этого дома такова: Трубецкие решили расширить дом, купленный у Цейдлера в 1845 г. в Знаменском предместье, и в 1851—1852 гг. пристроили к нему еще один дом. О ходе строительства и внутренней отделки нового дома (или, как он иногда называется в документах, флигеля) сохранилась обширная переписка между И. С. Персиным и Трубецкими (ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 132). План обоих домов воспроизведен Н. Д. Свербеевым в письме к А. А. Елагиной с обозначением комнат нижнего этажа, где поселились супруги Свербеевы (ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 50, л. 1). В дек. 1856 г. Трубецкой с детьми и Свербеевы покинули Иркутск, оставив дом на попечение П. А. Горбунова. В 1866 г. дом был продан. Этот заушаковский дом Трубецких сгорел в начале XX столетия. Сохранившийся в Иркутске дом (ныне музей декабристов на ул. Дзержинского, 64), принадлежавший по преданию С. П. Трубецкому, был, по-видимому, построен для его дочери А. С. Ребиндер, муж которой в 1854—1855 гг. намеревался перебраться из Кяхты в Иркутск (ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 72, л. 34).

155. К. К. Венцелю

ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 3, л. 3—
черновой автограф, подлинник не обнаружен

¹ Датируется по содержанию.

156. З. С. и Н. Д. Свербеевым

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 246, л. 283—284

¹ Год и месяц устанавливаются по содержанию.

² Имеется в виду отъезд В. И. Аничкова к месту новой службы в Варшаву.

³ Скрыбин Александр Николаевич, иркутский исправник.

157. З. С. и Н. Д. Свербеевым

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 246, л. 3—5 об.

¹ Это письмо неизвестно.

² Лицей князя И. А. Безбородко в Нежине; директор лицея — Евгений Павлович Стеблин-Каминский.

³ А. И. Давыдова, вдова декабриста. Ее дети: Софья (1840 — ?), Александра, Василий. Дети Е. С. Давыдовой, внуки Сергея Петровича — Василий (1852 — 1900) и Екатерина (1854 — 1922).

⁴ Чижов Федор Васильевич (1811 — 1877), литератор, славянофил. В конце царствования Николая I ему было запрещено проживать в столицах, и он занялся шелководством в Киевской губ.

⁵ Е. А. Свербеева.

⁶ Трубецкие Николай и Платон Николаевичи — двоюродные братья С. П. Трубецкого.

⁷ Трубецкой Николай Платонович, племянник С. П. Трубецкого, адъютант герцога Мекленбург-Стрелицкого. Полк, в котором он служил, стоял в 1857 г. в Каменец-Подольске.

⁸ Петруша — Трубецкой Петр Александрович (1833 — ?), кн., камер-юнкер, состоял при киевско-волинском и подольском ген.-губернаторе, племянник С. П. Трубецкого, сын его брата Александра.

Володя — В. А. Трубецкой (1820 — 1879), кн., брат предыдущего; до пятилетнего возраста воспитывался в семье С. П. и Е. И. Трубецких; выпускник (1844) юридического факультета Каванского университета, чиновник Министерства юстиции, с 1850 г. председатель нижегородской палаты уголовного суда, с 1857 г. управляющий московской удельной конторой, член совета министра государственных имуществ, позднее воронежский губернатор. Был женат (с 1847 г.) на Пешуровой Марии Алексеевне (1817 — 1889). Трубецких долгие годы связывали дружеские отношения с семьей Н. А. Добролюбова. В письме к Н. Г. Чернышевскому от 5 марта 1862 г. М. А. Трубецкая сообщала, что знала Н. А. Добролюбова с 12-летнего возраста. «Муж мой был его попечителем по смерти его отца, в доме которого мы жили 9 лет с 1848 по 1858 г., <...> который, равно как и мать его, умер на наших руках». Она называет Н. А. Добролюбова «нашим милым, искренно нами любимым» (ИРЛИ, 2141/хс, л. 1). В ответ на одно из писем Н. А. Добролюбова Трубецкая сообщала, что В. А. Трубецкого, как опекуна Добролюбова, «радует и прельщает мысль ваша продолжать науки и держать магистерский экзамен, и он велит сказать вам: работайте по возможности и держите этот экзамен как можно скорее, а он все будет продолжать надеяться увидеть вас на профессорской кафедре, хоть в Москве. Вы знаете, надеюсь, с какой радостью будет принят всякий ваш успех в нашем семействе» (там же, л. 15 — 15 об.). Переписка их продолжалась до самой смерти Добролюбова. Его письма к Трубецким М. А. Трубецкая передала Н. Г. Чернышевскому. С. П. и Е. И. Трубецкие, выйдя на поселение, продолжали заботиться о Владимире и его семье. Е. И. Трубецкая выкупила для них имение Инютино Нижегородской губ., описанное за долги отца.

⁹ Рейхель Софья Алексеевна, дочь М. К. Юшневской от первого брака; Рейхель Софья Христиановна, ее внучка.

¹⁰ Рейхель Яков Христианович, внук М. К. Юшневской.

158. Э. С. Свербеевой

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 246, л. 6—7 об.

¹ С. П. Трубецкий приехал в Киев 5 марта 1857 г.

² Рыльская Дарья Александровна (урожд. кн. Трубецкая), племянница С. П. Трубецкого.

³ Наденька Л. — Лапина Надежда Александровна, внебрачная дочь брата С. П. Трубецкого. А. С. Ребиндер сообщала Е. С. Давыдовой 12 дек. 1854 г.: «<...> о женитьбе Л. я уже слышала и знала о существовании дочери дяди А[лександр] П[етровича], вероятно, я ее не увижу, муж ее живет в Чите, а здесь бывает только по своим делам. Если она в самом деле порядочная девушка, то ее очень жаль, потому что Л. вовсе не порядочный. Судя по письмам

Марии, ей везде было плохое житье. Разумеется, если я ее увижу, постараюсь обласкасть ее, но быть в сношениях с ее супругом не весьма приятная вещь» (ЦГИА, ф. 1657, оп. 1, д. 149, л. 139). В письме к отцу от 24 окт. 1854 г. Н. Д. Свербеев писал: «Купец Лапин, с которым ты познакомился в Нижнем, мне давно известен и всем нам; он отчаянный мерзавец, кутила и негодяй, хотя умен и предприимчив <...>. Он был некогда молодцом у какого-то купца, обдул и обокрал его и захватил капитал хозяина. Теперь он читинский купец <...>» (ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 283, л. 72). Скорее всего, Надежда Александровна жила в Нижнем при отце и там же была выдана замуж за Лапина. В своем путевом дневнике М. Н. Галкин-Враской ошибочно назвал мать Надежды Л. внебрачной дочерью С. П. Трубецкого: «Все читинское общество писал он,— было налицо. Красивая Л., дочь урожденной Трубецкой, дочери декабриста от непризнанного брака с местной сибирячкой,—привлекла к себе общее внимание» (Рус. старина, 1901, т. 1, с. 189—190).

⁴ Прошение было подано на «высочайшее имя» с ходатайством разрешить передать дело о разделе наследства Е. И. Трубецкой в Сенат для рассмотрения его на общих законных основаниях в связи с возвращением Трубецкому дворянства, а его сыну княжеского титула. 21 апр. 1857 г. Н. Д. Свербеев сообщал Трубецкому: «Государь прошение ваше о разделе на основании законов передал министру юстиции, который по принятой им привычке находит разные затруднения в деле, и потому окончание оно не может последовать немедленно» (ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 72, л. 201 об.).

⁵ И. Д. Якушкин по дороге в Москву оставил в Казани заболевшего сына Вячеслава; в Москве более двух недель была опасно больна его внучка Настя, дочь Е. И. Якушкина (Якушкин И. Д. Записки, статьи, письма, с. 445).

⁶ Это письмо неизвестно. М. И. Муравьеву-Апостолу, И. Д. Якушкину и другим декабристам было запрещено проживать не только в столицах, но и в столичных губерниях — Московской и Петербургской.

⁷ Сведений об этом лице найти не удалось.

⁸ По приезде в Москву Трубецкой серьезно заболел, и потому встреча была мимолетной.

⁹ Трубецкая Гл. [Глафира или Гликерия, установить не удалось] Николаевна, дочь Николая Сергеевича Трубецкого, двоюродная сестра С. П. Трубецкого; Фокла — А. П. Клушина (см. о ней примеч. 2 к письму 177).

159. З. И. Лебцельтерн

Современные записки, т. 62, с. 279—280;
местонахождение подлинника неизвестно

¹ Речь идет о надеждах З. И. Лебцельтерн на амнистию и возвращение Трубецкого в Россию.

² Н. Р. Ребиндер, являясь попечителем Киевского учебного округа, был одновременно и попечителем Киевского университета.

³ Н. П. Трубецкой был женат на Александре Александровне Нелидовой, их дочь — Александра (Александрина, Лина); С. И. Борх, ее дети Мария и Юрий. О встрече, устроенной Трубец-

кому родными в Москве, см.: Записки М. А. Голицыной (ГБЛ, ф. 218, к. 1341, ед. 16, л. 1—56).

⁴ На этом письмо Трубецкого в издании И. Н. Кологривова обрывается.

160. З. С. и Н. Д. Свербеевым

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 86, л. 12—13 об.

¹ М. М.—*Муравьев Михаил Николаевич* (1796—1866), член Союза спасения и Союза благоденствия; был арестован в янв. 1826 г., но освобожден с «оправдательным аттестатом» и к суду не привлекался. Министр государственных имуществ (1857—1861). По своей должности министра и члена Главного комитета по крестьянскому делу имел большое влияние на ход крестьянской реформы; крайний реакционер, впоследствии за жестокое подавление восстаний в Польше 1830—1831 и 1863—1864 гг. получил прозвище «Муравьев-вешатель».

² В. А. Трубецкой.

³ *Селин Александр Иванович*, профессор Киевского университета.

⁴ *Петрарка Франческо* (1304—1374), *Тассо Торквато* (1544—1595), *Ариосто Лудовико* (1474—1533), итальянские поэты-гуманисты эпохи Возрождения.

⁵ *Галаган Григорий Павлович* (1819—1888), крупный украинский помещик-магнат, литератор, этнограф; с конца 1850-х гг. участник различных комиссий по подготовке и проведению крестьянской реформы; с 1859 г. член Главного комитета по крестьянскому делу; был дружен с семьей Трубецких и Ребиндеров. А. С. Ребиндер жила в имении Галаганов близ Козельца (ЦГИА, ф. 1657, оп. 1, д. 149, л. 97 об.).

161. Н. Д. Свербееву

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 86, л. 14—15 об.

¹ Н. Д. Свербееву предлагали службу в различных ведомствах, но везде нужно было ждать вакансий. «Одним словом,— писал он Трубецкому,— обещали, ограничивались приглашениями к различным отраслям управления, осуждая на ожидания» (ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 72, л. 199—200). В конце концов он согласился временно занять должность помощника управляющего нижегородской конторой Министерства государственных имуществ.

² *Даль Владимир Иванович* (1801—1872), врач, писатель, лексикограф, автор «Толкового словаря живого великорусского языка», в 1849—1856 гг. занимал должность управляющего нижегородской удельной конторой, был знаком с С. П. Трубецким.

³ В письме от 12 апр. 1857 г. Н. Д. Свербеев сообщал Трубецкому «о всех наших»: что Пушкину гораздо лучше, стал бодр духом, «поручил мне расцеловать вас», что Якушкин здоров, что видел Муравьева-Апостола, который направляется в Тверь, а Басаргин «отправляется в нашу сторону», что в Москве проживает один Волконский, но «его участь жалка с сумасшедшим зятем Молчановым» (ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 72, л. 39—40).

⁴ П. Н. Свистунов.

162. З. С. и Н. Д. Свербеевым
ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 246, л. 14—17

¹ А. А. Быстрицкий. В письмах от 22, 24 марта 1857 г. Н. Д. Свербеев сообщал Трубецкому о встрече у И. Д. Якушкина с А. Быстрицким, В. Соловьевым и Е. П. Торсон, приехавшими в Москву с серебрянкой (казенным обозом с серебряной рудой), что его посетили А. Н. Сутгоф, Нонушка Муравьева, М. П. Леданто, брат П. Н. Свистунова Алексей Николаевич, что 24 марта проводил Быстрицкого в Киев (ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 72, л. 189, 191 об.).

² Речь идет о запрещении декабристам останавливаться в Москве и Петербурге (см. примеч. 2 к письму 163).

³ Предполагается встреча не только со Свербеевыми, но и со многими друзьями, проживавшими в Нижнем.

⁴ Имеются в виду «гордая самоуверенность» М. Н. Волконской, выдавшей дочь за Д. В. Молчанова против воли мужа и вопреки советам друзей. Н. Д. Свербеев писал Трубецкому 24 марта 1857 г.: «У Волконских-Молчановых разыгрывается жестокая сцена — Молчанов сошел окончательно с ума, ругается, неистовствует, а нынче ночью дошел до того, что сорвал с себя одежду и голый валялся на полу; думают, что придется надеть на него смиренительную рубашку и, пожалуй, отдать Саблеру [врач психиатрической больницы. — В. П.], на это не решается Ел[ена] Сергеевна. Что за страшная катастрофа в этой семье — какая плачевная доля у молодой женщины, — хотя я до всех них не охотник, но поневоле приходится жалеть» (ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 72, л. 189—190).

⁵ Имеются в виду студенческие волнения в Киевском университете.

⁶ На запрос гр. Борха о разрешении Трубецкому продать иркутский дом министр юстиции Панин Виктор Никитич (1801—1874) ответил, что до раздела имущества Трубецкой, согласно закону, ничего продавать не может. Статья на которую ссылается Трубецкой, гласит: «Право собственности есть полное, когда в пределах, законом установленных, владение, пользование и распоряжение соединяются с укреплением имущества в одном лице или в одном сословии лиц без всякого постороннего участия».

⁸ Е. В. Пфаффиус был женат с 2 июля 1856 г. на классной даме Девичьего института Наталье Андреевне Боборыкиной. Супруги ждали ребенка.

163. З. С. и Н. Д. Свербеевым
ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 246, л. 18—19 об.

¹ Сестру Трубецкого Елизавету Петровну современники считали женщиной редкой красоты, она отличалась скромностью и простотой; ее муж (с 1817 г.) Потемкин Сергей Павлович (1787—1858), гр., поручик Преображенского полка, участник войны с Наполеоном (1805—1807). В 1809 г. вышел в отставку и поселился в Москве. Был известен как поэт, драматург, тонкий ценитель драматургического искусства, архитектуры, стихов, музыки. В московском доме Потемкиных на Пречистенке (теперь ул. Кропотки-

на, д. 21) можно было постоянно видеть отечественных и зарубежных знаменитостей. Е. П. Потемкина была посаженной матерью А. С. Пушкина на его свадьбе. Необузданная, расточительная жизнь Потемкина, карточная игра привели к тому, что имения его были взяты под опеку. Разгульная жизнь графа послужила причиной отчужденности супругов. Опекуном над имениями Потемкина был назначен *Рибопьер Александр Иванович (1781—1856)*, гр., дипломат, член Государственного совета.

² «Это письмо передаст вам Быстрицкий,— писал Трубецкому Сербеев 5 марта 1857 г.,— в котором хочу написать то, что с почтой не рискую! Дело в том, что правительство не перестает искать помех; теперь отыскивали какой-то указ 33 года, в коем изображено, что лица, коим воспрещено жительство в столицах, не имеют права оставаться и в тех губерниях, это сообщено шефом жандармов г. Закревскому. Вы можете себе представить, как от подобного распоряжения излияния милости (за которые, между прочим, Е. П. Оболенский благодарил пренелепым письмом Долгорукова) становятся для многих сомнительными и вовсе не соответствующими потребностям. Так, Иван Дмитриевич не знал, что ему делать, и говорил мне вчера, что думает решиться переехать в Тверскую губернию в имение гр. Толстого, недалеко от железной дороги, в 60 верстах. Матвей Иванович тоже куда-то уезжает <...>. Смотря на все это и невольно смущаясь подобными действиями, я задумался о том, как вы совершите поездку свою в нашу сторону, не лучше ли вам будет дожидаться переселения нашего в Нижний и там к нам приехать (ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 72, л. 197—197 об.).

³ Е. П. Потемкина. Речь идет о болезни ее мужа.

⁴ Соловьев *Вениамин Николаевич (1798—1871)*, штабс-капитан Черниговского пехотного полка, член Общества соединенных славян, участник восстания полка; военным судом приговорен к смертной казни, замененной пожизненной каторгой. На поселении с 1840 г. в с. Устьянском Енисейской губ. После амнистии 1856 г. вернулся в Россию, поселился в Рязани, где и умер.

⁵ В письме к Трубецкому Н. Д. Сербеев тогда же сообщил о приезде из Нижнего в Москву Н. В. Басаргина «совершенно больного» и о том, что ему не разрешили задержаться в столице до выздоровления (ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 72, л. 33).

⁶ Трубецкой собирался отправить свою фотографию Н. Н. Муравьеву.

⁷ Е. П. Торсон. Ей было разрешено вернуться в Россию в 1855 г., но она приехала в Москву лишь в 1857 г. вместе с Быстрицким и Соловьевым. Уезжая из Селенгинска, Торсон имела последние сведения о семье М. А. Бестужева, оставшегося там и после амнистии, до 1867 г.

⁸ В. А. Трубецкой получил должность управляющего московской конторой государственных имуществ, в ведении которой находились вопросы устройства и управления государственными крестьянами, что давало ему возможность, по мнению Трубецкого, приносить более «действительной пользы ближнему», чем любая административная должность.

164. З. С. и Н. Д. Свербеевым

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 246, л. 20—22 об.

¹ С. П. и Е. И. Трубецкие жили в Киеве с 24 февр. по 9 нояб. 1825 г.

² Именiem Гавронщина в Киевской губ. владел брат С. П. Трубецкого Александр Петрович (1792—1853), кн., участник Отечественной войны 1812 г., полковник л.-гв. Семеновского полка; в 1820 г. при расформировании полка переведен в Киевский драгунский полк. Был женат на Расуишевской Луизе Валентиновне (?—1873). Ему же принадлежало имение Инютино в Нижегородской губ.

³ Имеются в виду племянники Поджио Ларисы Андреевны, дети ее сестры Другиновой Елизаветы Андреевны, обучавшиеся в Киевском кадетском корпусе.

165. З. С. и Н. Д. Свербеевым

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 86, л. 18—19 об.

¹ Деша о рождении 14 апр. 1857 г. у Свербеевых сына, названного «в честь доброго дедушки Сергеем» (ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 72, л. 41—42).

² Е. П. Потемкина. Упомянутое письмо к ней неизвестно. Александр Николаевич—А. Н. Сутгоф. О каком лечении идет речь, установить не удалось.

³ Ф. В. Чижов. Н. Д. Свербеев в письме к Трубецкому от 12 апр. 1857 г. просил передать Чижову, что А. И. Кошелев, известный публицист, издатель ряда журналов, славянофил, «справлялся о его деле» (ЦГАОР, ф. 1143 оп. 1, д. 72, л. 40). По-видимому, «дело» касалось снятия запрещения на въезд Чижова в столицы, так как он вскоре сделался издателем журнала «Вестник промышленности», учредителем Московского купеческого банка, видным общественным и промышленным деятелем.

⁴ На посту министра государственных имуществ М. Н. Муравьев сменил в 1857 г. заболевшего Шереметева Василия Алексеевича.

⁵ О предполагавшемся строительстве Сибирской железной дороги от Читы на Верхнеудинск и вокруг Байкала с привлечением иностранного капитала писал Н. Д. Свербеев 15 марта Трубецкому: «Говорят, что предложение американцев построить железную дорогу отвергнуто». 6 мая он сообщал, что в строительстве ее правительством не отказано, но послан запрос Н. Н. Муравьеву относительно состава правления и главных акционерах. «На постройку ее и пароход по Ингоде и Шилке ассигнуют американцы 60 млн.» (ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 72, л. 200 об., 44). Позднее, в письме от 10 мая, Свербеев разъяснял: «Нового ничего нет, кроме положительного отказа американцам в постройке Иркутско-Читинской железной дороги» (там же, л. 154).

⁶ Вопрос заключался в подготовке крестьянской реформы. Медлительность в его решении могла вызвать повсеместные крестьянские волнения.

166. З. С. Свербеевой

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 246, л. 25—26 об.

¹ Давыдова Екатерина Васильевна (1822—1898), дочь декабриста В. Л. Давыдова, была замужем за есаулом Енисейского казачьего полка Переслени Владимиром Михайловичем. В 1855 г. он был переведен ротмистром Уланского полка в Крым, и они выехали из Красноярска.

² Бороздин Лев Андреевич, киевский уездный предводитель дворянства, родственник Давыдовых и Раевских.

³ Имеется в виду письмо С. П. Трубецкого от 23 апр. 1857 г. Свербееву (ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 86, л. 20—21 об.). Поскольку содержание его повторяется в письме от 3 мая 1857 г., оно здесь не публикуется.

⁴ Бутовичи — помещики Киевской губ., родственники Н. В. Басаргина по первой его жене Софье Мещерской, умершей в 1825 г.

167. И. С. Трубецкому

ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 190, л. 1—2

¹ П. В. Давыдов.

168. З. С. Свербеевой

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 246, л. 27—28 об.

¹ Давыдов Николай Васильевич (1826—1916), сын декабриста, постоянно жил в родовом имении Каменке, женат не был. В 1857 г. избран предводителем дворянства Чигиринского уезда Киевской губ.

² Инвентарии, или Инвентарные правила,—положения, определявшие размеры наделов и повинностей помещичьих крестьян в западных губерниях России. Изданы 26 мая 1847 г., дополнены 29 дек. 1848 г. Инвентарные правила не только не облегчили положения крестьян, но в ряде случаев ухудшили его в интересах помещиков.

169. Н. Д. Свербееву

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 93, л. 12—15 об.

¹ Мадейский Леонард Людвигович, муж племянницы Трубецкого Марии Александровны, киевский помещик, предводитель дворянства Киевской губ. (1854—1857).

² А. М. Борх.

³ Давыдов Лев Васильевич (1837—1896), младший сын декабриста. Был доверенным лицом Е. С. Давыдовой по разделу наследства Е. И. Трубецкой между наследниками.

⁴ Речь идет о намерении Трубецкого продать дом в Иркутске.

⁵ Имелись в виду студенческие волнения в Киевском университете. Поводом к новой вспышке волнений послужило столкновение 14 апр. 1857 г. между студентом Цихоцким и прапорщиком Иса-

ковым, в результате которого студент был смертельно ранен офицером и умер. Повод был формальным, в действительности же выступления студентов имели место и прежде, до временного закрытия университета в 1838 г. в связи с участием студентов «в деле эмиссара Конарского» (ЦГИА, ф. 1657, оп. 1, д. 28, л. 1), польского общественного деятеля, одного из руководителей революционной организации «Молодая Польша», преследовавшей цели национального освобождения Польши. Позднее движение явилось результатом введения в университете таких административно-полицейских мер, которые лишали студентов прежних прав. Волнениям в Киевском университете предшествовали волнения в Московском. В письме от 20 окт. 1857 г. Н. Д. Свербеев писал: «Из московских новостей самая важная — бунт в университете здешнем; он случился 23 сент. Молодежь расходилась страшно, особенно поляки. <...> Доселе никогда в Московском университете не было и тени подобной истории, он последний оставался в спокойствии, так как теперь все они бушевали, то не мудрено, что снова будут приняты меры строгости, ограничения и пр. Очень неприятно, что весть эта дойдет до государя перед приездом его в Киев, куда его ожидают 3-го, он будет в дурном духе и потому вряд ли будет любезен с Киевск[им] универ[ситетом]» (ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 283, л. 198 — 199 об.).

⁶ Багаж Трубецкого при отъезде из Иркутска состоял из 15 ящиков общим весом в 119 пудов. Из них в 11 ящиках (более 100 пудов) были книги, 1 ящик — с книгами И. Д. Якушкина, 1 ящик на 7 пудов был с бумагами, письмами, портретами (ЦГИА, ф. 1657, оп. 1, д. 36, л. 65 — 65 об., 67).

170. С. Г. Волконскому

ИРЛИ, ф. 57, оп. 1, д. 246, л. 4—7 об.

¹ Бобринский Алексей Алексеевич (1800 — 1868), гр., сахароводчик, киевский помещик.

171. З. С. и Н. Д. Свербеевым

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 246, л. 29—30 об., д. 86,
л. 116—116 об. — это письмо было ошибочно разъединено
(см. ниже примеч. 8)

¹ Трубецкой Сергей Никитич (1829—1899), кн., офицер Преображенского полка, второй сын Н. П. Трубецкого, впоследствии директор Эрмитажа, был женат на кн. Багратион-Мухранской Софье Ираклиевне.

² Речь идет об арестах студентов в связи с волнениями в Киевском университете. Для ревизии создавшегося положения был прислан чиновник Министерства народного просвещения В. А. Бобринский.

³ Васильчиков Илларион Илларионович (1821—1863), кн., киевский, волынский и подольский ген.-губернатор (1852—1863), внучатый племянник Е. И. Трубецкой. Мери — Борх Мария Александровна (1837—1903), гр., вышла замуж в мае 1857 г. за кн.

Валицына Павла Алексеевича (1833—1888), дипломата, секретаря русской миссии в Брюсселе. Почти всю жизнь прожила за границей. Оставила воспоминания (ГБЛ, ф. 218, к. 1341, ед. хр. 16).

Боткин (Бодкин) Петр Петрович, московский купец, часторосс. Отец известного врача-терапевта С. П. Боткина и брат писателя-западника В. П. Боткина.

⁵ Имеется в виду предполагавшееся строительство Сибирской железной дороги от Читы до Верхнеудинска и вокруг Байкала с привлечением иностранного капитала.

⁶ Возможно, речь идет о миссии Е. В. Путятина в Китай в 1857 г., которая не состоялась.

Бернардаки Дмитрий Егорович (ок. 1802—1870), сибирский капиталист, один из крупнейших винных откупщиков; С. С. Яковлев — золотопромышленник, владелец горных заводов.

⁸ Письмо писалось с перерывом, продолжение его на листе с пометой: «К 24 мая». Год устанавливается по содержанию. При формировании дела эта часть письма была ошибочно отнесена к делу № 86 (л. 116—117 об.). Здесь она помещается вслед за основным текстом.

⁹ Д. А. Рыльская.

172. З. С. Свербеевой

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 246, л. 33—36

¹ Это письмо неизвестно.

² З. С. Свербеева сообщала отцу о женитьбе И. И. Пушина на Н. Д. Фонвизиной.

³ Н. И. Тургенев впервые после амнистии 1856 г. приехал в Россию 24 мая 1857 г.; бывал у Свербеевых (ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 158, л. 176 об.).

⁴ **Бибилов Илларион Михайлович** (1792—1860), ген.-лейтенант, бывший флигель-адъютант, давнишний друг С. П. Трубецкого; муж Е. И. Муравьевой-Апостол. Дочь Бибиловых Екатерина вышла замуж 15 июля 1857 г. за Коробьина Владимира Григорьевича.

⁵ Намерение Н. Д. Свербеева занять должность помощника управляющего нижегородской конторой Министерства государственных имуществ не осуществилось. Он был зачислен по тому же ведомству, но с причислением к Инспекторскому департаменту, получил двухмесячный отпуск, по окончании которого надеялся найти место в Москве (ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 72, л. 176).

⁶ По сообщению Н. Д. Свербеева, Тургенев «выхлопотал себе заграничный паспорт и 3 июля отправляется обратно в Париж, где остались жена его и маленький сын. Посещение им родины, как кажется, не внушило желания в ней поселиться, впрочем, говорит, климат вреден больной его жене» (там же, л. 144—144 об.).

173. Н. Д. Свербееву

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 86, л. 28—29 об.

¹ Толстой Николай Николаевич (1794—1872), однополчанин Трубецкого по Семеновскому полку; до 1857 г. управляющий Мос-

ковской удельной конторой Министерства государственных имуществ.

² В. А. Трубецкой.

³ Речь идет о волнениях и арестах студентов Киевского университета и ответственности за создавшееся положение Н. Р. Ребиндера как попечителя учебного округа в целом и Киевского университета в частности.

⁴ Имеется в виду посольство Е. В. Путятин в Китай, совершенное до заключения Н. Н. Муравьевым 28 (16) мая 1858 г. Айгунского договора о присоединении Приамурья к России. Трубецкому о действиях Н. Н. Муравьева и Путятин было известно из письма П. А. Горбунова от 10 июля 1857 г. (ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 54, л. 1 об.—2 об.).

⁵ А. С. Ребиндер сообщала сестре Э. С. Давыдовой 3 мая 1857 г., что П. А. Горбунов писал из Иркутска о намерении часовщика Розена «по чьему-то поручению» купить дом Трубецких за 10 тыс. с рассрочкой уплаты на 3 года (ЦГИА, ф. 1657, оп. 1, д. 149, л. 74 об.) или отдать дом внаем на 10 лет по контракту. Сделка не состоялась.

⁶ М. А. Дорохова сообщала о свадьбе И. И. Пушина и Н. Д. Фоввизиной. Нина, дочь И. И. Пушина Анна (1842—1863), находилась на воспитании у М. А. Дороховой, которая назвала ее Ниной в память своей умершей дочери (Коновалова А. Н. Мария Александровна Дорохова, с. 63—66).

⁷ Н. И. Тургенев обратился 4 июля 1856 г. к Александру II с прошением о помиловании, получил его и одновременно все прежние награды.

⁸ П. Н. Свистунов; его брат А. Н. Свистунов (1808—1872), директор департамента личного состава Министерства иностранных дел; их мать Свистунова Мария Алексеевна (урожд. Ржевская, 1778—1866) перешла в католичество и поселилась в Париже.

⁹ Перечисляются: С. Г. Волконский, Е. И. и В. И. Якушкины, Елена Николаевна — тетушка Н. Д. Свербеева (возможно, сестра его отца, фамилия в замужестве не установлена), Н. П. Трубецкой, И. М. и С. Н. Бибиковы.

174. Э. С. Свербеевой

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 86, л. 30—33

¹ Солнышко — имяние родителей Н. Д. Свербеева в Серпуховском уезде Московской губ.

175. И. И. Пушину

Декабристы. Летописи, кн. 3, с. 323—324;
местонахождение подлинника неизвестно

¹ Эйсман — аптекарь в Киеве, владелец кирпичных заводов. В чем состояло поручение Пушина, установить не удалось.

² Пушин Михаил Иванович (1800—1869), капитан л.-гв. Коннопионерного эскадрона, член Северного общества, брат И. И. Пушина, осужден по X разряду. Служил рядовым в Сибири и на

Кавказе. В 1828 г. произведен в офицеры, в 1831 г. вышел в отставку. В 1831—1856 гг. был на гражданской службе.

³ Михальский Северин Осипович, врач в Киеве.

⁴ Н. Д. Пущина намеревалась передать свои имения в казну с условием, чтобы крестьяне взяли на себя уплату долгов, лежащих на имениях.

176. И. И. Пущину

Декабристы. Летописи, кн. 3, с. 324;

местонахождение подлинника неизвестно

¹ Рыжий — сын декабриста В. К. Тизенгаузена Михаил Васильевич.

² Толстая Варвара Петровна (урожд. кн. Трубецкая, не позднее 1820—1900), гр., племянница Трубецкого; ее муж Егор Петрович (1803—1874), гр., ген.-лейтенант, с 1859 г. пензенский губернатор; их дочь Мария Егоровна была замужем за Орловым-Давыдовым Анатолием Владимировичем (1839—1905), внучатым племянником декабриста В. Л. Давыдова.

³ Ж. А. Муравьева, вдова декабриста А. М. Муравьева. От их брака было несколько детей, из которых в 1857 г. были живы Михаил, Екатерина, Елена и Александра. Ж. А. Муравьева в 1856 г. вышла замуж за бывшего ординатора одесской городской больницы Генриха Мойера, но вскоре с ним рассталась и уехала с дочерьми в Италию.

⁴ После выступления Александра II 30 марта 1856 г. перед предводителями московского дворянства, в котором царь заявил о том, что «лучше освободить крестьян сверху, нежели они сами себя освободят снизу», прошло немало времени, прежде чем 3 янв. 1857 г. был создан Секретный комитет по крестьянским делам. Однако слухи о нем проникали в русское общество. Свидетельством того является письмо С. П. Трубецкого.

⁵ В ответ на этот вопрос И. И. Пущин писал Трубецкому 21 июля 1857 г.: «Н. И. Тургенева я не видел, хоть в одно время были в Петербурге и Москве. Он ни у кого из наших не был, а я, признаюсь, при всем прежнем моем уважении к нему, не счел нужным его отыскивать после его книги» (Пущин И. И. Записки о Пушкине. Письма, с. 322). Живя во Франции, Тургенев издал в 1847 г. книгу «Россия и русские» (т. 1—3, на франц. яз.). По этому поводу и в связи с обращением Тургенева с прошением о помиловании Н. В. Басаргин писал в своих воспоминаниях: «Впоследствии Тургенев издал во Франции свои записки — сочинение очень посредственное и не совсем прямодушное, в котором он как будто старается оправдать свое участие в обществе. Нисколько не завидую его участи, мне кажется странным, что ему одному только при амнистии возвратили все и что он это не только принял, но, как кажется, даже об этом хлопотал. Прожив тридцать лет очень покойно, тогда как в это время товарищи его страдали, скитаясь по Сибири, — его как будто еще вознаградили за это перед прочими» (Воспоминания Н. В. Басаргина, с. 60).

177. Э. С. и Н. Д. Свербеевым

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 246, л. 31—32 об.

¹ Речь идет о переселении Свербеевых на лето из Москвы в имение Солнышково.

² Елизавета (Лиза), Дарья (Долли, Доля), Агафоклея (Фокла) — родные сестры В. П. Толстой, племянницы С. П. Трубецкого. О Елизавете см. примеч. 3 к письму 108; Дарья (1823—1906) была замужем за Оболенским Дмитрием Александровичем (1822—1881), статс-секретарем, директором комиссариатского департамента Морского министерства, пасынком Н. П. Оболенской, сестры декабриста; Агафоклея (годы жизни неизвестны) была замужем за П. Н. Клушиным — волынским (1855—1856) и витебским (1858—1861) губернатором, членом Государственного совета, сенатором.

³ Канкрин Виктор Егорович, гр., полковник л.-гв. Конного полка, в 1856 г. адъютант главнокомандующего Западной и Средней армиями и заместителя в Царстве Польском М. Д. Горчакова. В 1857 г. уволен от службы по болезни, сын министра финансов Е. Ф. Канкрина; Штакельберг Отто Карлович, бар., отставной штабс-ротмистр л.-гв. Конного полка. В 1857 г. уволен от службы по болезни.

⁴ Губер Гильбер Иванович, одесский врач; его брат Осип Иванович, бывший правитель канцелярии кяхтинского градоначальника Н. Р. Ребиндера, переехал за ним в Киев и с 1856 г. правитель канцелярии попечителя Киевского учебного округа.

178. Н. Д. Свербееву

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 86, л. 112—115

¹ Письмо не датировано; согласно помете: «К 4-му 2-й» — можно предположить, что это дополнительный лист к письму от 4-го числа какого-то месяца. Дата устанавливается по содержанию письма Н. Д. Свербеева от 21 июня 1857 г., на которое и отвечает Трубецкой.

² Щербатова Елизавета Дмитриевна (1792—1885), кн., сестра кн. Н. Д. Шаховской (урожд. кн. Щербатовой, 1795—1885). Сестры были близко знакомы в те годы (1818—1823) с Трубецким — товарищем их брата И. Д. Щербатова и двоюродных братьев П. Я. и М. Я. Чаадаевых. Наталья Дмитриевна стала с 1819 г. женой декабриста Шаховского Федора Петровича (1796—1829), отставного майора Семеновского полка, члена Союза спасения и Союза благоденствия. Он был осужден по VIII разряду. Ссылку отбывал в Туруханске, затем в Енисейске. Вследствие психического расстройства был переведен в 1829 г. в тюрьму Суздальского Спас-Ефимиевского монастыря, где и умер.

³ По этому поводу Н. Д. Свербеев сообщал: «Стекло вашей фотографии, с которой делают снимки, мною куплено у Бергнера и передано Евг[ению] Ив[ановичу]. Если вам потребуется копия, вы сможете прямо к нему обратиться, они будут несравненно дешевле. Я заказал ему 4 снимка: для Казимирского, Тулинской, А. Н. Муравьева и собственно меня» (ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 72, л. 144 об.).

⁴ Хрулев Степан Александрович (1807—1870), ген.-лейтенант, начальник обороны Корабельной стороны в Севастополе во время Крымской войны.

⁵ Имеется в виду деятельность А. В. Поджио по разработке золотых приисков.

⁶ К. К. Венцель.

⁷ П. А. Горбунов.

⁸ Имеются в виду совместные действия Н. Н. Муравьева и Е. В. Путятина, предшествовавшие началу дипломатических переговоров России и Китая и заключению 28 (16) мая 1858 г. Айгунского договора. Англия, Франция и США в целях «защиты Китая от России» предпринимали всяческие меры к обострению отношений между ними (История дипломатии, т. 1, с. 773—774).

⁹ Васильчикова Елизавета Алексеевна (урожд. кн. Щербатова), кн., жена И. И. Васильчикова, племянница П. А. Вяземского.

179. З. С. и Н. Д. Свербеевым

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 86, л. 34—37 об.

¹ Курма — китайская кофта на подкладке, утепленная простеганной ватой, с застежкой сбоку.

² Савичевский — видимо, бывший полит. ссыльный Константин Савичевский; Федорович Василий Матвеевич, кяхтинский градоначальник (1857—1859), сменивший Н. Р. Ребиндера; Игумнов Николай Матвеевич (1781—1867), кяхтинский купец, почетный гражданин Кяхты, устроитель Кругобайкальского тракта.

³ Это письмо неизвестно.

⁴ Н. Н. Муравьев ходатайствовал за Н. Д. Свербеева перед М. Н. Муравьевым в определении его на службу в Министерство уделов.

⁵ Голицына Екатерина Никитична (урожд. кн. Трубецкая, 1831—?), племянница С. П. Трубецкого, жена дипломата Голицына Павла Васильевича.

⁶ О. Д. Свербеева, сестра Н. Д. Свербеева.

180. З. С. и Н. Д. Свербеевым

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 86, л. 42—43 об.

¹ Понятовский — лицо неустановленное. Возможно, Андрей Степанович (1794—1863), преподаватель математики и греческого языка в Киевском университете.

² Х. Я. Рейхель с дочерью Софьей приехал из Сибири в Киев к теще в 1857 г., вскоре оставил жену и уехал с дочерью в Тульчин, где в том же году умер. По-видимому, отношения М. К. Юшневской с зятем и внучкой были натянутыми, о чем С. П. Трубецкой пишет также в письме от 13 марта 1858 г. (письмо 196).

181. Н. Д. Свербееву

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 86, л. 46—47 об.

¹ Ростовцев Яков Иванович (1803—1860), ген.-адъютант, начальник штаба военно-учебных заведений. Сопровождал Александра II в его поездке в Киев. Трубецкой передавал дошедший до него «разговор» Ростовцева на основании письма Н. Д. Свербеева, сообщавшего 13 сент. 1857 г.: «Зина писала мне о том, что Ростовцев уверил Н[иколая] Р[омановича] о враждебности Норова.

Мне этому не верится. Сообщите, подтверждается ли это» (ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 72, л. 184).

Норов Авраам Сергеевич (1795—1869), министр народного просвещения (1854—1858), брат декабриста В. С. Норова.

² О каком «собеседнике» идет речь, установить не удалось.

³ А. В. Никитенко отзывался о своем друге Н. Р. Ребиндере, как об умном, благородном, просвещенном, но нетерпеливом и раздражительном человеке (Никитенко А. В. *Дневник*, т. 2, с. 17).

⁴ Я. Д. Казимирский; *Заржицкая* — воспитательница Иркутского девичьего института; *Сашура* — дочь Я. Д. Казимирского Александра; *Липранди Екатерина Петровна* (?—1874), с 1855 г. начальница Иркутского девичьего института.

⁵ По Амуру ходили пароходы «Лена» и «Амур», спущенные на воду в 1857 г. На третьем пароходе, корвете «Америка», заказанном в 1856 г. Казакевичем, в США отправился Е. В. Путятин к Печелийскому заливу, где принял командование русской эскадрой и начал переговоры с китайским правительством, в результате которых был заключен 13 июня 1858 г. Тянь-дзинский договор.

182. Н. Д. Свербееву

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 86, л. 48—49, 64—65 об.—
листы этого письма сбиты при формировании дела

¹ Э. С. Свербеева навестила отца в авг. 1857 г. В поездке ее сопровождала Анна Федосеевна Сутгоф.

² М. А. Трубецкая. Ее письмо неизвестно. Н. Д. Свербеев 7 сент. сообщал о намерении окончательно оставить службу, ссылаясь на то, что М. Н. Муравьев требовал от чиновников слепого повиновения и отказа от своих убеждений (ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 72, л. 281).

³ В. А. Трубецкой намеревался отказаться от должности, а Е. И. Якушкин «чуть не подал в отставку», как сообщал Н. Д. Свербеев (там же, л. 129 об., 281 об.). Тем не менее В. А. Трубецкой принял место управляющего московской удельной конторой вместо ушедшего в отставку Н. Н. Толстого, по поводу чего Свербеев высказал мнение, что, «видимо, не усидит, несмотря на все выгоды» (там же).

⁴ В ответном письме от 17 сент. 1857 г. Трубецкой заметил Свербееву: «<...> не полагаю необходимостью для каждого служить в казенной службе. Жить совсем без дела и проводить время свое в праздности или за карточным столом другое дело, а заниматься прибыльно для ума и в материальном отношении есть много различных способов и без службы. Выйти за ворота и посмотреть, что делается на белом свете, также не лишнее, и вместе с Лизой съездить за границу будет Зине приятно и для всех не без пользы. Посмотрев, что делают другие, сам научаешься многому» (ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 246, л. 47—47 об.).

⁵ Рассуждения касаются перемен, происшедших с М. Н. Муравьевым, принимавшим прежде участие в деятельности тайных обществ.

⁶ После увольнения от службы Свербеев намеревался переехать в Киевскую губ., приобрести там небольшое имение и заняться хозяйством. «Мне очень хочется к вам и снова по-старому быть вместе» (ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 72, л. 69).

⁷ *Штилиц Александр Людвигович* (1814 — 1884), придворный банкир, управляющий Государственного коммерческого банка, куда Свербеевы намеревались вложить 5 тыс. рублей, подаренных им З. И. Лебцельтерн.

⁸ Имеется в виду возможное изменение служебного положения Н. Р. Ребиндера, следствием чего мог быть их отъезд из Киева, а вместе с ними и отъезд Трубецкого.

⁹ Намек на закулисные интриги и настроение власть имущих, которые могли возникнуть от самых непредвиденных и даже пустых обстоятельств.

¹⁰ Слухи касались результатов расследования В. А. Бобринским дела о студенческих волнениях в Киеве, в результате которых шли аресты молодежи.

¹¹ Трубецкой 17 сент. 1857 г. переменял квартиру, поселившись в доме Крыжановской в Елизаветинском переулке (ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 5, л. 1).

¹² *Голицына Анна Васильевна* (урожд. Ланская, 1793 — 1868), кн., жена с 1817 г. двоюродного брата Трубецкого *Голицына Александра Борисовича* (1792 — 1862), предводителя дворянства Владимирской губ. Ее сестры *Софья* и *Варвара Ланские*. Их имение Сумы в Юрьеве-Подольском уезде Владимирской губ.

183. З. С. и Н. Д. Свербеевым

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 246, л. 51—52 об.

¹ Возможно, Грабовский Николай Ефремович, чиновник управления киевского, подольского и волынского ген.-губернатора, и его жена.

² *Чевкин Константин Владимирович* (1802 — 1875), генерал, главноуправляющий путей сообщения и публичных зданий (1853 — 1862), член Государственного совета и Главного комитета по крестьянскому делу (1857 — 1861).

184. З. С. Свербеевой

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 246, л. 55—57 об.

¹ День смерти Е. И. Трубецкой.

² Речь идет об имущественном положении Е. П. Потемкиной в связи с учреждением опеки над ее мужем С. П. Потемкиным.

³ *Толстая Анна Георгиевна* (Егоровна) (урожд. кн. Грузинская, ? — 1889), гр., двоюродная сестра С. П. Трубецкого. Н. Д. Свербеев в письме от 8 апр. 1857 г. сообщал, что был у А. Г. Толстой, которая приняла его очень любезно и ласково, много расспрашивала о Трубецком (ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 72, л. 187 — 187 об.). После смерти А. Г. Толстой Е. С. Давыдова и З. С. Свербеева наследовали часть ее имущества.

⁴ *Сергей Иванович Кривоц* (1802 — 1864), подпоручик л.-гв. Конной артиллерии. Член Северного общества, осужден по VII разряду. На поселении с 1828 г. в Туруханске, с 1829 г. в Минусинске, в 1831 г. отправлен рядовым на Кавказ. После выхода в отставку поселился в имении Фаддеево Орловской губ. Женился в 55 лет на молодой девушке *Анне Валерьяновне* (Владимировне) Сафоновой.

185. З. С. и Н. Д. Свербеевым

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 86, л. 59—61 об.

¹ М. М. Нарышкин.

² Желание А. Н. Сутгофа обосноваться в Москве не увенчалось успехом. В 1857 г. он был переведен из Кубанского егерского полка в 6-й резервный батальон Кубанского пехотного полка, дислоцировавшегося на Кавказе. Умер в Боржоме, где и похоронен.

³ Время пребывания Трубецкого за границей в 1819—1821 гг. совпало с революционными событиями в Европе: революцией в Испании, в Неаполитанском королевстве, Португалии, Пьемонте, Греции, политическими манифестациями в Париже. Первая половина 50-х гг. знаменовалась в европейских государствах торжеством реакции, восстановлением абсолютистских режимов, победивших после поражения революции 1848 г.

⁴ Речь идет, вероятно, об указе Сената, касавшемся раздела имущества Е. И. Трубецкой. Дело это тянулось более четырех лет.

⁵ Богатая коллекция картин из собрания А. Г. Лаваль была поделена между ее дочерьми. Часть картин первоклассных мастеров досталась Е. И. Трубецкой. 18 из них были отправлены в Иркутск. Остальные картины находились у Борхов, в том числе и те, которые предназначались З. С. Свербеевой.

186. З. С. и Н. Д. Свербеевым

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 86, л. 66—67 об.

¹ Эти письма неизвестны.

² Речь идет о рескрипте Александра II виленскому ген.-губернатору В. И. Назимову от 20 нояб. 1857 г. о создании в литовских губерниях комитетов из выборных дворян для выработки проектов крестьянской реформы.

³ По-видимому, Трубецкой называет циркуляром записку члена Секретного комитета министра внутренних дел С. С. Ланского от 26 июля 1857 г. с изложением основных начал крестьянской реформы.

187. З. С. Свербеевой

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 246, л. 75—76 об.

¹ Александра — девушка-сибирячка, находившаяся в услужении у З. С. Свербеевой и поехавшая за ней в Россию. Письмо к ней С. П. Трубецкого неизвестно.

² Мичурина — иркутская купчиха.

³ Медведниковы — иркутские купцы.

⁴ Шаховской Николай Иванович (1823—1890), кн., правовед, сенатор.

⁵ Толстой Яков Николаевич (1791—1867), участник Отечественной войны 1812 г., литератор, член общества «Зеленая лампа», член Союза благоденствия; с 1823 г. жил за границей, с 1837 г. тайный агент русского правительства в Париже.

⁶ Это письмо неизвестно.

188. Э. С. Свербеевой

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 86, л. 68—69 об.

¹ Речь идет о возможности брака Е. П. Потемкиной с Подчаским Ипполитом Ивановичем (1792—1879), участником Отечественной войны 1812 г., полковником Тарнопольского пехотного полка. После увольнения от военной службы он был определен в Коллегию иностранных дел и причислен к Московскому архиву, позднее сенатор.

² У Давыдовых в начале сент. родился сын Сергей, который 31 дек. того же года умер.

³ Имеется в виду устройство Д. Н. Свербеевым своего имения на новых началах.

⁴ В Киевской губ. отношения между крестьянами и помещиками были определены инвентарными правилами.

⁵ Бобринский Алексей Васильевич (1831—1888), егермейстер. Поджио — видимо, Лев Иосифович — младший сын декабриста И. В. Поджио от его второй жены Марии Андреевны Бороздиной, проживавший в родовом имении отца Яновке Чигиринского уезда Киевской губ., недалеко от Каменки.

189. Э. С. и Н. Д. Свербеевым

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 246, л. 79—80 об.

¹ В это время в Париже жила сестра Н. Д. Свербеева Варвара Дмитриевна (1831—?) о мужем Арнольди Львом Ивановичем (1823—1860), чиновником Министерства внутренних дел, мемуаристом, обладателем некоторых рукописей М. Ю. Лермонтова, которые после смерти мужа В. Д. Арнольди передала известному московскому коллекционеру А. Д. Черткову. Л. И. Арнольди — сводный брат А. О. Смирновой-Россет, племянник Н. И. Лорера.

² Имеется в виду создание губернского комитета по крестьянскому делу для составления проекта Положения об устройстве и улучшении быта помещичьих крестьян.

³ Ярошинский Октавиан Францевич.

⁴ Речь идет о настроениях крестьян. О волнениях крестьян сообщала Трубецкому еще в авг. 1857 г. Э. С. Свербеева под впечатлением рассказов мужа, ревизовавшего ряд губерний центральной России. «Крестьяне начинают терять терпение, — писала Свербеева, — в Калужской и Орловской губерниях они не бунтуют, но оказывают твердое сопротивление власти помещика, и никакие наказания не могут заставить их приняться за барщину <...>. Это не утешительно, а чем дальше, тем больше можно ожидать» (ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 72, л. 214—215).

⁵ А. С. Ребиндер сообщала Е. С. Давыдовой 11 февр. 1858 г.: «Я не говорю тебе о подвигах киевского дворянства, потому что Ник[олай] Вас[ильевич] расскажет все лучше, но по всему, что слышу, оно не отстало от остального российского дворянства, которое так плохо себя показало, что папа не может утешиться, слушая разные рассказы. В Пензе, говорят, оно просто разбежалось вместе того, чтобы рассуждать» (ЦГИА, ф. 1657, оп. 1, д. 149, л. 199 об.).

190. И. И. Пущину

Декабристы. Летописи, кн. 3, с. 325—326;
местонахождение подлинника неизвестно

¹ Видимо, имеется в виду письмо Трубецкого от 2 июля 1857 г., другие его письма до 17 янв. 1858 г. неизвестны.

² Н. И. Пущин летом 1850 г. жил в Симферополе, и Персин ссылается на него как на свидетеля грабительского хозяйничания в Саблах управляющего фон дер Крушеля (ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 132, л. 10 об.).

³ Н. И. Лорер подолгу жил в Кисеве, пока там училась в Институте благородных девиц его дочь Екатерина (1844—?). С 1851 г. он часто наезжал в Москву (Лорер Н. И. Записки декабриста: Иркутск, 1984, с. 25).

⁴ И. Д. Якушкин умер 11 июля 1857 г., похоронен на Пятницком кладбище в Москве.

⁵ Больному И. Д. Якушкину не разрешили поселиться в Москве, и он был лишен необходимой врачебной помощи. Только незадолго до смерти, в мае 1857 г., по ходатайству его родственника М. Н. Муравьева ему было разрешено переехать в Москву.

⁶ Внучка — дочь Ребиндеров Екатерина. Слух о производстве Н. Р. Ребиндера в тайные советники не соответствовал действительности. Этот чин он получил только 12 апр. 1859 г.

⁷ С. П. Юшневский (1801—?), чиновник интендантства 2-й армии, брат декабриста А. П. Юшневского, член Южного общества, был заключен в Петропавловскую крепость, по отбытии заключения уволен от службы с установлением секретного надзора, служил по выборам дворянства в Подольской губ.

⁸ Ветелин Александр Иванович (1800—1860), поручик Литовского пионерного эскадрона, член тайного Общества военных друзей, приговорен особым судом к смертной казни, замененной 10 годами каторжных работ. На поселении с 1833 г. в с. Сретенском. В 1837 г. определен рядовым на Кавказ. Получив офицерский чин, вышел в 1843 г. в отставку, поселился в Одессе, где и умер.

⁹ «Заветное дело» — желание Н. Д. Пушиной передать своих крестьян в казенное ведомство.

¹⁰ И. И. Пущин писал Трубецкому 22 дек. 1857 г., «Я пишу, глядя на ваш портрет,—как будто говорю. Позвольте еще сказать, что я желал бы, чтоб вы сбрили бороду. Никак не могу к ней привыкнуть, хоть Сашенька меня уверяла в Ялуторовске, что борода к вам очень идет. Добывши ваш портрет, я не согласен с ее мнением» (Пущин И. И. Записки о Пушкине. Письма, с. 330—331). П. Н. Свиштунов писал И. Пущину 29 янв. 1857 г. о встрече с Трубецким в Нижнем Новгороде: «Он здоровым мне показался молодцом, а борода его так красит, что и я стал поговаривать <...>» (Декабристы. Летописи, кн. 3, с. 306).

¹¹ Закревский Арсений Андреевич (1786—1863), гр., ген.-адъютант, в 1848—1859 гг. московский ген.-губернатор, затем министр внутренних дел. Его жена — Аграфена Федоровна (урожд. гр. Толстая, 1799—1879), двоюродная сестра Е. И. Трубецкой.

191. З. С. и Н. Д. Свербеевым

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 246, л. 81—82 об.

¹ Сушков Николай Васильевич (1796—1871), писатель, драматург, минский губернатор, автор воспоминаний. Его брат Сушков Петр Васильевич (1783—1855), муж Дарьи Ивановны Пашковой, кузины Е. И. Трубецкой; их дочь Евдокия Петровна (1811—1858), поэтесса, близкая знакомая А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова; была замужем с 1833 г. за Ростопчиним Андреем Федоровичем (1813—1892), писателем, библиографом, почетным членом Петербургской публичной библиотеки.

² Имеются в виду Е. П. Потемкина и Е. С. Давыдова, именины которых — 16 янв.

³ Трубецкой Николай Николаевич, двоюродный брат С. П. Трубецкого; его жена Елизавета Александровна, урожд. кн. Лопухина.

⁴ Сокольский Алексей Николаевич, столоначальник в Забайкальском областном управлении.

⁵ Н. Н. Муравьев.

192. Е. И. Якушкину

ЦГАОР, ф. 279, оп. 1, д. 677, л. 2—3

¹ Денежная помощь А. А. Быстрицкому.

² Имеется в виду рукопись Трубецкого с его замечаниями на Записки В. И. Штейнгейля (Трубецкой, т. 1, с. 293—310, 384—389; на с. 358 ошибка: не в февр. 1858 г. Зинаида Сергеевна навестила отца в Киеве, а в авг. 1857 г.).

³ В письме от 5 февр. 1858 г. Е. И. Якушкин сообщал Трубецкому, что Оболенский и Батеньков «заняты проектами освобождения крестьян на аристократических основах» (ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 86, л. 4). Действительно, Е. П. Оболенский принимал участие в открывшемся в 1858 г. калужском губернском комитете, разрабатывавшем проект освобождения крестьян (Добринская Л. Б. Декабрист Евгений Оболенский после ссылки.— В кн.: Освободительное движение в России. Саратов, 1971, вып. 2, с. 33—54). Вероятно, Трубецкой намеревался рассмотреть «с пристрастием» именно этот проект Оболенского, составленный на «аристократических основах».

193. Н. Д. Свербееву

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 246, л. 91—92

¹ А. С. Ребиндер 25 февр. 1858 г. писала Е. С. Давыдовой: «Свербеев говорит, что все Коссак[овские] их очень обласкали, тетушка с ними очень мила, но что родственного сочувствия мало в них заметно <...>» (ЦГИА, ф. 1657, оп. 1, д. 149, л. 97).

² Имеется в виду Париж, где Трубецкой прожил два года — с июля 1819 по сент. 1821 г.

³ Видимо, Абашев Дмитрий Николаевич, профессор химии Виленского, а затем Киевского университетов.

⁴ *Гогоцкий (Гагацкий) Сильвестр Сильвестрович*, профессор Киевского университета.

⁵ В то время дом Трубецких в Иркутске был оценен в 7 тыс. рублей.

⁶ В 1857 г. М. А. Бестужев заключил на один год контракт с иркутскими купцами Серебренниковым и Зиминим сопровождать по Амуру груз до города Николаевска-на-Амуре. В действительности, он пробыл по делам купцов 16 месяцев, дополнительно затраченное им время купцы не захотели оплатить, и Бестужев подал на них жалобу Н. Н. Муравьеву (Тагаров З. Т. Неизвестное письмо М. А. Бестужева.— В кн.: Сибирь и декабристы. Иркутск, 1983, вып. 3, с. 250—251).

194. И. И. Пущину

Декабристы. Летописи, кн. 3, с. 327—329;

местонахождение подлинника неизвестно

¹ Е. П. Оболенский.

² М. И. Муравьев-Апостол.

³ Предполагается подготовка крестьянской реформы. В завершение ее «наилучшим образом» самим дворянством Трубецкой не верил и возлагал надежды на «разумный пересмотр и исправление» проекта Александром II.

⁴ А. Е. Розен с семьей поселился в 1855 г. в с. Викнино Изюмского уезда Харьковской губ.

⁵ Имеется в виду поездка И. И. Пущина в Нижний Новгород к дочери.

⁶ Бобрищев-Пушкин Сергей Сергеевич, брат декабристов Павла и Николая; переданные известия касались, видимо, Павла Сергеевича, гостившего у Пущиных в Марьине.

⁷ Упомянутое письмо Трубецкого к С. Г. Волконскому неизвестно.

⁸ Е. В. Переслени.

195. Е. А. Свербеевой

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 284, л. 3—4 об.

¹ *Свербеев Александр Дмитриевич* (1835—1917), брат Н. Д. Свербеева, женился в 1858 г. на бар. Вере Менгден; *Борх Юрий Александрович* (1836—1908)) женился в 1858 г. на *Варваре Павловне Чичериной*; *Коссаковский Станислав-Казимир* (1837—1905) в 1858 г. женился на *Александре (Олесе) Ходкевич* (1840—1880).

² С. П. Потемкин умер 26 февр. 1858 г. в Москве.

196. З. С. и Н. Д. Свербеевым

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 259, л. 24—25

¹ В битве под Лейпцигом в Отечественную войну 1812 г. Трубецкой был ранен 4 окт. 1813 г. в бедро и только в конце дек. согласился, чтобы его отправили в Россию.

² *Тургенев Сергей Иванович* (1792 — 1827), брат декабриста Н. И. Тургенева и А. И. Тургенева, чиновник дипломатической миссии при командире русского оккупационного корпуса во Франции М. С. Воронцове; был знаком со многими декабристами, в том числе и с Трубецким.

³ *Александр Иванович* — лицо неустановленное. Возможно, это тот самый друг Трубецкого, которого он имел в виду в своих Записках (*Трубецкой*, т. 1, с. 287).

⁴ Иркутский купец Белоголовый Андрей Андреевич, воспитанник декабристов А. П. Юшневского и А. В. Поджио. В 1850-е гг. играл видную роль в общественной жизни города, был в числе организаторов передового «Общества зеленых полей». Скорее всего, о нем мог писать П. А. Горбунов, поскольку А. А. Белоголовый был женат на его воспитаннице и свояченице Н. А. Неустроевой.

⁵ *Устинька* — Ю. М. Кюхельбекер; *Александра Ивановна* — А. И. Гамбурцева.

⁶ Автор ошибся: Е. П. Липранди сменила не Александра Осиповна (?), а Анна Петровна Быкова, директриса Иркутского девичьего института в 1858—1877 гг.

197. З. С. и Н. Д. Свербеевым

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 246, л. 95—96 об.

¹ Это письмо неизвестно.

² Н. Д. Свербеев в письме Трубецкому от 12 марта 1858 г. сообщал о новых и возобновлении старых знакомств в Париже, о встречах с русским послом во Франции П. Д. Киселевым, с Н. И. Тургеневым, кн. Кочубеем (по-видимому, Александром Васильевичем, сенатором, членом Государственного совета). Там же он сообщал о намерении отправиться на 10 дней в Лондон. Пользуясь оказией, Н. Д. Свербеев писал отцу в Москву о встречах с А. И. Герценом и Н. П. Огаревым: «<...> приехавши в Лондон, тотчас написал ему [Герцену.— В. П.] записку в Putney и просил свидания; через 3 часа после отправления ее он явился сам, чтобы поклониться Зине как представительнице дорогих ему людей. <...> Потом, в пятницу, ездили опять я с Зиной и обедали с Ив[аном] Серг[еевичем] Тургеневым и Анненковым, издателем Пушкина. <...> Г[ерцен], разумеется, подарил нам разных брошюр и был очень тронут нашим дружеским с ним обращением. Сюда [в Париж.— В. П.] я имел поручение от него к Мишле и Прудону <...>» (Коваль С. Ф. Из архива Н. Д. Свербеева. Письма А. И. Герцена, с. 206—207). Герцен поделился с Свербеевым новостями относительно крестьянской реформы: «Новости сверху дурны — но снизу зато хороши. Возбуждение умов в России — необычайно — наконец мы получаем всякой день письма, дышащие энергией» (там же, с. 213).

³ *Шаховская Наталья Борисовна* (урожд. кн. Святопулк-Четвертинская, 1812 — 1909), кн.; ее племянница *Шаховская Наталья Алексеевна* (урожд. кн. Трубецкая), жена Н. И. Шаховского.

⁴ А. С. Ребиндер сообщала сестре З. С. Давыдовой 21 марта 1858 г. о том, что у Сергея Петровича случился «его всегдашний припадок [сопровождавшийся сильным кровохарканьем.— В. П.], и он очень всех нас напугал» (*ЦГИА*, ф. 1657, оп. 1, д. 149, л. 98).

⁵ В марте 1858 г. умерла жена Щербатова Федора Александровича, дяди Н. Д. Свербеева со стороны матери.

⁶ Зять Трубецкого — С. П. Потемкин.

⁷ Потемкин Александр Михайлович (1787 — 1872), муж двоюродной сестры Трубецкого Т. Б. Потемкиной.

⁸ Е. С. Давыдова.

⁹ Н. И. Лорер.

¹⁰ О каком поручении Л. И. Арнольди идет речь, установить не удалось.

198. Н. Д. Свербееву

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 86, л. 72—73 об.

¹ А. И. Коссаковская.

² Борх Юрий (Георгий, Жорж) Александрович, сын С. И. Борх.

³ Это письмо С. П. Трубецкого неизвестно.

⁴ Бутера Варвара Петровна (урожд. кн. Шаховская, 1796 — 1874).

⁵ Кюхельбекер Юстина Карловна, сестра декабристов; в 1858 г. служила компаньонкой у В. П. Бутера. М. К. Кюхельбекер навещал в Иркутске своих дочерей Анну и Ульяну (Юстину).

⁶ Писем главы русской духовной миссии в Пекине архимандрита Палладия (Кафаров Петр Иванович, 1817 — 1878) за этот период не обнаружено, но по сохранившимся дружеским письмам его к Н. Р. Ребиндеру за 1853 — 1854 гг. можно предполагать, что переписка между ними не прекращалась (ЦГИА, ф. 1657, оп. 1, д. 17).

⁷ «Поднебесная империя» — Китай.

⁸ «Америка» — 66-пушечный линейный корабль. Командиром его был Н. М. Чихачев.

⁹ В июне 1857 г. японское правительство заключило торговое соглашение с Россией. В авг. 1858 г., несмотря на сильное давление на Японию со стороны США и Англии, Е. В. Путятину удалось заключить новый русско-японский договор, предусматривавший распространение на Россию определенных преимуществ (История дипломатии, т. 1, с. 779 — 781).

¹⁰ Письмо Трубецкого является ответом на письмо Н. Д. Свербеева от 2 апр. 1858 г. Поскольку оно помогает раскрыть суть рассуждений Трубецкого, приводим отрывок из него.

«На днях в «Debats» было письмо Тургенева об освобождении — он изложил историю его в некоторых европ[ейских] государствах и доказывал, что в России необходимо пр[авительству] покончить это дело разом в[ысочайшим] указом с тем, чтобы крестьяне получили землю от помещиков безвозмездно <...>. К сожалению, до нас доходят из России вести, будто помещики уперлись и настаивают на том, чтобы не давать крестьянам угодья во владение, а в постоянное пользование и мечтают об расширении прав дворянства; 1-е положение грустное, оно поставит дворянство в неблагоприятную оппозицию к правительству, и им же от этого будет плохо. 2-е — мечта смешная и жалкая; двор[янский] сословие только теперь, когда дело дошло до их собственности, поняло, что оно не составляет сословия организованного, что оно бесправно и безгласно, а прежде, когда оно безнаказанно давило народ и само ползало и подличало и тем потеряло всякое уважение — прежде — оно не

думало о правах! Нечего сказать, прежалкую роль разыгрывает это передовое сословие у нас, грустную оставит по себе память в истории и вряд ли вынесет себя сквозь предстоящую реформу, что и говорит, что не может оно внести никакого живого начала в <одно слово неразб.> и общественный. Что поговаривают у вас? Да, должно быть, то же самое; алчность и отсутствие убеждений возвышенных высказываются везде однообразно в Москве, Киеве, Саратове и все 60 с лишком губерний могут смело подать себе руку; грустно так думать о нашей среде, стыдно быть в этой *своре!* (ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 72, л. 139 — 139 об.).

¹¹ Соглашаясь с оценкой Н. Д. Свербеева о «прежалкой роли» дворянского сословия, Трубецкой видел выход из создавшегося положения в разумной воле даря, поскольку бездеятельность феодального сословия становилась для него все более очевидной.

¹² Меннониты — религиозная секта, возникшая в 30-е гг. XVI в. в Нидерландах. Название получила по имени основателя ее Меннона Симонса. Во 2-й половине XVIII в. меннониты начали переселяться в Россию. Колонии их под Херсоном, в Ногайских степях и других районах славилась образцовыми хозяйствами.

¹³ Эти фотографии З. С. Свербеевой и Е. П. Потемкиной неизвестны.

¹⁴ Блудов Дмитрий Николаевич (1785 — 1864), гр., делопроизводитель Следственной комиссии по делу декабристов, президент Академии наук (с 1855 г.). Взялся быть ходатаем перед Государственным советом по делу об имущественном положении Е. П. Потемкиной в связи со смертью ее мужа.

199. И. И. Пущину

Декабристы. Летописи, кн. 3, с. 329—331;
местонахождение подлинника неизвестно

¹ О посылке каких книг идет речь, установить не удалось, в письме от 2 апр. 1858 г. Пущин обратился к Трубецкому с просьбой прислать «Воскресное чтение» (ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 76, л. 9 — 10 об.).

² Декабрист А. А. Быстрицкий, вернувшись из Сибири на родину в Киевскую губ., не имея никаких средств к существованию, обратился к шефу жандармов с просьбой об исходатайствовании ему продолжения того пособия, которое он получал в Сибири. Трубецкой во время свидания с Долгоруковым в Киеве 5 окт. 1857 г. напомнил о просьбе Быстрицкого (наст. изд., с. 457). 25 апр. 1858 г. Быстрицкому было назначено пособие от казны в том размере, в каком он получал его на поселении, то есть 114 р. 28 к. в год.

³ И. И. Пущин был казначеем артели декабристов для оказания помощи нуждающимся товарищам и членам их семей. Трубецкой ежегодно вносил в фонд артели 2 тыс. рублей.

⁴ Фролов Александр Филиппович (1804 — 1885), декабрист, подпоручик Пензенского пехотного полка, член Общества соединенных славян, осужден по II разряду к пожизненной каторге. На поселении в с. Шушенском Енисейской губ. После амнистии вернулся в Россию и поселился в Керчи. Был женат на сибирячке Евдокии Николаевне Макаровой.

⁵ Фаленберг Петр Иванович (1791—1873), подполковник Квартирмейстерской части, ст. адъютант Главного штаба II армии, член Южного общества. Осужден по IV разряду. На поселении с 1833 г. в с. Шушенском Енисейской губ. После амнистии 1856 г. оставался в Минусинске; вернулся в Россию в 1859 г. и поселился в Белгороде. Был женат вторым браком на сибирячке *Анне Федоровне Соколовой*.

⁶ Губернские комитеты для выработки проектов освобождения крестьян от крепостной зависимости.

⁷ Трубецкой в данном случае излагает точку зрения русских помещиков черноземной полосы на освобождение крестьян с надеждением их мизерным количеством земли (одна десятина на душу), не высказывая своего к этому отношения, однако его мнение достаточно определенно выражено в публикуемом письме к Свербееву, а также в письме последнего от 2 апр. 1858 г. (см. примеч. 10 к письму 198).

⁸ Vevey (Ве́ве) — курортное местечко на берегу Женевского озера в Швейцарии, славившееся виноградом.

200. Э. С. и Н. Д. Свербеевым

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 246, л. 103—104 об.

¹ Трубецкой приехал в Варшаву 13 июня 1858 г.; остановился у давнишнего сибирского приятеля В. И. Аничкова, с янв. 1858 г. — варшавского обер-полицмейстера (ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 86, л. 74).

² А. И. Коссаковская; ее муж Корвин (по др. данным Шенсны)-Коссаковский Станислав-Иосиф (1795—1872), гр., драматург, художник, дипломат; церемониймейстер при польском дворе, председатель герольдии Царства Польского (1858—1861).

³ Э. И. Лебцельтерн. О ее встрече с Трубецким см.: Знамя, 1975, № 12, с. 190—191.

⁴ Кампанья Иосиф, итальянский поэт, родом из Калабрии; с 1855 г. муж Э. И. Лебцельтерн.

⁵ Дочери Коссаковских: Екатерина (1830—19?), ее муж Лемпицкий (1833—19?); Александра (1831—1901), ее муж Сигмунд Платер (1813—1892).

⁶ Возможно, Иосиф-Мечеслав Ходкевич. Сведений о нем найти не удалось.

201. Э. С. и Н. Д. Свербеевым

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 246, л. 105—106 об., 178—179 об. — письмо ошибочно было разделено, вторая его часть оказалась присоединенной к другому письму

¹ Любомирская Екатерина Николаевна (урожд. гр. Толстая, 1789—1870), кн.; ее муж Любомирский Константин Ксаверьевич (1786—1870), кн., участник Отечественной войны 1812 г. — помещики Киевской и Могилевской губерний.

² Возможно, номера какого-то периодического издания. По письму Свербеева уточнить не удалось.

³ Саша — дочь Коссаковских.

⁴ Возможно, *Ходкевич Александр-Евстафий* (1780—?), генерал, сенатор, кастелян Царства Польского.

⁵ В письме от 31 мая 1858 г. *Трубецкой* писал о Женеве: «Я думаю, что вы останетесь довольны пребыванием в этом городе. Нравы швейцарских маленьких республик не то, что Северо-Американских Штатов, аристократы есть и в Женеве, но всегда бывало довольно количество людей замечательных» (ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 246, л. 98).

⁶ Рекомендую *Свербеевым* соблюдать во Франции «самую крайнюю осторожность», *Трубецкой* советовал им познакомиться и сблизиться с Я. Н. Толстым (письмо 187), не подозревая о его роли осведомителя русского правительства.

⁷ *Иван* — кучер у *Трубецкого*.

⁸ *Варшавским* военным ген.-губернатором с 1856 г. был *Панютин Федор Сергеевич* (1790—1865), участник Отечественной войны 1812 г., ген.-майор (с 1828 г.), однополчанин *Трубецкого* по *Семеновскому* полку; с 1861 г. член Государственного совета.

202. З. С. и Н. Д. Свербеевым

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 246, л. 107—108

¹ *Гурьева Марина Дмитриевна* (урожд. *Нарышкина*, 1798—1871), гр., жена русского посланника в Неаполе гр. *Н. Д. Гурьева* (1792—1849), однополчанина *Трубецкого* по *Семеновскому* полку (1810—1813).

² *Гагарина Изабелла Осиповна* (?), урожд. *Калиновская*, кн., сведений о ней найти не удалось.

³ С. Г. Волконский.

⁴ Речь идет о подписании 28/16 мая 1858 г. Айгунского договора с Китаем, по которому России был возвращен левый берег Амура, а Приамурье признавалось принадлежащим России.

⁵ *Иннокентий (Барсуков Вениамин, 1797—1879)*, архиепископ Камчатский. Речь идет о брошюре «Описание сельского духовенства», написанной священником русской церкви в Висбадене И. И. Базаровым (1819—1895) и изданной в Лейпциге. В письме к *Иннокентию* из Баден-Бадена от 1 авг. 1858 г. *Н. Д. Свербеев* сообщал, что собирается послать ему брошюру через своего приятеля. «Описание это,— писал *Свербеев*,— беспощадно, но <...> везде дышит правдой и верно указывает на язвы сословия» (ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 61, л. 13 об.—14).

⁶ Знаменитый хирург *Пирогов Николай Иванович* в 1856—1858 гг. состоял попечителем Одесского учебного округа, в июле 1858 г. его сменил Н. Р. Ребиндер. В Одессе *Ребиндеры* поселились на даче у *Пирогова*, расположенной в 19 верстах от города, и он некоторое время лечил *Александрю Сергеевну*.

⁷ В Баден-Бадене у *Свербеевых* 6 авг. 1858 г. родился сын. В связи с этим А. И. Герцен писал им 23 авг. 1858 г.: «Письмо ваше тем больше обрадовало всех нас—что в нем была хорошая весть о новом *Дмитрии*—ему «Колокол» звонит привет» (Коваль С. Ф. Из архива Н. Д. Свербеева. Письма А. И. Герцена, с. 212).

203. Н. Д. Свербееву

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 93, л. 23—24 об.

¹ Это письмо неизвестно.

² После заключения раздельного акта на наследство, оставшееся после смерти Е. И. Трубецкой, оцененное в 282 996 р. сер. (из них недвижимое имущество составляло 116 730 р. сер.), наследникам полагалось: С. П. Трубецкому 58 240 р.; трем дочерям по 29 120 р.; сыну 137 390 р.

Выйдя замуж, Зинаида Сергеевна не могла получить своего приданого до выяснения размера наследства, и потому ее свекор Д. Н. Свербеев уплатил ей под залог 29 118 р. Елизавета Сергеевна по добровольному соглашению с родными обязывалась уступить причитавшееся ей наследство сестрам.

Из общего капитала в 282 996 р. находилось в долгу за С. И. Борх 135 тыс., за Е. П. Потемкиной 13 191 р., за Н. П. Трубецким 14 200 р. Эти долги, в частности от С. И. Борх, погашались постепенно, и на них выдавались заемные письма.

³ М. П. Позен, богатый полтавский помещик, член полтавской губернской комиссии по крестьянскому делу. О его дочери Муравьевой сведений обнаружить не удалось.

⁴ Речь идет о статье А. Laugel «Les Russes sur le fleuve Amour» (Русские на реке Амур), о которой Н. Д. Свербеев сообщал Трубецкому в письме от 16/28 авг. 1858 г.

204. Э. С. и Н. Д. Свербеевым

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 246, л. 109—111 об.

¹ Упомянутые письма неизвестны.

² Иван Кузьмич Подколесин и Илья Фомич Кочкарев — персонажи пьесы Н. В. Гоголя «Женитьба». Григорьев и Лебедев — актеры иркутского театра.

³ Н. Н. Муравьев был в 1858 г. произведен в полные генералы, получил титул графа с присоединением к фамилии «Амурский» и земельную аренду.

205. Э. С. и Н. Д. Свербеевым

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 246, л. 114—115 об.

¹ Кошкуль Вера Павловна (?) (урожд. Ломоносова), гр., двоюродная сестра Н. Д. Свербеева.

² Н. Д. Свербеев 17 нояб. 1858 г. писал Трубецкому: «Подчас имею желать прекращения нашей бродячей жизни, и потому мысль о переселении в Сибирь более и более занимает» (ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 72, л. 83).

³ Н. Н. Муравьев-Амурский в письме к Н. Р. Ребиндеру от 28 февр. 1859 г. сообщал: «Теперь в моем одиночестве чувствую более, чем когда-либо, отсутствие всех тех, которые некогда украшали Восточную Сибирь» (ЦГИА, ф. 1657, оп. 1, д. 57, л. 1—1 об.).

⁴ В журнале «Современник», 1858, № LXXI был опубликован рассказ Владимира Елагина «Откупное дело»: 1-я часть под названием «Следствие» и 2-я — «Суд». В рассказе изображена край-

не неприглядная картина взяточничества, казнокрадства, ограбления и спаивания народа «денежными тузами». Эти их действия всячески поддерживались официальными губернскими властями. Не называя точного места действия и фамилий чиновников, автор дал возможность узнать в приведенных им характеристиках многих дельцов Восточной Сибири, что и вызвало негодование известного откупщика Бенардаки, а также Н. Н. Муравьева-Амурского.

⁵ Моллер Александра Николаевна (урожд. Муравьева). Ее муж — Моллер, подполковник, с 1855 г. личный адъютант Н. Н. Муравьева.

⁶ Пушин Павел Сергеевич (1785 — 1865), участник Отечественной войны 1812 г., ген.-майор в отставке, глава кишиневской масонской ложи «Овидий», член кишиневской управы Союза благоденствия; к следствию привлечен не был. Его жена Бриммер Генриета Адольфовна, сестра Ланжерон Елизаветы Адольфовны. Сведения о ее первом браке с кн. Аргутинским не обнаружено.

⁷ М. А. Муравьев (1842 — 1887), сын декабриста А. М. Муравьева, впоследствии был ялтинским уездным предводителем дворянства.

⁸ Петрово-Соловово Михаил Григорьевич (1840 — ?), сын камергера Соловово Григория Федоровича (1806 — 1879) и Натальи Сергеевны (урожд. кн. Гагариной, 1815 — 1893). Степень родства Гагарина с Трубецким установить не удалось.

206. З. С. и Н. Д. Свербеевым

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 246, л. 118—119 об.

¹ Ходили слухи о преобразовании Восточной Сибири в наместничество во главе с Н. Н. Муравьевым-Амурским.

² В письме от 19—20 нояб. 1858 г. Трубецкой сообщал Свербеевым о слухах относительно отказа Н. И. Пирогова от должности попечителя в связи с тем, что ген.-губернатор отменил его решение об исключении из университета двух студентов за недостойное поведение (ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 246, л. 117 об.).

207. З. С. и Н. Д. Свербеевым

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 86, л. 78—80 об.

¹ Воронцов Семен Михайлович (1823 — 1882), гр.: его жена Мария Васильевна (урожд. кн. Трубецкая, 1819 — 1895) и семья их дочери Екатерины Семеновны (в замуж. леди Пемброк). Воронцовым принадлежал в Алушке дворец, построенный английским архитектором Э. Блором в стиле загородных вилл эпохи Возрождения. Н. Д. Свербеев в письме к архиепископу Иннокентию от 15 июня 1859 г. сообщал, что они побывали у Воронцовых в их алушкинском дворце (ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 61, л. 23 об.).

² Элихта — золотonosный прииск, разрабатываемый А. В. Поджио в компании с Трубецким (ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 35).

³ Бяратинский Александр Иванович (1815 — 1879), кн., ген.-фельдмаршал, командующий Отдельным Кавказским корпусом; с 1856 г. — наместник Кавказа.

⁴ Ковалевский Евграф Петрович (1792 — 1867), министр народного просвещения (1858 — 1861), член Государственного совета.

208. З. С. и Н. Д. Свербеевым

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 86, л. 80а—80б об.

¹ А. С. Ребиндер сообщала сестре 11 дек. 1858 г. о том, что А. И. Давыдова решила обратиться за советом относительно больной дочери Софьи к Пирогову, который и рекомендовал вывезти ее за границу (ЦГИА, ф. 1657, оп. 1, д. 149, л. 102).

² Буссе Николай Васильевич, полковник, чиновник по особым поручениям при Н. Н. Муравьеве-Амурском; с 1858 г. ген.-майор. военный губернатор Амурской области.

³ Личность Васильева установить не удалось.

⁴ Имеется в виду опубликованный в русской печати и перепечатанный за границей рескрипт Александра II петербургскому ген.-губернатору гр. П. Н. Игнатьеву от 5 дек. 1857 г. об образовании из выборных дворян губернского комитета для подготовки проекта крестьянской реформы; вслед за этим к концу 1858 г. были открыты губернские комитеты во всех губерниях Европейской России (кроме Архангельской, в которой не было крепостных крестьян и дворянских организаций).

⁵ 13 июня 1853 г. кн. Кочубей Лев Викторович пытался убить своего бывшего управляющего имениями Игнатия Зальцмана, обвинившего князя в занятиях контрабандой и подавшего на него жалобу за невыплату содержания и отставку от должности. В результате многолетнего пристрастного ведения дела Петербургской уголовной палатой, а затем Сенатом Зальцман был обвинен во многих не относящихся к делу попустительствах, а Кочубей, серьезно его ранивший из пистолета, остался безнаказанным. Эта история была разоблачена «Колоколом» в статье «Что значит суд без гласности» («Колокол», 1858, 1 янв., л. 7, факсимильное изд., с. 51—58).

209. З. С. и Н. Д. Свербеевым

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 86, л. 81—82 об.

¹ 11 (23) дек. 1858 г. Н. Д. Свербеев писал: «Отец порадовал меня тем, что не оспаривал более нашего намерения вернуться в Сибирь», — и спрашивал мнения Трубецкого (ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 72, л. 92—93).

² Галахова Наталья Алексеевна (урожд. Пешурова, 1821—1885), Пешурова Варвара Алексеевна (1820—1909), М. А. Трубецкая — дочери Пешурова Алексея Никитича (1779—1849), штабс-капитана Семеновского полка, позднее опочечного уездного, затем псковского губернского предводителя дворянства (1822—1829), псковского гражданского губернатора (1830—1839).

³ Алопеус Федор Давыдович, ген.-майор, одесский градоначальник; его жена — Александра Петровна (урожд. бар. Фридерикс).

⁴ Речь идет о Н. Н. Муравьеве-Амурском и возможном оставлении им службы в Восточной Сибири.

⁵ Упомянутые письма Д. Н. Свербеева сыну неизвестны, однако по письму Н. Д. Свербеева Трубецкому от 25 окт. 1858 г. мож-

но предположить, что в них высказывались мысли о ходе работы губернских комитетов по подготовке проекта крестьянской реформы. По-видимому, Д. Н. Свербеев не верил в благополучное разрешение крестьянского вопроса и накидывал, по выражению Трубецкого, «темное покрывало на наш горизонт».

⁶ *Черкасский Владимир Александрович* (1824 — 1878), кн., в конце 1857 г. был избран в Тульский губернский комитет по улучшению быта помещичьих крестьян; был сторонником освобождения крестьян с землей, но за выкуп. Написал статью «Основание и размер поземельного надела крестьян», в которой выступил «<...> с такой замечательной диалектикой, что когда его читаешь, то сначала убеждаешься в необходимости изменения существующего у крестьян надела и соглашаешься вполне с противниками воззрений самого князя, а потом, читая далее, встречаешь еще сильнее доводы в пользу его мнения за оставление существующего надела, и всякое в этом сомнение рассеивается совершенно» (Семенов Н. П. Освобождение крестьян в царствование имп. Александра II. Хроника деятельности комиссий по крестьянскому делу. СПб., 1889, т. 1, с. 204 — 205).

⁷ *Серакаприола — Серра-Каприола Антонио Мареска* (1750 — 1822), герцог, неаполитанский посланник в Петербурге (1782 — 1807, 1814 — 1822); его жена *Анна Александровна* (урожд. кн. Вяземская, 1770 — 1840). В недошедшем до нас письме Свербеевых, возможно, шла речь об их намерении встретиться в Неаполе с родственниками прежних знакомых отца.

210. Н. Д. Свербееву

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 86, л. 83—84 об.

¹ В письме от 10 (22) янв. 1859 г. Н. Д. Свербеев сообщал, что получил известие от С. Г. Волконского о том, что до них дошла молва о предполагаемом назначении Н. Р. Ребиндера посланником в Пекин (ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 72, л. 100).

² «Свадьба Кречинского» — пьеса русского драматурга А. В. Сухово-Кобылина.

³ В упомянутом письме Н. Н. Муравьев-Амурский, говоря об учреждении в Одессе торговой компании, обращался к Трубецкому: «Вы бы очень меня порадовали, сообщив ваш взгляд на нынешнюю Одессу и на действие этой торговой компании, которой, кажется, суждено играть важную роль в Севастополе и Черном море <...>» (ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 61, л. 1—1 об.).

⁴ М. С. Корсаков; Н. В. Буссе; *Невельской Геннадий Иванович* (1813 — 1876), морской офицер, один из активных участников присоединения Приамурья к России; в 1853 г. командовал Амурской экспедицией, с 1854 г. контр-адмирал, член Морского ученого комитета (с 1857 г.). Был женат на *Ельчаниновой Екатерине Ивановне*, выпускнице Смольного института, подруге Саши Трубецкой; П. В. Казакевич после образования Приморской обл. Восточной Сибири, в состав которой вошли Камчатская обл., Удский и Приамурский края с центром в г. Николаеве-на-Амуре, был назначен военным губернатором Приморской области и командиром Сибирской флотилии и портов Восточного океана (1856 — 1871), в контр-адмиралы произведен в 1857 г.; *Мартынов* — личный адъютант Му-

равьева-Амурского; Б. К. Кукель — начальник штаба войск Иркутского военного округа.

⁵ Речь идет о предполагаемом назначении посланником в Пекин Н. Р. Ребиндера, который хотя и расходился с Н. Н. Муравьевым в вопросе о значении кяхтинского торго, но в целом был согласен с его мнением о необходимости укреплять и расширять русско-китайские отношения и достаточно осведомлен о положении «у наших соседей», то есть в Китае.

⁶ Генерал-адмирал — вел. кн. Константин Николаевич.

211. З. С. и Н. Д. Свербеевым

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 86, л. 85—86 об.

¹ Манукбей (урожд. Делянова) Елена Давыдовна, жена Манукбея (Манук-Бей) Ивана (Мурата) Эммануиловича (1840—?), чиновника канцелярии (1833—1836) новороссийского и бессарабского ген.-губернатора, помещика Бессарабской и Херсонской губ.

² Имеется в виду преобразование Ришельевского лицея в университет, вопрос о котором был поднят еще Н. И. Пироговым в бытность его на должности попечителя Одесского учебного округа. Идею Пирогова разделял и Н. Р. Ребиндер.

Строганов Александр Григорьевич (1795—1891), гр., военный ген.-губернатор Черниговской, Полтавской и Харьковской губ., управление которого находилось в Одессе.

³ Е. В. Путятин, у которого были разногласия с Муравьевым-Амурским.

⁴ О каком генерале идет речь, установить не удалось.

212. Е. Н. Муравьевой

ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 46, л. 9—10 об.—
черновой автограф

¹ Дата и место устанавливаются по письму Трубецкого к Свербееву от 30 янв. 1859 г. Он сообщает о полученном от Н. Н. Муравьева адресе его жены, которым Трубецкой собирался «незамедлительно» воспользоваться.

213. З. С. и Н. Д. Свербеевым

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 86, л. 89—90 об.

¹ 6 (18) февр. 1859 г. Свербеев писал Трубецкому, что был в Палермо на фрегате «Громобой» и корвете «Баян», где встретился со многими моряками-амурцами (ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 72, л. 107—108). В 1858—1859 гг. была сформирована средиземноморская эскадра под командованием контр-адмирала К. И. Истомина. С 1 по 6 февр. эскадра стояла в Палермской гавани (ЦГАВМФ, ф. 870, оп. 1, д. 7748 а 7893 а, 8034).

² Речь идет о политической обстановке и возможном между Австрией и Францией военном конфликте.

³ О каком камне идет речь, установить не удалось.

⁴ Вассель, Шатилов — лица неустановленные.

214. Е. И. Якушкину

ЦГАОР, ф. 279, оп. 1, д. 677, л. 4—5

¹ Н. Р. Ребиндер был назначен 8 февр. 1859 г. директором Департамента народного просвещения.

215. З. С. и Н. Д. Свербеевым

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 246, л. 130—131 об., д. 86, л. 87 об.—88

Часть этого письма от пометы «30» и до конца ошибочно присоединена к письму от 10 февр. 1859 г.

¹ Содержание упоминаемого письма Трубецкого от 12 (24) февр. 1859 г. (ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 246, л. 180—180 об.) в значительной степени повторяется в письме 219 от 28 февр. (7 марта) 1859 г. и потому не публикуется.

² Народный протест против крепостничества вылился с середины 1850-х гг. в массовое трезвенное движение, направленное против откупной системы. Особо острый характер это движение приняло в 1859—1861 гг. Повсеместно распространяемые общества трезвости вскоре перешли к массовому разгрому питейных заведений. Под влиянием трезвенных «бунтов» усилились выступления крепостных крестьян за «волю» против помещиков. Опасаясь роста народного протеста, правительство запрещало печатать в газетах какие-либо сведения о трезвенном движении (Федоров В. А. Крестьянское трезвенное движение в 1858—1860 гг.—В кн.: Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1962, с. 107—127).

216. И. С. Трубецкому

ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 190, л. 5—6

¹ Год и место устанавливаются по содержанию.

² Трубецкой отправил Ваню и Федю из Одессы в Сабы к Давыдовым. Сам Сергей Петрович с Сашей поехал в Севастополь. «Были на Малаховом кургане,—сообщала Ребиндер мужу,—на могилах четырех адмиралов, в доках и на Бастionaх. Такого разорения невозможно представить. Извозчик показывал дорогой, где что происходило, указал на батарею, построенную бабами, которых выслали, но они не ушли, сделали себе укрепления не хуже других. Не могу пройти все это молчанием, потому что все видимое и слышанное произвело на меня сильное впечатление. Хотя все более или менее известно, но тысячу подробностей узнаешь только на месте. Ехали по Воронцовской дороге. Внизу видны следы неприятельского лагеря. Мы проехали по самым тем местам, где был жестокий бой под Черной...» (ЦГИА, ф. 1657, оп. 1, д. 65, л. 18—19). В письме от 1 июля 1859 г. А. С. Ребиндер писала мужу, что 28 мая они с Сергеем Петровичем и Давыдовыми ездили в Бахчисарай, который «<...> с своими татарами напомнил мне Маймачин, хотя он и не похож на него, но есть что-то общее <...>. Мы осмотрели мечеть, сады и фонтаны, видели ханские гробницы. Унтер-офицер, показывавший нам дворец, объяснял все, как умел, и рассказывал в прозе то, что Пушкин воспел в стихах. Хотя предмет один и тот же, но я предпо-

читаю рассказ последнего» (ЦГИА, ф. 1657, оп. 1, д. 65, л. 56).
³ Балакишин Николай Яковлевич (1792 — 1870), ялutorовский купец, служивший у откупщика и золотопромышленника Н. Ф. Мясникова. Помогал декабристам в пересылке нелегальных писем; возможно, через него велась ранее переписка с А. Л. Кучевским.

⁴ Беков (Боков) — лицо неустановленное. Михневич Иосиф Григорьевич, помощник попечителя Киевского учебного округа, профессор Ришельевского лицея (с 1850 г.).

217. И. С. Трубецкому

ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 190, л. 3—4 об.

¹ Трубецкой с дочерью Елизаветой Давыдовой встречал в Севастополе возвратившихся из заграничного путешествия через Константинополь по Черному морю Свербеевых. А. С. Ребиндер писала мужу в Петербург 16 мая 1859 г.: «Наши путешественники приехали. Зина не изменилась нисколько. Мальчик у них прехорошенький, но Николай Дм[итриевич] переменялся, ужасно похудел» (ЦГИА, ф. 1657, оп. 1, д. 65, л. 35 об.).

218. Н. Д. Свербееву

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 86, л. 93—93 об.

¹ Н. А. Галахова.

² «Одесский вестник» — газета, выходившая с 1828 г. Речь идет о начавшейся в конце апр. 1859 г. франко-итальянской войне против Австрии, в которой Италия преследовала цель освобождения от австрийского господства и воссоединения страны. В осуществлении победоносного наступления в Ламбардин, которая получила независимость, большая роль принадлежала вождю итальянской революционной демократии национальному герою Италии Джузеппе Гарибальди.

³ Имеется в виду австрийский корпус, стоявший в Галиции.

219. И. С. Трубецкому

ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 72, л. 218—218 об. — карандаш

¹ Год устанавливается по содержанию.

² С. П. Трубецкой выехал из Одессы 29 июля, провожал Сашу с ее детьми до Москвы, где ее должен был встретить Н. Р. Ребиндер. Ваня и Федя выехали вслед за ними.

220. Н. Д. Свербееву

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 86, л. 96—97 об. —
конец письма утрачен

¹ Матильда — лицо неустановленное, возможно, няня Мити Свербеева.

² Смирнов — домашний врач Свербеевых в Москве.

221. Э. С. и Н. Д. Свербеевым

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 246, л. 136—137

¹ Письмо от 11 сент. 1859 г. (ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 86, л. 134—135 об.) не публикуется, поскольку содержание его поглощается письмом от 12 сент.

² Гостиница «Лондон» в Москве, находилась в Охотном ряду.

³ М. С. Волконский с женой Елизаветой Григорьевной (урожд. кн. Волконской).

⁴ Семен — служитель в доме Свербеевых.

222. Е. И. Якушкину

ЦГАОР, ф. 279, оп. 1, д. 677, л. 7—8

¹ В авг. 1858 г. Трубецкой писал И. И. Пущину. Письмо это не сохранилось, но выдержка из него приводится в письме Пущина к Е. И. Якушкину от 27 авг. 1858 г.: «Сегодня я получил от Трубецкого письмо, в котором он говорит следующее: «В делах артели я участвую на половину того, что вы посылаете Быстрицкому, а так как в прошлом году я ничего не давал, то я это заменю в нынешнем; выдайте ему все суммы сполна, считая, как вы мне указали, к 26 августа,—следовательно, он будет обеспечен по такое же число будущего 1859 года <...>» (Пущин И. И. Записки о Пушкине. Письма, с. 351).

² А. А. Быстрицкий 19 февр. 1859 г. сообщил Трубецкому о своем намерении перебраться из Махновки в г. Хмельник Подольской губ. в связи с женитьбой (ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 52, л. 7 об.). И. И. Пущин в письме к Нарышкиным от 29 мая 1859 г. писал: «Быстрицкий женился на Изабелле, родовитой польке, и живет в Хмельнике. Артель прибавила ему годовой оклад» (там же, с. 359). 25 нояб. 1859 г. Быстрицкий уведомил Трубецкого, что письмо и 200 рублей от него он получил (ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 52, л. 9).

³ И. И. Пущин до конца жизни оставался казначеем «малой артели», собирал для нее деньги и рассылал нуждающимся декабристам и их семьям; после его смерти казначеем стал Е. И. Якушкин.

⁴ Якушкина Елена Густавовна (урожд. Кнорринг), жена Е. И. Якушкина с 13 февр. 1848 г.

223. Е. И. Якушкину

ЦГАОР, ф. 279, оп. 1, д. 677, л. 11—12 об.

¹ Н. Щ.—возможно, Щукин Николай Семенович (1792—1870), сибирский писатель и краевед. Оставил воспоминания о 14 дек. 1825 г. и о А. А. Бестужева. В 1850-е гг. жил в большой бедности. Подробнее о нем см.: Постнов Ю. С. Н. С. Щукин и его очерк «Александр Бестужев в Якутске».—Изв. Сибирского отделения АН СССР. Сер. общественных наук. Новосибирск, 1975, вып. 3, с. 116—123.

² В письме от 17 окт. 1859 г. П. А. Горбунов писал Трубецко-

му о смерти В. А. Бечасного (ЦГАОР, ф. 1143 оп. 1, д. 54, л. 3).

³ Упомянутое письмо Трубецкого об университетском образовании неизвестно, и потому установить суть его рассуждений по этому вопросу не представилось возможным.

⁴ Шамиль (ок. 1798—1871), имам (верховный правитель), возглавивший в 1834 г. национально-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни против царских войск. Опираясь на крестьянство и духовенство, создал военно-теократическое государство. В 1859 г. был осажден войсками кн. А. И. Барятинского в ауле Гуниб и сдался в плен. Был поселен в Калуге. В 1870 г. выехал в Мекку, где и умер.

⁵ А. Н. Муравьев, нижегородский губернатор, брат М. Н. Муравьева, дядя Е. И. Якушкина по матери (о нем см. примеч. 3 к письму 234).

224. М. И. Муравьеву-Апостолу

ЦГАОР, ф. 279, оп. 1, д. 238, л. 1—3

¹ Дата устанавливается по содержанию: Трубецкому было разрешено приехать в Москву в авг. 1859 г. В дек. 1859 г. на несколько дней приехала в Москву семья Поджио.

² О каких тетрадках идет речь, неизвестно, возможно, что одна из них — рукопись воспоминаний И. Д. Якушкина, две другие — самого М. И. Муравьева-Апостола.

³ Дом С. Н. Бибиковой (Нонушки) на Малой Дмитровке в Москве (ныне ул. Чехова, 23; прежний дом не сохранился).

225. Е. И. Якушкину

ЦГАОР, ф. 279, оп. 1, д. 677, л. 9—10

¹ Киреев Иван Васильевич (1803—1866), прапорщик 8-й артиллерийской бригады, член Общества соединенных славян. Осужден по II разряду к пожизненной каторге. На поселении с 1836 г. в Минусинске. После амнистии остался в Минусинске, а в 1861 г. переехал в Калугу, затем в Тулу, где и умер. Получал пособие от «малой артели».

² Костров Николай Алексеевич (1823—1881), историк-этнограф Сибири. Выпускник Московского университета, с 1846 г. чиновник по особым поручениям при енисейском губернаторе в Красноярске, с 1855 г. минусинский окружной начальник. Относился к декабристам с доброжелательностью, оказывал им материальную помощь. Под «минусинскими» имеются в виду семьи умерших декабристов А. И. Тютчева и Н. О. Мозгалева. Первый женился на крестьянке Анне Петровне Жибиновой, склонной к болезненному запое. После смерти мужа она с горя совсем опустилась и забросила детей. Евдокия Ларионовна Мозгалева после смерти мужа осталась с восемью детьми и очень нуждалась. Декабристы из средств «малой артели» и личных средств помогали семьям своих товарищей (Богданова М. М. Жены декабристов сибирячки. — В кн.: В сердцах Отечества сынов, с. 246—247, 257).

³ Свой пай в «малую артель» Трубецкой по согласованию с

казначеем отсылал иногда непосредственно «опекаемому» декабристу или оставшемуся после него семейству.

226. Э. С. Свербеевой

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 246, л. 142—143 об.

¹ В февр. 1860 г. Трубецкому было разрешено приехать в Петербург для урегулирования имущественных дел и для свидания с больной дочерью А. С. Ребиндер.

² Мать — невестка С. П. Трубецкого А. А. Трубецкая, жена Н. П. Трубецкого; их дочь Александра, в замуж. Голицына.

³ Д. А. Оболенский.

227. Н. Д. Свербееву

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 86, л. 110—111

¹ Год и место устанавливаются по содержанию этого и следующего письма Свербееву от 29 февр. 1860 г.

² Содержание бумаг неизвестно.

³ К. Я. Дараган, инженер, в 1845 г. состоял чиновником по особым поручениям при ген.-губернаторе Восточной Сибири В. Я. Руперте. В дальнейшем занимался предпринимательством, в частности, строительством пароходов на Байкале. Был близок с А. В. Поджио, в 1860-е гг. пригласил его в свое подмосковное имение Никольское в качестве управляющего.

⁴ Лет (Летт) Роберт Николаевич, управляющий имениями Трубецких в Пензенской губ.

⁵ Оболенский Андрей Васильевич (1825 — 1875), кн., с 1 марта 1858 г. председатель калужской палаты гражданского суда и член калужского комитета по улучшению быта помещичьих крестьян, депутат от дворянского калужского губернского комитета.

⁶ Державин Гавриил Романович (1743 — 1816), поэт, статс-секретарь Екатерины II, сенатор, член Верховного тайного совета, министр юстиции. Оставил воспоминания под названием «Записка из известных всем происшествий и подлинных дел, заключающая в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина». Опубликована в журнале «Рус. беседа» (М., 1859, № 1—5).

⁷ Шапошников — лицо неустановленное.

228. Н. Д. Свербееву

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 86, л. 98—99 об.

¹ Упоминаемое письмо Н. Д. Свербеева не обнаружено. Скорее всего, известия, им сообщенные и рассердившие Батенькова, касались назначения председателем Редакционной комиссии гр. Панина вместо Ростовцева, о чем в эти же дни Свербеев писал архиепископу Иннокентию: «Со смертью Як. Ростовцева в председатели Редакционной комиссии прочат Панина. Консерваторы радуются этому искренно. Панин во всем противоположен покойному — он аристократ, богатый помещик, человек старого порядка вещей и убеждений, его фигура как-то не клеится с освобождением крестьян

<...>» (ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 61, л. 33 об.). «Консервативная партия стоит за освобождение крестьян без земли» (там же, л. 35 об.).

² Возможно, имеются в виду лекции академика Ленца Эмилия Христиановича (1804—1865), который с 1840 г. возглавлял физико-математический факультет Петербургского университета и вел ряд курсов, пользовавшихся огромным успехом. О профессоре Мелинари (?) сведений найти не удалось.

³ Рябинин — вероятно, Алексей, родственник И. И. Пущина, проживавший в Москве в одном доме с Трубецким и состоявший в близких отношениях с семьей Свербеевых.

⁴ Сведений о дуэли между Бельским и Певцовым найти не удалось.

⁵ Согласно указам от 6 мая 1859 г. и 14 янв. 1860 г. за студентами устанавливали полицейскую опеку и усиливали надзор со стороны университетского начальства, что вызвало в начале 1860 г. вспышку студенческих волнений (История Ленинградского университета. 1819—1869. Л., 1969, с. 68). Под «известным отделением» имеется в виду III Отделение.

⁶ Это последнее письмо Я. Д. Казимирского (он умер в начале марта 1860 г.) Трубецкому, в котором он делился своими планами с декабристом: «У меня родилась мысль и какая? Вот уж не догадаетесь! <...> Я хочу написать записки нерчинского плац-майора в 1834, 38 и 39 годах о бывших государственных преступниках!!! Никто, кроме меня, не может и не имеет права писать об вас! Скажите это Матвею Ив[ановичу] и еще, что его слова в Москве вечером у меня надоумили меня и указали мне мою грешную леность! Я надеюсь написать как следует, но сперва хочу знать, будут ли довольны тем мои петровские друзья? Поговорите о том, с кем видите, и напишите мне. Спросите Оболенского, Басаргина непременно и прочих, кто есть, а я готовлю план. Мысль недурна и велика! Вас не знают до сих пор. Вас считают совсем ошибочно, надобно вас показать, как вы есть и чем были. Вы принадлежите истории, а кроме меня некому описывать вас — и я опишу и надеюсь, что с успехом <...>. Подумайте хорошенько об этом и поговорите с Басаргиным и Мат[веем] Ив[ановичем], я жду ответа, но сперва поговорю о том с графом» [Н. Н. Муравьевым-Амурским.— В. П.] (ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 89, л. 9—9 об.).

229. Г. С. Батенькову

ГБЛ, ф. 20.13.22, л. 21—22 об.

¹ Свербеева Софья Дмитриевна (?—1903), сестра Н. Д. Свербеева, издательница мемуаров Д. Н. Свербеева.

² Овер Александр Иванович (1804—1864), известный московский врач, профессор Московского университета.

³ Подчасский Лев Ипполитович (1836—1863), внебрачный сын И. И. Подчасского и «неизвестной дворянки». Современники считали, что он был сыном Е. П. Потемкиной (Русские портреты XVIII—XIX столетий. Изд. вел. кн. Николая Михайловича. СПб., 1907, т. 3, вып. 2, л. 68).

230. Г. С. Батенькову

ГБЛ, ф. 20.13.22, л. 23—24 об.

¹ Н. Н. Муравьев-Амурский намеревался оставить службу. Н. Д. Свербеев сообщал архиепископу Иннокентию: «Положение Николая Николаевича трудное, дело его не оценено, даже говорит кое-кто, что приобретение Амура России в тягость» (ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 61, л. 35 об.).

² Спешнев Николай Александрович (1821—1882), один из активных участников кружка М. В. Петрашевского; в дек. 1849 г. был осужден на 12 лет каторги, которую отбывал в Александровском заводе Нерчинского округа. На поселение вышел в 1856 г. Жил в Иркутске. П. А. Горбунов писал Трубецкому 10 июля 1857 г.: «У нас в Иркутске начали издавать губернскую газету. Редактором ее Спешнев. До сих пор замечательного в ней одно: имя редактора» (ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 54, л. 2 об.). Бюцев Евгений Карлович, чиновник особых поручений по дипломатической части при Н. Н. Муравьеве-Амурском, сменивший Н. Д. Свербеева.

³ Очевидно, слух был об аресте в Иркутске М. В. Петрашевского и Ф. Н. Львова в февр. 1860 г. за их выступления против местных властей и за пропаганду передовых идей (оба были сибирскими корреспондентами А. И. Герцена). Петрашевского выслали в с. Шушенское Минусинского округа, затем в с. Бельское Енисейского округа, где он умер 7 февр. 1866 г. (Письма политических ссыльных в Восточной Сибири, с. 311). Ф. Н. Львов за корреспонденцию об «иркутской дуэли» (убийство чиновником Беклемишевым чиновника Неклюдова) был в янв. 1860 г. уволен от службы и, не найдя себе места в Иркутске, поселился, по приглашению В. Ф. Раевского, в Олонках (Раевский В. Ф. Материалы о жизни и революционной деятельности, т. 2, с. 498—499).

⁴ В лице Панина крайне правые депутаты нашли сильную поддержку, в результате чего были пересмотрены нормы земельных наделов в сторону понижения, а во многих губерниях были повышены нормы крестьянских повинностей.

⁵ 29 марта 1860 г. умер Л. И. Арнольди, муж В. Д. Свербеевой. Троица—Троице-Сергиевская лавра под Москвой, куда отправлялись на богомолье (ныне г. Загорск).

231. А. Д. Вакару

ЦГАОР, ф. 1143, оп. 2, д. 10, л. 9—10 —
черновой автограф, карандаш

¹ Вакар Андрей Давидович, управляющий имением Борков в Пензенской губ.; одновременно управлял имением Е. И. Трубецкой.

² Датируется по письму С. П. Трубецкого к А. С. Ребиндер от 2 июня 1860 г., в котором упоминается о намерении Трубецкого выехать в Пензенское имение 3 июня 1860 г., и к его приезду Вакар должен был подготовить жилой дом.

³ А. М. Борх.

232. А. С. Ребиндер

ЦГИА, ф. 1657, оп. 1, д. 158, л. 13—14 об.

¹ Соден — город-курорт близ Франкфурта-на-Майне. Славился минеральными источниками.

² Сетуха — имение З. С. и Н. Д. Свербеевых в Новосильском уезде Тульской губ. Свербеев сообщал архиепископу Иннокентию 1 янв. 1860 г., что 4 дек. 1859 г. купил имение в Тульской губ. на границе с Орловской за 129 тыс. рублей сер. (ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 61, л. 28). Имение прежде принадлежало кн. Черкасской и называлось Покровское (там же, д. 49, л. 131).

³ Загевольд — имение С. И. Борх в Лифляндской губ. (ныне Сигулда Латвийской ССР), позднее перешло к правнуку А. Г. Лаваль Н. Д. Кропоткину, владельцу большой коллекции семейных портретов. В 1905 г. при организации в Петербурге с участием С. Н. Дягилева так называемой Таврической выставки портретов из собрания Н. Д. Кропоткина было представлено 72 портрета, в том числе портреты Е. И. Трубецкой, А. Г. и И. С. Лавалей, Е. П. Потемкиной.

⁴ Дети С. И. Борх — Ольга (1847 — 1898), впоследствии жена кн. Д. Н. Кропоткина, харьковского губернатора, убитого 9 февр. 1879 г. Г. Гольденбергом, членом организации «Земля и воля»; Виктор (1841 — 1897).

⁵ Бестужевы: Елена, Ольга и Мария — сестры декабристов.

233. З. С. Свербеевой

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 246, л. 150 — 151 об., д. 86, л. 117 — 117 об. — это письмо было ошибочно разъединено (см. ниже примеч. 5)

¹ Нина — дочь И. И. Пушкина Анна Ивановна.

² Пушкин Иван (1849 — 1923), сын декабриста, жил при отце и вместе с ним выехал в 1856 г. в Россию. Мальчик был усыновлен братом Пушкина Николаем и официально назывался Иваном Николаевичем.

³ Отец М. А. Дороховой — Плещеев Александр Алексеевич (1778—1862), член литературного общества «Арзамас», автор стихов и пьес, театрал, композитор, постоянно проживал в Петербурге, был близок с Пушкиным, Жуковским, состоял в родстве с Н. М. Карамзиным.

⁴ Мария Карловна Фон-Валь, гувернантка в доме Трубецких еще при жизни Екатерины Ивановны.

⁵ При формировании дела окончание письма со слов: «Вот тебе расписка Мебеуса <...>» было ошибочно отнесено к другому письму и определено к д. 86 (л. 117 — 117 об.). Здесь оно помещено вслед за основным текстом.

⁶ Мебеус — лицо неустановленное, возможно, фотограф, так как речь идет о портретах С. П. Трубецкого и А. С. Ребиндера.

⁷ С. Д. Свербеева страдала нервными припадками.

⁸ Арнольди Александр Иванович (1817 — 1898), брат Л. И. Арнольди, воспитанник Пажеского корпуса, корнет л.-гв. Гродненского полка, однополчанин и близкий знакомый М. Ю. Лермон-

това; мемуарист художник-дилетант, оставил зарисовки памятных лермонтовских мест в Пятигорске, в том числе временной могилы поэта на пятигорском кладбище, а также воспоминания о М. Ю. Лермонтове, опубликованные впервые в 1952 г. (ЛН, т. 58, с. 449—476).

⁹ Унковский Алексей Михайлович (1828—1893), общественный деятель, выпускник Московского университета; с февр. 1857 по дек. 1859 г. дворянский предводитель Тверской губ., автор либерального проекта отмены крепостного права. В конце 1859 г. за передачу царю адреса тверского дворянства, настаивавшего на обсуждении крестьянского вопроса, был отстранен от должности предводителя дворянства, в февр. 1860 г. сослан в Вятку, а в сент. того же года был возвращен.

¹⁰ К «некоторым статькам покойного», скорее всего, относятся воспоминания Л. И. Арнольди о Н. В. Гоголе, которые предполагалось тогда опубликовать и которые впервые были напечатаны в 1862 г. в «Рус. вестнике» (М., 1862, т. 37, с. 54—95).

¹¹ С. И. Борх выслала на имя С. П. Трубецкого заемный билет в счет своего долга Свербеевым.

¹² Иноземцев Федор Иванович (1802—1869), известный московский врач.

234. З. С. Свербеевой

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 246, л. 154—155 об.

¹ Витте Петр Христианович, чиновник Министерства иностранных дел, поверенный З. С. Свербеевой в деле составления раздельного акта по наследству Е. И. Трубецкой.

² Юлия — лицо неустановленное, возможно, Юлия (Луиза) Трофимовна Голицына (урожд. Баранова, 1810—1887), жена кн. Голицына Михаила Федоровича, предводителя дворянства Звенигородского и Богородского уездов Московской губ.

³ Муравьев Александр Николаевич (1792—1863), отставной полковник Гвардейского штаба, один из основателей Союза спасения и Союза благоденствия, осужден по VI разряду. Служил городничим в Иркутске (1831—1832), тобольским (1832—1834) и архангельским (1837—1839) губернатором. Был уволен в связи с делом о неподчинении крестьян; вновь принят на службу в 1843 г. и назначен членом совета Министерства внутренних дел. Участник Крымской войны (1853—1855), ген.-майор. Нижегородский губернатор (1855—1861).

⁴ М. К. Фон-Валь; сестры Эк — возможно, воспитательницы в Иркутском девичьем институте, которые переехали в Нижний Новгород вместе с М. А. Дороховой.

⁵ Имеются в виду свояченицы А. Н. Муравьева Александра, Варвара, Клеопатра Шаховские и Мария Михайловна Голынская (урожд. кн. Шаховская). Трубецкой ошибочно назвал ее Прасковьей Михайловной. Останавливаясь в Нижнем Новгороде в 1856 г., Трубецкой видел какую-нибудь одну из княжен Шаховских.

⁶ П. Е. Анненкова и старшая дочь Анненковых О. И. Иванова.

⁷ Анненков Владимир Иванович (1831—1898), старший сын декабриста; в 1878—1898 гг. председатель Самарского окружного суда, весьма демократически настроенный деятель. Его дом посещали

молодые люди — судебные следователи, присяжные поверенные и в том числе В. И. Ульянов (Ленин). В. И. Анненков зачислил В. И. Ленина в январе 1892 г. помощником присяжного поверенного в Самарский окружной суд, и по его же ходатайству в 1892—1893 гг. В. И. Ленину было предоставлено право вести самостоятельно судебные дела. У Анненкова В. И. Ленин видел альбом со стихотворениями некоторых декабристов и среди них А. И. Одоевского «Наш ответ» (на послание А. С. Пушкина «В Сибирь»), строка из которого «Из искры возгорится пламя» была использована в качестве эпиграфа в ленинской газете «Искра» (Иезуитов А. Н. К истории эпиграфа ленинской газеты «Искра». — В кн.: Литературное наследие декабристов, с. 382—389).

⁸ А. М. Борх. Борхам принадлежало в Пензенской губ. Саранского уезда с. Большой Вьяс.

⁹ Гостилицы — имение Т. Б. Потемкиной в Петербургском уезде. В начале 1820-х гг., возможно не без участия С. П. Трубецкого, деятельного в те годы члена Вольного общества учреждения училищ взаимного обучения, в имении была заведена ланкастерская школа взаимного обучения крестьян.

¹⁰ Имеются в виду жалобы крестьян на несправедливо отторгнутые у них управляющим Борхом лесные и другие угодья.

235. Э. С. Свербеевой

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 86, л. 100—101 об.

236. Н. Д. Свербееву

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 86, л. 102—103 об.

¹ Указом Александра II от 30 авг. 1856 г. детям декабристов, в том числе и И. С. Трубецкому, был возвращен княжеский титул (ЦГИА, ф. 1341, оп. 96, д. 229, л. 1—2). 8 июня 1860 г. он был введен в наследственное владение имениями в Пензенской губ. Саранского уезда (там же, ф. 1343, оп. 46, 1864 г., д. 793, л. 2—3, 9, 11—11 об.).

² Е. П. и В. П. Толстые.

³ Бахметьев (Бахметев) Алексей Николаевич (1801—1861), гофмейстер, попечитель Московского учебного округа, помещик Нижегородской и других губ., и его жена Анна Петровна (урожд. гр. Толстая), родственники С. П. Трубецкого по его брату П. П. Трубецкому, женатому на сестре А. Н. Бахметьева Елизавете Николаевне (1800 ?—1825).

237. Н. Р. Ребиндеру

ЦГИА, ф. 1657, оп. 1, д. 187, л. 1—2

238. Э. С. Свербеевой

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 246, л. 156—157 об.

¹ Арапов Александр Николаевич (1801—1872), пензенский гу-

бернский предводитель дворянства, председатель Пензенского губернского комитета по улучшению быта помещичьих крестьян.

² Г. И. Невельской проводил лето 1860 г. с семьей в своем имении в Пензенской губ. Городищенского уезда (Алексеев А. И. Геннадий Иванович Невельской. М., 1984, с. 167).

³ Балабин Виктор Павлович, камергер, действ. статский советник, полномочный представитель Министерства иностранных дел в России при австрийском дворе в Вене.

239. З. С. Свербеевой

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 246, л. 152—153 об.

¹ Парк — Петровский парк в Москве, где снимали дачи С. Н. Бибикова и Волконские (ГПБ, ф. 377, л. 456, л. 3 об.).

² Голицын Павел Васильевич (1822—1871), кандидат восточного факультета Петербургского университета, был женат вторым браком на Е. Н. Трубецкой (1831—?).

³ С. Н. Трубецкой.

⁴ Елена Николаевна — тетка Н. Д. Свербеева, фамилия не установлена.

⁵ В. Д. Свербеев, брат Н. Д. Свербеева.

⁶ Кулешов — лицо неустановленное.

240. Е. Д. Свербеевой

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 297, л. 9

¹ Датируется по письму Трубецкого Н. Р. Ребиндеру от 15 июля 1860 г., в котором сообщалось о получении известия о смерти А. С. Ребиндер на следующий день после приезда Трубецкого в Москву, то есть 10 июля.

² А. С. Ребиндер скончалась в Дрездене 30 июня 1860 г.

241. Н. Р. Ребиндеру

ЦГИА, ф. 1657, оп. 1, д. 187, л. 3—4

¹ А. С. Ребиндер похоронена в Петербурге на кладбище Новодевичьего монастыря рядом с А. А. Борх. Могила сохранилась.

² Сережа — старший сын Ребиндеров.

242. Н. Р. Ребиндеру

ЦГИА, ф. 1657, оп. 1, д. 187, л. 5

¹ Дочь Ребиндеров Екатерина осталась жить в семействе З. С. Свербеевой и называла ее матерью (ЦГИА, ф. 1657, оп. 1, д. 154 — письма Е. Н. Ребиндер З. С. Свербеевой).

243. *Е. Д. Свербеевой*

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 297, л. 7—9

244. *Е. Д. Свербеевой*

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 297, л. 5—6 об.

245. *Э. С. Свербеевой*

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 246, л. 158—159 об.

¹ А. В. Поджио с семьей в 1860 г. поселился в имении своего сибирского знакомого К. Я. Дарагана в с. Никольском Московской губ., где его и навестил С. П. Трубецкой.

² Скорее всего, М. А. Трубецкая и ее семья.

246. *М. И. Муравьеву-Апостолу*

ОПИ ГИМ. ф. 297, оп. 1, д. 10, л. 44—45

¹ Н. Н. Трубецкой.

247. *Е. И. Якушкину*

ЦГАОР, ф. 279, оп. 1, д. 677, л. 14—14 об.

¹ Год устанавливается по содержанию.

² А. А. Быстрицкий сообщал Трубецкому из Хмельника 29 окт. 1860 г.: «Повторяю вам еще, что я получил деньги, посланные вами мне, и за оные вам покорнейше благодарен и тем, которые меня не забывают» (ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 52, л. 11).

³ Н. Ц. — см. примеч. 1 к письму 223.

248. *Н. Р. Ребиндеру*

ЦГИА, ф. 1657, оп. 1, д. 187, л. 7—8 об.

249. *Э. С. и Н. Д. Свербеевым*

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 246, л. 164—165 об.

¹ Аниково — имение Е. П. Подчасской в Звенигородском уезде Московской губ. После ее смерти перешло к И. С. Трубецкому.

² Макарий (Глухарев Михаил Яковлевич, 1792—1847), русский церковный деятель, миссионер, переводчик, архимандрит. В 1830—1843 гг. стоял во главе учрежденной Синодом «миссии для сибирских инородцев» (Алтайская миссия). Положил начало изучению языков алтайцев, составлял словарь местных наречий, переводил церковные религиозные тексты на языки местного населения (Историческая энциклопедия. М., 1965, т. 8, с. 919).

³ Я. — лицо неустановленное.

250. И. С. Трубецкому

ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 190, л. 7—7 об.

¹ Год устанавливается по письму Трубецкого к З. С. Свербеевой от 20 сент. 1860 г.

² Е. П. Подчасская.

251. Н. Р. Ребиндеру

ЦГИА, ф. 1657, оп. 1, д. 187, л. 9—10 об.

¹ Это письмо неизвестно.

² Имеются в виду проекты Н. Р. Ребиндера в области народного просвещения, подготовленные еще в 1857 г. в бытность его попечителем Киевского учебного округа. В частности, в одном из них говорилось о необходимости восстановления кафедр философии в университетах для «возбуждения вообще среди молодежи духовной деятельности». Кроме того, имеются его записки с проектами создания учебных руководств, улучшения положения учителей и образования в целом (ЦГИА, ф. 1657, оп. 1, д. 29—32). Свои проекты Ребиндер представил в свое время министру А. С. Норову. По выражению А. В. Никитенко, предложения Ребиндера содержали «много красного», но представление его министру по этим вопросам, «разумеется, совершенно бесполезно» (Никитенко А. В. *Дневник*, т. 1, с. 457).

³ Н. Р. Ребиндер после смерти жены приобрел имение вблизи Нарвы.

⁴ Приход в Редакционные комиссии Панина вызывал недовольство либерально настроенной части дворянства, побуждал ее к «местным вспышкам», в частности, выступлению дворянства Тульской губ.

⁵ Скорее всего, под «политическим направлением» Трубецкой имел в виду дипломатию России на Дальнем Востоке, где продолжалась война Англии и Франции за овладение китайскими провинциями, что могло поставить под угрозу результаты Айгунского договора 1858 г. и вообще осложнить русско-китайские отношения. Под угрозой находилась и русская миссия в Пекине. С руководителем пекинской миссии Палладием и с Н. Н. Муравьевым-Амурским Ребиндер находился в переписке. Возможно, эти вопросы и были затронуты им в несохранившемся письме к Трубецкому. В частности, 28 февр. 1859 г. Н. Н. Муравьев-Амурский писал Ребиндеру: «Восточный вопрос временно делает меня нужным человеком, это вполне естественно, — и есть надежда, что Восточный вопрос решится в течение нынешнего и никак не позже будущего года <...>» (ЦГИА, ф. 1657, оп. 1, д. 57, л. 1—1 об.).

⁶ Декар (Де-Кар) Жан-Августин Фердинанд, гр. де Ресегье (1821—1860), зять З. И. Лебцельтерн, муж ее дочери Александры.

252. З. С. Свербеевой

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 246, л. 168—169 об.

¹ Речь идет о скоропостижной смерти Декара.

253. Г. С. Батенькову

ГБЛ, ф. 20.13.23, л. 1

254. З. С. Свербеевой

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 246, л. 170—172 об.

¹ La Morgesièrre — замок гр. Декар Ресегье близ Анжу во Франции.

² Перфильева — лицо неустановленное.

³ Маклаков Николай Васильевич (1811—1882), известный московский врач, писатель и переводчик. Его книга «Письма о гомеопатии».

⁴ Хомяков Алексей Степанович (1804—1860), писатель, драматург, критик, один из идеологов славянофильства; был близок с Жуковским, Пушкиным, Веневитиновым, Карамзиным и другими видными литераторами. Умер от холеры в с. Ивановском Рязанской губ. Был женат на Екатерине Михайловне Языковой. Хомяковы и Языковы были близкими друзьями Свербеевых. После смерти Хомякова осталось семь детей.

⁵ Суть конфликта состояла, по-видимому, в произвольном хозяйничании управляющего имением Борхов на лесной даче, принадлежавшей Трубецким-Ревиндерам, и оспаривании этого факта А. М. Борхом.

255. Н. Д. Свербееву

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 86, л. 104—107

¹ В янв. 1860 г. Н. Н. Муравьев-Амурский в письме М. С. Корсакову, которого он прочил своим преемником на посту ген.-губернатора Восточной Сибири, писал относительно петербургских высших чиновников: «Конечно, всем им хотелось бы спровадить меня на век в Сибирь, но это уже не по чувствам желания пользы краю, а по ревностному их желанию, чтоб я был подальше от Петербурга и даже вне телеграфического сообщения со столицей» (Барсуков И. Граф Н. Н. Муравьев-Амурский. М., 1891, с. 585).

² Сухованет Николай Ануфриевич (1794—1871), ген.-адъютант, в 1856—1861 гг. военный министр.

³ Белоголовый Николай Андреевич (1834—1895), сын иркутского купца, брат А. А. Белоголового, воспитанник А. В. Поджио и друг многих декабристов. В 1860—1880 гг. известный врач, общественный деятель, мемуарист.

⁴ Речь идет о дуэли, состоявшейся 16 апр. 1859 г. в Иркутске между Ф. А. Беклемишевым и М. С. Неклюдовым.

⁵ Ольдекоп Федор Федорович, в 1859—1860 гг. советник иркутского губернского суда. Особым мнением не согласился с решением губернского суда по делу о дуэли, в результате он и его сторонники подверглись преследованиям. На их защиту выступила прогрессивно настроенная общественность во главе с В. Ф. Раевским и петрашевцем Ф. Н. Львовым, обратившаяся с письмом к А. И. Герцену. Правительство было вынуждено прекратить следствие над

судьями, а Ольдекоп переведен на должность прокурора Казанского губернского суда.

⁶ *Игнатьев Николай Павлович* (1832—1908), гр., дипломат, государственный деятель, в 1856—1860 гг. чрезвычайный посланник в Китае; 2 (14) нояб. 1860 г. заключил Пекинский трактат; затем директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел, впоследствии министр внутренних дел.

⁷ 11 окт. — именины *Зинаиды Свербеевой*.

256. *Н. Р. Ребиндеру*

ЦГИА, ф. 1657, оп. 1, д. 187, л. 11—12 об.

¹ *Ф. В. Чижов*.

² *Арнольди Иван Карлович* (1781—1860), генерал, начальник конной артиллерии, сенатор, с 1852 г. в отставке. Был женат на сестре декабриста *Н. И. Лорера Надежде Ивановне* (в первом браке *Россет*); *Смирновы: Николай Михайлович* (1808—1870), чиновник Министерства иностранных дел, калужский, затем петербургский губернатор, с 1832 г. муж *Александры Осиповны Россет* (1809—1882), одной из выдающихся женщин петербургского светского общества. *Смирновы* поддерживали дружеские отношения с *Пушкиным*, *Жуковским*, *Вяземским*, *Лермонтовым*, *Гоголем* и другими замечательными деятелями литературы и искусства. *А. О. Смирнова-Россет* была падчерицей *И. К. Арнольди* и сводной сестрой *А. И.* и *Л. И. Арнольди*, родной племянницей декабриста *Н. И. Лорера*. Она была знакома с *Трубецкими* до 1825 г.

³ *Г. П. Галаган*.

257. *Э. С. Свербеевой*

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 246, л. 172—175 об.

¹ *Г. М. Пермыкин*, иркутский купец, с 1850-х гг. член Сибирского отдела Русского географического общества, исследователь Монголии и Саян.

² *М. К. Кюхельбекер*.

³ *Бибиковы: Михаил Илларионович* (1818—1881), племянник декабристов *Муравьевых-Апостолов*, и его жена *Софья Никитична Муравьева* — дочь декабриста *Н. М. Муравьева*.

⁴ *Бибиков Александр Илларионович* (1826—1899), в 1852 г. был чиновником по особым поручениям при *Н. Н. Муравьеве-Амурском*; в 1858 г. член Калужского дворянского комитета по устройству быта помещичьих крестьян, брат *М. И. Бибикова*.

258. *Н. Д. Свербееву*

ГАИО, ф. 774, оп. 1, д. 86, л. 108—109 об.

¹ Эта записка неизвестна.

² *Д. А. Оболенский*.

³ *Александра Федоровна* (*Фредерика-Луиза-Шарлотта-Вильгельмина*), дочь прусского короля *Фридриха Вильгельма III*, жена *Николая I* (с 1817 г.), умерла 20 окт. 1860 г.

⁴ Л. А. Трубецкая — лицо неустановленное.

⁵ Вероятно, имеется в виду список чиновников почтового ведомства, которым поручалась перлюстрация писем, помещенный А. И. Герценом на 73/74 листе «Колокола» (в разделе «Смесь») за 15 июня 1860 г. В их числе: Ф. Ю. Ульрихс (изучающий самую новейшую историю «по письмам, еще не дошедшим по адресу»), И. Ф. Вейраух («занимающегося хирургией этого дела и делающего операции без повреждения и следов»), Франц Гальмблат, Петр Вите и др. (Колокол, 1860, вып. III. Факсимильное издание. М., 1962, с. 620—621).

259. Н. Р. Ребиндеру

ЦГИА, ф. 1657, оп. 1, д. 187, л. 15—18 об.

¹ Мазаровичева — Мазарович Александра Ивановна (урожд. Ельчанинова), жена Мазаровича Ивана Семеновича, полкового командира Иркутского городского казачьего полка, сформированного в 1851 г., с 1857 г. член общего присутствия Департамента военных поселений от войск, расположенных в Сибири.

² Письмо А. М. Борха и ответ Трубецкого неизвестны.

³ Вероятно, В. Д. Арнольди.

⁴ К. Савичевский.

260. Н. Р. Ребиндеру

ЦГИА, ф. 1657, оп. 1, д. 187, л. 13—14 об.

¹ Давыдов Лев Васильевич (1837—1896), сын декабриста, в 1860 г. женился на Чайковской Александре Ильиничне (1841—1891), сестре композитора П. И. Чайковского.

² Имеется в виду свидание трех императоров: русского, австрийского и прусского в Варшаве 22 окт. 1860 г. по вопросу объединения итальянских провинций. Согласно тайному договору, заключенному Александром II и Наполеоном III 3 марта 1859 г. в Варшаве, Россия обязывалась не препятствовать Франции и Сардинскому королевству в их войне против Австрии. Проявляя враждебное отношение к объединению Италии, особенно революционным путем, каким шел Гарибальди, Александр II тем не менее воспротивился попыткам австрийского императора выступить против Италии (История дипломатии, т. 3, с. 698). Возможно, «выходка» Наполеона III, о которой упоминает Трубецкой, заключалась в позиции, занятой им в отношении Италии.

261. Г. С. Батенькову

ГБЛ, ф. 20.13.22, л. 19—20 об.

¹ 26 авг. 1860 г. П. Н. Свистунов выступил с речью на открытии первой калужской женской гимназии, выборным членом попечительного совета которой он состоял. В речи была отмечена потребность в образовании детей обоего пола, развита мысль о необходимос-

ти женского образования. Одновременно Свистунов выступил в защиту правительства, стремившегося к централизации в управлении учебными заведениями, однако не в «крайних ее проявлениях» (Калужские губернские ведомости, 1860, 17 сент. Неофициальная часть к № 38, л. 492—500). Трубецкой разделял взгляды Свистунова на централизацию, но признал приемлемость ее только в «благоразумных размерах» и лишь при решении отдельных вопросов. Симпатии С. П. Трубецкого были на стороне самоуправления в учебных заведениях, и успех его развития он связывал с отменой крепостного права, с радикальным преобразованием народного быта, в чем видел великую будущность России.

[ДНЕВНИК 1857—1858 гг.]

ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 1, л. 1—46; д. 7, л. 105 —

заметка о А. А. Быстрицком

Записки князя С. П. Трубецкого, с. 97—106

В рукописи записи Трубецкого никак не озаглавлены. Возможно, они являлись отрывками не дошедшего до нас дневника декабриста. В наст. изд. они условно названы Дневником.

Заметка о А. А. Быстрицком не была связана с общим текстом и введена в него при публикации Записок кн. С. П. Трубецкого в 1906 г. как примечание, где поденные записи были помещены под заголовком «Отрывки из записок 1857—58 годов». На наш взгляд, это вполне оправданно. В том же виде они воспроизводятся в наст. изд. Заметка о Быстрицком, по-видимому, написана Трубецким позднее в связи с хлопотами о получении для него казенного денежного пособия.

Записи относятся ко времени пребывания в Киеве Александра II. Написаны они декабристом по собственным впечатлениям и со слов близких. Несомненно, Трубецкому хотелось самому увидеть нового царя; возможно, что по внешнему его виду он надеялся составить более благоприятное впечатление о внуке и сыне тех, кого он достаточно хорошо знал. За бесстрастной манерой описания часто скрывается ирония. Об этом, в частности, свидетельствуют замечания Трубецкого по поводу того, что Александр II обратил лишь внимание, как кадеты «маршируют и все приемы делают хорошо». Недовольство проявилось и в описании встречи с шефом жандармов В. А. Долгоруковым, во время которой Трубецкой высказал протест против открытой слежки за декабристами агентов тайной полиции и получил весьма циничный ответ: «Все под надзором». Любопытно замечание Трубецкого о впечатлении, которое произвело его свидание с Долгоруковым на чиновное окружение последнего: «<...> пожалуй, подумали <...>, что имел к нему какой-нибудь донос».

Дневник является своеобразным комментарием и добавлением к письмам за соответствующий период.

¹ В 1857—1859 гг. Александр II предпринял ряд поездок по губерниям России с тем, чтобы лично убедиться в настроениях дворянства.

² См. примеч. 5 к письму 169.

³ Алферьев Сергей Петрович, преподаватель фармакологии и общей терапии в Киевском университете.

⁴ Четвериков Павел Филиппович, ген.-майор, начальник X округа путей сообщения в Киеве.

⁵ Виньел — сведений о нем найти не удалось.

⁶ В. А. Долгоруков. См. о нем примеч. 3 к письму 122.

⁷ Долгоруков Илья Андреевич (1798 — 1848), кн., полковник, адъютант вел. кн. Михаила Павловича; член Союза спасения и Союза благоденствия, к суду не привлекался; позднее ген.-лейтенант.

⁸ Старший брат И. А. и В. А. Долгоруковых — кн. Долгоруков Иван Андреевич (1796 — 1807). Их сестра — Екатерина Андреевна (1798 — 1857), кн., замужем за гр. Бержинским Святославом Иосифовичем.

⁹ Салтыкова Екатерина Васильевна (урожд. кн. Долгорукова, 1791 — 1863), кн.

¹⁰ Путья Дмитрий Васильевич (1806 — 1889), ген.-адъютант, с 1855 г. помощник начальника Главного штаба по военно-учебным заведениям.

¹¹ Я. И. Ростовцев — см. примеч. 1 к письму 181.

¹² См. примеч. 5 к письму 169.

¹³ После рескрипта Александра II от 20 нояб. 1857 г. виленскому, ковенскому и гродненскому губернатору В. И. Назимову, в котором предлагалось создать дворянские комитеты и приступить к составлению проектов положения об устройстве и улучшении быта помещичьих крестьян, первыми на него отзывались дворяне Нижегородской губ. 17 дек. 1857 г. в Петербург было послано постановление дворянского собрания о полной готовности исполнить волю царя. Немаловажную роль в подготовке соответствующего настроения дворян сыграл губернатор А. Н. Муравьев, выступивший 10 февр. 1858 г. на открытии в Нижнем Новгороде губернского комитета по крестьянскому делу. Он подчеркнул, что на дворян возложены «надежды царевы, надежды Отечества, надежды 250 000 обоего пола братьев наших, ожидающих возвращения утраченных ими прав гражданской жизни и достоинства человека». Жандармский офицер, секретно сообщавший о заседаниях комитета начальнику III Отделения, назвал речь Муравьева «возмутительной прокламацией», так как в ней де предлагалось восстановить «утраченную свободу прав человека» (Чебаевский Ф. Нижегородский комитет 1858 г. — Вопросы истории, 1947, № 6, с. 86 — 94).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГАИО* — Государственный архив Иркутской области
ГБЛ — Отдел рукописей Гос. библиотеки СССР имени В. И. Ленина
ГИМ — Гос. Исторический музей
ГМП — Государственный музей А. С. Пушкина
ГПБ — Отдел рукописей и редких книг Гос. публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина
ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР (Пушкинского дома)
Декабристы. Летописи, кн. 3 — *Декабристы. Летописи* Гос. литературного музея. М., 1938, кн. 3
ЛН — Литературное наследство
ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Гос. Исторического музея
ТОКМ — Тульский областной краеведческий музей
Трубецкой — С. П. Трубецкой. Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1983, т. 1
ЦГАВМФ — Центр. гос. архив Военно-Морского Флота СССР
ЦГАОР — Центр. гос. архив Октябрьской революции, высших органов гос. власти и гос. управления СССР
ЦГВИА — Центр. гос. военно-исторический архив СССР
ЦГИА — Центр. гос. исторический архив СССР
ЦГИА Лит. ССР — Центр. гос. исторический архив Литовской ССР
Эльброн — M. Heilbronn. La princesse Troubetskoi. Paris, 1977

УКАЗАТЕЛЬ ПИСЕМ ПО АДРЕСАТАМ

(после фамилии указаны номера писем)

- Батенькову Г. С. 106, 114, 118, 120, 124, 127, 128, 137, 138, 142, 229, 230, 253, 261
- Бестужеву М. А. 133, 134
- Бестужеву Н. А. 85, 89, 113, 117
- Борху А. М. 146, 154
- Бригену А. Ф. 42, 71, 88
- Быстрицкому А. А. 48
- Вакару А. Д. 231
- Венцелю К. К. 155
- Волконскому С. Г. 19, 78, 170
- Горбунову П. А. 121
- Гурьеву Д. Н. 149, 152
- Давыдову В. Л. 109
- Жуковскому В. А. 4
- Завалишину Д. И. 148, 151
- Казимирскому Я. Д. 98
- Корниловичу А. О. 6
- Корнилову И. П. 101
- Кучевскому А. Л. 33, 76, 77, 87, 91, 93
- Кюхельбекеру В. К. 81
- Лебцельтерн Э. И. 65, 69, 126, 145, 159
- Муравьевой Е. Н. 212
- Муравьевой С. Н. 20, 22 — 24
- Муравьеву-Апостолу М. И. 224, 246
- Муравьеву-Апостолу С. И. 7
- Нарышкиным М. М. и Е. П. 140
- Нилу (архиепископу) 67
- Оболенскому Е. П. 26, 27, 29, 31, 35, 36, 39, 41, 45, 47, 49, 55
- Оленину А. Н. 1
- Олсуфьеву В. Д. 3
- Пановой С. А. 99
- Персину И. С. 103, 104
- Потемкиной Е. П. 153
- Пушину И. И. 50, 53, 56, 59, 60, 70, 72, 75, 94, 96, 102, 115, 119, 125, 136, 139, 141, 175, 176, 190, 194, 199
- Ребиндер А. С. 108, 111, 112, 116, 153, 232
- Ребиндеру Н. Р. 237, 241, 242, 248, 251, 256, 259, 260
- Руперту В. Я. 64
- Свербеевой Е. А. 195
- Свербеевой Е. Д. 240, 243, 244
- Свербеевой Э. С. 158, 166, 168, 172, 174, 184, 187, 188, 226, 233 — 235, 238 — 240, 245, 252, 254, 257
- Свербееву Н. Д. 122, 132, 135, 143, 144, 161, 169, 173, 178, 181, 182, 198, 203, 210, 218, 220, 227, 228, 236, 255, 258
- Свербеевым Э. С. и Н. Д. 156, 157, 160, 162 — 165, 171, 177, 179, 180, 183, 185, 186, 189, 191, 193, 196, 197, 200 — 202, 204 — 209, 211, 213, 215, 221, 249
- Свистунову П. Н. 150

Трубецкой Е. И. 8 — 18
Трубецкому И. С. 167, 216,
217, 219, 250
Трубецкому Н. П. 66
Тургеневу Н. И. 2
Фонвизиной Н. Д. 30, 37,
100, 147
Фонвизину М. А. 21, 107,
110

Якушкину Е. И. 192, 214,
222, 223, 225, 247
Якушкину И. Д. 5, 25, 28,
32, 34, 38, 40, 43, 44, 46,
51, 52, 54, 57, 58, 61 — 63,
68, 73, 74, 79, 80, 82 — 84,
86, 90, 92, 95, 97, 105,
129 — 131
Неизвестному лицу 123

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Жилище Е. И. Трубецкой и М. Н. Волконской в с. Благодатском. Публ. по фотографии А. К. Кузнецова. 1889 г.— 77

Е. И. Трубецкая. Акварель Н. А. Бестужева. Не позднее 1828 г. Публ. впервые по фотографии из частного собрания Давыдовых. Местонахождение оригинала неизвестно.— 55

Дамская улица в Петровском заводе. В. П. Ивашев. 1831—1835 гг. Сепия. *ИРЛИ* (Пушкинский дом).— 92

Е. И. Трубецкая. Акварель Н. А. Бестужева. 1830 г. Миниатюра на слоновой кости.— 96

С. П. Трубецкой. Акварель Н. А. Бестужева. Петровский завод, 1834—1835 гг.— 97

С. П. Трубецкой. Акварель Н. А. Бестужева. Петровский завод, 1839 г.— 103

Фасад дома Трубецких в Знаменском предместье г. Иркутска. Публ. по фотографии начала XX в. Дом-музей декабристов, Иркутск.— 171

Дочери Трубецких (слева направо): Зинаида, Александра, Елизавета. Акварель неизв. художника. 1840-е гг. *ГИМ*.— 184

Е. И. Трубецкая. Дагерротип. 1850 г. Публ. по: *Эльброн*, с. 138.— 205

Семья Ребиндеров (слева направо): Александра Сергеевна, Николай Романович, Надежда Николаевна. Публ. впервые по фотографии из фонда Ребиндеров (*ЦГИА*, ф. 1657, оп. 1, д. 202, л. 1).— 219

З. С. Свербеева, дочь декабриста. Литография 1870-х гг. *ГПБ*, отд. эстампов.— 277

Е. С. Давыдова, дочь декабриста. Публ. впервые по фотографии 1880-х гг. из частного собрания Давыдовых.— 387

З. С. Свербеева. Публ. впервые по фотографии начала XX в. Дом-музей декабристов, Иркутск.— 399

Могила А. С. Ребиндер на Новодевичьем кладбище в Ленинграде.— 420

С. П. Трубецкой. Фотография С. Л. Левицкого. Конец 1850-х гг. *ИРЛИ* (Пушкинский дом).— 423

Флигель дома кн. Мещерской в Шереметевском переулке в Москве, где С. П. Трубецкой жил во 2-м этаже в сентябре-ноябре 1860 г.— 438

Могила С. П. Трубецкого на Новодевичьем кладбище в Москве.— 450

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- А., лицо неуст. 498
 Абашев Д. Н. 545
 Агния Васильевна, см. Золотова А. В.
 Азадовский М. К. 60
 Александр II, имп. 38, 41, 455, 516, 523, 525, 536, 537, 542, 546, 554, 555, 566, 572—574
 Александр Иванович, лицо неуст. 338, 547
 Александра, девушка, служившая у З. С. Свербеевой 320, 407, 542
 Александра Иосифовна, вел. кн. 395
 Александра Осиповна, лицо неуст. 338, 547
 Александра Федоровна, имп. 571
 Алексеев А. И. 567
 Алексей Михайлович, царь 16
 Аленская К. Ю., см. Тулинская К. Ю.
 Алопеус (урожд. Фридерикс) А. П. 554
 Алопеус Ф. Д. 554
 Алопеусы 369
 Алферьев С. П. 455, 573
 Алферьель, врач 337
 Амалия Ивановна, лицо неуст. 206, 505
 Андреевич Я. М. 124, 482
 Андро Ф. А. 464
 Аничков В. И. 250, 262, 265, 310, 324, 349, 522, 526, 550
 Анна Александровна (Anetta), см. Персина А. А.
 Анна Александровна, см. Елагина А. А.
 Анна Францевна, служащая в доме Трубецких 218, 268, 279, 282, 509, 510
 Анненков В. И. 565, 566
 Анненков И. А. 13, 135, 408, 441, 482—485, 520
 Анненков Н. И. 408
 Анненков П. В. 547
 Анненков Ф. А. 248, 520
 Анненкова О. И., см. Иванова О. И.
 Анненкова П. Е. 9, 13, 126, 135, 141, 408, 441, 482—485, 565
 Анненковы, семья 53, 204, 441, 482
 Ант. Пет., см. Арбузов А. П.
 Антуан Л. 214, 508
 Апраксин, гр. 384
 Апухтина Н. Д., см. Фонвизина Н. Д.
 Араго Д. Ф. 110, 120, 156, 478
 Аракчеев А. А. 494
 Арапов А. Н. 415, 566
 Арбузов А. П. 95, 475
 Аргутинский, кн. 360, 553
 Ариосто Л. 269, 529
 Арно, жена президента Ворлония 287
 Арнольди А. И. 44, 407, 564, 571
 Арнольди, братья 44

Арнольди (урожд. Свербева)
В. Д. 359, 363, 364, 372,
378, 397, 401, 404, 405,
429, 439, 441, 447, 543,
563, 572

Арнольди И. К. 439, 441, 571

Арнольди Л. И. 337, 339, 341,
345, 358, 359, 368, 369,
372, 374, 385, 386, 397,
400, 543, 548, 563—565,
571

Арнольди, семья Л. И. Арноль-
ди 358, 368, 374, 385

Артенова Д. И., см. Кюхель-
бекер Д. И.

Афанасий (Соколов А. Г.), ар-
хиепископ Иркутский 508

Багратион-Мухранская С. И.,
в замужестве Трубецкая С. И.

Базаров И. И. 551

Базилевский В. Ф. 203, 502,
503

Базилевский И. Ф. 503

Байрон Д. 16

Балабин В. П. 417, 567

Балаганские, семья 113

Балаганский Е. 479

Балакшин Н. Я. 385, 558

Бальзак О. 16

Банзаров Доржи 515

Баранов 94, 474

Баранова В. С., см. Оболен-
ская В. С.

Баранова Ю. Т., см. Голицы-
на Ю. Т.

Барановская М. Ю. 54

Барсуков И. 570

Барышников 297

Барятинский А. И. 367, 553,
560

Басаргин А. Н. 489

Басаргин В. Н. 489

Басаргин Н. В. 10, 12—14, 42,
54, 135, 155, 185, 275, 281,
289, 297, 298, 484, 489,
492, 497, 514, 531, 533,
537, 562

Басаргина (урожд. Маврина)
М. Е. 489

Басаргина (урожд. Менделеева,
в 1-м браке Медведева)
О. И. 497

Басаргина (урожд. Мещерская)
С. 533

Басаргины, семья Н. В. Басар-
гина 489

Батеньков Г. С. 29, 33—36, 53,
54, 59, 172, 202, 214, 222,
224, 225, 226, 228, 229,
233—235, 242, 244, 245,
248, 255, 297, 326, 396—
398, 400, 434, 450, 494,
503, 508, 509, 511—515,
519, 521, 545, 561—563,
570, 572

Бахаев В. Б. 43, 479

Бахметьев (Бахметев) А. Н.,
нижегородский помещик
413, 416, 566

Бахметьев (Бахметев) А. Н.,
нижегородский, казанский,
симбирский и пензенский
ген.-губернатор 5

Бахметьева А. П. 566

Бахметьева Ел. Н., см. Тру-
бецкая Ел. Н.

Башмаков Ф. М. 118, 156, 480

Безбородко И. А. 526

Безносиков Я. И. 212, 507

Безобразов, член ревизии И. Н.
Толстого 492

Беккерель А. Э. 110, 478

Беклемишев Ф. А. 53, 229, 436,
437, 514, 563, 570

Беков, лицо неуст. 385, 558

Белас. корпусной командир в
Киеве 367

Белинский В. Г. 499

Белоголовый А. А. 520, 547,
570

Белоголовый А. В. 39, 266, 273,
290, 338

Белоголовый Н. А. 29, 38, 50,
53, 54, 360, 436, 437, 492,
570

Белоголовые, братья 37, 38

Белосельский-Белозерский Э. А.
16, 493

Белоусов, поручик 5

Бельский, дуэлянт 398, 562

Бенаардаки Д. Е. 291, 338, 360,
384, 535, 553

Бенкендорф А. Х. 5, 14, 15

Бергнер, фотограф 302, 538

Берх В. Н. 16

- Бержинская (урожд. Долгорукова) Е. А. 456, 574
 Бержинский С. И. 574
 Бестужев А. А. 393, 559
 Бестужев М. А. 8, 15, 172, 176, 214, 223, 239, 240, 331, 494, 517, 531, 546
 Бестужев Н. А. 31—33, 37, 57, 61, 85, 96, 97, 103, 171, 176, 177, 213, 220, 229, 239, 240, 243, 487, 493—495, 508, 510, 514, 517
 Бестужев Н. М. 517
 Бестужев-Рюмин М. П. 40, 70, 464, 468
 Бестужев-Рюмин Н. П. 40, 53
 Бестужева Е. А. 213, 214, 221, 508, 517
 Бестужева М. А. 494, 517
 Бестужева (урожд. Селиванова) М. Н. 517
 Бестужева О. А. 494, 517
 Бестужева П. М. 494
 Бестужевы, братья 14, 15, 243, 275, 508
 Бестужевы, сестры 333, 405, 564
 Бестужевы-Рюмины 40
 Бечаснов В. А. 34, 38, 49, 215, 224, 245, 392, 509
 Бибииков А. И. 441, 571
 Бибииков И. М. 292, 296, 535
 Бибииков М. И. 441, 571
 Бибиикова (урожд. Муравьева-Апостол) Е. И. 535
 Бибиикова (урожд. Муравьева) С. Н. (Нонушка) 53, 60, 87, 89—91, 107, 128, 145, 183, 186, 296, 393, 405, 418, 432, 472—474, 491, 496, 504, 530, 560, 567, 571
 Бибииковы С. Н. и И. М. 418, 426, 441, 536
 Блор Э. 553
 Блаудов Д. Н. 346, 549
 Боборыкина Н. А., см. Пфаф-фиус Н. А.
 Бобринский А. А. 288, 534
 Бобринский А. В. 323, 543
 Бобринский В. А. 290, 295, 534, 541
 Бобрищев-Пушкин Н. С. 472, 473, 546
 Бобрищев-Пушкин П. С. 8, 88, 472, 473, 486, 546
 Бобрищев-Пушкин С. С. 333, 546
 Богданова М. М. 560
 Бодкин П. П., см. Боткин П. П.
 Боков, см. Беков
 Боннер А. Г. 39
 Борисов А. И. 3, 482
 Борисов П. И. 3, 482
 Борисовы, братья 4, 18, 37, 124, 482
 Бороздин Л. А. 288, 533
 Бороздина М. А. 543
 Борх А. А. 381, 382, 419, 567
 Борх А. М. 40, 194, 199, 200, 241, 252, 259, 268, 294, 320, 396, 397, 402, 404, 409, 412, 435, 443, 446, 448, 450, 515, 522—524, 530, 533, 563, 566, 570, 572
 Борх В. А. 404, 564
 Борх (урожд. Чичерина) В. П. 546
 Борх М. А., см. Голицына М. А.
 Борх О. А., см. Кропоткина О. А.
 Борх (урожд. Лаваль) С. И. 16, 17, 197, 198, 230, 232, 268, 318, 336, 340, 342, 343, 354, 381, 382, 403, 405, 409, 411, 412, 414, 433, 501, 502, 510, 513, 514, 528, 548, 552, 564, 565
 Борх Ю. А. 335, 342, 381, 404, 528, 546, 548
 Борхи, семья 52, 199, 266, 381, 440, 563, 566, 570
 Боткин В. П., писатель 535
 Боткин П. П., купец 290, 535
 Боткин С. П., врач 535
 Браницкий, помещик Киевской губ. 285
 Брегет А. Л. 67, 466
 Бриген А. Ф. 50, 116, 118, 155, 172, 174, 183, 186, 214, 334, 392, 468, 480, 489, 490, 492, 494, 495, 497
 Бриген Е. А. 490
 Бриген И. А. 490
 Бриген М. А., см. Туманская М. А.
 Бриммер Г. А., см. Пушина Г. А.

Бриннен, лицо неуст. 218, 509
 Броневский С. Б. 485
 Брукс, чиновник Киевского коммерческого банка 354
 Брюллов А. П. 17
 Брюллов К. П. 17
 Булгарин Ф. В. 17
 Булычев (?). Д. 241, 518
 Булычев И. Д. 518
 Бурнашев Т. С. 8, 469
 Буссе Н. В. 366, 373, 554, 555
 Бутаевич-Петрашевский, см. Петрашевский
 Бутера (урожд. Шаховская) В. П. 343, 353, 548
 Ботович 308
 Ботовичи, родственники
 Н. В. Басаргина 281, 289, 533
 Буттоц И. Ф. 221, 510
 Быкова А. П. 547
 Быстрицкий А. А. 29, 42, 107, 123, 255, 271, 275, 276, 280—282, 288, 289, 297, 303, 331, 334, 339, 342, 346, 390, 391, 426, 457, 477, 481, 530, 531, 545, 549, 559, 568, 573
 Бюцов Е. К. 401, 563
 В. Ф., см. Флеровский В.
 Вагнер, инженер 136
 Вагнер, владелец гостиницы в Одессе 356
 Вагнер, врач 350
 Вадковский Ф. Ф. 21, 34, 91, 113, 127, 129, 131, 139, 159, 160, 163, 474, 483, 491, 506
 Вадковская Е. Ф., см. Кривцова Е. Ф.
 Вайнштейн А. Л. 5, 6, 21, 467
 Вакар А. Д. 402, 409, 563
 Вальтер, врач 403, 406, 410, 411
 Варвара Александровна, родственница С. П. Трубецкого 59
 Варгин (Воргин), моск. домовладелец 433, 442
 Васильев, служащий в Николаевском заводе 70
 Васильев, чиновник в Петербурге 367, 554

Васильев И. В., см. Давыдов И. В.
 Васильев М. В., см. Кюхельбекер М. В.
 Васильева Ю. В., см. Косова Ю. В.
 Васильчиков И. И. 290, 384, 523, 534, 539
 Васильчикова (урожд. Щербатова) Е. А. 304, 539
 Вассель, помещик Киевской губ. 380, 556
 Вацуро В. Э. 62
 Вегелин А. И. 327, 356, 544
 Вейраух И. Ф. 572
 Веневитинов Д. В. 570
 Венцели, семья 238
 Венцель К.-Б.-К. 212, 242, 259, 262, 303, 437, 506, 507, 526, 539
 Веретеников, иркутский купец 50
 Вернет, фотоограф-путешественник 114, 479
 Виньел, инженер 456, 574
 Витте П. 572
 Витте П. Х. 408, 565
 Воейков А. И. 18
 Воейков, жандармский полковник 53, 54
 Волконская А. Н. 471
 Волконская (урожд. Волконская) Е. Г. 559
 Волконская (в 1-м браке Молчанова, во 2-м Кочубей, в 3-м Рахманова) Е. С. 221, 222, 246, 272, 313, 383, 434, 506, 510, 511, 519, 530
 Волконская (урожд. Белосельская-Белозерская) Э. А. 5
 Волконская (урожд. Раевская) М. Н. 7, 9, 13, 27, 29, 36, 77, 87, 131, 161, 207, 228, 244, 245, 351, 434, 471, 488, 506, 511, 513, 519, 530
 Волконская (урожд. Волконская) С. Г. 183, 221, 398, 469, 510—512, 518
 Волконские (семья декабриста) 20, 28, 29, 36, 107, 109, 112, 188, 207, 215, 221, 471, 498, 506, 530, 567

- Волконский М. С. 125, 207, 254, 390, 471, 482, 488, 505, 523, 559
 Волконский П. М. 469
 Волконский С. Г. 3, 4, 7—9, 21, 26, 36, 38, 40, 41, 70, 74, 87, 131, 140, 161, 163, 166, 217, 222, 228, 244, 255, 256, 281, 287, 295, 333, 353, 373, 382, 383, 390, 400, 434, 467—469, 482, 485, 486, 488, 491, 510, 511, 515, 529, 536, 546, 551, 555
 Волконский С. М. 39
 Вольский 458
 Вольтер Ф.-М. 176
 Вольф В. И. 37, 505, 514
 Вольф Ф. Б. 88, 102, 103, 106, 107, 112, 129, 146, 159, 472, 483
 Ворлония 287
 Воронцов М. С. 547, 553
 Воронцов С. М. 364
 Воронцова Е. С., см. Пемброк Е. С.
 Воронцова (урожд. Трубецкая) М. В. 553
 Воронцовы 553
 Воротников, чиновник в Иркутске 108, 478
 Ворхоzin (Зрыла), крестьянин в Оёке 27
 Воше К. А. 5, 6
 Всеволод Алексеевич, см. Масолов В. А.
 Высоцкий, студент Киевского университета 458
 Вяземская А. А., см. Серра-Каприола А. А.
 Вяземский П. А. 466, 539, 571
 Габриэль, полковник на Шилкинском заводе 193
 Гаврила Григорьевич, иркутский домовладелец 510
 Гагарин 397, 398
 Гагарин (?). С. (?) 360
 Гагарина (урожд. Калиновская) И. О. 353, 551
 Гагарина Н. С., см. Петрово-Соловово Н. С.
 Гагацкий С. С., см. Гогоцкий С. С.
 Галаган Г. П. 270, 425, 440, 529, 571
 Галаган П. Г. 270
 Галаганы, семья 529
 Галахова (урожд. Пещурова) Н. А. 368, 386, 554, 558
 Галкин-Враской М. Н. 528
 Гальмблат Ф. 572
 Гамбургцева А. И. 234, 244, 249, 338, 515, 519, 521, 547
 Ганеман (Ханеман) С., врач 490
 Гарибальди Д. 387, 558, 572
 Гасфорд Г. X. 518
 Гашинский К. 20
 Гсбль П., см. Анненкова П. Е.
 Герман К. Ф. 155, 489
 Герцен А. И. 46—48, 54, 56—58, 547, 551, 563, 570, 572
 Гете И.-В. 176
 Гиппократ 157, 490
 Глебов М. Н. 94, 474
 Глинка Н. Г. 495
 Глинка (урожд. Кюхельбекер) Ю. К. 343, 497, 498, 548
 Глухарев М. Я., см. Макарий
 Гоголь Н. В. 356, 499, 525, 552, 565, 571
 Гогоцкий С. С. 330, 546
 Голицын А. В. 541
 Голицын В. М. 50, 399
 Голицын Л. 398
 Голицын М. Ф. 565
 Голицын П. А. 290, 535
 Голицын П. В. 418, 539, 567
 Голицын, лицо неуст. 492
 Голицына (урожд. Ланская) А. В. 314, 315
 Голицына (урожд. Трубецкая) А. Н. 395, 528, 561
 Голицына Е. Б., см. Куракина Е. Б.
 Голицына (урожд. Ланская) Е. В. 541
 Голицына (урожд. Трубецкая) Е. Н. 306, 418, 539, 567
 Голицына (урожд. Борх) М. А. 290, 357, 421, 422, 528, 529, 534
 Голицына (урожд. Баранова) Ю. (А.) Т. 408, 565

Голицына, моск. домовладелица 389
 Голубцов И. 364—365
 Голубцова (урожд. Толстая) Е. Д. 379, 459
 Гольденберг Г. 564
 Голынская (урожд. Шаховская) М. Н. 408, 565
 Гончаров И. А. 44
 Горбачевский И. И. 39, 214
 Горбунов П. А. 34, 39—50, 227, 303, 338, 385, 392, 491, 507, 512, 520, 526, 536, 539, 547, 559, 563
 Горбунова (урожд. Неустроева) М. А. 34, 37, 212, 243, 247, 507, 512, 518, 520
 Горбуновы, семья 243
 Гордин Я. А. 6, 11, 468
 Горлов Н. П. 4, 6
 Горохов Ф. А. 509
 Горчаков М. Д. 36, 48, 241, 513, 516, 517
 Горчаков П. Д. 480
 Гофман Э.-Т.-А. 16
 Грабовские, семья Н. Е. Грабовского 314
 Грабовский Н. Е. 541
 Граве (?). С. 327, 356
 Григорьев Н. П. 193, 194, 499
 Григорьев, актер в Иркутске 356, 552
 Григорьевский, моск. домовладелец 401
 Гризье, учитель фехтования в романе А. Дюма 141, 485
 Громницкий П. Ф. 107, 477
 Грузинская А. Г. (Е.), см. Толстая А. Г. (Е.)
 Грузинский А. Г. 6
 Грузинский Г. А. 6
 Губенко Г. 509
 Губер Г. И. 301, 538
 Губер О. И. 538
 Гурьев Н. Д. 254, 256, 524, 551
 Гурьева (урожд. Нарышкина) М. Д. 353, 551
 Гусева Э. Д. 61
 Гюго В. 16
 Д'Абрантес 16
 Давыдов А. В. 334, 449, 533

Давыдов В. В. 90, 210, 264, 276, 304, 334, 473, 526
 Давыдов В. Л. 4, 5, 34, 37, 42, 208, 248, 473, 491, 492, 505, 506, 520, 521, 533, 537
 Давыдов В. П. 210, 224, 538, 505, 522, 526
 Давыдов И. В. 90, 208, 473, 505
 Давыдов Л. В. 286, 290, 449, 572
 Давыдов Н. В. 280, 283, 288, 293, 295, 313, 314, 327, 334, 404, 410, 533, 543
 Давыдов П. В. 34, 208, 235, 263, 271, 276, 280, 282, 288, 289, 293, 301, 323, 327, 334, 342, 364, 366, 367, 380, 385, 386, 410, 503, 505, 515, 522, 533
 Давыдов С. П. 297, 322, 543
 Давыдова (урожд. Потапова) А. И. 248, 264, 278, 279, 286, 289, 304, 313, 314, 321, 327, 328, 334, 342, 348, 360, 366, 449, 473, 526, 554
 Давыдова А. В. 90, 264, 283, 334, 473, 526
 Давыдова (урожд. Чайковская) А. И. 13, 42, 572
 Давыдова В. В. 334
 Давыдова Е. В., см. Переслени Е. В.
 Давыдова Е. П. 224, 358, 522, 526
 Давыдова (урожд. Трубецкая) Е. С. 27, 34, 61, 89—93, 98, 104, 117, 120, 127, 129, 133, 136, 137, 143, 153, 165, 181, 184, 187—189, 204, 206, 208, 210, 218, 220, 227, 231, 241, 247, 251, 263, 265, 267, 269—272, 274, 276, 277, 279, 280, 282, 283, 286, 288, 289, 292, 293, 295, 297, 299, 301, 304, 305, 313—318, 321—325, 327, 332, 334, 337, 338, 341, 342, 347, 348, 353, 354, 358, 359, 362, 364, 366, 369, 370—373, 377—380,

- 385—387, 390—392, 404,
409, 410, 412, 417, 418,
421, 422, 431—434, 439,
442, 449, 472, 493, 503,
505, 507, 509, 510, 512,
522, 527, 533, 536, 540,
541, 543, 545, 547, 548,
552, 558
- Давыдова Ел. В. 334, 506
Давыдова К. Ю. 61
Давыдова С. В. 264, 334, 366,
404, 526, 554
Давыдовы, семья В. Л. 95,
210, 249, 449, 521, 533
Давыдовы, семья Е. С. 34—
36, 43, 59, 60, 271, 288,
301, 342, 504, 520, 543,
557
- Дагерр Л.-Ж.-М. 479
Даль В. И. 40, 270, 490, 529
Дараган К. Я. 424, 426, 561,
568
Дарья Андреевна, лицо неуст.
206, 504
Де-Бирон (урожд. Свербее-
ва) Е. В. 62
Декар (урожд. Лебцельтерн)
А. Л. 318, 361, 363, 367,
432, 514, 569
Декар Ж.-А.-Ф. 432, 440, 569,
570
Декар Л. 515
Дельвиг А. А. 16
Делянова Е. Д., см. Манукбей
Е. Д.
Державин Г. Р. 561
Деспот-Зенович А. И. 211,
304, 507
Дибич И. И. 5
Добринская Л. Б. 545
Добролюбов Н. А. 40, 527
Долгоруков В. А. 40—42, 48,
53, 228, 318, 327, 343, 456,
513, 531, 549, 573, 574
Долгоруков Ив. А. 573
Долгоруков Ил. А. 456, 573
Долгорукова Е. В., см. Салты-
кова Е. В.
Дорохова М. А. 40, 206, 207,
212, 215, 216, 228, 248,
254, 295, 327, 406, 499,
503, 505, 507, 508, 513,
523, 536, 564, 565
- Доли (Доля), см. Оболенская
Д. П.
Достоевский Ф. М. 499
Дохтурова, моск. домовладе-
ца 42
Другинова Е. А. 532
Дружинин Н. М. 25
Дубельт А. В. 113, 479
Дуранов А. И. 497
Дуров С. Ф. 499
Дьяков Г. М. 132, 482, 483
Дюма А. 16, 484, 485
Дягилев С. Н. 564
- Екатерина II 306, 561
Елагин В. 552
Елагина (урожд. Щербатова)
А. А. 417, 436, 526
Елагины 515
Елена Николаевна, родственни-
ца Н. Д. Свербеева 295,
418, 432, 434, 536, 567
Енгальчев А. Э. 514
Ентальцев А. В. 477, 492
Ентальцева (урожд. Лисовская)
А. В. 13, 105, 112, 114, 132,
137, 139, 153, 158, 160,
161, 165, 270, 477
Ентальцевы 479
Ермолов 474
Ефимов И. В. 479
- Жанен Ж. 17
Жибинова А. П., см. Тютче-
ва А. П.
Жилин Л. Ф. 483
Житомирская С. В. 515
Жомини А. 175, 495
Жуковский В. А. 16, 17, 68,
172, 175, 466, 494, 570,
571
Жульяни, учитель иркутской
гимназии 5
- Заборинский А. И. 29, 37, 242,
518
Завалишин Д. И. 254, 255,
524
Завойко В. С. 517
Загоскин М. Н. 16

Закревский А. А. 40—42, 327,
531, 544
Закревская (урожд. Толстая)
А. Ф. 544
Зальцман И. 554
Занадворов Ф. П. 212, 507,
508
Запольский П. И. 211, 507
Заржицкая 310, 540
Зарин В. Н. 29
Зденауер, врач 395
Зейфман Н. В. 61
Зенович см. Деспот-Зенович
А. И.
Зильберштейн И. С. 494
Зильверстгельм (Сильверст-
гельм) А. Е. 485
Зимин, купец 331, 546
Зиновьев П. А. 511
Золотова А. В. 206, 505
Зрыла, см. Ворхозин

Иван, кучер у Трубецких 352,
551
Иван (Жан), служащий в до-
ме Трубецких 218, 385,
389, 437, 509
Иван, священник в Тугутуе
181
Иванов К. И. 504
Иванова (урожд. Анненкова)
О. И. 408, 504, 565
Ивашев В. П. 92, 112, 125,
479, 482, 483
Ивашев П. В. 482
Ивашева (урожд. Ледантю)
К. П. 109, 478, 482
Ивашева В. В. 482
Ивашева М. В., в замужестве
Трубникова М. В. 214,
482, 508
Игнатьев Н. П. 437, 571
Игнатьев П. Н. 554
Игумнов Н. М. 304, 539
Иезуитов А. Н. 566
Иннокентий (Барсуков В.), ар-
хиепископ камчатский 353,
551, 553, 561, 563, 564
Иноземцев Ф. И. 407, 434,
444, 513, 565
Исаков, прапорщик 534

Исакович Н. Ф., см. Нил, ар-
хиепископ иркутский
Истомин К. И. 556

К., лицо неуст. 193
Каверин П. П. 67, 465
Каверина А. П. 67, 465
Каверина Елена П., см. Махы-
шева Е. П.
Каверина Елиз. П. 465
Казадаев В. А. 167, 493
Казакевич П. В. 36, 207, 332,
362, 373, 505, 540, 555
Казимирский Я. Д. 189, 190,
207, 215—217, 229, 234,
292, 310, 328, 358, 359,
364, 366, 372, 397, 398,
474, 498—500, 504—506,
509, 515, 538, 540, 562
Казимирская А. С. 189, 310,
506
Казимирская А. Я. 189, 540
Какуев П. И. 207, 505
Калас, врач 139, 485
Калиновская И. О., см. Гага-
рина И. О.
Калюсфена Философовна, см.
Масолова К. Ф.
Кампанья И. 351, 363, 432,
550
Канкрин В. Е. 538
Канкрин Е. Ф. 538
Канкрины 301
Карамзин Н. М. 564, 570
Касаткин И. А. 250, 521
Катышевцев П. О. 526
Кельберг (Кольберг) П. А.
214, 223, 510
Кельберг (Кольберг) Р. П. 508
Кафаров П. И., см. Палладий
Кесарь, см. Цезарь
Кине, лицо неуст. 518
Киприян, отшельник 413
Киреев И. В. 394, 560
Киселев Е. 496
Киселев П. Д. 547
Кита, Китушка (Никита), см.
Трубецкой Н. С.
Клейменов В. В. 242, 516
Клейменовы, семья В. В. Клей-
менова 238
Клейнмихель П. А. 247, 520
Клепиков, казак 70

- Клаушин П. Н. 538
 Клаушина (урожд. Трубецкая) А. П. 226, 300, 418, 423, 430, 441, 442, 444, 528, 538
 Кноринг Е. Г., см. Якушкина Е. Г.
 Ковалевский Е. П. 365, 554
 Коваль С. Ф. 13, 47, 61, 547, 551
 Ковицкая А. Г., см. Лаваль А. Г.
 Ковалов И. И. 16
 Кокорев, откупщик 384
 Кологривов И. Н. 529
 Колокольцева Е. Ф., см. Муравьева Е. Ф.
 Колонко Э. В. 368
 Колошин С. П. 37, 520
 Колумб Х. 16
 Коварский Шимон 518, 534
 Конгри В. 484
 Коновалова А. Н. 40, 449, 536
 Кошовицына Е. П., см. Нарышкина Е. П.
 Констан Б. 16
 Константин Николаевич, вел. кн. 238, 516, 556
 Константинова М. К., см. Муравьева-Апостол М. К.
 Констанция Юлиановна, см. Тулинская К. Ю.
 Кольберг, см. Кельберг П. А. и Р. П.
 Корнилов И. П. 192, 193, 202, 215, 500, 504, 509
 Корнилович А. О. 69, 467
 Коробьин В. Г. 535
 Коробьина (урожд. Бибикова) Е. И. 535
 Корсаков М. С. 29, 53, 246, 247, 362, 366, 373, 436, 440, 441, 519, 555, 570
 Корсаков Н. А. 67, 465
 Корчин, моск. домовладелец 443
 Косова (урожд. Кюхельбекер) Ю. (У.) В. 486, 497, 498
 Коссаковская (урожд. Ходкевич) А. 349, 546
 Коссаковская (урожд. Лаваль) А. И. 197, 324, 349, 501, 548, 550
 Коссаковская А. С., см. Платер А. С.
 Коссаковская Е. С., см. Лемпицкая Е. С.
 Коссаковские, семья А. И. Коссаковской 348, 349, 351
 Коссаковский С. И. 550
 Коссаковский С. К. 335, 546
 Костров Н. А. 560
 Кострова, жена Н. А. Кострова 394
 Котуржинский, танцор 459
 Кочкарев И. Ф., персонаж пьесы Н. В. Гоголя «Женитьба» 356, 552
 Кочубей А. В. 547
 Кочубей Е. С., см. Волконская Е. С.
 Кочубей Л. В. 367, 554
 Кошелев А. И. 532
 Кошкули, семья 375
 Кошкуль (урожд. Ломоносова) В. П. 358, 363, 368, 552
 Кошкуль С. 375
 Краевский А. А. 476
 Красинский, варшавский домовладелец 265
 Краснокутский С. Г. 88, 89, 124, 472, 473
 Крез 140, 485
 Кривцов Н. И. 66, 160, 465, 491
 Кривцов С. И. 316, 464, 491, 541
 Кривцова А. В. 541
 Кривцова Е. Ф. 491
 Кривцова С. Н. 491
 Кроль, лицо неуст. 207, 212, 505
 Кропоткин Д. Н. 564
 Кропоткин Н. Д. 564
 Кропоткина (урожд. Борх) О. А. 404, 564
 Кругликов И. Г., см. Чернышев Кругликов И. Г.
 Крушель, фон дер 544
 Крыжановская, киевская домовладелица 541
 Крюков Н. А. 222, 510
 Крюкова (урожд. Сайлотова) М. Д. 510
 Кубалов Б. Г. 5—7, 22, 24, 27, 476, 491, 495, 496

Кузнецов А. К. 77
 Кузнецов Е. А. 106, 477, 483, 507, 518
 Кузнецов П. И. 237, 516
 Кузнецова Е. В. 106
 Кузьмина К. К. 88, 91, 102, 107, 127—129, 145, 147, 168, 173, 187—189, 197, 472, 476, 483, 486, 493, 501
 Кугель Б. К. 373, 508, 516, 556
 Кулешов, лицо неуст. 418, 567
 Куликаускене Н. В. 39
 Куманин, купец 266, 287
 Куракин Б. А. 470
 Куракина (урожд. Голицына) Е. Б. 83, 464, 470
 Куст, см. Куэт
 Кучевский А. Л. 34, 59, 103, 107, 109, 116, 161—163, 173, 178, 181, 262, 476, 477, 480, 491, 495, 496, 558
 Кучевский Ф. А. 34, 37, 43, 248, 262, 269, 276, 282, 307, 313, 323, 327, 330, 334, 339, 342, 346, 347, 355, 357, 365, 367, 380, 385, 386, 389, 391, 408, 413, 418, 426, 427, 430, 491, 520, 557, 558
 Куэт (Куст) фельдшер 3
 Кюстин А. 21
 Кюхельбекер А. В. 486
 Кюхельбекер А. М., см. Миштовт А. М.
 Кюхельбекер (урожд. Токарева) А. С. 485, 518
 Кюхельбекер В. К. 141, 172, 175, 185, 485, 492, 495, 497, 498, 505
 Кюхельбекер (урожд. Артенова) Д. И. 166, 186, 207, 486, 497, 498, 505
 Кюхельбекер И. В. 486
 Кюхельбекер М. В. 486, 497, 498
 Кюхельбекер М. К. 34, 49, 141, 187, 243, 392, 441, 485, 498, 505, 518, 548, 571
 Кюхельбекер Ю. (У.) В., см. Косова Ю. В.
 Кюхельбекер Ю. (У.) К., см. Глинка Ю. К.

Кюхельбекер Ю. (У.) М. 34, 243, 338, 357, 497, 498, 518, 547, 548

Лаваль, семья 6, 59, 466, 467
 Лаваль (урожд. Козицкая) А. Г. 27, 28, 466, 474, 479, 493, 500, 502, 542, 564
 Лаваль А. И., см. Коссаковская А. И.
 Лаваль Е. И., см. Трубецкая Е. И.
 Лаваль З. И., см. Лебцельтерн З. И.
 Лаваль И. С. 5, 69, 467, 564
 Лавинский А. С. 6, 7
 Ланжерон А. А. 464
 Ланжерон Е. А. 360, 553
 Ланжерон Ф. А., см. Андро Ф. А.
 Ланин Г. Ф. 211, 212, 331, 507
 Ланская А. В., см. Голицына А. В.
 Ланская В. В. 541
 Ланская С. В. 541
 Ланские, сестры 404
 Ланской С. С. 542
 Лапин, купец 528
 Лапина Н. А. 266, 527, 528
 Лебедев, актер в Иркутске 356, 552
 Лебцельтерн (урожд. Лаваль) З. И. 5, 17, 20, 148, 154, 198, 230, 232, 251, 267, 273, 318, 336, 339, 343, 348, 350, 351, 357, 364, 365, 371, 403, 410, 417, 418, 421, 429, 432, 433, 439, 487—489, 497, 501—503, 507, 514, 515, 521, 522, 528, 541, 550, 569
 Лебцельтерн Л.-А. 487
 Левицкий С. Л. 423
 Ледантю К. П., см. Ивашева К. П.
 Ледантю М. П. 482, 508, 530
 Лемпицкая (урожд. Коссаковская) Е. С. 341, 550
 Лемпицкий 550
 Ленин В. И. 44, 45, 566
 Лениц Э. Х. 562

- Лепарский С. Р. 9, 471, 486
 Лермонтов М. Ю. 44, 543, 564, 565, 571
 Лет (Летт) Р. Н. 51, 396—398, 402, 409, 412, 416, 561
 Липранди Е. П. 310, 388, 540, 547
 Лисовская А. В., см. Ентальцева А. В.
 Лобадн, моск. домовладелец 442
 Лобанов, чиновник в Иркутске 193, 500
 Ловицкий, врач 211, 212, 507
 Ломоносова В. П., см. Кошкуль В. П.
 Лопухин А. 398
 Лопухина Е. А., см. Трубецкая Е. А.
 Лорер Ек. Н. 544
 Лорер Н. И. 43, 44, 155, 266, 281, 311, 317, 321, 326, 330, 334, 341, 345, 347, 490, 543, 544, 548, 570
 Лорер-Россет Н. И., см. Арнольди Н. И.
 Лунин М. С. 21, 25, 56, 107, 123, 127, 141, 145, 478, 481, 483, 500
 Львов Л. Ф. 112, 113, 124, 479
 Львов Ф. Н. 38, 193, 401, 492, 499, 563, 570
 Львова Д. Ф., см. Семенова Д. Ф.
 Любомирская (урожд. Толстая) Е. Н. 350, 550
 Любомирский К. К. 550

 М., лицо неуст. 191, 499
 М. Ф., родственница Н. Н. Ребиндер 211, 507
 Маврина М. Е., см. Басаргина М. Е.
 Мадейская (урожд. Трубецкая) М. А. 533
 Мадейский Л. А. 291, 533
 Мадейские, семья 285, 291, 314, 406, 523
 Мазарович (урожд. Ельчанинова) А. И. 445, 572
 Мазарович И. С. 572

 Майер С. 438
 Макарий (Глухарев М. Я.), миссионер 429, 568
 Макарова Е. Н., см. Фролова Е. Н.
 Макдуся, няня в семье Ребиндеров 279
 Маклаков Н. В. 434, 570
 Максим Иванович, лицо неуст. 65, 464
 Максименко М. 509
 Максимович, полковник 107, 477
 Малевинский Н. И. 141, 485
 Малиновская (урожд. Пушина) М. И. 500
 Малиновский И. В. 500
 Малышев И. Э. 66, 67, 465
 Малышева (урожд. Каверина) Е. П. 66, 465
 Мамонтов, московский купец 292, 303
 Манукбей (урожд. Деянова) Е. Д. 374, 556
 Манукбей (Манук-Бей) И. (М.) Э. 556
 Манукбей, семья 375
 Марголис А. Д. 15
 Мария Александровна, имп. 455
 Маркович, домовладелец в Киеве 42
 Мартынов, адъютант Муравьева-Амурского 373, 555
 Масолов В. А. 215, 226, 509, 512
 Масолова (урожд. Горохова) К. Ф. 215, 509
 Масоловы 515
 Матильда, няня у Свербеевых 388, 558
 Матханова Н. П. 38, 61
 Мебеус, фотограф 406, 564
 Меглин, врач 269
 Медведева О. И., см. Басаргина О. И.
 Медведникова Е., купчиха 481, 497
 Медведниковы, купцы 321, 542
 Мейзенбут М. 47
 Мейендорф П. К. 67, 465
 Мекленбург-Стрелицкий, герцог 527

Мелинари, профессор Киевско-
го ун-та, 397, 562
Мельгунов Н. А. 38
Менген В., см. Свербеева В.
Менделеева О. И., см. Басаргина
О. И.
Меннон С. 549
Меншиков А. Д. 466
Меншиков А. С. 67, 227, 239,
466, 513, 517
Меринг, врач 337, 355, 383
Меркушев 203, 503
Меркушев П. А. 503
Меркушев Ф. А. 503
Мешалкина М. М. 248, 520
Мещерская М. А. 54, 438
Мещерская С., см. Басаргина
С.
Мещерская, приятельница Е. П.
Потемкиной 390
Миклашевский И. М. 495
Мироненко С. В. 61
Митьков М. Ф. 18, 88, 104,
472, 473, 477, 492
Михаил Николаевич, лицо не-
уст. 240
Михаил Павлович, вел. кн. 15,
574
Михальский С. О. 299, 537
Михеевна, см. Мешалкина М. М.
Михневич И. Г. 385, 558
Мичурина, купчиха 321, 542
Мишле Ж. 547
Миштовт (урожд. Кюхельбекер)
А. М. 34, 186, 207, 441,
485, 497, 498, 505, 548
Миштовт В. К. 211, 497, 498
505
Мищенко, лицо неуст. 228, 513
Мозалевский А. Е. 482
Мозгалевская Е. А. 124, 560
Мозгалевский Н. О. 560
Мойер Г. 537
Мок, лицо неуст. 250, 522
Мокрежский М. Ф. 207, 505
Моллер (урожд. Муравьева)
А. Н. 360, 364, 366, 376,
378, 556
Моллер, подполковник, муж
А. Н. Моллер 553
Молодецкий, владелец хутора
под Одессой 301
Молчанов Д. В. 313, 506, 508,
511, 513, 519, 529, 530

Молчанов С. Д. 510, 519
Молчанова Е. С., см. Волкон-
ская Е. С.
Молчановы 207, 530
Момбелли Н. А. 193, 499
Монтескье, мемуаристка 16
Мор Т. 16
Морозов, лицо неуст. 206, 504
Муравинский, лицо неуст. 251,
522
Муравьев А. З. 4, 72, 104, 107,
146, 158, 159, 161, 166,
172, 176, 177, 181, 468,
486, 490, 491, 496
Муравьев А. М. 21, 27, 120,
127, 129, 159, 166, 183,
186, 190, 300, 301, 472,
474, 481, 491, 492, 497,
537, 553
Муравьев А. Н. 40, 46, 408,
463, 538, 560, 565, 574
Муравьев М. А. 360, 378, 429,
537, 553
Муравьев М. Н. 280, 355, 529,
532, 539, 540, 560
Муравьев Н. А. 159, 481, 491
Муравьев Н. М. 20, 21, 25—
27, 102, 107, 108, 118,
120, 128, 129, 141, 145,
159, 464, 472, 474, 475,
483, 485, 490, 491, 571
Муравьев Н. Назарович 107,
108, 183, 496
Муравьев-Амурский Н. Н. 28,
29, 43, 201, 202, 206, 216,
217, 229, 236, 238, 239,
250, 251, 254, 264, 275,
287, 290, 295, 306, 310,
328, 338, 343, 344, 353,
358, 359, 362, 364—367,
369, 372, 373, 375, 378,
397, 436, 437, 496, 500,
502—507, 509—514, 516—
518, 520—522, 524, 531,
532, 536, 539, 545, 546,
552—556, 562, 563, 569—
571
Муравьев-Апостол М. И. 30,
31, 53, 54, 59, 60, 68, 70,
89, 94, 96, 104, 111, 113,
114, 120, 122, 128—130,
132, 137, 139, 142, 144,
147, 153, 154, 158, 160,
165, 170, 172, 173, 177.

- 180, 181, 183, 186, 201,
248, 255, 266, 332, 390,
393, 418, 426, 466, 473,
474, 479, 492—494, 497,
498, 502, 514, 528, 529,
531, 544, 546, 560, 562,
568
- Муравьев-Апостол С. И. 60,
467, 468
- Муравьевы-Апостолы, декабристы 571
- Муравьев-Карский Н. Н. 248,
513, 520
- Муравьева А. А., в замужестве
Абаза 537
- Муравьева (урожд. Чернышева)
А. Г. 13, 15, 20, 472, 496,
504
- Муравьева А. Н., см. Моллер
А. Н.
- Муравьева Ек. А., в замужестве
Бючау-Тельфер 537
- Муравьева (урожд. Ришмон)
Ек. Н. 201, 239, 251, 310,
336, 373, 503, 504, 510,
522
- Муравьева (урожд. Колокольцева
Е. Ф. 118, 129, 474,
480
- Муравьева Ел. А., в замужестве
Самойлович 537
- Муравьева (урожд. Бракман)
Ж. А. 299, 301, 481, 537
- Муравьева С. М. 237, 516
- Муравьева С. Н. (Нонушка),
см. Бибилова С. Н.
- Муравьева (урожд. Позен) (?)
М. 355, 552
- Муравьева-Апостол Е. И., см.
Бибилова Е. И.
- Муравьева-Апостол (урожд.
Константинова) М. Н. 158,
479
- Муравьевы (Н. М., А. М.,
А. Г.) 102, 106, 107, 472,
483
- Муромцевы 443
- Муханов П. А. 29, 37, 50, 95,
141, 157, 181, 193, 194,
203, 207, 392, 475, 503,
508
- Мясников Н. Ф. 158, 558
- Н. Ш., см. Шукин Н. С.
- Наденька Л., см. Лапина Н. А.
- Назаров, лицо неуст. 423
- Назимов В. И. 542, 574
- Назимов М. А. 155, 490
- Наполеон I (Наполеон Бонапарт) 175
- Наполеон III 450, 516, 572
- Нарышкин М. М. 20, 54, 316,
317, 450, 490, 542
- Нарышкина (урожд. Коновницына) Е. П. 13, 155, 316,
401, 450, 490
- Нарышкины 246, 266, 333,
450, 519, 559
- Нахимов П. С. 509
- Невельская (урожд. Ельчанинова) Е. И. 445, 555
- Невельские 416
- Невельской Г. И. 36, 52, 373,
513, 555, 567
- Неклюдов М. С. 53, 563, 570
- Нелидова А. А., см. Трубецкая А. А.
- Нелли, Нелинька, см. Волконская Е. С.
- Неугодникова Т. А., см. Свистунова Т. А.
- Неустроева М. А., см. Горбунова М. А.
- Неустроева Н. А. 520, 547
- Нечкина М. В. 45
- Никитенко А. В. 40, 520, 540,
569
- Никитина Т. Ю. 61
- Николай I, имп. 6, 15, 21,
26, 56, 487, 494, 510, 516,
520, 526, 571
- Николай Николаевич, вел. кн. 315
- Николай Михайлович, вел. кн. 562
- Нил (Исакович Н. Ф.), архиепископ иркутский 27,
151, 488, 508
- Нина, см. Пушина А. И.
- Ниротморцев, коннозаводчик в Пензе 415
- Нонушка, см. Бибилова С. Н.
- Норов А. С. 309, 310, 539,
540, 569
- Норов В. С. 540

Оболенская (урожд. Баранова)
В. С. 494

Оболенская (урожд. Трубец-
кая) Д. П. 300, 316, 395,
396, 434, 442, 444, 538

Оболенская Н. Е. 497

Оболенская (урожд. Оболенс-
кая) Н. П. 538

Оболенские, дети декабриста
523

Оболенский А. В. 242, 250,
518

Оболенский Андрей В. 396, 561

Оболенский Д. А. 396, 444,
538, 561, 571

Оболенский Е. П. 4, 6, 8, 13,
37, 39, 43, 53, 54, 59, 94,
95, 98, 100, 104, 105, 109,
112—114, 116, 118, 120—
123, 125, 132, 134, 140—
142, 144, 145, 147, 156,
161, 164, 165, 172, 185, 189,
248, 326, 329, 332, 390,
392, 393, 400, 401, 450,
464, 469, 474—482, 484,
491—494, 497, 498, 506,
514, 515, 531, 545, 546,
562

Оболенский П. Н. 479, 538

Обухов, лицо неуст. 218

Овца А. И. 400, 562

Огарев Н. П. 47, 48, 57, 547,

Огарев, флигель-адъютант 212

Одоевский А. И. 566

Одоевский В. Ф. 17

Оболенская К. Ю., см. Тулинс-
кая К. Ю.

Оленин А. А. 464

Оленин А. Н. 65, 464

Оленин Г. Н. 464

Оленин П. А. 464

Оленина А. А., см. Ланжерон
А. А.

Оленина (урожд. Оленина)
В. А. 464

Оленина (урожд. Полторац-
кая) Е. М. 65, 464

Олендская К. Ю., см. Тулинс-
кая К. Ю.

Олсуфьев В. Д. 59, 67, 68,
466

Ольга, лицо неуст. 213, 508

Ольга Ивановна, см. Иванова
О. И.

Ольдекоп Ф. Ф. 437, 570, 571

Орлов А. Ф. 27, 493

Орлов М. Ф. 506

Орлов-Давыдов А. В. 537

Орлова (урожд. Раевская)
Е. Н. 27, 87, 506

Павловский, православный свя-
щенник в Дрездене 422

Падалка В. К. 394

Павлова В. П. 5, 6, 21, 39, 467

Павлюченко Э. А. 14

Палехин, киевский домовладе-
лец 42, 296

Паладий (Кафаров П. И.)
344, 548, 569

Панин А. Н. 54, 434, 437

Панин В. Н. 273, 401, 425,
433, 530, 561, 563, 569

Панов Н. А. 29, 50, 107, 166,
190, 193, 392, 478, 500

Панова (урожд. Савина) С. А.
190, 499

Панютин Ф. А. 551

Паскаль Б. 119, 480

Паскевич И. Ф. 509

Пассут В. М. 18

Пасторна Л. 379

Пашкова Д. И., см. Сушкова
Д. И.

Певцов, дуэлянт 398, 562

Пемброк (урожд. Воронцова)
Е. С. 553

Пемброк, лорд 364

Первуинский, лицо неуст. 60

Перегудова Э. И. 61

Перекрестов, начальник Куто-
моранского завода 193

Переслени В. М. 533

Переслени (урожд. Давыдова)
Е. В. 281, 283, 293, 323,
327, 506, 533, 546

Пермыкин Г. М. 441, 571

Перовский Л. А. 516

Персин И. С. 59, 112, 145—
147, 159, 168, 171, 188,
191, 194, 197, 198, 200,
201, 215, 220—224, 479,
491, 494, 498, 500, 501,
509, 512, 513, 526, 544

- Персин П. С. 488, 502
 Персин С. И. 203, 503
 Персина (урожд. Безанова?)
 А. А. 34
 Перфильев, начальник 2-го
 корпуса жандармов 40, 41
 Перфильева, лицо неуст. 434,
 570
 Пестель П. И. 70, 465, 468
 Петрарка Ф. 269, 529
 Петрашевский М. В. 39, 50,
 392, 401, 499, 500, 563
 Петров, коллежский регистра-
 тор 6
 Петрово-Соловово М. Г. 360,
 553
 Петрово-Соловово Г. Ф. 553
 Петрово-Соловово (урожд. Га-
 гарина) Н. С. 380, 553
 Пешуров А. Н. 554
 Пешурова В. А. 368, 554
 Пешурова М. А., см. Трубец-
 кая М. А.
 Пешурова Н. А., см. Галахова
 Н. А.
 Пирогов Н. И. 353, 363, 551,
 553, 554, 556
 Плалер (урожд. Коссаковская)
 А. С. 349—351, 550
 Плалер С. 550
 Плещеев А. А. 564
 Плещеева М. А., см. Дорохова
 М. А.
 Платоновичи, см. Трубецкой
 Николай П.
 Повало-Швейковский И. С. 105,
 117, 118, 155, 156, 186,
 477, 480, 489, 492, 497
 Поджио А. В. 29, 38, 42, 53,
 127, 135, 165, 226, 242,
 278, 303, 304, 307, 328,
 329, 331, 338, 359, 360,
 364, 366, 389, 393, 394,
 396, 400, 424, 425, 427,
 432, 433, 477, 484, 512,
 515, 539, 547, 553, 561,
 568, 570
 Поджио В. А. 512
 Поджио И. В. 477, 543
 Поджио (урожд. Смирнова)
 Л. А. 303, 396, 424, 426,
 512, 532
 Поджио Л. И. 323, 543
 Поджио, братья (декабристы)
 24, 107
 Поджио, семья А. В. 207, 424,
 560
 Подколесин И. К., персонаж
 пьесы Н. В. Гоголя «Же-
 нитьба» 356, 552
 Подчасская Е. П., см. Потемки-
 на Е. П.
 Подчасские, семья 405
 Подчасский И. И. 426, 429,
 430, 432, 543, 562
 Подчасский Л. И. 400, 562
 Позен М. П. 355, 552
 Полевой Н. А. 16
 Поликарп, священник 98, 99
 Полторацкая Е. М., см. Оле-
 нина Е. М.
 Полторацкий А. П. 37, 520
 Помпадур, маркиза 16
 Понатовский А. С. 308, 539
 Поротов Е. М. 505
 Поротовы, семья Поротова
 Е. М. 206, 505
 Постнов Ю. С. 559
 Потапова А. И., см. Давыдова
 А. И.
 Потемкин А. М. 341, 548
 Потемкин Г. А. 306
 Потемкин С. П. 530, 541,
 546, 548
 Потемкина (урожд. Трубец-
 кая, во 2-м браке Под-
 часская) Е. П. 5, 39, 40,
 49, 59, 60, 61, 67, 83,
 212, 257, 306, 321, 341,
 417, 470, 515, 522, 524,
 530—532, 541, 543, 545,
 549, 552, 562, 564, 568,
 569
 Потемкина (урожд. Голицына)
 Т. Б. 19, 314, 465, 548,
 566
 Потемкины, семья Е. П. 530
 Потемкины, семья Т. Б. 409
 Потоцкая 351
 Потоцкий, помещик Киевской
 губ. 285
 Похвистнев А. Н. 207, 217,
 505
 Прейспиз (Проспиз) В. 157,
 161, 490
 Прудон П. 31, 547,
 Пугачева А. Н. 471

Путята Д. В. 458, 574
 Путятин Е. В. 43, 221, 290,
 310, 337, 344, 375, 510,
 511, 513, 535, 536, 539,
 540, 548, 556
 Пуччи, пианист 176
 Пушкин А. С. 16, 17, 465,
 525, 531, 547, 557, 566, 570,
 571
 Пушкин С. С., см. Бобрищев-
 Пушкин С. С.
 Пушкин И. И. 26, 29—31, 36,
 42, 48, 49, 55, 59, 95,
 105, 108, 109, 112, 114,
 119—121, 123, 124, 130,
 134, 139, 140, 142, 144, 145,
 154—156, 160, 165, 172,
 183, 185, 186, 193, 207,
 213, 214, 216, 225, 229,
 230, 242, 244, 246, 247,
 292, 298, 299, 301, 316,
 325, 329, 331, 332, 346,
 381, 391, 465, 475—478,
 480—486, 489—494, 496—
 498, 500, 504, 509, 511,
 514, 515, 518—520, 524,
 529, 535—537, 544, 546,
 549, 559, 562, 564
 Пушкин И. Н. (сын декабрис-
 та) 327, 406, 564
 Пушкин М. И. 298, 326, 536
 Пушкин Н. И. 154, 156, 326,
 489, 544, 564
 Пушкин П. И. 44
 Пушкин П. С. 360, 553
 Пушина А. И. 218, 244, 248,
 295, 327, 406, 494, 518,
 536, 564
 Пушина (урожд. Рябинина)
 А. М. 485
 Пушина (урожд. Бриммер)
 Г. А. 553
 Пушина М. И., см. Малинов-
 ская М. И.
 Пушина Н. Д., см. Фонвизина
 Н. Д.
 Пузины, семья И. И. 43, 546
 Пфаффус Е. В. 37, 273, 295,
 304, 305, 505, 530
 Пфаффус (урожд. Боборыки-
 на) Н. А. 530
 Пьер, аббат 484
 Пэт А. 510, 518
 Пятницкая Л. А. 107, 477

Пятницкий А. В. 28, 118, 477,
 486, 487, 496

Раевская Ек. Н., см. Орлова
 Е. Н.

Раевская Ел. Н. 209, 506

Раевская С. Н. 209, 224, 506,
 511

Раевские, родители М. Н.
 Волконской 533

Раевский А. Н. 41

Раевский В. Ф. 29, 38, 257,
 258, 525, 563, 570

Раевский Н. Н. 506

Расшишевская Л. В., см. Тру-
 бецкая Л. В.

Ред Н. А. 513

Ребиндер (урожд. Трубецкая)

А. С. 14, 15, 19, 34, 35,
 39, 42, 44, 49, 50, 52, 53,
 59, 87—91, 93, 98, 102,
 104, 107, 111, 117, 119,
 120, 122, 123, 125, 127,
 129, 130, 133—137, 140,
 165, 167, 169, 176, 181,
 184, 187, 188, 204, 205,
 210, 211, 216, 219—221,
 225, 227, 230, 234, 235,
 241, 242, 247, 250—252,
 257, 260, 263—265, 267—
 270, 272, 274, 276—279,
 284—286, 289, 291—294,
 296, 298, 300—305, 307—
 310, 313—316, 318, 319,
 321—324, 328, 330, 336,
 337, 341, 342, 345, 347,
 348, 353, 355—361, 363,
 365, 367—369, 371, 373,
 375, 377—382, 386, 388,
 389, 395—399, 402, 406,
 409—415, 417—422, 425,
 429, 433, 434, 445—447,
 450, 472, 474, 495, 496,
 500, 503, 504, 507, 509,
 510, 512, 514, 515, 519,
 522—527, 529, 536, 543—
 545, 547, 551, 554, 555,
 557, 558, 560, 563, 564,
 567

Ребиндер Г. М. 35, 146, 486

Ребиндер Е. Н. 337, 341, 364,
 388, 395, 404, 410, 421,

- 425, 428, 429, 431, 449,
511, 544, 567
- Ребиндер Надежда Н. 211,
219, 286, 296, 314, 316,
356, 363, 375, 378, 379,
383, 384, 405, 415, 421,
425, 428, 430, 432, 440,
447, 448, 450, 504, 507,
511
- Ребиндер Н. Н. (внук С. П.
Трубецкого) 286, 296, 302,
307, 308, 356, 357, 363,
395, 425, 432, 440, 447,
448, 511, 524
- Ребиндер Н. Р. 29, 34, 35, 44,
47, 49, 53, 204, 206, 207,
211, 212, 217—219, 237,
238, 241, 252, 253, 260,
263—265, 269, 272, 276,
278, 280, 286, 290, 292,
294, 296, 304, 309, 310,
313, 314, 330, 337, 340,
347, 353, 354, 356—358,
365, 369, 372, 375, 378,
380, 382, 383, 388, 389,
392, 395, 396, 402—406,
409—415, 417—422, 425,
427, 428, 430, 433, 435,
439, 443—446, 448, 503—
507, 509, 511, 514, 515,
521, 522, 536, 538—541,
544, 548, 551, 552, 555—
558, 566—569, 571, 572
- Ребиндер С. Н. 212, 216, 218,
263, 280, 285, 296, 301,
302, 309, 341, 356, 364,
395, 420, 421, 432, 447,
448, 511, 514, 515, 567
- Ребиндеры, семья А. С. 37, 39,
43, 44, 52, 217, 219, 286,
287, 291, 327, 354, 372,
406, 409, 507, 511, 515,
521, 529, 544, 551, 570
- Ревякина А. К. 491
- Редерер, автор учебника по гео-
метрии 448
- Рейхель (урожд. Афанасьева)
С. А. 308, 527
- Рейхель С. Х. 333, 527, 539
- Рейхель Х. Я. 176, 264, 303,
317, 495, 539
- Рейхель Я. Х. 264, 269, 273,
527
- Ржевская М. А., см. Свисту-
нова М. А.
- Ржевуцкий, ген.-адъютант 291
- Рибопьер А. И. 354, 531
- Ригельман, киевский помещик
340
- Риж М. 8
- Римский-Корсаков В. А. 59
- Ришмон Е. Н., см. Муравьева
Е. Н.
- Ришье Ю. Ф. 188, 498
- Розен А. Е. 11, 12, 20, 137,
207, 333, 546
- Розен А. Ф., см. Струве А. Ф.
- Розен Н. Ф. 505
- Розен, часовщик в Иркутске
536
- Розен, баронесса, лицо неуст.
436
- Розенберг А. Г. 120, 480
- Россет А. О., см. Смирнова-
Россет А. О.
- Россет (урожд. Лорер) Н. И.
571
- Ростовцев Я. И. 309, 310, 458,
539, 561, 574
- Ростопчин А. Ф. 545
- Ростопчина Е. П. 328, 545
- Ротчев А. Г. 518
- Ротчева Е. П. 37, 243, 244,
518, 519
- Ротшильд Д. 501
- Руссо Ж.-Ж. 38, 518
- Руперт В. Я. 26—28, 147, 151,
482, 486, 488, 493, 496,
507, 561
- Руперт О. В., в замужестве
Базилевская О. В. 503
- Рыкачев В. Н. 364, 366
- Рылеев К. Ф. 468
- Рыльская (урожд. Трубецкая)
Д. А. 265, 527, 535
- Рюмин, см. Бестужев-Рюмин
Н. П.
- Рябинин А. А. 562
- Сабир, флигель-адъютант 212
- Саблер В. Ф. 530
- Савина С. А., см. Панова С. А.
- Савичевский К. 53, 304, 305,
448, 539, 572
- Сайлотова М. Д., см. Крюко-
ва М. Д.

Салтыкова (урожд. Долгорукова) Е. В. 457, 574
 Санд (Занд) Ж. 518
 Сафонова А. В., см. Кривцова А. В.
 Свербеев А. Д. 335, 546
 Свербеев В. Д. 418, 567
 Свербеев Д. Н. 317, 335, 354, 390, 397, 405, 407, 411, 428, 429, 438, 439, 442, 445, 449, 525, 543, 552, 554, 555, 562
 Свербеев Д. Н., внук С. П. Трубецкого 354, 355, 357, 361, 363, 365, 367, 371, 373, 374, 380, 385, 386, 388, 397, 551, 558
 Свербеев Н. Д. 29, 34, 36—38, 46—48, 52, 53, 202, 213, 218, 227, 237, 239, 240, 250, 260, 266, 268—270, 272, 275, 278, 280, 281, 284, 293, 294, 298, 300, 302, 306, 308, 309, 311, 315, 319, 323, 328, 330, 331, 336—343, 351, 353—355, 357—359, 361, 365—368, 372—374, 376, 378, 382, 385, 386, 388, 389, 392, 396, 398, 411, 414, 415, 417, 421, 427, 430, 433—435, 439, 440, 442, 445, 449, 475, 503, 505, 509, 513—518, 521, 522, 525, 526, 528, 529—532, 534—536, 538—541, 543, 547—550, 551—556, 558, 561—564, 566, 567, 570, 571
 Свербеев С. Н. 61, 280, 281, 291, 292, 294, 298, 305, 307, 315, 318, 319, 323, 328, 331, 335, 343, 358, 379, 388, 397, 532
 Свербеева (урожд. Менгден В.) 546
 Свербеева В. Д., см. Арнольди В. Д.
 Свербеева (урожд. Щербатова) Е. А. 59, 281, 294, 335, 389, 407, 417, 418, 432, 435, 436, 441, 444, 525, 526
 Свербеева Е. Д. 59, 323, 343, 358, 359, 361, 363, 375,

378, 385, 404, 405, 417—419, 421, 422, 425, 429, 430, 433, 441—443, 567, 568
 Свербеева (урожд. Трубецкая) З. С. 27, 37, 41, 90, 91, 93, 98, 117, 120, 123, 133, 136, 137, 143, 153, 165, 181, 184, 187, 188, 207, 212, 221, 227, 228, 235, 243, 244, 247, 248, 250, 252, 260—262, 264, 265, 267, 268, 270—277, 279, 280, 282, 286, 287, 289, 292, 294, 296—298, 300, 302, 303, 305, 306—309, 311—313, 315—318, 320—324, 326, 328—332, 336, 339, 340, 342, 343, 345—348, 351, 352, 354, 355, 357—359, 361, 363, 365, 366—371, 373, 374, 376—379, 382, 385, 386, 391, 394, 395, 398, 399, 403—405, 407, 410—412, 414, 415, 417, 419, 421—424, 428, 429, 431—434, 439, 440, 442, 443, 445, 446, 449, 474, 483, 488, 493, 507, 521—523, 525, 527, 540—542, 545, 547, 549, 552, 558, 561, 564, 565—571
 Свербеева О. Д. 307, 444, 539
 Свербеева С. Д. 397, 400, 401, 406, 418, 434, 444, 562, 564
 Свербеевы, семья Д. Н. и Е. А. 401, 525, 535, 570
 Свербеевы, семья З. С. и Н. Д. 42, 45, 47, 49, 59, 259, 262, 263, 268, 271, 274, 275, 278, 289, 300, 304, 308, 314, 317, 319, 323, 328, 330, 336, 339, 348, 350, 352, 354, 355, 358, 361, 363, 365, 368, 374, 378, 381, 389, 428, 523, 526, 529, 532, 538, 541, 550—559, 562, 564, 568
 Свербеч, см. Свербеев Н. Д.
 Свиштунов А. Н. 530, 536
 Свиштунов П. Н. 11, 40, 118, 183, 185, 209, 218, 255,

271, 272, 295, 390, 400,
401, 450, 476, 480, 497,
524, 529, 530, 536, 544,
572, 573

Свистунова (урожд. Ржевская)
М. А. 536

Свистунова (урожд. Неугодни-
кова) Т. А. 497

Святопулк-Четвертинская Н. Б.,
см. Шаховская Н. Б.

Селиванов Ф. В. 103

Селиванова М. Н., см. Бесту-
жева М. Н.

Селин А. И. 269, 308, 330,
529

Семен, служитель у Свербее-
вых 390, 559

Семен Васиьевич, см. Семен-
нов А. В.

Семенов А. В. 112, 479

Семенов Н. П. 555

Семенов С. М. 209, 506

Семенов Д. Ф. 479

Сенека Л.-А. 118, 480

Сенявин Л. Г. 238, 516

Серакаприола, см. Серра-Кап-
риола

Серра-Каприола (урожд. Вя-
земская) А. А. 555

Серра-Каприола А. М., герцог
371, 555

Сергей Александрович, лицо
неуст. 194, 499, 500

Серебренников, купец 331, 546

Сеславин А. Н. 29, 514

Сиверс А. А. 41

Сиверс П. А. 207, 492, 505

Сильверстгельм А. Е., см.
Зильверстгельм А. Е.

Сканцони, врач 351

Скотт В. 16

Скрябин А. Н. 262, 526

Словацкий Ю. 20

Смирнов Н. М. 571

Смирнов, винокур 5

Смирнов, врач 389, 390, 558

Смирнова Л. А., см. Поджио
Л. А.

Смирнова-Россет А. О. 17,
543, 571

Смирновы, семья А. О. и
Н. М. 439

Смолянинов С. И. 524

Смолянинова Ф. О. 256, 524

Созонович А. П. 502

Созонович Е. П. 502

Созонович П. Г. 203, 502, 503

Созонович П. П. 203, 502

Соколов А. П., см. Афона-
сий, архиепископ иркутский

Соколова А. Ф., см. Фален-
берг А. Ф.

Сокольский А. Н. 328, 545

Солдатов П. В. 207, 505

Соловов Г. Ф., см. Петрово-
Соловово Г. Ф.

Соловов М. Г., см. Петрово-
Соловово М. Г.

Соловов Н. С., см. Петрово-
Соловово Н. С.

Соловьев В. Н. 275, 427, 482,
530, 531

Сорокин В. В. 54

Сосинович И. Ф. 474

Сперанский М. М. 494

Спешнев Н. А. 401, 499, 500,
563

Спиридов М. М. 95, 209,
475, 492, 506

Стеблин-Каминский Е. П. 526

Стирлинг, английский адми-
рал 223

Строганов А. Г. 375, 556

Стромилова, московская домо-
владелица 49, 392

Струве (урожд. Розен) А. Ф.
207, 228, 505, 513

Струве Б. В. 29, 228, 242,
505, 513, 518, 519

Струве В. Я. 518

Ступак, врач 212

Суровцев Л. М. 207, 505

Сутгоф А. Н. 21, 88, 90, 91,
95, 107, 128, 139, 159,

160, 279, 295, 317, 472,
474, 478, 530, 532, 542

Сутгоф (урожд. Янчуговская)
А. Ф. 311, 324, 332, 478,
540

Сутгофы, семья 107

Сухова-Кобылин А. В. 555

Сухожанет Н. А. 436, 570

Сухотин М. Н. 517

Сушков Н. В. 328, 545

Сушков П. В. 545

Сушкова (урожд. Пашкова)
Д. И. 328, 545

Сю Э. 16, 17

Тагаров З. Т. 546
 Тальская О. С. 494
 Тарасевич Э. К. 60
 Тассо Т. 269
 Тизенгаузен В. К. 105, 112,
 114, 132, 137, 139, 147,
 153, 158, 160, 165, 170,
 214, 301, 326, 477, 479,
 489, 492, 508, 537
 Тизенгаузен М. В. 537
 Тизенгаузен Д. Ф., см. Фи-
 кельмон Д. Ф.
 Токарева А. С., см. Кюхель-
 бекер А. С.
 Толстая (урожд. Грузинская)
 А. Г. (Е.) 316, 432, 541
 Толстая А. П., см. Бахметьева
 А. П.
 Толстая А. Ф., см. Закревская
 А. Ф.
 Толстая (урожд. Трубецкая)
 В. П. 32, 99, 300, 301,
 412, 416, 418, 537, 538,
 566
 Толстая М. Е., в замужестве
 Орлова-Давыдова М. Е.
 301, 537
 Толстая Е. Н., см. Любомир-
 ская Е. Н.
 Толстой Е. П. 301, 412, 537,
 566
 Толстой И. Н. 491, 492, 518
 Толстой М. Д., помещик Одес-
 ского уезда Херсонской
 губ. 364, 379
 Толстой Н. Н. 306, 531, 535,
 540
 Толстой Ф. П. 492
 Толстой Я. Н. 321, 332, 542,
 551
 Толстые, семья М. Д. Толсто-
 го 374
 Толь Ф. Г. 499
 Томникова А. Т. 490
 Тон К. А. 17
 Торопов А. И. 505
 Тороповы, семья А. И. Торо-
 пова 206, 505
 Торсон Е. П. 214, 243, 275,
 333, 494, 518, 530, 531
 Торсон К. П. 172, 494, 508
 Торсон Ш. К. 494

Трубецкая (урожд. Неллдова)
 А. А. 528, 561
 Трубецкая (Лина) А. Н., см.
 Голицына А. Н.
 Трубецкая А. П., см. Клаузи-
 на А. П.
 Трубецкая А. С., см. Ребин-
 дер А. С.
 Трубецкая В. П., см. Толстая
 В. П.
 Трубецкая Гл. Н. 266, 528
 Трубецкая Д. А., см. Рыльс-
 кая Д. А.
 Трубецкая (урожд. Лаваль)
 Е. И. 3, 5—7, 9, 13—17,
 20—22, 24, 26—30, 36,
 39, 50, 52, 54, 55, 59, 61,
 70—74, 76, 77, 79, 80,
 82—87, 96, 188, 205, 252,
 466—476, 478—481, 485,
 487, 489—491, 493, 496,
 499—502, 505, 511—514,
 521—523, 525, 527, 528,
 532—534, 541, 542, 544,
 545, 552, 563, 565
 Трубецкая Ек. Н., см. Голи-
 цына Ек. Н.
 Трубецкая (урожд. Лопухина)
 Ел. А. 545
 Трубецкая (урожд. Бахметье-
 ва) Ел. Н. 556
 Трубецкая Ел. С., см. Давы-
 дова Ел. С.
 Трубецкая З. С., см. Свербее-
 ва З. С.
 Трубецкая Л. А., лицо неуст.
 444, 572
 Трубецкая (урожд. Расцишев-
 ская) Л. В. 532
 Трубецкая (урожд. Пешурова)
 М. А. 311, 335, 342, 346,
 368, 369, 425, 527, 528,
 540, 554, 568
 Трубецкая Н. А., см. Шахов-
 ская Н. А.
 Трубецкая (урожд. Багратион-
 Мухранская) С. И. 534
 Трубецкая С. С. 27, 163, 165
 Трубецкие, братья декабристы
 60
 Трубецкие В. А. и М. А. 405
 Трубецкие Алексей и Гоша
 432

- Трубецкие, семья Н. П. и
А. А. 266
- Трубецкие (семья декабриста) 6, 16, 17, 21—30, 34—37, 42, 171, 184, 476, 478, 483, 489, 492, 497, 501, 502, 504, 507, 509, 512, 513, 520, 522, 526, 527, 529, 536, 546, 564, 570, 571
- Трубецкой А. П., 3, 527, 532
- Трубецкой В. А. 40, 264, 269, 270, 275, 280, 294, 311, 345, 527, 529, 531, 536, 540
- Трубецкой В. В. 61, 62
- Трубецкой В. С. 21, 93, 95, 97, 106, 146, 474, 475
- Трубецкой И. С. 27, 37, 43, 49, 50, 59, 165, 181, 212, 217, 227, 235, 244, 252, 253, 263, 265, 266, 269, 276, 278, 281, 282, 291, 294, 296, 305, 307, 309, 310, 315, 318, 319, 323, 327, 330, 334, 339, 342, 346, 347, 349, 350, 352, 355, 357, 360, 361, 363, 365, 368, 369, 373, 380—382, 384, 385, 388—391, 395, 396, 399, 405, 407, 408, 410—418, 420, 421, 424—426, 428, 430, 432, 433, 437, 440, 442, 450, 490, 491, 494, 507, 512, 520, 522, 523, 557, 558, 566, 568, 569
- Трубецкой Н. П. 15, 149, 253, 267, 318, 488, 522, 528, 552, 561
- Трубецкой Николай Н. 264, 317, 328, 428, 526, 545, 568
- Трубецкой Н. С. 24, 87, 90, 91, 93, 98, 104, 117, 121, 127, 133, 472, 475, 477, 482
- Трубецкой Николай П. 527
- Трубецкой Н. С. 528
- Трубецкой П. А. 264, 527
- Трубецкой П. Н. 264, 526
- Трубецкой П. П. 42, 299, 308, 504, 566
- Трубецкой С. Г. 62
- Трубецкой С. Н. 290, 418, 534, 567
- Трубников В. 46
- Трубников К. В. 508
- Тулинская (урожд. Олендская) К. Ю. 34, 227, 238, 242, 243, 263, 265, 287, 324, 513, 516, 518, 538
- Тулинские, семья К. Ю. Тулинской 310, 349
- Тулинский (Толинский) К. 242, 518
- Туманская (урожд. Бриген) М. А. 495
- Тургенев А. И. 66, 175, 465, 466, 495, 547
- Тургенев И. С. 44, 547
- Тургенев Н. И. 66, 67, 292, 293, 295, 300, 302, 464, 465, 535—537, 547, 548
- Тургенев С. И. 337, 338, 547
- Туркестанова Е. И. 68, 466
- Тьер Л.-А. 175, 495
- Тютчев А. И. 222, 510, 560
- Тютчева (урожд. Жибина) А. П. 510, 560
- Тютчева Н. Н., см. Шереметева Н. Н.
- Тютюнник Л. И. 61
- Уварова (урожд. Лунина) Е. С. 483
- Ульрихс Ф. Ю. 572
- Улыбышев А. Д. 40
- Унковский А. М. 407, 565
- Урусов С. Н. 504
- Урусова (урожд. Трубецкая) Е. П. 206, 300, 301, 316, 405, 418, 442, 444, 504, 538
- Успенская (?) П. 206, 504
- Успенский П. Н. 505
- Фаленберг (урожд. Соколова) А. Ф. 550
- Фаленберг П. И. 346, 550
- Фалькенберг Н. Н. 124, 482
- Федоров Б. М. 495
- Федоров В. А. 557
- Федорович В. М. 304, 406, 448, 539

Федоровский, лицо неуст. 53
 Ферзен, барон 492
 Фикельмон (урожд. Тизенгаузен) Д. Ф. 17
 Филиппеус, лицо неуст. 228, 513
 Флеровский В. 174, 495
 Фокла, см. Клаушина А. П.
 Фон-Баль М. К. 406, 408, 564, 565
 Фонвизин И. А. 503, 506
 Фонвизин М. А. 20, 24, 26, 30, 32, 33, 37, 59, 60, 88, 99, 110, 119, 144, 192, 203, 209, 214, 253, 300, 472, 473, 476, 480, 483, 486, 494, 503, 506
 Фонвизин М. М. 177
 Фонвизина (урожд. Апухтина, во 2-м браке Пушина) Н. Д. 13, 53, 88, 89, 99, 110, 119, 145, 191, 201, 204, 209, 214, 236, 237, 253, 266, 298, 299, 300, 326, 327, 332, 333, 347, 401, 405, 406, 472, 476, 478, 499, 503, 523, 535—537, 544
 Фонвизины, семья декабриста 34, 500, 503, 508
 Францев Д. И. 201, 503
 Фридерикс А. П., см. Алопеус А. П.
 Фролов А. Ф. 346, 549
 Фролова (урожд. Макарова) Е. Н. 549
 Фурнерон Б. 11, 479

Хамба Лама Баидита 235
 Ханеман С., см. Ганеман С.
 Хаптагаева Э. Г. 19
 Хитрово, лицо неуст. 228, 513
 Ходкевич А. (Олеся), см. Коссаковская А. (Олеся)
 Ходкевич А. Е. 551
 Ходкевич И. М. 550
 Хомяков А. С. 435, 436, 440, 441, 525, 570
 Хомяков Ф. С. 525
 Хомякова (урожд. Языкова) Е. М. 570
 Хомяковы, семья А. С. Хомякова 444, 570

Храповицкий М. Е. 155, 489
 Хрулев, генерал 292, 303, 538

Цветаев Г. А. 6
 Цезарь Ю. 172, 175, 494
 Цейдлер И. Б. 4, 6, 7, 27, 70, 74, 468
 Цихоцкий, студент Киевского ун-та 533
 Цыцурик, врач 330

Чаадаев М. Я. 538
 Чаадаев П. Я. 525, 538
 Чайковская А. И., см. Давыдова А. И.
 Чайковский П. И. 572
 Чаусов, казачий офицер 469
 Чебаевский Ф. 574
 Чевкин К. В. 315, 541
 Черепанов С. И. 469
 Черкасская, владелица имения Покровское-Сетуха 564
 Черкасский В. А. 370, 555
 Чернов С. Н. 4, 8, 471
 Чернышев З. Г. 504
 Чернышев-Кругликов И. Г. 496, 497
 Чернышева А. Г., см. Муравьева А. Г.
 Чернышева Е. Г., см. Черткова Е. Г.
 Чернышева-Кругликова С. Г. 496, 497
 Чернышевский Н. Г. 527
 Чертков А. Д. 504, 543
 Чертков Г. А. 504
 Черткова Е. А. 504
 Черткова (урожд. Чернышева) Е. Г. 504
 Черткова С. А. 504
 Чертковы, семья 206, 504
 Четвериков П. Ф. 455, 574
 Чижов Ф. В. 274, 280, 317, 340, 389, 407, 439, 448, 526, 532, 570
 Чихачев Н. М. 36, 228, 295, 513, 548
 Чичерин Б. Н. 38
 Чичерина В. П., см. Борх В. П.
 Чумак С. Г. 10

Шамиль 392, 393, 560

Шапошников, лицо неуст. 396,
397, 561
Шатилов, помещик Херсонской
губ. 380, 556
Шаховская А. М. 565
Шаховская В. М. 565
Шаховская В. П., см. Бутера
В. П.
Шаховская К. М. 565
Шаховская М. М., см. Голы-
нская М. М.
Шаховская (урожд. Трубец-
кая) Н. А. 341, 547
Шаховская (урожд. Свято-
пул-Четвертинская) Н. В.
340, 547
Шаховская (урожд. Щербато-
ва) Н. Д. 302, 538
Шаховской Ф. П. 538
Шаховской Н. И. 321, 542,
547
Шаховской, лицо неуст. 492
Швейковский И. С., см. Пова-
ло-Швейковский И. С.
Шенк, губернатор 447
Шереметев В. А. 532
Шереметев С. С. 516
Шереметева А. В., см. Якуш-
кина А. В.
Шереметева (урожд. Тютчева)
Н. Н. 112, 119, 128, 177,
181, 186, 200, 476, 479,
483, 496 497,
Ширяев, ссыльный 247, 520
Шредер А. А. 465
Штакельберг О. К. 301, 538
Штейнгель В. И. 43, 214,
508, 545
Штейнгель Вяч. В. 508
Штиглиц А. Л. 312, 501, 540
Штубендорф Ю. И. 193, 213,
500

Шепин-Ростовский Д. А. 492
Щербатов И. Д. 538
Щербатов Ф. А. 548
Щербатова Ек. А., см. Свер-
беева Ек. А.
Щербатова Ел. А., см. Ва-
сильчикова Ел. А.
Щербатова Е. Д. 302, 538
Щербатова Н. Д., см. Шахов-
ская Н. Д.

Шетинин, купец 181
Шукин Н. С. 392, 427, 559,
568
Эйсман, аптекарь в Одессе
298, 299, 536
Эк, сестры 188, 408, 565
Эльброн М. 15, 22, 24, 28, 30,
205, 507, 514, 575
Эстергази, кн. 384
Эстергази, домовладелец в Неа-
поле 371

Юзефович М. В. 44
Юлия (Луиза), см. Голи-
цына Ю. (Л.) Т.
Юшневская (урожд. Круликов-
ская, в 1-м браке Анастасьева) М. К. 42, 95,
109, 114, 123, 171, 172,
200, 207, 246, 249, 264,
266, 269, 273, 277, 279,
289, 303, 305, 306, 308,
310, 315, 317, 321, 326,
334, 342, 358, 366, 390,
392, 394, 475, 481, 494,
495, 505, 519, 521, 527,
539
Юшневский А. П. 38, 181,
475, 496, 544, 547
Юшневский С. П. 326, 327,
544
Юшневские, семья 29, 107,
481

Я., лицо неуст. 430, 568
Языков, лицо неуст. 280
Языкова Е. М., см. Хомякова
Е. М.
Языковы, семья 570
Якоби Б. С. 18, 110, 136, 138,
478, 484, 492
Яковлев С. С. (?) 291, 535
Якубович А. И. 4, 72, 95,
107, 141, 468, 485
Якушкин В. Е. 38, 55
Якушкин В. И. 29, 236, 237,
243, 272, 295, 467, 510,
511, 514, 518, 521, 522,
528, 536
Якушкин Е. Е. 10, 13
Якушкин Е. И. 11, 43, 55,
236, 237, 243, 295, 302,

303, 329, 331, 380, 390,
 394, 426, 477, 510, 516,
 518, 520, 521, 528, 536,
 538, 540, 545, 557, 559,
 560, 568

Якушкин И. Д. 14, 18—20,
 22, 28, 34, 35, 37, 38, 43,
 49, 59, 68, 69, 89, 91, 96,
 101, 104, 110, 113, 114,
 118—121, 126, 128, 130,
 131, 135, 137, 142—144,
 147, 152, 156, 158, 161,
 164, 166—168, 172, 173,
 177, 180, 184, 186, 188,
 189, 200, 222, 224, 225,
 234, 236, 237, 242, 244,
 245, 247, 251, 253, 266,
 270—274, 280, 290, 292,
 295, 299, 303, 326, 393,
 466, 473—481, 483, 484,
 486, 489, 490—494, 496—
 499, 502, 503, 510, 511,
 513, 515, 516, 518—523,
 528—531, 534, 544, 560

Якушкина (урожд. Шеремете-
 ва) А. В. 486, 494

Якушкина А. Е. 528

Якушкина (урожд. Кнорринг)
 Е. Г. 391, 427, 559

Якушкины, семья И. Д. Якуш-
 кина 25, 55, 298

Янчуговская А. Ф., см. Сут-
 гоф А. Ф.

Ярошинская, жена предводи-
 теля киевского дворянства
 459

Ярошинский О. Ф. 462, 543

Ястржембский И. Л. 499

Ячменев Е. А. 61

Anetta, см. Персина А. А.

Antoine, см. Антуан Л.

Armfelde, лицо неуст. 266

Arno, жена президента Ворло-
 ния 287

Arnoldi, см. Арнольди

Betio, парижанка 338

Boncul, издатель 445

Breguet, см. Брегет

Campana, см. Кампанья И.

De Car, см. Декар

Gverner, лицо неуст. 130

Heilbronn M., см. Эльброн М.

Leopoldt, знакомый С. П. Тру-
 бецкого в Лейпциге 336

Pierre St., аббат 136

Richeir, см. Ришье

Schumann, домовладелица в
 Лейпциге 336

Vorlonia, президент (?) 287

СОДЕРЖАНИЕ

В. П. П а в л о в а. Декабрист Сергей Петрович Трубецко

Письма

Дневник 1857—1858 гг.

Комментарий

Список сокращений

Указатель писем по адресатам

Список иллюстраций

Указатель имен

9 (с) 15
Т 77

© Восточно-Сибирское
книжное издательство, 1987

- Т77** Трубецкой С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 2. Письма. Дневник 1857—1858 гг.— Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1987.— 608 с., ил.— (Серия «Полярная звезда»).

4 р.

Публикуемые в томе письма и дневник относятся в основном к сибирскому и послесибирскому периодам жизни декабриста и содержат сведения о его политических взглядах, отношении к Крымской войне, крестьянской реформе и самодержавию. Большая часть писем публикуется впервые.

Т 0505010000—28
М141(03)—87 72—87

9(с)15

С. П. ТРУБЕЦКОЙ. Материалы о жизни и революционной деятельности
Т. 2. Письма, дневник 1857—1858 гг.

Художник серии А. М. Муравьев
Художник А. Е. Шпирко

На обложке портрет С. П. Трубецкого, выполненный
художником Н. П. Нератовой
На фронтисписе портрет С. П. Трубецкого работы Н. А. Бестужева
1828—1830 гг.

Редактор А. В. Глюк
Художественный редактор Е. Г. Касьянов
Технический редактор А. В. Пономарева
Корректор В. М. Ермакова

ИБ № 1223

Сдано в набор 24.09.86. Подписано в печать 25.02.87. НЕ 00024. Формат бумаги 84X108^{1/8}. Типографская № 1. Гарнитура академическая. Высокая печать. Усл. кр.-отт. 32,66. Усл. печ. л. 32,02 (с вкл.). Уч.-изд. л. 36,95 (с вкл.). Тираж 50 000 экз. Заказ 1731. Изд. № 6083. Цена 4 р.

Восточно-Сибирское книжное издательство Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 664000, г. Иркутск, ул. Марата, 31.
Типография издательства «Восточно-Сибирская правда». 664009, г. Иркутск, ул. Советская, 109.

4 p.

Иркутск 1987